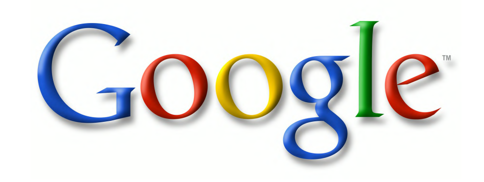
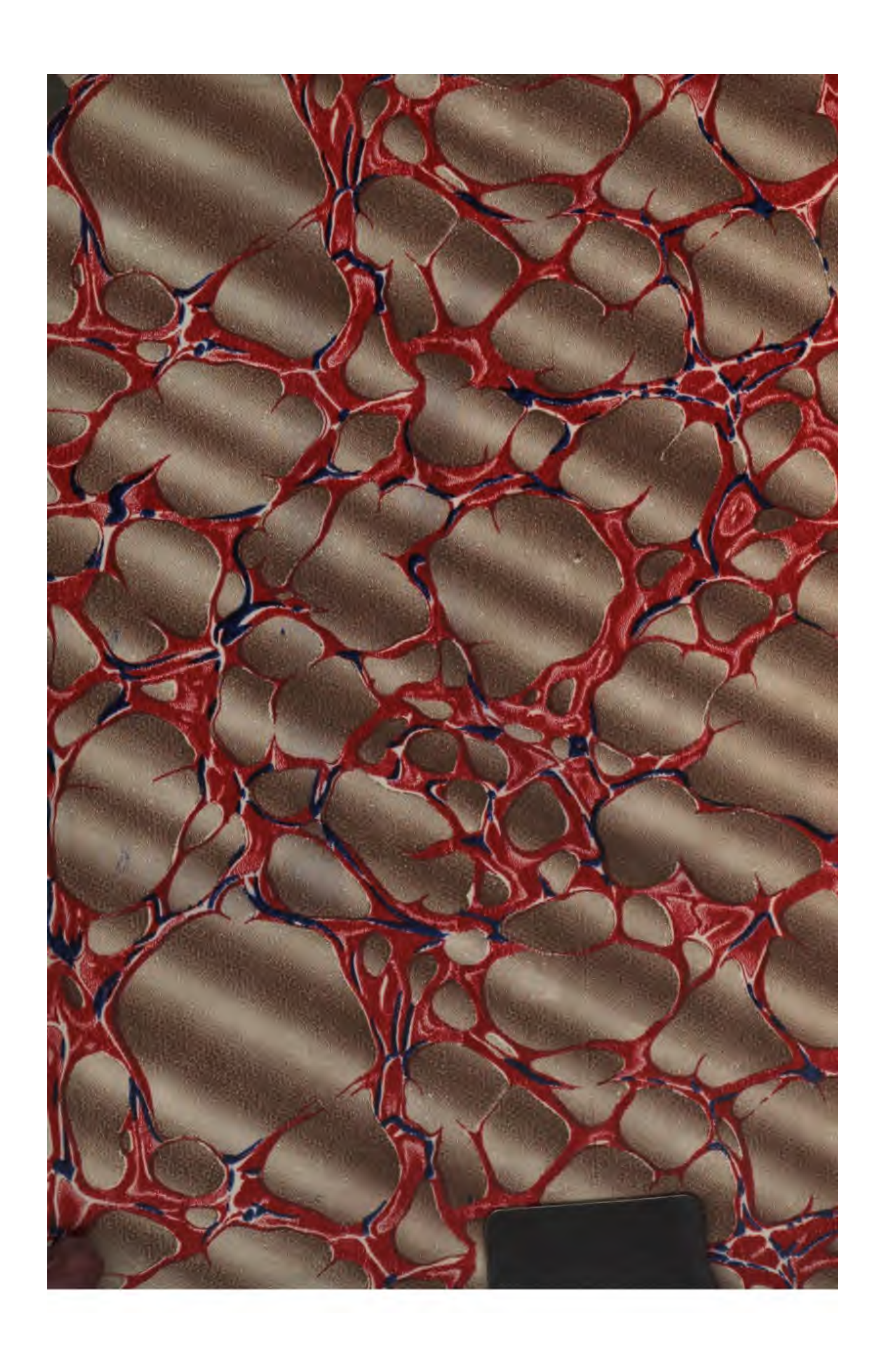

SHKLOVSKII, I.V.

Діонео.

Англійскіе Силуэты.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
[Т]ипографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1905.

Характеръ англичанъ.

I.

Бываютъ вопросы, которые, какъ дикіе гуси, появляются періодически. Наполнивъ воздухъ гомономъ и пронзительнымъ крикомъ, они исчезаютъ затѣмъ, какъ будто ихъ и не бывало. Къ такой категоріи относится, между прочимъ, вопросъ о національн[redacted]о разъ считался окончательно рѣшеннымъ. [redacted]ѣдующее. Прогрессъ науки и безконечныя [redacted]разумомъ въ XIX в.,—все больше и больше растягиваютъ понятіе «національность», казавшееся прежде столь простымъ и яснымъ, между тѣмъ, каждый разъ «дикіе гуси» прилетаютъ съ старымъ клекотомъ, который раздавался чуть ли еще не въ каменномъ періодѣ. Въ самомъ дѣлѣ. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что *національность* не есть что-нибудь кристаллизованное, *постоянное*, неизмѣнное, существовавшее отъ вѣка и нераздѣльно спаянное съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ народомъ. Представленіе это—продуктъ старой исторіи, оперировавшей надъ небольшимъ количествомъ данныхъ, не подвергнутыхъ, кромѣ того, тщательной критикѣ. Вспомнимъ фундаментъ стараго взгляда на національность: единство «крови», языка, вѣры, обычаевъ. Антропологія доказала,—говоритъ П. Н. Милюковъ,—что чистыхъ племенъ не существуетъ. Во всякомъ случаѣ, обломки ихъ нужно искать гдѣ-нибудь въ глухихъ горныхъ ущельяхъ, оторванныхъ отъ всего міра. Въ первобытное населеніе Европы, отличавшееся длиннымъ черепомъ, въ незапамятныя времена клиномъ врѣзалась другая раса, отличавшаяся круглымъ черепомъ. Въ иныхъ частяхъ Европы долихоцефалы и брахицефалы входятъ въ составъ одной и той же національности. Болѣе или менѣе чистыми долихоцефалами являются такіе отличающіеся другъ отъ друга народы, какъ испанцы и лапландцы Десятки племенъ, смѣшавшись вмѣстѣ, образовали населеніе Россіи, при чемъ на сѣверѣ и на югѣ племенная смѣсь не одинакова.

На единствѣ крови не могутъ настаивать даже евреи, въ осо-

бенности же жители южной Россіи. По всей вѣроятности, многіе изъ нихъ потомки славянскихъ племенъ, обращенныхъ въ іудаизмъ въ тотъ вѣкъ, когда единственный разъ въ исторіи евреевъ—ихъ охватилъ жаръ прозелитизма. Впрочемъ, по всей вѣроятности, евреи не были чистымъ племенемъ въ антропологическомъ смыслѣ даже во времена пребыванія въ Египтѣ. Наука не признаетъ «чистой крови» еврейскаго народа, доводъ, на который одинаково ссылаются и антисемиты, и сіонисты. Не можетъ служить основой національности и языкъ. При нормальныхъ условіяхъ, когда нѣтъ преслѣдованія, высшая культура поглощаетъ незамѣтно низшую и шлифуетъ различныя племена, живущія при общихъ условіяхъ, въ одно *соціологическое* цѣлое. Тогда племя, обладающее менѣе гибкимъ и совершеннымъ языкомъ, принимаетъ болѣе развитой языкъ сосѣдей, вноситъ въ него свою долю новыхъ словъ и формъ. Иногда два (и даже три) языка, одинаково совершенные, уживаются рядомъ, какъ, напримѣръ, въ Швейцаріи. Стремленіе болѣе сильнаго племени навязать болѣе слабому свой язык[illegible]о. Послѣдствіемъ ея является стремленіе во[illegible] иногда умирающій народный языкъ. Въ по[illegible] и въ дѣлѣ вѣры, языкъ играетъ соціальную роль. Это обстоятельство блестяще выясняетъ П. Н. Милюковъ. «Въ національномъ самосознаніи, — говоритъ онъ, — религія является часто столь же существенной и представляется столь же коренной и исконной чертой національности, какъ и языкъ. Въ данномъ случаѣ, однако опять голосъ самосознанія можетъ ввести изслѣдователя въ заблужденіе. Лица, жившія нѣкоторое время на Балканскомъ полуостровѣ могутъ засвидѣтельствовать, напримѣръ, какое огромное значеніе имѣетъ религія въ христіанскихъ областяхъ, остающихся подъ турецкой властью, и какъ равнодушно относится къ той же религіи населеніе областей, только что добившихся національной независимости. Явленіе это, повторявшееся не разъ и въ прошломъ, можетъ свидѣтельствовать объ одномъ: религія въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, цѣнилась не по внутреннему своему значенію, а какъ символъ соціальной обособленности исповѣдующаго ее населенія. Соціальная роль религіи въ этихъ случаяхъ можетъ быть огромна, и въ то же время вѣроисповѣдное ея значеніе сводится къ нулю» *).

Еще меньше можно говорить, какъ о чемъ-то фиксированномъ и вѣчномъ,—*объ обычаѣ,* какъ основѣ національности.

Итакъ, анализъ понятія «національность» заставляетъ насъ отнести его къ категоріи явленій соціологическихъ. Національн

---

*) Очерки по исто[illegible] культуры, ч. III, вып. 1, стр. 8.

сти, какъ чего-то предопредѣленнаго, существовавшаго отъ вѣка—*нѣтъ*. Между тѣмъ, такую именно національность понимаютъ налетающіе порой «дикіе гуси» и во имя того, что не существуетъ, проповѣдуютъ самое грубое насиліе и попраніе элементарныхъ человѣческихъ правъ. «Національность»—понятіе до крайности растяжимое. Между тѣмъ, мы имѣемъ въ литературѣ безчисленныя попытки охарактеризовать свою собственную или чужія національности. Въ данномъ случаѣ насъ интересуютъ только попытки второго рода. Говоря вообще, эту литературу можно было бы раздѣлить на три группы. Во-первыхъ, характеристика чужой національности дѣлалась для того, чтобы дать уроки своему собственному народу. Въ подобныхъ случаяхъ авторъ заботится, конечно, меньше всего объ абсолютной правдѣ. Онъ рисуетъ чужую національность не таковой, какъ она есть, а въ такомъ видѣ, чтобы дидактическій урокъ былъ нагляднѣе. Для этой цѣли авторъ не затруднится надѣлить изображаемую національность добродѣтелями, которыхъ она въ сущности не имѣетъ. Пріемъ этотъ очень старый. Объ этомъ свидѣтельствуетъ описаніе германцевъ у Тацита. Такъ какъ я пишу объ Англіи, то укажу на Монтескье и энциклопедистовъ. Въ «Lettres Persanes» Узбекъ описываетъ своему пріятелю рабское повиновеніе европейскихъ народовъ и, какъ антитезу, изображаетъ свободу англичанъ. «Не всѣ европейскіе народы одинаково подчиняются своимъ властелинамъ,—пишетъ Узбекъ.—Нетерпѣливый духъ англичанъ дѣлаетъ невозможнымъ для короля проявить вполнѣ свой авторитетъ. Меньше всего они считаютъ добродѣтелями смиреніе и подчиненіе. По этому поводу они говорятъ необыкновенныя вещи. Такъ, напримѣръ, по словамъ англичанъ, есть только одно чувство, которое можетъ привязать—благодарность. Супругъ, жена, отецъ, сынъ привязаны другъ къ другу только любовью или благодарностью за оказанное вниманіе. Этотъ же мотивъ,—утверждаютъ англичане,—является первой причиной возникновенія всѣхъ государствъ и обществъ. Но если государь, вмѣсто того, чтобы сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми и свободными, угнетаетъ ихъ и преслѣдуетъ,—основа повиновенія исчезаетъ. Ничто больше не привязываетъ гражданъ къ ихъ властелину *)». Въ «L'Esprit des Lois» Монтескье, анализируя англійскую конституцію, находитъ, что англичане «самый свободный народъ, который когда-либо существовалъ на землѣ; ихъ правительственная система должна служить образцомъ для народовъ, желающихъ быть свободными» **).

---

*) Oeuvres complètes de Montesquieu, v. IV, p. 502—503 (изданіе 1827 г.).
**) Ib., v. I, p. 323.

Великій авторъ «Духа законовъ» былъ слишкомъ тонкій наблюдатель и слишкомъ хорошо зналъ Англію, чтобы не замѣтить отчаянной борьбы между умирающимъ феодализмомъ и нарождающимися (какъ политическая сила) средними классами, которая происходила въ царствованіе Генриха II. Монтескье отправился въ Англію въ 1729 г. Въ 1726 г. появилось геніальное произведеніе, извѣстное каждому грамотному человѣку. въ которомъ нарисована картина, не имѣющая ничего общаго съ тою, которую даетъ Монтескье. Я говорю, конечно, о картинѣ англійскаго государственнаго строя, набросанной огненной кистью Свифта. Припомните портреты первыхъ министровъ, судей, припомните академію «для раскрыванія заговоровъ». Все это, конечно, преувеличенія; но не слишкомъ большія (Читатели должны вспомнить такую извѣстную книжку, какъ «Четыре Георга», Теккерея). Монтескье былъ геніальный писатель; о тонкой наблюдательности его свидѣтельствуютъ хоть тѣ же «Персидскія Письма». Неужели онъ не замѣтилъ ничего того, что бичевалъ Свифтъ? Конечно, этого нельзя сказать. Все дѣло объясняется тѣмъ, что Монтескье было рѣшительно все равно, что изображаетъ собою Англія: ему нужно было писать *для Франціи*. Нужно было коснуться *французскихъ* явленій. И, вотъ, для этого рисовалась особая Англія, въ дѣйствительности не существовавшая. Этотъ пріемъ практиковался часто. У Гольбаха, напримѣръ, въ «Соціальной Системѣ» есть цѣлый рядъ ссылокъ на наблюденія фантастическихъ путешественниковъ надъ фантастическими странами. Лично Монтескье отлично зналъ и Свифта, и дѣйствительную Англію. Въ пятомъ томѣ полнаго собранія сочиненій Монтескье, напримѣръ, помѣщенъ дневникъ, который авторъ велъ въ Англіи, не предназначавшійся для печати и увидавшій свѣтъ много лѣтъ послѣ смерти великаго писателя. Картина Англіи тутъ дается совсѣмъ иная, чѣмъ въ «Духѣ законовъ» *).

То же самое можно сказать о великомъ современникѣ Монтескье, который тоже долго жилъ въ Англіи. Въ «Lettres sur les Anglais» Вольтеръ пишетъ: «Англія страна сектъ. Multae sunt mansiones in domo patris mei. Англичанинъ, какъ свободный человѣкъ, предпочитаетъ идти на небо той дорогой, которую самъ

---

*) «Il me semble qu'il se fait bien des actions extraordinaires en Angleterre; mais elles se font toutes pour avoir de l'argent. Il n'y en a pas seulement d'honneur et de vertu ici» (Oeuvres de Montesquieu», v. V. p. 288). Монтескье встрѣчался съ Джономъ Ло, и въ своихъ замѣткахъ онъ объясняетъ, почему колоссальное мошенничество могло случиться. Монтескье, при этомъ, не сильно расходится съ Свифтомъ.

считаетъ наиболѣе удобной для себя» *). Въ извѣстномъ разсказѣ «Histoire de Jenni» широко толерантный англичанинъ Френдъ выводится, какъ противоположность ограниченному и фанатичному саламанкскому баккалавру дону Инихо и Медрозо и Комодіосъ и Папаламіендо. Вольтеръ, конечно, зналъ, что въ это самое время происходила охота на католическихъ священниковъ въ Ирландіи; что тамъ правительство выдавало денежную награду предателямъ, которые укажутъ на контрабандныхъ священниковъ, не внесенныхъ въ реестръ. Въ своей частной перепискѣ Вольтеръ, какъ Монтескье въ дневникѣ, говоритъ нѣчто другое объ Англіи **). Энциклопедисты, преслѣдуя опредѣленныя цѣли, дали своеобразное представленіе объ англійской конституціи XVIII в., которое заставляетъ иногда изумляться англійскихъ изслѣдователей. Пріемъ, который можно формулировать поговоркой: «кошку бьютъ, невѣсткѣ намеки даютъ» - въ концѣ концовъ, единственный, когда «невѣстку» тронуть нельзя. Такъ поступали много разъ долго послѣ того, какъ и кости энциклопедистовъ истлѣли. Итакъ, мы видимъ первый типъ попытокъ дать характеристику цѣлой національности.

II.

Второй типъ характеристики чужихъ національностей навѣянъ дикой злобой и ненавистничествомъ. Онъ представляетъ логическое послѣдствіе того взгляда на свою національность, подъ вліяніемъ котораго сложились вопли: «Россія для русскихъ»! «Румынія для румыновъ»! и т. д. При чемъ въ виду имѣется не соціологическое и опредѣленное понятіе, а расовое, т. е. нѣчто призрачное. Результатомъ узко-національнаго взгляда является ненависть ко всѣмъ «не своимъ». Подобную литературу, навѣянную злобой и непониманіемъ, можно найти всюду, какъ въ высококультурныхъ, такъ и въ мало-культурныхъ странахъ. Всюду она носитъ яркія родовыя черты. Но есть всетаки и громадная разница между эффектами, производимыми «дикой» литературой въ высоко-культурныхъ и мало-культурныхъ странахъ. Въ первыхъ вліяніе нейтрализуется широкой гласностью и дѣйствительнымъ равенствомъ всѣхъ гражданъ предъ закономъ. Во вторыхъ странахъ

*) «Oeuvres complètes de Voltaire», компактное изданіе 1827 г., v. II, p. 232.

**) «J'aime autant les livres de la nation anglaise, que j'aime peu leurs personnes. Ces gens-là n'ont, pour la plupart, du mérite que pour eux-mêmes» (Письмо къ маркизѣ Дюдефанъ въ 1760 г. «Oeuvres de Voltaire», компактное изд., v. III, p. 1397).

проповѣдники ненависти очень часто берутся, какъ «настоящіе» патріоты, подъ особое покровительство, въ ущербъ ихъ оппонентамъ, находящимся въ опалѣ. Въ глазахъ мало-культурныхъ людей это обстоятельство придаетъ взглядамъ проповѣдниковъ ненависти особый вѣсъ и нарочитое значеніе. Я уклонился бы далеко въ сторону, если бы сталъ развивать эту мысль... Во Франціи «первобытный» взглядъ на національность породилъ цѣлую дикую литературу ненависти. Объектомъ ея являются теперь не столько нѣмцы, какъ англичане. Тяжелое и болѣзненное впечатлѣніе производятъ эти произведенія! *) Я ограничусь для иллюстраціи только однимъ примѣромъ,—книгой Луи Мартэна «L'Anglais est-il un juif». «Англичане, евреи, гугеноты и франкмасоны подвигаются впередъ гигантскими шагами,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—когда имъ позволяютъ или когда они дѣйствуютъ въ благопріятной средѣ, которую могутъ обольстить или развратить. Такая среда—подобна бульону, въ которомъ культивируютъ бациллъ. Но за то они отступаютъ такими же быстрыми шагами назадъ, когда имъ прямо глядятъ въ лицо... Эти духи тьмы страшатся свѣта и отступаютъ предъ нимъ, какъ на сценѣ Мефистофель при видѣ креста». Авторъ дѣлаетъ открытіе, что англичане, шотландцы и ирландцы, въ сущности, евреи. «Лордъ Абердинъ, канадскій губернаторъ, несомнѣнно еврей. Это видно по его смуглому лицу, по вьющимся волосамъ и по жидкой мускулатурѣ. Предъ нами тотъ же типъ *youpins*, что можно наблюдать у насъ на бульварахъ. Типъ этотъ очень распространенъ въ Шотландіи... Лэди Абердинъ тоже, судя по лицу, несомнѣнно еврейскаго происхожденія; въ особенности, характерна ея спина... Звучныя имена этихъ лицъ не должны обманывать никого. «Youpins» умѣютъ маскироваться. Кошутъ, напр., былъ еврей,—фантазируетъ дальше Мартэнъ.—Его настоящее имя—Левинъ Когутъ; изъ него онъ сдѣлалъ Луи Кошутъ. Съ 1830 г. онъ началъ свою революціонную работу по сигналу *Alliance Israélite*, который попытался въ то время зажечь факелъ революціи всюду въ Европѣ. Въ Англіи для этого *Alliance Israélite* выбралъ Дизраэли, во Франціи—Кремье, въ Италіи—Маццини, тоже еврей, въ Венгріи—Кошута, въ Германіи—Маркса. Всѣ дѣятели революціи—семитическаго происхожденія. Робеспьеръ—альзаскій еврей, его настоящее имя—Рюбэнъ (Ruben). Онъ основалъ *Alliance Israélite*. Дантонъ польскій еврей, звали его Даніэль. Маратъ—

*) Таковы: «Notes sur Londres» и «Passé le Détroit» Брада, затѣмъ, «La Pudique Albion», «Les Nuits de Londres», «Les va-nu-pieds de Londres», Гектора Франса и др. Многія изъ этихъ книгъ, конечно, результатъ грубой спекуляціи; но, несомнѣнно, имѣются и исключенія.

тоже еврей. Его настоящее имя Мозесонъ. Основатели англійской народности, саксонцы, несомнѣнно евреи. Это видно даже по названію: saxons=Isaac's sons, т. е. дѣти Исаака» *).

Можно было бы допустить, что эти «историческія» открытія—результатъ научной дѣятельности душевно-больного, но нѣтъ. Мартэнъ—авторъ нѣсколькихъ книгъ, которыя всѣ находятъ издателей, читателей и даже переводчиковъ. Авторъ сдѣлалъ такъ много открытій, что неудивительно, если онъ нашелъ также способъ покончить совсѣмъ съ англичанами. Нужно, чтобы континентальные народы прочно утвердились въ Англіи и вытѣснили бы оттуда мало по малу англичанъ. Такъ поступили когда-то англичане въ Акадіи (Канадѣ) съ французами, которые не имѣли для защиты ничего, кромѣ плуговъ. Нужно, чтобы континентальные народы, поселившись въ Англіи, не вступали въ бракъ съ туземными женщинами. Смѣшанная раса имѣла бы всѣ недостатки англичанъ, какъ это мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ такомъ случаѣ, завоеватели имѣли бы впослѣдствіи много хлопотъ. Континентальные народы, захвативъ Англію и утвердившись здѣсь, вытѣснятъ мало по малу англичанъ въ Австралію. Сюда нужно будетъ выслать еще всѣхъ евреевъ. Здѣсь они вмѣстѣ могутъ настроить, сколько имъ угодно, храмовъ Соломона. Завоеватели, съ своей стороны, будутъ держать на этомъ континентѣ каторжниковъ сильные гарнизоны, избѣгая смѣшанныхъ браковъ. Оккупирующая армія мало по малу будетъ подвигаться впередъ, отодвигая при этомъ все дальше и дальше англичанъ. И если ихъ, въ концѣ концовъ, утопятъ въ морѣ,—плакать никто не будетъ» **).

Послѣ чтенія книги, вѣроятно, подобнаго рода у Искандера вырвался вопль («Alpendrucken»): «Меня на дняхъ душилъ домовой, не во снѣ, а на яву, не въ постели, а въ книгѣ. И когда я вырвался изъ нея на свѣтъ, я чуть не вскрикнулъ: «Да здравствуетъ разумъ»! нашъ простой, земной разумъ!.. Дальше идти нельзя! Дальше каталептическое состояніе, опьянѣніе Пиѳіи, шамана, дурь вертящагося дервиша»!

Въ культурныхъ странахъ дальше идти, дѣйствительно, некуда. Но, увы! въ странахъ съ невысокой культурой возможно идти и дальше: возможна попытка перейти отъ словъ къ дѣйствію. Во Франціи репутація такихъ авторовъ, какъ Мартэнъ, и такихъ книгъ, какъ «Plus d'Angleterre», совершенно опредѣленная. Его не берутъ подъ спеціальное покровительство... Конечно, Луи Мартэнъ не помышляетъ о монополіи, т. е. чтобы ему только одному дозволили говорить, а Иву Гюйо, напр., приказали бы молчать... Я

*) Louis Martin, p. p. 135—138.
**) Louis Martin, p. 388.

не говорю, что такія книги, какъ произведенія Мартэна, не могутъ причинять вредъ; но при широкой свободѣ печати, какъ во Франціи, этотъ вредъ нейтрализованъ.

Перехожу теперь къ третьей группѣ попытокъ дать характеристику цѣлой націи. Онѣ дѣлаются наблюдателями, желающими *только* изучить объектъ изслѣдованія. Они не желаютъ ни «громить», ни описывать, поученія ради, не существующее. Изслѣдователи этого рода поступаютъ, — «какъ естествоиспытатели». Въ толпѣ они «замѣчаютъ всякую фигуру и запоминаютъ каждое выразительное лицо. Затѣмъ слѣдятъ за всѣми оттѣнками замѣченнаго характера и подмѣчаютъ всѣ разновидности его. Мало по малу наблюдатель подмѣчаетъ во многихъ индивидуумахъ характерныя черты, сравниваетъ ихъ, провѣряетъ и группируетъ. Точно такимъ образомъ инстинктивно поступаютъ художники и романисты, когда при помощи нѣсколькихъ типовъ пытаются возсоздать предъ нами время и среду, въ которой жили. Такимъ же образомъ сознательно поступаютъ ботаники и зоологи, когда выбираютъ нѣсколько растеній или особей животныхъ и демонстрируютъ ими цѣлый классъ» *). Естественно-историческій методъ, конечно, очень хорошъ; но такъ какъ приходится описывать цѣлую національность, т. е. понятіе крайне растяжимое, то онъ допускаетъ много условностей. Цитируемый авторъ, напр., желаетъ дать объясненіе характера наблюдаемаго имъ народа. Какъ поклонникъ естественно-историческаго метода, Тэнъ прежде всего старается охарактеризовать среду. «Густой, желтоватый туманъ наполняетъ воздухъ и ползетъ по землѣ. Въ тридцати шагахъ домъ или пароходъ кажутся неопредѣленнымъ пятномъ. Побродивъ часъ въ этомъ туманѣ, человѣкъ начинаетъ чувствовать сплинъ и помышляетъ о самоубійствѣ... Громадная ширь, простирающаяся на югѣ между землею и небомъ,—здѣсь отсутствуетъ. Воздуха нѣтъ; ничего, кромѣ волнующагося тумана. Въ этой мглѣ предметы кажутся призраками безъ опредѣленныхъ очертаній. Все напоминаетъ рисунокъ углемъ, по которому кто-то махнулъ рукавомъ... Подъ вліяніемъ такой среды создается особая жизнь. Идеалъ ея мѣняется сообразно съ климатомъ. Душа человѣка замыкается; она пытается создать внутри особый міръ. При такомъ климатѣ нужно имѣть хорошо обставленный комфортабельный *home*, клубъ, ассоціаціи, много дѣлъ; необходимо также, чтобы умъ былъ занятъ вопросами религіознаго и нравственнаго порядка. Въ особенности нужно огородиться отъ враждебной и печальной природы. Нужно заполнить чѣмъ-нибудь ту

*) *H. Taine*, «Notes sur l'Angleterre», p. 51 (изданіе 1899 г.).

громадную пустоту, въ которой роятся меланхолія и тоска. При такой обстановкѣ требуется, чтобы человѣкъ усиленно работалъ всю недѣлю» *). Картина набросана сильной рукой; но объясненіе требуетъ много условностей, напр., должно допустить, что «среда» одинакова круглый годъ. Я припоминаю впечатлительнаго нервнаго земляка, которому показывалъ Лондонъ. Землякъ пріѣхалъ лѣтомъ, на три дня. Выдались погожіе дни. Чистое, хотя и блѣдное небо, яркая земель, масса цвѣтовъ въ паркахъ, праздничныя лица гуляющихъ (дѣло было въ Bank-holiday),—все это произвело сильное впечатлѣніе на пріѣзжаго. «И какой только вздоръ не пишутъ про климатъ Англіи»!—восклицалъ онъ.

Какъ всѣхъ русскихъ, моего земляка тянуло непремѣнно въ Уайтчепель. Я его повезъ туда. Въ погожій день улицы этого квартала казались почти нарядными. «Боже мой!—какую нелѣпость только не говорятъ!»—не переставалъ повторять землякъ.

Онъ уѣхалъ очарованный Лондономъ, улицами его, воздухомъ, населеніемъ, прессой, которую, я думаю, онъ цѣнилъ по величинѣ, такъ какъ англійскаго языка не зналъ. Въ концѣ марта 1903 года мнѣ пришлось показывать Лондонъ другимъ землякамъ, тоже очень [illegible]ымъ и впечатлительнымъ, тоже не знавшимъ языка и тоже [illegible]мъ въ Англію на нѣсколько дней. Гнилая лондонская [illegible]лась туго. Весь день моросилъ мелкій дождикъ, хотя [illegible] уже прошли. Подъ дождемъ черные дома и голыя деревья [illegible] непривлекательный видъ.—Какъ вы живете здѣсь!—вос[illegible]на изъ туристокъ.—Какъ *они* (т. е. англичане) еще не [illegible] въ такомъ климатѣ!—И такъ какъ «они» вѣшаться не [illegible], то земляки преисполнились безконечной ненависти къ англичанамъ. Туристовъ выводили изъ себя лица прохожихъ, ихъ платье, манера держать зонтики. Земляки, конечно, попросили повести ихъ въ Уайтчепель; но въ дождь мрачные дома поразили своимъ печальнымъ видомъ даже меня, видѣвшаго все это много разъ. Туристы бѣжали изъ Лондона раньше срока, который себѣ назначили. Они уѣхали, проклиная, въ буквальномъ смыслѣ, рѣшительно все. Интересно будетъ, если лѣтній посѣтитель Лондона встрѣтится съ туристами, побывавшими здѣсь зимою. Какой обмѣнъ впечатлѣній у нихъ будетъ! Все это разсказано для того, чтобы читатель видѣлъ, что одну и ту же «среду» можно наблюдать съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Книга Тэна появилась много лѣтъ тому назадъ; но она до сихъ поръ остается одною изъ лучшихъ попытокъ подобнаго рода. Французы — остроумные и тонкіе наблюдатели, поэтому въ

---

*) Notes sur l'Angleterre., p. p. 11—12.

III.

Лѣтъ пять тому назадъ мнѣ привелось быть на одной лекціи. Читали слушателямъ «Рабочаго Университета», что на Ормонд-стритѣ, о Раблэ. По англійскому обычаю, лектора представилъ публикѣ предсѣдатель. Я вошелъ, когда говорилъ онъ, а публика, состоящая изъ молодыхъ работниковъ и клэрковъ, хохотала и апплодировала.

— Джентльмэны!—говорилъ предсѣдатель, съ сильнымъ французскимъ акцентомъ, храбро беря приступомъ всѣ неправильные глаголы,—вы услышите, между прочимъ, про лекцію мэтра Жонатуса де Брагмардо и про приключенія Гаргантюа въ различныхъ странахъ. Я позволю себѣ немного распространиться о нихъ, потому что у меня самого есть маленькій опытъ, и я знаю поэтому, что значитъ выступать предъ публикой, въ особенности предъ нетерпѣливой. Я прочиталъ двѣ тысячи лекцій въ залахъ всякаго рода, начиная съ театровъ и кончая домами умалишенныхъ. Мэтръ де Брагмардо имѣлъ большія непріятности; выпадали они и на мою долю. Въ Шотландіи, напр., лакей-патріотъ отказался служить мнѣ за обѣдомъ. «Уважающій себя шотландецъ,— сказалъ онъ съ негодованіемъ хозяину,—не можетъ поступить иначе: этотъ джентльмэнъ, которому я не подалъ обѣда, увѣрялъ людей въ своей книгѣ, что мы, шотландцы, придумали «килтъ» (юбку, составляющую часть національнаго костюма), потому что наши толстыя ноги не влѣзаютъ ни въ какія панталоны». Какъ видите, тутъ тоже идетъ рѣчь объ «une bonne paire de chausses», о доброй парѣ штановъ, за которые распинается мэтръ де Брагмардо.

Въ залѣ раздался хохотъ. А предсѣдатель продолжалъ сыпать анекдотами, повидимому, забывъ совершенно про лектора. Круглое, подвижное, добродушное лицо его, съ крутымъ тонкимъ носомъ и смачными, толстыми губами (при взглядѣ на эти пухлыя губы приходила на мысль аттестація, выданная отцу Гаргантюа—добродушному Грангузье: «un bon raillard..., aimant à boire net et mangeoit volontiers») было мнѣ совершенно незнакомо. Онъ говорилъ, то поглаживая себя рукой по кругленькому животику, то ковыряя въ воздухѣ культяпкой другой, искалѣченной руки.

— Кто это?—спросилъ я сосѣда.

— Максъ О'Релль,—шепнулъ онъ.

Это, дѣйствительно, былъ остроумный, блестящій и поверхностный авторъ книгъ «Les chers voisins», «John Bull et son île»,

«Les Filles de John Bull», переведенныхъ почти на всѣ языки и вызвавшихъ при своемъ появленіи цѣлый циклонъ негодованія въ Англіи. У него было и другое имя. Когда онъ былъ еще не журналистомъ, а молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ, его звали Полемъ Блюэ. Максъ О'Релль—литературный псевдонимъ, взятый въ первый разъ, если не ошибаюсь, въ 1883 г. Тогда Поль Блюэ попыталъ уже не одну профессію. Онъ былъ офицеромъ, участвовалъ въ великой войнѣ, попался, тяжело раненый, въ плѣнъ при Седанѣ (тамъ онъ потерялъ руку) и нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ въ Пруссіи. Затѣмъ въ 1872 г. ему предложили на выборъ: или быть полковникомъ въ арміи египетскаго хедива, или поѣхать корреспондентомъ отъ французской газеты въ Лондонъ. Блюэ выбралъ второе. Газетная работа была ему не по нраву, — точнѣе, онъ пришелся ей не ко двору. Редакторъ требовалъ «политики», но послѣдняя совершенно не интересовала корреспондента. И Поль Блюэ оставилъ тернистый путь газетнаго корреспондента и сталъ преподавателемъ французскаго языка въ извѣстной лондонской школѣ св. Павла. Учителемъ онъ пробылъ около двѣнадцати лѣтъ, накопляя въ это время матеріалы для будущихъ работъ. И вотъ, въ 1883 г. появилась первая книга, подписанная псевдонимомъ, извѣстнымъ теперь всюду (Максъ О'Релль пять разъ читалъ лекціи въ Америкѣ и дважды съ импрессаріо объѣхалъ весь міръ, лектируя въ Канадѣ, Соединенныхъ Штатахъ, въ Индіи, Капской колоніи, Австраліи и Новой Зеландіи). То былъ «John Bull et son île». Книга имѣла поразительный успѣхъ. Въ нѣсколько недѣль авторъ сталъ знаменитостью и богатымъ человѣкомъ. Ниже я коснусь непонятнаго взрыва негодованія, вызваннаго въ Англіи появленіемъ книги Блюэ. «Джонъ Буль и его островъ» не имѣетъ ничего общаго съ тѣми дикими и глупыми англофобскими произведеніями, образчикомъ которыхъ является упомянутая уже книга Мартэна. «John Bull et son île» написанъ авторомъ поверхностнымъ и гоняющимся за краснымъ словомъ, но относящимся съ уваженіемъ къ англо-саксскому народу. Этимъ чувствомъ обязательно преисполняются всѣ добросовѣстные изслѣдователи. Книгу Маркса О'Релля обличали въ газетахъ, журналахъ и... съ церковной каѳедры. На нее писали ругательную критику. Другіе отвѣчали еще болѣе оригинальнымъ путемъ: они принимались ругать французовъ, ихъ нравы, ихъ женщинъ. До сихъ поръ «John Bull et son île» считается почти неприличной книгой въ Англіи. Если не ошибаюсь, не смотря на безчисленныя критическія статьи, до сихъ поръ нѣтъ ни одного полнаго перевода ея на англійскій языкъ. За первой книгой черезъ годъ послѣдовала другая—«Les chers voisins». Въ ней Максъ О'Релль пытается на-

бросать характеристику двухъ передовыхъ народовъ, раздѣленныхъ проливомъ. Какъ настоящій французъ, Максъ О'Релль посвятилъ цѣлую книгу англійскимъ дѣвицамъ («Les filles de John Bull»). Въ послѣднихъ произведеніяхъ авторъ повторяется. Онъ наскоро пишетъ книги о странахъ, которыя видѣлъ съ «птичьяго дуазо», выражаясь словами фельдшера Кузнецова у Глѣба Успенскаго. Такъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Америкѣ, онъ написалъ книгу: «Джонатанъ и его континентъ». Результатомъ наскока на колоніи явилась наскоро слѣпленная книга «Торговый домъ Джонъ Булль и К°». Всѣ эти произведенія быстро расхватывались, хотя, несомнѣнно, разочаровывали читателей. Съ теченіемъ времени англійская публика не только примирилась съ остроумнымъ авторомъ, но даже сильно полюбила его. Познакомимся теперь съ наблюденіями Макса О'Релля.

Авторъ предполагаетъ, что знаетъ Англію, и выставляетъ это на видъ Джону Буллю въ предисловіи къ своей первой книгѣ: «Mon cher John Bull! Ты часто упрекалъ иностранцевъ, а французовъ въ особенности, въ томъ, что они пишутъ про тебя книги, не зная тебя. Ты часто жаловался на это и совершенно правъ. Поживъ мѣсяцъ въ Англіи, люди возвращаются домой и пишутъ про нее книгу». Поль Блюэ,—по его словамъ,—имѣетъ право говорить объ Англіи. Это право пріобрѣтено имъ «нѣсколькими случаями простудъ и насморковъ, схваченныхъ во время тумановъ и восточнаго вѣтра», да «десятью годами, въ продолженіе которыхъ авторъ, какъ добрый гражданинъ, платилъ аккуратно налогъ для бѣдныхъ, приходскія повинности, королевскій налогъ, подоходный налогъ и всѣ прочія прелести, дѣлающія родину столь милой для сердца каждаго гражданина». Авторъ, дѣйствительно, лучше знаетъ Англію, чѣмъ десятки его соотечественниковъ, наблюдавшихъ ее «съ птичьяго дуазо». Максъ О'Релль—остроумный и наблюдательный авторъ; но кругъ его наблюденій не широкъ, а способность его связывать причины съ слѣдствіями крайне элементарна. Онъ похожъ на человѣка, который пришелъ въ гости. Наблюдатель подмѣтилъ, какая мебель въ комнатѣ, какъ она расположена, какого цвѣта и рисунка обои. Онъ сосчиталъ, сколько людей въ комнатѣ, какъ они одѣты; удивительно подмѣтилъ ихъ интонацію, манеру держать себя, пожалуй, добродушныя черточки въ лицѣ. Наблюдатель съ увѣренностью говоритъ, что люди, къ которымъ онъ пришелъ, ничѣмъ не хуже сосѣдей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше и выше. Онъ протестуетъ противъ многихъ утвержденій, высказанныхъ другими наблюдателями, въ комнату не входившими, но заглядывавшими туда только мелькомъ, сквозь окно, съ улицы. Нашъ наблюдатель знаетъ, напр., что въ комнатѣ иногда

шутятъ и смѣются, а не только гнусятъ въ носъ гимны. Но нашъ наблюдатель не имѣетъ никакого представленія о томъ, что дѣлается въ остальныхъ комнатахъ дома, напр., въ нижнемъ этажѣ и въ подвалѣ. Когда онъ принимается тѣмъ не менѣе, описывать обитателей нижняго этажа, то онъ фантазируетъ едва ли меньше тѣхъ, которые заглядывали въ домъ только съ улицы, мелькомъ, черезъ щелку. Заключенія нашего наблюдателя, конечно, поверхностны. Но такъ какъ онъ можетъ сказать большой публикѣ, настроенной враждебно, что въ домѣ живутъ люди не злые, хорошіе, настойчивые, умные, у которыхъ можно поучиться кое-чему,—то книгу, которую онъ напишетъ, нужно отнести къ категоріи полезныхъ, а не вредныхъ произведеній. Каждая книга, содѣйствующая большой публикѣ узнавать въ другихъ націяхъ себя, т. е. такихъ же людей, какъ и она,—способствуетъ разсѣянію того націоналистическаго тумана, котораго въ послѣднее время, къ сожалѣнію, напущено слишкомъ много всюду. Въ этомъ туманѣ люди другой націи рисуются въ видѣ какихъ-то уродливыхъ чудовищъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего человѣческаго. Нагляднымъ примѣромъ является упомянутая выше книга Мартэна— «L'Anglais est-il un juif»? Мои читатели, безъ сомнѣнія, найдутъ сами еще цѣлый рядъ другихъ примѣровъ. За ними во Францію идти отнюдь не приходится!..

Кругъ наблюденій Макса О'Релля, повторяю, не широкъ. Въ Англіи онъ знаетъ «только одну комнату»—средніе классы. Массы ему совершенно неизвѣстны. Максъ О'Релль не знаетъ, чѣмъ они живутъ, что ихъ волнуетъ, каковы ихъ радости и горести, хотя самъ онъ смѣло дѣлаетъ широкія обобщенія. Такова, напр., его характеристика англичанъ. «Хотите ли вы знать, что такое англичанинъ, все равно, будетъ ли то сынъ герцога и пэра, офицеръ, студентъ, гимназистъ, приказчикъ, мелочной лавочникъ, джентльмэнъ или бродяга? Я могу отвѣтить вамъ, — безстрашно говоритъ Максъ О'Рэлль. Это—смѣлый, крѣпкій здоровякъ, хорошо сложенный, съ стальными мышцами; упрямый, какъ мулъ. Онъ скорѣе допуститъ сломать себѣ руку или челюсть, чѣмъ выпуститъ мячъ, который крѣпко держитъ. Чтобы загнать этотъ мячъ въ непріятельскій городокъ, онъ рискнетъ жизнью и умретъ въ госпиталѣ отъ ранъ, безъ сомнѣнія, съ улыбкой на губахъ, узнавъ, что его сторона побѣдила. Увеличьте этого англичанина численно и вы получите вѣрное представленіе о воинственной, если не о военной силѣ Великобританіи. Англичанинъ ничего не дѣлаетъ на половину. Его любимое слово *thorough*, т. е. основательно. Чѣмъ больше англичанину приходится преодолѣвать препятствій, тѣмъ больше онъ чувствуетъ себя въ родной средѣ. Это—любопытная помѣсь

льва, мула и спрута. Онъ удачливѣе Милона Кротонскаго, такъ какъ всегда во время успѣетъ вытащить кулакъ изъ расщелины дуба... «Когда я работаю,—сказалъ когда-то Гладстонъ,—я дѣлаю это, что есть силы; когда я бѣгу, я стараюсь обогнать всѣхъ. Когда я прыгаю, я хочу сдѣлать это выше, чѣмъ кто-либо». Такъ поступаетъ каждый англичанинъ. Поведите англичанина, чтобы показать ему развалины какого-нибудь стараго замка. Англичанинъ не успокоится, покуда не осмотритъ всѣ закоулки. Онъ излазаетъ всюду, сотню разъ рискуя сломать себѣ шею. До тѣхъ поръ, покуда онъ не заглянетъ всюду, онъ считаетъ, что ничего не видѣлъ. А когда вы отвернетесь, онъ водрузитъ «юніонъ-джэкъ» (британскій флагъ) на вершинѣ самой высокой башни. Это—одна изъ его слабостей, которая иногда, нужно сознаться, нѣсколько стѣсняетъ васъ. Но чтобъ обезпечить за собой рынки, нужно всегда поступать такимъ образомъ» *).

Характеристика эта остроумна и, въ примѣненіи къ извѣстной части народа, въ значительной степени вѣрна. Но Максъ О'Релль стоитъ за *универсальность* своей формулы. Это, конечно, слишкомъ большое требованіе. Англійскій пролетаріатъ, ютящійся въ «великой пустынѣ каменныхъ домовъ» южнаго Лондона, и средніе классы во многихъ отношеніяхъ кажутся принадлежащими къ различнымъ племенамъ. Они отличаются другъ отъ друга физически, умственно и морально. Въ одну общую скобку нельзя заключить даже высшіе и низшіе слои среднихъ классовъ. Ограниченный, тупой клэркъ или обитатель пригородныхъ «виллъ» имѣютъ очень мало общаго съ типичнымъ представителемъ верховъ средняго класса, умнымъ, настойчивымъ, съ широкой иниціативой. Опредѣленіе Макса О'Релля, главнымъ образомъ, касается этой части средняго класса. Посмотримъ теперь, какими представляются англичане и англичанки нашему наблюдателю. Я упомянулъ выше, что его способность связывать явленія съ причинами совершенно примитивна. Вотъ маленькій образчикъ. «Французы дерутся ради славы, нѣмцы—ради источниковъ къ существованію, другія страны—чтобы отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ. Джонъ Булль, по преимуществу, человѣкъ благоразумный, здравомыслящій и нравственный. Онъ сражается, чтобы поддержать торговлю, порядокъ на землѣ и вообще ради человѣческаго блага. Если онъ завоевываетъ какую-нибудь страну, то для того, чтобы дать ей возможность заработать деньги и познать библію. Однимъ словомъ, чтобы обезпечить ея благосостояніе въ этомъ мірѣ и спасеніе въ будущемъ. «Отдай мнѣ твою территорію, а я тебѣ дамъ библію».—

*) «Les Chers Voisins», p. p. 36—38.

говорятъ англичане. Change is no robbery, — по англійской поговоркѣ (Обмѣнъ не составляетъ грабежа). Джонъ Булль до такой степени убѣжденъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и въ святости своей миссіи, что, когда онъ воюетъ, онъ недоволенъ, когда у него убиваютъ солдатъ. Въ газетныхъ отчетахъ о сраженіяхъ реляціи составляются такъ: «Битва тамъ-то... Столько-то непріятелей убито... Англичанъ вырѣзано столько-то». Джонъ Булль считаетъ простыми убійцами непріятелей, стрѣляющихъ въ англійскихъ солдатъ» *). Мы знаемъ, конечно, что за колоніи и за внѣшніе рынки вели и ведутъ войны не только англичане. Начиная отъ борьбы Рима съ Карѳагеномъ изъ-за Испаніи, міръ видѣлъ не одинъ десятокъ войнъ изъ-за колоній и промышленнаго господства, хотя очень часто эти войны прикрывались другими мотивами (напр., во время борьбы Сѣверныхъ Штатовъ съ испанцами). И, конечно также, не одна Англія разно смотритъ на убійство въ зависимости отъ того, сдѣлали ли это свои, или непріятельскіе солдаты. Но нашъ авторъ констатируетъ факты, которые упускаются часто философами его категоріи. «Англія, въ концѣ концовъ, великодушна,— говоритъ онъ.—Она легко прощаетъ народамъ, которыхъ побѣдитъ. Прежде всего, она практична. Когда завоеваніе какой-нибудь страны завершено, Англія принимается устраивать ее и даетъ ей широкое самоуправленіе. Англія завязываетъ съ ней торговыя сношенія, обогощаетъ ее и дѣлаетъ все, чтобы колонія любила метрополію... Когда Англія дала своимъ колоніямъ широкое самоуправленіе, робкіе люди были увѣрены, что этимъ наносится смертельный ударъ имперіи. Послѣдующія событія доказали, напротивъ, совсѣмъ другое. Эта политика содѣйствовала только скрѣпленію союза между колоніями и метрополіей. Если бы Англія захотѣла удержать колоніи только при помощи штыковъ, имперія давнымъ давно распалась бы, какъ карточный домикъ... Для Англіи колоніи являются чѣмъ-то инымъ, чѣмъ для Франціи. Послѣдняя учится въ нихъ искусству войны, тогда какъ англійскія колоніи являются филіальнымъ отдѣленіемъ торговаго дома «Джонъ Булль и К°». На нашихъ глазахъ Англія получила прекрасное доказательство, что ея колоніальная политика вѣрна. Канада и Австралія—независимыя демократическія республики. Въ тяжелый моментъ для Англіи онѣ явились къ ней на помощь по своей личной иниціативѣ. Если бы Англія относилась къ колоніямъ и завоеваннымъ культурнымъ странамъ, какъ другія государства, т. е. если бы она пыталась силой вытравить изъ нихъ все самобытное, то Канада и Австралія во время войны причинили бы метрополіи боль-

*) John Bull et son île. r, p. 3—4.

шія хлопоты. Онѣ несомнѣнно воспользовались бы первымъ осложненіемъ, чтобы отложиться. Такъ поступили колоніи Карѳагена, Рима, Испаніи. Англія получила наглядный урокъ въ исторіи отпаденія ея сѣверо-американскихъ колоній въ XVIII вѣкѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, по всей вѣроятности, не столь ужъ отдаленное будущее докажетъ, что грубое насиліе по отношенію къ подчиненнымъ культурнымъ народностямъ можетъ вызвать послѣдствія, роковыя, или же гибельныя для угнетателей. «Нѣтъ ничего слабѣе грубой силы». Афоризмъ этотъ не новъ, но нисколько не теряетъ отъ этого своего глубокаго значенія.

«Джонъ Булль обладаетъ исключительнымъ талантомъ устраиваться всюду по-домашнему. Ничто его не удивляетъ, ничто не въ состояніи его остановить. Онъ—космополитъ по преимуществу и поэтому нигдѣ не теряется. Дозвольте ему взять одинъ футъ земли и онъ возьметъ четыре»... «Джонъ Булль гордъ, мужественъ, спокоенъ, настойчивъ и слыветъ великимъ знатокомъ въ дипломатіи. Гордость не дозволяетъ ему сомнѣваться въ успѣхѣ какого-нибудь предпріятія. Своимъ мужествомъ онъ обезпечиваетъ побѣду. Благодаря темпераменту, онъ хладнокровно можетъ обсудить всѣ матеріальныя выгоды побѣды. Настойчивостью онъ удерживаетъ завоеванія. Дипломатія заботится обо всемъ остальномъ». Максъ О'Релль констатируетъ извѣстный, но не перестающій удивлять жителей континента фактъ: изумительную энергію и работоспособность англичанъ, которую они сохраняютъ до глубокой старости. «Въ провинціи,—говоритъ Максъ О'Релль,—наши старики, въ большинствѣ случаевъ, разбиты ревматизмомъ, страдаютъ подагрой и половину дня проводятъ за столомъ. Послѣ обѣда они ковыляютъ на прогулку въ общественный садъ, поддерживаемые престарѣлой прислугой. Во Франціи человѣкъ совершенно дряхлѣетъ въ шестьдесятъ лѣтъ. Это—результатъ легкомысленно проведенной молодости и слишкомъ сидячей жизни въ зрѣломъ возрастѣ. Если французъ доживаетъ до преклоннаго возраста, то послѣдніе его годы печальны и мучительны. Онъ тягостенъ и для себя, и для другихъ. Не такъ въ Англіи. Всѣ тамъ умираютъ послѣ свѣжей старости. Восьмидесятилѣтній старикъ и лѣтомъ, и зимой принимаетъ холодныя ванны и не садится за завтракъ раньше, чѣмъ пройдетъ три или четыре мили».

Къ этимъ словамъ Макса О'Релля можно было бы прибавить еще нѣсколько примѣровъ. Чемберлэну шестьдесятъ семь лѣтъ, между тѣмъ и онъ, и другіе полагаютъ, что «настоящая» политическая карьера его только что начинается. Онъ работаетъ по 10 часовъ въ день, а въ видѣ отдыха предпринимаетъ путешествіе въ Южную Африку, гдѣ подъ тропическимъ солнцемъ совер-

шаетъ большіе переѣзды на лошадяхъ. Гаркорту на десять лѣтъ больше. Между тѣмъ работоспособность его такъ же велика, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Нужно слышать его въ «бюджетные дни», когда онъ анализируетъ смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ! Гербертъ Спенсеръ въ восемьдесятъ три года живо слѣдилъ за событіями дня, волновался ими и отзывался на нихъ. Возьмемъ средняго англійскаго журналиста. Мой пріятель ведетъ парламентскій отдѣлъ въ большой газетѣ. Онъ каждый вечеръ въ парламентѣ до 1—2 ч. утра. Тутъ же онъ набрасываетъ отчетъ, картинный, содержательный, въ которомъ не пропущена ни одна характерная фраза. Отчетъ занимаетъ около 300 газетныхъ строкъ. Кромѣ того, пріятель каждый день посылаетъ по телеграфу въ Manchester Guardian «Лондонскую хронику», занимающую тоже строкъ двѣсти. Это еще не все. Каждую субботу онъ пишетъ статью для Speaker'а, участвуетъ въ *Morning Leader* и находитъ время выступать иногда въ *Fortnightly Review* и на митингахъ. По разсчету онъ пишетъ около 3,000 строкъ въ недѣлю, работа совершенно не по силамъ его собратамъ на континентѣ. Между тѣмъ, англійскій журналистъ долженъ говорить всегда *дѣло*. Ему возбранено заполнять пространство болтовней. Каждый годъ, къ концу парламентской сессіи, пріятель, по его выраженію, чувствуетъ, «какъ будто бы его выполоскали», т. е. полное утомленіе. Онъ тогда пользуется англійскимъ лѣкарствомъ отъ переутомленія: отправляется въ далекое плаваніе, въ Новую Зеландію, въ Буэносъ-Айресъ или кругомъ мыса Горна. «Морскія волны выкачиваютъ всякую неврастенію»,—увѣряетъ онъ. Должно быть такъ, потому что пріятель возвращается бодрымъ, свѣжимъ, съ громаднымъ запасомъ силъ. Пріятелю пятьдесятъ лѣтъ; это такой возрастъ, когда на континентѣ, а въ Россіи въ частности, подъ вліяніемъ наслѣдственной или благопріобрѣтенной неврастеніи, работоспособность уменьшается въ значительной степени...

Англичане успѣваютъ сдѣлать такую массу потому, что умѣютъ сконцентрировать всю свою энергію на дѣйствительно серьезномъ дѣлѣ. Жителямъ континента приходится только поражаться тѣмъ, до какой степени англичане отдѣлались отъ бюрократіи съ ея горами канцелярскихъ рапортовъ, исходящихъ и входящихъ, съ арміею чиновниковъ, всю жизнь составляющихъ или читающихъ никому не нужныя и всѣхъ стѣсняющія бумаги. На континентѣ тоже кое-гдѣ раздаются иногда жалобы на чрезмѣрное развитіе бюрократіи; но многіе изъ этихъ обличителей имѣютъ своеобразные взгляды на то, чѣмъ замѣнить ее. Канцелярію долженъ замѣнить, по ихъ мнѣнію, корнетъ Отлетаевъ, Nicolas Персіановъ (Господа Ташкенцы) или Прокопъ (Дневникъ Провинціала), кото-

рому слѣдуетъ предоставить, прежде всего, безконтрольную свободу чинить, что угодно. «Да, чтобы, значитъ, вездѣ, по всему лицу земли... по зубамъ чтобы бить свободно было... вотъ это и есть самая децентрализація»,—объясняетъ Прокопъ. Въ Англіи бюрократіи не существуетъ, въ интересахъ свободы личности. Въ виду того же тамъ невозможенъ корнетъ Отлетаевъ или Ѳеденька Козельковъ. «Житель континента,—говоритъ Максъ О'Релль,—не перестаетъ изумляться тому, до какой степени въ Англіи многое основано на довѣріи, которое оказывается и иностранцамъ. Бюрократія совершенно неизвѣстна. Нѣтъ никакой надобности предъявлять свои бумаги. Даже когда вступаютъ въ бракъ, необходимъ не паспортъ и не метрическое свидѣтельство, а свидѣтель, который утверждаетъ торжественно, сколько жениху или невѣстѣ лѣтъ и то, что они не состоятъ въ другомъ бракѣ. Такъ же мало формальностей во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни. Когда человѣкъ говоритъ неправду предъ закономъ, его привлекаютъ къ суду за клятвопреступленіе. Въ частной жизни англичанинъ безусловно довѣряетъ слову своего знакомаго. Убѣдившись, что ему разъ сказали неправду, англичанинъ немедленно порветъ знакомство» *). Такая упрощенность житейскихъ и общественныхъ отношеній возможна только при условіи полнаго уваженія каждаго къ закону. И это мы видимъ въ дѣйствительности. Въ Англіи нѣтъ противоположности: «я» и «законъ». «Я» относится съ уваженіемъ къ закону, потому что само участвовало въ выработкѣ послѣдняго. Такимъ образомъ, повиновеніе закону со стороны англичанина является лишь актомъ *самоуваженія*. Это повиновеніе прекращается, какъ только «законъ» превышаетъ тѣ полномочія, которыя ему дало «я». Тотъ же фактъ констатируетъ Максъ О'Релль «Повиновеніе закону—девизъ Англіи, — говоритъ онъ. — Англичанинъ возмущается только несправедливостью и протестуетъ, когда видитъ противозаконное. Его воспитали въ глубокомъ уваженіи къ закону, и онъ требуетъ, чтобы послѣдній уничтожилъ всѣ общественныя бѣдствія. Если законъ не можетъ уничтожить несправедливости, а, наоборотъ, порождаетъ ее, англичанинъ считаетъ своимъ долгомъ требовать, чтобы такой законъ отмѣнили. Англичанинъ имѣетъ французскій девизъ: «Dieu et mon droit»—Богъ и мое право» **). Нашъ авторъ подводитъ итогъ своей характеристикѣ англичанина. «Онъ достигаетъ крайности во всемъ, что дѣлаетъ, и представляетъ намъ конгломератъ поразительныхъ контрастовъ; но всегда, во всемъ разумъ контролируетъ его поступки. Англичанинъ—пылкій па-

---

*) «Les Chers Voisins», p. p. 213—214.
**) «John Bull et son île», p 20.

тріотъ; онъ потерпитъ всякія униженія, чтобы дождаться подходящаго момента и отплатить за все. Онъ—мытарь, вопіющій съ сокрушеніемъ въ храмѣ: «Господи, Господи, я—недостойный грѣшникъ»! Но онъ также и фарисей, за предѣлами храма желающій выставить себя образцомъ добродѣтели. Англичанинъ поклоняется и Іеговѣ, и Мамонѣ; онъ сильно занятъ небесными дѣлами; но въ то же время никто, какъ онъ, такъ не привязанъ къ благамъ земнымъ. Въ единственномъ числѣ это—человѣкъ, на слово котораго можно положиться, какъ на толедскій клинокъ. Коллективно, какъ нація, англичане не разъ подавали поводъ къ упреку въ вѣроломствѣ. У себя, на родинѣ, англичанинъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ проповѣдуетъ трезвость (На континентѣ только лакеи и горничныя, домогаясь мѣста, выставляютъ на видъ, что не берутъ хмѣльного въ ротъ. Въ Англіи объ *общественныхъ дѣятеляхъ* газеты, въ похвалу, не забываютъ упомянуть, что они не пьютъ спиртныхъ напитковъ и не курятъ). На чужбинѣ англичанинъ силой заставляетъ другихъ покупать опіумъ. У себя на родинѣ англичанинъ привлечетъ къ суду за жестокое обращеніе съ крысой или кошкой; въ другихъ случаяхъ онъ назначаетъ премію за голову слишкомъ упорнаго врага... Въ Англіи могутъ посадить въ тюрьму людей, силой протестующихъ противъ шутовскихъ радѣній Арміи Спасенія. Въ Индіи отправляютъ въ тюрьму этихъ самыхъ религіозныхъ шутовъ, если ихъ усердіе можетъ породить осложненія среди туземцевъ. Англичанинъ—типичный оппортунистъ, въ лучшемъ смыслѣ слова. Непримиримость не въ его духѣ. Онъ никогда не станетъ требовать все или ничего. Англичанинъ охотно приметъ что-нибудь, находя, что это лучше, чѣмъ ничего (half a loaf is better than no loaf, полхлѣба лучше, чѣмъ совсѣмъ безъ хлѣба). Мало по малу онъ добивается своего и безъ сильныхъ потрясеній мѣняетъ колеса въ механизмѣ своей конституціи. Англичанинъ преданъ своей старой монархіи, но и теперь онъ готовъ былъ бы все передѣлать и все измѣнить, какъ въ XVII в., если бы его свободѣ грозила какая-нибудь опасность. Англичанинъ не подчинится деспотизму, какую бы форму тотъ ни принялъ. Онъ самъ держитъ подъ контролемъ и въ дисциплинѣ всѣхъ тѣхъ, кому платитъ жалованье... Онъ благоразуменъ, трудолюбивъ, настойчивъ, никогда не сомнѣвается въ своихъ силахъ и требуетъ, чтобы всѣ, отъ короля до послѣдняго гражданина, знали точно свои права и обязанности».

IV.

Макса О'Релля *) поражаетъ въ англичанахъ слишкомъ частое обращеніе къ суду, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда французъ поступаетъ совершенно иначе. Прежде всего, конечно, нашъ авторъ отмѣчаетъ процессы, вызванные нарушеніемъ обѣщанія жениться, собственно говоря, тѣ повторенія тяжбъ «миссисъ Бардль versus Пикквикъ», которыя можно найти въ любомъ номерѣ англійской газеты.

Въ «Очеркахъ современной Англіи» я подробно говорю о такихъ процессахъ. Приведу здѣсь курьезный случай, который нашелъ въ лондонскихъ газетахъ за 22 марта 1904. Замѣтка озаглавлена: «Какъ крѣпкіе поцѣлуи испортили вуаль вдовицы. Нѣкая Уэтстонъ привлекла къ суду дровяника Корнфорта, обвиняя его въ нарушеніи обѣщанія жениться. Отвѣтчикъ утверждалъ, что дѣло не такъ: вдовица много разъ дѣлала ему предложенія, но онъ отказывался постоянно.

— Не правда,—негодуетъ вдова.—Онъ самъ предложилъ мнѣ жениться, даже купилъ кольцо. Я потеряла въ вѣсѣ 30 фунтовъ съ тѣхъ поръ, какъ отвѣтчикъ отказался отъ меня. Онъ твердилъ мнѣ все, что любитъ мое лицо. По его словамъ, всѣ дамы его любили, потому что онъ умѣетъ очень вкусно цѣловаться. Въ силу такихъ поцѣлуевъ, она, вдова, истратила до четырехъ шиллинговъ на новые вуали.

— Почему же?—спросилъ адвокатъ защитника.

— Видите! Онъ никогда не хотѣлъ ждать, покуда я подниму вуаль.

— Вы хотите сказать, что отвѣтчикъ выкусывалъ куски вуаля?

— Именно такъ.

Отвѣтчикъ призналъ, что цѣловался съ вдовой, но не понимаетъ, какъ это вышло.

— Во всякомъ случаѣ,—я думаю,—вамъ было пріятно?—освѣдомился судья.

— Кажется,—отвѣтилъ дровяникъ.

Въ своемъ резюме судья указалъ, что цѣловать вдовъ и дарить имъ кольца—дѣло опасное».

Присяжные рѣшили дѣло въ пользу истца, но присудили ей только одну копѣйку (фартингъ) за убытки». Въ общемъ, отвѣтчики отдѣлываются далеко не такъ дешево.

---

*) «Les Chers Voisins», p. p. 38—42.

Максъ О'Релль не перестаетъ изумляться тому, какъ поступаютъ англичане при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя разрабатывались много разъ великими и посредственными романистами на континентѣ. Мужъ узнаетъ, что жена ему не вѣрна. На континентѣ онъ поступаетъ согласно темпераменту, степени своего развитія или соотвѣтственно предразсудкамъ среды. Онъ или расходится съ женой, или прощаетъ ей, или вызываетъ на поединокъ болѣе счастливаго соперника. Вспыльчивый французъ убиваетъ жену и, къ несчастью, встрѣчаетъ, при этомъ, сочувствіе со стороны всего общества. Высоко-культурный народъ, какъ французы, творческая мысль котораго не разъ удивляла міръ своею мощью и смѣлостью, во взглядахъ на женщину, въ сущности, до сихъ поръ не отрѣшился отъ взгляда, что жена—собственность мужа. Наконецъ, на континентѣ мужъ, узнавъ неожиданно о невѣрности жены,—иногда кончаетъ самъ съ собою. Англичанинъ, начиная отъ кучера до лорда, при подобныхъ обстоятельствахъ поступаетъ совершенно иначе. Онъ подаетъ на обидчика въ судъ и взыскиваетъ съ него вознагражденія «за убытки» (damages). По выраженію Макса О'Релля, «англичанинъ предпочитаетъ положить въ банкъ эквивалентъ своего безчестія и получать на него вѣрные проценты. Англичане нѣсколько далеко простираютъ свою любовь къ деньгамъ» *).

Объ этой «любви къ деньгамъ» можно было бы сказать нѣсколько словъ. Кто хоть нѣсколько знаетъ англичанъ, тому извѣстно, что *ни одна* нація въ мірѣ такъ щедро не жертвуетъ, какъ англичане. Во Франціи очень трудно собрать всенародной подпиской на благотворительное дѣло сто—двѣсти тысячъ франковъ. Даже такая страшная катастрофа, какъ на о. Мартиникѣ, ставила французское общество расщедриться только на нѣолько сотенъ тысячъ франковъ. Судьбой буровъ Франція была искренно и глубоко заинтересована; но тѣмъ не менѣе, пожертвованій представители южно-африканскихъ республикъ собрали немного, во всякомъ случаѣ, меньше милліона франковъ, т. е. 40 тысячъ ф. ст. Въ англіи жертвуютъ часто, много и охотно. Начать съ того, что *всѣ* англійскіе госпитали содержатся на добровольныя пожертвованія. Милліоны пожертвованій поступаютъ ежегодно въ кассы госпиталей и сотенъ то полезныхъ, то эксцентричныхъ «обществъ», «лигъ», «союзовъ» и федерацій. При помощи пожертвованій камнетесы Виѳезды (въ Уэльсѣ) три года «отсиживались» отъ лорда Пенрина. Во время большой стачки въ докахъ въ одинъ день собрали въ Лондонѣ болѣе ста тысячъ

*) «Les Chers Voisins», p. 67.

рублей. Французъ жертвуетъ неохотно и, самое большее, франками, а не луидорами. Англичанинъ даетъ фунтами. Все онъ дѣлаетъ по опредѣленному плану. Англичанинъ, принадлежащій къ среднимъ классамъ, въ январѣ, обыкновенно, составляетъ «бюджетъ» на весь годъ. Онъ точно опредѣляетъ сумму на веденіе дома, на наряды женѣ, на отдыхъ, на платежъ по страховому полису и на благотворительность. Послѣдняя сумма—очень значительна, и я знаю, что она расходуется до послѣдняго фартинга. Такимъ образомъ, «жадность къ деньгамъ» англичанъ понятіе нѣсколько неопредѣленное и неточное. Любопытнѣе всего, что этотъ упрекъ дѣлаютъ французы, нѣмцы и русскіе, въ общемъ, очень щедрые на хорошія слова, но прижимистые на деньги, когда нужно дѣлать пожертвованія. Ошибочно было бы, мнѣ кажется, объяснять, какъ это дѣлаетъ не одинъ Максъ О'Релль, обращеніе къ суду англичанина въ тѣхъ случаяхъ, когда французъ вызываетъ на поединокъ, кончающійся ничтожной царапиной,—отсутствіемъ понятія «чести». Англичанинъ, во всякомъ случаѣ, такъ же гордъ и самолюбивъ, какъ французъ. Чѣмъ же объясняется взыскиваніе «убытковъ» съ обидчика? Во-первыхъ, глубокимъ уваженіемъ англичанина къ суду равныхъ, къ рѣшенію присяжныхъ. Во-вторыхъ, сильной ненавистью и презрѣніемъ ко всему трусливому, лживому и воровскому. Обольститель обманываетъ, дѣйствуетъ предательски. Его нужно за это,—думаетъ англичанинъ,—презирать и чувствительно наказать. А для труса и для мелкой души самое чувствительное наказаніе—хлопнуть по карману. И англичанинъ дѣлаетъ это... Максъ О'Релль, выразивъ свое изумленіе по поводу того, что обманутый мужъ въ Англіи не стрѣляется, а идетъ въ судъ, замѣчаетъ въ концѣ концовъ: «Нужно сознаться, что пуля въ животъ или шпага, всаженная въ грудь противнику, врядъ ли можетъ вознаградить человѣка за потерянную честь».

Попытки естественно-историческаго объясненія характера цѣлаго народа дѣлались, какъ извѣстно, много разъ. Мы имѣемъ серьезныя разсужденія на эту тему въ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи». Шуточныя «кулинарныя» объясненія того же явленія предлагались авторомъ «Физіологіи вкуса», затѣмъ—Гейне и Искандеромъ. Послѣдній съ заразительнымъ веселіемъ доказывалъ, что пора возстать противъ аристократическихъ частей тѣла, питающихся на счетъ желудка и кичащихся на его счетъ. «Есть онѣ—хорошо, нѣтъ—недурно. Устрица живетъ себѣ безъ головы и безъ ногъ, а вкусна. Безъ желудка же никто не живетъ». «Теперь позвольте васъ спросить,—продолжаетъ Искандеръ,—при всемъ германскомъ усердіи и преданности, что мо-

жетъ выработать желудокъ нѣмца изъ прѣсно-пряно-мучнисто-сладко-травяной массы съ корицей, гвоздикой и шафраномъ, которую ѣстъ нѣмецъ. Если бы вы знали весь трудъ пищеваренія, вы увидѣли бы, что за отчаянную борьбу съ мукой и картофелемъ, что за мужественное противодѣйствіе душамъ изъ баварскаго пива каждый нѣмецкій желудокъ давно заслужилъ медаль для ношенія на дуоденумѣ съ надписью: pour la digestion. Гдѣ тутъ выработывать какой-нибудь упругій, самобытный англійскій, или дѣятельный, безпокойный французскій фибринъ! Тутъ не до силы воли, не до расторопности, а чтобы человѣкъ на ногахъ держался, да не совсѣмъ бы отсырѣлъ. Перемѣните нѣмецкую кухню, и вы увидите, что Арминій не даромъ спасъ въ тевтобургской грязи германскую народность». «Кулинарное толкованіе исторіи» Искандеръ заканчиваетъ бурнымъ проклятіемъ «густымъ супамъ, какъ наша весенняя грязь» и «прѣснымъ соусамъ, какъ драмы Бирхъ-Пфейферъ». Такую же кулинарную интерпретацію, но только не шутя, а серьезно, дѣлаетъ Максъ О'Релль. «Особенности англійскаго характера,—философствуетъ онъ,—объясняются климатомъ и пищей... Обѣдъ, состоящій изъ фунта ростбифа, изъ громаднаго ломтя пуддинга и изъ пинты чернаго, тяжелаго, маслянистаго пива не можетъ, конечно, имѣть такое же вліяніе на умъ, какъ обѣдъ, состоящій изъ дюжины устрицъ, крылышка цыпленка, фруктовъ, легкаго пирожнаго да изъ бутылки слабаго вина» *).

Предъ нами теперь, такъ сказать, проявленъ негативъ портрета англичанина, снятый остроумнымъ, но поверхностнымъ наблюдателемъ. Еще больше пустословія въ портретѣ женщинъ. «Англичанки,—говоритъ Максъ О'Релль,—замѣчательны свѣжимъ цвѣтомъ лица, смѣлой и открытой манерой и величиной своихъ ногъ, наводящей васъ на мысль о башмакахъ въ 12 дюймовъ. Имѣя такія солидныя ноги, трудно сдѣлать «ложный шагъ» и «оступиться». Когда англичанки молоды, онѣ по красотѣ подобны ангеламъ. За тридцать лѣтъ онѣ, однако, сильно дурнѣютъ». Я пропускаю безконечныя подробности «скульптурнаго» характера, безъ которыхъ не обходится, кажется, ни одна книга французскаго путешественника. «Во многихъ отношеніяхъ,—продолжаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—англичанки выше француженокъ: онѣ болѣе естественны... Англичанка не такъ наивна, какъ молодая француженка (Максъ О'Релль ставитъ послѣднее своимъ соотечественницамъ въ заслугу), но она за то и не такъ глупа. Она всюду отправляется сама, безъ мамаши и безъ горничной. Англійская

*) «John Bull et son île», p. 312.

дѣвушка смѣло смотритъ вамъ въ глаза и энергично и сильно пожимаетъ руку. Она свободна, какъ воздухъ, идетъ, куда хочетъ, посѣщаетъ одна театры, путешествуетъ одна или въ обществѣ молодыхъ людей». «Пятнадцатилѣтнія дѣвушки путешествуютъ однѣ иногда даже за океанъ» *).

Самуэль Лэнгъ говоритъ, что степень культуры данной страны измѣряется отношеніемъ мужчинъ къ женщинамъ. Чѣмъ культура данной страны выше, тѣмъ лучше тамъ положеніе женщины; тѣмъ съ большимъ уваженіемъ, какъ къ равной, относятся къ ней мужчины. Если эту мѣрку приложить къ Англіи, то въ ней культура значительно выше, чѣмъ на континентѣ. Въ Парижѣ, Берлинѣ, Петербургѣ или въ Москвѣ молодой женщинѣ невозможно пройти вечеромъ (а иногда и днемъ) по улицѣ безъ того, чтобъ ее не затронули. Въ Парижѣ затрогивающіе остроумны, въ Петербургѣ это просто саврасы; но всюду ихъ вниманіе и оскорбительно, и утомительно. Въ Англіи такое явленіе совершенно неизвѣстно. Каждая женщина чувствуетъ себя подъ защитой всѣхъ мужчинъ, въ томъ числѣ, конечно, и «бобби» (полицейскаго). Если бы какой-нибудь саврасъ затронулъ въ Лондонѣ на улицѣ женщину, онъ рисковалъ бы получить большую непріятность отъ кулака или палки перваго прохожаго; не говоря уже о томъ, что немедленно на сцену явился бы «бобби», и амурное похожденіе заключилось бы на другой день въ камерѣ магистрата. Молодыя дѣвушки, чувствуя себя подъ защитой всѣхъ мужчинъ, путешествуютъ однѣ изъ Лондона въ Шотландію и даже въ колоніи. Ни одинъ англичанинъ, больше того, не позволитъ себѣ заговорить съ такой путешественницей или надоѣдать ей галантными услугами. Отношеніе англичанъ къ женщинамъ дѣйствительно *рыцарское*, потому что, такъ называемое, «рыцарство» средняго француза (т. е. сладкая галантность), въ сущности, должно оскорблять женщину съ развитымъ самосознаніемъ. Это уваженіе къ женщинѣ культивируется въ англійской школѣ. Шестилѣтній мальчикъ, поступающій въ дѣтскій садъ, заучиваетъ уже такую формулу: «Ladies first, gentlmen second, boys—after», т. е. «женщинамъ—первое мѣсто, затѣмъ—мужчины, потомъ—мальчики». Рыцарское отношеніе (въ лучшемъ смыслѣ) къ женщинѣ превращается въ своего рода кодексъ. Это сказывается во время катастрофъ. Въ 1899 г. пошелъ ко дну близь о. Гернзей англійскій увеселительный пароходъ «Стелла». Онъ наскочилъ въ туманѣ на скалу и черезъ десять минутъ пошелъ ко дну. Потонули 150 пассажировъ, экипажъ и ...анъ; но успѣли спустить три лодки и спасли *всѣхъ* женщинъ

... et son ile», p. p. 42, 47.

и дѣтей. Сознаніе: «ladies first» было такъ сильно, что не только мужчины не бросились къ лодкамъ, но, наоборотъ, капитанъ и пассажиры должны были *убѣждать* нѣкоторыхъ матросовъ оставить пароходъ и сѣсть на весла. «Стелла» пошла ко дну на виду спасшихся женщинъ. Иные пассажиры молились, другіе—посылали уѣзжающимъ женамъ или сестрамъ послѣдній привѣтъ, и всѣ встрѣтили смерть спокойно и твердо, «какъ подобаетъ мужчинамъ», какъ писали тогда газеты, воздавая этимъ погибшимъ высшую похвалу по мнѣнію англичанъ. Припомните теперь катастрофу на благотворительномъ базарѣ на улицѣ Jean-Goujon въ Парижѣ. Пожаръ произошелъ почти въ томъ же году, когда погибла *Стелла*. Ужасна была гибель десятка жертвъ; но еще ужаснѣе то, что изящные, свѣтскіе мужчины, несомнѣнно считавшіе себя рыцарями, кинулись къ выходу, топча женщинъ и даже устраняя ихъ съ пути ударами ножей. Я живо помню гибель парохода «Владиміръ» близь Тараханкута, въ Черномъ морѣ, въ 1894 г. «Владиміръ» столкнулся съ итальянскимъ пароходомъ «Колумбія» и пошелъ ко дну, продержавшись на водѣ почти два часа. И, тѣмъ не менѣе, погибли десятки пассажировъ, главнымъ образомъ, женщины и дѣти. Къ спущеннымъ лодкамъ, какъ выяснило слѣдствіе, раньше всѣхъ, съ топорами и веслами въ рукахъ, устремились матросы и помощники капитана. Всѣ они спаслись. Спасся и капитанъ.

Помню еще одинъ эпизодъ. Къ «Русскому Обществу Пароходства и Торговли» предъявлено было потомъ много исковъ. Взыскивалъ какой-то господинъ, ѣхавшій въ первомъ классѣ, за свою утонувшую жену 10 или 20 тысячъ руб. На судѣ выяснилось, что господинъ этотъ ѣхалъ первымъ классомъ, а жену везъ въ третьемъ. Заинтересовался онъ ею только тогда, когда стали предъявлять иски... Итакъ, мы видимъ, чѣмъ именно гарантирована та свобода англичанокъ, которую отмѣчаетъ Максъ О'Релль. «Въ Англіи,—говоритъ онъ,—вся система воспитанія сводится къ тому, чтобы внушить увѣренность въ своихъ силахъ. Ни матери, ни учительницѣ никогда не придетъ въ голову вскрыть письмо, адресованное молодой дѣвушкѣ. Дѣвицы ведутъ свою собственную переписку. Разъ нѣтъ запрета, нѣтъ также желанія вести тайную переписку, украдкой. Отсутствіе подозрительности отнимаетъ всякую заманчивость у такой переписки. Подозрительность Бартоло (Севильскій цирульникъ) порождаетъ Розинъ... Въ Англіи дѣвушка свободно можетъ купить и читать книгу или газету, какую только пожелаетъ. Читать она можетъ также и комическіе журналы. Въ нихъ нѣтъ ничего скабрезнаго. Это—результатъ широкой свободы печати. Общественное мнѣніе, въ данномъ случаѣ, является луч-

шимъ цензоромъ. Просматривая же французскіе комическіе журналы, невольно рождается вопросъ: не являются ли кокотки и невѣрныя жены единственными героинями французскаго общества? Джентльмэны никогда не прибѣгаютъ въ разговорѣ между собою къ грубымъ выраженіямъ. Въ присутствіи женщинъ они себѣ никогда не позволятъ даже самой легкой двусмысленности въ словахъ» *). Въ англійской литературѣ, дѣйствительно, не только изгнано все фривольное, но весь вопросъ о страстяхъ трактуется романистами условно и крайне примитивно. Невозможность появленія на англійскомъ языкѣ какого-нибудь Армана Сильвестра или Катуля Мендеса еще полбѣды; но въ англійской литературѣ невозможенъ также и Гюи де-Мопасанъ. Въ англійскихъ комическихъ журналахъ скабрезнаго элемента нѣтъ; въ этомъ отношеніи дѣти могутъ свободно читать ихъ. Но за то въ большинствѣ такихъ изданій «комизмъ» основанъ на затрещинахъ, на томъ, что кому-то проломили голову или вышвырнули изъ окна. Если многіе французскіе «комическіе» журналы издаются для двуногихъ павіановъ и для кокотокъ, то многіе англійскіе журналы подобнаго рода существуютъ для даяковъ и для бушмэновъ... Но англичане за то гарантированы въ одномъ отношеніи: ихъ современная литература не можетъ будить преждевременно въ подросткахъ половыхъ инстинктовъ...

«Гордость, одна изъ отличительныхъ добродѣтелей англичанъ,— продолжаетъ Максъ О'Релль, — порождаетъ даже въ молодыхъ дѣвушкахъ чувство независимости. Многія дѣвушки, имѣющія богатыхъ и извѣстныхъ родителей, поступаютъ, тѣмъ не менѣе, въ конторы, занимаются рисованіемъ по фарфору или даютъ уроки, чтобы располагать своими собственными средствами. Многія уѣзжаютъ лучше компаньонками въ Канаду, въ Индію или въ Австралію, чѣмъ жить въ праздности дома... Дѣвушки, принадлежащія къ среднимъ классамъ, не имѣютъ совершенно приданаго. Если бы молодой человѣкъ, какъ во Франціи, справился у родителей, сколько они даютъ за дочкой, — его вышвырнули бы на улицу. Когда англичанинъ рѣшаетъ жениться, предполагается, что онъ имѣетъ уже возможность содержать семью». Въ Англіи, поэтому, въ обычаѣ быть женихомъ и невѣстой три, четыре и болѣе лѣтъ. Это — обычай не только среднихъ, но и рабочихъ классовъ. Нужно замѣтить, между прочимъ, что этотъ обычай порождаетъ также и знаменитые процессы «breach of promise». Молодая англичанка горда сознаніемъ своей независимости. Она сама себѣ госпожа. Ея судьбою никто никто не распо

*) John Bull, p. 48—49.

ряжается. Во Франціи,—говоритъ Максъ О'Релль,—родители, «чтобы реализировать поэтическія мечты молодой дочки, которую держатъ въ невѣдѣніи, — выбираютъ ей въ мужья *положительнаго* господина, лѣтъ сорока, плѣшиваго, начинающаго округляться. Положительный господинъ успѣлъ уже растерять здоровье, забыть про стремленія всякаго рода и мечтаетъ о «спокойной семейной жизни». Родители рекомендуютъ его дочкѣ, какъ серьезнаго человѣка, съ вѣсомъ въ обществѣ. Это, обыкновенно, врачъ, адвокатъ или нотаріусъ. На матримоніальномъ французскомъ рынкѣ фонды нотаріусовъ стоятъ особенно высоко» *). Какой самостоятельной, въ сравненіи съ француженкой, кажется англичанка!

Въ особенности Максъ О'Релль приходитъ въ восторгъ отъ постановки школьнаго дѣла въ Англіи. «Среднія школы здѣсь,— говоритъ онъ, — преслѣдуютъ двоякую цѣль: путемъ свободы и довѣрія развить въ воспитанникахъ любовь къ добру и культивировать здоровье. Англичане желаютъ сдѣлать изъ своихъ дѣтей образованныхъ людей, но здѣсь хотятъ также, чтобы юноши были, прежде всего, сильны, какъ физически, такъ и морально. Mens sana in corpore sano. Поэтому, нѣтъ школъ-казармъ. Школьники имѣютъ много свободы, они могутъ совершать большія прогулки. Въ ихъ распоряженіи поля. Въ школахъ нѣтъ ни педелей-церберовъ, ни «наставниковъ», годящихся скорѣе въ надзиратели въ каторжныя тюрьмы. Вся система воспитанія держится на широкомъ довѣріи. Общественное мнѣніе является верховнымъ контролеромъ... Въ среднихъ школахъ (Public Schools) нѣтъ совсѣмъ рутины, нѣтъ преміи, выдаваемой за идіотизмъ или за рабское угодничество. Когда мальчикъ знаетъ уже все, что преподается въ классѣ, директоръ (Head Master) переводитъ его въ старшій классъ. Въ шестомъ классѣ (sixth Form) я видѣлъ, поэтому, мальчиковъ четырнадцати и тринадцати лѣтъ» **). Въ континентальныхъ школахъ переходъ изъ класса въ классъ основанъ на экзаменѣ, являющемся очень часто лотереей. Можно выиграть, т. е. выдержать экзаменъ, плохо зная курсъ. Можно, наоборотъ, проиграть (по робости, отъ чистой случайности и пр.), зная пройденное. Въ концѣ концовъ, мальчики «приспособляются» къ годичной лотереѣ и находятъ болѣе или менѣе вѣрный способъ всегда выигрывать. Результатомъ является слѣдующее. «Во Франціи, въ лицеяхъ, въ спеціальныхъ классахъ математики есть ученики, не знающіе началъ геометріи; изучающіе риторику не умѣютъ пра-

*) Les Filles de John Bull, p. 119.
**) John Bull, p. 207.

вильно спрягать». У насъ въ Россіи сплошь и рядомъ гимназисты, изучающіе биномъ Ньютона, не умѣютъ рѣшить простую ариѳметическую задачу. Въ Англіи учитель внимательно присматривается къ индивидуальности каждаго мальчика. Дѣтей неспособныхъ, кромѣ физическихъ идіотовъ, нѣтъ. Есть только неспособные учителя, которые по ошибкѣ стали педагогами, тогда какъ имъ надлежало бы пойти въ квартальные надзиратели, въ тюремные смотрители и пр. У каждаго мальчика есть, навѣрное, хотя бы одинъ предметъ, который ему нравится и которымъ онъ самъ усиленно занимается. Въ Англіи это твердо помнятъ, поэтому тамъ нѣтъ совершенно искалѣченныхъ школой дѣтей, вынесшихъ изъ нея одно только отвращеніе ко всякому труду. Преподаватели въ Англіи неукоснительно помнятъ также, что школа—не арестантская рота. Въ послѣдней, въ интересахъ дисциплины, говорятъ, прежде всего, необходимо убить всякую индивидуальность и превратить арестанта въ живую машину. Въ школахъ, наоборотъ, драгоцѣнна именно индивидуальность каждаго мальчика и проявленіе его независимости. На признаніи этого принципа основывается въ Англіи существованіе школьныхъ клубовъ, газетъ и парламентовъ *). Во всѣхъ кружкахъ *полными* хозяевами являются мальчики. Это основное правило, при несоблюденіи котораго «школьный клубъ» или журналъ теряетъ всякій смыслъ и можетъ даже превратиться кое-гдѣ на континентѣ въ капканъ для «улавливанія душъ». Въ Англіи всѣ школьные клубы, какъ спортативные (Athletic Sport Club, Football Club, Cricket Club), такъ литературные и политическіе (Debating Societies) имѣютъ свое selfgovernment. Члены клубовъ, т. е. воспитанники, сами выбираютъ правленіе, казначея, предсѣдателя, распорядительный комитетъ и пр. Если воспитанники любятъ своего директора (Head-Master), они выбираютъ его иногда почетнымъ вице-президентомъ, безъ права голоса. Въ школьномъ парламентѣ все обходится безъ участія учителей. Мальчики вносятъ на обсужденіе вопросы (дѣти моего знакомаго получили извѣщеніе отъ товарищей, что на слѣдующей недѣлѣ въ парламентѣ ихъ школы внесенъ будетъ вопросъ: «Протекціонизмъ или свободная торговля. Вѣрно ли положеніе, высказанное министромъ колоній, мистеромъ Чемберлэномъ?») За порядкомъ дебатовъ слѣдитъ «чэрмэнъ», предсѣдатель, тоже ученикъ. Секретарь ведетъ протоколъ, который помѣщается въ школьномъ журналѣ. Недавно я получилъ приглашеніе присутствовать на соединенныхъ дебатахъ двухъ высшихъ лондонскихъ школъ, муж-

*) Я подробно говорю объ этомъ въ очеркѣ «Фрэнки» (см. «Очерки современной Англіи»).

ской и женской. Вопросъ, поставленный на очередь, былъ: «О политическихъ добродѣтеляхъ». Максъ О'Релль, съ своей стороны, приводитъ нѣсколько вопросовъ, которые при немъ обсуждались въ «школьномъ парламентѣ» училища св. Павла, въ Лондонѣ: «О женскихъ правахъ». «Должна ли женщина играть политическую роль въ республикахъ?..» «Дебаты прошли въ необыкновенномъ порядкѣ; юные ораторы держали себя съ большимъ достоинствомъ. Они не сочли необходимымъ пригласить преподавателей; но директору, конечно, и въ голову не пришло устроить надзоръ Граждане должны привыкать со школьной скамьи сами поддерживать порядокъ, а для этого имъ необходима свобода, культивирующая самосознаніе» *). «Никогда директоръ не позволитъ себѣ распечатать письмо кого-либо изъ воспитанниковъ, — продолжаетъ Максъ О'Релль. Вслѣдствіе довѣрія, оказываемаго воспитанникамъ съ ранняго возраста,—они въ пятнадцать лѣтъ умѣютъ себя вести, какъ подобаетъ взрослымъ гражданамъ. Англійское хладнокровіе—отличное качество, помогающее воспитателямъ при дѣтскихъ шалостяхъ. Все обходится безъ криковъ, безъ брани и угрозъ».

До сихъ поръ мы видѣли только восторженные отзывы объ Англіи. Менѣе почтителенъ Максъ О'Релль тогда, когда говоритъ о религіозности ея. «Если христіанство заключается въ томъ, чтобы ходить въ церковь и проводить всю жизнь въ обсужденіи богословскихъ вопросовъ,—говоритъ Максъ О'Релль,—Джонъ Булль до крайности религіозенъ. Если благочестіе состоитъ въ томъ, чтобы ссориться изъ-за догмы, вмѣсто того, чтобы примѣнять правила нравственности на дѣлѣ, — на землѣ нѣтъ болѣе благочестиваго народа. Религія въ Англіи превращается въ манію, въ болѣзнь. Джонъ Булль полагаетъ, что лучше какая-нибудь вѣра, чѣмъ совсѣмъ никакой. Во Франціи похваляются своими проказами, даже если ихъ не дѣлаютъ; въ Англіи люди похваляются своими добродѣтелями, въ особенности, если не имѣютъ ихъ. Французъ хвастаетъ пороками, англичанинъ всѣми силами старается прослыть добродѣтельнымъ человѣкомъ. Здѣсь въ почетѣ всѣ религіозныя секты: *прыгуны*, *ревуны*, *особые люди* **). Въ опалѣ всюду въ имперіи только свободные мыслители».

Нужно замѣтить, однако, что это сказано скорѣе ради краснаго словца, чѣмъ соотвѣтственно истинѣ: на лондонскомъ форумѣ, по воскресеньямъ, подъ «деревьями конституціи» рядомъ проповѣдуютъ не только «прыгуны» и «ревуны», но также «раціоналисты»,

---

*) John Bull.

**) Объ этихъ сектахъ я писалъ нѣсколько разъ. Статьи эти вошли въ составъ книги «Очерки современной Англіи».

«агностики» и свободные мыслители. Подобные «выпады» Максъ О'Релль дѣлаетъ не особенно рѣдко.

V.

Читатели знакомы теперь, въ извѣстной степени, съ англійской жизнью, какъ ее изображаетъ въ своихъ книгахъ Максъ О'Релль. Мы имѣемъ рядъ наблюденій, сдѣланныхъ человѣкомъ очень поверхностнымъ, подчасъ легкомысленнымъ, но умнымъ, талантливымъ и, безусловно, относящимся съ большимъ уваженіемъ въ Англіи и къ англичанамъ. Во многихъ случаяхъ онъ учитъ своихъ соотечественниковъ и жителей континента брать примѣръ съ Джона Булля. Тѣмъ болѣе, удивительно негодованіе, порожденное въ Англіи появленіемъ книги «John Bull et son île». Я выберу изъ громадной литературы «отвѣтовъ» только два образца. Больше всего успѣха имѣлъ памфлетъ «Грубаго Саксонца».—«Сосѣдъ Джона Булля въ истинномъ свѣтѣ. Отвѣтъ на французскую критику, появившуюся въ послѣднее время» *). «Единственное мое извиненіе за рѣзкость тона,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—заключается въ томъ, что я Грубый Саксонецъ». Онъ, дѣйствительно, не столько рѣзокъ, сколько сварливъ. Какъ царевна Потока-богатыря, Грубый Саксонецъ честитъ французовъ:

Шаромыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило.
Поросенокъ, теленокъ, свинья, эѳіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!

Въ концѣ концовъ, какъ и царевна, Грубый Саксонецъ прибавляетъ, что могъ бы обругаться еще сильнѣе, да англійская сдержанность «иного словца ему сказать не велитъ». «Безъ сомнѣнія,—говоритъ авторъ,—коварный Альбіонъ имѣетъ кое-какіе грѣхи, но такъ какъ онъ исполнялъ, и при томъ успѣшно, всегда первыя роли въ разрѣшеніи судьбы другихъ народовъ, то, во всякомъ случаѣ, заслужилъ, чтобы къ нему всѣ относились съ почтеніемъ. Между тѣмъ, въ него теперь швыряютъ грязью и глумятся надъ нимъ. Припомните при томъ, *кто* дѣлаетъ это!» «Грубый Саксонецъ» настоятельно рекомендуетъ Максу О'Реллю, вмѣсто того, чтобы критиковать англичанъ, заняться лучше грѣхами французовъ, которые тутъ же группируетъ. По словамъ «Грубаго Саксонца», грѣхи эти слѣдующіе: крайняя лживость, чрезмѣрное тщеславіе, возмутительная безнравственность, безбож-

*) «John Bull's Neighbour in her true light». Being an answer to some recent french criticisms. By a Brutal Saxon. London, 1884.

ность, вѣроломство и нечистоплотность физическая и нравственная. «Всякому извѣстно,—говоритъ авторъ,—что во Франціи существуетъ особая болѣзнь—англофобія; она еще хуже гидрофобіи и, во всякомъ случаѣ, такъ же неизлѣчима. Она скрывается нѣкоторое время, затѣмъ бурно вырывается наружу». Авторъ, однако, тутъ же слѣдуетъ примѣру учителя философіи въ «Le Bourgeois Gentilhomme», вступающаго въ драку съ преподавателями музыки, танцевъ и фехтованія, которыхъ только что журили: «y a-t-il rien de plus bas et d·· plus honteux que cette passion, qui fait d'un homme une bête fiérce?» (что можетъ быть болѣе постыдно и низко, чѣмъ эта страсть,—гнѣвъ,—превращающая человѣка въ дикое животное). Во всякомъ случаѣ, «Грубый Саксонецъ» доказалъ, что въ Англіи существуетъ такая же болѣзнь—галлофобія. Авторъ обзываетъ всѣхъ французовъ огуломъ «націей обезьянъ съ глотками попугаевъ». «Вы говорите, что Лондонъ ужасенъ,—продолжаетъ сердитый авторъ,—а я скажу: неправда, ужасенъ Парижъ. Предположимъ, мы выберемъ округъ St. Denis, одинъ изъ самыхъ страшныхъ кварталовъ *веселой столицы*. Дома здѣсь въ шесть и въ семь этажей. Они узки, темны, смрадны и до невѣроятности грязны. Обычная квартирная плата здѣсь 2 - $2^1/_2$ франка въ недѣлю. Въ одной и той же комнатѣ тѣснятся шесть, семь и восемь человѣкъ. Братья, сестры, отцы, дочери—спятъ всѣ въ повалку. Молодые мужчины и женщины не стыдятся другъ предъ другомъ своей наготы. Въ этихъ квартирахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ санитарныхъ приспособленій». Въ Парижѣ все скверно не только въ округѣ St. Denis. «Пресловутая Вандомская колонна—грязный столбъ. Будь она въ Лондонѣ, всѣ пожали бы плечами и сказали бы: «омерзительно!» «Іюльская колонна до того не интересна, до того глупа, что отъ нея отворачиваешься». Славу Notre Dame создалъ Гюго. Безъ его рекламы «на эту уродину никто не захотѣлъ бы смотрѣть». Hôtel des Invalides—жалкая казарма. Единственно, на что стоитъ взглянуть въ Парижѣ,—это на Arc de Triomphe, да и та испорчена смѣшными барельефами. Конная группа наверху—верхъ уродства. Даже хваленые бульвары и тѣ, по мнѣнію Грубаго Саксонца, монотонны и не имѣютъ собственной физіономіи *). Раздѣлавъ подъ орѣхъ Парижъ, Саксонецъ переходитъ къ французамъ. Всѣ они глупы, болтливы, развратны и, напридачу, трусы, которыхъ постоянно колотили англичане. «При Пуатье нашъ Черный Принцъ съ 8,000 солдатъ встрѣтился съ 64 тыс. земляками Макса О'Релля и разбилъ ихъ на голову». Потомъ «мы проучили васъ при Азинкурѣ и при Ватерло, при названіи котораго французъ

*) John Bull's Neighbour etc. p. p. 7, 12, 16, 22.

до сихъ поръ зеленѣетъ». Всѣ французы не только трусы, но и кровожадны. «Не даромъ же Бисмаркъ сказалъ про нихъ: «Zieht man einen Solchen Gallier die weisse Haut ab, so hat man einen Turco vor sich» (сдерите съ такого галла бѣлую кожу и вы увидите предъ собою турка). Весь Парижъ сгнилъ въ развратѣ. Иллюстраціей является, конечно, Бюлье, куда «грубые саксонцы», попадая въ міровую столицу, спѣшатъ прежде всего... для того, чтобы убѣдиться воочію, на сколько близокъ къ гибели Новый Вавилонъ. Изучивъ Бюлье, авторъ приходитъ къ заключенію, что «во французскомъ характерѣ болѣзненная наклонность ко всему бестіальному составляетъ основную черту». Сердитый авторъ рѣшительно не желаетъ оставаться въ долгу. Максъ О'Реллъ замѣчаетъ, что у англичанокъ большія ноги. «Саксонецъ» сейчасъ же восклицаетъ: «И неправда! Должно быть, Максъ О'Реллъ, когда писалъ это, опился абсентомъ или нашимъ пивомъ!» *) «Не французамъ говорить объ уродливыхъ ногахъ: всѣмъ извѣстно, что 75% парижанъ — колченогіе». «Французы выставили своимъ девизомъ, между прочимъ, братство. Это — «каиново братство, охарактеризованное Шанфоромъ: Sois mon frère ou je te tue!» (Будь моимъ братомъ, или я убью тебя!) Французы похваляются свободой. Хороша свобода, если вся страна находится подъ негласнымъ полицейскимъ надзоромъ. Вы не можете прожить въ Парижѣ и дня безъ того, чтобы не стало извѣстно, кто вы, откуда и зачѣмъ пріѣхали». Дальше слѣдуетъ цѣлый рядъ грозныхъ обвиненій, хотя не совсѣмъ систематизированныхъ. «Во Франціи нѣтъ настоящаго правосудія. У французовъ нѣтъ гражданскаго мужества. Парижъ плохо дренированъ. Въ парижскихъ гостиницахъ даютъ для умыванія не больше пинты воды. Французы пьютъ абсентъ и склонны къ самоубійству». Они ѣдятъ съ ножа (въ глазахъ англичанина это почти смертный грѣхъ). Хваленая французская вѣжливость заключается только въ постоянномъ сниманіи шляпы. Все во Франціи продажно. Страна вырождается. Отчитавъ такимъ образомъ французовъ, «Грубый Саксонецъ» заканчиваетъ:

«Въ прошломъ мы выжили, не смотря на зависть и вражду, нашихъ сосѣдей. Выживемъ и въ будущемъ. И въ то время, какъ Франція гибнетъ и слабѣетъ съ каждымъ днемъ, мы, которыхъ называютъ «мрачными и меланхоличными лицемѣрами», мы будемъ неуклонно слѣдовать нашимъ путемъ. Англійскій языкъ будетъ распространяться, а нашъ флагъ, символъ свободы, истины и чести, станетъ развиваться въ отдаленныхъ странахъ. Ибо нами руководятъ два начала: законность и нравственность!»

---

*) Ib. p. 38.

Второй памфлетъ, имѣвшій громадный успѣхъ, озаглавленъ: «Отъ Джона Булля Максу О'Реллю» *). Къ нему, въ видѣ портрета автора, приложена картина, изображающая громаднаго англійскаго бульдога, презрительно глядящаго на маленькаго, вертляваго, выстриженнаго французскаго пуделя. Авторъ замѣчателенъ своей необычайной раздражительностью. «Ваша хвастливая, мелочная, жалкая гальская натура,—обращается онъ къ Максу О'Реллю,—не въ состояніи оцѣнить великаго народа. Вы, французы, не понимаете самихъ себя. Какъ же вы можете понять насъ, мощныхъ британцевъ». Сварливый авторъ обижается рѣшительно каждымъ замѣчаніемъ, даже такимъ, что въ Англіи плохой климатъ. «И совсѣмъ неправда!—восклицаетъ онъ,—тамъ климатъ не хуже, чѣмъ на континентѣ!» Не обойденъ безъ возраженія пассажъ о большихъ ногахъ. «Маленькія ноги не только у француженокъ, но и у китаянокъ»,—замѣчаетъ онъ. Кончается памфлетъ приглашеніемъ спѣть вмѣстѣ съ авторомъ «God save the Queen» и крикнуть *ура!* старой Англіи.

Вы можете судить теперь, какъ велико было негодованіе большой публики въ Англіи противъ Макса О'Релля. Съ теченіемъ времени, однако, она не только примирилась съ остроумнымъ авторомъ, но даже сильно полюбила его. Слава Макса О'Релля такъ установилась, что англійскіе импрессаріо осаждали его со всѣхъ сторонъ, соблазняя читать лекціи то въ Соединенныхъ Штатахъ, то въ Новой Зеландіи, то въ Капской колоніи. Гальское остроуміе и гальская храбрость при этомъ соперничали другъ съ другомъ. Максъ О'Релль, не смотря на то, что прожилъ въ Англіи тридцать лѣтъ и былъ женатъ на англичанкѣ, до самой смерти не могъ одолѣть англійскаго языка. Онъ говорилъ съ сильнымъ акцентомъ, съ невозможными галлицизмами, но смѣлость и неистощимое остроуміе никогда не покидали его. И онъ имѣлъ громадный успѣхъ, не смотря на свой ломаный англійскій языкъ.

Книги Макса О'Релля крайне поверхностны. Это—внѣ сомнѣнія; но за ними одна большая заслуга. По своей формѣ и талантливости онѣ вполнѣ по плечу большой публикѣ, очень плохо знающей другіе народы, а потому вообще склонной къ «фобствамъ» всякаго рода.

На почвѣ незнанія крайне легко культивируется ненависть, въ особенности, если распространеніе ея кому-нибудь на руку. И этой большой публикѣ Максъ О'Релль показываетъ, какія симпатичныя черты, достойныя не только уваженія, но и подражанія, есть въ другой націи. Не заключается ли величайшая заслуга пи-

*) «John Bull to Max O'Rell», London. 1885.

..зателя въ томъ, что онъ борется съ юисторическимъ понятіемъ «націонализма» и содѣйствуетъ сближенію народности съ народностью? Не есть ли, наоборотъ, величайшее преступленіе въ сѣяніи ненависти и раздора?

II.

Человѣкъ съ причудой.

I.

Изъ моего клуба я получилъ слѣдующее извѣщеніе: «Двадцатаго ноября состоится лекція миссисъ Г. Ивэнсъ (вице-президентъ *Лиги Раціональнаго Платья*) — «Должны-ли лэди носить панталоны?». Иллюстрація при помощи волшебнаго фонаря. Предсѣдательствуетъ лэди Г. (основательница и президентъ *Лиги Раціональнаго Платья*). Миссъ Томкинсъ (дѣйствительный членъ *Лиги Раціональнаго Платья*) прочтетъ: «И мои впечатлѣнія». Начало въ девять часовъ. Мужчины могутъ явиться».

Нашъ клубъ, носящій вычурное греческое названіе, именуется въ газетахъ всегда «Обществомъ реформаторовъ». Въ одномъ изъ вечернихъ изданій какъ-то появилась даже иллюстрированная замѣтка о клубѣ. Художникъ не пожалѣлъ въ картинкахъ бородъ мужчинамъ и пышныхъ шевелюръ — дамамъ, но, насколько мнѣ извѣстно, чистый феминизмъ въ программу клуба не входитъ, и лэди Г. членомъ его не состоитъ. Лэди Г. я зналъ по имени, по судебному процессу. Она каталась какъ-то на велосипедѣ за городомъ и остановилась въ деревенской гостиницѣ. Такъ какъ лэди Г. была въ «раціональномъ костюмѣ», т. е. въ панталонахъ, то шокированная трактирщица не пустила ее въ дамскую комнату. Въ видахъ общественной пользы, лэди Г. привлекла трактирщицу къ суду на основаніи закона временъ короля Эдуарда III Плантагенета, обязывающаго содержателей гостиницъ на большихъ дорогахъ впускать проѣзжихъ, если тѣ готовы заплатить. Трактирщица оказалась упорная и пошла на процессъ. Она заявила, что такъ какъ лэди Г. явилась къ ней «въ неприличномъ костюмѣ», то ей предложено было пойти въ «общую», гдѣ пьютъ и курятъ всѣ проѣзжіе. И если лэди Г. еще разъ нарядится въ «такой костюмъ», то она, трактирщица, опять не пуститъ ее въ дамскую. Судья рѣшилъ дѣло въ пользу трактирщицы. Феминистки тогда собирали подписки для петиціи въ парламентъ

о санкціи «раціональнаго костюма». Не могу сказать теперь доподлинно, была ли подана петиція или нѣтъ. Знаю только навѣрное, что синей книги по этому поводу нѣтъ. Лэди Г., на основаніи процесса, представлялась мнѣ всегда почему-то блазированной молодой аристократической дамой, въ родѣ тѣхъ, которыя часто выступаютъ въ великосвѣтскихъ бракоразводныхъ дѣлахъ. Имена же миссисъ Ивэнсъ и миссъ Томкинсъ я слышалъ въ первый разъ; но рѣшилъ непремѣнно пойти на конференцію ихъ.

Наша обычная клубная публика, которую можно застать каждый день, мнѣ хорошо извѣстна. Когда бы я ни пришелъ, я увѣренъ, что въ той или другой комнатѣ навѣрное найду непремѣнныхъ посѣтителей. Въ числѣ ихъ, конечно, розовый, какъ херувимъ, предсѣдатель клуба, лордъ Р., на котораго въ верхней палатѣ смотрятъ, какъ на антихриста. Когда онъ внесъ билль о разводѣ, лордъ-канцлеръ не только предложилъ отвергнуть проектъ въ первомъ же чтеніи, но посовѣтовалъ выразить еще порицаніе (что противъ обычаевъ) лорду Р. за «скандальный, гнусный и распутный планъ», стремящійся къ уничтоженію «священнѣйшаго союза». Только озлобленіемъ лорда-канцлера объясняются его слова. Въ дѣйствительности, въ биллѣ нѣтъ ничего «скандальнаго, гнуснаго и распутнаго». Въ настоящее время бракъ въ Англіи расторгается при нарушеніи одною изъ сторонъ супружеской вѣрности (если развода ищетъ жена, то она должна, кромѣ того, доказать, что мужъ жестоко обращается съ ней). Въ своемъ биллѣ лордъ Р. предлагаетъ расторженіе брака въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности, жестокаго обращенія, осужденія одного изъ супруговъ въ каторжныя работы на срокъ не меньшій, чѣмъ три года, психической болѣзни, добровольнаго соглашенія обѣихъ сторонъ, если супруги живутъ отдѣльно другъ отъ друга уже три года. Вотъ, кажется, все содержаніе страшнаго билля, который привелъ въ такое негодованіе хранителя традицій верхней палаты. Повидимому, лордъ Р. принимаетъ «удары стрѣлъ враждующей фортуны» легко, если судить по цвѣтущимъ щекамъ и по вѣчной улыбкѣ.

Я нахожу также всегда «адвоката безъ процессовъ». Такихъ въ Англіи много. Одни изъ нихъ промышляютъ тѣмъ, что выискиваютъ процессы о нарушеніи обѣщанія жениться (breach of promise) и ведутъ ихъ исполу. Читатели, желающіе знать, что это за процессы, должны вспомнить дѣло миссисъ Бардль противъ мистера Пиквикка. Другіе «адвокаты безъ процессовъ» записываются въ «Лигу Подснѣжника», гдѣ ихъ берутъ подъ свое покровительство дамы, насаждающія консерватизмъ, имперіализмъ и лоялизмъ. «Пока что» молодые адвокаты агитируютъ, а далѣе

имъ даетъ обѣщаніе «любить ихъ въ нищету». когда понадобится че-ловѣчка для Индіи или другой колоніи, гдѣ нѣтъ самоуправленія. Молодой адвокатъ изъ нашего клуба не занимается выискиваніемъ процессовъ о нарушеніи обѣщанія жениться и не обираетъ пиро-говъ у дамъ изъ лиги «Подснѣжника»: онъ пишетъ стихи. Ка-жется, Сафиръ замѣтилъ, что поэты подобны дынямъ: и тѣ и другія начинаютъ нравиться послѣ того, какъ предварительно по-*лежатъ на соломѣ*. Адвокату-поэту, конечно, пришлось бы позна-комиться съ справедливостью афоризма, если бы не обезпеченныя средства. Неизбѣжной посѣтительницей является также дама съ восторженнымъ лицомъ, въ эксцентричномъ восточнаго покроя платьѣ. Она заинтересовалась японской литературой и изучила въ совершенствѣ японскій языкъ. Въ прошломъ году дама исчезла изъ клуба и не появлялась тамъ тринадцать мѣсяцевъ. Оказы-вается, она ѣздила въ Японію, чтобы лично познакомиться съ Фо-кузавой, сочиненія котораго привели ее въ восторгъ. Она привезла съ собою экземпляръ «Сейо Джиджо» съ собственноручной над-писью автора, коллекцію горныхъ ландшафтовъ Кано Мото-Нобу и Шиво-Кава Буприна, да удивительную шелковую матерію, рас-шитую колосьями и журавлями, въ которую одѣвается съ тѣхъ поръ. Скоро въ клубѣ дама прочтетъ докладъ о другомъ своемъ любимомъ авторѣ — Тсубоючи Юзо. Изучая какой-нибудь народъ, мы находимъ въ немъ свои черты. А такъ какъ человѣкъ лю-битъ самого себя, то, узнавъ въ другомъ народѣ самого себя — начинаетъ любить и этотъ народъ. Національная ненависть осно-вана на незнаніи. Она — остатокъ того времени, когда языкъ другого народа былъ для насъ родъ лая: когда мы всѣхъ ино-странцевъ считали нѣмыми. Дама, изучивъ японскій языкъ, стала восторженной японофилкой. Я ее засталъ въ клубѣ въ бесѣдѣ съ смуглымъ джентльмэномъ, въ бѣлой чалмѣ, — ученымъ инду-сомъ, пріѣхавшимъ изъ Калькуты, чтобы работать въ Британ-скомъ музеѣ.

Въ англійскомъ клубѣ вы вольны дѣлать, что хотите. Если желаете, можете заговорить съ сосѣдомъ, хотя бы даже и не представленнымъ вамъ; если нѣтъ, можете молчать, забраться съ ногами въ глубокое кресло, дремать или изучать публику. Лекція еще не начиналась. Рядомъ со мною, у огня, бесѣдовали двое. Одинъ — шарообразный, лысый джентльмэнъ съ выраженіемъ на лицѣ, которое говорило: «ну-ка, скажите смѣшное, и я сейчасъ захохочу». Дѣйствительно, хохоталъ джентльмэнъ (чиновникъ изъ county council) постоянно. Собесѣдникъ его былъ другого типа: очень высокій, очень худощавый, съ густой шевелюрой и глухимъ серьезнымъ басомъ.

Лекція о раціональномъ платьѣ—что?—гудѣлъ онъ.—Вотъ недѣли четыре тому назадъ другая феминистка, миссисъ Спрингфильдъ, читала у насъ докладъ и доказывала, что мужья обязаны платить жалованье своимъ женамъ за то, что онѣ возятся съ хозяйствомъ. Мужья эксплуатируютъ трудъ своихъ женъ,—доказывала докладчица. Если бы они не были женаты, они, конечно, платили бы жалованье тѣмъ, кто ведетъ ихъ хозяйство. Но трудомъ своихъ женъ они пользуются даромъ. Если мужъ и даетъ своей женѣ иногда деньги, то считаетъ это подаркомъ, а не жалованьемъ. Миссисъ Спрингфильдъ призывала всѣмъ женамъ устроить стачку противъ мужей съ цѣлью добиться опредѣленнаго жалованья. Она требовала, чтобы парламентъ опредѣлилъ, какая часть заработка мужа должна принадлежать женѣ. Докладъ вызвалъ много замѣчаній, нервныхъ и шуточныхъ, дѣльныхъ и вздорныхъ.

— Докладчица совершенно права,—взволнованно замѣтила одна изъ публики, — законъ обязанъ опредѣлить, сколько жалованья долженъ платить мужъ своей женѣ. Я знаю случаи, когда мужъ не давалъ никогда денегъ женѣ. И когда ей необходимо было полкроны, пришлось обратиться къ прислугѣ.

— А я знаю случай, — такимъ же взволнованнымъ голосомъ прервалъ одинъ изъ слушателей, — когда жена отбирала у мужа весь заработокъ и оставляла ему только шесть пенсовъ на конку. Шарообразный лысый господинъ захохоталъ такъ, что закашлялся.

— Ну, я бы предложилъ докладчицѣ одинъ вопросъ,—сказалъ онъ, наконецъ, когда оправился. — Согласенъ. Семейный очагъ основывается на денежномъ уговорѣ. Но какъ же быть въ такомъ случаѣ: если я недоволенъ службой домохозяйки, я разсчитываю ее. Могу ли я дать разсчетъ женѣ, если нахожу, что она не стоитъ положеннаго ей жалованья? — Шарообразный джентльмэнъ опять захохоталъ, закашлялся и сталъ хлопать жирной, пухлой рукой себя по колѣну. Улыбнулся и собесѣдникъ.

— Докладчицѣ возражали по существу, — сказалъ онъ. — Ей сказали, что ея проектъ вноситъ въ семью нежелательный коммерческій характеръ. Далѣе, докладчица принимаетъ нынѣшнее общество и нынѣшнюю семью за нѣчто фиксированное, вѣковѣчное. Тѣ ненормальности, на которыя справедливо указываетъ она въ своемъ проектѣ, уничтожатся не тогда, когда парламентъ обяжетъ мужа платить женѣ жалованье, а тогда, когда женщина будетъ независима, когда откроется широкое общественное примѣненіе какъ мужского, такъ и женскаго труда.

— А гдѣ же теперь докладчица?

— О, проектъ это ея причуда, ея *hobby*. Отъ него она отка-

жется не такъ скоро. Теперь она объѣзжаетъ провинцію и въ женскихъ рабочихъ клубахъ пропагандируетъ стачку всѣхъ женъ противъ мужей съ цѣлью добиться жалованья.

Раздался звонокъ, возвѣщавшій начало лекціи. Вмѣсто [illegible] молодой свѣтской барыни, какъ я представлялъ себѣ леди Г.—я увидалъ почтенную уже даму, съ рѣзкими чертами лица. Рядомъ съ ней сидѣла докладчица, маленькая, круглая, [illegible], саркастически улыбающаяся дама. Какъ она, такъ и предсѣдательница были не въ «раціональныхъ костюмахъ», а въ платьяхъ по послѣдней модѣ. Безпрерывно улыбаясь, докладчица стала читать бойко и отчетливо по тетрадкѣ. «Кому приходилось [illegible] возвращаться въ [illegible] съ покупками, вмѣстѣ съ ребенкомъ, — начала она, — та согласится, что женское платье крайне [illegible]. Нужно держать покупки, поддерживать шлейфъ платья и въ то же время вести за руку ребенка. [illegible] еще ухудшается [illegible], когда нужно взбираться въ омнибусъ. А велосипедъ? Катанье на немъ [illegible] для женщинъ, если она носитъ обыкновенное платье, а не «раціональное». [illegible] [illegible]

[illegible]

рѣчиво возвѣщала о несчастьяхъ, проистекающихъ отъ ношенія нераціональнаго платья. Наконецъ, двѣ послѣднихъ картинки изображали эпоху реформъ. На первой выступила миссисъ Фанни Блумеръ, первая американка, появившаяся въ сороковыхъ годахъ на улицахъ Бруклина въ турецкихъ шароварахъ и въ короткой юбкѣ нѣсколько ниже колѣнъ... Послѣдняя картинка завершала все. Она показывала члена «Лиги раціональнаго платья» въ широкихъ шароварахъ до колѣнъ, въ башмакахъ и чулкахъ, въ курткѣ, съ мужскимъ воротничкомъ, въ галстухѣ и въ мужской шляпѣ. Нужно сознаться, что взрывы хохота сопровождали часто появленіе той или другой эксцентричной картинки.

— Знаете ли вы общественное положеніе докладчицы? — спросилъ я сосѣда — Профессіональный ли она лекторъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ; у ней всего только одна лекція. Это — ея hobby (причуда). Сама она жена банкира.

И эта лекція навела меня на мысль поговорить съ читателями о «причудахъ» вообще, такъ какъ, мнѣ кажется, не смотря на свою эксцентричность, а порой — незначительность, онѣ имѣютъ серьезное общественное значеніе.

II.

Предо мною лежитъ 191-ое изданіе извѣстной, кажется, въ Россіи книги сэра Джона Лэббока, теперь лорда Авербюри — «The Pleasures of Life» (Прелести жизни). Сочиненіе это имѣло колоссальный успѣхъ въ Англіи. Нѣкоторое представленіе о немъ читатель получитъ, если я скажу, что знаменитый трудъ того же автора «Первобытная культура», вышедшій въ шестидесятыхъ годахъ и доставившій Лэббоку міровую извѣстность — появился теперь всего лишь шестымъ изданіемъ (по тысячѣ экземпляровъ въ заводѣ). «Начало Цивилизаціи» выдержало тоже только шесть изданій, «Объ умѣ и инстинктѣ животныхъ» — семь изданій и т. д. Объясняется ли поразительный успѣхъ «Pleasures of life» — яркой оригинальностью труда? Нѣтъ, книга состоитъ, главнымъ образомъ, изъ выписокъ изъ различныхъ авторовъ. Путемъ цитатъ Лэббокъ пытается доказать, что человѣкъ очень счастливъ уже тѣмъ что живетъ. Для доказательства этого положенія Лэббокъ перечисляетъ всѣ радости, которыя человѣкъ встрѣчаетъ въ жизни: удовольствіе, доставленное сознаніемъ выполненнаго долга, наслажденіе, полученное отъ чтенія лучшихъ произведеній человѣческаго генія, прелести дружбы, путешествія и семейнаго счастья, наслажденіе научными изысканіями, затѣмъ, — любовь, искусство, поэзія, музыка, красота природы и т. д. Каждая страница, каждая строчка дышетъ

такимъ восторженнымъ оптимизмомъ, что, не смотря на крайнюю наивность тона и примитивность разсужденій,—читатель обезоруженъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сказать по поводу такого мѣста: «Я часто слышалъ толки про неблагодарность и эгоизмъ людей,—говоритъ Лэббокъ.—Не знаю, быть можетъ потому, что я очень счастливъ,— но я никогда не испытывалъ ужасовъ этого жестокаго бича».

«Въ дѣйствительности, мы гораздо богаче, чѣмъ считаемъ себя!— наивно восклицаетъ лордъ Авербюри въ другомъ мѣстѣ.—Мы часто слышимъ о стремленіи людей владѣть чѣмъ-нибудь. Люди завидуютъ крупнымъ землевладѣльцамъ и считаютъ величайшимъ счастьемъ имѣть большія помѣстья. Но очень часто, какъ говоритъ Эмерсонъ, если вы обладаете землей, земля обладаетъ вами. Къ тому же, не видимъ ли мы тысячи акровъ, котырые, въ высшемъ смыслѣ, находятся въ общемъ владѣніи. Вагоны, дороги, тропинки, берегъ моря, безконечное пространство нашей имперіи, столь богатой видами, — не принадлежитъ ли это намъ всѣмъ? Мы всѣ, сами того не сознавая, крупные землевладѣльцы.

«Если мы нуждаемся въ чемъ-нибудь, такъ не въ помѣстьяхъ, а въ умѣньи наслаждаться ими. У землевладѣльца есть заботы; ему нужно охранять, работать, тогда какъ пейзажъ принадлежитъ, безъ всякаго труда, каждому, имѣющему глаза, чтобы созерцать его. Кингсли называлъ верещаки возлѣ Иверсли своимъ «зимнимъ садомъ». Онъ не думалъ сказать, что холмы принадлежатъ ему одному, а имѣлъ въ виду идеальный смыслъ. Такимъ самымъ образомъ верещаки принадлежатъ всякому».

Вся книга Лэббока проникнута такимъ же оптимизмомъ, а положенія развиваются такъ же наивно и примитивно. Вы видите, предъ нами разсужденіе на тему, что «я бояринъ, если болѣю по всѣмъ». Мнѣ припоминается старинная книга, въ кожаномъ переплетѣ,—съ краснымъ обрѣзомъ, изданная Гаріемъ, Любіемъ и Поповымъ, попавшаяся мнѣ въ руки на глухомъ ленскомъ станкѣ, подъ Якутскомъ. Въ станціонной избѣ было холодно, вонько и угарно. Объякутѣвшіе ямщики распухли отъ голода. Внизу, подъ угоромъ, на Ленѣ, крутила мятель. Пришлось ждать до утра. Я раскрылъ книгу съ краснымъ обрѣзомъ, которая оказалась разсужденіемъ о добродѣтели, переведеннымъ суконнымъ языкомъ. «Зачѣмъ мнѣ пажити? По что злато и почести? Лучше я удалюсь подъ сѣнь деревьевъ, и на лонѣ природы буду наслаждаться добродѣтелью»,—читалъ я. Книга лорда Авербюри, въ сущности, варіація на эту же тему. Я могъ бы добавить, что въ справочной книгѣ «Who's is Who» за 1903 г. значится, что лордъ Авербюри—глава богатаго банкирскаго дома «Robarts, Lubbock and C°»,

и что у него три тысячи акровъ земли, принадлежащихъ ему не только въ «высшемъ смыслѣ». Но этимъ я отнюдь не желаю набросить тѣнь на искренность почтеннаго автора. Джонъ Лэббокъ пользуется глубокимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ всѣхъ партій въ Англіи. Я хотѣлъ только сказать, что для того, чтобы понять успѣхъ наивной книги Лэббока, нужно стать на англійскую точку зрѣнія. Въ этой книгѣ все зависитъ отъ «Я», отъ того всесильнаго «I», которое англичанинъ пишетъ съ большой буквы и ставитъ въ центрѣ мірозданія. Англичанинъ за наивными разсужденіями, которыя кажутся намъ столь прописными и шаблонными, усмотрѣлъ въ книгѣ Лэббока нѣчто другое: прославленіе *я*, доказательство, что нѣтъ преградъ, которыя могли бы остановить человѣка, когда онъ дѣйствительно разумно захочетъ чего-нибудь. Книга Лэббока говоритъ англичанину, что есть великое наслажденіе въ трудѣ, въ усиліи, въ борьбѣ, въ процессѣ преодолѣванія препятствій. Это могучее, настойчивое «I» покончило много лѣтъ тому назадъ съ внѣшними препятствіями, съ которыми еще считаются на континентѣ. *Я* англичанина подчинило эти препятствія всецѣло своему контролю. Теперь приходится ему бороться только за личное счастье.

Энергіи въ немъ такъ много, что далеко не весь запасъ ея исчерпывается въ погонѣ за личнымъ благосостояніемъ. Остается еще излишекъ. «Когда даже англичанинъ не работаетъ,– говоритъ восторженный французскій наблюдатель *), – ему необходима дѣятельность: онъ будетъ тогда играть въ футболъ, въ крокетъ, грести, свершить опасное восхожденіе на гору, единственно для того, чтобы испытать удовольствіе въ преодолѣніи препятствій». Лэббокъ разсказываетъ, что одинъ восточный путешественникъ присутствовалъ на партіи въ *футболъ*. Онъ очень удивился, узнавъ, что многіе изъ играющихъ люди очень богатые. «Почему же они не наймутъ кого-нибудь, чтобы сдѣлать за себя работу?»—спросилъ путешественникъ. Взгляды англичанъ (вѣрнѣе, англо-саксовъ) и другихъ народовъ на дѣятельность далеко не одинаковы. Всѣ знаютъ восточное изреченіе: «Сидѣть лучше, чѣмъ ходить, лежать лучше, чѣмъ сидѣть». Англо-саксонецъ принялъ бы это изреченіе только наоборотъ: «ходить лучше, чѣмъ сидѣть». И книга Лэббока потому такъ популярна въ Англіи, что учитъ, что, борясь, человѣкъ платитъ не «долгъ», а осуществляетъ счастье...

Выше указано уже, что послѣ достиженія удовлетворенія первоначальныхъ потребностей жизни, у англичанина остается еще значительный запасъ энергіи. Въ «замѣткахъ объ Англіи» Мон-

*) Edmond Demolins, «A quoi tient la superiorité des Anglo-Saxons».

тескье отмѣчаетъ только одно проявленіе энергіи: «il faut à l'Anglais un bon dîner, une fille, de l'aisance; comme il n'est pas répandu, et qu'il est borné à cela, dès que sa fortune se délabre, et qu'il ne peut plus avoir cela il se tue ou se fait voleur» (Oeuvres complètes, tome V, p. 284). Помимо этого, остается еще энергія, которая и проявляется въ «hobby», въ «причудахъ». Характеръ этихъ «причудъ» зависитъ, конечно, всецѣло отъ степени интеллектуальнаго развитія индивидуума. Имѣть мое «hobby» обязательно для всякаго англичанина, что можно видѣть, между прочимъ, по справочной книгѣ «Who's Who». Это — альманахъ въ 1500 страницъ, выходящій каждый годъ и содержащій біографіи всѣхъ выдающихся дѣятелей момента. Въ каждой замѣткѣ обязательно прибавлено «hobby» знаменитости. Напр., мы узнаемъ, что «business» лорда Аверბюри (Лэббока) банковыя операціи, а «hobby» его — «естественно-историческія изысканія и путешествія». У другого «hobby» — строить игрушечныя желѣзныя дороги. Третій — совершаетъ восхожденія на всѣ горы, четвертый — коллекціонируетъ. «Books are my hobby» (моя причуда — чтеніе книгъ), — сказалъ мнѣ страховой агентъ, заглянувшій ко мнѣ, чтобъ убѣдить меня застраховаться въ его компаніи. Я приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ ненастный осенній день я заглянулъ въ одинъ изъ лондонскихъ парковъ: подъ деревомъ, гдѣ перекрещивались двѣ аллеи, я увидѣлъ небольшую толпу мужчинъ и женщинъ, слушавшихъ молодого оратора, блѣднаго, бритаго, съ гнилыми зубами. Ораторъ, по обычаю, стоялъ безъ шляпы, и холодныя капли дождя падали постоянно ему на макушку. Его тщательно приглаженные волосы сильно порѣдѣли. Такъ какъ день былъ воскресный, то я принялъ оратора за corner preacher, т. е. за проповѣдника, толкующаго на свой ладъ Библію. Къ нимъ я уже успѣлъ присмотрѣться, но меня заинтересовало знамя, стоявшее рядомъ съ ораторомъ и изображавшее парящаго орла, вокругъ шеи котораго обвилась змѣя. Я подошелъ.

— Джентльмены, — говорилъ болѣзненный ораторъ съ гнилыми зубами, — мы смиренно несемъ черезъ крутыя горы все то, что намъ навалятъ на плечи. Обливаясь потомъ, мы вздыхаемъ. Увы! жизнь тяжела! Но тяжела она потому, что человѣкъ слишкомъ терпѣливъ. Подобно верблюду — сказалъ великій Ницше, — онъ сгибаетъ колѣни и позволяетъ нагружать на свою спину громадныя тяжести. До тѣхъ поръ, покуда человѣкъ мыслитъ, — онъ свободенъ. Нѣтъ ничего болѣе противнаго, чѣмъ видъ рабовъ, голосящихъ о свободѣ. Глупцамъ и слѣпцамъ никогда ... твердятъ про «декларацію правъ» и про «великую хартію».

Раса альтруистовъ—неизбѣжно будетъ расой рабовъ. Народъ, состоящій изъ свободныхъ людей, долженъ состоять изъ эгоистовъ. Вы, глупцы, которыхъ эксплуатируютъ! Если вы не станете горды, какъ этотъ орелъ, и мудры, какъ змѣя, вы никогда не вступите въ царство справедливости!»

Подъ сосѣднимъ деревомъ раздалось нѣсколько нестройное пѣніе гимна: то «церковная бригада» начала свою службу подъ открытымъ небомъ.

— Они твердятъ про блаженство мира!—саркастически воскликнулъ ораторъ съ гнилыми зубами.—Джентльмэны! если нужны гимны, то молитесь не о мирѣ, а о хорошей, большой, кровопролитной войнѣ, потому что она—причина всѣхъ высшихъ добродѣтелей въ человѣкѣ. Миръ порождаетъ глупцовъ и пороки. Война создаетъ героевъ.

Я въ первый разъ встрѣчалъ англійскаго ничшеніанца, проповѣдующаго при томъ же эгоизмъ буквально на стогнахъ и торжищахъ. Другой молодой человѣкъ, обходя всѣхъ, предлагалъ пріобрѣсти журналъ: «Орелъ и змѣя», съ такимъ же изображеніемъ на заглавномъ листкѣ, какъ и на знамени, и представлявшій тетрадку въ 16 страницъ небольшого формата. При небольшомъ даже опытѣ, видно было, что это—продуктъ «hobby». «*Орелъ и змѣя*,—прочелъ я,—двухмѣсячный журналъ, посвященный эгоистической философіи и соціологіи. Цѣль его—доказать, что въ соціальной наукѣ альтруизмъ равносиленъ проклятію, а эгоизмъ—спасенію. Въ борьбѣ эксплуатируемые одержатъ верхъ только тогда, когда станутъ дѣйствовать, какъ «ego». Всѣ интересующіеся вопросомъ, должны немедленно же пріобрѣсти книгу «The Philosophy of Egoism», въ которой излагается все ученіе великаго Ничше».

Подъ заголовкомъ «Въ развѣдкахъ за врагомъ» я нашелъ слѣдующую выдержку изъ Ничше: «Когда солнце подошло къ полдню, Заратустра внезапно съ удивленіемъ взглянулъ наверхъ. Ибо услыхалъ онъ надъ головой рѣзкій клекотъ большой птицы. И вотъ усмотрѣлъ онъ орла, описывавшаго въ воздухѣ широкіе круги. И подъ нимъ, свернувшись кольцомъ, висѣла змѣя, не какъ добыча, а какъ другъ... Это—мои животныя,—сказалъ съ сердечной радостью Заратустра.—Самое гордое животное подъ солнцемъ и самое мудрое отправились на развѣдки... Пусть мои животныя ведутъ меня».

За этой замѣткой, пояснявшей значеніе виньетки, слѣдовало коротенькое литературное сообщеніе. «Послѣ годовъ труда,—говоритъ Джонъ Генри Макей,—я закончилъ жизнеописаніе Макса Штирнера. Послѣ годовъ упорной работы *я* могу дать теперь книгу въ нѣсколько сотъ страницъ, вмѣсто тѣхъ пяти строчекъ

(въ томъ числѣ три лживыя), въ которыхъ до сихъ поръ излагалась жизнь великаго мыслителя. Въ первой главѣ *я* излагаю раннюю молодость Штирнера, во второй—его годы ученія. Все это *я* возстановилъ самъ. У меня для руководства было лишь нѣсколько датъ. Картина принимаетъ болѣе яркій характеръ въ третьей главѣ, гдѣ *я* рисую кругъ «свободныхъ», въ которомъ Штирнеръ вращался въ Берлинѣ. *Я* нашелъ, что это единственный клубъ, къ которому принадлежалъ великій философъ. Въ дальнѣйшей главѣ *я* разсматриваю безсмертный трудъ «Der Einzige und sein Eigenthum», а въ заключеніе *я* излагаю десять послѣднихъ лѣтъ жизни Макса Штирнера, когда его уже забыли и оставили умирать въ бѣдности». Даже по коротенькой замѣткѣ видно, что авторъ высоко ставитъ *я*.

Покуда я разсматривалъ журналъ, возникъ споръ между молодымъ человѣкомъ и толстымъ джентльмэномъ изъ «церковной бригады». Начало я пропустилъ, поглощенный чтеніемъ. Очевидно, толстый проповѣдникъ негодовалъ, что редакторъ «Орла и змѣи» ставитъ *я* на первый планъ.

— Джентльмэны! Я сейчасъ докажу вамъ неопровержимо, что тотъ человѣкъ подъ деревомъ говоритъ наглую, подлую ложь, когда расписываетъ значеніе *я*,—горячился проповѣдникъ изъ «Церковной бригады», стуча кулакомъ одной руки по ладони другой, какъ бы приколачивая каждое слово. — Кромѣ *я*, есть еще *Онъ*. Слушайте и смотрите сюда (джентльмэнъ вытащилъ изъ жилетнаго кармана ножикъ). Что это такое? «Перочинный ножикъ!»—отвѣтите вы и будете правы. А что вы еще скажете по поводу этого ножика? «Черенокъ у него черепаховый». И вы опять скажете святую истину. Что же вы можете сказать и по поводу клинковъ. и по поводу черенковъ? Джентльмэны, не правда ли, вы скажете: «какъ искусенъ тотъ мастеръ, который ихъ сдѣлалъ. Какъ *онъ* (джентльмэны, замѣтьте это мѣстоименіе!) знаетъ свое дѣло». Теперь смотрите: предъ вами не ножикъ, а нѣчто гораздо болѣе сложное—деревья, солнце, небо, наконецъ, человѣкъ, ораторствующій умныя или глупыя вещи. Не приходитъ ли въ голову, какъ великъ *Онъ* (а не *я*), который сотворилъ все это!—Толстый проповѣдникъ съ торжествующимъ видомъ побѣдителя вызывающе смотрѣлъ на молодого оратора. Тотъ ограничился, однако, сентенціознымъ замѣчаніемъ: «величайшимъ врагомъ свободы является не тиранъ, а довольный рабъ». Диспутъ закончился неожиданно. Вмѣшался человѣкъ въ длинномъ синемъ сюртукѣ, съ черной палочкой въ рукахъ, сторожъ сада.

— Джентльмэны,—началъ онъ, — я долженъ напомнить вамъ,

что наступили сумерки, и по правиламъ мы обязаны запереть паркъ. Митинги, поэтому, должны быть прекращены.

Съ молодымъ ораторомъ мнѣ пришлось вскорѣ не только встрѣтиться опять, но даже познакомиться. Началось дѣло Бэдборо. Англичане удивительный народъ. Они покончили давнымъ давно съ жгучими общественными вопросами, разрѣшеніе которыхъ во многихъ мѣстахъ на континентѣ — еще впереди. Англичанинъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, пожимаетъ только плечами, когда слышитъ, что на континентѣ во многихъ мѣстахъ приходится еще обходиться безъ такихъ прерогативъ, которыя онъ искони считаетъ столь же необходимыми для человѣка, какъ вода, воздухъ или хлѣбъ. Въ то же время онъ останавливается предъ такими вопросами личной жизни, которые давнымъ давно разрѣшены уже на континентѣ. Сюда относится та группа вопросовъ, которую разрѣшала въ своихъ романахъ Жоржъ Зандъ. Въ Англіи можно открыто проповѣдывать не только въ печати, но на первомъ перекресткѣ самую смѣлую политическую или теологическую теорію. Можно доказывать, что Эдуардъ VII—узурпаторъ, и что законный преемникъ Карла I—королева Марія III, принцесса Баварская. Можно проповѣдывать «секуляризмъ», «агностицизмъ», «анархизмъ», словомъ, что угодно. Но самый смѣлый реформаторъ не рѣшится высказать мысль, что можетъ быть любовь, не скрѣпленная прежде, для вѣрности, хотя бы въ канцеляріи магистрата, если уже не пасторомъ. Въ англійской литературѣ, въ силу этого взгляда, цѣлая категорія явленій трактуется по заранѣе установленному шаблону. Противъ романистовъ, осмѣливающихся отступить отъ шаблона, поднимается цѣлая буря, какъ показываетъ исторія романа «Woman who did» Грэнтъ-Аллэна. Драмы Зудермана невозможны на англійской сценѣ. Романы Толстого, не смотря на громадный авторитетъ нашего великаго писателя въ Англіи, считаются «неприличными»! Въ Англіи можно погубить репутацію самаго популярнаго дѣятеля, если найдется газета, которая раскроетъ его совершенно интимную жизнь, не имѣющую никакого отношенія къ общественной дѣятельности. Нагляднымъ примѣромъ служитъ судьба Парнелля. Является ли эта пуританская нетерпимость результатомъ особой, исключительной чистоты? Кто слѣдилъ внимательно за бракоразводными процессами въ Англіи, конечно, этого не скажетъ. Въ этой интимной области англичане не хуже, но и не лучше своихъ сосѣдей на континентѣ, и получается слѣдующее. На континентѣ люди, придерживающіеся крайнихъ взглядовъ, соединяются въ сообщества для пропаганды какой нибудь смѣлой политической доктрины. Въ Англіи это можетъ каждый сдѣлать открыто, на перекресткѣ. И здѣсь крайніе реформаторы

Истинный эготизмъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе всѣхъ авторитетовъ и полное пренебреженіе къ мнѣнію и интересамъ другихъ. Но такое положеніе практически невозможно, развѣ только мы очутимся, какъ Робинзонъ Крузо, на пустынномъ островѣ. Даже герой Дефо нашелъ животныхъ, явившихся объектомъ его симпатій (такъ какъ Робинзонъ нашелъ, что ему *выгодно* симпатизировать живымъ существамъ,—отвѣчаетъ на это въ примѣчаніи редакторъ,—то альтруизмъ его, въ сущности, тотъ же эгоизмъ).

Гекторъ Фьюстеръ, дѣйствительно, увлекся изученіемъ русскаго языка. Не знаю, какимъ образомъ ему попалась въ руки «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина. Спотыкаясь на каждомъ шагу, преодолѣвая незнакомыя слова, а еще чаще незнакомыя формы выученныхъ уже глаголовъ въ ихъ неопредѣленномъ наклоненіи, Фьюстеръ одолѣлъ Карамзина. Какъ практичный человѣкъ, онъ рѣшилъ утилизировать затраченный трудъ и... написалъ History of Russia» (Исторія Россіи) по Карамзину. Получился большой томъ въ 500 страницъ, изданный въ 1902 г. солидной фирмой. На обложкѣ значится, что трудъ составленъ не по англійскимъ компиляціямъ, а по *русскимъ* первоисточникамъ, каковое обстоятельство оцѣнено прессой. Какъ видите, русскимъ историкомъ въ Англіи такъ же легко сдѣлаться, какъ у насъ написать книгу о «прошломъ, настоящемъ и даже *будущемъ* Китая», не зная ни языка, ни страны.

III.

Если нуженъ классическій примѣръ того, какъ мѣняются иногда «hobby», нужно отправиться въ любой изъ четверговъ на засѣданіе «Теософическаго общества». По всей вѣроятности, будетъ говорить не молодая уже дама, съ помятымъ лицомъ, съ глубокими и сильными складками отъ крыльевъ носа къ угламъ рта. Эти характерныя складки, нѣсколько потускнѣвшіе глаза, да нервныя, частыя подергиванія плечомъ какъ будто говорятъ: «Все пустяки; вы только меня слушайте!» А слушать порой бываетъ, дѣйствительно, любопытно; вы никогда съ увѣренностью не знаете, о чемъ именно будетъ сообщать дама. Въ теченіе сравнительно короткаго времени она увлекалась—ботаникой, «Силой и Матеріей» Бюхнера, «секуляризмомъ», соціализмомъ, нео-мальтузіанствомъ, четвертымъ измѣреніемъ, «кармой», «астральными тѣлами», устройствомъ академіи въ Бенаресѣ для изученія окультическихъ наукъ; въ настоящій моментъ, если не ошибаюсь, дама занята выясненіемъ родственной связи, существующей между теософіей и имперіализмомъ. Въ антрактахъ между этою нѣсколько пестрой дѣятельностью

дама путешествовала, взбиралась на Гималай и писала трактаты о загробной жизни, о трэдъ-юніонизмѣ, о щекотливыхъ практическихъ подробностяхъ нео-мальтузіанства, о «Багавадъ Гита» и великой «суами»—Блаватской.

Дама съ этимъ пестрымъ формуляромъ—Эни Безантъ, имя извѣстное и у насъ.

Безантъ теперь лѣтъ за пятьдесятъ. Англійскія справочныя изданія помѣщаютъ, какъ общее правило, годъ рожденія только мужчинъ. По происхожденію она принадлежитъ къ богатымъ среднимъ классамъ. Двадцати лѣтъ она вышла замужъ за священника англиканской церкви Безанта. Трудно представить себѣ большій контрастъ, чѣмъ тотъ, который существовалъ между супругами. Безантъ былъ чистенькій, аккуратный, заурядный «клэрджимэнъ», довольный собой, своимъ приходомъ, своей церковью и своими проповѣдями. Въ часы досуга, въ видѣ «hobby», онъ занимался сочиненіемъ трактата объ истинномъ благочестіи. Жена была нервная, порывистая, очень красивая молодая женщина, увлекавшаяся ботаникой. Она получила даже премію за маленькое сочиненіе объ орхидеяхъ. Затѣмъ ботаника надоѣла миссисъ Безантъ. На континентѣ ей попалась книга Бюхнера «Natur und Geist», которая произвела на нее сильное впечатлѣніе. Увлекающаяся Безантъ сдѣлалась ревностной матеріалисткой и, возвратясь въ Англію, засѣла за переводъ «Kraft und Stoff». Въ одной и той же «studio» ректорскаго дома, за однимъ столомъ супругъ писалъ трактатъ объ истинномъ благочестіи, а жена съ умиленіемъ переводила Бюхнера. Семейное согласіе, и безъ того нарушенное, не могло укрѣпиться такими разнородными симпатіями. И въ 1873 г., пройдя бурные и шумные пороги англійскаго бракоразводнаго процесса, Эни Безантъ развелась съ мужемъ. Ей тогда было около 25 лѣтъ. Въ матеріальномъ отношеніи она была вполнѣ обезпечена, и первымъ дѣломъ, вырвавшись на свободу, она окунулась съ головой въ «секуляристское» движеніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы видимъ ее уже вице-предсѣдателемъ «Національнаго общества секуляристовъ». Основателемъ «секуляризма» въ Англіи нужно считать Джэкоба Голіока; объ этомъ онъ самъ разсказываетъ въ своей интересной, хотя нѣсколько многорѣчивой автобіографіи («Sixty Years of an Agitator's Life»). «Я началъ задумываться надъ тѣмъ,—разсказываетъ Голіокъ,—что необходима простая теорія этическихъ обязанностей, которая спасла бы отъ индиферентизма все увеличивавшійся классъ мыслящихъ людей. Существовавшую догматическую метафизику они считали или туманной, или невѣрной. Мнѣ казалось, что дѣлать добро—хорошо. Если то начало, о которомъ говоритъ догматическая метафизика,

существуетъ, оно зачтетъ добро въ заслугу. Если же нѣтъ, то добро — самое лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ на землѣ. Оно хорошо для насъ, потому что даетъ нравственное удовлетвореніе. Хорошо оно и для другихъ, потому что приноситъ имъ пользу... Наука — единственное начало, на которое мы можемъ вполнѣ положиться. Я составилъ нѣсколько практическихъ нравственныхъ правилъ, которыя были бы обязательны для всѣхъ и осуществимы въ обыденной жизни... Нѣтъ ничего выше истины, — заявлялъ я вначалѣ. Секуляризмъ долженъ ускорить наступленіе царства человѣческаго... Всѣ эти правила я изложилъ въ книжкѣ «Principles of Secularism». Я исходилъ изъ положенія, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ Голіокъ, — что человѣкъ можетъ судить о томъ, пригоденъ ли ему для жилья домъ, даже если не знаетъ имени архитектора. Если человѣку позволяютъ жить въ домѣ и не требуютъ съ него квартирной платы, то онъ, изъ признательности, обязанъ держать домъ въ порядкѣ. Такимъ домомъ для насъ является этотъ міръ, нашъ пребывающій градъ. Мы знаемъ, что требуется для достиженія здоровья, благосостоянія и личной обезпеченности. Все это совершенно не зависитъ отъ того, каково происхожденіе міра... Вотъ въ чемъ заключается секуляризмъ» *).

Секуляризмъ существуетъ до сихъ поръ. Но характерной особенности англичанъ, ученіе, являющееся какъ будто бы отрицаніемъ догматизма, превратилось въ одну изъ трехсотъ англійскихъ сектъ.

«Секта, отрицающая сектантство», раздѣляется теперь на два толка: южный — «National Secular Society» и сѣверный — «North of England Secular Federation». Во главѣ обоихъ толковъ стоятъ женщины. Нѣкоторымъ примиреніемъ между обоими толками является ежегодникъ «Secular Annual». «Секуляризмъ» не удовлетворилъ Эни Безантъ. Она нашла его слишкомъ прѣснымъ, мелкимъ и шаблоннымъ. И вотъ она перешла къ болѣе крайнему крылу, во главѣ котораго стоялъ тогда Чарльзъ Брэдло, приводившій въ ужасъ «миссисъ Гранди». Клэрджимэны изображали его не иначе, какъ діаволомъ-искусителемъ, апокалипсическимъ звѣремъ и призывали на его голову небесные громы, не забывая, въ то же время, взывать къ земнымъ. Брэдло, скончавшійся лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, оставилъ слѣдъ въ эволюціи англійскаго общества. Онъ былъ сперва солдатомъ, потомъ — клэркомъ въ адвокатской конторѣ, затѣмъ сталъ журналистомъ и проповѣдникомъ раціонализма. Онъ издалъ рядъ брошюръ подъ псевдонимомъ «Иконокластъ» и основалъ газету «National Reformer».

*) Sixty years of an Agitators Life, v. II p. p. 292—294.

Въ 1880 г. его избрали въ радикальномъ Нортгэмптонѣ въ парламентъ. Это событіе стало историческимъ: отъ Брэдло потребовали присягу въ парламентѣ, что новый каммонеръ отказался дать. Произошла бурная сцена, занимающая въ парламентской исторіи мѣсто рядомъ съ дракой въ 1893 г. или съ безпорядками, произведенными ирландцами въ 1902 г. Брэдло велѣли удалиться изъ залы, если онъ не желаетъ присягать, а когда онъ не захотѣлъ исполнить это, нѣкоторые коммонеры набросились на него съ кулаками и стали тащить за волосы и за шиворотъ. Палата не признала выборовъ; но Нортгэмптонъ вторично подалъ голосъ за Брэдло, который опять отказался присягать по старой формѣ. И Брэдло побѣдилъ: форму присяги измѣнили. Въ парламентѣ, между прочимъ, Брэдло не ужасалъ никого своими рѣчами. Онъ оказался обыкновеннымъ радикаломъ. Къ нему быстро привыкли и даже полюбили.

Одинъ изъ видныхъ дѣятелей торійской партіи сказалъ какъ-то, что въ Англіи слово «Революція» пишется безъ буквы «Р» (эволюція). Дѣйствительно, самыя радикальныя, революціонныя событія свершаются здѣсь мирнымъ, эволюціоннымъ путемъ, при томъ же въ сравнительно короткое время. За проповѣдь своего «секуляризма» Голіокъ въ свое время попалъ въ тюрьму. Въ «манифестѣ» къ избирателямъ (Голіокъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ пытался неудачно выступить парламентскимъ кандидатомъ въ Бирмингэмѣ) онъ отмѣчаетъ, что былъ послѣднимъ, котораго въ Англіи посадили въ тюрьму за проповѣдь религіозной реформы *). Брэдло за свой раціонализмъ былъ въ 1880 г. изгнанъ изъ парламента; а теперь вліятельная и сильная «лига» возникла для борьбы съ рецидивомъ грубаго догматизма. Я говорю о «Rational Press Association», возникшей въ 1901 г. и располагающей, повидимому, безграничными средствами. За короткій срокъ существованія она издала рядъ книгъ, цѣной въ 16 коп. каждая. То—не жиденькія брошюрки, выходившія въ семидесятыхъ годахъ изъ-подъ пера «Иконокласта», а въ восьмидесятыхъ — «Саладина». «Rationalist Press Association» перепечатываетъ въ дешевомъ изданіи капитальныя произведенія, какъ «Лекціи и изслѣдованія» Гексли, «Піонеры Эволюціи»—Эдуарда Клодда, «Міровая загадка», Геккеля и пр. Капитальный трудъ Грэнтъ Аллэна прежде стоилъ 18 шил., т. е. 9 руб. «Ассоціація» перепечатала его цѣликомъ и выпустила за 16 коп. «Агностицизмъ», проповѣдуемый этими изданіями, гораздо болѣе крайняго характера, чѣмъ «секуляризмъ» Голіока. Изъ этой серіи книгъ, выпущенныхъ «Ассоціаціей», въ особенно-

*) «Sixty years», etc., v. II, p. 43.

сти любопытенъ трудъ «Современная наука и современная мысль», Самуэля Лэнга (Modern Science and Modern Thought). Предъ нами книга, являющаяся, какъ плодъ «hobby». Самуэль Лэнгъ, скончавшійся недавно въ преклонномъ возрастѣ, юристъ по образованію и крупный желѣзнодорожный администраторъ по профессіи. Онъ былъ директоромъ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, потомъ очень долго министромъ финансовъ въ Индіи, затѣмъ членомъ парламента, далѣе—предсѣдателемъ двухъ желѣзнодорожныхъ трестовъ (Railway Debenture Trust и Railway Share Trust). Дѣлецъ, повидимому, онъ былъ удивительный. Въ теченіе одного года, напр., въ министерство поступило 330 желѣзнодорожныхъ биллей и 240 проектовъ. Всѣ они были детально анализированы, изслѣдованы и разобраны Лэнгомъ.

Въ свободные часы, въ видѣ «hobby», Лэнгъ занимался точными науками. Въ глубокомъ возрастѣ (въ 78 лѣтъ), когда большинство стариковъ думаютъ только о халатѣ, мягкомъ креслѣ и ярко-топящемся каминѣ,—Лэнгъ задумалъ написать рядъ книгъ, съ цѣлью популяризировать современныя данныя біологіи и геологіи и показать, какіе выводы можно изъ нихъ сдѣлать. Такимъ образомъ, появилась книга «Современная наука и современная мысль», перепечатанная теперь «Ассоціаціей раціоналистовъ». Лэнгъ не былъ самостоятельнымъ ученымъ-изслѣдователемъ, но трудъ получился у него такой основательный, что Гекксли далъ о немъ самый лучшій отзывъ. Книга Лэнга интересна во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это—серьезный и основательный трудъ, помогающій освобожденію умовъ отъ путъ догматизированной метафизики. Въ этомъ отношеніи онъ былъ бы умѣстенъ и у насъ, если, дѣйствительно, есть опасеніе, что мысль части русскаго общества устремится по «новому пути». Во-вторыхъ, книга интересна въ психологическомъ отношеніи. Предъ нами вырисовывается типичный англичанинъ, съ смѣлымъ размахомъ въ одной области, узкій—въ другой, но всегда убѣжденный, что люди, прежде всего, должны научиться *хотѣть*. Если *Я* (полагаетъ Лэнгъ) дѣйствительно пожелаетъ, тогда всякія внѣшнія препоны безсильны. Прогрессъ заключается въ томъ, между прочимъ, чтобы *я* научилось разумно желать, для чего необходимо, прежде всего, освободить разумъ отъ оковъ. И для этого, именно, Лэнгъ написалъ свою книгу. Авторъ выставляетъ на видъ, что завоеванія разума *окончательны*. «Нѣтъ ни одного вершка, завоеваннаго наукой, который былъ бы потомъ отнятъ обратно догматизированной метафизикой» *). Разумъ внушаетъ намъ глубокій оптимизмъ.

*) Modern Science and Modern Thought, p. 85.

Пессимизмъ—евангеліе нищихъ духомъ и неудачниковъ—имѣлъ громадный успѣхъ на континентѣ, но не въ Англіи, говоритъ Лэнгъ. Ученіе основано на фактѣ, что въ соотвѣтствіи съ всеобщимъ закономъ полярности, прогрессъ несетъ съ собою не одно только добро, но порождаетъ также и зло. Въ обществѣ простѣйшаго типа различіе между богатствомъ и бѣдностью, капиталомъ и трудомъ, культурой и невѣжествомъ не такъ ярко обозначено, какъ въ обществѣ высшаго вида. Судьба «варваровъ», падающихъ въ борьбѣ за существованіе, не такъ сурова, какъ людей, погибающихъ въ большихъ густо населеныхъ городахъ, гдѣ передъ глазами столько соблазновъ, которыхъ нельзя достигнуть... Вотъ субстанція философіи пессимизма,—увѣряетъ авторъ.—Она имѣетъ нѣчто общее съ буддизмомъ, по понятіямъ котораго личное существованіе—лишь болѣзненный сонъ и миражъ... Чтобы понять, какимъ образомъ подобная доктрина могла быть принята,—продолжаетъ нашъ авторъ,—мы должны вспомнить, что современная цивилизація наваливаетъ слишкомъ много работы на нервы и мозгъ и слишкомъ мало на другіе органы. Это создаетъ болѣзнь ума и тѣла, а въ особенности—страданія органовъ пищеваренія, отъ состоянія которыхъ, главнымъ образомъ, зависитъ ощущеніе здоровья и бодрости. Диспептикъ неизбѣжно склоненъ мрачно смотрѣть на окружающій міръ. Въ первобытныхъ обществахъ, кромѣ того, умственные недоноски погибаютъ, тогда какъ въ болѣе культурныхъ обществахъ ихъ поддерживаютъ, давая имъ, такимъ образомъ, оглашать воздухъ своими безполезными криками. Именно среди этихъ неприспособленныхъ, съ чрезмѣрно развитой нервной впечатлительностью и съ сквернымъ пищевареніемъ, мы находимъ пророковъ и учениковъ евангелія пессимизма,—по мнѣнію автора. Они, по собственному опыту, знаютъ, что жизнь—зло, что страданія превышаютъ наслажденія и, поэтому, видятъ только одно спасеніе—въ прекращеніи жизни. Философскія и теологическія доктрины, подобно видѣніямъ на Брокенѣ, являются отраженіемъ насъ самихъ на расплывающемся туманѣ. Эти видѣнія одѣты въ такое же платье, какъ мы, и повторяютъ наши собственныя движенія. Для здороваго и сильнаго человѣка пессимистическій взглядъ на міръ совершенно невозможенъ. Если въ жизни ему выпала на долю нѣкоторая сумма счастья, — онъ инстиктивно отвергаетъ ученіе, гласящее, что существуютъ только тѣни, безъ лучей свѣта. Если сильный человѣкъ обладаетъ хоть средними умственными способностями, онъ сознаетъ, что страданія нужно или избѣгать предусмотрительно, или стоически выносить, или мужественно бороться съ ними; но, во всякомъ случаѣ, не позорно бѣжать, свершивъ моральное или физическое самоубійство. Вотъ почему,—за-

шенно не стану здѣсь касаться *практическаго* нео-мальтузіанства который рекомендовался авторами. Какъ сильно увлекающійся человѣкъ и, на придачу, какъ англичанка, Эни Безантъ, додумавшись до важныхъ, какъ ей казалось, выводовъ, не могла ихъ не пропагандировать всѣми силами. Распространеніе новыхъ взглядовъ путемъ печати казалось ей слишкомъ медленнымъ. Въ ближайшее воскресенье Эни Безантъ отправилась на лондонскій форумъ, въ Гайдъ-Паркъ, и здѣсь, подъ открытымъ небомъ, у Мраморной Арки, начала пропаганду практическаго нео-мальтузіанства. Въ результатѣ явился судебный процессъ. Безантъ и Брэдло привлекли къ суду по обвиненію въ произнесеніи «въ публичномъ мѣстѣ безнравственныхъ, безстыдныхъ и гнусныхъ рѣчей, имѣвшихъ цѣлью развратить, соблазнить и сбить съ вѣрнаго пути лояльныхъ, добродѣтельныхъ и благонравныхъ подданныхъ ея величества». Процессъ кончился ничѣмъ. Въ глубинѣ души англійскіе судьи убѣждены, что «практическое нео-мальтузіанство»—хорошій коррективъ къ ученію Мальтуса, которое до сихъ поръ имѣетъ здѣсь такое же сильное вліяніе на умы, какъ имѣло на Милля и Дарвина; но, признавая «ученіе», здѣсь полагаютъ, что объ этомъ не слѣдуетъ говорить громко... Прежде, чѣмъ кончился, однако, процессъ, Эни Безантъ нашла новое «hobby». На немъ увлекающаяся и экспансивная дѣятельница умчалась далеко отъ практическаго нео-мальтузіанства.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ кризиса, въ англійскомъ пролетаріатѣ произошло сильное движеніе. Въ неизвѣстномъ тогда восточномъ Лондонѣ началось броженіе среди доковыхъ работниковъ. Въ газетахъ въ первый разъ заговорили про молодого «дикаго демагога», который въ южномъ Лондонѣ «проповѣдуетъ бунтъ и разрушеніе». Этотъ «демагогъ»—нынѣшній членъ парламента и вѣроятный министръ въ радикальномъ кабинетѣ — Джонъ Бэрнсъ. Въ восемьдесятъ третьемъ году началось прогрессивное движеніе среди интеллигенціи. Возникло общество, сознавшее, что старыя программы радикальной партіи теперь безполезны, и что необходимы коренныя перемѣны соціальнаго строя. Возникли «фабіанцы», которые тогда еще не были имперіалистами, какими стали во время войны. Первые памфлеты фабіанскаго общества произвели глубокое впечатлѣніе. «Въ Лондонѣ теперь 4.300,000 жителей,—говорилось въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ памфлетовъ.—Изъ нихъ 300 тысячъ заработываютъ меньше 18 шил. въ недѣлю и поэтому живутъ въ состояніи хроническаго недоѣданія *).—Изъ восьми человѣкъ одинъ умретъ въ рабочемъ домѣ,

*) Русскому читателю нужно имѣть въ виду англійскую мѣрку. Зарабо-

На каждыхъ 16 человѣкъ—одинъ нищій. 43 тысячи дѣтей приходятъ ежедневно въ народныя школы безъ завтрака. Тридцать тысячъ человѣкъ не имѣютъ другого жилья, кромѣ «ночлежки» (doss-house) въ 4 пенса за ночь или пріюта при рабочемъ домѣ» (Fabian Tracts, № 10).

Между тѣмъ, процессіи безработныхъ увеличивались на улицахъ съ каждымъ днемъ, какъ теперь. Каждый день можно было видѣть громадныя процессіи голодныхъ, угрюмыхъ людей, идущихъ по улицамъ вслѣдъ за знаменемъ, на которомъ значилась профессія работниковъ. Газеты говорили про эти процессіи и про «человѣка со знаменемъ», т. е. опять про того же Джона Бэрнса. Въ началѣ осени тоже 1886 г. тори назначили большой митингъ въ Трафальгарскверѣ для выясненія массамъ значенія протекціонизма. Уже тогда началось движеніе, опредѣлившееся въ особенности теперь и имѣющее цѣлью цолльферейнъ. Бэрнсъ, Гайндмэнъ, Чэмпіонъ, Уильямсъ и др. ораторы устроили митингъ рядомъ. И въ результатѣ вся толпа бросила ораторовъ тори и послѣдовала за Бэрнсомъ. Онъ разсчитывалъ повести ее въ Гайдъ-Паркъ, чтобы тамъ устроить большую манифестацію. Но когда процессія проходила по аристократической улицѣ Пэльмэль, золотая молодежь, стоявшая въ окнѣ одного изъ великолѣпныхъ клубовъ, стала глумиться надъ толпой. Въ окна знаменитаго консервативнаго клуба «Карлтонъ» полетѣли камни. Возбужденная толпа разгромила еще нѣсколько консервативныхъ аристократическихъ клубовъ.

Трудно описать тотъ переполохъ, который начался въ Лондонѣ. Вэстэндъ былъ охваченъ паникой. На другой день Джонъ Бэрнсъ, съ капиталомъ въ два пенса въ карманѣ, отправился искать какую-нибудь работу. Велико было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ мчавшихся мальчишекъ-газетчиковъ, размахивавшихъ громадными листами, на которыхъ значилось: «Джонъ Бэрнсъ во главѣ 60 тысячъ человѣкъ идетъ на Лондонъ!» *). Вечеромъ того же дня Бэрнса арестовали. Правительство не могло выставить никакихъ обвиненій, и присяжные вынесли Бэрнсу, произнесшему на судѣ блестящую рѣчь, оправдательный приговоръ. Этотъ процессъ создалъ популярность Бэрнса. А броженіе среди массъ увеличивалось и достигло кульминаціоннаго пункта 5 ноября 1886 г., въ «крова-

токъ въ 35 руб. въ мѣсяцъ, гарантирующій мясо только разъ въ день—считается въ Англіи признакомъ великой бѣдности. Культура здѣсь высока и повысила понятіе о жизненномъ minimum'ѣ. То, что англичанину кажется «границей нищеты», на континентѣ казалось бы сравнительнымъ благоденствіемъ. Такъ оно и кажется выходцамъ изъ бѣдныхъ странъ Европы, съ низкой культурой, попадающимъ въ Лондонъ.

*) «Review of Reviews», февраль, 1886 г.

вое воскресенье», Bloody sunday. Правительство пожелало запретить митингъ работниковъ въ Трафальгарскверѣ. Произошло столкновеніе съ полиціей, при чемъ убиты два человѣка. Джона Бэрнса, Конигэма, Граама и еще другихъ арестовали. Испуганные «краснымъ призракомъ», банкиры Сити въ одинъ часъ подписали 800,000 руб. въ пользу безработныхъ восточнаго Лондона. За «кровавымъ воскресеньемъ» началось броженіе среди докеровъ, которое повело къ громадной стачкѣ. Все это выдвинуло рабочій вопросъ на первый планъ. Среди молодежи, принадлежавшей къ богатымъ среднимъ классамъ, началось движеніе «въ народъ», то по личному почину, то группами. Возникли первыя университетскія поселенія, занявшіяся немедленно же практической работой: изслѣдованіемъ положенія пролетаріата. Послѣдствіемъ этого движенія остались «культурные центры», капитальныя коллективныя изслѣдованія въ родѣ «Labour and Life of the People», изданное подъ общей редакціей Чарльза Бузса, да «политехникумы» Обо всемъ этомъ писалось много разъ въ Россіи г-жами Янжулъ, Мировичъ, г. Рапопортомъ, авторомъ этой книги и др. Богатая молодежь шла тогда въ трущобы съ учеными цѣлями: другіе задавались религіозно-культурными цѣлями, какъ, напримѣръ, скончавшійся на дняхъ Квинтинъ Хоггъ. Третьи, наконецъ, искали въ трущобахъ новыхъ впечатлѣній, потому что Италія, Египетъ и Вэстъ-Индія пріѣлись и стали слишкомъ «common and vulgar». Въ концѣ концовъ, хожденіе въ трущобы и временное поселеніе тамъ превратились въ модный спортъ, въ «hobby» блазированныхъ аристократокъ. Мода на эту «причуду» быстро прошла и замѣнилась воспитываніемъ змѣй; но, тѣмъ не менѣе, движеніе создало серьезныхъ и почтенныхъ изслѣдовательницъ, какъ миссъ Беатриса Поттеръ (теперь г-жа Веббъ), Марія Колетъ и др.

Модный спортъ создалъ новое слово «Sluming», т. е. хожденіе въ трущобы.

«Sluming» увлекло и Эни Безантъ. Она забросила и секуляризмъ, и нео-мальтузіанство и поселилась въ восточномъ Лондонѣ. Ей нужно было движеніе, агитація, волненіе, поэтому работа университетскихъ поселеній говорила очень мало ея сердцу. Среди «докеровъ» работали уже Томъ Мэнъ и Бенъ Тилэтъ. Энн Безантъ нашла работницъ на спичечныхъ фабрикахъ «Онѣ отличаются своимъ необыкновенно сильнымъ esprit de corps,—говоритъ изслѣдователь.—Всѣ работницы близко принимаютъ къ сердцу, если обидятъ кого-нибудь изъ подругъ. Живутъ онѣ общинами, искони существуютъ у нихъ «клубы» для пріобрѣтенія платья и перьевъ для шляпъ. Безъ всякаго посторонняго вліянія у нихъ издавна

существовалъ родъ трэдъ юніона» *). Работа на спичечныхъ фабрикахъ очень опасная, какъ извѣстно. Работницы подвержены отравленію фосфоромъ; этой болѣзни дѣвушки, занятыя на англійскихъ фабрикахъ, дали кличку «Phossy Jaw». Въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ Эни Безантъ такъ говоритъ объ этомъ отравленіи. «Женщины, изготовляющія спички изъ желтаго фосфора, начинаютъ скоро страдать зубной болью. Онѣ мало обращаютъ вниманія на первые симптомы, но съ теченіемъ времени боли увеличиваются. Опухаетъ челюсть, а затѣмъ и все лицо. Очень часто поражается также зрѣніе. Боли становятся мучительными. Одна изъ заболѣвшихъ говорила мнѣ, что боль эта грызущая и рвущая. Челюсть постепенно зеленѣетъ, потомъ чернѣетъ, потомъ разрушается совершенно. Трупный запахъ такъ силенъ, что съ больной никто не можетъ жить въ одной комнатѣ. Послѣ мучительныхъ страданій наступаетъ смерть. Кости такъ насыщены фосфоромъ, что до и послѣ смерти челюсть свѣтится въ темнотѣ. И всѣ эти мученія выпадаютъ на долю работницы для того, чтобы на улицахъ возможно было продавать фосфорныя спички по ничтожной цѣнѣ» **). Памфлетъ весь написанъ съ большой силой и страстностью. Заработокъ женщинъ на спичечныхъ фабрикахъ очень не высокъ: 12% получаютъ—отъ 12—15 шил. въ недѣлю, 30%—отъ 10—12 ш., 27%—отъ 8—10 шил. Остальныя же—8, 6 и даже 4 шил. въ недѣлю. Небольшія стачки постоянно происходили среди работницъ. Такъ какъ esprit de corps среди нихъ сильно развитъ, то Безантъ организовала всѣхъ работницъ на лондонскихъ спичечныхъ фабрикахъ въ одинъ союзъ и убѣдила ихъ начать общую стачку съ цѣлью повысить заработную плату и улучшить условія труда. Въ исторіи англійскаго труда стачка эта извѣстна подъ именемъ «The great Match Strike». Въ 1889 г. она окончилась побѣдой работницъ; но Эни Безантъ это уже не интересовало. У ней къ этому времени появилось новое «hobby»—теософія. Въ концѣ 1889 г. переводчица Бюхнера и проповѣдница секуляризма присоединилась къ теософскому обществу и съ тѣхъ поръ работаетъ во славу его.

Мнѣ припоминается мое первое и послѣднее посѣщеніе лекцій, устроенныхъ «теософами». Читала Эни Безантъ о «Кармѣ».

— Насъ упрекали въ томъ, что теорія слишкомъ туманна и слишкомъ трудно понятна,—читала докладчица, облаченная въ широкое, бѣлое платье съ странными, должно быть, мистическими бантами.—Въ дѣйствительности же, теорія по плечу не только

---

*) Labour and Life of the People, v. I, p. 437.

**) См. главу «Женскій не дисциплинированный трудъ».

намъ, ученымъ, но и всѣмъ. И я вамъ сейчасъ же это докажу. Что такое Карма? Каждая мысль человѣческая, развиваясь, переходитъ во внутренній міръ и становится активной сущностью; она ассоціируется, или сростается, какъ можно было бы выразиться съ начальной силой, то-есть, съ одной изъ полусознательныхъ силъ мірозданія. Она живетъ, какъ дѣйствующее понятіе, т. е. какъ порожденіе творчества разума, болѣе или менѣе продолжительное время. И эта продолжительность находится въ соотношеніи съ первоначальной интенсивностью мозговой дѣятельности, породившей мысль. Такимъ образомъ, мысль о добротѣ увѣковѣчивается, какъ активная благотворная сила, а мысль о злѣ, какъ зловредный демонъ. Такимъ образомъ, проходя свой путь въ пространствѣ, человѣкъ безпрерывно населяетъ его своимъ собственнымъ міромъ, т. е. порожденіями своихъ прихотей, желаній, побужденій и страстей. И этотъ путь имѣетъ воздѣйствіе на всякій чувствительный и нервный организмъ, приходящій въ соприкосновеніе съ нимъ. Воздѣйствіе зависитъ отъ динамической интенсивности организма. Буддисты называютъ его *«сканда»*. Индусъ опредѣляетъ то же самое словомъ *«Карма»*.

— Совершенно просто и вполнѣ научно! — слышу я позади громкій дамскій шопотъ. Должно быть, вслѣдствіе оккультической атмосферы, царящей въ залѣ теософскаго общества, — личность докладчицы начинаетъ мѣняться въ моихъ глазахъ. Я вижу бородатое лицо, длинную, черную мантію, остроконечный колпакъ, словомъ, мольеровскаго Сганареля, читающаго лекцію Жеронту.

— Пары, стремясь слѣва, гдѣ находится печень, направо, гдѣ лежитъ сердце, встрѣчаютъ по пути легкія, которыя мы называемъ по латыни *armyan*, соприкасаются съ мозгомъ, который мы по-гречески называемъ *nasmus*, и проникаютъ въ него черезъ полую вену, которую мы называемъ еврейскимъ терминомъ *cubile*. Эти пары выстилаютъ полости лопатки и смѣшиваются съ мокротами вогнутости грудобрюшной преграды. Ossabundus, nequies, nequer, potarinum, quipsa, milus. Вотъ причина, почему ваша дочь онѣмѣла!

Сганарель расплывается; вмѣсто него я опять вижу даму въ бѣломъ платьѣ съ мистическими бантами.

— Нужно ли объяснять вамъ, что такое *Майави Рупа*, или безформенное каузальное тѣло? — говоритъ она. — Но это ясно само собою. Во всякомъ случаѣ, слѣдующая таблица уяснитъ вамъ все.

И Эни Безантъ чертитъ мѣломъ таблицу, которую воспроизвожу здѣсь съ точностью.

Схема перерожденія мысли, или Атма:

Сушуптическій.		Будда.	проводникъ спиритуальное тѣло.
Девакалическій.		Манасъ.	проводникъ казуальное тѣло.
Психическій или астральный.	высше психическій	Кäма-Манасъ.	проводникъ тонкое тѣло.
	нижне психическій	Кäма.	
Физическій.		Линга-Шарира. Стула-Шарира.	проводникъ грубое тѣло.

Я оборачиваюсь къ публикѣ и вижу затуманенные глаза и благоговѣніе къ таинственнымъ Λ, которыми, какъ крышами, увѣнчаны всѣ буквы *а* незнакомыхъ словъ «атма» «кама», «манасъ» и пр.

— Ахъ, какъ научно и прекрасно! - слышу я восторженныя восклицанія. И дѣйствительность опять уплываетъ предо мной. Вмѣсто разряженныхъ дамъ и джентльмэновъ (посѣщать теософическія лекціи—крайне фешенебельное «hobby») я вижу пригорюнившагося казака поселянина изъ «Вія», умиляющагося бурсацкому пѣнію кантатъ по латыни.

— Жинка! то, что поютъ школяры, должно быть очень разумное,—говоритъ онъ,—вынеси имъ сала и чего-нибудь такого, что у насъ есть.

Вмѣсто сала и варениковъ, коллективный казакъ, т. е. фешенебельная публика, собравшаяся на лекцію Эни Безантъ, щедро жертвовала полкроны и кроны въ пользу распространенія по всей Британской имперіи догматовъ теософіи.

V.

Я упомянулъ выше про двухъ изслѣдователей, выдвинутыхъ въ восьмидесятыхъ годахъ стремленіемъ въ народъ. Одинъ изъ нихъ Квинтинъ Хоггъ, другая—г-жа Беатриса Поттеръ (Веббъ). Квин-

тоскливо, и противно. Кромѣ того, зарождается сомнѣніе въ достоинствѣ того, съ чѣмъ явился оплевывающій самого себя.

Попытаюсь подвести итоги этимъ замѣткамъ и примѣрамъ. Въ «Englische Fragmente» Гейне даетъ поразительно яркую картину боевой артеріи Сити-Чипсайда.

«Когда я взглянулъ на бурную улицу, на которой, шумя, крича, охая и стуча, вертѣлся пестрый клубокъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, лошадей, почтовыхъ каретъ, похоронныхъ дрогъ, то Лондонъ показался мнѣ березинскимъ мостомъ, на который ломится народъ въ безумной тревогѣ, чтобы добывать себѣ средства существованія; мостомъ, гдѣ дерзкій всадникъ топчетъ бѣднаго пѣшехода, гдѣ упавшій на землю погибъ навѣки, гдѣ самые близкіе пріятели равнодушно перелѣзаютъ черезъ трупы другъ друга, гдѣ тысячи людей, окровавленныхъ и покрытыхъ смертной блѣдностью, напрасно стараются уцѣпиться за доски моста и низвергаются въ холодную, ледяную бездну смерти».

Читатель видѣлъ, какъ громадный запасъ энергіи въ англичанахъ не всецѣло поглощается «дѣломъ», подъ которымъ они подразумѣваютъ погоню за матеріальнымъ благосостояніемъ. Остается еще излишекъ, который уходитъ на «hobby», причуду. Каковъ бы ни былъ характеръ «hobby», будетъ ли то простое коллектированіе, путешествія, научныя занятія или изученіе массъ,—англичанинъ отдается ему такъ же серьезно и съ такою же настойчивостью, какъ и «дѣлу», business.

Я возвращаюсь снова къ Лэнгу, о которомъ говорилъ выше. Онъ настоятельно доказываетъ въ своей книгѣ, являющейся результатомъ всей жизни, необходимость «business». «Возьмемъ такъ часто обсуждавшійся вопросъ о погонѣ за деньгами,—говоритъ онъ.—Поэты и романисты безъ устали обличаютъ «Auri sacra fames». Внѣ сомнѣнія, что когда въ этой погонѣ не знаютъ мѣры, она является богатымъ источникомъ преступленій. Даже въ смягченной формѣ она порождаетъ скаредность и безчестность и имѣетъ гибельное вліяніе какъ на индивидуума, такъ и на націю, поклоняющуюся «всемогущему доллару». Но, съ другой стороны, желаніе или, точнѣе, необходимость «дѣлать деньги» имѣетъ громадное вліяніе на практическую жизнь въ цивилизованномъ обществѣ При соблюденіи извѣстныхъ условій, вліяніе это—здоровое и безусловно благодѣтельное. На низшихъ ступеняхъ развитія стремленіе къ деньгамъ заставляетъ человѣка работать вмѣсто того, чтобы пребывать въ праздности. А это крайне важно какъ для общества, такъ и для индивидуума. Лѣнтяй, къ какому бы обществу

онъ ни принадлежалъ,—почти всегда—никуда не годный человѣкъ и очень часто дурной человѣкъ... Дальше. Необходимость зарабатывать деньги является. удивительнымъ мѣриломъ дѣйствительной стоимости человѣка на міровомъ рынкѣ.. Многіе, воображающіе себя государственными дѣятелями, добивающіеся высокихъ и прибыльныхъ постовъ потому, что случайно родились отъ знатныхъ родителей въ богатой обстановкѣ,—быстро убѣдились бы, что имъ красная цѣна 100—200 фун. въ годъ, если бы имъ пришлось самимъ пролагать себѣ путь въ жизни... Нужно всегда имѣть въ виду, что, при условіяхъ нынѣшней цивилизаціи, деньги означаютъ не только возможность жить, но также все то, что дѣлаетъ существованіе сноснымъ: здоровье. досугъ, независимость и возможность культурнаго развлеченія (т. е. «hobby»)... Люди, гоняясь за деньгами, часто переходятъ границу. Поклоненіе золоту является прирожденнымъ грѣхомъ нашего времени и ведетъ къ снобизму и вульгарности. Но, съ другой стороны, деньги, честно заработанныя, даютъ возможность проявить свою *индивидуальность»* *).

Строки эти могутъ показаться избитой, прописной моралью; но это говоритъ симпатичный, честный, старый типичный англичанинъ, подводящій итогъ всей своей жизни и думающій дѣйствительно о благѣ согражданъ. Благосостояніе дало ему досугъ. Досугъ далъ возможность заняться «hobby» по душѣ. Старикъ имѣетъ основаніе полагать, что это «hobby» полезное дѣло, и онъ настоятельно рекомендуетъ добиваться обезпеченнаго досуга. «Hobby»—*результатъ рѣзко выраженной индивидуальности*, а такъ какъ англичанинъ цѣнитъ прежде всего въ человѣкѣ индивидуальность, то уважаетъ также и «hobby», какъ бы эксцентрично оно ни было. Исторію Англіи дѣлали, по общераспространенному здѣсь мнѣнію, люди съ рѣзко выраженной индивидуальностью, люди съ «hobby». Добиваясь права выражать свою индивидуальность, они отстояли право личности, свободу слова и совѣсти. Такъ, по крайней мѣрѣ, скажетъ вамъ англичанинъ. Во всякомъ случаѣ, «hobby» не исключаетъ возможности жертвы и готовности на нее.

---

* Modern Science und Modern Thought, p. 218. (Дешевое изданіе «Rationalist Press Association).

III.

Англійская полиція.

I.

Меня нѣсколько смущаетъ скромность вопроса, которому посвящена глава. Я хочу поговорить о «слугахъ англійскаго общества», о сдержанныхъ, ничѣмъ не вооруженныхъ охранителяхъ спокойствія гражданъ, о «бобби», т. е. полисмэнахъ и объ ихъ организаціи. Я меньше всего думаю прибавить еще одно опредѣленіе къ тѣмъ 150, даннымъ наукой для выясненія, что такое полиція. Я не стану анализировать,—есть-ли она, какъ утверждаетъ Цахаріэ, «вьющееся растеніе, обхватывающее всѣ части государственнаго устройства и управленія». Не буду говорить также о томъ, подлежатъ-ли ея функціи опредѣленію или онѣ, какъ полагалъ Ромеръ, «неисчерпаемы, какъ сама жизнь». Моимъ объектомъ является *только* англійскій «бобби», точно знающій, что его обязанность—препятствовать ворамъ забраться въ карманъ или въ домъ мирнаго обывателя. Пріѣзжающіе съ континента и попадающіе въ Гайдъ-Паркъ, прежде всего, бываютъ поражены слѣдующимъ явленіемъ. Подъ одними и тѣми же раскидистыми каштанами рядомъ стоятъ десять, двѣнадцать ораторовъ. Каждаго изъ нихъ окружила толпа. Одинъ комментируетъ Откровенія св. Іоанна, другой—обличаетъ англиканскую церковь, за то, что она снова возвращается въ объятія «Римской блудницы», третій доказываетъ, что всѣ вѣры должны быть замѣнены «агностицизмомъ». Дальше ораторъ «якобитъ», т. е. не примирившійся съ гановерской династіей, хотя она благополучно царствуетъ уже два вѣка,—величаетъ добродушнаго Эдуарда VII «Макбетомъ» и узурпаторомъ. Рядомъ кто-то восхваляетъ имперіализмъ, а еще дальше, подъ громаднымъ краснымъ знаменемъ, стоитъ ораторъ, объявляющій крышку всему старому порядку. Тутъ-же добровольные продавцы, мужчины, женщины и дѣти предлагаютъ толпѣ агитаціонную литературу. Какую разнообразную коллекцію можно составить въ нѣсколько минутъ! «Можно-ли вытащить Левіаѳана?» «Римская Блудница». «Утренняя бесѣда о загробномъ мірѣ». «Бѣгите отъ грѣха и спасайте вашу душу: послѣдній часъ близокъ». «Что такое раціонализмъ?» «Принципы агностицизма». «Наша славная имперія». «Созидатели имперіи». «Нашъ Гарибальди—докторъ Джимъ» (т. е. Джемсонъ). «Узурпаторъ и истинный король Англіи». «Что такое соціализмъ». «Факелъ». «Государственность и Анархія».—Вотъ нѣкоторыя изъ названій. Въ толпѣ коегдѣ стоятъ не вооруженные «бобби», въ длинныхъ синихъ сюрту-

кахъ, похожихъ нѣсколько на подрясники, въ традиціонныхъ шлемахъ, такъ хорошо извѣстныхъ по картинкамъ. «Бобби» одинаково безстрастно слушаютъ имперіалиста и «якобита», защитника церкви и агностика, джентльмэна, восхваляющаго набѣгъ Джемсона, и оратора, доказывающаго необходимость обобществленія всѣхъ орудій производства. «Бобби» смотритъ въ оба, чтобы кто-нибудь въ толпѣ не вздумалъ освидѣтельствовать чужихъ кармановъ. Вся эта обычная картина страшно поражаетъ пріѣзжихъ съ континента. Нѣмцы, попадающіе въ первый разъ на англійскій закрытый митингъ, любопытствуютъ, гдѣ-же представитель полиціи, ведущій протоколъ засѣданія, и бываютъ крайне изумлены, когда узнаютъ, что не только на платформѣ нѣтъ констэбля, но во всей залѣ нѣтъ ни одного полисмэна. «Бобби» не имѣютъ права войти въ залъ, гдѣ происходитъ закрытый митингъ, покуда ихъ не позовутъ. Въ залѣ порядокъ поддерживается «стюартами», т. е. добровольцами, сочувствующими цѣлямъ сходки. Въ общемъ, англичане уважаютъ чужое мнѣніе; но бываютъ моменты, когда страсти разгораются. Тогда «стюартамъ» приходится защищать залъ отъ приступа; но они предпочитаютъ дѣлать это сами, не обращаясь къ помощи «бобби», стоящимъ за дверями, на улицѣ. Во время войны «патріоты» не разъ брали штурмомъ митинги «про-буровъ». Теперь я хочу говорить только о «бобби» и мнѣ припоминается маленькій, но характерный случай. Лѣтъ пять тому назадъ жилъ я въ англійскомъ пансіонѣ (boarding house). Всѣ мужчины, квартировавшіе тамъ, были дѣловой народъ, поэтому къ полднику являлись только дамы. Хозяйка взяла кухарку-ирландку, которая напивалась регулярно каждый день, какъ это довольно часто дѣлаютъ онѣ. Наконецъ, хозяйка велѣла своей кухаркѣ убираться. Ирландка ушла, напилась еще больше, явилась какъ разъ къ тому времени, когда всѣ дамы сидѣли за полдникомъ, стала у дверей столовой и принялась «отчитывать» хозяйку. Правда, англійскій языкъ далеко не такъ богатъ колоритными и энергичными выраженіями, какъ русскій; но у ирландки, повидимому, былъ очень богатый лексиконъ. Хозяйка пробовала было вначалѣ бесѣдовать съ нахлѣбниками о погодѣ, какъ будто у дверей никого не было; но ирландка повысила тонъ и еще болѣе блеснула знаніемъ энергичныхъ выраженій.

— Убирайтесь вонъ,—крикнула, наконецъ, хозяйка.

— Вотъ еще! Мнѣ и здѣсь хорошо! Буду стоять и отчитывать васъ предъ всѣми. Пусть эти лэди, сколько ихъ ни есть, всѣ знаютъ, что вы за женщина.

— Я позову полисмэна.

— Хоть двухъ.

Явился полисмэнъ и сталъ на крыльцѣ, *за порогомъ*.

— Констэбль, уведите эту женщину. Она ругается, какъ въ питейномъ,—крикнула хозяйка, блѣдная отъ гнѣва.

— Я не имѣю права войти въ вашъ домъ безъ постановленія суда,—отвѣтилъ «бобби».—Законъ меня уполномочиваетъ сдѣлать это *только* въ случаѣ убійства. Дѣлайте такъ, чтобы женщина очутилась за порогомъ, на улицѣ. Тогда я ее могу взять

Но во всемъ домѣ не было ни одного мужчины; дамы же не рѣшались вступить въ бой съ ирландкой, повидимому, мускулистой и при томъ выпившей. Получилось крайне курьезное положеніе. У раскрытыхъ дверей стоялъ полисмэнъ. Ирландка, чувствуя себя въ безопасности, снова принялась «отчитывать» хозяйку, какъ говорится, на всѣ корки, а дамы, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали закусывать и бесѣдовали объ измѣнчивости лондонской погоды. Черезъ полчаса явился сынъ хозяйки. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ вытолкнулъ ирландку за порогъ, гдѣ ее моментально подхватилъ «бобби». Вы видите, какъ точно знаетъ полисмэнъ, что чужое жилище неприкосновенно. Описанный случай—водевильнаго характера, но читатели, мнѣ кажется, легко замѣтятъ, что эпизодъ имѣетъ, въ сущности, очень серьезное значеніе.

Въ этомъ письмѣ я хочу поговорить о томъ, *почему* англійскій «бобби» такъ отличается отъ нѣмецкаго «шутцмана» или французскаго «серго» и про то, *какъ* сложилась система, опредѣляющая дѣятельность полисмэна.

Въ «Voyage en Jcarie», Кабэ—лордъ Вальморъ разсказываетъ французскому художнику Эженю про порядки идеальной республики.

«Значитъ, икарійцамъ нѣтъ надобности прибѣгать къ адскому изобрѣтенію, къ діавольской машинѣ, «de cette machine infernale qu'on appelle *police*»? - восклицаетъ французъ.

— Говорите за себя,—отвѣчаетъ англичанинъ,—и какъ хотите опредѣляйте вашу собственную полицію; но относитесь съ уваженіемъ къ англійскимъ полисмэнамъ, обязанность которыхъ слѣдить только за ворами и пьяницами. Полисмэны у насъ каждый вечеръ удостовѣряются, заперты ли окна и двери, чтобы гражданинъ могъ спать спокойно» *).

Кабэ сдѣлалъ свою рѣзкую характеристику подъ вліяніемъ событій, происходившихъ на его глазахъ въ Парижѣ. «Трудно вообразить себѣ, что дѣлается въ Парижѣ,—писалъ тогда Искандеръ.—Никакихъ гарантій, данныхъ притѣснительнымъ *code civile*, не существуетъ больше. Террорь сальный, скрывающійся за угломъ, подслушивающій за дверью, тяготитъ какимъ-то чаднымъ туманомъ надо всѣмъ. Всякій мерзавецъ, который донесетъ на васъ какую-

*) «Voyage en Jcarie»: chapitre XIV.

нибудь политическую небылицу, можетъ быть увѣренъ, что на другой день полицейскій коммиссаръ съ двумя шпіонами явится къ вамъ осматривать бумаги. Семейныя тайны, дружескія сообщенія,— все перерыто рукою лакеевъ свѣтской инквизиціи, половина унесена и никогда не возвратится къ вамъ. Люди, имѣющіе или имѣвшіе политическое значеніе, не спятъ дома, прячутъ бумаги, запасаются визированными пасами. Всѣ боятся дворниковъ, коммиссіонеровъ, трехъ-четвертей знакомыхъ. Письма приходятъ подпечатанныя, на углахъ улицъ постоянно бродятъ подозрительныя фигуры въ сюртукахъ не по мѣркѣ, въ потертыхъ шляпахъ, съ подлымъ видомъ и съ палкой въ рукѣ. Они провожаютъ глазами прохожихъ и передаютъ ихъ своимъ партнерамъ. Вечеромъ шайки шпіоновъ отправляются на ловлю запрещенныхъ для продажи журналовъ. . Прохожіе видятъ и идутъ своей дорогой, не смѣя поднять голоса».

Я бы могъ привести еще много фактовъ, но цитируемыя строки такъ образны, что ограничусь простымъ указаніемъ на такой популярный трудъ, какъ «Histoire de dix ans», гдѣ любознательный читатель найдетъ много данныхъ подобнаго рода. Къ тому времени относится пѣсенка Беранжэ, съ припѣвомъ:

Parlons bas:
Ici près j'ai vu Judas *).

«Judas, т. е. полицейскіе агенты, въ то время наползли въ періодическую печать, въ магистратуру, даже въ беллетристику. «Judas», чтобы лучше слѣдить, становился иногда обличителемъ полицейскаго произвола: «Друзья мои»,—говорилъ онъ, по словамъ Беранжэ,—

Les limiers de la police
Sont à craindre en ce pays **).

Кромѣ выслѣживанія «политики», къ тому времени вполнѣ опредѣлился характеръ другой дѣятельности французской полиціи— «охрана нравственности», о которой дальше. Въ Англіи въ то время, т. е. въ сороковыхъ годахъ, полицейскій режимъ далеко не чувствовался такъ, какъ во Франціи, но лордъ Вальморъ у Кабэ слишкомъ горячо заступился за своихъ соотечественниковъ.

Знакомясь съ англійской исторіей XIX вѣка, мы видимъ, что въ желаніи ввести континентальные порядки не было недостатка.

Министерство, испуганное событіями на континентѣ, пыталось нѣсколько разъ облечь охранителей порядка и спокойствія обыва-

*) Т. е. «Будемъ говорить тише: тутъ вблизи я видѣлъ Іуду».
**) «Въ этой странѣ слѣдуетъ опасаться полицейскихъ ищеекъ».

стемы. То же *Quarterly Review* теперь могло съ восторгомъ описывать похожденія сыщиковъ. «Человѣкъ, по преимуществу, животное, любящее охотиться, — писалъ журналъ. – И нѣтъ другого звѣря, котораго онъ выслѣживалъ бы съ такою любовью и настойчивостью, какъ своего ближняго... Сыщикъ занимаетъ совсѣмъ особое положеніе, чѣмъ полисмэнъ. Публика знаетъ только результаты его долгой, упорной, порой почти геніальной работы. Иногда сыщикъ, чтобы сбить преступника, нарочно даетъ публикѣ невѣрный слѣдъ. Онъ привыкъ работать въ темнотѣ и умѣетъ пользоваться всѣмъ: болтовней сосѣдей, привязанностью влюбленной горничной. Всѣмъ онъ пользуется, чтобы раскрыть истину». Увлеченія тайной полиціей не чуждъ былъ даже Диккенсъ. Это мы видимъ по его героямъ Доритону, Фендалю, Столкеру и др. («The Detective Police»). Диккенсъ, конечно, увлекался выслѣживаніемъ чисто *уголовныхъ* преступленій.

II.

Не всѣ писатели раздѣляли эти восторги. Еще въ тридцатыхъ годахъ «Edinburg Review», журналъ Маколея, Джемса Милля (отца знаменитаго экономиста), писалъ: «Тайная полиція, какого бы то ни было рода, не совмѣстима съ принципомъ англійской свободы». Критики эти полагали, что *всякая* тайная дѣятельность представителей исполнительной власти можетъ повести къ великимъ злоупотребленіямъ. «Огражденіе общества можетъ, въ такомъ случаѣ, стать крайне растяжимымъ предлогомъ. «Detective» можетъ легко превратиться въ политическаго шпіона,—доказывалъ Маколей. Дѣятельность же послѣдняго англичане считаютъ крайне вредной для общества. Конкретнымъ примѣромъ можетъ служить процессъ доктора Симона Бернара, въ шестидесятыхъ годахъ, выдачи котораго требовалъ Наполеонъ III. «Англичанинъ не имѣетъ особой любви къ иностранцамъ, – писалъ цитированный уже блестящій авторъ—еще меньше—къ изгнанникамъ, которыхъ считаетъ бѣдняками, а этого порока онъ не прощаетъ—но за *право убѣжища* онъ держится; безнаказанно касаться его онъ не позволяетъ, такъ точно, какъ касаться до права митинговъ, до свободы книгопечатанія». Выдачу Симона Бернара требовали на основаніи показаній тайныхъ агентовъ. Вотъ какъ очевидецъ передаетъ допросъ одного изъ нихъ.

«Нѣкто Роджерсъ свидѣтельствуетъ, что докторъ Бернаръ въ клубѣ на Лестеръ-Скверѣ говорилъ то-то и то-то о предстоящей гибели Наполеона.

— Вы были тамъ?—спрашиваетъ Эдвинъ Джемсъ (защитникъ).

— Былъ.

— Вы, стало быть, занимаетесь политикой?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы ходите по политическимъ клубамъ?

— По обязанностямъ службы.

— Не понимаю, какая же это служба?

— Я служу у сэра Ричарда Мэна (начальника полиціи).

— А! Что же, вамъ даются инструкціи?

— Да.

— Какія именно?

— Велѣно слушать, что говорится, и сообщать объ этомъ по начальству.

— И вы получаете за это жалованье?

— Получаю.

— Въ такомъ случаѣ, вы *шпіонъ*,—а spy? Вы давно бы сказали.—Королевскій атторней встаетъ и, обращаясь къ лорду Кэмбелю, одному изъ четырехъ судей, проситъ его защитить *свидѣтеля* отъ дерзкихъ наименованій адвоката. Кэмбель, съ всегдашнимъ безстрастіемъ своимъ, совѣтуетъ Эдвину Джемсу не обижать свидѣтеля. Джемсъ протестуетъ. Онъ и намѣренія не имѣлъ его обижать. Слово spy, говоритъ онъ,—plein english word (чисто англійское слово) и есть названіе его должности. Кэмбель увѣряетъ, что лучше называть *иначе*. Адвокатъ отыскиваетъ какой-то фоліантъ и читаетъ опредѣленіе слова шпіонъ. «Шпіонъ,—лицо, употребляемое за плату полиціей для подслушиванія и пр.» — А Роджерсъ, прибавляетъ онъ, сейчасъ сказалъ, что онъ за деньги, получаемыя отъ сэра Ричарда Мэна, ходитъ слушать въ клубы и доноситъ, что тамъ дѣлается. А потому онъ проситъ у лорда извиненія, но иначе не можетъ его называть. Потомъ, обращаясь къ человѣку, на котораго обращены всѣ глаза и который сто разъ обтираетъ потъ, выступившій на лицѣ, спрашиваетъ: «шпіонъ Роджерсъ, вы, можетъ быть, тоже и отъ французскаго правительства получали жалованье?—Пытаемый Роджерсъ бѣсится и отвѣчаетъ, что онъ никогда не служилъ никакому деспотизму. Эдвинъ Джемсъ обращается къ публикѣ и средь гомерическаго смѣха говоритъ «нашъ spy Rogers за представительное правительство». Этотъ *послѣдній* въ Англіи процессъ объ экстрадиціи кончился, какъ извѣстно, оправданіемъ доктора Бернара. Приговоръ встрѣченъ былъ восторженно всѣмъ населеніемъ. «По залѣ суда пробѣжалъ какой-то нестройный вздохъ и вслѣдъ затѣмъ безумный крикъ, трескъ рукоплесканій, громъ радости...—писалъ Искандеръ.—Дамы махали платками, адвокаты вскочили на свои лавки. Мужчины, съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ слезами, струившимися по щекамъ,

судорожно кричали—ура! ура!.. Присяжные торжествовали». Еще сильнѣе восторгъ былъ на улицахъ. «Только что крикъ въ залѣ сталъ утихать,—пишетъ тотъ же очевидецъ,—вдругъ какое-то море ударилось въ стѣны и ворвалось съ глухимъ плескомъ во всѣ окна и двери зданія. Это былъ крикъ на лѣстницѣ въ сѣняхъ. Онъ уходилъ, приближался и разливался все больше и больше и, наконецъ, слился въ общій гулъ: это былъ голосъ народа... Я вышелъ вонъ: улица была запружена народомъ. Изъ боковаго переулка выѣхалъ угольщикъ, посмотрѣлъ на толпу народа и спросилъ: «кончилось»?—Да.—Чѣмъ?—Not guilty (не виновенъ). Угольщикъ положилъ возжи, снялъ свою кожаную шапку съ огромнымъ козырькомъ сзади, бросилъ ее вверхъ и неистовымъ голосомъ принялся кричать: ура! ура! И толпа опять принялась кричать «ура»! Изъ дверей суда вышли присяжные. Народъ ихъ встрѣтилъ съ *непокрытой головой* *) и съ безконечными криками одобренія. Дороги имъ не приходилось расчищать полицейскимъ: толпа сама разступилась... Это было часу въ шестомъ. Въ семь часовъ въ Манчестрѣ, Ньюкэстлѣ, Ливерпулѣ и пр. работники бѣгали по улицамъ съ факелами, возвѣщая жителямъ освобожденіе Бернара. Вѣсть эту сообщили по телеграфу... Съ четырехъ часовъ толпы стояли у телеграфныхъ конторъ. Вотъ какъ Англія отпраздновала новое торжество своей свободы». «Правительство... ударилось объ гранитный утесъ англійской свободы и смиренно отступило».

При такомъ настроеніи гражданъ крайне трудно расширять функціи полисмэновъ и облекать ихъ *новыми* полномочіями, а тѣмъ болѣе тайными. Но попытки были сдѣланы тѣмъ не менѣе, въ особенности въ семидесятыхъ годахъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ увидимъ дальше, незамѣтно для населенія, полисмэновъ превратили въ контролеровъ легализированнаго порока. Затѣмъ, еще более конспиративно, имъ стали давать порученія политическаго рода. Все это вызвало сильное оппозиціонное теченіе, однимъ изъ вождей котораго стала знаменитая Жозефина Бутлэръ. Ей теперь за семьдесятъ лѣтъ и она уже давно удалилась отъ всякой общественной дѣятельности. Семь лѣтъ тому назадъ она выпустила любопытную книгу автобіографическаго характера: «Personal Reminiscences of a Great Crusade» («Личныя воспоминанія о великомъ крестовомъ походѣ»), которой говоритъ о борьбѣ за отмѣну легализированной проституціи; но здѣсь мы находимъ также нѣсколько фактовъ, касающихся личной жизни автора. Она—жена священника, д-ра Джорджа Бутлэра, винчестерскаго каноника. Всѣ

*) [...]но помнить, что англичане снимаютъ шляпу только предъ Богомъ, [...]. Коммонеры въ парламентѣ сидятъ съ покрытыми головами.

ея симпатіи, впрочемъ, лежали на сторонѣ квакеровъ, среди которыхъ она нашла больше всего союзниковъ и помощниковъ. Читая книгу Жозефины Бутлэръ, мы, прежде всего, выносимъ глубокое уваженіе къ поразительной искренности, энтузіазму и энергіи уважаемой дѣятельницы. «Походъ», о которомъ она говоритъ, стоилъ, повидимому, ей много: она, порой, рисковала даже жизнью; но сознаніе долга предъ обществомъ вело ее впередъ. Въ семидесятыхъ годахъ, увеличивавшееся значеніе полиціи вызвало появленіе знаменитаго теперь памфлета Жозефины Бутлэръ — «Government by Police», который выдержалъ множество изданій и разошелся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Этотъ памфлетъ крайне любопытенъ и я познакомлю съ нимъ читателей.

«По всей вѣроятности, — говоритъ Жозефина Бутлэръ, — однимъ изъ величайшихъ вопросовъ будущаго явится, какъ найти вѣрный способъ остановить бюрократическія стремленія, проявляющіяся почти въ каждой цивилизованной странѣ. Съ одной стороны, мы видимъ аристократическія государства, съ другой — демократическія республики, съ традиціями діаметрально противоположнаго характера. Между странами обѣихъ категорій общее лишь одно: бюрократическій порядокъ, установившійся такъ прочно, что грозитъ самому принципу свободы. Порядокъ является даже соперникомъ правительства, пытающагося обуздать его произволъ».

Книга Жозефины Бутлэръ написана съ цѣлью «выяснить отношеніе Англіи къ этому вопросу и показать опасность, грозящую либеральному министерству, если оно не сознаетъ во время нарождающуюся тиранію и не постарается обуздать ее». Обличать полицейскій порядокъ и выяснять, чѣмъ онъ *не* долженъ быть — не трудно, — продолжаетъ Бутлэръ, — такъ очевидны злоупотребленія его въ различныхъ странахъ. Гораздо труднѣе рѣшить, чѣмъ *должна* быть полиція въ свободной странѣ. Этотъ вопросъ долженъ привлечь вниманіе наиболѣе серьезныхъ, знающихъ и благожелательныхъ гражданъ»... Слишкомъ усердное покровительство со стороны полиціи ведетъ, по словамъ Бутлэръ, къ нежелательнымъ явленіямъ. «Нужно видѣть націи, которыя въ теченіе вѣковъ находились подъ безпрерывной опекой полиціи, чтобы понять, до какой степени возможно вытравить всѣ черты, безъ которыхъ прогрессъ народа немыслимъ: иниціативу, увѣренность въ своихъ силахъ, сознаніе долга и пр. Индивидуальная безопасность (полагается, что это главная цѣль вездѣсущей полиціи) стоитъ слишкомъ дорого, если за нее нужно заплатить свободой личности. Есть нѣчто, граничащее со смѣшнымъ въ безсознательномъ осужденіи самой полиціей системы — продолжаетъ Бутлэръ: начальники лондонской полиціи въ своихъ отчетахъ жалуются на все увеличивающуюся

беззаботность населенія столицы. «Когда же, наконецъ, лондонцы научатся заботиться о себѣ», восклицаетъ старшій инспекторъ Говардъ въ послѣднемъ отчетѣ. Отвѣтить на это можно такъ: «*никогда*, доколе за нихъ будутъ даже въ мелочахъ заботиться правительственные чиновники *).

«Подъ большимъ сомнѣніемъ находится,—продолжаетъ Бутлэръ— допустимо ли вовсе существованіе тайной полиціи въ свободной странѣ. Ее вполнѣ должно замѣнить общественное мнѣніе и широкая свобода печати.. Могутъ сказать, что для раскрытія преступленій необходима армія переодѣтыхъ сыщиковъ. Быть можетъ, такъ; но обязанности и права этой силы должны быть точно опредѣлены и вся она должна находиться подъ бдительнымъ общественнымъ контролемъ». Бутлэръ доказываетъ своимъ соотечественникамъ, что имъ легко было справиться въ XVII в. съ произволомъ Стюартовъ: нужно было бороться съ силой, во главѣ которой стояло одно только лицо—Карлъ I. Гораздо труднѣе будетъ справиться съ другой «гидрой», если ей позволятъ выгости. «Понадобится чрезмѣрное напряженіе силъ, чтобы побѣдить стоголовую гидру—бюрократію, безчисленныя щупальцы которой протягиваются всюду и пытаются захватить рѣшительно все. Бюрократія, въ концѣ концовъ, начинаетъ грозить даже власти, создавшей ее». **) Авторъ предостерегаетъ англичанъ противъ возможности нарожденія въ Великобританіи тайной полиціи. «Мы всѣ привыкли къ тому,—говоритъ Бутлэръ,—что въ Парижѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ существуетъ организованная система шпіонства; но мы скептически относимся къ предположенію, что такая же самая система можетъ возникнуть и у насъ. Что же мы видимъ, однако? Шпіоновъ все чаще и чаще пускаютъ у насъ въ ходъ, правда, покуда не съ политическими цѣлями. Мы видимъ, что дѣлаются попытки превратить полицію въ военную силу. Возникаютъ проекты вооружить ее саблями и револьверами. Полицейскій чиновникъ (comissioner) устраиваетъ въ Гайдъ-паркѣ смотръ полисмэнамъ. Хотятъ уничтожить разницу между солдатомъ и констэблемъ. Людей, поставленныхъ для того, чтобы они брали воровъ, желаютъ сформировать въ бригады. Кого хотятъ такимъ образомъ обуздать? Не насъ ли, англійскихъ гражданъ? Въ провинціальныхъ газетахъ теперь мы каждый разъ встрѣчаемъ замѣтки про то, какъ правительственный инспекторъ, полковникъ такой-то, устроилъ смотръ полисмэнамъ и былъ въ восторгѣ отъ ихъ чисто военной выправки. Предъ нами теперь десятитысячная отлично дисциплинированная армія, находящаяся въ полномъ рас

*) Gvernment by Police p. p. 5—8.
**) Ib., p. p. 91—20.

поряженіи министра внутреннихъ дѣлъ. Парламентъ не отпускаетъ деньги на содержаніе ея, поэтому, при обсужденіи бюджета, не можетъ быть поднятъ вопросъ о томъ, какъ держитъ себя полиція по отношенію къ гражданамъ. Если граждане не будутъ немедленно протестовать противъ преобразованія полиціи на континентальный ладъ, то мы скоро доживемъ до такихъ же явленій, какъ и въ другихъ странахъ» *). Лига, возникшая въ то время, намѣтила слѣдующія желательныя реформы. Во-первыхъ. Такъ какъ полиція чисто гражданская сила, то она должна быть помѣщена всецѣло подъ контроль муниципалитетовъ. Во-вторыхъ. Ее слѣдуетъ децентрализировать, устранивъ вліяніе центральнаго правительства. Для ослабленія вліянія полиціи требуется поощрять всѣми силами, чтобы граждане сами знали свои обязанности и сами поддерживали порядокъ. Въ-третьихъ. Изъять совершенно изъ вѣдѣнія полиціи «охоту на женщинъ» и какое бы то ни было, хотя бы и самое отдаленное, отношеніе къ политикѣ. Какъ первое, такъ и второе, по мнѣнію лиги, больше всего содѣйствуетъ превращенію «слугъ общества» во враждебную ему стоголовую гидру.

«Полиція, преобразованная на военный ладъ и находящаяся подъ непосредственнымъ контролемъ центральнаго правительства,— говоритъ Жозефина Бутлэръ,—порождаетъ двойное зло. Во-первыхъ, такимъ образомъ, въ распоряженіи исполнительной власти, имѣющей уже армію, находится другая еще болѣе грозная сила, которая во Франціи, напр., не только не охраняетъ уже общественнаго порядка, но сама нарушаетъ его и является тираніей, порождающей и подстрекающей безпорядки и мятежи. Такъ было не разъ въ Парижѣ, Ліонѣ и Марселѣ. Даже въ Лондонѣ государственная полиція, организованная на военный ладъ, крайне опасна для гражданъ. Она явилась бы Дамокловымъ мечомъ надъ населеніемъ и немедленно бы обзавелась шпіонами обоего пола. Она скорѣе чѣмъ двадцать полковъ, можетъ создать coup d'état. Государственная полиція напуститъ на насъ своихъ шпіоновъ и провокаторовъ, будетъ сѣять смуту и недовольство. Англійскіе граждане, вспомните исторію Франціи! Во время государственнаго переворота 1851 г. восемьдесятъ полицейскихъ, по словамъ Адемара Лемлера, сдѣлали больше, чѣмъ вся армія вмѣстѣ... Въ свободной странѣ полиція должна быть подъ контролемъ выборныхъ учрежденій. Исторія показываетъ намъ, что какъ только полиція становилась агентомъ центральной власти, она все больше и больше получала политическую миссію. Дѣятельность ея направлялась совсѣмъ въ другую сторону; перво-

*) Government by Police, p. p. 38–39.

начальная цѣль, т. е. безопасность гражданъ, совершенно забы валась» *).

Памфлетъ Жозефины Бутлэръ въ свое время произвелъ гро мадное впечатлѣніе. Дѣятельность «лиги» тоже не пропала даромъ основные пункты программы лиги осуществились впослѣдствіи когда, послѣ муниципальной реформы 1888 г., полиція была совер шенно преобразована.

III.

Мнѣ нужно сказать о главной дѣятельности Жозефины Бут лэръ, о походѣ противъ легализированной проституціи, о которомъ упоминалось уже. Во всѣхъ странахъ проституція отдается под надзоръ полиціи, которой предоставляются широкія права. Эт почти всюду вело къ страшнымъ злоупотребленіямъ властью, к полному подавленію женской личности, къ попранію элементарных человѣческихъ правъ. Все это дѣлалось подъ призрачнымъ пред логомъ охраненія здоровья общества, что, въ концѣ концовъ, н достигалось. Классическимъ примѣромъ можетъ служить Франція которой подражали во многихъ странахъ. Надзоръ за проституціе тамъ основывается на законѣ 1790 г., предоставившаго админи стративной власти охрану общественнаго спокойствія. Въ Париж ею является префектъ полиціи, а въ другихъ коммунахъ — мэръ. Вс законы, регулирующіе проституцію, созданы, поэтому, въ полицей скомъ участкѣ и пахнутъ имъ. Главныя черты этого законодательств слѣдующія: 1) Всѣ проститутки внесены по доброй волѣ или п принужденію (послѣ ареста) въ спеціальный реестръ. 2) Закон признаетъ существованіе домовъ терпимости (maisons de toléranc и maisons de passe). 3) Всѣ зарегистрированныя женщины под лежатъ періодическому медицинскому осмотру. Это законодательств вышедшее изъ полицейской префектуры, создало категоріи «покор ныхъ» (soumises) проститутокъ, т. е. являющихся для освидѣтель ствованія, и «строптивыхъ» (insoumises). Для выслѣживанія и изло вленія послѣднихъ назначили «полицію нравовъ», т. е. агентовъ обязанность которыхъ устраивать облавы на женщинъ и ловит ихъ, какъ дикихъ звѣрей. Такія облавы описывались много раз и въ спеціальной литературѣ, и въ беллетристикѣ (напр., в «Nana»). Въ этой литературѣ и въ газетахъ приведены сотни при мѣровъ поразительнаго насилія и дикаго произвола со сторон полиціи нравовъ. Много разъ забирали во время облавъ неви ныхъ дѣвушекъ и мужнихъ женъ. Бывало, что въ видѣ отместк

*) Goverment by Police p. p. 54—55.

забирали женъ политическихъ противниковъ. Случалось, что облавы устраивались для развлеченія знатныхъ иностранцевъ *).

Дикая система породила спеціальные нравы у людей, привыкшихъ смотрѣть на женщинъ, какъ на звѣрей, на которыхъ можно охотиться,—выработались особые взгляды на то, что можно и чего нельзя. Примѣромъ можетъ служить д-ръ Паранъ-Дюшатлэ, авторъ стараго, но очень цѣннаго и хорошо извѣстнаго труда «La Prostitution à Paris». Авторъ, повидимому, не злой человѣкъ; но, надышавшись атмосферой спеціальныхъ законовъ, исходящихъ отъ полиціи нравовъ, онъ проектируетъ драконовскіе законы для «insoumises». «Я отнюдь не претендую на знаніе того, какъ управлять людьми,—говоритъ онъ.—Охотно сознаю мое невѣжество въ этомъ отношеніи; но простой здравый смыслъ говоритъ намъ, что безъ знанія вкусовъ, привычекъ, наклонностей и антипатій одного класса общества невозможно ничего сдѣлать въ его пользу. Прежде, чѣмъ управлять людьми, необходимо изучить ихъ. Ежедневныя наблюденія показываютъ намъ, что проститутки, большею частью, по характеру, совершенныя дѣти. Ихъ нельзя считать вполнѣ отвѣтственными за свои поступки. Отъ остальныхъ женщинъ проститутки отличаются чрезмѣрнымъ легкомысліемъ, ложностью своихъ взглядовъ, а въ особенности, полной безпечностью, беззаботностью о будущемъ, погоней лишь за настоящимъ, пристрастіемъ къ лакомствамъ и нарядамъ. Отсюда слѣдуетъ, что онѣ болѣе чувствительны къ маленькимъ лишеніямъ, чѣмъ къ продолжительному заключенію и даже къ физическимъ страданіямъ... Мы имѣемъ дѣло не съ преступницами, а съ простыми нарушительницами постановленій полиціи» **). Какія же наказанія проектируетъ авторъ для этихъ «дѣтей», нарушившихъ постановленія префекта (т. е. уклонившихся отъ внесенія въ «реестръ»). «Я задерживалъ бы всю переписку ихъ (insoumises), покуда онѣ содержатся въ Saint-Lazare. По моему мнѣнію, слѣдуетъ передавать имъ только письма, сообщающія семейныя вѣсти. Я предписалъ бы заключеннымъ абсолютное молчаніе и воспретилъ бы даже напѣвать вполголоса. Я далъ бы заключеннымъ платье изъ грубой матеріи и воспретилъ бы даже имъ убирать кокетливо волосы. Я подчинилъ бы

---

*) Въ книгѣ Ива Гюйо «La Prostitution» (p. 133) я нашелъ слѣдующее. «J'ai entendu raconter naïvement par un journaliste russe, м. N. (въ книгѣ полностью названъ одинъ очень извѣстный у насъ литераторъ) que la police avait fait faire une raflé pour lui donner une idée de «cette opération», т. е. «Русскій писатель N N (полная фамилія) наивно разсказывалъ мнѣ, что полиція велѣла сдѣлать облаву, чтобы дать ему представленіе объ «этой операціи».

**) Parent-Duchatelet, p. 280.

заключенныхъ строгой, военной дисциплинѣ. Женщины эти всѣ непосѣды и очень подвижны, поэтому я приказалъ бы имъ ходить только гуськомъ, автоматически»... *). Но авторъ знаетъ еще одну дѣйствительную мѣру, которая можетъ вселить всѣмъ «insoumises» «благодѣтельный страхъ» къ полиціи. Мѣра эта... Tread-Mill, мельница-топчакъ англійскихъ каторжныхъ тюремъ, разрушающая въ самое короткое время не только «злую волю» преступника, но и организмъ его. Паранъ-Дюшатлэ посвящаетъ цѣлую главу «Tread-Mill, ou moulin à marcher et de son application à la répression des délits de la Prostitution» **). «Введеніе этой мѣры (т. е. мельницы-топчака) въ режимъ тюрьмы св. Лазаря сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями,—говоритъ Паранъ-Дюшатлэ.—Я знаю это и не обольщаюсь иллюзіями... Поверхностные умы, критикующіе рѣшительно все, начнутъ вопить: «Къ административной машинѣ прибавлено новое колесо». Но авторъ совѣтуетъ не обращать вниманія на эти крики. Страхъ предъ Tread-Mill сократитъ число «insoumises» на половину. И, наконецъ, мѣра эта не только не вредна для здоровья, но, наоборотъ, даже «очень гигіенична» ***). Паранъ-Дюшатлэ, чтобы окончательно убѣдить въ необходимости tread-mill, аппелируетъ къ карману соотечественниковъ. «Мѣра эта будетъ имѣть громадное моральное вліяніе. И за это обществу не только не придется платить больше, но даже наоборотъ: великое моральное благо принесетъ значительныя сбереженія. Tread-mill сократитъ, по крайней мѣрѣ, на половину число insoumises, отправленныхъ въ тюрьму св. Лазаря. Такимъ образомъ, расходы уменьшатся, по крайней мѣрѣ, на 200 тысячъ франковъ въ годъ».

Существованіе системы порождаетъ даже въ добрыхъ людяхъ, какъ Паранъ-Дюшатлэ, даже въ свободныхъ странахъ, съ широко развитымъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ Франція—взглядъ, что есть женщины, по отношенію въ которымъ допустимо все. Система создала страшное злоупотребленіе властью и породила безконечный рядъ насилій, отмѣченныхъ французской печатью. Ивъ Гюйо подробно анализируетъ, каковы тѣ агенты, которые охраняютъ нравственность общества. Въ данномъ случаѣ, правительству приходится опираться на бригаду, члены которой навербованы изъ бывшихъ преступниковъ, сутенеровъ, сыщиковъ и пр. Если система дѣйствуетъ такъ во Франціи, то можно себѣ представить, что происходитъ въ странахъ, въ которыхъ обще-

---

*) Parent-Duchatelet, 282.

**) *Ib.*, p. p. 28—297.

***) *Ib.*, p. 293.

ственный контроль отсутствуетъ. Тамъ публичные дома являются клондейкскими пріисками для полиціи. Одиночныя проститутки «работаютъ» подъ непосредственнымъ надзоромъ полицейскихъ агентовъ: женщина обязана платить имъ процентный сборъ съ каждаго посѣтителя... Система создала особый взглядъ на людей и особый взглядъ на нравственность. Паранъ-Дюшатлэ приводитъ нѣсколько любопытныхъ образчиковъ прошеній къ префектамъ полиціи. «Господинъ префектъ! — говорится въ одномъ: — Имѣя престарѣлыхъ и дряхлыхъ родителей, я желаю начать какое-нибудь честное дѣло, чтобы прокормить ихъ. Вамъ извѣстно, конечно, господинъ префектъ, что священная обязанность дѣтей — поддерживать въ старости родителей своихъ и заботиться о нихъ такъ же внимательно, какъ они о насъ, когда мы были неосмысленными младенцами». Авторъ этого краснорѣчиваго документа проситъ... разрѣшенія открыть публичный домъ. «Господинъ префектъ,—молитъ другая дама.—Моя бабка и мать были dames de maison. Я сама занималась этой профессіей много лѣтъ, поэтому покорнѣйше прошу разрѣшить мнѣ открыть другой домъ, дабы я могла докончить воспитаніе дѣтей и передать дѣло моей дочери. Безъ второго дома, я не могу найти ей хорошаго и честнаго мужа». «Имѣя отъ роду восемьдесятъ два года,—молитъ престарѣлая дама.—и состоя главой безчисленной семьи, я прибѣгаю къ вашей защитѣ и къ вашему покровительству. Вы, отецъ для бѣдныхъ, опора вдовицъ и сиротъ, утѣшитель скорбящихъ и прибѣжище для несчастныхъ,—вы не отклоните, конечно, моихъ моленій. Находясь въ преклонномъ возрастѣ и чувствуя приближеніе часа, когда мнѣ нужно предстать предъ престоломъ Господа моего, я сознаю своимъ долгомъ обезпечить дѣтей». Богобоязненная старушка проситъ о разрѣшеніи открыть два дома: одинъ для дочери, другой—для внучки. «Вы, господинъ префектъ, моя опора и надежда,—молитъ одна дама.—Имѣя многочисленную и малолѣтнюю семью, я прошу дать мнѣ средство честно зарабатывать кусокъ хлѣба, дабы имѣть возможность воспитать моихъ дѣтей. Не лишайте меня, господинъ префектъ, утѣшенія, въ которомъ столь нуждается огорченная мать!» Дѣло опять таки идетъ о домѣ терпимости. «Каждый изъ насъ благословляетъ Провидѣніе,—пишетъ дама,—пославшее намъ, по неизреченной милости своей, такого справедливаго начальника полиціи, какъ вы. Уповая на милость Божію и зная вашу добродѣтель».. слѣдуетъ просьба въ родѣ упомянутыхъ выше *). Система создала такой взглядъ на нравственность не только въ одной Франціи.

*) *Parent-Duchatelet*, «La Prostitution á Paris» (изданіе 1900 г.), p. p. 181—183.

Недавно въ русскихъ газетахъ была помѣщена аттестація въ добромъ поведеніи и въ хорошей нравственности, выданная полицейскимъ участкомъ содержательницѣ публичнаго дома.

Перехожу теперь къ Англіи. До начала шестидесятыхъ годовъ законъ имѣлъ въ виду только преслѣдованіе содержателей домовъ. Таковъ законъ 1755 г. (25 Geo. II. Оффиціальное названіе: «An Act for encouraging prosecutions against persons keeping bawdy-houses»), по которому два плательщика налоговъ, «увѣдомивъ констэбля, могутъ предстать съ нимъ предъ судьею и добиться преслѣдованія лицъ, вышеупомянутаго характера». Въ 1763 г. прошелъ законъ, опредѣляющій наказанія для содержателей домовъ, а въ 1818 г. (58-ой законъ короля Георга III) приходъ получилъ возможность начать такое же преслѣдованіе, какъ и частныя лица. Всѣ эти законы предоставляли инициативу частнымъ лицамъ. Въ 1824 г. сдѣлана первая попытка дать англійской полиціи, въ этомъ отношеніи, такія же полномочія, какъ и на континентѣ. Въ парламентѣ прошелъ законъ о бродягахъ (Vagrancy Act), давшій полиціи право начать преслѣдованіе противъ «уличныхъ женщинъ, ведущихъ себя неприлично». Тотъ же законъ предоставилъ полиціи право преслѣдовать неприличную литературу. Если читатели вспомнятъ дѣло Бэдборо, о которомъ говорится во второй главѣ, то они получатъ представленіе о томъ, какъ англійская полиція пользуется иногда закономъ 1824 г. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ парламентскихъ законовъ (1847, 1872 и 1885 гг.), направленныхъ, главнымъ образомъ, противъ содержателей домовъ и лицъ, занимающихся сводничествомъ. И тѣмъ, и другимъ грозятъ суровыя наказанія. Такимъ образомъ, характеръ англійскаго законодательства противъ проституціи выясняется. Оно исходитъ изъ двухъ положеній: 1) личность человѣка свободна и 2) государство ни въ коемъ случаѣ не должно покровительствовать пороку, или признавать легализированную форму послѣдняго. На основаніи этого, законъ совершенно не допускаетъ градаціи на «soumises» и «insoumises», какъ во Франціи; но за то сурово караетъ лицъ, желающихъ эксплуатировать человѣческую личность (содержателей домовъ и сводниковъ). Въ шестидесятыхъ годахъ сдѣлана попытка ввести континентальную систему надзора за проституціей. Въ 1864 г. прошелъ законъ о предупрежденіи заразительныхъ болѣзней («Contagious Diseases Prevention Act»); въ силу его, въ одиннадцати городахъ съ военнымъ гарнизономъ *) полиціи поручалось «принудительно освидѣтельствовать уличныхъ женщинъ» и отправлять больныхъ въ гос-

*) Портсмутъ, Плимутъ, Вуличъ, Чатамъ, Ширнесъ, Ольдершотъ, Кольтеръ, Шорнклифъ, Курра, Коркъ, и Квинстоунъ.

питаль. Черезъ годъ къ списку городовъ прибавили Виндзоръ, а въ 1869 г.—Кэнтербюри, Дувръ, Грэвсэндъ, Мэйдстонъ, Соутгэмптонъ и Винчестеръ. Такимъ образомъ, континентальная система дѣйствовала въ восемнадцати городахъ. Для привлеченія женщины къ освидѣтельствованію достаточно было, чтобы полицейскій агентъ показалъ подъ присягой, что обвиняемая—проститутка. Законъ о предупрежденіи заразительныхъ болѣзней вызвалъ немедленно сильную агитацію во всей Англіи. Начался тотъ «крестовый походъ» противъ примѣненія континентальной системы, о которомъ разсказываетъ Жозефина Бутлэръ въ своей книгѣ «Personal Reminiscences». Образовалась лига, состоявшая, по преимуществу, изъ женщинъ. Онѣ назвали себя аболиціонистами, какъ партія, стремившаяся къ освобожденію невольниковъ. Перваго января 1870 г. въ «Daily News» появился манифестъ лиги. «Мы, нижеподписавшіяся,—читаемъ мы,—торжественно протестуемъ противъ законовъ о полицейскомъ надзорѣ за проституціей въ силу слѣдующихъ причинъ. *Во-первыхъ*. Хотя законы эти радикально мѣняютъ гарантіи, охранявшія до сихъ поръ личность женщины, какъ и мужчины; они проведены крайне поспѣшно, безъ достаточныхъ полномочій отъ страны. Мы заявляемъ, что ни коммонеры, ни пресса не выполнили своихъ обязанностей по отношенію къ обществу, когда эти законы обсуждались въ парламентѣ. *Во-вторыхъ*. Новые законы устанавливаютъ порядокъ, при которомъ репутація женщины, ея свобода, все, что прежде считалось священнымъ, отдается вполнѣ на произволъ полиціи. *Въ-третьихъ*. Общественный строй долженъ гарантировать гражданамъ свободу; надлежитъ точно опредѣлить тѣ проступки, за которые полагается наказаніе. *Въ-четвертыхъ*. Мы протестуемъ потому, что несправедливо наказывать полъ, являющійся жертвой порока, и оставлять безнаказанными мужчинъ, являющихся главными виновниками какъ существованія порока, такъ и страшныхъ послѣдствій его. Мы считаемъ, что жестоко и несправедливо арестовывать женщинъ, подвергать ихъ принудительному медицинскому освидѣтельствованію и отправлять уклоняющихся отъ этого въ смирительный домъ, какъ это дѣлаетъ новый законъ. *Въ-пятыхъ*. Путь къ пороку такими мѣрами облегчается какъ для нашихъ сыновей, такъ и для всей англійской молодежи. Въ то же время, легализируя проституцію, государство устраняетъ поводъ къ самообузданію. Оно объявляетъ порокъ необходимостью и пускаетъ его на рынокъ подъ своею санкціею. *Въ-шестыхъ*. Законы эти жестоки по отношенію къ женщинамъ, подпадающимъ подъ ихъ дѣйствіе. Они оскорбляютъ глубоко тѣхъ, въ комъ чувство стыда еще не окончательно погибло, и еще больше ожесточаютъ совершенно потерянныхъ. *Въ-седьмыхъ*.

не подумаетъ о несчастной, познавшей муки, укоры совѣсти и отчаянье. Это униженное и презираемое всѣми существо удовлетворяетъ страсти, которыя, безъ нея, быть можетъ, залили бы весь міръ позоромъ. Вѣрованія и цивилизаціи рождаются, растутъ и исчезаютъ, а проститутка все живетъ. Она изъ вѣка въ вѣкъ пребываетъ жрицей человѣчества, оскверненной за грѣхи народа».

Силы аболиціонистовъ возрастали. Они обзавелись собственной газетой «The Shield» (*Щитъ*). Въ 1870 г. на мѣстныхъ выборахъ въ Кольчестрѣ кандидатомъ выступилъ сэръ Генри Сторксъ, горячій защитникъ легализированной проституціи. Онъ былъ губернаторомъ на Мальтѣ и тамъ усиленно вводилъ континентальную систему. Сэръ Генри похвалялся, что своею строгостью къ проституткамъ уничтожилъ совершенно на Мальтѣ заразительныя болѣзни. Аболиціонисты рѣшили выступить открыто противъ него. Въ Кольчестрѣ проповѣдь друзей Бутлэръ встрѣтила враждебный пріемъ. Ораторовъ прерывали крикомъ, свистомъ, шиканьемъ. Въ нихъ швыряли камнями, но, по мнѣнію одного изъ ораторовъ, «обломки кирпича — составляютъ превосходное тоническое средство». О вкусахъ, конечно, трудно спорить.

«Большой митингъ былъ назначенъ въ театрѣ,—разсказываетъ Жозефина Бутлэръ въ своихъ воспоминаніяхъ. — До начала митинга я сидѣла съ моими друзьями въ номерѣ, въ гостиницѣ. Мы слышали уже крики толпы, собравшейся для того, чтобы помѣшать намъ. Во главѣ толпы находились содержатели домовъ терпимости. Ораторы все же отправились въ театръ, на митингъ, но оставили у меня всѣ свои цѣнныя вещи: кошельки, часы и пр. Весь вечеръ я просидѣла одна. На улицѣ толпа увеличивалась. Мнѣ грустно было, когда до меня долетали разъяренные вопли и страшныя ругательства по нашему адресу. Спѣшу прибавить, что толпа состояла не изъ работниковъ, а изъ громилъ, бродягъ и босяковъ, спеціально нанятыхъ содержателями публичныхъ домовъ. «Я долженъ потушить свѣтъ, — шепнулъ мнѣ хозяинъ гостиницы, войдя ко мнѣ.—Перейдите, пожалуйста, въ другое помѣщеніе и посидите тамъ, покуда толпа разсѣется». Въ этотъ моментъ, зазвенѣли стекла, и въ комнату полетѣли камни. Я перешла въ другое помѣщеніе, гдѣ пробыла до тѣхъ поръ, покуда возвратились съ митинга мои друзья. Они были въ жалкомъ состояніи, ихъ платье истерзано и покрыто грязью, мукой и пр. Но мужество ихъ не уменьшилось. Профессора Стюарта, который нарочно пріѣхалъ изъ Кэмбриджа, чтобы поддержать насъ, сильно поколотили. Въ него швыряли обломками мебели. Потребовались даже перевязочныя средства». Хозяинъ гостиницы, испугавшись толпы, велѣлъ

Бутлэръ выѣхать. Она тщетно искала въ городѣ помѣщеніе, гдѣ бы можно было переночевать. «Я обошла гостиницы; но всюду получала отказъ. Наконецъ, меня впустили. Я сильно устала и легла спать. Черезъ часъ меня разбудилъ вой на улицѣ и хозяйскій стукъ въ двери. «Мнѣ крайне жаль, — сказалъ содержатель гостиницы,—но я долженъ васъ попросить удалиться. Толпа узнала, что вы — Жозефина Бутлэръ и теперь грозитъ разнести отель». Бутлэръ ушла. Ее пріютилъ въ своемъ домѣ одинъ рабочій. Здѣсь на другое утро состоялся маленькій военный совѣтъ, что дѣлать?

Одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ движенія, квакеръ Уортъ, настоятельно совѣтовалъ остаться въ городѣ. «Не убоишься ужасовъ ночи,—сказалъ онъ намъ словами псалмопѣвца,—стрѣлы, летящей днемъ. Подлѣ тебя падетъ тысяча и десять тысячъ по правую руку твою; но тебя не коснется. Только смотрѣть будешь очами твоими и увидишь возмездіе нечестивыхъ». И аболиціонисты рѣшили держать другой большой митингъ. Кольчестерскіе работники выразили имъ своими симпатіи и готовились подать голосъ на выборахъ противъ сэра Генри Сторкса. Такъ какъ на улицѣ толпа громилъ караулила Бутлэръ, то она и подруга ея переодѣлись. «Я и миссисъ Хэмпсонъ, въ одеждѣ работницъ, благополучно дошли до зала, гдѣ долженъ былъ состояться митингъ,— говоритъ Бутлэръ.—Все прошло необыкновенно торжественно. Женщины слушали насъ очень внимательно, а съ улицы долетали грозные вопли толпы. Когда митингъ кончился, друзья посовѣтовали мнѣ выпрыгнуть черезъ окно въ садъ, чтобы пройти незамѣтно для толпы. Такъ я и сдѣлала. Я сильно устала, поэтому попросила миссисъ Хэмпсонъ найти для меня кэбъ. Она отправилась на поиски, а меня, для безопасности, спрятала въ темномъ, пустомъ сараѣ, наполненномъ осколками бутылокъ изъ-подъ содовой воды. Здѣсь стояла я въ темнотѣ одна и слышала, какъ ругающіеся босяки бродили всюду, разыскивая меня. Вдругъ одна половинка дверей тихонько открылась. При скудномъ свѣтѣ я увидала бѣдно одѣтую уличную женщину. Она осторожно подошла ко мнѣ и шепнула: «вы ли та лэди, за которой гонится толпа? О, какой позоръ для мужчинъ! Я была на митингѣ и слушала васъ. Не бойтесь. Я караулю все время снаружи. Они убьютъ меня раньше, чѣмъ найдутъ васъ». Женщина эта потомъ незамѣтно провела Бутлэръ въ безопасное мѣсто. «Возмездіе нечестивыхъ» пришло быстро. Черезъ день состоялись выборы, послѣ которыхъ Бутлэръ получила лаконическую телеграмму: «Убитъ на повалъ». «Это значило, что сэръ Генри Сторксъ потерпѣлъ большое пораженіе. Такимъ образомъ, аболиціонисты одержали первую большую побѣду и доказали, что

отъ контроля. Такимъ образомъ, всѣ ваши предупредительныя мѣры—безполезны. Да и можетъ ли это быть иначе? Вы хотите урегулировать порокъ; между тѣмъ, свойство его именно таково, что не признаетъ никакой нормировки. Онъ напоминаетъ потокъ, выступившій изъ береговъ. Вы не можете сказать ему: «вотъ до сихъ поръ ты законенъ, а дальше стремиться не смѣй»! Онъ глумится надъ вашими попытками»...

Англія тѣмъ рѣзко отличается отъ континента, что общество упорно не желаетъ признавать, что *личность* можетъ быть подавлена и принесена въ жертву *государству*. Англійскій прогрессъ—это лѣтопись освобожденія *личности*. «I am number one» (мое *я*—на первомъ планѣ),—говоритъ англійская поговорка. Это не означаетъ, конечно, непризнаванія личностью *общественныхъ* интересовъ. Наоборотъ, нигдѣ, ни въ одной странѣ, общество и законъ не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ въ Англіи. И это потому, что, во-первыхъ, *личность* питаетъ уваженіе къ закону, который она сама выработала, а, во-вторыхъ, потому, что общество безусловно признаетъ права и индивидуальность личности. На континентѣ часто бываютъ случаи насилія исполнительной власти надъ отдѣльными личностями. И эти случаи вскорѣ забываются. Въ Англіи такіе случаи крайне рѣдки, и каждый разъ, когда случаются, имѣютъ важныя послѣдствія. Возьмемъ конкретный примѣръ. Во Франціи «полиція нравовъ» во время облавъ часто забирала вмѣстѣ съ проститутками невинныхъ дѣвушекъ. Иногда такіе случаи порождали бурю въ прессѣ, какъ это было, напр., въ семидесятыхъ годахъ, по дѣлу Мари Лижеронъ, скончавшейся въ тюрьмѣ св. Лазаря; но буря быстро утихала и все продолжалось попрежнему. Система продолжала дѣйствовать. Въ Англіи, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, полиція захватила въ Ольдершотѣ по ошибкѣ вдову работника—миссисъ Перси, которую подвергли медицинскому освидѣтельствованію и потомъ велѣли взять «билетъ». Миссисъ Перси, «пораженная ужасомъ и негодованіемъ», какъ говоритъ современная газета,—написала письмо въ *Daily Telegraph*. Оно не появилось на другой день, и миссисъ Перси, считая все погибшимъ, утопилась. Случай совсѣмъ заурядный; но въ Англіи онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Имъ воспользовались, какъ поразительнымъ доказательствомъ вредности системы. «Вотъ, до чего она доводитъ! —говорили аболиціонисты. — Агенты исполнительной власти, подъ вліяніемъ системы, вмѣсто того, чтобы быть [illegible]ыми слугами общества, превращаются въ охотниковъ за не[illegible] Для того-ли мы платимъ налоги, чтобы доводить до [illegible]жданъ, которыхъ законъ обязанъ охранять!» Смерть [illegible]льно увеличила ряды аболиціонистовъ. Въ пар-

ламентѣ уже не было открытыхъ защитниковъ законовъ о предупрежденіи заразительныхъ болѣзней. Въ 1883 г. палата большинствомъ голосовъ осудила принудительное освидѣтельствованіе проститутокъ, а черезъ три года всѣ «Contagious Diseases Prevention Acts» были отмѣнены. Такимъ образомъ, аболиціонисты одержали полную побѣду, и «лига» была распущена, такъ какъ цѣль ея осуществилась. Пресансэ правъ, выставляя, какъ аргументъ противъ системы, несоотвѣтствіе между числомъ зарегистрированныхъ и тайныхъ проститутокъ. На это обстоятельство указываетъ Zehnder *). Въ Дрезденѣ, напр., по оффиціальной статистикѣ 311, а въ Мюнхенѣ — 270 проститутокъ; между тѣмъ, это города не съ пуританскими нравами, съ населеніемъ въ 300,000 человѣкъ. «Въ Парижѣ,—по словамъ цитируемаго автора,—являющимся столицей порока на Западѣ, несоотвѣтствіе между числомъ зарегистрованныхъ и тайныхъ проститутокъ дѣлаетъ всю систему абсурдомъ. Зарегистрованныхъ проститутокъ въ десять разъ меньше тайныхъ. То же самое можно сказать о Берлинѣ, гдѣ по полицейскимъ отчетамъ всего только 3,000 проститутокъ. А если это такъ, то чѣмъ же оправдывается система, дѣйствующая, между прочимъ, столь развращающимъ образомъ на агентовъ исполнительной власти, въ безконтрольное распоряженіе которыхъ отдается часть населенія». «Пріучившись къ пренебреженію къ женской личности,—говорятъ аболиціонисты,—полиція привыкла, вообще, и въ другихъ случаяхъ не считаться съ обществомъ. Она привыкаетъ къ мысли, что поступки ея могутъ составлять тайну и быть внѣ контроля гражданъ, поддерживающихъ ее».

Чтобы покончить съ вопросомъ о дѣйствіи въ Англіи «законовъ для предупрежденія заразительныхъ болѣзней», мнѣ остается привести нѣсколько статистическихъ данныхъ.

Къ сожалѣнію, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ цифровыхъ данныхъ, показывающихъ хотя-бы приблизительно, сколько въ Англіи больныхъ сифилисомъ. Судя по здоровью населенія и нѣкоторымъ отчетамъ большихъ госпиталей, можно сказать, что, не смотря на уничтоженіе системы, больныхъ здѣсь значительно *меньше*, чѣмъ на континентѣ. Процентъ сифилитиковъ великъ въ британской арміи. Онъ значительно больше, чѣмъ на континентѣ, но уничтоженіе санитарно-полицейской системы *не* отразилось на числѣ больныхъ. Тутъ, повидимому, дѣйствуютъ какія-то другія причины.

Вотъ таблица, показывающая % отношеніе сифилитиковъ, поступившихъ въ военные госпитали.

---

*) Die Gefahren der Prostitution, 1891.

На тысячу солдатъ приходилось больныхъ:

Годы.	Въ германск. арміи.	Франц-узск.	Ав-стрійск.	Британск. (въ Англіи).	Британск. (въ Индіи).
1876	28,8	57.0	65,8	146,6	203,6
1877	30,0	57,8	66,9	153,2	224,4
1878	36,0	59.7	75,4	175,5	291,6
1879	36,5	63.7	81,4	179.5	255,3
1880	34,9	65,8	75,7	245.9	349.0
1881	39,2	60,6	79.0	145,5	259,6
1882	41,0	62,0	73.7	246,0	265,5
1883	38,2	58,9	73.3	260,0	271,3
1884	34,5	52,1	73,5	270,7	293,5
1885	32,6	50.7	69,0	275.4	342.6
1886	29.7	49,6	65.8	267,1	345,8
1887	28,6	51.6	64,4	252.9	361,4
1888	26.3	46,7	65,4	224,5	372,2
1889	26,7	45,8	65,3	212,1	481,5
1890	26,7	43,8	65,4	212,4	503,6
1891	27,2	43,7	63,7	197,4	400,7
1892	27,9	44,0	61.6	201,2	409,9
1893	—	42.8	64,5	194,6	466,0
1894	—	40,9	64,8	182,4	511,4
1895	—	—	—	174,8	522,3 *)

Анализъ этихъ цифръ показываетъ намъ прежде всего, что коэфиціентъ больныхъ зависитъ отъ какихъ-то другихъ причинъ, а не отъ того, существуетъ-ли система или же отмѣнена. Въ самомъ дѣлѣ: при существованіи «системы» коэфиціентъ больныхъ въ Британской арміи былъ 246,0 на тысячу. Въ 1888 г., когда всѣ законы о предупрежденіи заразительныхъ болѣзней уже не существовали, больныхъ было 212.1 на 1000, въ 1891 г.—197,4 а въ 1895 г.—даже 173,8 на тысячу. Такимъ образомъ, если эта таблица не можетъ служить *безусловнымъ* аргументомъ для аболиціонистовъ,—на нее не могутъ опереться «протекціонисты». «*Всѣ* отчеты военныхъ англійскихъ врачей указываютъ на рѣзкое паденіе цифръ венерическихъ больныхъ въ англійской арміи по введеніи надзора за проституціей»,—говоритъ Г. М. Герценштейнъ **). Приведенная та-…ща, составленная *не* аболиціонистомъ, показываетъ что у насъ нѣтъ …ныхъ для такого категорическаго утвержденія. Во Франціи заро-…ился современный надзоръ за проституціей. Тамъ онъ былъ возве-…денъ въ «науку». Французскую систему усердно поддерживаетъ по-…лиція нравовъ, служащая примѣромъ для континентальныхъ полицій. Точно такъ, какъ въ средніе вѣка жаждавшіе познанія юноши стре-

---

*) «The New Volumes of the Encyclopaedia Britanica», v. VIII, p. 31,

**) …тауа, кн. 50, стр. 486.

мились изъ Германіи, изъ Англіи и Франціи въ далекую Болонью, такъ теперь полицейскіе чиновники изъ всѣхъ странъ стремятся въ Парижъ, чтобы тамъ прослушать высшій курсъ сыскного дѣла. Между тѣмъ, таблицы показываютъ, что, не смотря на police des moeurs, больныхъ во Франціи больше, чѣмъ въ Германіи. Есть, какъ будто бы, какая-то зависимость между степенью культуры въ данной странѣ и числомъ сифилитиковъ. Чѣмъ ниже культура, тѣмъ выше число больныхъ. Если это такъ, то прибавляется новый и крайне серьезный доводъ противъ «надзора» и противъ police des moeurs, въ какой бы формѣ она ни являлась.

V.

Итакъ, мы видѣли, что у англійскаго «бобби» отняты два рода дѣятельности, неизбѣжно превращающіе его континентальныхъ собратій изъ слугъ общества въ ту «гидру», противъ которой предостерегала своихъ соотечественниковъ Жозефина Бутлэръ. Право контролировать мнѣнія и совѣсть гражданъ превращаетъ полицію, какъ думаютъ англичане, въ страшную машину, грозную не только для общества, но и для правительства, создавшаго такую машину. Что касается надзора за легализированнымъ порокомъ, то, по мнѣнію англичанъ, онъ, не принося пользы въ смыслѣ охраны общественнаго здоровья, — дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на тѣхъ, кому онъ порученъ. Они привыкаютъ смотрѣть на людей, какъ на звѣрей, на которыхъ можно охотиться. Разъ такой взглядъ устанавливается, онъ ведетъ къ безконечнымъ насиліямъ надъ личностью, т. е. къ нарушенію основныхъ правъ, гарантированныхъ англичанину «Великой Хартіей» *). Англійскій «бобби», кромѣ того, устраненъ отъ двухъ обязанностей, порождающихъ колоссальную канцелярскую переписку. Въ Англіи нѣтъ

---

*) Французскія газеты говорятъ опять про подвиги police des moeurs, арестовавшей сестру и невѣсту сотрудника «Lanterne» — Форрисье. Полицейскіе агенты Іонъ и Гоблэ, открывъ свою ошибку, прибѣгли къ обычной системѣ: къ лжесвидѣтельству. Они дали ложную присягу и выставили свидѣтельницами двухъ проститутокъ. Послѣднія потомъ отказались отъ своихъ показаній. Онѣ объяснили, какъ полицейскіе агенты явились къ нимъ и научили, что показывать. «Мы всегда обязаны подтверждать то, что велитъ намъ сказать полиція, — показали онѣ, — на ея сторонѣ сила. У насъ правъ нѣтъ.» Исторія, начатая «Lanterne», была поддержана всею парижской прессой. Замять дѣла нельзя было. Префектъ полиціи уволилъ двухъ полицейскихъ чиновниковъ, но нѣсколько поздно уже. 12 мая (н. с.) 1903 г муниципальный совѣтъ выразилъ недовѣріе префекту Лепину. Что же дѣлается тамъ, гдѣ общественное мнѣніе не можетъ выразиться такъ скоро, рѣзко и открыто, какъ во Франціи?

совершенно ни паспортной системы, ни воинской повинности, т. е. нѣтъ безконечной переписки по выправкѣ и пропискѣ документовъ, веденію призывныхъ вѣдомостей, завѣдыванію исчисленіемъ запасныхъ нижнихъ чиновъ и ратниковъ и пр. (Въ 1894—96 гг. въ участковыхъ управленіяхъ одного Петербурга ежегодно было свыше 2 мил. входящихъ и исходящихъ номеровъ бумагъ и свыше 2 мил. видовъ на жительство, представленныхъ для прописки. Если считать на прописку каждаго паспорта только десять минутъ, то и это составитъ около 333.333 рабочихъ часа).

Такимъ образомъ, англійскій «бобби» не контролеръ надъ совѣстью и мнѣніями; не суровый цензоръ нравовъ, не машина, изготовляющая «входящія» и «исходящія» бумаги. Онъ только молчаливый, безстрастный, незамѣтный, покорный, безкорыстный *слуга* общества, и *только* это. Ряды англійскихъ «бобби» вербуются съ большой заботливостью; но перечисленныя качества не *прирожденныя* добродѣтели полисмэна, а являются послѣдствіемъ того, что «бобби» находятся подъ непосредственнымъ контролемъ общества. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же «бобби» перерождается совершенно, если его перевести въ Ирландію. Тамъ, вслѣдствіе отсутствія общественнаго контроля, изъ лояльнаго, незамѣтнаго «бобби», выходитъ констэбль Шериданъ, о подвигахъ котораго много говорилось въ парламентѣ въ 1902 г.

Скажу теперь нѣсколько словъ о современной организаціи «бобби». Послѣ большой муниципальной реформы 1888 г. полиція въ Англіи въ каждомъ графствѣ отдана подъ контроль «постояннаго комитета» (Standing joint committee), состоящаго изъ равнаго числа мировыхъ судей и муниципальныхъ совѣтниковъ. Первые назначаются окружными судами, вторые — совѣтами графствъ. «Постоянный комитетъ», составленный, такимъ образомъ, изъ отвѣтственныхъ передъ обществомъ лицъ, назначаетъ начальниковъ полиціи, собственно, главныхъ констэблей, chief constables; англичане не любятъ слова *начальникъ*, commander, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, заключается понятіе о неравенствѣ; въ силу этого же, наприм., премьеръ, въ рукахъ котораго находится судьба величайшей имперіи въ мірѣ, будетъ для самаго маленькаго клэрка не «his excellency», т. е. не «его превосходительство», а просто *мистеръ* Бальфуръ. Англичанъ не мало забавляетъ, какъ нѣмецкія фирмы обращаются къ англійскимъ общественнымъ дѣятелямъ «High well begotten». Это англичанамъ кажется удивительно курьезнымъ; между тѣмъ, нѣмцы не просту буквально переводятъ титулъ «Hochwohlgeboren». «Постоянный комитетъ» раздѣляетъ на полицейскіе округи. Онъ же отвѣтственъ предъ гражданъ дѣятельность полиціи. «Комитетъ», кромѣ того, со-

ставляетъ статистическіе отчеты о преступности въ графствѣ. Исключеніе составляетъ, покуда, только полиція въ Лондонѣ, которая находится въ вѣдѣніи лорда-мэра и министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ Ирландіи полиція носитъ совершенно другой характеръ и приближается къ континентальной. Это — военная сила, состоящая изъ 11 тысячъ человѣкъ. Ей приходится быть то полисмэнами, то солдатами. Ирландская полиція (Royal Irish Constabulary) въ такомъ видѣ, какъ является теперь, создана спеціальной аграрной системой. Констэбли являлись на помощь лэндлордамъ, когда нужно было собирать ренту. Они выгоняли фермеровъ-недоимщиковъ, слѣдили за организаціями, стремившимися бороться съ лэндлордизмомъ и пр. Прежде, когда свобода слова и совѣсти не была такъ гарантирована, какъ теперь, ирландская полиція была всесильна. Она охватила всю страну и грозила самому правительству, когда послѣднее пыталось ослабить произволъ агентовъ исполнительной власти. Чтобы упрочить свое положеніе, ирландская полиція не останавливалась предъ провокаторствомъ и даже предъ организаціей террористическихъ покушеній. Теперь, когда старая аграрная система въ Ирландіи рушилась, по всей вѣроятности, «Irish Constabulary» будетъ преобразована по типу англійской полиціи. Слѣдующая таблица показываетъ ростъ полицейской силы въ Соединенномъ Королевствѣ.

Годы.	Число полисмэновъ. Въ Англіи и Уэльсѣ.	Шотландіи.	Ирландіи.
1891	39.673	4228	13.840
1892	40.596	4400	13.630
1893	41.164	4488	13.463
1894	40.609	4525	13.331
1895	40.966	4583	13.187
1896	41.560	4598	13.141
1897	42.140	4707	12.900
1898	42.653	4767	12.355
1899	43.450	4867	12.351
1900	44.054	4911	12.320
1901	44.593	5051	12.309 *).

Въ Англіи за 10 лѣтъ населеніе увеличилось на $3^1/_2$ милліона, въ Шотландіи на 446,353, а въ Ирландіи—уменьшилось настолько же. Между тѣмъ, въ Шотландіи, въ которой теперь населенія больше, чѣмъ въ Ирландіи, почти втрое меньше полицейскихъ, чѣмъ въ послѣдней. Такъ какъ уголовныхъ преступленій въ Ирландіи меньше, чѣмъ въ Шотландіи, то мы видимъ, что Англіи дорого стоитъ поддерживаніе системы лэндлордизма, доживающей теперь послѣдніе дни.

*) The Constitutional Yearbook, 1903, p. 440.

Эти цифры, конечно, прежде всего показываютъ, что съ увеличеніемъ благосостоянія общества, число тяжкихъ преступленій уменьшается. Въ 1901 г. наблюдается слабый приростъ, такъ какъ южно-африканская война не могла не отразиться на благосостояніи народа. Послѣдствіемъ ея явился значительный % безработныхъ. Но приведенная таблица означаетъ еще кое-что. Съ увеличеніемъ культуры старый, «дореформенный» типъ преступника исчезаетъ. Воръ или грабитель, какими мы ихъ привыкли видѣть въ романахъ Диккенса, напр., — эволюціонируютъ. Теперь Билль Сайксъ, Фэгинъ, мистеръ Клейполъ, Ловкій Штукарь, Томъ Читлингъ и прочая компанія, выведенная въ «Оливерѣ Твистѣ», не живутъ уже въ подозрительной трущобѣ, не одѣваются такъ, что ихъ сразу можетъ узнать любой полисмэнъ. Они избрали другой родъ дѣятельности, стоящій на границѣ между легальнымъ дѣяніемъ и мошенничествомъ. Мистеръ Клейполъ и Фэгинъ теперь грюндеры, что-нибудь въ родѣ геніальнаго финансиста Уайтэкера Райта, осужденнаго въ 1904 г. Билль Сайксъ теперь насаждаетъ культуру in partibus infidelium. Что же касается Ловкаго Штукаря, то онъ выросъ, и теперь изъ него вышелъ маіоръ Стрётъ, герой такъ называемаго «процесса духовъ», занимавшаго въ послѣднее время вниманіе публики *). Отчеты старшаго инспектора показываютъ, что, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ, такъ сказать, первобытныхъ формъ преступленія, авторы которыхъ профессіональные воры, кроющіеся въ трущобахъ, увеличивается число преступленій, граничащихъ съ законными дѣяніями: злостное грюндерство, фальсификація пищевыхъ продуктовъ на широкихъ началахъ и пр. Но тутъ роль охранителей общества принадлежитъ уже не полисмэнамъ, а широкой гласности. И чѣмъ послѣдняя совершеннѣе, тѣмъ больше гарантировано общество отъ модернизированныхъ Сайксовъ и Ловкихъ Штукарей, какъ бы высоко ни было ихъ общественное положеніе.

---

*) Процессъ въ общемъ заключался въ слѣдующемъ. Блазированный молодой аристократъ Кавендишъ получилъ по наслѣдству громадное состояніе, въ нѣсколько милліоновъ. Какъ всегда бываетъ, около наслѣдника стала увиваться толпа свѣтскихъ приживалокъ и приживальщиковъ. Въ числѣ ихъ и маіоръ Стрётъ съ супругой, члены высшаго общества. Они скоро пріобрѣли громадное вліяніе на Кавендиша. Узнавъ, что онъ «спиритъ», супруги Стрётъ стали приглашать его на сеансы. Черезъ жену Стрёта Кавендишъ сталъ получать посланія отъ своей покойной матери съ того свѣта. Мать совѣтовала сыну безусловно довѣрять маіору. По совѣту матери, Кавендишъ перемѣнилъ [illegible] на другого, указаннаго Стрётомъ. По тому же совѣту, Кавендишъ [illegible]ственную запись въ пользу маіора. Въ концѣ концовъ, начался [illegible]ендишъ требовалъ обратно свое состояніе. Рѣшеніе судьи про[illegible] 13 мая 1903 г.: Кавендишъ выигралъ дѣло.

IV.

Father Christmas.

I.

Пѣвцомъ рождественскихъ праздниковъ въ Англіи, какъ извѣстно всему міру, былъ Диккенсъ. Со словами *Англія* и *Рождество* ассоціируется у насъ всегда поэтому и встрѣча праздника у мистера Уордла, въ его деревенскомъ домѣ (Пикквики), или одинъ изъ самыхъ трогательныхъ сентиментальныхъ разсказовъ въ мірѣ—исторія обращенія Скруджа. Старый скряга грубо отвѣчаетъ на поздравленіе племянника, «съ веселымъ праздникомъ Рождества»,—«вздоръ!»

— Какъ, Рождество вздоръ!—ужасается племянникъ.—Вы не думаете такъ.

— Нѣтъ, думаю,—отвѣчаетъ упрямо Скруджъ.—Веселое Рождество! Какое право имѣете вы веселиться, когда такъ бѣдны.— Племянникъ разражается такимъ восторженнымъ, похвальнымъ словомъ въ честь Рождества, что даже забитый, пришибленный громадной семьей и бѣдностью, клэркъ Тэнкъ начинаетъ апплодировать. «Рождество—восклицаетъ племянникъ,—единственное время въ году, когда мужчины и женщины по молчаливому соглашенію раскрываютъ свои сердца и думаютъ о бѣднякахъ, какъ о товарищахъ-пассажирахъ, ѣдущихъ вмѣстѣ съ ними въ могилу, а не какъ о расѣ особыхъ существъ, которымъ уготовлено совершенно другое путешествіе». Геніальный романистъ такъ трогательно разсказалъ обращеніе Скруджа, что и энтузіасты, и скептики плачутъ отъ умиленія, когда старый скряга просыпается перерожденнымъ. Читатель захваченъ настроеніемъ романиста и забываетъ совершенно спросить, насколько реальна метаморфоза. Этотъ вопросъ приходитъ уже гораздо позже, послѣ того какъ вы отдѣлаетесь отъ чарующаго обаянія геніальной сентиментальной сказки. При чтеніи же скептицизму нѣтъ мѣста. И когда проснувшійся Скруджъ плачетъ отъ восторга и восклицаетъ: «Я чувствую себя легкимъ, какъ перышко; я счастливъ, какъ ангелъ! Я веселъ, какъ школьникъ! У меня кружится голова, какъ у пьянаго! Всѣмъ желаю веселый праздникъ. Счастливый новый годъ всему міру!»—мы плачемъ вмѣстѣ съ нимъ.

Чудесное обаяніе разсказовъ Диккенса осталось; но скептики расходятся съ великимъ романистомъ въ оцѣнкѣ значенія «Merry Christmas» въ современной Англіи. Они говорятъ, что о праздникѣ тамъ вспоминаютъ главнымъ образомъ потому, что онъ отмѣченъ спеціальной ѣдой. Въ самомъ дѣлѣ. Человѣческій желудокъ удиви-

т. е. истинныя происшествія, въ которыхъ фигурируютъ выходцы съ того свѣта. Такія исторіи — спеціальность талантливаго, но безъ царя въ головѣ публициста Вильяма Стэда. Ни въ одной странѣ литература подобнаго рода такъ не богата, какъ въ Англіи. Нигдѣ такъ охотно не читаютъ исторій съ сверхъестественными приключеніями, какъ здѣсь. Эту черту британскаго характера отмѣчаетъ и отлично объясняетъ Тэнъ въ своей «Исторіи англійской литературы». Такіе сборники таинственныхъ разсказовъ, какъ «Twice Told Tales» (Nathaniel Hawthorne), входятъ во всѣ списки лучшихъ книгъ. Ихъ можно найти въ каждой домашней библіотекѣ. Ghost-Stories составляетъ до сихъ поръ неотъемлемую принадлежность каждаго рождественскаго номера; но этотъ матеріалъ вытѣсняется болѣе живымъ. Такіе талантливые писатели, какъ Киплингъ или Уэльсъ, любятъ фантастическія произведенія, но образы и мысль ихъ не укладываются уже болѣе въ тѣсныя формы Ghost-Stories.

II.

«Веселый день наступаетъ,—говорится въ старинной англійской балладѣ. — Пусть каждый будетъ веселъ. Украсимъ всѣ комнаты омелой, а столбы — священнымъ падубомъ (holly)... У всѣхъ сосѣдей дымятся трубы каминовъ. Всюду пахнетъ жаренымъ мясомъ. Оставимъ горе за порогомъ и, если оно тамъ околѣетъ отъ холода, мы схоронимъ его въ плумпуддингѣ».

Теперь наступленіе Рождества отмѣчается не столько увеличивающимся движеніемъ на улицахъ Лондона, сколько появленіемъ феноменальнаго числа нищихъ. Какихъ только видовъ они не бываютъ! Вотъ нищій, такъ сказать, дореформенный: бородатый слѣпецъ со скрипкой въ рукѣ или безрукій, котораго ведетъ собака. Такихъ вы увидите на улицѣ любого города. Но вотъ характерные, типично лондонскіе нищіе: старикъ очень почтенной наружности, въ пенснэ, тщательно выбритый, въ старомъ, но чистомъ черномъ сюртукѣ, въ цилиндрѣ, протягиваетъ вамъ коробку спичекъ. Дама въ шляпкѣ, въ черной мантильѣ, идетъ по улицѣ и поетъ псаломъ или церковный гимнъ. На континентѣ, въ особенности въ Парижѣ, люди тогда напѣваютъ на улицѣ, когда имъ весело. Въ Лондонѣ на улицѣ поютъ только нищіе. И когда вы услышите, что кто-нибудь поетъ, то какъ бы респектабеленъ онъ ни былъ по платью, можете предложить ему пенсъ, если сердце у васъ мягкое. ...ъ еще типично лондонская нищенка Прилично и чисто одѣтая ... шляпкѣ, въ перчаткахъ, рисуетъ сухими цвѣтными каранда-... плитахъ тротуара семейныя сцены, пейзажи, скачущихъ

генераловъ и проч. Тутъ портретъ *Джо*—потому что дама, хотя и нищенка, но читаетъ газеты и слѣдитъ за политикой. Рядомъ съ картинами стоитъ чашечка, куда прохожіе могутъ бросить мѣдную монету. А такъ какъ у англичанъ сердце жалостливое къ бѣднякамъ, а, въ особенности предъ Рождествомъ, то пенсы сыплются щедро. Нищіе этого типа встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ богатыхъ кварталахъ. Они разсчитываютъ тронуть сердца своею респектабельностью. Въ бѣдныхъ и рабочихъ кварталахъ нищіе другого типа. Вотъ цѣлая компанія, человѣкъ въ пять. Одинъ парень въ длинномъ пальто, въ твидовой шапочкѣ, съ громаднымъ шарфомъ, намотаннымъ на шею, вертитъ ручку громадной шарманки. Она такъ тяжела, что тащитъ ее смиренный взъерошенный осликъ. Другой парень свиститъ въ дудку, рядомъ старикъ бьетъ въ треугольникъ, другой человѣкъ, помоложе, выплясываетъ джигъ и тяжело шлепаетъ въ грязи разбитыми башмаками. А въ тележкѣ, рядомъ съ шарманкой, сидитъ безногій, съ культяпками, вмѣсто рукъ. На шарманкѣ значится: «Добрые люди и друзья! Предъ вами безработные, которые, такимъ образомъ,—желаютъ «turn out a honest penny» (зашибить честно копѣечку). Безногій и безрукій, которыхъ вы видите, пострадали на фабрикѣ».

Безработныхъ теперь много. Невѣроятно богатая страна теперь только начинаетъ чувствовать, какую брешь въ ея финансахъ сдѣлала южно-африканская война; но много шансовъ за то, что люди съ шарманкой профессіональные «tramps» (босяки). Англійскіе работники, въ силу высоко развитаго чувства самосознанія очень горды и только въ самые крайніе, исключительные моменты (какихъ теперь, къ счастью, нѣтъ) афишировали бы свою нищету. Трэдъ-юніонисты во время безработицы получаютъ помощь отъ своихъ промышленныхъ союзовъ. Чернорабочій, не принадлежащій къ союзу, охотнѣе пойдетъ даже въ «сэндвичмэны», т. е. будетъ таскать цѣлый день по улицамъ на спинѣ и груди доски съ объявленіями, но не станетъ нищенствовать, и тѣмъ болѣе не пойдетъ за помощью въ рабочій домъ.

Чѣмъ ближе Рождество, тѣмъ чаще появляются на улицахъ бѣдныхъ кварталовъ Лондона «минестрели», какъ ихъ называютъ. Идутъ они партіями человѣкъ въ пять. Тутъ мужчины, загримированнные неграми, въ цилиндрахъ, въ зеленыхъ фракахъ и съ красными жилетками, и женщины—въ короткихъ юбкахъ и широкихъ алыхъ «пастушкахъ» съ цвѣтными лентами. Мужчины играютъ на мандолинахъ, женщины танцуютъ. Въ такихъ бродячихъ труппахъ часто можно встрѣтить настоящихъ, профессіональныхъ актеровъ и танцоровъ, потерявшихъ ангажементъ въ мюзикъ-холлахъ. Трудно представить болѣе печальное зрѣлище, чѣмъ видъ

жалкихъ, накрашенныхъ женщинъ, танцующихъ въ «убого-нарядныхъ» костюмахъ у дверей кабаковъ, въ черный туманъ или подъ пронизывающимъ дождемъ. Зрѣлище это потомъ преслѣдуетъ, какъ кошмаръ. Вы начинаете усматривать въ немъ нѣчто символическое. Дальше отъ «минестрелей» шотландецъ въ живописномъ національномъ костюмѣ наигрываетъ на волынкѣ, а женщина, тоже въ національномъ костюмѣ, выполняетъ каледонскую «пляску съ мечами», т. е. съ двумя старыми солдатскими саблями. Звуки волынки, имѣющіе смыслъ въ горахъ Шотландіи, гдѣ имъ вторитъ таинственно эхо,—на улицахъ большого города, да еще въ туманѣ, раздражаютъ болѣзненно и вызываютъ въ то же время слезы. Женщина танцуетъ, бойко машетъ саблями, выкликаетъ на кельтскомъ языкѣ припѣвъ старинной пѣсни и, въ то же время, нѣтъ-нѣтъ тревожно взглянетъ, не бросилъ ли кто-нибудь изъ дверей кабака мѣдной монеты. А вотъ знакомая всюду фигура. Мальчишка-итальянецъ вертитъ ручку шарманки, на которой, дрожа отъ сырости, печально сидитъ обезьяна въ засаленной красной курточкѣ и фескѣ. Шарманка швыряетъ въ туманъ нелѣпые звуки модной пѣсни изъ мюзикъ-холла. Подъ звуки ея танцуютъ на тротуарахъ и на улицѣ, прямо въ грязи, десятки ребятишекъ. Тутъ дѣвочки въ мантильяхъ, съ распущенными, грязными волосами, падающими изъ-подъ соломенныхъ шляпокъ; тутъ laundry girls, молодыя прачки въ папильоткахъ, въ украшенныхъ блестками, плисовыхъ платьяхъ съ ободранными, грязными подолами. Laundry girl, какъ и лондонскія цвѣточницы, поражаютъ одинаково своею страстью къ яркимъ перьямъ и къ папильоткамъ, своимъ вѣчно растерзаннымъ видомъ и ландкартой свѣжихъ и старыхъ синяковъ подъ глазами.

Главныя улицы бѣдныхъ кварталовъ залиты свѣтомъ и на нихъ нѣтъ прохода отъ толпы. По тротуарамъ и по улицѣ идутъ цѣлыми семьями. Вотъ одна, напр. Мужъ, работникъ, въ котелкѣ, съ трубкой въ зубахъ, толкаетъ колясочку, въ которой лежитъ ребенокъ, въ красномъ колпачкѣ, съ соской во рту. Ребенокъ широко раскрылъ глазки и смотритъ на яркое освѣщеніе. Въ колясочкѣ лежатъ еще кульки и пакетики съ покупками. Рядомъ идетъ «миссусъ», т. е. жена работника, въ шляпкѣ, съ мантильею на плечахъ. Въ подолъ матери вцѣпилась дѣвочка. Мальчикъ лѣтъ пяти сидитъ на плечахъ у отца.

Гусь уже припасенъ. Его прислали изъ клуба; но предстоитъ еще купить мясо. И вотъ возникаетъ сложный вопросъ: на чемъ остановиться—на говядинѣ ли, на бараниѣ или на кроликѣ? Качества баранины и говядины выкликаютъ на всю улицу десятки мясниковъ. Кроликовъ продаютъ съ лотковъ таинственныя небри-

тыя личности, смотрящія исподлобья. На тротуарахъ устраиваются семейные совѣты, въ которыхъ участвуютъ съ правомъ рѣшающаго голоса даже дѣти, сидящія на плечахъ у отца. Кто-то выкликаетъ достоинство старыхъ панталонъ и пиджаковъ. Дальше джентельмэнъ въ цилиндрѣ предлагаетъ пилюли, излѣчивающія всѣ болѣзни.

— Лэди и джентельмэны,—восклицаетъ продавецъ, — я предлагаю соверэнъ тому, кто докажетъ, что мои пилюли могутъ принести какой-нибудь вредъ. За нихъ за глаза можно дать золотой, а я прошу всего пени за пакетикъ!

Въ боковой улицѣ надрываются солдаты Арміи спасенія. Гдѣ-то въ туманѣ щелкаетъ молотъ: то прохожіе пробуютъ свою силу. Въ кабакахъ людно. Двери постоянно открываются, у стойки видны солдаты въ красныхъ курткахъ, бродяги, мужчины неизвѣстныхъ профессій, растрепанныя женщины въ помятыхъ шляпкахъ и въ клѣтчатыхъ платкахъ, накинутыхъ вмѣсто мантильи. Часамъ къ одиннадцати вечера возлѣ лавокъ мясниковъ невозможно протолпиться. Публика состоитъ все изъ очень бѣдно одѣтыхъ, большею частью, пожилыхъ женщинъ, съ истомленными, озабоченными лицами. Въ этотъ часъ мясники продаютъ перекатной голи обрѣзки, кости и потроха,—все то, чѣмъ брезгаютъ болѣе состоятельные покупатели рабочихъ кварталовъ.

Я упомянулъ уже, что сердце у англичанъ жалостливое къ нищимъ, а въ особенности наканунѣ Рождества. Вѣроятно, ни въ одной странѣ такъ не распространена благотворительность, какъ здѣсь. Начать бы хоть съ того, что всѣ англійскіе госпитали содержатся на частныя пожертвованія. Наканунѣ Рождества благотворительность проявляется въ оригинальныхъ формахъ. Таковы, напр., банкеты для «сэндвичмэновъ», устраиваемые ежегодно редакціей Reynolds's Newspaper, самой распространенной воскресной газеты, крайне радикальной по своему направленію. Зародилась она въ дни чартистскаго движенія и отъ того періода сохранила «республиканскую» окраску. Читатели сейчасъ увидятъ, почему я подчеркнулъ послѣднее обстоятельство. Банкетъ для сэндвичмэновъ устраивается газетой на томъ принципѣ, чтобы люди эти чувствовали себя на вечерѣ *гостями* редактора, а не «облагодѣтельствованными» бѣдняками. Банкетъ устраивается въ какомъ-нибудь большомъ ресторанѣ. Читатели и читательницы газеты сидятъ за столомъ въ перемежку съ оборванными сэндвичмэнами, которыхъ собирается около двухъ тысячъ. И нужно видѣть, съ какимъ достоинствомъ держатся за столомъ сэндвичмэны! Правда, многіе изъ нихъ видали лучшіе дни. Среди этихъ печальныхъ, нечесанныхъ, оборванныхъ людей есть бывшіе священники, адвокаты, офицеры, представители среднихъ классовъ и пр. Каждый могъ бы разска-

зать личную драму; но все это народъ крайне сдержанный. Но еще больше среди сэндвичмэновъ людей, которые родились, выросли и, вѣроятно, умрутъ въ трущобахъ. Всѣ безъ исключенія держатся на банкетѣ съ достоинствомъ, настоящими джентльмэнами. Нужно видѣть, съ какой серьезной предупредительностью сэндвичмэнъ предлагаетъ за столомъ своей великолѣпно-одѣтой сосѣдкѣ графинъ съ водой или солонку! Редакторъ Reynolds's Newspaper, адвокатъ Томсонъ, предсѣдательствующій на обѣдѣ, произноситъ спичъ, на который отвѣчаетъ одинъ изъ сэндвичмэновъ. Лучшіе англійскіе актеры, пѣвицы и музыканты предлагаютъ свои услуги, чтобы развлечь сэндвичмэновъ послѣ обѣда. Когда гости расходятся, каждому изъ нихъ вручаютъ по узлу съ платьемъ, табакъ, новую трубку и деньгами полкроны (рубль съ четвертакомъ). Такое угощеніе сэндвичмэновъ стоитъ нѣсколько тысячъ руб. И всѣ эти деньги собираются въ нѣсколько дней путемъ подписки. Reynolds—газета крайне демократическая и республиканская, между тѣмъ, король и королева всегда въ числѣ первыхъ присылаютъ свою лепту (обыкновенно, по 100 руб.) въ редакцію. Такова уже особенность англійскихъ нравовъ. Таково глубокое и *взаимное* уваженіе къ *личности*. Reynolds's изъ номера въ номеръ доказываетъ, что корона – лишній элементъ въ государственномъ механизмѣ Англіи; но газета признаетъ, что Эдуардъ VII—идеальный конституціонный король и, прежде всего, джентльмэнъ. что составляетъ высшую похвалу въ устахъ англичанина. Съ другой стороны, король и королева присылаютъ ежегодно сэндвичмэнамъ поздравительную телеграмму на адресъ Томсона. Эти ежегодные банкеты—одна изъ наиболѣе характерныхъ чертъ рождественскихъ праздниковъ въ Лондонѣ. Не менѣе любопытны выставки игрушекъ, устраиваемыя предъ Рождествомъ редакторомъ радикальнаго журнала Truth—Лабушэромъ. Громадныя залы Albert-Hall превращаются на три дня въ царство «Сентъ-Клауса». Тутъ—тысячи куколъ, цѣлые города игрушечныхъ домовъ, безчисленные косяки лошадокъ и осликовъ, арсеналы дѣтскихъ ружей, сабель и пушекъ. Куклы одѣты артистически. Все это забота жертвователей. На выставкѣ поражаетъ громадная коллекція механическихъ, подчасъ удивительно остроумныхъ игрушекъ. Тутъ же за стекломъ хранится даръ, присылаемый каждый разъ вотъ уже четырнадцать лѣтъ подрядъ неизвѣстнымъ жертвователемъ: двадцать тысячъ новенькихъ шестипенсовыхъ серебряныхъ монетъ (въ четвертакъ). Всѣ игрушки и монетки раздаются послѣ выставки дѣтямъ, лежащимъ въ лондонскихъ госпиталяхъ.

III.

Праздники наступили. Посмотримъ, какъ его встрѣчаетъ средняя англійская семья. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Диккенсъ написалъ свою удивительную XXVIII главу «Пикквиковъ» (Рождество въ Monor Farm). Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Измѣнились уклады жизни, выступили на арену новые классы...

Мой герой—врачъ. Въ кварталѣ, гдѣ онъ практикуетъ, отецъ его тоже былъ врачомъ. У мистера Вильсона, какъ назову его, восемь дѣтей. Изъ нихъ старшій долженъ въ свое время унаслѣдствовать профессію отца и дѣда. Покуда мальчику еще 16 лѣтъ, а мистеръ Вильсонъ не думаетъ еще объ отдыхѣ. Ему «всего пятьдесятъ пять лѣтъ» и онъ чувствуетъ себя въ расцвѣтѣ силъ. Въ столовой ярко пылаетъ каминъ. Палицы и пики австралійскихъ дикарей, прикрѣпленныя вензелями надъ каминомъ (въ молодости мистеръ Вильсонъ служилъ корабельнымъ врачомъ и нѣсколько разъ былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи), украшены колючими листьями священнаго падуба и красными ягодами. Къ газовой люстрѣ прикрѣплена, по старинному обычаю, вѣтка омелы съ бѣлесыми ягодами; но цѣловаться подъ ней, какъ у Диккенса, уже «неприлично». Въ low-middle class, соотвѣтствующемъ нашему мѣщанскому классу, еще цѣлуются подъ омелой, но съ оглядкой и опаской: старинный обычай можетъ повести къ процессу за нарушеніе обѣщанія жениться (breach of promise). За громаднымъ столомъ сидитъ семья мистера Вильсона и нѣсколько самыхъ интимныхъ друзей. Одинъ изъ нихъ—врачъ въ Джорджтаунѣ, въ Британской Гвіанѣ, старый флотскій товарищъ мистера Вильсона, пріѣхавшій на нѣсколько дней изъ Южной Америки. Другіе—провинціалы, которыхъ дѣла задержали въ Лондонѣ. Но теперь всѣ дѣла забыты. Не говорятъ ни о биржѣ, ни о конторѣ, ни о политикѣ. Достаточно взглянуть на гостей, чтобы понять это. Дѣти вытащили изъ хлопушекъ (crackers) бумажные колпачки, чепцы, каски и не только надѣли сами все это, но вырядили взрослыхъ. Суровый врачъ изъ Джорджтауна, лицо котораго желто отъ тропической лихорадки, улыбается теперь добродушно подъ бумажнымъ краснымъ чепцомъ. Энергичный бородатый шотландскій заводчикъ, могущій работать безконечное число часовъ, не смотря на то, что ему подъ шестьдесятъ,—цвѣтетъ широкой улыбкой. На круглой, сильной головѣ его — колпачекъ Пьеро съ краснымъ бордюрчикомъ. Вся комната наполнена заразительнымъ, веселымъ, счастливымъ смѣхомъ. Такъ веселиться по

дѣтски могутъ только сильные, свободные люди, каждая минута которыхъ не отравлена горькимъ сознаніемъ безотрадной дѣйствительности. Нарядная горничная, въ бѣломъ чепчикѣ, съ развѣвающимися длинными бѣлыми завязками вноситъ героя вечера— громаднаго индюка, который, какъ шапоклякъ, прижимаетъ къ подрумяненной груди свою собственную печенку. За индюкомъ слѣдуетъ кровавая гора ростбифа, а за нимъ — honest british plumpudding, украшенный національнымъ флагомъ и колючей вѣточкой священнаго падуба. Начинка изъ каштановъ въ индюкѣ и ростбифъ возбуждаютъ сильную жажду, заливаемую шампанскимъ, безъ котораго Рождество не праздникъ даже въ домѣ рабочаго. Разница только въ маркѣ вина. «Гусиный клубъ» доставляетъ желающимъ, вмѣсто виски, шампанское. Плумпуддингъ вызываетъ взрывы хохота; каждый находитъ въ своемъ ломтѣ что нибудь: дѣти—серебряныя монетки, взрослые—крошечныя фарфоровыя куколки, такіе же бутылочки или трубки. Послѣ плумпуддинга, публика тяжелѣетъ на нѣкоторое время. Но обычный порядокъ англійскихъ обѣдовъ нарушенъ, т. е. мужчины не остаются одни въ столовой съ сигарами и съ графинами хереса. Сегодня — царство дѣтей. Всѣ переходятъ въ гостиную, и здѣсь нужно видѣть, какъ серьезные, дѣловые, не молодые уже люди, воля которыхъ сильна, какъ сталь, играютъ съ дѣтьми въ лошадки, въ «апельсины и лимоны», или въ «musical chairs» («сижу—посижу»). Когда-то вся публика послѣ ужина слушала Ghost-Stories. Теперь ограничиваются тѣмъ, что прочитываютъ эти исторіи въ рождественскихъ альманахахъ. Два вѣка тому назадъ знаменитый англійскій врачъ и литераторъ сэръ Томасъ Броунъ, учившійся въ Оксфордѣ, Монпелье, Лейденѣ и Падуѣ, написалъ трактатъ «Religio Medica», въ которомъ даетъ «раціональную теорію и привидѣній».

«Появляющіеся иногда духи умершихъ людей, — пишетъ сэръ Томасъ,—не есть человѣческія души. То безпокойно бродятъ діаволы, подстрекающіе насъ на злыя, низкія и кровавыя дѣла. Діаволы пытаются внушить намъ отравленную мысль, что усопшіе не почиваютъ мирно въ своихъ могилахъ, но носятся всюду, озабоченные помышленіями о земныхъ дѣлахъ. То, что привидѣнія появляются чаще всего на кладбищахъ и въ церквахъ, объясняется слѣдующимъ. Здѣсь покоятся усопшіе и сюда чаще всего любитъ являться діаволъ, чтобы съ гордостью полюбоваться на трофеи побѣды, одержанной имъ когда-то надъ Адамомъ». Въ нашъ вѣкъ фонды діавола стоятъ такъ низко, что спириты и теософы сочли необходимымъ нѣсколько модернизировать «раціональную теорію сэра Томаса». Въ современныхъ «истинныхъ разсказахъ о привидѣніяхъ», въ *Real* Ghost-Stories, которыхъ такъ много о Рожде-

ствѣ, старый знакомый человѣчества, съ классическими рожками, хвостикомъ и копытцами, замѣненъ словами Kâma-Manas, Sthûla-Sharêra и пр. Выходитъ болѣе непонятно, а *потому* болѣе правдоподобно.

Мистеръ Вильсонъ—врачъ и, кромѣ того, вполнѣ культурный человѣкъ. Онъ, конечно, ставитъ на одну доску какъ теоріи Энни Безантъ, такъ и «раціональныя» объясненія сэра Томаса Броуна, но дома имѣетъ, навѣрное, десятокъ альманаховъ съ Ghost-Stories...

Въ квартирѣ работника Рождество празднуется такъ же, какъ и у мистера Вильсона, съ тѣмъ же порядкомъ яствъ и съ тѣми же дѣтскими шутками. За столомъ собираются всѣ дѣти: тутъ замужнія дочери, затѣмъ дѣвушки, служащія или на фабрикахъ, или въ горничныхъ. Тутъ всѣ сыновья. Иные—въ красныхъ солдатскихъ курткахъ, другіе — въ синихъ матросскихъ рубахахъ, третьи—работники. Твердое сознаніе собственныхъ правъ и своего человѣческаго достоинства дѣлаетъ праздникъ въ домѣ работника такимъ же оживленнымъ, какъ и въ домѣ мистера Вильсона. Рабы, дорвавшись до вина, превращаются въ звѣрей, вымещающихъ на еще болѣе слабыхъ (напр., на женахъ или на паріяхъ) свое собственное униженіе. Праздникъ рабовъ — тяжелый, какъ кошмаръ, мрачный, какъ черный туманъ, разгулъ, который при всякомъ случаѣ можетъ обагриться потоками крови. Праздникъ свободныхъ людей, сознающихъ свое человѣческое достоинство, а *потому* признающихъ и чужую человѣческую личность, — радостный пиръ. Какъ и въ домѣ мистера Вильсона, въ квартирѣ работника (я имѣю въ виду трэдъ-юніонистовъ) послѣ рождественскаго обѣда можно слышать звуки піанино. Играетъ одна изъ дочерей—горничная или фабричная дѣвушка. Есть, конечно, громадная разница въ выборѣ пьесъ. У мистера Вильсона играютъ Бетховена, Моцарта или Баха. Дочь работника предпочитаетъ романсъ или куплеты изъ мюзикъ-холла; но, въ концѣ концовъ, наслажденіе, полученное отъ музыки, одно и то же.

IV.

Первый день Рождества съ его кошмарами, навѣянными тяжелыми плумпуддингами и густыми испанскими винами, прошелъ. Наступаетъ Boxing-day, второй день, къ которому антрепренеры готовятся съ самаго начала осени. Большинство театровъ пріурочиваютъ къ этому дню новыя пьесы. Но самое характерное для Boxing-day—это такъ называемыя пантомимы. Англичане, какъ открылъ какой-то французъ, дѣлаютъ все не такъ, какъ на конти-

нентѣ, а наоборотъ: кучера держатся *правой* стороны улицы; въ письмахъ англичанинъ пишетъ *я* прописной буквой, а *вы*—маленькой, при встрѣчѣ съ знакомымъ французъ снимаетъ шляпу, а англичанинъ надвигаетъ ее глубже на уши и т. д. По духу противорѣчія, должно быть, англичане назвали «пантомимой» такія представленія, во время которыхъ актеры не только не объясняются жестами, а наоборотъ, говорятъ слишкомъ много, гораздо больше, чѣмъ требуетъ сюжетъ. «Пантомимы» обставляются съ замѣчательной роскошью. Въ пьесѣ участвуютъ человѣкъ 300—400. Костюмы и декораціи поражаютъ красотой. Въ особенности великолѣпны декораціи послѣдняго акта, сцена «метаморфозъ»: лѣсъ сразу превращается, безъ опусканія занавѣса, въ волшебный дворецъ, улица—въ гротъ фей, сверкающій огнями и увитый розами и т. д. На Boxing-day изъ 100 лондонскихъ театровъ болѣе пятидесяти ставятъ «пантомимы». Первоначально предполагалось, что представленія этого рода—для дѣтей. На Boxing-day и почти до масляницы, дѣйствительно, въ театрахъ на утреннихъ представленіяхъ видимъ жизнерадостныя, пышащія здоровьемъ и счастьемъ розовыя лица маленькихъ англичанъ и англичанокъ. Смотрѣть на эти здоровыя лица—настоящее наслажденіе. Вы видите въ потенціалѣ умную, настойчивую, сильную націю, обладающую громадной работоспособностью и энергіей. Какими несчастными кажутся въ сравненіи съ этими дѣтьми наши блѣдненькіе, измученные непосильной и безсмысленной зубрячкой гимназистики, изъ которыхъ почти всѣ носятъ уже въ зачаткѣ «русскую болѣзнь», какъ называютъ здѣсь неврастенію! Какъ будто нарочно для того, чтобы еще больше обезличить нашихъ мальчиковъ, ихъ всѣхъ вырядили, какъ солдатъ, въ мундиры.

Кромѣ маленькихъ дѣтей, въ театрѣ на пантомимахъ еще очень много взрослыхъ и даже старыхъ англичанъ. Трудно рѣшить, кто больше веселится: дѣти или взрослые. Англичанинъ, когда работаетъ, поглощенъ всецѣло дѣломъ. Чтобы сосредоточиться лучше на business, онъ почти ничего не читаетъ. За то въ часы отдыха англичанинъ веселится, какъ ребенокъ. Важные судьи, члены парламента и министерства, серьезные профессора университета хохочутъ до слезъ въ театрѣ отъ удачнаго каламбура или отъ причудливой выходки клоуна. Въ этомъ отношеніи взрослые не отстаютъ отъ дѣтей. Но въ чемъ же сюжетъ пантомимъ? Ихъ можно раздѣлить на три группы. Сюжетъ однѣхъ пьесъ навѣянъ любимыми сказками и исторіями: то Алладинъ, Красная Шапочка, Синяя Борода, Синбадъ Мореходецъ, Джэкъ истребитель великановъ, Котъ въ сапогахъ, Сандрильона, Дѣти въ лѣсу, Робинзонъ Крузо и пр. Авторы даютъ широкій просторъ фантазіи. Съ сюжетомъ не церемонятся, вводятъ новыя сцены

переносятъ дѣйствіе въ страну, допускающую болѣе красивыя декораціи. Пьеса сдабривается музыкой, пѣньемъ, танцами и даже акробатическими представленіями. Возьмемъ, напр., сказку о Синей Бородѣ, на которой построена пантомима, идущая теперь въ Coronet Theatre *). Дѣйствіе перенесено въ Персію. Синяя Борода оказывается «Башей Испагана». Онъ устраиваетъ смотръ красавицъ, на которомъ выбираетъ себѣ жену Фатиму, дочь «разорившагося продавца шербета» Ибрагима. Синяя Борода увозитъ невѣсту въ свой замокъ, не смотря на ея протесты: она на ярмаркѣ познакомилась съ персидскимъ принцемъ Селимомъ, переодѣтымъ пастухомъ. Синяя Борода уѣзжаетъ и, какъ въ сказкѣ, чтобы испытать жену, оставляетъ ей ключи. Въ заповѣдной комнатѣ открываются, однако, не страшныя тѣла. Оттуда выбѣгаютъ шесть героинь наиболѣе популярныхъ теперь въ Лондонѣ «музыкальныхъ комедій» (попросту оперетокъ). На выручку къ Фатимѣ, которую Синяя Борода хочетъ казнить, является Селимъ. Башу предаютъ англійскому (каррикатурному, конечно) суду за покушеніе на убійство. Адвокатъ шотландецъ произноситъ буффонную рѣчь. Синюю Бороду прощаютъ подъ условіемъ жениться на отчаянной уродинѣ, на Аннѣ, сестрѣ Фатимы (эту роль исполняетъ, конечно, клоунъ). Кромѣ сестры Анны, въ пьесѣ еще нѣсколько ролей, исполняемыхъ клоунами-гимнастами — таковы, напр., Гукитъ и Крукитъ, два шпіона на службѣ у Синей Бороды.

А то приведу еще въ примѣръ пантомиму «Дѣти въ лѣсу». Нужно знать, что одинъ и тотъ же сюжетъ обрабатывается одновременно въ двухъ или даже трехъ театрахъ различными авторами и композиторами. Такъ, каждое Рождество въ Лондонѣ можно видѣть не меньше трехъ «Красныхъ Шапочекъ» или «Диковъ Уитингтоновъ». Сказку про Красную Шапочку знаютъ всѣ. Дикъ Уитингтонъ—герой лондонской легенды. Онъ остался рано сиротою и, вмѣстѣ со своимъ котомъ, явился искать счастья въ столицу. Когда мальчикъ присѣлъ отдохнуть у воротъ города, въ церкви св. Стефана зазвонили къ вечернѣ. И въ перезвонѣ колоколовъ Дику послышалось: «дин-дон-Уитингтонъ! Не въ примѣръ будешь мэръ три раза дон!» И дѣйствительно Дикъ Уитингтонъ потомъ сильно разбогатѣлъ: онъ далъ своего кота хозяину, отправлявшемуся на кораблѣ въ Марокко, гдѣ было много золота, много мышей, но гдѣ совсѣмъ не знали природныхъ враговъ мышинаго рода. По другой варіаціи читатели, конечно, знаютъ, какъ корабельщикъ продалъ султану кота за боченокъ золота. Дикъ Уитингтонъ — историческое лицо. Онъ былъ трижды лордъ-мэромъ Лондона при

*) Писано въ 1903 г.

королѣ Генрихѣ IV. Какъ лондонскаго героя, Дика Уитинг чаще всего выводятъ въ пантомимахъ. Не менѣе популярны *Д въ Лѣсу.* Пантомимы эти основаны на старинной и очень пе ной народной балладѣ «The Babes in the Wood».

«Родители, взвѣсьте хорошенько слова, которыя я вамъ с сейчасъ,—говорится въ балладѣ. «Вы услышите горестную ист которая стала извѣстна лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ». Был Норфолькѣ джентльмэнъ, который умеръ, оставивъ двухъ д сына трехъ и дочь пяти лѣтъ. Отецъ завѣщалъ мальчику 30 годового дохода, а дочери приданое въ 500 ф. ст. Но если умрутъ, говорилось въ завѣщаніи, всѣ деньги достанутся опе ихъ дядѣ. Опекунъ задумалъ воспользоваться деньгами. Онъ ручилъ двумъ бродягамъ завести дѣтей въ лѣсъ и убить ихъ т Но одинъ изъ бродягъ сжалился надъ дѣтьми и убилъ своего варища, который занесъ ножъ надъ малютками. Затѣмъ бр завелъ дѣтей въ лѣсъ и оставилъ ихъ тамъ. Онъ не хотѣлъ рять обѣщанную опекуномъ плату. Дѣти, рука въ руку, пр дили цѣлый день, питаясь черникой. Когда же наступила онѣ стали плакать. «И такъ плакали они до тѣхъ поръ, — рится въ балладѣ,—покуда не умерли отъ истощенія и отъ да... И никто не похоронилъ малютокъ. Только репалъ-красно покрылъ ихъ засохшими листьями».

And now the heavy wrath of God
Upon their uncle fell.

(И вотъ страшный гнѣвъ Господній поразилъ дядю), — рится въ балладѣ. Его постигъ рядъ несчастій: дома сго скотъ издохъ, нивы выбило градомъ, два сына утонули по въ Португалію. Наконецъ, бродяга, котораго присудили къ с ной казни за убійство на большой дорогѣ, сознался во всемъ смертью. Опекуна посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ.

Старинная баллада, конечно, слишкомъ печальна для ственской пьесы. Но на выручку подоспѣли авторы. Мр убійцы, «two ruffians strong, who were of f[illegible]rious mood» описываетъ ихъ баллада [illegible] въ клоу[illegible]овъ. Дѣти н баютъ. Во-время [illegible] [illegible]шикъ [illegible] Робинъ своими [illegible] [illegible]нах[illegible]омъ Тѣкомъ ди[illegible] [illegible] геро[illegible]й англійск [illegible] ихъ[illegible]ъ правах [illegible] въ ка[illegible]ждой из [illegible] мы сдѣ[illegible]лаемъ, [illegible]гющее. В[illegible] Въ ка [illegible], principal[illegible]pal boy

роль, обязательно исполняемая красивой женщиной. и непремѣнно въ трико. Principal boy называется то Синбадомъ, то Дикомъ Уитингтономъ, Робинзономъ и пр. Principal boy имѣетъ, конечно, principal girl — Сандрильону, Красную Шапочку, Фатиму и пр. Добыть эту дѣвицу помогаетъ Second Boy, тоже въ трико. У него имѣется Second girl. Затѣмъ по важности идутъ «первая» и «вторая комическая женщина» (сестры Сандрильоны, мать Али-Бабы, жена Касима, сестра Анна и пр.). Роли эти всегда исполняются клоунами мужчинами. Клоунъ выходитъ непремѣнно въ коротенькой кисейной юбочкѣ. Онъ—лысый, съ двумя рыжими косичками, украшенными бантиками. Клоуны эти отличные гимнасты и танцоры. Нѣкоторые клоуны, имѣющіе подобныя амплуа, достигли громадной славы и нажили громадныя состоянія. Таковъ, напр., Дэнъ Лино, безъ котораго пантомима въ Дрюрилэнскомъ театрѣ совершенно немыслима. За этими ролями слѣдуютъ десятки другихъ клоуновъ и дѣвицъ въ трико. Непремѣнными участниками пантомимъ являются «комическіе звѣри», comical beasts: коты, ослы, волки, пѣтухи, слоны и пр. Роль эта безсловесная, но исполняется, конечно, человѣкомъ. Comical beast танцуетъ, боксируетъ и умѣетъ, не смотря на маску, быть очень экспрессивнымъ. Въ *Сорока Разбойникахъ*, напр., отецъ Али Бабы обладаетъ несчастной слабостью разсказывать глупые анекдоты. Такъ какъ отъ него бѣгутъ всѣ слушатели, то онъ разсказываетъ анекдоты своему ослу. Животное демонстративно показываетъ, что ему каламбуры не нравятся. Наконецъ, послѣ особенно неудачнаго анекдота, оселъ падаетъ въ обморокъ. Нѣмая сцена передана такъ, что большіе и маленькіе зрители хохочутъ до слезъ. Въ каждой пантомимѣ участвуетъ не меньше 150 танцовщицъ и хористокъ. Изъ нихъ вербуется шайка Али Бабы, войско Синей Бороды, товарищи Робина Гуда и пр. Всѣ онѣ, какъ на подборъ, очень красивы и непремѣнно должны имѣть хорошій голосъ. Таковы пантомимы первой категоріи, т. е. такія, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ сказокъ или легендъ.

Ко второй категоріи относятся пантомимы, навѣянныя популярными дѣтскими пѣсенками, такъ называемыя, «nursery rimes». Всѣ эти пѣсенки очень коротенькія, почти безъ всякаго содержанія [illegible]тимъ, вѣроятно, онѣ соблазняютъ авторовъ, такъ какъ даю[illegible]рокій просторъ фантазіи. Такова, напр., пантомима *Hum-p*[illegible], идущая теперь съ громаднымъ успѣхомъ въ Дрюри[illegible]театрѣ. Humpty-Dumpty - пѣсенка-загадка. Въ переводѣ [illegible]ъ: «Humpty-Dumpty сидѣлъ на стѣнѣ. Humpty-Dum[illegible] стѣны. И вся конница, короля, и всѣ слуги его не [illegible] садить болѣе Humpty-Dumpty опять на стѣну». Вотъ [illegible]ачаетъ это—яйцо. И изъ этой прибауточки, которая

короче воробьинаго носа, выкроили цѣлую пьесу въ четырнадцати картинахъ. И не только пьесу, а своего рода лекцію по политической экономіи, какъ увидимъ дальше. Фантазіи есть гдѣ развернуться: нужно было дать мѣсто principal boy, клоунамъ, безчисленнымъ танцовщицамъ, акробатамъ, фокусникамъ, куплетистамъ, декламирующимъ похвалу *Джо* (*Чэмберлэну*), наконецъ, дѣвицамъ въ трико, поющимъ о необходимости налога на хлѣбъ.

V.

Humpty-Dumpty, когда упалъ и разбился,—повѣствуетъ театральная интерпретація,—породилъ духа проказъ, дѣвицу въ черномъ трико, съ красными рожками. Духъ этотъ уноситъ въ страну фей и волшебныхъ превращеній дочь короля Соллэма (Торжественнаго), который съ тѣхъ поръ забываетъ, какъ это люди смѣются. Это тѣмъ болѣе удивительно, что женой его выступаетъ самый забавный клоунъ Дэнъ Лино. Королю предсказываютъ добрыя феи, что онъ опять начнетъ смѣяться, когда найдется его дочь. Въ поиски за ней, конечно, отправляется Principal Boy. Онъ посѣщаетъ очарованный лѣсъ, въ которомъ живутъ Comical Beasts—попугаи, твердящіе каноны фритрэдеровъ, говорящія деревья и проч. Principal Boy заходитъ въ пещеру сиренъ, которыя поютъ и выплясываютъ хвалу въ честь *Джо*, спускается на дно моря, вѣроятно, чтобы дать возможность декораторамъ и машинистамъ щегольнуть удивительной обстановкой. По пути встрѣчаются феи, демоны, летающія вѣдьмы, танцующія водоросли и цѣлыя полчища клоуновъ всякаго рода и наименованія. Такъ какъ декораціи мѣняются часто, и обстановка крайне сложная, то въ пьесу вкраплены вводныя сцены, не имѣющія никакого отношенія къ ней. Покуда за задней стѣной спѣшно работаютъ театральные плотники и машинисты, сооружая какой-нибудь волшебный дворецъ, который долженъ моментально превратиться въ гротъ на днѣ моря, впереди публику развлекаютъ клоуны, акробаты и фокусники. Въ концѣ концовъ, конечно, Principal Boy обрѣтаетъ похищенную принцессу; находитъ также волшебное кольцо, котораго не доставало королю Торжественному. И послѣдній начинаетъ хохотать и сыпать каламбурами.

Въ пантомимахъ какъ перваго, такъ и второго типа, т. е. въ представленіяхъ, построенныхъ какъ на сказкахъ, такъ и на дѣтскихъ пѣсенкахъ,—дѣйствующія лица, клоуны въ особенности, постоянно намекаютъ на событія дня. Свободорожденному англичанину, хотя бы даже клоуну, не заказано критиковать, что онъ желаетъ. Но такъ какъ англійскіе театры, по преимуществу, пред-

пріятія капиталистическія и всецѣло находятся въ рукахъ акціонерной компаніи, то клоуны, дѣвицы и куплетисты, дѣлающіе «выпадъ» противъ злобъ дня, считаются обыкновенно съ интересами «хозяевъ». Пантомимы проповѣдывали «настоящій» имперіализмъ. Теперь онѣ всѣ почти заключаютъ хвалу Чэмберлэну и пропагандируютъ необходимость налога на хлѣбъ и протекціонизма.

Основныя положенія, выставляемыя теперь протекціонистами, сводятся къ слѣдующему. Британская промышленность гибнетъ вслѣдствіе заговора иностранцевъ противъ Англіи. Они наводняютъ, благодаря свободѣ торговли, британскіе рынки своими дешевыми товарами. Поэтому англійскіе фабриканты не могутъ кункуррировать и должны закрывать свои заводы. Послѣдствіе то, что англійскіе работники теряютъ занятіе. Отсюда безработица и низкая заработная плата. Если бы вести тарифы, то иностранецъ не могъ бы завалить британскихъ рынковъ дешевыми товарами, англійскія фабрики возродились бы, а на нихъ работники нашли бы для себя и дѣло, и высокую заработную плату. Правда, въ Англіи былъ когда-то протекціонизмъ, и тогда нищета стояла поразительная, но это къ дѣлу не относится. Мало изготовлять товары. Нужно, чтобы кто-нибудь еще покупалъ ихъ. Протекціонисты говорятъ, что такой покупатель уже есть: колоніи. Ихъ нужно только заполучить на свою сторону. А это сдѣлать очень легко, говорятъ протекціонисты. Колоніи производятъ сырье. Нужно имъ дать преимущество на британскихъ рынкахъ предъ иностранцами. Съ этой цѣлью и необходимъ налогъ на хлѣбъ. «Мы вамъ, а вы намъ», т. е. метрополія облагаетъ себя налогомъ на хлѣбъ въ пользу компаній, а послѣднія устанавливаютъ налогъ на иностранные фабрикаты, въ пользу метрополіи.

Вотъ въ сжатомъ видѣ сущность борьбы протекціонистовъ съ фритрэдерами. Повидимому, тутъ нѣтъ совершенно темъ для куплетистовъ. Но не такъ думаютъ протекціонисты. Вопросъ перенесенъ на почву сентиментальныхъ мотивовъ. «Comical women», «Principal Boy» и просто клоуны стали въ этомъ году проповѣдниками протекціонизма въ пантомимахъ. Въ *Humpty-Dumpty*, въ очарованномъ лѣсу, Principal Boy поетъ патріотическіе куплеты, которые теперь уже высвистываютъ всѣ шарманки на лондонскихъ улицахъ. «Когда Нельсонъ высоко держалъ британское знамя, —начинаетъ Principal Boy,—когда мы поколотили Бонапартишку подъ Ватерло, тогда покупатели изъ всѣхъ странъ, низко кланяясь, приходили за товарами въ магазинъ Джонъ-Булля. Когда мы побѣдили всѣхъ нашихъ враговъ, они стали покупать у насъ. Тогда ни нѣмчура, ни янки, ни лягушатники, ни лохматые русскіе не конкуррировали съ нами».

«Покупайте, покупайте въ магазинѣ у Джона Булля,—подхватываетъ хоръ дѣвицъ въ трико, размахивая національными флагами.—Намъ не нужно больше ни нѣмчуры, ни янки. Пусть деньги, которыя мы получаемъ, остаются въ Англіи. Если станешь покупать у Джона Булля, англійскія деньги не достанутся иностранцамъ».

«Теперь все измѣнилось, — начинаетъ опять Principal Boy, — слава имперіи начинаетъ увядать. Мы покупаемъ теперь у такихъ народовъ, которымъ раньше только продавали. Иностранецъ захватываетъ нашу торговлю. Но въ самый мрачный моментъ, когда вся наша промышленность, казалось, погибла, на выручку явился новый и смѣлый боецъ —

With an eyeglass in his eye,
That the quicker he can spy
What is wanting in the John-Bull Store

(т. е. «въ глазахъ у него стеклышко, чтобъ онъ скорѣе могъ высмотрѣть все, чего недостаетъ въ магазинѣ у Джона Булля)

Покупайте, покупайте въ магазинѣ у Джона Булля, и пр., — опять подхватываетъ хоръ, размахивая національными флагами.

«И этотъ чудо-боецъ, — затягиваетъ Principal Boy, — задумалъ теперь объединить всю имперію, чтобъ наша промышленность могла процвѣтать и въ хорошія, и въ трудныя времена. Нашъ *Джо* — молодчага и отлично справлялся со всѣми дѣлами, которыя мы ему до сихъ поръ поручали. Поэтому поможемъ ему и теперь осуществить, что онъ хочетъ.

And we'll find that Joey's plan,
Is the saving of the John Bul Store

(И мы найдемъ, что планъ *Джо* спасетъ магазинъ Джона Булля) Нота протекціонизма слышится во всѣхъ почти пантомимахъ въ этомъ году. Въ *Синей Бородѣ* сестра Анна (клоунъ) выглядываетъ съ башни, не скачетъ ли по дорогѣ на выручку отрядъ принца Селима.

— Смотри! — кричитъ Анна, — вонъ пыль клубится по дорогѣ. Не Селимъ ли это?

— Нѣтъ. Пыль удаляется къ морскому берегу.

— Отлично! То, значитъ, всѣ иностранцы убираются къ чорту изъ Англіи.

Въ *Сорока Разбойникахъ* знаменитый не меньше, чѣмъ Дэнъ Лино, клоунъ Гербертъ Кэмбелль поетъ гимнъ «Доброму старому Джо». На сцену выходитъ почти вся труппа съ флагами, на которыхъ изображенъ Чэмберлэнъ.

«Прошли тѣ времена, — начинаетъ клоунъ, — когда наша промышленность процвѣтала. Прошли тѣ дни, когда наша торговля шла впередъ громадными скачками. Иностранцы у себя обложили высокими пошлинами наши товары, чтобы вытѣснить ихъ. Но мы скоро, благодаря *Джо*, получимъ все обратно.

— Онъ приходитъ, онъ приходитъ, — подхватываетъ хоръ. — Добрый старый Джо приходитъ, чтобы отплатить иностранцамъ оплеухой за оплеуху.

— Мы сами перерѣзали себѣ горло старымъ клинкомъ, которому имя Свобода торговли, — опять начинаетъ клоунъ. — Взгляните на наши заводы и фабрики, которые закрылись теперь. Когда работнику нечего дѣлать, тогда нельзя купить хлѣба. Старый добрый Джо обмозговалъ все это.

— Онъ приходитъ, онъ приходитъ, и пр.! — подхватываетъ хоръ.

— Либералы говорятъ, что они лучшіе друзья рабочаго, — запѣваетъ клоунъ. — Почему же они не пытаются улучшить положеніе гибнущей промышленности? Красивыми словами сытъ не будешь. Старый добрый Джо говоритъ, что при протекціонизмѣ всѣ будутъ счастливы. Повѣримъ ему.

He's going, he's going to buck trade up, what—oh!
We'll soon be multi-millionaires through God old Joe!

(Онъ идетъ, чтобы выручить нашу промышленность! При помощи добраго стараго Джо мы скоро сдѣлаемся архи-милліонерами).

— *Джо* скоро спуститъ свой броненосецъ «Протекціонизмъ» на воды Фискальнаго моря (Phiscapolli Sea). Отличный рулевой Джо благополучно доставитъ корабль въ портъ».

Я не могу сказать, чтобы публика состояла изъ однихъ только протекціонистовъ. Раздаются во время пѣнія и рѣзкіе протесты изъ зрительной залы; но, въ концѣ концовъ, Christmas is Christmas, какъ говорятъ англичане. Публика явилась въ театръ въ отличномъ расположеніи духа, наслаждаться, а не для того, чтобы ломать себѣ голову надъ экономическими вопросами. Она выслушиваетъ клоуновъ, выступающихъ въ роли профессоровъ политической экономіи, и даже апплодируетъ имъ, главнымъ образомъ, потому, что они забавны. Затѣмъ «Старый Джо» — дѣйствительно популяренъ теперь. Онъ съ удивительной ловкостью умѣетъ оставить министерство какъ разъ во-время, когда кабинетъ начинаетъ раздражать населеніе. Теперь въ странѣ накопился громадный запасъ недовольства противъ министерства Бальфура: война принесла Англіи безработицу и анархію Южной Африкѣ;

но главный виновникъ войны ускользнулъ во-время изъ кабинета. «Старый Джо» ведетъ теперь большую игру и, какъ говорятъ знатоки, ведетъ ее «на мѣлокъ». Одно изъ основныхъ положеній протекціонистовъ, напр., совершенно не подтверждается дѣйствительностью. «Джо» заявляетъ въ своихъ рѣчахъ, что колоніи стремятся къ таможенному союзу съ метрополіей и готовы на всякія жертвы. «Желаютъ ли колоніи введенія преимущественныхъ тарифовъ?—читаемъ мы въ любопытномъ «Руководствѣ», изданномъ Лигой протекціонистовъ для своихъ ораторовъ *). Мы можемъ судить о томъ, что колоніямъ необходимо по тому, что онѣ говорятъ. Въ особенности важны въ этомъ отношеніи рѣчи отвѣтственныхъ представителей колоній и то, что они уже сдѣлали. Почти безъ исключенія представители всѣхъ колоній высказались въ пользу преимущественныхъ тарифовъ на почвѣ взаимныхъ уступокъ. Въ различныхъ колоніяхъ правительственныя и частныя совѣщанія принимали резолюціи въ пользу протекціонизма. Канада, Капская колонія, Наталь и Новая Зеландія сдѣлали уже значительныя уступки метрополіи, не требуя ничего взамѣнъ. Въ скоромъ времени можно ожидать, что этому примѣру послѣдуетъ и Австралія. Она тоже собирается понизить пошлины на фабрикаты, привозимые изъ Англіи, если метрополія, въ свою очередь, обложитъ пошлиной доставляемый изъ-за границы хлѣбъ». «Тѣ, которые утверждаютъ, что колоніи еще не высказались за таможенный союзъ съ метрополіей,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ «Руководства», — говорятъ неправду. Дѣйствительно, изъ деликатности, колоніи избѣгали надоѣдать намъ по этому поводу, но онѣ, тѣмъ не менѣе, готовы на всякія уступки. Мы должны пойти навстрѣчу, иначе благопріятный моментъ больше не повторится». Чэмберлэнъ сказалъ недавно, что если метрополія упуститъ моментъ и не приметъ руку, протянутую колоніями, т. е. если она не отвѣтитъ преимущественными тарифами на уступки, сдѣланныя Канадой, Австраліей и Новой Зеландіей, то послѣднія, быть можетъ, станутъ искать другихъ сюзереновъ. Или налогъ на хлѣбъ, или распаденіе имперіи. И все это «игра на мѣлокъ», какъ неопровержимо доказываютъ колоніальныя газеты. Канада и Австралія сами хотятъ превратиться теперь въ промышленные центры. Онѣ стоятъ, конечно, за протекціонизмъ; но желаютъ охранить высокими пошлинами свою промышленность не только отъ иностранцевъ, но и отъ метрополіи. Канада охотно приметъ преимущественный тарифъ на хлѣбъ, который она ввозитъ въ Англію, а Австралія — налогъ на

*) *Speakers' Handbook*, published by the Tarif Reform League, p. p. 20—21.

мясо; но ни та. ни другая демократія не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія давать что-нибудь взамѣнъ.

Но я нѣсколько уклонился. Коснусь теперь послѣдняго типа пантомимъ, а именно, пьесъ не политическихъ, а просто фантастическихъ, построенныхъ на одномъ вымыслѣ автора. Полетъ фантазіи въ нихъ еще болѣе широкъ, чѣмъ въ пантомимахъ, основанныхъ на сказкахъ. И, нужно сознаться, фантазія эта еще болѣе растрепанная. Примѣромъ можетъ служить пьеса *Blue Bell in Fairy-land*, которая вотъ уже нѣсколько сезоновъ не сходитъ со сцены. Обыкновенно пантомимы живутъ одинъ мѣсяцъ. *Blue Bell*—лондонская цвѣточница, отправившаяся (во снѣ) разыскивать пещеру, въ которой спитъ старый король. Дѣвушку сопровождаютъ котъ и два школьника, клоуны пьесы. Съ удивительной пестротой слѣдуютъ другъ за другомъ уличныя сцены лондонской жизни, затѣмъ—фантастическое болото съ блуждающими огоньками, громадными жабами, нетопырями, вылетающими изъ стараго дупла и пр. Тонъ пантомимы—крайне сентиментальный, т. е. тотъ, какой всегда нравится дѣйствительно сильнымъ, энергичнымъ, увѣреннымъ въ себя людямъ. Не знаю, право, кому больше по душѣ *Blue-Bell*: маленькимъ ли англичанамъ, приходящимъ въ восторгъ отъ проказъ школьниковъ клоуновъ и кота Питера, или же ихъ мужественнымъ отцамъ, проливающимъ слезу умиленія въ нѣкоторыхъ трогательныхъ сценахъ. Умѣстно здѣсь будетъ замѣтить, что когда въ англійской литературѣ въ послѣднее время поднялся вопросъ о томъ, должна ли драма обсуждать общественные вопросы, или нѣтъ,—значительная часть публики высказалась отрицательно. «Серьезные вопросы,—говорила эта публика,—мы должны разрѣшать дома въ кабинетѣ, на политическихъ митингахъ или въ парламентѣ, when we mean business,—какъ говорятъ англичане (т. е. когда мы дѣло дѣлаемъ). Мы настолько серьезные, сильные и вдумчивые люди, что умѣемъ трезво смотрѣть на вопросъ, когда онъ не облеченъ въ вымыселъ и не помѣщенъ въ выдуманную обстановку. Для всесторонняго обсужденія вопроса и для разрѣшенія его нужно исходить изъ конкретныхъ фактовъ, точно установленныхъ и провѣренныхъ. Ничего подобнаго общественная драма не можетъ дать. Она, въ концѣ концовъ, все же только вымыселъ. А если такъ, то мы предпочитаемъ вымыселъ жизнерадостный, веселый, во время котораго можно отдохнуть отъ упорной работы». Такъ думаютъ и говорятъ многіе англичане, не боящіеся смотрѣть правдѣ въ глаза и занятые въ жизни разрѣшеніемъ самыхъ важныхъ общественныхъ вопросовъ *).

*) Много доводовъ подобнаго рода приведены въ сборникѣ «Pros and Cons, за 1903 г. издаваемомъ Джономъ Эскью (Swan Sonnenschein), p. 63.

VI.

Когда Тринкуло натыкается на Калибана («Буря», дѣйствіе II, сцена II), онъ принимаетъ его за рыбу и огорчается, почему онъ не въ Англіи теперь. «Если бы я былъ теперь въ Англіи, — говоритъ шутъ, — и если бы я имѣлъ хотя рисунокъ этой рыбы, я увѣренъ, что не осталось бы ни одного ротозѣя, который бы не отдалъ мнѣ часть своихъ денегъ. Вотъ тамъ-то это чудовище обогатило бы своего владѣльца. Тамъ обогащаетъ всякое странное животное. Они не дадутъ мѣдной монеты, чтобы помочь безногому нищему, и заплатятъ десять, чтобы взглянуть на мертваго индійца». Тринкуло отмѣтилъ черту, которую до сихъ поръ можно наблюдать въ мюзикъ-холлахъ. Они, отчасти, соотвѣтствуютъ континентальнымъ кафэ-шантанамъ, но болѣе колоритны и стильны. Въ кафэ-шантанахъ основной элементъ—пѣвицы гривуазныхъ куплетовъ. Въ мюзикъ-холлахъ гривуазныя пѣсенки невозможны по характеру націи. Выступаютъ танцовщицы и пѣвицы, но характерную особенность составляютъ зрѣлища, отмѣченныя въ приведенной выдержкѣ да еще модернизированные Тринкуло, т. е. клоуны различныхъ видовъ. Изо дня въ день публика ломится въ мюзикъ-холлъ, чтобы посмотрѣть, какъ одноногій циклистъ бросается со страшной высоты, вмѣстѣ со своей машиной, въ бассейнъ или какъ Hardeen ловко сбрасываетъ съ себя наручни, надѣваемые самыми ловкими сыщиками и полицейскими инспекторами. Публика такъ же стильна и колоритна, какъ и представленія. Верхи набиты молодыми людьми въ твидовыхъ шапочкахъ, безъ воротничковъ, съ яркими шелковыми платками вмѣсто галстуховъ. Это—все продавцы съ лотковъ, затѣмъ подручные мясниковъ, зеленщиковъ и пр. Рядомъ съ ними—ихъ подруги, въ плисовыхъ платьяхъ, въ шляпкахъ съ перьями невѣроятныхъ цвѣтовъ, изъ-подъ которыхъ видны всегда закрученныя въ папильотки волосы. Дамы эти—цвѣточницы и laundry girls, т. е. прачки. Небожители наиболѣе экспансивны въ выраженіи своихъ чувствъ и настроеній. Оттуда раздается заразительный хохотъ съ взвизгиваніемъ или рѣзкій, пронзительный свистъ. Небожители имѣютъ свои опредѣленные взгляды на искусство и политику, сложившіеся подъ вліяніемъ такихъ изданій, какъ *Ally Sloper*. Такая же почти публика, какъ и небожители, засѣдаетъ въ партерахъ, въ «питѣ» (колодцѣ), за исключеніемъ первыхъ 6—7 рядовъ креселъ. Эти мѣста заняты молодыми и молодящимися людьми во фракахъ и цилиндрахъ. Тутъ—золотая молодежь, служители биржи и пр.

Между «питомъ» и небожителями на «балконахъ» сидятъ клэрки, лавочники, *букмэкеры* *). Все это—завсегдатаи мюзикъ-холловъ.

Современный Тринкуло, выступающій въ мюзикъ-холлахъ, или просто кувыркается, получаетъ оплеухи и остритъ, какъ его предокъ, или же присоединяетъ ко всему этому пѣнье куплетовъ, которые большею частью носятъ патріотическій характеръ. Мюзикъ-холлы—академіи имперіализма. Теперь въ нихъ читаются лекціи о тарифахъ. Лекторъ—тотъ же Тринкуло. Всѣ мюзикъ-холлы теперь прославляютъ *Джо* и въ нихъ ведется агитація въ пользу налога на хлѣбъ. Изъ мюзикъ-холловъ выходятъ всѣ тѣ пѣсни, которыя насвистываетъ Англія или наигрываютъ шарманки. Нѣкоторыя пѣсни, зародившіяся въ мюзикъ-холлахъ, становятся почти національными гимнами «патріотовъ» (въ кавычкахъ). Такова пѣсня: «Вотъ солдаты королевы».

Мюзикъ-холлъ вначалѣ занималъ очень скромное мѣсто, но теперь онъ усиленно конкуррируетъ съ театрами и побѣждаетъ ихъ. Напрасно театры ставятъ пьесы, въ которыхъ тоже участвуютъ танцующіе, поющіе и дерущіеся клоуны. Мюзикъ-холлъ побѣждаетъ по всей линіи. И вотъ теперь началась борьба между театрами и мюзикъ-холлами. Владѣльцы театровъ требуютъ, чтобы мюзикъ-холлы ограничивались бы только танцами, пѣньемъ и фокусами, но не смѣли бы ставить номеровъ, въ которыхъ «имѣются разговоры между нѣкоторыми лицами». «Разговоры», доказываютъ антрепренеры, исключительная привилегія театровъ. Въ одной инстанціи въ судѣ мюзикъ-холлы проиграли процессъ противъ театровъ.

Не думайте, что только одинъ Тринкуло поддался вліянію прогресса. Вотъ какое объявленіе я нашелъ предъ Рождествомъ въ провинціальной газетѣ *Barrow News*. «*Ищутъ* для Веслеянской церкви фонографъ для проповѣдей, съ колоколомъ и съ діапазономъ для залы, приблизительно, въ сорокъ тысячъ куб. футовъ. При фонографѣ требуется пятьдесятъ одинъ валикъ, причемъ каждый долженъ заключать одну службу въ слѣдующемъ порядкѣ: гимнъ (веслеянскій), молитва, гимнъ, глава изъ Ветхаго Завѣта, гимнъ, глава изъ Новаго Завѣта, гимнъ, проповѣдь, гимнъ, краткая молитва и благословленіе. *Важное* и *обязательное условіе*. Каждая служба должна заканчиваться словами: «Не забудьте положить пожертвованіе на тарелку при выходѣ». Подрядчиковъ просятъ обозначить цѣны».

---

*) Принимающіе заклады на скачкахъ.

V.

Дерби.

I.

Черныя тучи низко плывутъ надъ мокрымъ, грязнымъ и шумнымъ городомъ. Кажется, вотъ-вотъ онѣ задѣнутъ высокія колокольни или черныя фабричныя трубы, на которыхъ сквозь копоть едва желтѣютъ громадныя золотыя буквы рекламъ. Время отъ времени начинаетъ лить дождикъ, не лѣтній, просвѣченный солнечными лучами, а сѣрый, мелкій, холодный, настоящій осенній. Но какое дѣло до погоды громадной, разряженной толпѣ, суетившейся за Лондонскимъ мостомъ? Кому какое дѣло, что сегодня въ парламентѣ важный билль о хлѣбныхъ налогахъ? *) Три четверти коммонеровъ, навѣрное, въ этой толпѣ. На биржѣ сегодня предстоитъ тихій день. «Кафры», «янки», консоли и другія бумаги пролежатъ спокойно нѣсколько часовъ въ портфеляхъ биржевыхъ маклеровъ, потому что «быки» и «медвѣди» (т. е. играющіе на повышеніе и пониженіе) раньше всѣхъ явились сегодня къ Лондонскому мосту. Сегодня день ипсомскихъ скачекъ, словомъ—«дерби», правильный англійскій карнавалъ, не считая случайныхъ «мэфкинговъ», т. е. военныхъ сатурналій. Дерби въ этомъ году при томъ же исключительное. Во-первыхъ, къ нему присоединены ликованія по случаю заключенія мира; во-вторыхъ, скачки еще — «коронаціонныя». Съ суевѣріемъ, которое отличаетъ игроковъ всѣхъ странъ, спортативныя газеты поддерживаютъ коня «Скипетръ», разсчитывая, что «коронація», несомнѣнно, должна имѣть таинственную связь съ столь неотъемлемымъ атрибутомъ ея, а потому лошадь должна «взять дерби». Банкиръ оставилъ контору въ Ломбардъ-стритѣ, работникъ мастерскую, учитель — школу. Даже клерджимэнъ,—пишущій трактатъ, въ которомъ ясно какъ день разоблачаются происки дьявола, даетъ искусителю отдыхъ и пощаду на сегодняшній день и тоже спѣшитъ на дерби. Къ станціи «Лондонскій мостъ» подъѣзжаетъ экипажъ за экипажемъ. Туда же сплошнымъ потокомъ валитъ толпа. Каждыя три минуты въ городокъ Ипсомъ сегодня отходятъ безконечные поѣзда, набитые пассажирами: но чтобы вполнѣ вкусить прелесть «дерби», на скачки нужно отправиться не поѣздомъ, а въ экипажѣ: въ каретѣ, шарабанѣ или хоть на крышѣ омнибуса. Сотни шарабановъ и омни-

*) Писано въ 1902 г.

бусовъ, запряженныхъ четверками лошадей, убранныхъ флагами и цвѣтами, стоятъ къ услугамъ желающихъ за Лондонскимъ мостомъ. Кучера и кондукторы, разряженные въ пухъ, въ сверкающихъ воротничкахъ, въ лоснящихся цилиндрахъ, съ цвѣтами въ петличкахъ,—на перебой зазываютъ пассажировъ. Я взобрался на крышу омнибуса, гдѣ уже нашелъ компанію: два джентельмэна, одинъ молодой, другой старый, закусывали и запивали изъ общей бутылки солидныхъ размѣровъ. Немолодая лэди въ яркомъ лиловомъ платьѣ, съ цѣлымъ желтымъ цвѣтникомъ на шляпкѣ, и въ черной атласной мантильѣ усердно помогала джентельмэнамъ прикладываться къ горлышку. Другая лэди, толстая, съ большими бирюзовыми сережками, въ сѣрой шелковой блузѣ съ зелеными цвѣтами и съ серебряной цѣпью, которая походила на добрый ошейникъ,—дремала. Громадная птица, прикрѣпленная къ ея шляпкѣ, склонила голову на бокъ, какъ будто желала своими стеклянными глазами взглянуть на одутловатое, покраснѣвшее лицо своей хозяйки. Другіе спутники порой толкали дремавшую даму; она открывала глаза, прикладывалась къ горлышку бутылки и опять засыпала. Судя по веселому настроенію компаніи, я заключилъ, что процессъ совѣщанія съ бутылкой начался еще наканунѣ, а то, можетъ быть, еще съ прошлаго дерби.

Мимо насъ проѣзжали экипажи всякаго рода; промчался, дребезжа, автомобиль съ закутанной въ плащи компаніей, поражавшей чудовищными очками; трусцой проѣхала телѣжка, запряженная смиреннымъ осломъ. Въ телѣжкѣ сидѣло около десятка «костеровъ» (разносчиковъ). Вотъ проѣхала нарядная карета. Рядъ экипажей задержалъ ее у омнибуса, и я могу разсмотрѣть джентельмэна, сидящаго въ ней. Лоснящійся дорогой цилиндръ. Черное пальто съ шелковыми отворотами. Темнозеленый галстухъ съ жемчужной булавкой. На зонтикѣ золотой ободокъ. Все солидно, основательно и дорого. Кожа глядко выбритаго лица не столько сморщена, сколько смята. Она похожа на изнанку старой лайковой перчатки, которую только что вытащили изъ ящика комода, изъподъ кучи бѣлья. Отъ крыльевъ носа идетъ продолговатая морщина. Она встрѣчается съ другой морщиной, идущей внизъ отъ угловъ рта и образуетъ съ ней подобіе очертанія журавлинаго клюва. На лбу серьезныя двѣ складки. Глаза глядятъ куда-то въ пространство. Тѣло ѣдетъ въ каретѣ, но духъ еще витаетъ, повидимому, въ только что оставленномъ банкѣ. Тронулась цѣпь, и вмѣсто этого джентельмэна—выплывали все новые и новые типы. А нашъ омнибусъ все еще стоялъ. Прибавлялись пассажиры. Пришли два молодыхъ человѣка, повидимому, клэрки; усѣлся солидный, плотный, сѣдой клэрджимэнъ съ громаднымъ биноклемъ черезъ плечо; потомъ

явилась суровая дама и джентельмэнъ лѣтъ тридцати. Суровая дама говорила густымъ басомъ и называла спутника «my boy» мой мальчикъ. Поднявъ глаза, я вижу напротивъ громадное зданіе, повидимому, какой-то торговый складъ. Въ окнѣ третьяго этажа видна женщина, вертящая, не безъ усилія, какое-то колесо. Прошла минута, двѣ, пять, десять... Женщина, не отрываясь ни на минуту, съ такимъ же усиліемъ вертѣла свое колесо. Прядь волосъ спустилась ей на глаза; но работница откинула ее движеніемъ головы. Руки попрежнему прикованы къ колесу. Женщина ни разу даже не взглянула на широкій, живой, веселый потокъ, залившій всю улицу. Это автоматическое движеніе рукъ дѣйствуетъ на зрителя. Чувствуется, какое напряженіе должна дѣлать каждый разъ женщина, вертя колесо; чувствуется жженіе въ ладоняхъ и тупая боль въ локтяхъ и въ плечахъ...

Мы тронулись. На крышѣ омнибуса оставалось еще одно свободное мѣсто. Такъ какъ теперь по улицѣ тянулась безконечная цѣпь экипажей, то подвигаться можно было только шагомъ. Мы проѣхали минутъ пять и остановились у громаднаго трехэтажнаго кабака, на крышѣ котораго виднѣлся большой вызолоченный слонъ съ башней на спинѣ. Тысячи зрителей запрудили въ этомъ мѣстѣ улицу. Тѣ, которые не могутъ поѣхать на дерби, желаютъ хоть взглянуть на отправляющихся туда. Оборванныя женщины и въ такой же степени оборванные, распухшіе отъ пива мужчины предлагали уѣзжающимъ метелки изъ цвѣтной бумаги, павлиньи перья, бумажные носы съ усами подъ ними, дудки и книжечки съ указаніемъ всѣхъ лошадей, которыя будутъ скакать сегодня.

— Джентельмэны!—жалобно прохрипѣлъ одинъ изъ продавцовъ.—Вотъ уже десять часовъ, а у меня еще нѣтъ на билетъ, чтобы поѣхать на дерби.

Я обратилъ вниманіе на высокаго бритаго мужчину, въ длинномъ плащѣ съ пелериной и въ измятой мягкой шляпѣ. Глубокія, полукруглыя морщины, какъ у старыхъ актеровъ, залегли у него на лицѣ вокругъ рта. Господинъ этотъ, повидимому, не признавалъ обычая бриться каждый день: щеки и верхняя губа у него поросли щетиной. Онъ держалъ въ рукахъ свернутую трубочкой бумагу и нетерпѣливо поглядывалъ то на дорогу, то на свободное мѣсто рядомъ со мною. Наконецъ, онъ усмотрѣлъ того, кого, повидимому, ждалъ и кинулся навстрѣчу старательно одѣтому и тщательно выбритому господину, тоже съ глубокими морщинами вокругъ рта. Тщательно одѣтый развернулъ поданную трубочку. Тамъ были два листа. Онъ просмотрѣлъ одинъ, затѣмъ, болѣе внимательно, другой. Господинъ въ плащѣ съ пелериной сталъ напѣвать вполголоса какой-то речитативъ. Тщательно одѣтый внимательно слушалъ.

— Пойдемъ въ таверну?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, сейчасъ нужно,—нетерпѣливо отвѣтилъ небритый.— Видите: вотъ свободное мѣсто на омнибусѣ.

— Сколько хотите?

— Десять гиней.

— Пять,—спокойно отвѣтилъ тщательно одѣтый господинъ.

— Чортъ возьми! Вы, Гоуэльсъ, умѣете пользоваться случаемъ. Баллада настоящій монетный дворъ. Она вамъ дастъ большій урожай, чѣмъ «'E Dunno Where 'E Are», которую я продалъ Гесъ Илену за «пони» (десять фунтовъ).

— Не знаю!—спокойно протянулъ Гоуэльсъ.—Во всякомъ случаѣ, я сильно рискую: я покупаю балладу, не выслушавъ ее. Она, можетъ, никуда не годится

— Не будьте bloody лгуномъ, Гоуэльсъ: мотивъ я вамъ пропѣлъ.

— А все же больше пяти я не дамъ.

— Чортъ съ вами! давайте. Мнѣ ѣхать нужно!—злобно крикнулъ господинъ въ длинномъ плащѣ. Гоуэльсъ спокойно отсчиталъ пять соверэновъ, затѣмъ прибавилъ еще пять шиллинговъ и взялъ оба листа. Небритый быстро взобрался на омнибусъ и усѣлся рядомъ со мною, продолжая сыпать ругательствами и крѣпкими пожеланіями по адресу удалявшагося Гоуэльса. Омнибусъ тронулся.

— Вы видѣли этого негодяя, который купилъ у меня балладу?—обратился ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ сосѣдъ.—Это— видъ «свэтера», который не попалъ въ отчетъ парламентской коммиссіи о «выжимальщикахъ пота». Парламентскіе отчеты говорятъ только о портныхъ да башмачникахъ. Гоуэльсъ и десятки подобныхъ ему эксплоатируютъ насъ, сочинителей балладъ. Онъ поетъ въ мюзикъ-холлѣ и за пять гиней купилъ «балладу», которая принесетъ ему мѣшокъ денегъ. Гоуэльсъ будетъ исполнять ее два года подъ рядъ; получитъ по двадцати гиней въ недѣлю; балладу станутъ высвистывать всѣ, ее будутъ играть шарманки. Чортъ возьми!—злобно прикрикнулъ онъ, хлопнувъ кулакомъ себя по колѣну. — Знаете балладу «Вотъ солдаты королевы»? Она теперь почти національный гимнъ и принесла актеру богатство; а между тѣмъ, онъ купилъ ее у автора за два фунта. А «Daisy Bell»? Авторъ сбылъ ее за 25 шиллинговъ. Теперь ее распѣваютъ по всему міру!

Лицо у сочинителя балладъ, у «ballad monger», почернѣло отъ злости. Читателю нужны кое-какія поясненія. «Баллада» англійская, на придачу, комическая баллада, распѣваемая въ мюзикъ-холлахъ, не совсѣмъ то, что мы знаемъ подъ этимъ названіемъ со времени Жуковскаго. Комическія баллады писали, кажется, всѣ

англійскіе поэты. Бретъ Гартъ, напр., извѣстенъ въ Англіи не столько какъ авторъ калифорнскихъ разсказовъ, сколько какъ сочинитель упомянутыхъ стихотвореній, пользующихся громадной популярностью. Я выберу типичный образецъ. Въ Англіи существуетъ, напр., старинная наивная баллада про Модъ Меллеръ. Героиня, красавица крестьянка, ворошила разъ сѣно въ жаркій лѣтній день. Проѣзжалъ мимо судья Дженкинсъ, остановился и подумалъ: «если бы эта красавица была моей женой»? Но Дженкинсъ сейчасъ же вспомнилъ про свою суровую и гордую мать, про свое богатство, вздохнулъ и поѣхалъ дальше. Красавица Модъ тоже взглянула на судью и подумала: «если бы этотъ былъ моимъ мужемъ»? но вздохнула и принялась за работу. Судья Дженкинсъ женился на надменной дочери лорда и былъ несчастенъ. До глубокой старости онъ вспоминалъ красавицу Модъ, которую видѣлъ разъ, и думалъ: «если бы она была моей женой». Модъ выдали замужъ за грубаго, пьянаго фермера. И она вспоминала часто судью. Вотъ все содержаніе. Бретъ Гартъ написалъ комическую пародію, пользующуюся колоссальнымъ успѣхомъ на обоихъ берегахъ Атлантическаго океана. Модъ Меллеръ ворошила лѣтомъ сѣно. Подъѣхалъ судья, улыбнулся и поклонился. Красавица Модъ покраснѣла и пролепетала: «о-о»! Судья сдѣлалъ предложеніе, Модъ отвѣтила, что поговоритъ съ папашей. Старый Меллеръ прослезился и попросилъ у судьи въ займы десять фунтовъ, такъ какъ дѣла плохи и урожая нѣтъ. И прежде, чѣмъ отошло лѣто, красавица Модъ стала женой судьи. На свадьбѣ Бобъ, братъ Модъ, и двѣнадцать родственниковъ ея напились до пьяна въ замкѣ судьи. И когда еще разъ пришло лѣто, красавица жена родила судьѣ двойню, затѣмъ еще двойню. Судья думалъ, какъ дѣти мѣняютъ красавицъ, потому что Модъ растолстѣла и стала широка въ кости. Теперь мужъ едва могъ обхватить рукой ея станъ и пр. Намъ, жителямъ континента, такой комизмъ не совсѣмъ понятенъ. Но это еще лучшій образецъ комической балады. Въ мюзикъ-холлахъ распѣваются пѣсни неизмѣримо ниже въ литературномъ отношеніи. Вотъ напримѣръ —«Человѣкъ съ эксцентричными понятіями».

«Въ году 18.., а болѣе подробно вамъ и знать не зачѣмъ, жилъ старый, высохшій хрычъ, извѣстный подъ кличкой: «человѣкъ съ эксцентричными понятіями». Онъ спалъ всегда на спинкѣ кровати, а подъ одѣяло въ постель пряталъ сапоги. Прежде, чѣмъ раздѣться, онъ внимательно осматривалъ всѣ складки матраса; нѣтъ ли тамъ клоповъ и женщинъ. Чтобы не изнашивать башмаковъ, онъ ходилъ всегда на рукахъ; въ редискѣ ѣлъ одну зеленую ботву, а корешки отбрасывалъ прочь. Свой обѣдъ всегда носилъ въ шляпѣ; когда же былъ адмиральскій часъ, заворачивалъ губы кверху и

нахлобучивалъ шляпу по самую шею. Зубы онъ чистилъ купленной по случаю старой метлой, а подъ подбородкомъ развелъ грибы. Онъ подписывалъ чеки бородавкой. Таковъ былъ «человѣкъ съ эксцентричными понятіями».

«Онъ ѣлъ лишь одну требуху, курилъ газету, читалъ лишь трубку, а носъ утиралъ каминными щипцами. Таковъ былъ «человѣкъ съ эксцентричными понятіями».

Перечисленіе дѣяній «эксцентричнаго человѣка» очень длинно, поэтому я приведу изъ баллады лишь конецъ, гдѣ описывается смерть героя.

«Онъ пошелъ побриться къ куаферу; бритва скользнула и снесла ему носъ. Старый хрычъ схватилъ его и быстро приставилъ; но увы! навыворотъ, ноздрями вверхъ. Когда джентэльменъ возвращался домой, пошелъ сильный дождь, и носъ наполнился водой до самаго края. Наступило наводненіе, а герой не умѣлъ плавать: напрасно онъ кричалъ о помощи и молилъ подать лодку. Дождь усилился и залилъ мозгъ. Такъ утонулъ въ своемъ собственномъ носу человѣкъ съ эксцентричными понятіями».

А то выходитъ актеръ, одѣтый въ сюртукъ необъятной ширины съ неимовѣрными воротничками и повѣствуетъ речитативомъ о томъ, какъ онъ, Джонъ Дарферъ, встрѣтилъ у дверей питейнаго заведенія Дика Тернера и подрался съ нимъ. Сперва одолѣлъ было Дикъ. «Но вотъ пришелъ и мой чередъ.—начинаетъ стучать зонтикомъ актеръ,—но вотъ пришелъ и мой чередъ. Лягнулъ я Дика въ ровъ пинкомъ, потомъ долбнулъ его дрючкомъ. О, какъ былъ славенъ мой чередъ. Запомнитъ Дикъ меня впередъ». До войны въ большой модѣ были также сентиментальныя баллады, вродѣ слѣдующей: «Флори, моя дорогая! Ужель не вернешься ко мнѣ? Ужель навсегда ты умчалась и стала мнѣ ужъ чужой? Не слышу я звонкаго твоего голоска. Не выйдетъ ко мнѣ уже Флори, къ старымъ воротамъ фермы». «Котеджъ, обвитый плющемъ», «ворота фермы», «старый перелазъ»—составляютъ неотъемлемые элементы такой баллады.

Полилъ дождикъ; громадные вязы по обѣимъ сторонамъ дороги покрылись какъ бы вуалью. Толстые, намокшіе, сѣрые стволы буковъ казались обитыми змѣиной кожей; но дождь нисколько не нарушилъ оживленія. Вся дорога, насколько только можно было окинуть глазомъ, была запружена сплошнымъ потокомъ экипажей: великолѣпныя ландо, тачки зеленщиковъ, фургоны, автомобили, шарабаны, омнибусы, кэбы, старинныя дорожныя кареты съ форейторами—все это перемѣшалось и двигалось колесо къ колесу. Всюду смѣялись веселыя лица, порой сильно раскраснѣвшіяся уже. Всюду виднѣлись бутылки и стаканы, передававшіеся изъ рукъ

въ руки. Изъ подъ сидѣній выглядывали громадныя корзины съ бутылками. Мокрыя лошади, поднявъ головы надъ лугами, заросшими высокимъ желтымъ гулявникомъ, задумчиво смотрѣли на эту пеструю, шумную толпу. По обочинамъ дороги, шлепая въ грязи, плелись тысячи пѣшеходовъ въ томъ же направленіи, въ Ипсомъ. Оборванные мальчишки кувыркались подъ деревьями, затѣмъ гнались за экипажами, ожесточенно выкликая: «мѣдячковъ! мѣдячковъ»! И мѣдныя монеты дѣйствительно летѣли въ изобиліи. Я особенно запомнилъ нѣсколько дѣвчонокъ, съ распущенными волосами, забрызганныхъ грязью съ головы до ногъ, онѣ не отставали отъ кареты версты двѣ.

Дождь полилъ сильнѣе. Остановка у кабака: «Собака и куропатка». Тамъ уже все какъ въ котлѣ кипитъ. Не смотря на то, что публика на нашемъ омнибусѣ все время прикладывалась къ бутылкамъ, она сейчасъ же побѣжала въ кабакъ освѣжиться. Кучера, кондукторы, пассажиры всѣ старались протолпиться къ стойкѣ, гдѣ десятки подносчиковъ и подносчицъ едва успѣваютъ справиться. У дверей кабака, прямо подъ дождемъ, поютъ нѣсколько «минстрелей», въ парикахъ изъ конскаго волоса, съ нацѣпленными носами. Струйки воды льются по лицамъ, грубо намазаннымъ румянами, и оставляютъ грязныя полосы. Мы опять тронулись. Теперь вокругъ насъ новые экипажи. Впереди катится шарабанъ, а въ немъ сидятъ нѣсколько клэрджимэновъ въ непромокаемыхъ плащахъ. Одинъ изъ нихъ закусываетъ, другой прижимаетъ къ груди бутылку; еще два поютъ душеспасительный гимнъ, а старый клэрджимэнъ, съ сѣдыми бакенбардами, дирижируетъ. Вмѣсто дирижерской палочки, въ рукахъ у него длинный, вершковъ въ восемь, такъ называемый *турецкій*, огурецъ. Въ день дерби все разрѣшается и ничто не можетъ компрометировать.

Рядомъ, дробно семеня ножками, бѣжитъ трусцой маленькій осликъ. Онъ тащитъ тачку, въ которой около восьми старыхъ и молодыхъ женщинъ, съ громадными яркими перьями на шляпкахъ. Женщины хохочутъ, пробуютъ пѣть, перебрасываются крупными шутками съ другими проѣзжими.

Члены общества покровительства животнымъ въ Англіи не шутятъ. Порой, они могутъ совершенно терроризировать. Недѣли три тому назадъ, напр., дама, членъ общества, привлекла къ отвѣтственности мальчишку итальянца «за жестокое обращеніе съ обезьяной». Дама показала, что мальчишка стащилъ за хвостъ обезьяну съ своей головы и швырнулъ ее объ землю. Шарманщикъ сказалъ, что обезьяна только что куплена и очень злая. Она взобралась къ нему на голову и стала кусать (шарманщикъ показалъ даже шрамы), такъ что пришлось стащить ее за хвостъ.

Мальчишку, тѣмъ не менѣе, приговорили къ двухнедѣльному тюремному заключенію. Другой покровитель прошелъ двѣ недѣли тому назадъ мимо лавки «натуралиста». Кролики, голуби, морскія свинки, выставленныя здѣсь въ клѣткахъ у дверей—привлекаютъ всегда массу мальчишекъ. «Покровитель» обратилъ вниманіе на громадную посудину съ живыми жабами, которыхъ держатъ на продажу для корма змѣй. Воспитывать послѣднихъ—модный спортъ теперь. «Покровителю» показалось, что слишкомъ много жабъ помѣщено въ одной и той же посудинѣ, и онъ привлекъ лавочника... за жестокое обращеніе съ лягушками. Магистратъ приговорилъ «натуралиста» къ двумъ гинеямъ штрафа. Но суровые покровители животныхъ сегодня не охранятъ ослика: они тоже всецѣло захвачены скачками, на которыя отправились, вѣроятно, по машинѣ.

Въ великолѣпномъ ландо нѣсколько нарядно одѣтыхъ женщинъ. Подъ дождемъ цвѣты и кружева на ихъ шляпахъ смокли: но въ каретѣ весело хохочутъ и пробуютъ затянуть романсъ изъ мюзикъ-холла.

Съ моимъ сосѣдомъ мы уже совсѣмъ познакомились. У него, повидимому, громадный запасъ знанія фауны Лондона, которымъ онъ охотно дѣлится.

— Видите того джентельмэна въ кэбѣ?—Я увидѣлъ худощаваго человѣка лѣтъ 30, вычурно нарядно одѣтаго, въ цилиндрѣ, въ галстухѣ съ золотыми мушками, съ старательно подвитыми усами.—Вся его біографія у меня на ладони,—продолжалъ сосѣдъ.—Днемъ—служитъ клэркомъ въ банкѣ; ночью—кутитъ въ «игорныхъ клубахъ». Скоро, вѣроятно, попадетъ года на три въ тюрьму за какой-нибудь подлогъ. Отбывъ наказаніе, онъ станетъ маркеромъ или откроетъ табачную лавочку. Если у него есть состоятельные родственники, они дадутъ ему на проѣздъ въ Австралію. Тамъ онъ начнетъ опять карьеру въ конторѣ нотаріуса и, быть можетъ, въ концѣ концовъ, попадетъ въ судьи.

— Ну, а это кто?—спросилъ я, указавъ на джентельмэна, развалившагося въ каретѣ. Изъ густыхъ великолѣпныхъ бакенбардъ выглядывалъ острый носъ. Изъ-подъ цилиндра глядѣли «пронзительные» глаза.

— О, относительно него ошибки быть не можетъ: это—грюндеръ, основатель на биржѣ новыхъ акціонерныхъ компаній. Въ три дня онъ можетъ основать общество для всякой законной и незаконной цѣли. Онъ числился, по всей вѣроятности, прежде адвокатомъ, но былъ молодъ и увлекся. Корпорація изгнала его. Потомъ перепробовалъ десятокъ профессій, покуда попалъ «быкомъ» на биржу. Здѣсь онъ началъ немного оперяться. На свою

мѣсто, въ ряды, среди распряженныхъ уже экипажей всякаго рода. Первое впечатлѣніе отъ дерби, — безконечное множество народа и смѣшанный гулъ безчисленнаго множества звуковъ.

II.

Высокое, бѣлое зданіе, только что упомянутое — ложи и галлереи, такъ называемое great stand. Не смотря на тяжелыя тучи, изъ которыхъ вотъ-вотъ брызнетъ переставшій было дождь, — открытыя мѣста представляютъ громадное, ярко - разноцвѣтное пятно дамскихъ туалетовъ. Но колоколъ, возвѣщающій начало заѣзда, еще не прозвонилъ. Есть еще много времени побродить по громадной ярмаркѣ, которую въ дѣйствительности нанапоминаетъ дерби. Отъ great stand лугъ спускается въ долину. Вся она, какъ и противоположный скатъ ея, занята наскоро сооруженными балаганами, каруселями, палатками и крытыми повозками цыганъ. Деревянный барьеръ отдѣляетъ ристалище, по которому теперь слоняется разряженная, пестрая толпа. Тутъ нарядныя дамы въ шелку, джентльмэны въ цилиндрахъ, цыганки въ желтыхъ шаляхъ, забрызганные грязью бродяги изъ Лондона и безчисленное множество субъектовъ, одинъ видъ которыхъ заставляетъ ощупать карманы, все-ли тамъ обстоитъ благополучно. Былъ когда-то въ Багдадѣ очень любознательный калифъ, который пожелалъ разъ узнать, сколько воровъ и мошенниковъ у него въ царствѣ. Онъ разослалъ всюду гонцовъ, которые должны были собирать всѣхъ воровъ и свозить ихъ въ Багдадъ. Гонцы совсѣмъ выбились изъ силъ, а все-таки всѣхъ преступниковъ не собрали. Если бы калифъ жилъ въ наше время, визирь предложилъ бы ему очень простое средство для разрѣшенія вопроса: назначить «дерби», тогда всѣ воры явились бы сами. Какіе типы можно видѣть на «дерби»! Я не говорю о жалкихъ оборванныхъ субъектахъ, которыхъ высшій идеалъ — выпросить мелкую серебряную монету, а объ «орлахъ», о ворахъ крупной марки, въ цилиндрахъ, въ черныхъ сюртукахъ, въ лаковыхъ башмакахъ, съ биноклями черезъ плечо...

У самаго барьера вплотную стоятъ распряженныя частныя кареты. Чтобы остановиться здѣсь, нужно заплатить двѣ гинеи, т.-е. двадцать рублей. Въ каретахъ всюду ѣдятъ и пьютъ. Видны раскрытыя корзины съ провизіей, слышится хлопанье пробокъ бутылокъ съ шампанскимъ. Изящныя лица дамъ покраснѣли. Глаза ихъ разгорѣлись. Къ ѣдящимъ и пьющимъ подходятъ группы нищихъ всякаго рода. Толстая цыганка съ громадными серьгами въ ушахъ, въ шляпкѣ съ желтыми цвѣтами, предлагаетъ погадать

круглому пожилому джентльмэну съ бѣлыми, какъ снѣгъ, бакенбардами. Джентльмэнъ поставилъ на корзину недопитый стаканъ и вышелъ изъ кареты.

— Умѣете танцовать skirt dance? — спросилъ онъ, блаженно улыбаясь, цыганку.

— Нѣтъ, сэръ.

— Ну, такъ я вамъ покажу.—И солидный джентельмэнъ, подобравъ кончиками пальцевъ полы чернаго сюртука, какъ край юбки, началъ выкидывать кверху ногой.

Надъ каретой рядомъ развѣвается полосатое со звѣздами знамя. Тамъ сидитъ партія американцевъ и американокъ. Здѣсь смѣхъ еще болѣе непринужденный и пробки хлопаютъ еще чаще. Слышится заразительный хохотъ дамъ и характерный американскій говоръ въ носъ—мужчинъ.

— Holy Moses!—восклицаетъ одинъ.—И это скачки! Платишь десятки долларовъ и приходится еще дожидаться цѣлый часъ, покуда прозвонитъ колоколъ. Проѣхать шестнадцать миль и ждать. Это ужасно!

— Почему-же, въ такомъ случаѣ, вы не остались дома въ отелѣ, Кауэнъ?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Сынъ мой, слышали-ли вы когда нибудь про Гораса Грили и про человѣка, возвратившагося изъ Калифорніи?

— Нѣтъ, а что?

— Такъ слушайте. Слышитъ разъ Грили въ гостиницѣ джентельмэна, расхваливающаго Калифорнію. Климатъ, — говоритъ онъ,—тамъ лучшій въ мірѣ; яблоки тамъ растутъ такіе, какихъ нигдѣ, кромѣ какъ въ раю, не найдешь. Словомъ, тамъ и умирать не хочется. Грили и спрашиваетъ: «если въ Калифорніи такъ хорошо, почему же вы возвратились оттуда»? «Да потому, что я былъ отъявленный дуракъ»,—отвѣтилъ калифорнецъ. Ну, вотъ я тоже отъявленный дуракъ, что не остался дома.

Публика хохочетъ по поводу немудренаго анекдота и, повидимому, сдѣлала бы то же, если бы онъ былъ еще глупѣе. Къ каретѣ подошла группа бродягъ, загримированныхъ неграми, въ высокихъ воротничкахъ, въ цвѣтныхъ рубахахъ, съ мандолинами въ рукахъ. На выпачканныхъ сажей лицахъ застыла заискивающая улыбка. Негры стали щипать струны мандолинъ и запѣли, чтобы угодить американцамъ, «Янки—дудлъ», который, какъ наивно думали пѣвцы, будто-бы составляетъ національный гимнъ заатлантической республики. «Янки-олухъ ѣдетъ въ городъ верхомъ на лошадкѣ», затянулъ одинъ негръ бойкую пѣсенку, а другіе подхватили безшабашный припѣвъ: «янки-дурень, дурень, дурень, янки дурень-олухъ»! Американцы хохочутъ и въ цилиндръ

Но находился ли букмэкеръ на открытомъ мѣстѣ? Нѣтъ, какъ показываютъ свидѣтели, букмэкеръ стоялъ не подъ открытымъ небомъ, а подъ *зонтикомъ*, т. е. подъ *своимъ* кровомъ; кромѣ того, не на травѣ, а на ящикѣ, т. е. не на общественной, а въ нѣкоторомъ родѣ на *своей* территоріи. Такимъ образомъ, въ наличности имѣется все то, что по закону составляетъ «home», т. е. домъ,—крыша и полъ». И «буки» оправдали къ великому ликованію всѣхъ спортсмэновъ. Это было всего только четыре года тому назадъ. Съ тѣхъ поръ «буки» дѣйствуютъ уже на основаніи закона, но заботятся о томъ, чтобы надъ ними былъ «кровъ». «Буки» имѣютъ еще одну спеціальность, которая, правда, закономъ не признана: они принимаютъ ворованныхъ «пони». Дѣло идетъ не о лошадкахъ, а объ ассигнаціяхъ въ 5 и въ 10 ф. ст. Въ Англіи старыхъ бумажекъ не существуетъ. Сколько-нибудь загрязнившіяся уничтожаются и замѣняются новыми. Банкъ, выдавая вамъ «пони», записываетъ ихъ нумера. Въ случаѣ пропажи, нумера легко узнать и сообщить во всѣ банки. Такимъ образомъ, вору украденныя имъ ассигнаціи почти такъ-же безполезны, какъ похищенный чэкъ. Но есть одно мѣсто для сбыта «пони»: сумки букмэкеровъ на скачкахъ. «Буки» всегда имѣетъ возможность оправдаться, что ему некогда справляться съ нумерами бумажекъ, которыя ему даютъ на скачкахъ.

— Джентльмэны, кто желаетъ поставить одинъ шиллингъ на новую игру? Вѣрно,—какъ Англійскій банкъ, быстро, какъ электрическая дорога, забавно,—какъ представленіе Дэна Лино, — сыплетъ словами какой-то субъектъ съ бѣгающими во всѣ стороны глазами. Субъектъ катится мячикомъ по кругу, образованному зрителями, предлагаетъ поставить по шиллингу и взять по картѣ. Охотниковъ много. Другой субъектъ, покороче и погрязнѣе, хотя и первый ни въ коемъ случаѣ не можетъ похвастаться чистотой, разбрасываетъ карты по травѣ, въ кругу. Затѣмъ подбѣгаетъ съ сигарнымъ ящикомъ къ одному изъ поставившихъ шиллингъ и предлагаетъ вынуть номеръ.

— Двѣнадцать!—воскликнулъ онъ.

— Джентельмэны! двѣнадцатому получить,—возглашаетъ субъектъ съ быстрыми глазами. Выигравшій получилъ четверть всей ставки, затѣмъ быстроглазый опять завертѣлся и опять сталъ сыпать словами, предлагая взять карту. Выходило дѣйствительно очень быстро. Въ двѣ минуты игра повторилась разъ восемь. Но вотъ быстроглазый оглянулся и свистнулъ. Товарищъ его поспѣшно подхватилъ сигарный ящикъ съ номерами и карты, затѣмъ оба, согнувшись, поднявъ воротники и нахлобучивъ шапки, шмыгнули въ толпу. Къ играющимъ подходили величаво два громадныхъ «бобби». Тутъ не было «своего крова», потому эта лотерея не под-

ходила подъ мудрое толкованіе палаты лордовъ, и полиція вмѣшалась, хотя нѣсколько поздно. Одинъ изъ поставившихъ ставку хотѣлъ загородить путь бобби, въ слабой надеждѣ, что если полицейскіе не увидятъ шмыгнувшихъ субъектовъ, тѣ возвратятся, и шиллингъ не пропадетъ.

— Кто вы, дерзающій остановить законъ при исполненіи обязанностей,—величественно произнесъ бобби, отталкивая въ сторону поставившаго ставку. Но субъекты растаяли въ толпѣ; по всей вѣроятности, быстроглазый опять уже вертѣлся по кругу гдѣ-нибудь по близости и убѣждалъ взять карту.

III.

Загудѣлъ колоколъ. Скоро начнется третій заѣздъ, или «дерби», на призъ въ шесть тысячъ гиней (60 тысячъ руб.). «Бобби», взявшись за руки, быстро бѣгутъ сплошной стѣной по ристалищу, очищая кругъ отъ зрителей. Мальчишки съ хохотомъ катятся колесомъ. Очевидно, у нихъ своего рода спортъ—пробѣжать по кругу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мчатся полисмэны. Вотъ кругъ очищенъ; раздался взрывъ хохота. Шаршавая собаченка вбѣжала за барьеръ и завертѣлась. Толстый полисмэнъ, пыхтя отъ жира, бросился ловить ее. Пора занять мѣсто на great stand. Съ четвертаго этажа далеко видна волнистая равнина, изрѣзанная рядами деревьевъ. Кое-гдѣ за ними, въ синей дымкѣ, видны котеджи Ипсома. Скамьи кругомъ заняты сплошь сильно возбужденными дамами и джентльмэнами. Возлѣ меня говорятъ по-французски два господина съ нервными, тонкими лицами.

— Лошади и женщины лучшій продуктъ англійской культуры,—говоритъ одинъ.—Видѣли ли вы утромъ, въ Гайдъ-Паркѣ, какъ гарцуетъ на лоснящемся конѣ со стальными мышцами изящная, голубоглазая миссъ, въ черной амазонкѣ, съ распущенными по плечамъ золотистыми волосами? Можно подумать тогда, что это ангелъ, превратившійся въ центавра... Право, такихъ красивыхъ женщинъ, какъ въ Англіи, я не видалъ нигдѣ. Какіе у нихъ глаза! какой цвѣтъ лица! Этотъ взглядъ внушаетъ преклоненіе, какъ передъ серафимами. Оглянитесь, здѣсь вся англійская литература: вотъ Имоджена, вотъ Виргинія, Дездемона, Офелія Шекспира. Вотъ Эсѳирь и Агнесса—Диккенса.—Другой французъ расхохотался.

— А какъ великолѣпно ѣдятъ и пьютъ ваши серафимы!—воскликнулъ онъ.—Затѣмъ, вы упустили одну сторону вопроса, которая оформулирована, не помню кѣмъ, такъ: весь родъ человѣческій раздѣляется на три пола: на мужчинъ, женщинъ и на старыхъ англичанокъ. Вашъ перечень англійской литературы, мой

милый, не полонъ. Вы забыли упомянуть про макбетовскихъ вѣдьмъ, которыя, смотрите, сидятъ вонъ въ шелку, да въ желтыхъ и зеленыхъ шляпкахъ.

Съ моего мѣста я вижу хорошо не только «стартъ», но и центральныя ложи, рядомъ съ королевской. Въ нихъ сидятъ цвѣтнокожіе джентельмэны въ тюрбанахъ и въ цилиндрахъ,—«почетные гости націи», вассалы громадной имперіи, прибывшіе изъ Индіи и изъ центральной Африки, чтобы придать блескъ коронаціонной процессіи. Вотъ тотъ громадный, идеально черный негръ въ цилиндрѣ—это, навѣрное, король Леваника, о которомъ такъ много говорятъ въ послѣднее время мелкая пресса и церковныя газеты. Владѣнія Леваники гдѣ-то подъ экваторомъ, въ тропическихъ лѣсахъ, на южномъ берегу Танганайки. Всего какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ тому назадъ бѣлые туда не заглядывали; народъ короля Леваника имѣлъ рѣшительное средство расправляться съ непріятелемъ: онъ съѣдалъ его. Потомъ явились бѣлые и объявили протекторатъ. Леваника познакомился съ плодами культуры, т. е. узналъ употребленіе панталонъ и даже цилиндра. Миссіонеры обратили его въ христіанство; но, снисходя къ слабости человѣческой, разрѣшили ему оставить при себѣ двѣнадцать женъ. Король объявилъ, что это необходимо въ государственныхъ интересахъ. «Church Times» за то пишетъ умилительныя статьи о томъ, какъ Леваника не пропускаетъ ни одной церковной службы. Фактъ тѣмъ болѣе умилительный, что Леваника не понимаетъ ни звука по-англійски. Теперь пріѣздъ чернаго короля въ Лондонъ вызвалъ сенсацію. Благочестивыя дамы проектируютъ снаряженіе большой миссіи въ страну Баротсе, въ королевство Леваники. Что будетъ дѣлать миссія? Прежде всего докажетъ неграмъ, что панталоны слѣдуетъ признать абсолютно. Мужья благочестивыхъ дамъ составляютъ синдикаты для поисковъ золота въ Баротсе.

Я вижу въ бинокль, какъ нервно ерзаетъ въ своей ложѣ Леваника, какъ быстро оглядываетъ всѣхъ и заговариваетъ постоянно съ толстымъ, губастымъ толмачемъ. Рядомъ съ Леваникой—раджи и магараджи, въ живописныхъ халатахъ, затканныхъ золотомъ, въ зеленыхъ тюрбанахъ, тоже расшитыхъ золотомъ. Магараджи — живыя страницы въ исторіи Индіи. Вначалѣ они грабили индійскихъ райотовъ (крестьянъ), покуда не явились побѣдители, которые стали грабить и магараджей, и райотовъ.

Но большинство публики, сидящей кругомъ, исторіей не интересуется. Точнѣе, она знаетъ только *конюшенную* исторію. Доисторическій періодъ ея — это до Якова I. Отъ того времени сохранилась только легенда о скачкахъ, устраивавшихся непеpіодически близъ Ипсома. *Древняя исторія* кончается 1730 г., когда

установлены періодическія скачки. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ этого заведено «дерби» и, такимъ образомъ, началась новая конюшенная исторія. Настоящій знатокъ скачетъ, или man of the turf, поражаетъ большой эрудиціей; онъ знаетъ не только всѣхъ лошадей, одержавшихъ когда-либо побѣду, но и генеалогію ихъ.

Публика зашевелилась, какъ спѣлые колосья, когда по нимъ пробѣжитъ вѣтеръ. «Буки» заволновались и принялись охрипшимъ голосомъ выкликать клички лошадей. У столба внизу, возлѣ королевской ложи показались жокеи.

— Принцъ Флоризель II уже тутъ?—услышалъ я голосъ впереди.

— Да, вонъ онъ.

Я навелъ бинокль на ложи и попросилъ сосѣда справа показать мнѣ принца Флоризеля II.

— Да вы куда смотрите? — спросилъ сосѣдъ.

— На ложи.

— Принцъ Флоризель II не тамъ, а у столба; это—не магарджа, а скаковой конь, старшій братъ *Персимона* и *Алмазнаго Юбилея*, двухъ жеребцовъ, взявшихъ дерби. Необыкновенно геніальная семья! Къ ней принадлежитъ *Влодіевскій*, одержавшій блистательную побѣду на Аскотскихъ скачкахъ.

— *Влодіевскій* одержалъ побѣду для американцевъ,— недовольно замѣтилъ другой джентельмэнъ съ сильнымъ выговоромъ въ носъ.— Конь принадлежитъ моему соотечественнику, жокей Лестеръ Гейфъ, который ѣхалъ на *Влодіевскомъ* тоже американецъ.

— Такъ что же такое? — спокойно переспросилъ первый. — А какого происхожденія *Влодіевскій?* Его отецъ—*Самаритянинъ* и мать — *Добрая Надежда* оба чисто британскаго происхожденія.

Снисходя къ моему невѣжеству, этотъ сосѣдъ сталъ объяснять мнѣ все относительно лошадей и жокеевъ, выстраивавшихся у старта.

— Вотъ видите жокея въ черномъ, съ желтыми рукавами и въ красной шапочкѣ, это — Гэндель, онъ сидитъ на *Скипетрѣ*, сынѣ *Персимона* и *Украшенія;* на него поставлено сегодня нѣсколько сотъ тысячъ гиней. Не мало людей разорится или разбогатѣетъ отъ того, придетъ ли, или нѣтъ конь первымъ. А вотъ жокей въ бѣломъ, съ черными рукавами и въ такой же шапкѣ. Это — Кэнонъ, на *Фрайаръ-Тукѣ*, сынѣ *Монашьяго Бальзама* и *Галопины.* Конь принадлежитъ герцогу Портлэндскому, который поставилъ цѣлое состояніе на него. А вотъ *Робертъ Діаволъ;* видите, жокей въ красной курткѣ съ голубымъ воротникомъ и въ бѣлой шапкѣ. Конь дважды взялъ призы. Его владѣлецъ получилъ уже въ видѣ призовъ и пари болѣе двухсотъ тысячъ гиней.

А мнѣ при этомъ объясненіи припомнилась сцена изъ Донъ-Кихота предъ боемъ съ овцами, когда Caballero de la Triste figura сообщаетъ своему оруженосцу, кто тѣ воины, которые идутъ другъ противъ друга, окутанные тучей пыли.

— Вотъ тотъ рыцарь, тамъ внизу, въ золоченыхъ доспѣхахъ, съ коронованнымъ львомъ на щитѣ, «es el valeroso Laucalo, sennor de la Puente de plata» (доблестный Лаукало, властелинъ серебрянаго моста)... А тотъ, съ тремя серебряными коронами по лазоревому полю — es el tamido Micocolembo, gran duque de Quirocia. А тотъ направо, гигантскаго роста—es el nunca medroso Brandabarbaran de Boliche» (вѣчно безстрашный Брандабарбаранъ Боличійскій).

— *Скипетръ* — десять противъ одного! — яростно, съ ожесточеніемъ вопили «буки». Они напоминали волчицъ, у которыхъ отняли дѣтенышей.

— Пятьсотъ фунтовъ на *Скипетра*, — сказала нарядная голубоглазая дама, подавъ букмэкеру нѣсколько скомканныхъ бумажекъ.

— Тысяча фунтовъ на *Скипетра*, — прибавилъ отъ себя красивый джентельмэнъ, съ бриллiантовой пряжкой на галстухѣ.

— Я — за Ирландію, — воскликнулъ молодой человѣкъ, вытаскивая толстый бумажникъ. — Двѣ тысячи фунтовъ на *Ардъ-Патрика*.

По русской мѣркѣ, это составляетъ цѣлое состояніе; но въ ложахъ, гдѣ сидятъ люди еще болѣе богатые, тамъ ставки значительно выше. Раздался сигналъ. Кони разомъ помчались, вытянувъ шеи. Жокеи согнулись въ сѣдлахъ и подались впередъ. Черезъ нѣсколько секундъ лошади скрылись въ долинѣ. Публика кругомъ застыла съ биноклями въ рукахъ. Прошло еще нѣсколько секундъ. По побѣлѣвшимъ щекамъ дамъ можно было догадаться, какъ сильно бьется у нихъ сердце. Но вотъ вдали, гдѣ толпилась масса у барьера, раздались отчаянныя проклятія, въ которыхъ тонули совершенно рукоплесканія. Показались жокеи, огибавшіе островокъ, поросшій цвѣтущимъ боярышникомъ. Я видѣлъ, какъ задрожали бинокли не въ одной рукѣ. Лошади мчались, вытянувъ шеи. Жокеи совсѣмъ припали къ сѣдламъ; но отлично было видно уже, что впереди не тотъ конь, на котораго поставлено такъ много денегъ. Черный жокей, съ желтыми рукавами и въ красной шапкѣ былъ далеко позади. Впереди, прижавъ плотно уши къ красивой головѣ съ нервно-дрожащими ноздрями, мчался конь, котораго никто не принималъ въ разсчетъ.

— Гипъ! гипъ! ура! за старуху Ирландію! — неистово крик-

нулъ молодой человѣкъ, поставившій двѣ тысячи фунтовъ. *Ардъ Патрикъ* впереди!

Дѣйствительно, теперь всѣ узнали фіолетовую куртку съ красными пуговицами жокея. Скачка кончилась. *Ардъ Патрикъ* взялъ голубую ленту «дерби» и въ двѣ минуты съ секундами разорилъ однихъ и обогатилъ другихъ. Толпа сразу хлынула въ кругъ. Тысячи джентльмэновъ, дамъ и бродягъ кинулись къ финишу, чтобъ посмотрѣть на побѣдителя и чтобъ потрепать по плечу маленькаго, сморщеннаго, какъ обезьяна, жокея. Молодой человѣкъ, которому ставка на побѣдителя принесла въ пять разъ больше, чѣмъ его двѣ тысячи фунтовъ, повидимому, не могъ еще успокоиться.

— Гдѣ вашъ *Скипетръ* теперь! А! — говорилъ онъ, воображая въ нервномъ возбужденіи, что съ нимъ споритъ какой-то соперникъ.— Вашъ *Скипетръ* разорилъ многихъ. Старый, милый *Ардъ Патрикъ* принесъ тѣмъ, которые увѣровали въ зеленую Ирландію, денегъ на всю жизнь!

Но въ большинствѣ случаевъ выигравшіе и проигравшіе хорошо владѣютъ собою. Картина бѣшеныхъ пари, когда жадность, далеко не всегда скрытая, вспыхиваетъ, какъ угли, политыя керосиномъ, — дѣйствуетъ удручающимъ образомъ на посторонняго наблюдателя... До слѣдующаго заѣзда, когда будетъ разыгрываться «катергэмскій кубокъ» съ двумя стами соверэнами, оставалось еще около часа, и я рѣшилъ побродить на другомъ скатѣ долины, между балаганами. Въ долинѣ всюду стояли цыганскія палатки. У дверей ихъ босоногія черномазыя цыганята голосили на все поле: «акомадейшенъ»! Они превратили свои палатки въ нѣкоторыя необходимыя учрежденія и предлагали воспользоваться ими за пени... По всему скату долины стояли карусели и балаганы всякаго рода. Толстыя дамы заливались отъ смѣха, кружились подъ оглушительную музыку паровой шарманки на какомъ нибудь деревянномъ страусѣ или на желтомъ львѣ съ зелеными глазами. Старый джентельмэнъ, снявъ сюртукъ, хлопалъ деревяннымъ молотомъ, стараясь выгнать возможно выше стрѣлку на шкалѣ, отмѣчающей физическую силу. Кругомъ со всѣхъ сторонъ хлопали въ тирахъ выстрѣлы и слышался звонъ разбиваемыхъ бутылокъ. Вотъ цыганка предлагаетъ всѣмъ испробовать ловкость: нужно сбить деревянными шарами кокосовые орѣхи, натыканные на тычки. Шары сложены въ ящикѣ, гдѣ спитъ крошечный цыганенокъ въ длинномъ красномъ бурнусѣ съ капюшономъ. Подходитъ пара: высокій, корректный джентельмэнъ въ цилиндрѣ, съ биноклемъ черезъ плечо и нарядная дама въ изящномъ лѣтнемъ платьѣ подъ длиннымъ, разстегнутымъ шелковымъ плащемъ. Въ день дерби не

только все дозволено, но считается даже особымъ шикомъ замѣшаться въ толпу и осмотрѣть всѣ балаганы. Дама со смѣхомъ принимается метать шары; но судя по разгорѣвшимся щекамъ и безпричинному смѣху, вліяніе шампанскаго и хереса сказывается. Шары летятъ въ разныя стороны и меньше всего по тому направленію, гдѣ на тычкахъ кокосовые орѣхи дожидаются ловкаго удара. Ярко намалеванныя вывѣски на балаганахъ кричатъ о чудесахъ, показываемыхъ тамъ. Въ одномъ изъ нихъ «только джентельмэны» могутъ видѣть «лэди о трехъ ногахъ». Въ другомъ, опять же только для джентельмэновъ, уготовлено что-то «поразительно-интересное» и сулится сто фунтовъ награды, «если это не такъ». Англійскіе законы относительно благопристойности зрѣлищъ очень строги, поэтому, не смотря на оговорку, что «только джентельмэнамъ можно», въ балаганѣ, навѣрное, нѣтъ ничего неприличнаго. По всей вѣроятности, тамъ какая-нибудь панорама, въ которой можно видѣть немножко вольную, съ англійской точки зрѣнія, картинку. Усиленно валитъ публика въ сосѣдній балаганъ, гдѣ исполняется «военный танецъ басуто». Нѣсколько полуголыхъ негровъ, въ вытертыхъ телячьихъ шкурахъ вмѣсто плащей, воютъ такъ, что, кажется, вотъ-вотъ лопнетъ барабанная перепонка, и тяжело подпрыгиваютъ на одномъ мѣстѣ. Еще болѣе громко завываетъ ихъ антрепренеръ, посинѣвшій отъ водки пьяница съ подбитымъ глазомъ.

— It is disgusting! (это отвратительно)—говоритъ своему спутнику дама. И съ этимъ трудно не согласиться. Больше всего публика толпится у большого балагана, надъ дверями котораго—широкое полотно, изображающее боксеровъ.

— Нэдъ и Дикъ! Первые чемпіоны Уэльса и Англіи!—вопитъ въ рупоръ короткій человѣчекъ съ перебитымъ носомъ. У входа, на ящикѣ, стоитъ уже пожилая женщина, въ синемъ трико, сильно набѣленная мѣломъ, съ сумкой черезъ плечо, и отбираетъ по два пэнса за входъ. Публика состоитъ изъ бродягъ; но есть также не мало изящныхъ, нарядныхъ дамъ и джентельмэновъ въ цилиндрахъ. Нэдъ—коренастый парень съ лоснящимся, угреватымъ лицомъ. Дикъ—выше его цѣлой головой, съ длинной жилистой шеей. Оба—въ кальсонахъ и въ фуфайкахъ. И то и другое сильно заношено, и запахъ пота сразу захватываетъ дыханіе Но, очевидно, изящныя дамы усматриваютъ нѣчто особенно острое въ этой грязи, вони и въ неприличномъ костюмѣ. Нэдъ кинулся на Дика, который молотилъ его своими длинными руками. Одинъ ударъ попалъ въ носъ. Нэдъ зашатался; но къ нему на помощь явился секундантъ съ мокрой губкой. Опять начался бой. Нэдъ обхватилъ руками противника; но тотъ изогнулся весь своимъ длиннымъ тѣломъ и изъ-за спины сталъ

колотить по головѣ «чемпіона Уэльса». Публика зааплодировала. Знатоки объяснили мнѣ, что это какой-то особенный ударъ... Мнѣ стало противно и тяжело, и я ушелъ, не дождавшись исхода бокса. Бой быковъ—жестокое и кровавое зрѣлище; но, въ концѣ концовъ, тамъ есть извѣстный элементъ красоты, или, точнѣе, вы можете понять, что привлекаетъ въ немъ испанцевъ. Боксъ—только отвратительное и возмутительное зрѣлище. Вамъ обидно за человѣческое достоинство, и вы никакъ не можете понять, какъ можно находить удовольствіе въ томъ, какъ человѣкъ бьетъ человѣка. Не смотря на перчатки на кулакахъ боксеровъ, трагическій исходъ отнюдь не исключенъ. Въ «національномъ спортативномъ клубѣ» въ послѣдніе два года были три случая убійства боксеромъ боксера. Каждый разъ всѣ присутствующіе привлекаются къ суду; но каждый разъ дальше камеры коронера дѣло не идетъ. Смерть объясняется несчастнымъ случаемъ. Явленіе тѣмъ болѣе удивительное, что нигдѣ бой быковъ не осуждается такъ съ церковной каѳедры и въ печати, какъ въ Англіи. Въ прошломъ году формировалась даже лига, которая должна была слѣдить въ Испаніи за всѣми англичанами, посѣщающими plaza de toros, узнавать ихъ имена и распубликовывать «для общаго позора и посрамленія».

Нѣсколько въ сторонѣ отъ балагана слышится ревъ трубъ и звуки тамбуриновъ. То отрядъ «арміи спасенія» прибылъ на скачки бороться съ дьяволомъ. «Огонь и кровь!»—голоситъ во всю силу легкихъ «капитанъ», въ синей курткѣ поверхъ красной фуфайки. «Огонь адскаго пламени или кровь вѣчнаго спасенія, что вы выберете?» Но публика сегодня не интересуется ни адомъ, ни раемъ: она идетъ въ балаганъ смотрѣть на Нэда и Дика. «Капитану» приходится особенно усердствовать. Въ послѣднее время важный кризисъ происходитъ въ «генеральномъ штабѣ»; собственныя дочери Бузса, его наиболѣе усердные «полковники», перешли въ другую армію, въ воинство Сіона, основанное въ Америкѣ же Дауи, или пророкомъ Ильей, какъ онъ себя величаетъ. «Пророкъ Илья» пришелся по душѣ блазированнымъ американскимъ милліонерамъ; онъ не только вопитъ о «крови и объ огнѣ», но умѣетъ еще лѣчить молитвами. Между Ильей пророкомъ и генераломъ Бузсомъ завязался бой не на животъ, а на смерть. Одинъ обзывалъ другого мошенникомъ, обманщикомъ, шарлатаномъ. Но генералъ Бузсъ только вступалъ въ сношеніе съ биржей; тогда какъ пророкъ Илья съ американской смѣлостью основалъ акціонерную компанію для эксплуатаціи, такъ сказать, царства небеснаго: онъ выпустилъ акціи, чтобы на оборотныя деньги построить земной рай, городъ спасенныхъ людей -*Сіонъ*. Компанія имѣла большой успѣхъ на

нью-іоркской биржѣ. Деньги полились рѣкой. Теперь двѣ дочери генерала Бузса занимаютъ важный постъ въ городѣ спасенныхъ людей.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ усердствуетъ «капитанъ», парни и дѣвушки окружили на лугу полуразбитаго параличемъ старика, передвигающагося дрожащей походкой при помощи палки. У ногъ паралитика—нескладная, лохматая, необыкновенно флегматичная дворняшка. На травѣ разбросаны квадратные куски картона, съ цифрами на нихъ и отдѣльными словами, какъ *да*, *нѣтъ*.

— Джэкъ,—говоритъ старикъ, передергивая то однимъ, то другимъ плечомъ и плохо справляясь со своимъ одеревенѣвшимъ языкомъ,—Джэкъ, покажи этимъ лэди и джентльмэнамъ все, что ты знаешь. Скажи прежде всего, сколько разъ мы обѣдали въ эту недѣлю. Ты покажешь, не правда ли, что мы имѣли по два великолѣпныхъ обѣда каждый день. Ну, смѣлѣй, покажи, сколько разъ мы ѣли уже.

Джэкъ флегматически завертѣлся по кругу, присматриваясь къ каждой картѣ и поднялъ кусокъ картона, на которомъ стояла цифра нуль.

— О, Джэкъ, Джэкъ! Какъ ты нескроменъ!—лопочетъ заплетающимся языкомъ старикъ.—Ты выдаешь всѣ секреты. Ну, Богъ съ тобой. Всѣ благочестивые джентльмэны, которые такъ хорошо ѣдятъ, краснорѣчиво доказываютъ, что короткіе рабочіе дни портятъ тѣло и губятъ душу работника. Джэкъ, сколько часовъ въ день ты хотѣлъ бы работать?

Джэкъ повертѣлся вокругъ таблички и вытащилъ тотъ же *нуль*.

— Нѣтъ, Джэкъ, ты, повидимому, неисправимъ и, поэтому, чтобы не компрометировать тебя въ глазахъ всѣхъ этихъ лэди и джентльмэновъ, мы оставимъ эту тему. Ты намъ скажешь, замужемъ ли эта лэди напротивъ?

«Лэди», фабричная дѣвушка, съ большими серьгами въ ушахъ и съ краснымъ перомъ на зеленой шляпѣ взвизгнула отъ восторга. Съ тѣмъ же флегматическимъ видомъ Джэкъ вытаскиваетъ «нѣтъ». Хохотъ дѣвушки и всей публики увеличивается, когда, на вопросъ: «бьетъ ли она своего молодого человѣка?»—Джэкъ отвѣчаетъ «да».

По скату луга всюду выстроены балаганы другого рода,—временные кабаки. Въ нихъ можно достать только два напитка: виски и шампанское. Нарядныя дамы и изящные джентльмэны толпятся у наскоро сколоченныхъ столовъ и стоекъ. Всюду хлопаютъ пробки. Сюда, какъ крысы на запахъ поджареннаго сыра или какъ коты на валеріановыя капли,—тянутся «минстрели» всякаго рода: шотландцы въ юбкахъ, съ гнусящей волынкой за

плечами, цыганки съ тамбуринами, но больше всего—пѣвцовъ, загримированныхъ неграми. Вотъ партія изъ четырехъ негровъ, въ длинныхъ сюртукахъ, въ полосатыхъ штанахъ, въ высокихъ цилиндрахъ, перебираетъ струны мандолинъ и очень недурно поетъ плясовую пѣсенку, завезенную изъ Америки отъ мѣстныхъ негровъ. Двѣ дамы съ бриллiантами въ ушахъ, одна—постарше, другая—совсѣмъ молодая, съ хохотомъ поставили недопитые стаканы шампанскаго и начали плясать другъ противъ друга cake-walk. Вначалѣ движенія были плавныя и медленныя; но, очевидно, рукоплесканія джентльмэновъ, съ которыми дамы прибыли, а также выпитое вино подѣйствовали. И вотъ дамы принялись танцовать совсѣмъ на другой ладъ. Нѣтъ болѣе тяжелаго и... отвратительнаго зрѣлища, чѣмъ видъ выпившей женщины... Въ каретахъ у барьера все еще ѣли и пили. Если бы заслуги вообще цѣнились, то въ этотъ день всѣмъ желудкамъ слѣдовало бы выдать большую медаль съ надписью: «pour la digestion».

IV.

Близится вечеръ. Дождь совсѣмъ пересталъ. Тучи поднялись и на закатѣ имѣютъ видъ громадныхъ бронзовыхъ полосъ. Дерби кончилось. Публика безконечной волной тронулась обратно въ Лондонъ. Гулъ хохота, пѣсенъ, шутливыхъ восклицаній разлился на двадцать верстъ. Публика слѣдуетъ каждому внушенію, поданному пивомъ или виномъ. Проѣхала карета. Вь ней нѣсколько очень немолодыхъ джентльмэновъ съ сѣдыми усами. Джентльмэны нацѣпили картонные носы, поютъ что-то и машутъ руками. Одинъ снялъ цилиндръ и вмѣсто него надѣлъ колпакъ, сложенный изъ нумера газеты. Въ шарабанѣ всѣ сидящіе надѣли цвѣтные колпаки и трубятъ въ бумажныя дудки. Останавливаемся мы каждыя четверть часа у «Красной коровы», «Золотыхъ колоколовъ», «Головы королевы», «Головы короля», — безъ счета. У дверей «Красной коровы» десять или двѣнадцать толстыхъ дамъ, повидимому, жены мелкихъ лавочниковъ, только что слѣзшія съ шарабана, танцуютъ на мостовой подъ звуки шарманки. «Бобби» машетъ рукой и проходитъ мимо. Сегодня—особыя правила благопристойности. Наконецъ, сама публика настолько дисциплинирована, что, не смотря на безконечное количество выпитаго пива, виски и вина,—не переступаетъ извѣстной границы. Публика поетъ, веселится, танцуетъ, дурачится; но никто не пристаетъ къ другому, нѣтъ дракъ, не слышно ссоръ или же посуловъ заѣхать въ зубы или въ шею. Не напившемуся наблюдателю нѣсколько неловко, точно такъ, какъ неловко долженъ себя чувствовать на-

пившійся, но не потерявшій сознанія, въ обществѣ трезвыхъ и серьезныхъ людей. Но къ вамъ никто не пристанетъ во время дерби. На нашемъ омнибусѣ публика до безконечности весела. Авторъ балладъ надѣлъ бумажный колпакъ и раздобылся игрушкой, съ которой возится все время.—Это родъ свернутой спиралью трубки, какъ хоботокъ у бабочки. Если подуть въ нее, выпрямляется съ пискомъ хоботъ аршина въ полтора. Сердитая дама объясняетъ всѣмъ, когда ея тридцатилѣтній «мальчикъ» побѣжалъ въ кабакъ, гдѣ заболтался съ подносчицей,—что она мать и знаетъ, какъ обращаться съ дѣтьми.

— Пусть мой мальчикъ любезничаетъ. Мальчики всегда будутъ мальчиками, а дѣвушки—дѣвушками.

Такъ какъ истина эта внѣ сомнѣнія, то никто не возражаетъ. Одинъ изъ джентльмэновъ поетъ только что появившійся сентиментальный романсъ. Суровая дама время отъ времени въѣзжаетъ со своею басовою нотою. Такъ вечеромъ, въ камышахъ, среди кваканья древесницъ, вдругъ послышится глухое урчаніе выпи. Дама съ бирюзовыми сережками безмятежно спала, склонивъ голову на плечо. Птица на шляпѣ по прежнему съ недоумѣніемъ глядѣла стеклянными глазами въ лицо спящей. По прежнему, время отъ времени, спутники толкали спящую и подносили къ ея губамъ горлышко бутылки. Слышалось бульбульканье, затѣмъ дама опять засыпала. Стемнѣло. Мы въѣхали въ городъ. Изъ открытыхъ оконъ на насъ сыпались цвѣтныя бумажки и разваренный горохъ. Публика отстрѣливалась остротами. Тротуары были запружены зрителями, желавшими хоть поглядѣть на людей, возвращавшихся съ дерби. Въ городѣ кабаковъ еще больше, поэтому остановки стали еще чаще; но возвращеніе уже слишкомъ замедлилось и я съ первой станціи электрической дороги оставилъ омнибусъ...

VI.

Артуръ Пинеро.

I.

Въ десятомъ изданіи «Британской Энциклопедіи» извѣстный литературный критикъ Вильямъ Арчеръ говоритъ, что мелодрамы, музыкальные фарсы, пьесы съ затрещинами и представленія съ маршировкой и барабаннымъ боемъ, которыми славилась англійская сцена, представляютъ теперь уже «прошлое». Въ Англіи, говоритъ онъ, какъ и на континентѣ, нарождается и народился уже

новый театръ, содержательный, способный эволюціонировать и имѣющій громадное литературное и историческое значеніе. За послѣднія семь-восемь лѣтъ,—говоритъ Арчеръ,—ярко развились таланты Джонеса, Пинеро, Гренди, Картона и Бернара Шоу. Теперь Англія имѣетъ «серьезный театръ». Ей нечего стыдиться континента, выставившаго Ибсена, Бьернстерна, Зудермана и др.

Мнѣ кажется, читателямъ будетъ интересно познакомиться съ дѣятелями обновленной англійской драмы. Въ оцѣнкѣ большинства изъ нихъ мнѣ придется радикально разойтись съ мнѣніемъ Арчера; но онъ безусловно правъ въ томъ отношеніи, что произведенія Джонеса, Пинеро и, въ особенности, Бернара Шоу дѣйствительно представляютъ интересное литературное явленіе. И если анализъ пьесъ не обнаруживаетъ, какъ мнѣ кажется, новаго, свѣжаго, способнаго эволюціонировать ростка, за то произведенія Джонеса и Пинеро сознательно, а иногда безсознательно для авторовъ, являются отличными документами для изученія цѣлаго класса.

Я долженъ сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о положеніи современнаго англійскаго театра. Прежде всего, это предпріятіе капиталистическое. Каждый крупный лондонскій театръ имѣетъ «собственнаго» драматурга. Джонесъ работаетъ по заказу «Критеріонера», Пинеро—для «театра Терри». Это—театръ для «вышесреднихъ» классовъ. Своихъ собственныхъ композиторовъ, поэтовъ и драматурговъ имѣютъ также лондонскіе театры, держащіеся на фарсахъ или музыкальныхъ комедіяхъ» (попросту, опереткахъ). Самый крупный изъ современныхъ англійскихъ композиторовъ Селивэнъ (умеръ въ 1901 г.) писалъ оперетки по заказу театра «Савоя». Сидней Джонесъ (авторъ «Гейши») пишетъ для «театра Дэли» и т. д. Это показываетъ, что творчество авторовъ далеко не свободно. Ему приходится считаться съ акціонернымъ обществомъ, которому принадлежитъ театръ. Оно не приметъ пьесы, которая идетъ въ разрѣзъ съ предразсудками средняго зрителя. Я приведу конкретный примѣръ. Вильямъ Арчеръ говоритъ, что «новое слово» Пинеро и Джонеса заключается въ томъ, что «они порвали съ конвенціонализмомъ», они дерзнули отступить иногда отъ положеній, выработанныхъ прописной моралью. То же самое ставитъ себѣ въ заслугу Джонесъ въ своихъ лекціяхъ о «Возрожденіи драмы». «Театръ долженъ учить насъ, что такое прекрасное и истина,—говоритъ онъ.—Для этого, прежде всего, приходится сдѣлать брешь въ предразсудкахъ миссисъ Гранди». Посмотримъ, какъ самъ авторъ слѣдовалъ этому совѣту. У него есть талантливая комедія «Лгуны» (The Liars), поставленная въ 1897 г. и не сходящая съ тѣхъ поръ со сцены. Въ ней образецъ всѣхъ добродѣтелей, полковникъ Фокнеръ (герой англійской haute comédie—

Театръ, купивъ пьесу, ставитъ ее подъ рядъ до тѣхъ поръ, покуда она не надоѣстъ публикѣ. А это случается не скоро. Драма «Sweet Lavender» Пинеро, о которой дальше, выдержала 1500 представленій въ театрѣ Терри. Ее справедливо называютъ самой любимой и популярной современной пьесой во всемъ англо-саксонскомъ мірѣ: труппа изъ театра Терри объѣхала со «Sweet Lavender» всю Англію, Соединенные Штаты, затѣмъ колоніи. И въ Нью-Іоркѣ, Монреалѣ, Квэбекѣ, Мельбурнѣ, Ауклэндѣ и Кэптаунѣ пьеса имѣла такой же громадный успѣхъ, какъ и въ Лондонѣ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что англійскій современный театръ есть предпріятіе, прежде всего, капиталистическое, обусловливается, въ сущности, полное отсутствіе здѣсь театральной критики. Англійскіе законы тщательно охраняютъ дѣловыя предпріятія гражданъ. Компанія, которой принадлежитъ театръ, имѣетъ возможность привлечь къ суду суроваго критика и взыскивать съ него «убытки», причиненные тѣмъ, что пьесу не посѣщаютъ вслѣдствіе рѣзкаго отзыва въ печати. Быть можетъ, читателю покажется это преувеличеніе. Приведу конкретный примѣръ: «дѣло Макъ Квайра противъ газеты *The Western Morning News*, разбиравшееся дважды и окончательно рѣшенное въ февраля 1903 г. Макъ Квайръ стоитъ во главѣ компаніи, для которой, по заказу, драматургъ и композиторъ Клэйверъ Солтеръ написалъ оперетку «Майоръ». Съ этой пьесой труппа пріѣхала въ 1900 г. въ Плимутъ и имѣла успѣхъ. Компанія пріѣхала вторично въ Плимутъ въ 1901 г., но провалилась. Макъ Квайръ объяснилъ неуспѣхъ тѣмъ, что въ мѣстной газетѣ «The Western Morning News» появилась неодобрительная рецензія о пьесѣ. Эту замѣтку я приведу здѣсь.

«Оперетка *Майоръ*,—говоритъ рецензентъ,—состоитъ вся изъ безсмыслицъ, при томъ далеко не смѣшныхъ. Музыка не представляетъ ничего привлекательнаго. Пьесу можно было улучшить, если выработать сюжетъ и выбросить всѣ грубыя шутки, унижающія какъ оперетку, такъ и актеровъ. Въ труппѣ, кромѣ такихъ-то, нѣтъ талантливыхъ исполнителей».

Макъ Квайръ привлекъ газету къ суду. Такъ какъ, по словамъ антрепренера, публика, прочитавъ рецензію, перестала посѣщать театръ, то компанія потерпѣла матеріальные убытки, которые газета должна возвратить. На судѣ редакторъ доказалъ, что пьеса дѣйствительно глупа и вульгарна. Одна изъ актрисъ, напр., моетъ полъ на сценѣ въ коротенькой нижней юбкѣ. Затѣмъ, когда входятъ посѣтители, подбѣгаетъ къ рампѣ и вытираетъ лицо подоломъ. Другая актриса чешетъ себѣ ляжки. На сценѣ ругаются и даютъ оплеухи мужчины женщинамъ, а женщины—мужчинамъ. Все это было выяснено на судѣ; но, тѣмъ не менѣе, присяжные,

мѣстные лавочники, вынесли редактору обвинительный приговоръ. Они нашли, что рецензія повредила компаніи, что газета «вмѣшивается въ частное коммерческое предпріятіе». Антрепренеру присудили 1000 руб. и всѣ издержки.

Гражданскій процессъ въ Англіи стоитъ громадныхъ денегъ: отъ 10—100 тысячъ руб. По всей вѣроятности, редакторъ не рѣшился бы на обжалованіе приговора, страшась новыхъ расходовъ; но все дѣло близко приняла къ сердцу вся англійская пресса. Не безъ основанія она усмотрѣла въ приговорѣ страшно опасный прецедентъ для себя и крайне выгодный для театровъ. Редактору помогли, и дѣло разбиралось вторично. Макъ-Квайра, въ свою очередь, поддержали театральныя компаніи. Обѣ стороны «наняли» самыхъ рѣчистыхъ и дорогихъ адвокатовъ. На этотъ разъ присяжные вынесли оправдательный приговоръ газетѣ. Читатели видятъ, что критикамъ остается или хвалить пьесы, или отзываться неодобрительно, рискуя громаднымъ и дорогимъ процессомъ. Въ дѣйствительности, какъ я сказалъ, театральной критики въ Англіи не существуетъ. Авторы обижаются самымъ осторожнымъ неодобреніемъ. Критикъ *Таймса* крайне сдержанно отзывался о комедіяхъ Джонеса. И такъ какъ привлечь къ суду не представлялось возможности, то дирекція, вмѣстѣ съ авторомъ, воспретили критику посѣщать театръ. Такъ поступилъ Джонесъ, который самъ много говоритъ въ своихъ лекціяхъ о борьбѣ съ конвенціонализмомъ, о необходимости «новаго и смѣлаго» слова на сценѣ.

Портретную галлерею современныхъ англійскихъ драматурговъ начну съ того, кого считаютъ самымъ крупнымъ и талантливымъ въ плеядѣ: съ Артура Уинга Пинеро, которому теперь должно быть лѣтъ подъ сорокъ пять.

II.

У Искандера въ «Письмахъ изъ Франціи» есть великолѣпная характеристика Скриба (онъ былъ тогда въ зенитѣ славы) и сверкающее остроуміемъ объясненіе причины его успѣха. «Скрибъ—геній, писатель буржуазіи, онъ ее любитъ, онъ любимъ ею, онъ подладился къ ея понятіямъ и ея вкусамъ такъ, что самъ потерялъ всѣ другіе; Скрибъ—царедворецъ, ласкатель, проповѣдникъ, часто учитель, шутъ и поэтъ буржуазіи. Буржуа плачутъ въ театрѣ, тронутые собственной добродѣтелью, живописанной Скрибомъ, тронутые конторскимъ героизмомъ и поэзіей прилавка. Они узнаютъ себя и свои идеалы въ скрибовскихъ герояхъ, они улыбаются себѣ въ нихъ, перемигиваются съ ними».

Артуръ Пинеро является для англійскихъ среднихъ классовъ

онѣ очень хороши собою. Но лэди Кастэльджорданъ уважаетъ въ мужчинахъ только силу. Если ей, какъ кошмаръ, представляется, что «мальчики» ея могутъ выйти когда-нибудь замужъ, то она допускаетъ лишь жениховъ атлетовъ.

Минчинъ. (*Видя, что онъ одинъ съ лэди Кастэльджорданъ*). Гм! Еще одно слово, лэди Кастэльджорданъ. Допустимъ въ видѣ предположенія, что ваши мальчики—дѣвушки. Могу ли я спросить, какъ поступить, если къ нимъ присватается кто-нибудь? *Лэди Кастэльджорданъ* (*съ волненіемъ*). Ахъ! О, мой милый мистеръ Минчинъ! *Минчинъ* (*побѣдно*). Ага! *Лэди Кастэльджорданъ.* Можете себѣ представить, вы предположили дѣйствительно случившееся. Когда Вилли и Томми, т. е. Вильгельмина и Томасина гостили у лорда Дрюмдэри, въ нихъ влюбились двое мужчинъ. *Минчинъ.* Что жъ! Здраво разсуждая, то почему нѣтъ! *Лэди Кастэльджорданъ.* Я ихъ называю мужчинами! Въ дѣйствительности это—комары! Представьте, одинъ изъ нихъ французъ! *Минчинъ.* Ну. *Лэди Кастэльджорданъ.* Существо, которое врядъ ли когда нибудь затравило хотя бы одну лисицу! *Минчинъ.* Кто же другой! *Лэди Кастэльджорданъ.* Коротышка лордъ Туинуэйсъ. *Минчинъ.* Туинуэйсъ? Славное имя! *Лэди Кастэльджорданъ.* Славное? *Минчинъ.* Конечно. Предокъ этихъ лордовъ, Годфруа де-Фитцъ-Брай, принималъ участіе въ крестовомъ походѣ, вождемъ котораго былъ Ричардъ Львиное Сердце. *Лэди Кастэльджорданъ.* Всѣ Фитцъ-Брай были коротышки, не выше пяти футовъ. Это все—тщедушный, жидкій народъ. Лордъ Туинуэйсъ унаслѣдовалъ всѣ хворости, накопленныя его предками.

Послѣ смерти мужа воинственной лэди, титулъ перешелъ къ племяннику ея, котораго тетка ненавидитъ. Причина крайне своеобразна: лордъ Литтерли (племянникъ) первоклассный спортсмэнъ, смѣлый, сильный, громаднаго роста. «Вы развѣ не видите,—восклицаетъ въ ярости леди Кастэльджорданъ, что это какъ разъ тотъ сынъ Джэкъ, котораго мнѣ недоставало. Будь онъ больной, слабый, веснущатый, анемичный, красноглазый, узкогрудый, или еще лучше—горбатый, хромоногій,—я бы любила его». Но лэди Кастэльджорданъ, въ концѣ концовъ, мирится съ племянникомъ, который при романической обстановкѣ знакомится съ лордомъ Ноэлемъ, т. е. съ Ноэлиной, старшей дочерью. Ноэлина въ мужскомъ костюмѣ гуляла вечеромъ по улицамъ Лондона. Она заступилась за женщину, которую побили. Вся толпа погналась за Ноэлиной. Дѣвушку спасъ лордъ Литтерли, который потомъ пробирается въ заповѣдный Оверкотпаркъ, окружающій дворецъ лэди Кастэльджорданъ. Туда же пробираются украдкой поклонники двухъ другихъ дочерей: лордъ Туинуэйсъ и графъ Андре де-Гриваль. Послѣ

ряда буффонныхъ приключеній, все устраивается къ лучшему. Лэди Кастэльджорданъ даетъ свое согласіе на бракъ Ноэлины съ лордомъ Литтерли, Вильгельмины съ графомъ де-Гриваленъ и Томасины съ лордомъ Туинуэйсомъ. Юморъ комедіи довольно примитивный. Онъ заключается въ томъ, что одинъ изъ жениховъ, французскій графъ, коверкаетъ англійскій языкъ, перевираетъ пословицы и отпускаетъ словечки, подслушанныя на улицѣ. По слабому знанію языка, графъ считаетъ эти словечки особымъ шикомъ. О томъ, какъ Пинеро понимаетъ комизмъ положеній, можно судить, напримѣръ, по слѣдующей сценѣ. Всѣ три жениха пробрались вечеромъ въ гимнастическій залъ, въ которомъ упражняются подъ начальствомъ «сержанта» дочери лэди Кастэльджорданъ во время отъѣзда матери. Молодые люди вначалѣ прячутся въ шкафъ, затѣмъ выходятъ, пріятельски бесѣдуютъ съ дѣвушками, а потомъ устраиваются даже танцы. «Сержантъ» садится за піанино. Всѣ отплясываютъ «причудливый контрадансъ», какъ говорится въ ремаркѣ. Де-Гриваль мало-по-малу приходитъ въ азартъ. Онъ танцуетъ одинъ, выдѣлывая дикія и фантастическія па. Вдругъ въ дверяхъ незамѣтно появляется лэди Кастэльджорданъ, неожиданно возвратившаяся изъ города. Съ нею—пасторъ Минчинъ. Лэди Кастэльджорданъ стоитъ, какъ въ столбнякѣ. Мало-по-малу танцующіе отстаютъ, кромѣ де-Гриваля, который, не замѣчая вошедшихъ, продолжаетъ вывертывать ногами. Вдругъ онъ видитъ лэди Кастэльджорданъ и испуганно убѣгаетъ въ шкафъ. «Сержантъ» весело барабанитъ на піанино, ничего не замѣчая». Все кончается хорошо. Любопытно благоговѣніе Пинеро къ титулу. Лордъ Туинуэйсъ дѣйствительно «унаслѣдовалъ всѣ хворости, накопленныя его предками». Онъ слабъ и тѣломъ, и умомъ. Постоянно онъ цитируетъ фамильныя традиціи. «Мы никогда не были сильными, здоровыми людьми,—говоритъ онъ.—Наши женщины въ особенности славились этимъ. Знаменитый докторъ разъ увѣрялъ меня, что онъ всегда можетъ изучить остеологію женщинъ нашего рода, поставивъ ихъ предъ зажженной свѣчей». Не меньше, чѣмъ худобой, весь родъ славится съ незапамятныхъ временъ своею уродливостью. Лордъ Туинуэйсъ, повидимому, страдаетъ идіотизмомъ. Авторъ не объясняетъ психологической загадки, какимъ образомъ красивая, здоровая, энергичная, воспитанная дѣвушка могла полюбить такого глупаго недоноска. Повидимому, Пинеро глубоко убѣжденъ, что объясненія не нужны. Онъ считаетъ явленіе совершенно естественнымъ и нормальнымъ. Развѣ титулъ не является лучшимъ объясненіемъ? Графъ де-Гриваль—хвастливъ, труслив, глупъ, но имъ увлекается «Вилли». И всѣ дѣйствующія лица комедіи, и самъ авторъ считаютъ это вполнѣ нормальнымъ. Лэди Кастэльджорданъ

находила одно только возраженіе: графъ де-Гриваль не затравилъ ни одной лисицы на своемъ вѣку; но онъ убѣдилъ мать своей невѣсты, что онъ хорошій спортсмэнъ, и все устроилось. Читая комедію Пинеро, трудно понять даже, въ силу какой ассоціаціи идей авторъ предисловія поставилъ «Амазонокъ» рядомъ съ «Какъ вамъ это понравится». Единственное сходство, кажется, заключается въ томъ, что въ «Амазонкахъ» Томасина и Вильгельмина носятъ мужское платье, что дѣлаетъ и Розалинда въ «Какъ вамъ это понравится», собираясь оставить дворецъ герцога.

III.

Во всемъ современномъ англо-саксонскомъ мірѣ, какъ я упомянулъ уже, нѣтъ болѣе популярной драмы, чѣмъ «Sweet Lavender» Пинеро. Въ Terry's Theatre въ Лондонѣ, она выдержала подъ рядъ 653 представленія. Послѣ громаднаго успѣха въ колоніяхъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, драму опять возобновили въ томъ же театрѣ, гдѣ она шла подъ рядъ еще три года, изъ вечера въ вечеръ. Отъ «Sweet Lavender» были въ восторгѣ и лондонскіе представители биржевого капитала, и суровые, мужественные, широкоплечіе «shearers» Новаго Южнаго Уэльса, и богатые «скуотеры» Викторіи. Нужно думать, что всѣ они усматривали въ драмѣ не одно и то же. Прежде всего, нѣсколько словъ о самомъ заглавіи. Sweet Lavender по-русски значитъ узколистая лаванда, «цвѣтная трава» нашихъ лѣтописей (Lavendula augustifolia). Искони это любимый цвѣтокъ англичанъ. Съ нимъ въ народныхъ балладахъ и въ позднѣйшей литературѣ ассоціируется представленіе о трогательномъ, поэтическомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простомъ и скромномъ. Въ дѣйствительно сильныхъ людяхъ есть всегда громадный запасъ сентиментальности. Ихъ трогаетъ слабость и простота. Англичане— едва-ли не самая сильная и энергичная изъ живущихъ расъ, и не въ одномъ народѣ не приходится наблюдать такъ много сентиментальности, какъ въ энергичномъ, эгоистичномъ, холодномъ Джонѣ Буллѣ. По воскресеньямъ въ каждомъ паркѣ можно видѣть десятки англичанъ, рабочихъ, торговцевъ изъ Сити, клэрджимэновъ и пр., способныхъ цѣлыми часами прикармливать воробьевъ или голубей. И нужно видѣть, какъ добродушно смѣются тогда эти энергичные люди, отдающіеся въ будни всецѣло своему «business». На томъ же сентиментализмѣ, присущемъ всѣмъ *дѣйствительно* сильнымъ людямъ, основано то глубокое уваженіе къ женщинѣ, которымъ справедливо можетъ гордиться предъ всѣмъ міромъ англосаксонская раса. Этимъ уваженіемъ отличаются и англичане, и канадцы, и австралійцы. Въ глухихъ трущобахъ большихъ англій-

скихъ городовъ, «въ великихъ пустыняхъ каменныхъ домовъ», гдѣ уже два-три вѣка томится въ великой нищетѣ выродившееся, слабое, голодное населеніе, это чувство атрофировано въ значительной степени, но оно снова возрождается на просторѣ. Отмѣчаю это между прочимъ. Въ послѣднее время у насъ увлекаются сильными людьми, что, конечно, вполнѣ похвально. Но, мнѣ кажется, слѣдуетъ отличать дѣйствительно сильныхъ людей отъ помѣси Кабанихи съ Китъ Китычемъ. Дѣйствительно сильные люди крѣпки, какъ сталь, предъ сильными, и мягки, какъ воскъ, предъ слабыми. Помѣси Кабанихи съ Китъ Китычемъ поступаютъ какъ разъ наоборотъ: онѣ грубы и жестоки предъ слабыми, но трусливы предъ силой... Я нѣсколько уклонился. Итакъ, Sweet Lavender — любимый цвѣтокъ англичанъ, онъ является для нихъ символомъ трогательнаго, простого, слабаго и граціознаго. У Пинеро Lavender имя героини, простой, изящной и милой дѣвушки, дочери вдовы Руѳь Хольтъ, занимающейся черной работой. Между прочимъ, вдова ведетъ хозяйство стараго, безпутнаго, вѣчно пьянаго, но великодушнаго, умнаго и благороднаго адвоката Дика Фенила. На одной квартирѣ съ Дикомъ живетъ его пріятель, молодой человѣкъ Клементъ Хэйлъ, изучающій юриспруденцію *), пріемный сынъ богатаго провинціальнаго банкира Джефри Уэддербёрна. Молодой студентъ влюбляется въ Lavender и желаетъ жениться. Мать, исходя изъ положенія, что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ,— противъ брака. Возстаетъ противъ союза также и пьяный, но благородный адвокатъ Дикъ. Онъ любитъ Lavender, какъ дочь, и боится, что она будетъ несчастна, такъ какъ послѣ брака быстро надоѣстъ Клементу.

«Мама сказала мнѣ, — говоритъ Lavender Дику, — что всѣ друзья отвернутся отъ мистера Хэйла, если онъ женится на мнѣ. Такъ-ли это? Мама говоритъ, онъ безумно будетъ любить меня нѣкоторое время и носиться со мной, какъ дитя съ куклой; затѣмъ я ему надоѣмъ. Онъ будетъ постоянно раздражаться, что у него жена — игрушка, а не лэди. Правда-ли это, мистеръ Фенилъ»? — «Да, это правда», — подтверждаетъ Дикъ. Сцена объясненія Клемента съ Lavender умиляетъ «миссисъ Гранди», находящую, что все это очень трогательно... со сцены. *Клементъ* (*привлекать къ себѣ Lavender* и *глядитъ ей съ любовью въ глаза*). Я люблю васъ, Lavender, всѣмъ сердцемъ. Будьте моей женой (*она отступаетъ, но не спускаетъ съ него глазъ*). Промолвите слово. Да или нѣтъ?

---

*) Въ Англіи, какъ извѣстно, будущіе адвокаты и судьи изучаютъ законы не въ университетѣ, а на практикѣ, въ Inns of Dourt. Все сводится, главнымъ образомъ, къ изученію возможно большаго числа «прецедентовъ».

Lavender (слабо). Я сама не знаю, что сказать. *Клементъ* (*нѣжно*). Подумайте. Подумайте сейчасъ. (*Привлекаетъ къ себѣ и прижимаетъ къ сердцу*). *Lavender* (*сквозь слезы*). Вы не должны любить меня. *Клементъ*. Почему? *Lavender*. Вы знаете, я не лэди. *Клементъ*. Моя царица! *Lavender*. Я работаю. Ахъ, какія у меня красныя руки! *Клементъ*. Это потому, что вы краснѣете до нихъ. Когда привыкнете быть моей женой, онѣ у васъ побѣлѣютъ. *Lavender*. Взгляните на мое платье. Оно говоритъ о томъ, какъ я бѣдна. *Клементъ*. Если дѣло за этимъ, то я буду такъ же бѣденъ, какъ и вы. *Lavender* (*смотритъ ему въ лицо*). Такъ вы бѣдны? *Клементъ*. У меня самого ничего нѣтъ, кромѣ профессіи. (*Озабоченно*). Возможно, я буду очень бѣденъ. *Lavender* (*встаетъ съ живостью*). О! *Клементъ* (*отступая немного*). Развѣ вы любите меня меньше поэтому? *Lavender* (*подходитъ*). Меньше! (*Сдержанно*). Я вамъ совсѣмъ не сказала, что люблю васъ; но если бы я васъ когда-нибудь полюбила, то потому, что знаю, *какъ* быть бѣдной. Я могла бы научить васъ переносить бѣдность. *Клементъ* (*привлекая ее къ себѣ*). О, моя милая, милая Lavender *)!

Руѳь, видя увлеченіе дочери и исходя изъ положенія о сверчкѣ и шесткѣ, увозитъ Lavender неизвѣстно куда. Клементъ въ отчаяньи и ищетъ ее повсюду. «Каждая улица для меня теперь называется Лавендерстритъ, — говоритъ онъ Дику. — Мальчишки-газетчики, мнѣ кажется, выкликаютъ только «Лавендеръ»! «Вечерній Лавендеръ»! Цвѣточницы продаютъ только лаванду. Весь міръ напоенъ запахомъ лавандовой воды. А между тѣмъ, Lavender такъ далеко отъ меня»! Клементъ говоритъ о своей любви пріемному отцу, но банкиръ тоже противъ mésalliance. Вдругъ Уэддербёрна (пріемнаго отца) постигаетъ несчастье. Банкиръ, съ которымъ онъ велъ дѣла, бѣжалъ. Провинціальный банкъ лопнулъ. Уэддербёрнъ разоренъ. Его сестрѣ племянницѣ и Клементу приходится работать, чтобы жить. Тогда въ бѣдную квартиру разорившагося банкира является Lavender. «Я прочла въ газетѣ,—говоритъ она,—про то, что мистера Уэддербёрна постигло большое несчастье и какъ его обманули компаніоны. И я знаю, что если мистеръ Уэддербёрнъ бѣденъ, мистеръ Хэйлъ тоже ничего не имѣетъ. И я не могу быть покойна, покуда не узнаю, правда-ли это»? Ей говорятъ, что это вѣрно. «Мама увезла меня отсюда, потому что я была слишкомъ бѣдна и не знатна по происхожденію для мистера Хэйла. Такъ было недѣлю тому назадъ. Но теперь все измѣнилось. Было бы ужасно, если бы Клементъ могъ подумать: «Lavender увезли отъ меня, потому что я былъ богатъ; теперь,

*) «Sweet Lavender», Act. I.

когда я бѣденъ, она не можетъ найти меня». — Неожиданныя и удивительныя событія слѣдуютъ другъ за другомъ. Банкиръ Уэддербёрнъ въ молодости любилъ дѣвушку, но порвалъ съ ней, потому что она была бѣдна. У брошенной дѣвушки родилась дочь. Потомъ Уэддербёрнъ постоянно вспоминалъ свою первую любовь, но не могъ найти ее. И оказывается, что она Руѳь Хольтъ, мать Лавендеръ. Послѣдняя, такимъ образомъ,—дочь пріемнаго отца Клемента, разорившагося банкира. Уэддербёрнъ, конечно, соглашается на бракъ Клемента съ Lavender. Но безъ денегъ какъ же жениться? «Миссисъ Гранди» не въ достаточной степени умилилась бы. И вотъ адвокатъ Уэддербёрна приноситъ неожиданную и радостную вѣсть. Послѣ первой паники, вызванной бѣгствомъ партнера, вкладчики рѣшили поддержать банкъ Уэддербёрна. Отецъ Lavender теперь опять богатъ, какъ прежде. Пьеса кончается всеобщими объятіями и слезами умиленія. Всѣ довольны и счастливы. Публика Пинеро «плачетъ въ театрѣ, тронутая собственной добродѣтелью», какъ сказалъ Искандеръ о буржуа, умиляющихся пьесами Скриба.

Въ колоніяхъ, по всей вѣроятности, произведенія Пинеро имѣли успѣхъ, какъ пріятная волшебная сказка. Въ ней люди всѣ такъ хороши, такъ благородны! Даже ограниченность ихъ—не бѣда. Еще лучше: можно вложить въ пьесу собственное содержаніе и найти въ ней не то, что есть, а то, что хочется найти! Любопытно, что въ Англіи больше всего нравится публикѣ банкиръ Уэддербёрнъ и пріемный сынъ его Клементъ, тогда какъ колонисты въ пьесѣ больше всего любятъ безпутнаго, но великодушнаго адвоката Дика Фенила. Онъ терпитъ почти нищету; но вотъ узнаетъ, что у него умеръ дядя, завѣщавшій ему 40 тысячъ ф. ст. Деньги эти хранятся въ банкѣ Уэддербёрна. Въ сущности говоря, Дикъ спасаетъ банкъ: когда началась паника и всѣ потребовали вклады, адвокатъ не только не взялъ своихъ денегъ, но внесъ еще на текущій счетъ. Это сразу успокоило публику и рѣшило судьбу банка. Читатели, я думаю, имѣютъ уже свой взглядъ на достоинство пьесы. Покуда мы не видимъ еще смѣлаго новатора, рѣшительно кинувшаго перчатку публикѣ и вдохновенно воскликнувшаго: «эксельсіоръ!» Такимъ именно бойцомъ считаютъ Артура Пинеро его восторженные поклонники, но мы не знаемъ еще главнаго произведенія Пинеро, на которомъ держится преимущественно его слава реформатора англійской сцены;—мы должны познакомиться съ «Second M-rs Tanqueray», которую такъ подробно разбираетъ Вильямъ Арчеръ въ послѣднемъ изданіи «Британской энциклопедіи».

«Second M-rs Tanqueray» поставлена въ первый разъ 27 мая 1893 г.,—пишетъ онъ.—Будутъ ли ставить ее и черезъ 50 лѣтъ,—

вопросъ, разрѣшеніе котораго лучше предоставить нашимъ потомкамъ,—говоритъ авторъ.—Насъ интересуетъ здѣсь лишь историческій фактъ: съ появленіемъ этой пьесы современная англійская драма перестала быть простымъ отечественнымъ продуктомъ, а заняла опредѣленное мѣсто среди европейской литературы. Предъ нами пьеса, которая, не смотря на свои недостатки, можетъ быть поставлена рядомъ съ произведеніями Дюма, Зудермана, Бьернсона и Эчегараи *). Быть можетъ, въ одномъ отношеніи пьеса эта хуже произведеній упомянутыхъ авторовъ, быть можетъ, въ другомъ отношеніи лучше; но по литературному значенію «Second M-rs Tanqueray» занимаетъ такое же положеніе, какъ «Магда» или «Гибель Содома». Уже одинъ фактъ, что такая пьеса не только могла быть поставлена въ Лондонѣ, но имѣла колоссальный успѣхъ,—сильно содѣйствовала прогрессу драматическаго искусства. Она пробудила въ авторахъ честолюбіе, а въ антрепренерахъ—предпріимчивость. «Second M-rs Tanqueray» послужила такимъ же толчкомъ для серьезной англійской драмы общественныхъ нравовъ девяностыхъ годовъ, какъ «Hernany» для романтической драмы тридцатыхъ или какъ «La Dame aux Camélias» для реалистическаго движенія пятидесятыхъ годовъ. Робертсоновскій реализмъ, замѣна искусственной живописи скрибовской школы мощнымъ порывомъ, порожденнымъ геніемъ Ибсена,—все это совпало вмѣстѣ и сдѣлало постановку пьесы Пинеро историческимъ событіемъ, знаменующимъ эпоху» *).

Подобный отзывъ лучшаго англійскаго критика, такъ же какъ и солидность того изданія, въ которомъ это мнѣніе помѣщено, заставляетъ меня нѣсколько подробнѣе остановиться на пьесѣ «Second M-rs Tanqueray».

IV.

Богатый джентельмэнъ Обри Тэнкерей находится въ томъ критическомъ возрастѣ, когда, по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ, «мужчины становятся или стоиками, или сатирами»:

---

*) Современный испанскій драматургъ, изъ пьесъ котораго особенно славятся «El Gran Galeoto», «Сынъ Донъ-Жуана» (El hijo de Don Juan) и «El loco Dios». Послѣднія произведенія чисто-символическаго характера и навѣяны драмами Ибсена. Пьесы Эчегараи имѣли громадный успѣхъ не только въ Испаніи, гдѣ имъ отводится второе мѣсто послѣ комедій Лопеца де Аіяла и Тамаіо-и-Бауса (Tamayo y Baus), но также въ Германіи и въ Скандинавскихъ государствахъ. У насъ, въ Россіи, если не ошибаюсь, есть передѣлка пьесы «El hijo de Don Juan».

**) Статья Вильяма Арчера въ десятомъ изданіи «Encyclopaedia Britannica» (т. XXVII, p. 521).

ему сорокъ два года. Онъ женился очень рано. «Первая миссисъ Тэнкерей,—разсказываетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ,—называлась до замужества миссъ Херріотъ. Она была очень хороша, чертовски хороша, по религіи—католичка. Мнѣ она напоминала кусокъ мрамора, закутанный въ бархатъ. Мужъ ее любилъ, какъ говорится, до безумія. Чортъ возьми! какъ пылко ухаживалъ бѣдняга за ней! но я сомнѣваюсь даже, чтобъ она ему позволяла пожать руку. Она представляла изъ себя настоящую льдину. Что касается поцѣлуевъ, то, навѣрно, если бы Обри попытался, кожа его губъ отстала бы отъ прикосновенія къ ея губамъ. Знаете, какъ бываетъ, когда дотронешься на морозѣ до куска желѣза. Бѣдняга разсчитывалъ, что миссисъ Тэнкерей растаетъ послѣ замужества; но ошибся. Мнѣ всегда казалось, что, оставшись съ женой, Обри принимается усиленно топить каминъ, чтобы разогрѣть льдину. Но оттепель никогда не наступала. Я думаю, она всегда держала за корсажемъ термометръ и слѣдила, чтобы ртуть никогда не поднималась выше 10°.»

Миссисъ Тэнкерей была ревностной католичкой. Она приходила въ отчаянье, что не могла обратить мужа; но настояла, чтобы единственную дочь ихъ отдали на воспитаніе въ монастырь. Вскорѣ послѣ того миссисъ Тэнкерей умерла, а дочь осталась въ монастырѣ до 18 лѣтъ и, наконецъ, выражаетъ желанье постричься въ монахини. Такъ обстоитъ дѣло, когда Обри Тэнкерей, созвавъ своихъ пріятелей на холостой обѣдъ, объявляетъ имъ неожиданно, что дружбѣ приходитъ конецъ, такъ какъ онъ вторично женится.

— «Вы не допускаете никакихъ вопросовъ?—спрашиваетъ одинъ изъ друзей.—Вы не скажете намъ даже имени дамы?»

— «Дама эта, мой милый, появится во второй главѣ, — загадочно отвѣчаетъ Обри.—И тогда ея имя будетъ миссисъ Тэнкерей».

Гости, оставшись одни, сильно заинтригованы таинственностью.

— «Я предвижу ужасный *mésalliance*,—догадывается одинъ.—По всей вѣроятности, рѣчь о деревенской дѣвушкѣ, которая поднесла ему стаканъ молока во время охоты, или объ анемичной приказчицѣ изъ магазина.»

Какъ почти всѣ герои Пинеро, друзья Тэнкерея заражены классовыми предразсудками. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ о нѣкоемъ баронѣ, женившемся на танцовщицѣ, какъ о «покойникѣ.» «Для общества онъ умеръ. Mésalliance—мертвое море. Не разъ я сидѣлъ на берегахъ его и дожидался поглощенныхъ имъ друзей. Они *никогда* не выплывали.»

Женщина, на которой желаетъ жениться Обри, даже не танцовщица. Ее знали «въ свѣтѣ» подъ различными именами. Она мѣняла поклонниковъ и сожителей. Ей около двадцати семи лѣтъ;

она удивительно хороша, умна, имѣетъ доброе сердце, томится по истинной любви и чистой привязанности. «Я сильно и искренно люблю ее,—объясняетъ Обри своему другу.—Она никогда не встрѣчала еще человѣка, который поступилъ бы съ нею хорошо. Я желаю сдѣлать это. Вотъ и все. И черезъ нѣсколько лѣтъ я докажу вамъ, что можно быть счастливымъ, женившись на женщинѣ безъ репутаціи.»

Невѣста Обри разсказала ему честно всю свою жизнь, назвала всѣхъ своихъ поклонниковъ. Исторію одного сожительства ей трудно было разсказать и она описала его; но Обри бросаетъ письмо не распечатаннымъ въ огонь. Въ день свадьбы Тэнкерей получаетъ письмо отъ своей дочери. «Во мнѣ произошла великая перемѣна,—пишетъ она.—Я думаю, мать въ небѣ подала мнѣ совѣтъ и я оставляю монастырь и раздѣлю ваше одиночество въ деревнѣ.»

Второй актъ происходитъ черезъ годъ. Обри Тэнкерей женатъ и живетъ въ своемъ помѣстьѣ. Отъ супруговъ отвернулся «весь свѣтъ». Постоянное одиночество раздражаетъ миссисъ Тэнкерей.

— У меня нѣтъ больше терпѣнія! — восклицаетъ она. — Эта жизнь убиваетъ меня. Какъ проходитъ время отъ воскресенья до субботы?.. Утромъ я ѣду съ грумомъ въ деревню за закупками. За завтракомъ я вижу васъ и Эллинъ (дочь Тэнкерея). Послѣ обѣда чтеніе романа или газеты. Если погода хороша, я выѣзжаю еще разъ. *Если* она хороша! За чаемъ опять вы и Эллинъ. Потомъ сумерки, и затѣмъ—обѣдъ. И опять съ вами и съ Эллинъ. Далѣе партія въ безикъ. Я играю съ вами, а Эллинъ въ углу читаетъ душеспасительную книгу. Затѣмъ зѣваю я, потомъ вы, потомъ Эллинъ. Всѣ трое поднимаемся разомъ. «Спокойной ночи, спокойной ночи, спокойной ночи! *(подражаетъ поцѣлую)*. Господь съ вами!» Ахъ!

— Да, да! Паола,—ласково отвѣчаетъ мужъ. — Такъ *теперь*. Но мало по малу, когда сосѣди станутъ навѣщать насъ...

— Увы! милый Обри! Вотъ гдѣ именно заключается ваша ошибка! *(указываетъ въ окно)*. Неужели вы вѣрите, что эти люди когда-нибудь пріѣдутъ къ намъ? Кто же это явится? Не ваша ли старая пріятельница Кортлайонъ? Или старый суровый священникъ? Или жена его, громадный носъ который рѣшительно неприличенъ? Неужели явятся Уллаторны или лэди Вильямъ Патресъ? Я лучше знаю. Даже тогда, когда на смѣну старикамъ мало по малу явится молодое поколѣніе,—все еще останутся традиціи, освященныя временемъ, что на горѣ живетъ особа, съ которой ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ знаться. И такимъ образомъ, мы будетъ жить изъ года въ годъ, покуда мы не высохнемъ и не заплѣсневѣемъ въ нашей одинокой респектабельности. Честное слово! Мнѣ кажется,

мы были бы гораздо счастливѣе, если наша жизнь шла бы, какъ прежде, беззаботно, въ городѣ, въ кафэ! У меня былъ, во всякомъ случаѣ, кругъ знакомыхъ. Правда, я сильно, сильно желала быть замужней женщиной. Но можно ли гордиться своимъ замужествомъ... (*видитъ, что Обри закрываетъ лицо руками*). Обри! Дорогой мой! Вы плачете?

Миссисъ Тэнкерей желаетъ искренней привязанности, основанной на уваженіи человѣческаго достоинства. Она сильно привязалась къ Эллинъ, къ дочери Тэнкерея, къ серьезной дѣвушкѣ съ лицомъ Мадонны; но Эллинъ холодна къ своей мачихѣ. Дѣвушка не знаетъ прошлаго миссисъ Тэнкерей; но, согласно Пинеро, минувшее, какъ каинова печать, выжжена на лицѣ мачихи. Дѣвушка «съ лицомъ Мадонны» инстинктивно, потому, питаетъ отвращеніе къ миссисъ Тэнкерей

— Эллинъ!—молитъ она,—почему вы не желаете считать меня вашей второй матерью?.. Быть можетъ, вы считаете меня странной? Во мнѣ живутъ двѣ натуры. Одна почти изгладила другую. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я пережила большое несчастье и съ тѣхъ поръ разучилась плакать. Если бъ вы хоть разъ обвили мнѣ шею вашими руками, я убѣжала бы въ спальню и плакала бы, плакала! Я съ вами говорила, какъ никогда еще въ жизни не говорила ни съ одной женщиной. Эллинъ! Вы, кажется, боитесь меня! Не нужно такъ! Поцѣлуйте меня! (*Эллинъ съ воплемъ, въ которомъ выражается почти отчаянье, отворачивается отъ Паолы*).

Миссисъ Тэнкерей такъ любитъ Эллинъ, что ревнуетъ ее ко всѣмъ. И когда сосѣдка Обри, его старая знакомая миссисъ Кортлайонъ, дѣлаетъ, наконецъ, визитъ Тэнкерею, чтобы взять его дочь съ собою въ Парижъ, — Паола устраиваетъ гостьѣ грубую сцену. Она едва дотрагивается до протянутой ей руки.

— Миссисъ...? какъ ея имя, Обри?—притворно-сладко спрашиваетъ Паола.

Обри. Миссисъ Кортлайонъ.

Паола. Кортлайонъ? О, да, Кортлайонъ.

Миссисъ Кортлайонъ (*заботливо старается скрыть всякое проявленіе обиды*). Обри, вѣроятно, сказалъ вамъ, что онъ и Алиса Картлайонъ—очень старые друзья.

Паола. Да, да. По всей вѣроятности онъ когда-нибудь упомянулъ про это. У меня такая плохая память.

Миссисъ Кортлайонъ. Вы знаете, миссисъ Тэнкерей, мы сосѣди.

Паола. Сосѣди? Неужели? Садитесь, пожалуйста (Садятся). Сосѣди! Какъ это интересно!

Миссисъ Кортлайонъ. При томъ, очень близкіе сосѣди. Вы можете видѣть крышу нашего дома изъ окна.

Паола. Мнѣ кажется, я дѣйствительно видѣла какую-
крышу. Вы, вѣроятно, были въ отъѣздѣ и только что возвратилис

Миссисъ Кортлайонъ. Я? Почему вы такъ думаете?

Паола. Почему? Мы уже нѣсколько мѣсяцевъ здѣсь, а я
припоминаю, чтобы вы бывали у насъ.

Миссисъ Кортлайонъ. Ваша память на этотъ разъ удив
тельно аккуратна. Нѣтъ, я не уѣзжала. Теперь я явилась нѣсколь
безцеремонно объяснить, почему не пріѣзжала до сихъ поръ.

Паола. Объяснить! Вотъ какъ! (*съ насмѣшливой торжестве
ностью*). Вы были больны. Это видно по лицу. Мы, бѣдныя же
щины, не можемъ скрыть болѣзней.

Обри (*безпокойно*). Милая Паола! Миссисъ Кортлайонъ олиц
твореніе здоровья.

Миссисъ Кортлайонъ (*съ нѣкоторой рѣзкостью*). Я никог
себя не чувствовала такой здоровой, какъ теперь.

Паола (*съ невиннымъ видомъ*). Развѣ я сказала что-нибудь
такъ? Мой милый Обри, скажите, пожалуйста, миссисъ Кортлайон
что я глупа и легкомысленна.

Когда Эллинъ выражаетъ согласіе уѣхать съ миссисъ Кортла
онъ, Паола грубо отворачивается отъ гостьи.

— Она съ ума сошла!—восклицаетъ Кортлайонъ.

— Безъ сомнѣнья!—отвѣчаетъ второй гость. — Всѣ ревнив
женщины сумасшедшія...

«Вы осмѣлились оскорбить меня, - бѣшено накидывается Пао
на мужа, когда гости уѣхали.—Я уйду отъ васъ!.. Развѣ не оско
бленіе, что вы взяли отъ меня Эллинъ. И какъ взяли! Вы ее
дали на попеченіе женщинѣ, которая умышленно сторонилась о
меня и швыряла въ меня грязью! А между тѣмъ этой твари Кар
лайонъ стоило только показаться здѣсь, какъ вы ей отдали тотча
дѣвушку, которую я люблю».

Черезъ два мѣсяца Эллинъ возвращается. Она встрѣтилась
Парижѣ съ молодымъ капитаномъ Хью Ардэйломъ, который тол
что возвратился изъ Индіи, гдѣ свершилъ громкій подвигъ
время похода. Имя молодого героя у всѣхъ на устахъ. Капита
и Эллинъ полюбили другъ друга. Дѣвушка возвратилась, что
просить у отца согласія на бракъ. Она желаетъ теперь относит
мягче къ Паолѣ, но послѣднюю охватываетъ дикая ревность.

Паола. Какъ хорошо вы обманули насъ всѣхъ! Мы васъ
считали за маленькую святую съ холодной кровью. Какъ слав
вы одурачили насъ! Святая Эллинъ! Святая Эллинъ!

Эллинъ. Ахъ! я должна была бы знать, что вы только п
нимаете меня на смѣхъ!.. Я не могу говорить съ вами! Вы тол
глумитесь надо мной.

Паола (*ея голосъ измѣнился*). Эллинъ! Дорогая Эллинъ! Я не хотѣла глумиться. Я такъ бѣшено ревнива. Это мое проклятье (*становится на колѣни предъ Эллинъ и обнимаетъ ее*). Языкъ мой говоритъ не то, что я думаю. Я исправлюсь. Клянусь вамъ.

Узнавъ, что капитанъ тоже пріѣхалъ, Паола проситъ Эллинъ прислать его. «Я страстно желаю познакомиться съ нимъ. Непремѣнно скажите, чтобы онъ немедленно пришелъ сюда. Я должна встрѣтиться съ нимъ раньше, чѣмъ онъ увидитъ Обри» (Эллинъ уходитъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращается изъ сада вмѣстѣ съ Хью).

Эллинъ. Вотъ капитанъ Ардэйлъ, Паола (Паола повернулась къ капитану. Они оба поблѣднѣли и нѣсколько секундъ глядятъ съ ужасомъ другъ на друга. Наконецъ Паола протягиваетъ руку).

Паола (*измѣнившимся голосомъ, но спокойно*). Какъ вы поживаете.

Хью. Здравствуйте.

Паола. Я встрѣчала мистера Ардейла раньше въ Лондонѣ, Эллинъ. Такъ это вы — капитанъ Ардейлъ.

Хью. Да.

Эллинъ. Въ Лондонѣ?

Паола. Дорогая Эллинъ! Я хочу переговорить наединѣ съ мистеромъ Ардейломъ, т. е. съ капитаномъ Ардейломъ. Возвратитесь черезъ нѣсколько минутъ (*Эллинъ уходитъ*). Скорѣе! Что нужно сдѣлать? Тэнкерей возвратится черезъ нѣсколько минутъ.

Хью (*испуганно*). Что дѣлать?

Паола. Да, да. Нужно что-нибудь сдѣлать!

Хью оказывается прежнимъ любовникомъ миссисъ Тэнкерей, тѣмъ самымъ, о которомъ она наканунѣ свадьбы разсказала жениху въ письмѣ, брошенномъ Обри въ огонь. Хью уѣхалъ потомъ въ Индію; онъ слышалъ, что Тэнкерей женился на миссисъ Джармэнъ, но не подозрѣвалъ, что это—его бывшая любовница.— Я съ ума сойду! — восклицаетъ Паола; — затѣмъ, въ порывѣ бѣшенства обращается къ капитану: «негодяй! зачѣмъ вы на моемъ пути!» — «Паола, я съ вами всегда обращался хорошо!» — отвѣчаетъ онъ.

Паола (*слабымъ голосомъ*). Простите. Вы правы (*опускается въ кресло и рыдаетъ истерически*)... Эллинъ поцѣловала меня сегодня. Я могла бы добиться ея любви. Я такъ упорно и долго искала этого. И теперь, какъ разъ тогда, когда она начала меня любить, вы тутъ.

Хью. Не приходите въ отчаянье, миссисъ Тэнкерей. Все устроится хорошо. Увѣряю васъ.

Паола (*дрожитъ*). Что намъ дѣлать теперь?

Хью. Молчать.

Но миссисъ Тэнкерей не согласна съ этимъ. «Есть только одинъ исходъ, — говоритъ она, — нужно разсказать все мистеру Тэнкерею». — «Какъ, вашему мужу! Но я потеряю Эллинъ!.. Я съ ней поступилъ честно въ Парижѣ и признался, что прежде велъ нѣсколько безпутную жизнь. Эллинъ была въ отчаяніи; но, наконецъ, сказала, что прощаетъ за послѣдующую службу въ Индіи... Теперь я не хочу потерять ее, потому только, что жилъ какъ всѣ. Нѣтъ. Я и на половину не безпутничалъ, какъ другіе. Паола, не выдавайте меня съ головой изъ-за пустяковъ! Будьте справедливы ко мнѣ. Я теряю дорогую мнѣ дѣвушку».

Но миссисъ Тэнкерей твердо настаиваетъ на томъ, что безчестно скрыть все отъ мужа. Она берется сама разсказать ему. Сцена признанія — одна изъ сильныхъ въ драмѣ.

Паола. Помните ли вы, Обри, то письмо, въ которомъ я описала всю мою жизнь? *Обри.* Письмо? — *Паола.* — Вы сожгли его! Припоминаете? *Обри.* Да, а что? *Паола.* Въ этомъ письмѣ было имя капитана Ардейла. *Обри* (*отступаетъ и испуганно смотритъ на жену*). Я не понимаю васъ. *Паола.* Знайте же, что я жила когда-то съ Ардейломъ (*Тэнкерей стоитъ въ оцѣпенѣніи*). Почему же вы не бьете меня. Ударьте меня по лицу. Я хочу этого. Бейте меня! Бейте же!

Приносятъ въ это время записку, въ которой капитанъ извѣщаетъ, что уѣхалъ въ Парижъ. Эллинъ поражена, когда узнаетъ про внезапное исчезновеніе жениха и про то, что бракъ невозможенъ.

Эллинъ. Что вы могли узнать про Хью? Вы можете судить только по слухамъ, по сплетнямъ постороннихъ! Какъ могли вы отказать... (*внезапно умолкаетъ. Обѣ женщины молча глядятъ нѣсколько мгновеній другъ на друга. Затѣмъ Эллинъ медленно отступаетъ*). Это сдѣлала Паола! *Паола.* Что такое? *Эллинъ.* Вы знали капитана Ардейла въ Лондонѣ? *Паола.* Что вы хотите сказать? *Эллинъ.* О! (*направляется къ дверямъ, но Паола хватаетъ ее за руку*). *Паола.* Вы должны мнѣ сказать, что думаете. *Эллинъ* (*рѣшительно и пристально глядитъ Паолѣ въ глаза*). Вы знаете, что я хочу сказать. *Паола.* Вы обвиняете меня? *Эллинъ.* Ваше лицо васъ обвиняетъ. *Паола* (*хрипло*). Такъ вы намекаете, что я... я безпутная женщина? *Эллинъ.* Пустите меня. *Паола.* Отвѣчайте! Вы всегда ненавидѣли меня (*трясетъ ее за плечо*). Говорите же! *Эллинъ.* Мнѣ больно! *Паола.* Вы всегда меня ненавидѣли. Отвѣчайте. *Эллинъ.* Такъ знайте же,

что я всегда... всегда... *Паола*. Что? *Эллинъ*. Я всегда знала, чѣмъ вы были. *Паола*. Ахъ! Кто вамъ сказалъ? *Эллинъ*. Никто. Вы сами. Съ перваго момента, какъ увидала васъ, я знала, что вы не похожи на тѣхъ честныхъ женщинъ, съ которыми я встрѣчалась раньше. Встрѣтивъ васъ въ первый разъ, я сейчасъ догадалась, что сдѣлалъ отецъ. Васъ удивляло, почему я сторонюсь васъ! Знайте же причину. *Паола*. Ложь! это ложь! (*заставляетъ Эллинъ упасть на колѣни*). Просите прощенія! (*Эллинъ кричитъ отъ страха*). Эллинъ! Я — честная женщина! Клянусь вамъ. Я всегда была честной женщиной. Вы смѣете сказать, что это не такъ. Вы лжете (*отталкиваетъ ее съ силой*).

Паола заявляетъ мужу, что оставляетъ его. «Не бойтесь, — говоритъ она, — я не возвращусь къ прежней жизни. Я не могу теперь». *Обри*. Тсъ! Бога ради! Уѣдемъ отсюда. Поѣдемъ за границу. Начнемъ жизнь сначала. *Паола*. Нѣтъ, Обри. Вы этого никогда не забудете. Нашъ пріѣздъ сюда, Эллинъ, наши ссоры, послѣдній случай, —все это будетъ преслѣдовать васъ, какъ кошмаръ. *Обри*. Вы разстроены сегодня. Встрѣча съ этимъ человѣкомъ испугала васъ. Но подобный случай врядъ-ли повторится. Уѣдемъ! Свѣтъ, наконецъ, не такъ тѣсенъ. *Паола*. О, да! Велики только тѣ разстоянія, которыя отчуждаютъ насъ самихъ, наприм., разстоянія, раздѣляющія мужа и жену. И это случится съ нами. Я знаю, вы—добрый человѣкъ; но, въ концѣ концовъ, запомните мои слова, обстоятельства окажутся сильнѣе васъ... Конечно, я хороша еще. А красивая женщина, кто бы она ни была, всегда можетъ имѣть вліяніе. Но даже и теперь я замѣчаю уже, что черты моего лица становятся рѣзче. Подъ глазами дѣлаются впадины. На лицо набѣгаютъ тѣни, которыхъ не должно быть. Да, я знаю, что моя пѣсня скоро будетъ спѣта... Когда-нибудь, быть можетъ скоро, внезапный и ужасный свѣтъ ослѣпитъ васъ. Вы почувствуете ко мнѣ непреодолимое физическое отвращеніе. И тогда вы взглянете на меня тѣми же глазами, какъ ваша дочь и другіе люди глядятъ на такихъ женщинъ, какъ я. А у меня не будетъ уже никакого оружія, чтобы бороться: вся красота моя уйдетъ. Представьте себѣ надорванное существо, съ сѣдыми волосами, съ потухшими глазами, высохшимъ или чрезмѣрно грузнымъ тѣломъ, съ морщинистыми или лоснящимися щеками, словомъ, каррикатуру, оплывшій огарокъ! О, Обри! Что я тогда вамъ скажу! А вы мнѣ говорите о будущемъ счастьѣ! Я знаю заранѣе все! (*Паола уходитъ*). *Обри* (въ бѣшенствѣ швыряетъ на полъ книгу). Да будетъ проклятъ капитанъ! Проклятье! Да, я проклинаю его и классъ, къ которому онъ принадлежитъ. Быть можетъ, я проклинаю при этомъ и самого себя. Вѣдь онъ только «жилъ, какъ мужчина»! Точно такъ,

тельствѣ съ женатымъ человѣкомъ и не стыдится этого. «Послушайте,—спрашиваетъ Гертруда Торпъ, которая, по Пинеро, должна явиться идеаломъ женщины,—одинъ вопросъ. Если мистеръ Кливсъ разведется съ женой, повѣнчаетесь ли вы съ нимъ»? Гертруда въ ужасѣ отъ взглядовъ миссисъ Эббсмитъ, но желаетъ ее «спасти».

Эббсмитъ. Нѣтъ. *Гертруда.* Нѣтъ? *Эббсмитъ.* Нѣтъ. Вы меня не поняли. Люкасъ и я мы не желаемъ брака, какъ вы его понимаете. *Гертруда.* Но вы любите другъ друга? *Эббсмитъ.* Сильно. *Гертруда.* А если кто-нибудь изъ васъ замѣтитъ, что дѣлаетъ теперь другого несчастнымъ, неужели вы разойдетесь? *Эббсмитъ.* Да, я такъ думаю. Мы живемъ вмѣстѣ, чтобы помогать другъ другу, поддерживать и утѣшать одинъ другого. Бракъ, какъ вы его понимаете, налагаетъ тяжелыя вериги на всю жизнь. Мужъ и жена скованы вмѣстѣ, какъ каторжники, даже когда они ненавидятъ другъ друга. Люди тратятъ энергію на вѣчныя ссоры съ женой или съ мужемъ. Зачѣмъ это? Затраченная сила никогда не возвращается. Всю эту энергію можно употребить съ пользой... *Гертруда.* Тѣ взгляды, которые вы высказали только что,—ужасны (*глядитъ въ лицо Эббсмитъ*). А между тѣмъ вы – не развратная и не безпутная женщина.

Добродѣтельная Гертруда великодушно предлагаетъ Эббсмитъ «спасеніе». «Бросьте все,—говоритъ она,—поѣзжайте къ намъ въ Кетерикъ. Тамъ какъ разъ мѣсто, гдѣ грѣшная женщина, какъ вы, можетъ спастись. Вокругъ на цѣлыя мили тянутся дикіе верещаки. Товарищами вы будете имѣть лѣтомъ сырыя скалы, поросшія лишаями, а зимой—бѣлыхъ куропатокъ да снѣгъ, сверкающій на утесахъ. Будетъ у васъ и музыка: колокола нашей маленькой деревенской церкви превосходны. Такого перезвона нѣтъ на много десятковъ миль кругомъ (*Эббсмитъ встаетъ въ волненіи*). По воскресеньямъ вы услышите еще звуки церковнаго органа. Я играю на немъ, когда дома. Вотъ каковъ Кетерикъ. Пріѣдете»?

Миссисъ Эббсмитъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи. Она собирается проповѣдывать не только противъ брака, но и еще и другіе ужасы.

Герцогъ Ст. Олфертсъ (*съ вѣжливой улыбкой*). Да, я слышалъ, вы желаете посвятить себя всецѣло... *Эббсмитъ* (*сверкая глазами и энергично жестикулируя*)... Страданіямъ трудящихся массъ. Я хочу посвятить себя той безчисленной толпѣ, старики и юноши которой чрезмѣрнымъ трудомъ и великими лишеніями вычеканены всѣ, какъ по одному образцу. Спины ихъ согбены подъ непосильнымъ бременемъ труда, кости ихъ ноютъ и искривлены, кожа съ дѣтства покрывается морщинами. Я посвящу себя

обездоленнымъ и живущимъ во мракѣ (*съ ненавистью глядитъ на герцога*). Я буду проповѣдывать голоднымъ, которымъ приказываютъ стоять въ грязи, когда мимо проходитъ веселая процессія высокорожденныхъ бездѣльниковъ, какъ вы. Я иду къ тѣмъ, которые сорвутъ мантію съ аристократіи и швырнутъ ее туда, гдѣ валяется уже много поломанныхъ игрушекъ, забавлявшихъ когда-то націю. Знайте, что эти люди уже въ пути. Они идутъ, идутъ! Ихъ время приближается, тогда какъ ваше прошло!

Но до такихъ ужасовъ дѣло не доходитъ. Она принимаетъ Люкаса, съ которымъ сходится, за талантливаго человѣка, дарованіямъ котораго мѣшала развиться неудачная семейная жизнь. Эббсмитъ полагаетъ, что ея возлюбленный — человѣкъ съ твердой волей, желающій посвятить всего себя общественной дѣятельности. Въ дѣйствительности Люкасъ—мелкій эгоистъ; онъ честолюбивъ, но не имѣетъ силъ добиваться чего-нибудь; онъ самолюбивъ, но лишенъ увѣренности въ своихъ силахъ. Какъ морфинисту необходимъ ядъ, Люкасу нужна лесть. Это — посредственныхъ способностей неврастеникъ, избалованный, раздражительный, женолюбивый. И когда Эббсмитъ, вызывавшая на бой всю вселенную, открываетъ все это, въ ней свершается удивительный переворотъ. Англійская Лелія, какъ понимаетъ ее Пинеро, сразу приходитъ къ заключенію, что тутъ заключается кара за великій грѣхъ, за любовь безъ благословенія пастора. Она заявляетъ Гертрудѣ, что ѣдетъ въ Кетерикъ, чтобы жить въ пустынѣ, слушать сладостный перезвонъ церковныхъ колоколовъ, читать библію и молиться. «Люкасъ,—говоритъ Эббсмитъ томно въ концѣ пьесы—когда я научусь молиться, я стану васъ поминать въ молитвахъ до конца жизни». Есть старинная нравственная драма, если не ошибаюсь, Коцебу (Полицейскіе сыщики, битые шулеры, Иваны проворовавшіеся *) и прочая почтенная братья всегда горой стоятъ за прописную мораль и говорятъ о добродѣтели съ большимъ чувствомъ, даже со слезой въ глазахъ и съ дрожью въ голосѣ. Утѣшительный («Игроки») съ большимъ паѳосомъ говоритъ о долгѣ. «Не могу, не могу! — воскликнулъ онъ. — Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю: «Господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право увлекусь». А между тѣмъ профессія Утѣшительнаго нѣсколько своеобразная). Итакъ, есть старинная драма, кажется, Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаянье». Въ противоположность ей, должно

---

*) См. «Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго», Н. К. Михайловскаго.

полагать, Пинеро написалъ пьесу «Знаменитая миссисъ Эббсмитъ», которую можно было-бы назвать «Ненависть къ освященному вѣками обычаю и раскаянье». Вильямъ Арчеръ говоритъ, что въ каждой пьесѣ Пинеро разрѣшаетъ какіе-нибудь важные психологическіе или соціальные вопросы, при чемъ проявляетъ поразительную смѣлость мысли и гордо бросаетъ вызовъ рутинѣ. Повидимому, въ словахъ Арчера есть какое-то недоразумѣніе. Все что можно выжать изъ пьесы «The Notorious M-rs Ebbsmith» я бы оформулировалъ такъ: «Бываютъ браки счастливые и несчастливые. Первыхъ очень мало, а вторыхъ очень много. Но счастлива жена или нѣтъ, она должна прилѣпиться къ мужу потому что любовь, на которую пасторъ или хотя бы магистратъ не выдалъ разрѣшенія, — грѣшна». Мысль эта, быть можетъ, и очень нравственная; но, какъ видитъ читатель, нѣсколько не новая. Даже если жена несчастна, она должна показывать видъ что мужъ ея — идеалъ. «Послѣ первыхъ недѣль замужества, — говоритъ Гертруда, которую Пинеро выставляетъ идеаломъ женщины, — мужъ сталъ обращаться со мною жестоко. Слушайте же Былъ тогда другой человѣкъ, котораго я любила. Я могла бы обрѣсти спокойствіе и счастье съ нимъ; но я осталась вѣрна мужу. Я — честная, добродѣтельная женщина. Меня спасла милость неба».

Не стану разбирать всѣхъ произведеній Пинеро. Коснусь еще только послѣдней комедіи его «The Gay Lord Quex», которой удивительную рекламу сдѣлалъ епископъ Векфильскій. Въ письмѣ, помѣщенномъ въ «Times», онъ объявилъ пьесу безнравственной и убѣждалъ всѣхъ, кому добродѣтель дорога, не ходить въ театръ. Послѣдствіемъ было, что на другой день расхватали всѣ мѣста на шесть недѣль впередъ. «Безнравственность» пьесы епископъ усмотрѣлъ въ томъ, что въ третьемъ актѣ герцогиня назначаетъ ночью свиданье въ своей комнатѣ своему бывшему поклоннику, маркизу Кэксу. Правда, маркизъ — женихъ дѣвицы Мирель — пребываетъ непоколебимъ, какъ гранитъ. Онъ категорически заявляетъ, что пришелъ противъ воли, единственно за тѣмъ, чтобы порѣшить окончательно съ прошлымъ. Маркизъ говоритъ герцогинѣ, что покончилъ съ прежней безпутной жизнью *Герцогиня.* Я никогда не видала васъ прежде въ такомъ расположеніи. *Кэксъ.* Это наше первое tête-à-tête съ тѣхъ поръ, какъ я помолвленъ съ миссъ Иденъ. *Герцогиня.* А, понимаю. *Кэксъ.* — Сказать ли вамъ, въ чемъ заключается прискорбность настоящаго положенія? *Герцогиня.* Да, пожалуйста. *Кэксъ.* Въ томъ что я поступаю непростительно, находясь здѣсь. *Герцогиня.* Непростительно? *Кэксъ.* Вы знаете, что я далъ слово моей теткѣ

и миссъ Иденъ вести себя нравственно. *Герцогиня (слегка пожимаетъ плечами).* Неужели? *Кэксъ.* Да *(скрипитъ зубами).* И вотъ какъ я держу слово! *(онъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). Герцогиня.* Да вѣдь вы ведете себя безупречно. *Кэксъ.* Безупречно! А то что я нахожусь ночью въ вашей комнатѣ? — Маркизъ Кэксъ вѣрно держитъ слово, данное невѣстѣ; но епископъ усмотрѣлъ безнравственность въ томъ, что мужчина находится въ 11 часовъ ночи въ комнатѣ женщины. Я припоминаю нѣчто аналогичное, случившееся осенью 1896 г. Каждый годъ «мюзикъ-холлы» должны возобновлять свое разрѣшеніе, выдаваемое совѣтомъ лондонскаго графства. Тогда каждый желающій можетъ высказать причину, почему онъ считаетъ возобновленіе разрѣшенія невозможнымъ. Въ 1896 г. такой протестъ поступилъ отъ «Лиги охраненія общественной нравственности». Мотивы, выставленные уполномоченнымъ лиги, пасторомъ, любопытны. На сценѣ показывали живыя картины, въ которыхъ участвовала женщина въ такомъ трико, что казалась голой. Это вводитъ въ соблазнъ.— Живая картина поставлена по великому произведенію Рубенса, находящемуся въ національной галлереѣ, — заявилъ адвокатъ антрепренера.

— Въ такомъ случаѣ, — невозмутимо отвѣтилъ пасторъ, — мы потребуемъ, чтобы эту картину, какъ соблазнительную, убрали изъ національной галлереи.

Второй пунктъ обвиненія заключался въ томъ, что на экранѣ кинематографа показали цѣлующуюся пару, въ нѣсколько небрежномъ костюмѣ. «При этомъ не было объявлено, что цѣлующіеся мужъ и жена. Это — можетъ ввести въ соблазнъ», — прибавилъ пасторъ. Предосудительнѣе всего, однако, суровый цензоръ нравовъ нашелъ «сцену съ ногами». На экранѣ показывали только ноги, повидимому, женскія и мужскія, при томъ въ такомъ положеніи, что невольно могутъ родиться самыя дурныя мысли. Лига охраненія общественной нравственности потерпѣла тогда неудачу: мюзикъ - холлы получили разрѣшеніе. Въ «Gay Lord Quex» Пинеро развиваетъ «психологическое» положеніе: настоящими влюбленными могутъ быть только мужчины въ почтенномъ возрастѣ подъ пятьдесятъ; двадцатипяти-лѣтніе увлекаются рѣшительно всѣми въ одно и то же время. Послѣ пламеннаго объясненія съ невѣстой, черезъ десять минутъ, они въ состояніи погнаться за горничной ея. Этотъ «серьезный» психологическій вопросъ Пинеро разбираетъ и въ другой комедіи «The Princess and the Butterfly», окрашенной особо приторнымъ, слащавымъ колоритомъ. Мнѣ она напоминаетъ старинныя комедіи XVIII вѣка съ возлюбленными маркизами, которымъ перевалило за пять-

десять. Свое притупленное чувство они разогрѣвали такими эпизодами, какъ экспериментальнымъ урокомъ Лиценіоны Дафнису *)...

Подведемъ, однако, кое-какіе итоги. Посмотримъ, съ какимъ «новымъ словомъ» явился Пинеро. Признаться, я поставленъ въ большое затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, англійскій критикъ говоритъ о «голкондѣ новыхъ мыслей» въ произведеніяхъ Пинеро, а я теряюсь, когда нужно найти хоть одну. Попытаюсь, однако, формулировать. Порядочные люди встрѣчаются только въ «высшемъ свѣтѣ». Дѣйствительно, Пинеро выводитъ только маркизовъ, герцоговъ и баронетовъ. Къ нимъ онъ питаетъ великую слабость. Это—характерный недугъ миссисъ Гранди къ титулу. «Женщина съ *прошлымъ* не можетъ быть хорошей женой, хотя бы она была умна, добра, привязана къ мужу, хотя-бы даже послѣдній искренно любилъ ее. *Прошлое*—призракъ, который долженъ отравить всю жизнь». «Внѣ брака нѣтъ любви». «Высшее назначеніе женщины—любить мужа и читать библію». Вотъ, кажется, весь багажъ, съ которымъ явился Пинеро. Комедіи его, не лишенныя талантливости, не смотря на громадное ослиное ухо, назойливо показывающееся каждый разъ, когда Пинеро думаетъ «философствовать», — являются крайне характерными документами для изученія «миссисъ Гранди». Съ дѣйствительно «новымъ словомъ» мы встрѣтимся тогда, когда познакомимся съ драматургомъ, изучающимъ среду нѣсколько ниже той, въ которой витаютъ маркизы и герцоги, герои и героини Пинеро. Я говорю о Бернардѣ Шоу.

VII.

Бернардъ Шоу.

I.

Въ прошлой главѣ я пытался выяснить, насколько вѣрно утвержденіе критиковъ, главнымъ образомъ, Вильяма Арчера, что съ Джонеса, а въ особенности, съ Пинеро началась «новая эпоха» возрожденія сцены.

Перейду теперь къ другому современному англійскому драматургу, Бернарду Шоу, который, несомнѣнно, нѣсколькими головами выше и Пинеро, и Джонеса. Бываютъ иногда люди со странной репутаціей. Достаточно назвать ихъ имя, какъ всѣ не то съ добродушной, не то съ пренебрежительной полуулыбкой ска-

*) См. «Daphnis et Chloe». въ передѣлкѣ d'Amyot, livre III p. p. 109—110 (изданіе Marpon et Flammarion).

жутъ, пожавъ плечами: «а этотъ»! И этой полуулыбкой всѣ выражаютъ: «ну можно ли говорить серьезно о такомъ-то»! Всѣ повѣрятъ, если услышатъ, что человѣкъ со странной репутацiей уѣхалъ неожиданно въ Парагвай искать тамъ таинственную коммунистическую колонiю, существующую съ 1891 г., или что онъ на вечерѣ, гдѣ собралось много гостей, вдругъ, какъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, сталъ на голову и заболталъ ногами. Все это тѣмъ болѣе любопытно, когда репутацiей пользуется человѣкъ не только не глупый, но даже талантливый, знающiй, отличный работникъ, при первомъ знакомствѣ производящiй на васъ скорѣе впечатлѣнiе угрюмаго, сдержаннаго и замкнутаго индивидуума, какъ напримѣръ, Бернардъ Шоу. Лектируетъ ли онъ въ Фабiанскомъ обществѣ, пишетъ ли онъ такiя эксцентричныя пьесы, какъ только что появившаяся философская драма «Man and superman» (человѣкъ и сверхъ-человѣкъ), снабжаетъ ли онъ собственныя произведенiя громадными вступленiями и манифестами, обильно начиненными парадоксами,—печать не забываетъ прибавить въ отчетахъ: «такъ говоритъ Бернардъ Шоу». Никого не удивитъ, если Бернардъ Шоу сегодня будетъ проповѣдывать «ибсенизмъ» и ничшеанство, а завтра въ особой пьесѣ «раскатаетъ» и Ибсена, и Ничше; если въ одномъ произведенiи онъ намѣшаетъ Ибсена, Толстого, Ничше, Рескина и еще кого-нибудь. Это онъ самъ пробуетъ, что выйдетъ изъ всего этого. Нужно имѣть въ виду, что эксперименты производятся въ уравновѣшанной странѣ. Въ Англiи литераторъ, взгляды котораго нѣсколько напоминаютъ осеннiя тучи, гонимыя вѣтромъ, не можетъ причинить такой вредъ, какъ на континентѣ.

А между тѣмъ, въ лицѣ Бернарда Шоу мы имѣетъ передъ собою очень умнаго, очень знающаго и очень чуткаго писателя, обладающаго, помимо всего, еще замѣчательнымъ талантомъ популяризатора. Мнѣ припоминается покойный Грэнтъ Алланъ, тоже обладавшiй такимъ талантомъ. Но тотъ излагалъ картинно и ясно бiологическiе законы; тогда какъ Бернардъ Шоу умѣетъ популяризировать самыя скучныя и самыя сухiя экономическiя гипотезы. И Грэнтъ Алланъ, и Бернардъ Шоу надѣлены недюжиннымъ художественнымъ талантомъ; но между ними есть громадная разница. По складу своей натуры Грэнтъ Алланъ напоминалъ нѣсколько лягушку-древесницу, которая имитируетъ то яркой лѣтней листвѣ, то желтому цвѣту умирающей осенней растительности. Въ своихъ беллетристическихъ произведенiяхъ онъ старался поддѣлаться всегда подъ вкусъ большой публики. Онъ ввелъ даже въ принципъ эту имитацiю *). «Англiйскiй авторъ,—

*) О Грэнтъ-Алланѣ см. «Очерки современной Англiи».

часто говорилъ онъ,—если только онъ не настолько богатъ, чтобы пренебрегать ненавистью миссисъ Гранди,—долженъ работать при условіяхъ, убивающихъ буквально душу». «Господа,—говоритъ своимъ застольнымъ собесѣдникамъ герой Грэнтъ-Аллэна, литераторъ Чарльзъ Пауэль (Ivan Greet's Masterpiece),—въ нашъ вѣкъ человѣкъ, имѣющій что-либо новое высказать міру, долженъ быть богатъ и совершенно независимъ. Въ противномъ случаѣ, ему не позволятъ ничего высказать. Если онъ бѣденъ, то долженъ прежде всего зарабатывать средства къ существованію, а для этого приходится писать, что не хочешь. Приходится дѣлать такую работу, которая душитъ и заглушаетъ образы и мысли, роящіеся у писателя въ головѣ. Издатель является хозяиномъ положенія. То, чего онъ требуетъ,—оплачивается хорошо... Мы живемъ хлѣбомъ насущнымъ и прежде всего должны ѣсть, иначе какъ станемъ писать поэтическія поэмы или философствовать. Нашъ вѣкъ требуетъ, чтобы мы пожертвовали нашей индивидуальностью. Быть можетъ станетъ житься легче, когда Моррисъ и Беллами отольютъ міръ въ новую форму: жизнь будетъ проще и средства къ существованію станутъ добываться съ меньшимъ трудомъ. Но пока все по старому, я подчиняюсь неизбѣжному. Я стану писать, что мнѣ закажетъ издатель, и буду ѣсть и пить. Моя философія обождетъ, покуда разбогатѣю и добуду досугъ. Тогда я выскажу все, что думаю» *). Такъ именно и поступалъ Грэнтъ Аллэнъ всю жизнь. Анализируя произведенія Бернарда Шоу, какъ его повѣсти (The Irrational Knot, Cashel Byron's Profession и др.), такъ пьесы и публицистическія статьи, появлявшіяся въ *Contemporary Review*, мы приходимъ къ заключенію, что, повидимому, онъ всегда руководствуется діаметрально противоположнымъ принципомъ, чѣмъ Грэнтъ Аллэнъ. Повидимому, Бернардъ Шоу полагаетъ, что никогда не слѣдуетъ говорить ничего пріятнаго публикѣ, все равно, состоитъ ли она изъ враговъ или изъ своихъ. Обязанность литератора (думаетъ Бернардъ Шоу) заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы подносить публикѣ возможно больше непріятныхъ ей парадоксовъ. Когда публика склонна умиляться не мѣшаетъ ей высунуть языкъ и хлопнуть ее хорошенько по головѣ пузыремъ. Отъ этого ей только прибудетъ,—полагаетъ Бернардъ Шоу. И нужно отдать справедливость автору, что онъ вѣрно слѣдуетъ своему правилу съ 1880 г., когда молодымъ человѣкомъ двадцати четырехъ лѣтъ впервые прибылъ изъ родной Ирландіи въ Лондонъ, чтобы начать здѣсь жизнь литературнаго «вольнаго наѣздника»

---

*) См. «Очерки современной Англіи», стр. 383.

(Free lancer). Ему часто приходилось хлопать по головѣ пузыремъ тѣхъ, за кого онъ вчера только заступался; онъ часто осыпалъ насмѣшками своихъ недавнихъ союзниковъ; но Бернардъ Шоу никогда, насколько мнѣ извѣстно, не сказалъ публикѣ ничего пріятнаго.

Когда Бернардъ Шоу явился въ Лондонъ, онъ мечталъ объ ученой литературной дѣятельности. Его тогда интересовали вопросы, главнымъ образомъ, экономическіе. Въ 1884 г. въ Лондонѣ основалось Фабіанское общество, объединившее всѣхъ молодыхъ реформаторовъ, вышедшихъ изъ среднихъ и «вышесреднихъ» (upper middle) классовъ. То была пора хожденій въ трущобы, университетскихъ поселеній и пр. рода культурной дѣятельности. Бернардъ Шоу сталъ душой молодого общества. Въ то время Сидней Веббъ, Беатриса Поттеръ (теперь—миссисъ Вэбъ), Сидней Оливьеръ (нынѣ—губернаторъ въ Ямайкѣ) Граамъ Уоллэсъ, Энни Безантъ, Вильямъ Кларкъ, Губертъ Блэндъ и др. были совсѣмъ молодыми людьми, которые сходились на всѣхъ пунктахъ. Тогда никто еще не могъ подозрѣвать, что пылкая энтузіастка Энни Безантъ, мечтавшая о всеобщемъ движеніи среди пролетаріата, станетъ верховной теософической жрицей, и что многіе фабіанцы договорятся черезъ шестнадцать лѣтъ до имперіализма. Молодое общество только что тогда выпустило первый свой памфлетъ «Why are the Many Poor»?

«Мы живемъ въ обществѣ, гдѣ все основано на соперничествѣ,—писалъ Бернардъ Шоу, авторъ этого памфлета,—и гдѣ капиталъ находится въ рукахъ немногихъ частныхъ лицъ. Каковы же результаты? Немногіе очень богаты; нѣкоторые — зажиточны; большинство — бѣдно, а громадная часть населенія прозябаетъ въ лютой нищетѣ». Памфлетъ заканчивался горячимъ призывомъ къ совмѣстной дѣятельности. Молодые друзья рѣшили издать сборникъ экономическихъ статей, въ которомъ была бы изложена критика стараго порядка и общій абрисъ новаго. Сборникъ этотъ появился въ 1886 г. Каждая статья представляетъ (какъ всѣ Fabian Tracts) солидное, самостоятельное изслѣдованіе, а не поверхностную компиляцію. Въ этомъ сборникѣ («Fabian Essays in Socialism») Бернарду Шоу принадлежатъ двѣ статьи: «О рентѣ, цѣнности и заработной платѣ» и «Переходной періодъ». Послѣдняя заключаетъ, между прочимъ, изложеніе теоріи Маркса. И, безъ сомнѣнія, это—одна изъ самыхъ блестящихъ (если не самая блестящая) популяризацій «Капитала». Бернардъ Шоу излагаетъ отвлеченныя экономическія гипотезы такъ же картинно и такъ же увлекательно, какъ это дѣлаетъ Грэнтъ Алленъ по отношенію къ теоріи Дарвина.

У Бернарда Шоу слишкомъ живой и кипучій темпераментъ, чтобы Фабіанское общество, съ его нѣсколько чиновничьимъ отношеніемъ къ экономическимъ вопросамъ, могло бы его вполнѣ удовлетворить. Въ головѣ у молодого писателя роились парадоксы, гипотезы и образы, которыхъ даже самый блестящій популяризаторъ не отольетъ въ форму экономическихъ статей. И вотъ, работы по политической экономіи заброшены. Бернардъ Шоу ищетъ простора, чтобы высказаться сперва въ области публицистики, а затѣмъ — въ вольныхъ степяхъ беллетристики. По случайнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ дальше, Бернардъ Шоу ограничился нѣсколькими повѣстями и перешелъ потомъ къ драмѣ. Въ этой области, онъ, по преимуществу, работаетъ и теперь, хотя произведенія его рѣдко попадаютъ на сцену. Публика знакомится съ ними только тогда, когда онѣ выходятъ въ свѣтъ отдѣльными сборниками.

II.

Въ первомъ томѣ собранія своихъ драматическихъ произведеній *) Бернардъ Шоу обстоятельно разсказываетъ, почему именно они появляются отдѣльными сборниками, вмѣсто того, чтобы ставиться на сценѣ. Поясненіе это крайне любопытно и для личности самого автора. «Попытки ставить вымышленныхъ людей въ выдуманныя положенія, — говоритъ авторъ, — и создавать, такимъ образомъ, драматическія сцены, встрѣчали помѣху только въ моей лѣни, а не въ отсутствіи способности. Но для того, чтобы зарабатывать на существованіе подобной сумасшедшей способностью, я долженъ былъ еще устроиться такъ, чтобы моими героями заинтересовались, кромѣ моего воображенія, по крайней мѣрѣ, семьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ современниковъ, посѣщающихъ лондонскіе театры. А именно это было выше моихъ силъ. У меня не было вкуса къ такъ называемому популярному искусству, не было уваженія къ канонизированному кодексу морали, къ традиціонной метафизикѣ. Герои толпы не вызывали во внѣ восхищенія. Какъ ирландецъ, я не могъ похвалиться чувствомъ «патріотизма» — ни по отношенію къ Эрину, ни къ той странѣ, которая разорила Ирландію. Какъ человѣкъ мягкій, я ненавидѣлъ всякія формы насилія и убійства, все равно, будетъ ли то на войнѣ, на охотѣ или на бойнѣ. Какъ коллективистъ, я ненавидѣлъ нашу анархическую погоню за деньгами и вѣрилъ въ равенство, какъ въ единственный постоянный базисъ общественной организаціи, дисциплины, субординаціи и подбора подходящихъ людей для отвѣтственныхъ должностей. Я не выносилъ «фэшіоне-

бельнаго» общества, которое такъ снисходительно къ «блестящимъ» бездѣльникамъ. Я зналъ, что вліяніе «свѣта» дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на такихъ личностей, какъ я, напр., которыя себя постоянно должны держать въ рукахъ. Я не былъ ни циникомъ, ни скептикомъ, а просто понималъ жизнь иначе, чѣмъ обыкновенные «порядочные» люди. И такъ какъ это служило для меня источникомъ наслажденія, то я и не чувствовалъ себя несчастнымъ вслѣдствіе того, что не могу уподобиться всѣмъ. Можете представить теперь, какъ трудно мнѣ было написать произведеніе, которое бы понравилось публикѣ»!

Молодой авторъ началъ, конечно, съ беллетристики. Онъ написалъ пять или шесть большихъ повѣстей, но не нашелъ ни редактора, ни издателя, которые согласились бы пріютить его дѣтища. Въ Англіи и въ Америкѣ, гдѣ предложеніе на литературномъ рынкѣ очень велико, молодой авторъ почти не можетъ самъ попасть въ журналъ. Онъ обращается къ спеціальнымъ агентамъ, которые берутся помѣстить произведеніе за опредѣленное вознагражденіе въ «магазинѣ», журналѣ, или найти издателя. Эти «агенты»—египетская язва для англійскихъ и американскихъ писателей. Каждому способному и преуспѣвающему литератору приходится потомъ выкупаться изъ крѣпостной зависимости. Дѣло въ томъ, что агенты, подмѣтивъ начинающаго литератора, котораго, вѣроятно, ждетъ успѣхъ, предлагаютъ ему авансъ и заключаютъ съ нимъ на много лѣтъ контрактъ, по которому авторъ долженъ отдавать имъ каждое свое новое произведеніе. Молодые авторы нуждаются въ деньгахъ. Авансъ представляетъ иногда такую сумму, какую начинающіе писатели еще никогда не имѣли въ рукахъ. И, въ концѣ-концовъ, создается настоящее литературное крѣпостное право, отъ котораго писатель потомъ освобождается съ трудомъ. «Агентъ» изучилъ отлично вкусы средней публики и знаетъ, что ей понравится. Поэтому, «въ крѣпостные» онъ забираетъ людей способныхъ, но среднихъ, не выходящихъ изъ шаблона. Какъ человѣкъ «коммерческій», агентъ не дастъ ни фартинга за произведеніе, которое въ чемъ-нибудь отклоняется отъ установленнаго шаблона. Герои, героини, злодѣи, заговорщики, свѣтскіе люди,—все это должно быть у молодого писателя, «какъ у всѣхъ». Понятно, поэтому, что молодой Бернардъ Шоу, ненавидѣвшій пуще всего шаблонъ, не находилъ для своихъ произведеній не только издателей, но и «агентовъ».

«Всѣмъ извѣстно,—говоритъ Бернардъ Шоу,—что повѣсть не можетъ быть настолько плоха, чтобы не заслуживать появленія

*) Plays: Pleasant and Unpleasant, v. I. London 1901—1903.

въ печати. Нужно только, чтобы это была повѣсть, а не сплошная нелѣпость. Бываетъ, конечно, и такъ, что повѣсти слишкомъ хороши, чтобы ихъ приняли; но мой неуспѣхъ объясняется не этимъ». Авторъ дальше сообщаетъ, что вся бѣда состояла въ томъ, что у него «нормальное зрѣніе». Знакомый окулистъ какъ-то освидѣтельствовалъ глаза Бернарда Шоу и сказалъ ему, что они у него нормальные. «Я, конечно, понялъ такъ, что у меня зрѣніе, какъ у всѣхъ людей; но окулистъ опровергъ мое заключеніе, какъ парадоксальное. Нормальными глазами, т. е. способностью видѣть правильно, надѣлены, оказывается, не болѣе 10% современнаго человѣчества. У остальныхъ 90% зрѣніе ненормально. И я тотчасъ же понялъ причину моего неуспѣха въ области беллетристики. Мое умственное зрѣніе, какъ и физическое,—«нормально»: я вижу вещи иначе, чѣмъ большинство людей, и вижу при томъ правильно» *).

Это открытіе, по словамъ Шоу, произвело на него «сильное впечатлѣніе». Вначалѣ онъ было подумалъ, что его беллетристику станутъ покупать тѣ немногіе, которые, какъ и онъ, обладаютъ нормальнымъ зрѣніемъ: но быстро убѣдился, что у этихъ, какъ и у него, нѣтъ ни гроша за душой. Явился настоятельный вопросъ, какъ прожить литературнымъ трудомъ? «Будь я практичнымъ, здравомыслящимъ, любящимъ деньги англичаниномъ,—говоритъ Бернардъ Шоу,—вопросъ разрѣшился бы очень легко, стоило только надѣть ненормальные очки, которые отклонили бы мое зрѣніе именно такъ, какъ нравится 90% покупающихъ книги. Но моя ненормальная нормальность такъ тѣшила меня; я такъ гордился ею, что даже мысль о лицемѣріи не приходила мнѣ въ голову. Лучше смотрѣть правильно и зарабатывать фунтъ въ недѣлю, чѣмъ косить и получать милліоны. Но весь вопросъ былъ въ томъ, откуда достать этотъ фунтъ. Разъ я отказался отъ беллетристики, найти литературный заработокъ было не трудно». Бернардъ Шоу рѣшилъ стать критикомъ.

...тричный авторъ имѣетъ нѣсколько своеобразное пред... ...ъ обязанности критики и, во всякомъ случаѣ, его ... вполнѣ совпадаетъ съ дѣятельностью ея въ Англіи. ... мнѣнію Шоу, долженъ имѣть такого смѣлаго поддан... ...ый всегда говоритъ властелину правду въ глаза. Даже ... XI терпѣлъ откровенныя рѣчи своего духовника. Демо-

---

...рда Шоу («Cashel Byron's Profession «The Admirable ...ись потомъ въ соціалистическихъ журналахъ, кото... ...гонорара. Онѣ были замѣчены, нашли издателей и ...нію автора, повѣсти эти «кормятъ его» до сихъ поръ ...sant, v. I, p. IV).

кратія теперь передала скипетръ деспота народу, но и послѣдній нуждается въ духовникѣ, котораго зоветъ критикомъ. «Критика дерзаетъ высказать мысли, о которыхъ многіе думаютъ, но не смѣютъ произносить вслухъ. Эти мятежныя и разрушительныя мысли, если онѣ облечены въ изящную и красивую форму, приходятся даже по вкусу тѣмъ, противъ кого направлены. Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ,—критикъ становится не только исповѣдникомъ, но и придворнымъ шутомъ, который высказываетъ рѣзкую правду, бряцая колпакомъ съ бубенчиками... Такимъ именно Пончемъ выступилъ я на литературное поприще».

По словамъ автора, ему пришлось только пустить въ ходъ свое «нормальное зрѣніе», изображать вещи именно такъ, какъ онъ ихъ видѣлъ, чтобы весь Лондонъ прославлялъ его, какъ наиболѣе забавнаго парадоксальнаго писателя. Поклонники дѣлали ему только одинъ, но за то постоянный упрекъ: «почему вы не желаете быть серьезнымъ»? Бернардъ Шоу писалъ тогда въ еженедѣльномъ журналѣ, и редакторъ предоставилъ ему широкое право говорить, о чемъ онъ желаетъ и какъ желаетъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, покуда Бернардъ Шоу не убѣдился, что его кипучій талантъ какъ будто бы остываетъ. Сказывалось переутомленіе. Пришлось повторять себя. Потускнѣлъ нѣсколько искрометный языкъ. «Къ великому ужасу» автора въ похвалу ему сказали, что его «стиль начинаетъ становиться серьезнымъ». Онъ становится «почтеннымъ писателемъ». Ему предлагали даже выставить свою кандидатуру на выборахъ въ муниципальный совѣтъ. Изъ этого Бернардъ Шоу убѣдился, что для роли Понча онъ устарѣлъ, и рѣшилъ... стать драматургомъ. Это было въ самомъ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Всюду на континентѣ возникалъ свободный театръ, чтобы дать на своихъ подмосткахъ мѣсто пьесамъ, которыя казались толпѣ слишкомъ смѣлыми. Но Англія съ XVIII вѣка оставалась классической страной мертвящаго шаблона въ области сцены. Ни одинъ театръ въ Лондонѣ, напримѣръ, да, вѣроятно, во всей Англіи не приметъ пьесы, въ которой не было бы счастливаго конца. Я знаю такой случай. Антрепренеръ одного изъ лондонскихъ театровъ обратился къ знакомому, знающему русскій языкъ, съ просьбой указать на пьесу, которая подошла бы для мѣстной сцены. Знакомый указалъ на «Смерть Ивана Грознаго» Алексѣя Толстого. Когда переводчикъ передалъ содержаніе, антрепренеръ сказалъ, что пьеса подойдетъ, пожалуй; нужно только измѣнить кое что: устроить какой нибудь парадъ въ серединѣ и, самое главное, измѣнить конецъ: сдѣлать его счастливымъ. Антрепренеръ предложилъ слѣдующую «поправку»: заставить Грознаго превратиться въ добраго властелина, благословляющаго въ концѣ пьесы бракъ юныхъ

героевъ (которыхъ тоже слѣдовало вставить). Переводчикъ на-отрѣзъ отказался «исправить» трагедію, и, такимъ образомъ, англійская сцена не увидитъ «Смерти Ивана Грознаго». Трудно представить себѣ что либо болѣе стереотипное, чѣмъ англійская модифицированная мелодрама. Вольтеръ въ своемъ философскомъ словарѣ жалуется на шаблонность французскихъ трагедій, въ которыхъ все можно предвидѣть, даже самыя риѳмы стиховъ. Если въ концѣ стиха говорится про письмо (lettre), мы во второмъ стихѣ услышимъ, какъ его слѣдуетъ передать (remettre). Героиня не можетъ проявить своего безпокойства (alarmes), какъ сейчасъ же мы увидимъ ея слезы (larmes). Peut on voir un vers finir par *César* et n'être pas sûr de voir des vaincus traînés après son *char*»? Интересно, что сказалъ бы Вольтеръ, если бы въ теченіе мѣсяца обошелъ наиболѣе выдающіеся лондонскіе театры? Въ пьесѣ стереотипны всѣ ситуаціи, всѣ герои, всѣ страсти. Да не въ нихъ и сила. Не на этомъ держится пьеса, а на центральномъ «сценическомъ» эффектѣ, но вотъ въ 1889 г. Чарльзъ Чэрингстонъ и миссъ Джэнетъ Ачерчъ сдѣлали попытку устроить новый театръ (New Theatre). Новаторы не пошли дальше «Кукольнаго домика» Ибсена. Съ этой пьесой, значительно урѣзанной и подчищенной въ англійской передѣлкѣ, труппа Чэрингтона объѣхала англійскіе провинціальные города. Новый театръ потерпѣлъ крушеніе; Ибсенъ пришелся не по плечу публикѣ, привыкшей къ шаблонной мелодрамѣ. Но попытка не замерла. Вмѣсто новаго театра возникъ «Independent Theatre» Грэйна. Репертуаръ былъ тоже ибсеновскій, т.-е., собственно, одна пьеса «Привидѣнія». Вотъ этому то независимому театру Бернардъ Шоу предложилъ свою пьесу, которую еще собственно не окончилъ. Онъ принялся за нее въ сотрудничествѣ съ драматургомъ и критикомъ Вильямомъ Арчеромъ, но совмѣстная работа скоро прекратилась. Арчеръ отлично изучилъ вкусы большой публики, понимаетъ сцену и знаетъ, какъ развивать
тическія положенія, чтобы пьеса имѣла успѣхъ. Бернардъ
полагалъ, что дѣйствія должны развиваться согласно не
большой публики, а художественнымъ требованіямъ. Такъ
принялся за работу; но Арчеръ нашелъ, что его сотрудникъ
«портитъ хорошій матеріалъ». Бернардъ Шоу тогда самъ
лъ свою пьесу «Дома вдовицы» (Widower's Houses), во-
ю въ первый томъ собранія драматическихъ сочиненій. Въ
Independent Theatre поставилъ это произведеніе, которое
ный скандалъ. Большинство публики неистово и
. Газеты на другой день «въ лоскъ» разругали
ри этомъ проявили еще большую настойчивость,
ли. Пьесу громили въ теченіе двухъ недѣль

въ передовыхъ статьяхъ, въ отдѣлѣ театральной хроники и въ письмахъ въ редакцію. Шумный скандалъ не только не устрашилъ Бернарда Шоу, но, наоборотъ, привелъ его въ восторгъ и побудилъ написать въ 1903 г. новую пьесу «The Philanderer», которая явилась откликомъ на бурю, поднятую въ Англіи ибсеновской «Норой». «The Philanderer» на сцену совсѣмъ не попалъ. Неунывающій авторъ написалъ третью комедію «Mrs Warren's Profession», составляющую теперь послѣднюю пьесу перваго тома сочиненій. Но и она не попала на сцену, по той же причинѣ, что и вторая пьеса: по волѣ театральной цензуры. Читателей, знающихъ про безграничную свободу печати въ Англіи, это, вѣроятно, удивитъ. Дѣйствительно, англійскій авторъ можетъ съ полной свободой разбирать наиболѣе щекотливые, съ континентальной точки зрѣнія, вопросы соціальные, экономическіе, политическіе или теологическіе. Онъ можетъ критически относиться къ дѣятельности лицъ, какъ бы высоко ни было ихъ общественное положеніе. Но театральная цензура осталась, при томъ, въ крайне-курьезной формѣ. Съ одной стороны, со сцены, какъ на страницахъ журнала, возможно относиться критически къ такимъ вопросамъ, къ которымъ во многихъ мѣстахъ на континентѣ нельзя и приступиться; съ другой — англійскій драматургъ связанъ по рукамъ и по ногамъ. Театральная цензура возникла сравнительно поздно, въ 1737 г., когда Фильдингъ написалъ комедію, безпощадно обличавшую дворъ. У Фильдинга, судя по двумъ опытамъ, былъ удивительный талантъ драматурга. По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ литературы, онъ смѣло можетъ быть поставленъ рядомъ съ Шекспиромъ, но цензура отбила у него охоту писать для сцены, и онъ сталъ романистомъ. Его громадный талантъ развился при этомъ вполнѣ, не встрѣчая препятствія ни въ условностяхъ драмы, ни въ требованіяхъ цензуры. Полтора вѣка прошло со времени перваго появленія «Джозефа Эндрьюса» или «Исторіи Тома Джонеса», между тѣмъ эти нравоописательные романы все еще читаются съ захватывающимъ интересомъ. Повидимому, соображеніями Фильдинга руководствовались и писатели послѣдующихъ поколѣній. Англійская сцена, огражденная цензурой, соблазняла только бездарностей и посредственностей. За то пышно расцвѣлъ романъ, ставшій одно время національной гордостью страны. Нужно прибавить еще, что романъ явился на смѣну драмѣ и потому также, что жизнь стала сложнѣе и не укладывалась уже больше въ тѣсныя и крайне *условныя* рамки сцены. Поступки современныхъ культурныхъ людей являются послѣдствіемъ тонкихъ душевныхъ, иногда едва уловимыхъ движеній. Талантливый романистъ можетъ отмѣтить самыя тонкія психологическія черты;

тогда какъ для сцены, по условіямъ ея, требуются грубые, сильные, рѣзкіе мазки для обозначенія характеровъ. Всѣ тонкіе штрихи, очерчивающіе душевную дѣятельность героя, замѣтны при чтеніи, но теряются со сцены. Удивительное художественное произведеніе, которое произведетъ на насъ въ чтеніи страшное впечатлѣніе, можетъ провалиться на сценѣ. Наоборотъ, на скоро сляпанное произведеніе, нагоняющее въ чтеніи смертельную скуку, можетъ имѣть на сценѣ колоссальный успѣхъ. Нужно вспомнить, что драма создалась и расцвѣла въ такое время, когда жизнь была проще, когда душевныя движенія людей были элементарнѣе, а зрители—болѣе непосредственны. Въ то время даже классическія три единства имѣли естественное и простое объясненіе въ условіяхъ самой жизни. Вдумываясь въ фактъ, что романъ расцвѣлъ тогда, когда драматическая литература всюду пришла въ упадокъ, мы все больше приходимъ къ заключенію, что это не случайное совпаденіе фактовъ. Формы литературнаго произведенія вырабатываются не капризомъ автора, какъ можетъ показаться, а требованіями самой жизни. Формы какого-нибудь археозавра вполнѣ соотвѣтствовали вторичному періоду, когда на безконечныхъ тропическихъ трясинахъ росли прямыя, какъ палки, гигантскія Sigillaria; но птеродактили и tuceratops исчезли, когда внѣшнія условія измѣнились. Дубы, буки и пальмы вытѣснили въ третичномъ періодѣ гигантскіе папортники. Безконечныя тропическія болота подсохли. И вотъ, новыя формы жизни, аноплотеріумы, мегатеріумы и др. замѣнили гигантскихъ ящеровъ, потому что лучше ихъ соотвѣтствовали окружающимъ условіямъ. Историку литературы, понимающему свой предметъ; какъ всесторонній обзоръ умственной дѣятельности народа въ извѣстную эпоху, въ связи съ основными причинами прогресса, — театръ, мнѣ кажется, долженъ представляться своего рода археозавромъ, существованіе котораго поддерживается искусственно. Давнымъ давно исчезли прямолинейныя древовидныя Sigellaria, въ незапамятныя времена высохли болота, къ которымъ животное было вполнѣ приспособлено. Явились новыя формы, болѣе соотвѣтствующія дѣйствительности. Между тѣмъ, народы искусственно поддерживаютъ жизнь археозавра; люди пытаются увѣрить и себя, и другихъ, что археозавръ очень ценъ, красивъ, естественъ и что одинъ видъ его дѣйствуетъ ораживающимъ образомъ на всѣхъ... Но я нѣсколько уклоя въ сторону. Возвращусь къ англійской театральной цензурѣ.

III.

Въ настоящее время она является въ такомъ видѣ. Каждый англичанинъ можетъ написать и напечатать все, что онъ желаетъ; но если авторъ хочетъ, чтобы его произведеніе попало на сцену, онъ долженъ дать его на просмотръ театральному цензору, называющемуся *The King's Reader*. Авторъ платитъ ему за просмотръ двѣ гинеи (20 руб.) *King's Reader*, прочитавъ пьесу, докладываетъ лорду канцлеру, что «не нашелъ ничего безнравственнаго» въ ней. Послѣ этого лордъ канцлеръ выдаетъ разрѣшеніе на постановку новаго произведенія. Въ 1893 г. обязанность театральнаго цензора занималъ джентельмэнъ, относившійся крайне враждебно къ Независимому театру и считавшій Ибсена писателемъ, поставившимъ себѣ спеціальную задачу развращать человѣчество. Въ этомъ духѣ онъ составилъ даже петицію въ парламентъ, которая напечатана въ синей книгѣ (Blue Book № 240, p. p. 328—335) *). Цензоръ требуетъ, чтобы Независимому театру разрѣшили продавать только сезонные билеты, но не на отдѣльныя представленія. Такимъ образомъ онъ думалъ локализировать развращающее вліяніе произведеній Ибсена. Нечего было и думать, что такой цензоръ разрѣшитъ представленіе пьесы Бернарда Шоу «Mrs Warren's Profession». Она вся шла въ разрѣзъ съ шаблономъ. Построена она на столкновеніи дочери и

*) Подобные эксцентричные критики, хотя и рѣдко, но встрѣчаются. Недавно разбирался процессъ, порожденный передѣлкой для сцены романа «Сафо» Додэ. Въ двухъ театрахъ поставили одновременно двѣ передѣлки, и оба антрепренера обвиняли другъ друга въ плагіатѣ. Одинъ изъ адвокатовъ сказалъ магистрату, что лучше всего выяснится вопросъ, если сравнить передѣлки съ оригинальнымъ романомъ.

— Я романа Додэ не читалъ,—рѣзко отвѣтилъ магистратъ.—Тѣмъ болѣе не намѣренъ читать его теперь, потому что, судя по пьесамъ, это—безнравственная, глупая, развращающая дребедень, съ которой слѣдовало бы знаться палачу. Если бы я преодолѣлъ отвращеніе и рѣшился прочитать романъ, то только для того, чтобы привлечь къ отвѣтственности виновниковъ. Къ сожалѣнію, авторъ его не страшится, повидимому, закона («Онъ—французъ и скончался уже»,—вставилъ адвокатъ); но я привлекъ бы къ законной отвѣтственности переводчика, печатника и книгопродавцевъ» (См. «Daily News», 25 іюня 1903 г. Замѣтка озаглавлена: «Мнѣніе магистрата о романѣ Альфонса Додэ»). Въ странѣ съ менѣе широкой гласностью, чѣмъ въ Англіи, такой суровый критикъ, при его общественномъ положеніи, могъ бы причинить крупныя непріятности печати, такъ какъ, несомнѣнно, занялся бы составленіемъ «донесеній». Въ Англіи ему остается только, по грубоватому выраженію, «to play a fool», т. е. ставить самого себя въ глупое положеніе предъ всѣмъ честнымъ народомъ.

матери. Мать—двусмысленная особа, разбогатѣвшая содержаніемъ «первокласныхъ домовъ» въ Брюсселѣ и въ Берлинѣ. «Дѣло» ведется, какъ широкое капиталистическое предпріятіе. Пайщикомъ миссисъ Уорренъ является одинъ изъ ея любовниковъ, баронетъ сэръ Джорджъ Крофтсъ. Дочь миссисъ Уорренъ воспитывается вдали отъ матери, не подозрѣвая ничего. Это — спокойная, уравновѣшанная, крайне трудолюбивая дѣвушка, почти совершенно лишенная сентиментализма. Окончивъ съ отличіемъ математическій факультетъ, она послѣ многихъ лѣтъ встрѣчается съ матерью. Полунамеки знакомыхъ, пестрый характеръ ихъ,—все это заставляетъ дочь задуматься надъ тѣмъ, кто ея мать? Какъ натура спокойная и рѣшительная, дѣвушка рѣшаетъ переговорить съ матерью. Миссисъ Уорренъ — увядающая красавица 40 лѣтъ. Какъ многія ея профессіи, миссисъ Уорренъ надѣлена изряднымъ запасомъ сентиментальности. Сквозь такую призму она смотритъ и на дочь. Даже первая попытка откровенной бесѣды раздражаетъ мать. «Знаете ли вы, съ кѣмъ говорите, миссъ?»—отрѣзываетъ она дочери. *Виви* (спокойно). Нѣтъ. Кто вы? Кто вы? *Миссисъ Уорренъ* (вскочила, задыхаясь). Сатана! *Виви.* Каждый знаетъ мою репутацію, общественное положеніе и то, что я намѣреваюсь дѣлать. Я же ничего не знаю о васъ. Скажите мнѣ, къ какой жизни зовете вы и сэръ Джорджъ Крофтсъ меня? *Мисиссъ Уорренъ.* Берегитесь. Я могу сдѣлать такое, о чемъ и вы, и я потомъ пожалѣемъ. *Виви* (холодно). Хорошо. Отложимъ этотъ вопросъ до тѣхъ поръ. покуда вы сможете спокойно отвѣтить на него (пытливо глядитъ въ лицо матери, которая начинаетъ хныкать). *Виви* (вскакиваетъ). Пожалуйста, не плачьте. Только не это. Я не выношу слезъ. Я уйду, если не перестанете. *Миссисъ Уорренъ* (жалобно). Голубка! Какъ можете вы быть такой жестокой со мной. Развѣ у меня нѣтъ особыхъ правъ, какъ у матери? *Виви.* А развѣ вы моя мать? *Миссисъ Уорренъ* (испуганно). Виви!—*Виви.* Въ такомъ случаѣ, гдѣ наши родные? Кто мой отецъ! Гдѣ друзья нашей семьи? Вы предъявляете требованія, какъ мать; желаете имѣть право называть меня ребенкомъ, дурочкой, какъ никто не смѣлъ меня называть до сихъ поръ. Вы хотите навязать мнѣ, какъ слѣдуетъ жить и знакомства, которыхъ я не хочу. Прежде, чѣмъ отказать вамъ въ этихъ требованіяхъ, я хочу узнать, по какому праву вы мнѣ ихъ предъявляете?» Миссисъ Уорренъ внезапно начинаетъ говорить пылко, искренно. «Не желаю терпѣть этого! — восклицаетъ она. — Какое во имѣете вы ставить себя такъ высоко надо мною! Вы горды ете, что я дала вамъ возможность быть тѣмъ, что вы есть. вамъ быть такой недотрогой по отношенію ко мнѣ. *Виви* и рѣшительно, но уже не съ прежней увѣренностью). Не

думайте, что я ставлю себя выше васъ. Вы выдвинули противъ меня условный авторитетъ матери. Я отвѣтила условнымъ преимуществомъ честной женщины... Я всегда буду признавать ваше право на собственные взгляды и образъ жизни. *Миссисъ Уорренъ.* Мои взгляды и образъ жизни! Что она говоритъ! Ты думаешь, меня воспитывали, какъ тебя. Развѣ я могла избрать собственный образъ жизни? Неужели ты думаешь, что мнѣ моя жизнь нравилась? Я тоже пошла бы въ колледжъ и тоже была бы лэди, если бы только могла... Знаешь ли, кто была твоя бабушка? *Виви.* Нѣтъ. *Миссисъ Уорренъ.* Ты не знаешь, а я знаю. Она называла себя вдовой и кормила четырехъ дочерей доходомъ съ обжорки. Я и сестра Лиззи мы были здоровы и красивы. Вѣроятно, нашимъ отцомъ былъ человѣкъ, который всегда питался хорошо. Мать увѣряла, онъ былъ джентльмэнъ; но я его не знаю. Остальныя двѣ дѣвушки были заморыши, коротышки, уродливыя, вѣчно голодныя. Онѣ работали, не покладая рукъ. Лиззи и я заколотили бы сестеръ, если бы мать не колотила насъ постоянно, чтобы мы не трогали заморышей. Онѣ были честныя дѣвушки нашей семьи. И чего же они добились своею честностью? Я тебѣ отвѣчу на это. Одна изъ нихъ работала по двѣнадцати часовъ въ день за девять шиллинговъ въ недѣлю на заводѣ, гдѣ приготовляются свинцовыя бѣлила. Работала до тѣхъ поръ, покуда не скончалась отъ отравленія свинцомъ. Бѣдняжка разсчитывала, что отдѣлается только параличемъ рукъ. Вторую дурнушку ставили намъ въ примѣръ: она вышла замужъ за работника въ Дептфордѣ и сводила концы съ концами съ 18 шиллингами въ недѣлю, покуда мужъ не сталъ запивать. Не правда ли, ради этого стоило быть честной!

Лиззи раньше сестры пошла «не респектабельнымъ путемъ». Обладая настойчивостью и рѣшительнымъ характеромъ, она постаралась извлечь все, что могла, изъ своихъ богатыхъ пріятелей. Она копила деньги. Миссисъ Уорренъ еще нѣкоторое время была подносчицей въ кабакѣ за четыре шиллинга въ недѣлю. Здѣсь ее нашла Лиззи, которая въ то время имѣла уже деньги, и предложила вмѣстѣ устроить «домъ» въ Брюсселѣ.

Миссисъ Уорренъ. «Домъ этотъ былъ, дѣйствительно, первоклассный. Въ немъ женщинамъ жилось гораздо лучше, чѣмъ на томъ заводѣ, на которомъ отравилась моя сестра Джэйнъ. Ни съ одной изъ нашихъ дѣвушекъ мы не обращались такъ, какъ поступали со мною дома или въ томъ кабакѣ, гдѣ я служила. Неужели ты хотѣла бы, чтобы я осталась въ кабакѣ и стала бы старухой въ сорокъ лѣтъ? *Виви* (глубоко заинтересованная разсказомъ матери). Нѣтъ, но почему вы избрали такую профессію? При бережливости, трудолюбіи и заботливости пойдетъ всякое дѣло. *Миссисъ*

могла попасть на сцену. «Mrs Warren's Profession» каже слишкомъ смѣлой пьесой даже для «Независимаго театра». П сматривая это произведеніе, мы приходимъ къ заключенію, чт эксцентричнаго автора нѣсколько своеобразное представленіе о то что такое оригинальность. Повидимому, авторъ полагаетъ, что заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы красить бѣлобог шаблонныхъ пьесъ въ черный цвѣтъ. Такъ, напр., у Джонеса Пинеро, не говоря уже объ абсолютно-бездарныхъ поставщика пьесъ, пасторы *всегда* являются образцами всѣхъ добродѣтел Они кротки, любвеобильны, постоянно поднимаютъ очи горѣ; въ то же время, «настоящіе англичане»: мужественны, отличн спортсмэны и всегда, поэтому, могутъ успѣшно обмѣнять биб на саблю. Въ драмѣ *Томми Аткинсъ*, имѣвшей громадный успѣ пасторъ становится солдатомъ и заслуживаетъ эполеты въ бит съ Магди. Въ драмѣ *The Fighting Parson*, которая держи уже больше года, центральная сцена заключается въ слѣдующе Любвеобильный, кроткій клэрджимэнъ пытается образумить г баго, здороваго буяна-пьяницу, который постоянно бьетъ с жену. Буянъ не только не смягчается, но даже ударяетъ паст въ самой церкви. И вотъ, священникъ снимаетъ бѣлый стих и у самыхъ дверей церкви, при общемъ восторгѣ зрителей, вс паетъ съ буяномъ въ кулачный бой. Клэрджимэнъ боксиру такъ хорошо, что верзила-противникъ падаетъ пластомъ и уносятъ за кулисы. И нужно слышать бурные аплодисмен зрителей! Бернардъ Шоу тоже выводитъ пастора достопочт наго ректора Самуэля Гарднера; но считаетъ прежде всего не обходимымъ «перекрасить его». Самуэль Гарднеръ—грубый, низ глупый, трусливый человѣкъ, отличающійся своимъ обжорств и пьянствомъ. Въ былое время онъ, кромѣ того, еще распут чалъ. Въ комедіяхъ Джонеса и Пинеро баронеты всегда являют прежде всего «джентельмэнами», въ томъ хорошемъ смыс какой придаютъ этому слову англичане. Въ пьесѣ *Mrs Warr Profession* тоже фигурируетъ баронетъ сэръ Джорджъ Крофт но Бернардъ Шоу заботится не столько о выясненіи его хар тера, сколько о томъ, чтобы «перекрасить его» иначе, чѣмъ шаблонныхъ комедіяхъ. Сэръ Джорджъ—грубое, злобное жив ное. Онъ долго былъ въ связи съ миссисъ Уорренъ и, тѣмъ менѣе, добивается руки ея дочери. Вмѣстѣ съ своей возлюбл ной онъ содержитъ «дома» и даже не понимаетъ, что въ это зазорнаго.

«Мать моя [illegible]
имѣла дру[illegible]
мэномъ [illegible]
вамъ [illegible]

кій негодяй. *Сэръ Джорджъ.* Ха-ха-ха! валяйте дальше, барышня! То, что вы говорите, совсѣмъ не оскорбляетъ, а только забавляетъ меня. Почему, чортъ возьми! мнѣ не помѣстить моихъ денегъ, гдѣ выгоднѣе? я беру проценты на капиталъ, какъ всѣ. Конечно, я не стану пачкать рукъ и не самъ управляю «домами». Вы, надѣюсь, не откажетесь вести знакомство съ моимъ двоюроднымъ братомъ герцогомъ Бельгравійскимъ, потому только, что часть ренты, которую онъ получаетъ, идетъ изъ несовсѣмъ чистыхъ источниковъ. Вы не раззнакомились бы съ архіепископомъ Кэнтерберійскимъ за то, что церковную землю у него въ городѣ арендуютъ мытари и блудницы. Въ Ньюнгэмскомъ колледжѣ, въ которомъ вы получили высшее образованіе, есть стипендія Крофтса. Ее основалъ братъ мой, членъ парламента. Онъ получаетъ 22°/₀ съ капитала, вложеннаго въ фабрику, на которой работаетъ 600 дѣвушекъ. И ни одна изъ нихъ не получаетъ достаточнаго заработка, чтобы прожить. Какъ вы думаете, чѣмъ пополняетъ большинство изъ нихъ свой заработокъ! Неужели же вы думаете, что я откажусь отъ 35°/₀ на капиталъ, тогда какъ другіе спокойно кладутъ доходъ въ карманы? Нѣтъ, я не такъ глупъ! *).

Вслѣдствіе этого желанія непремѣнно «перекрашивать» шаблонныхъ героевъ, Бернардъ Шоу впадаетъ порой въ шаблонъ противоположнаго характера. У талантливаго автора не столько желанія, на основаніи опредѣленнаго міровоззрѣнія, переоцѣнить существующія общественныя цѣнности, сколько намѣренія высказать возможно больше эксцентричностей и нарисовать возможно больше каррикатуръ. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить комедія «Philanderer», входящая въ составъ того же перваго тома «Пріятныхъ и непріятныхъ пьесъ». Авторъ окаррикатурилъ увлеченіе Ибсеномъ, героинями его и новымъ театромъ, то есть, осмѣялъ то самое движеніе, къ которому принадлежитъ отчасти и самъ. Предъ нами «Ибсеновскій клубъ», всѣ члены котораго психопаты и неврастеники. Новыхъ членовъ, по правилу рекомендуютъ, если они мужчины—женщины, а если женщины—мужчины. При этомъ дается торжественное обѣщаніе, что въ мужчинахъ, добивающихся избранія, нѣтъ ничего мужественнаго, а въ женщинахъ — женственнаго. Въ клубѣ возможна поэтому такая сцена: одна изъ дамъ собирается потребовать отъ комитета исключенія изъ числа членовъ другой дамы. «Могу ли узнать причину»?—спрашиваетъ одинъ изъ членовъ.

... Миссъ Крэйвенъ — женщина, въ которой ... ственности, поэтому она не можетъ оста-

... nd Unpleasant.» v. I, p. 212.

ваться членомъ Ибсеновскаго клуба. *Джулія*. Ложь! Я не женственная женщина! За меня дали гарантію въ этомъ отношеніи, когда я баллотировалась въ клубъ» *). Дамы отличаются необыкновенной влюбчивостью. Всѣ онѣ, въ особенности, гоняются за философомъ клуба, за неврастеникомъ Чартерисомъ. Оспаривая его, дамы доходятъ до бѣшенства, до угрозъ поколотить одна другую зонтикомъ и выцарапать глаза. Чартерисъ, стараясь спастись отъ чрезмѣрно-усердныхъ поклонницъ, напоминаетъ имъ, что ихъ идеаломъ должна быть Нора.

«Какъ женщинѣ передовыхъ взглядовъ,—говоритъ онъ своей поклонницѣ, психопаткѣ Джуліи, не позволяющей ему вступить въ бракъ съ соперницей Грейсъ,—вы рѣшили быть свободной... Вы смотрѣли на бракъ, какъ на унизительную сдѣлку, при посредствѣ которой женщина продается мужчинѣ. По этой сдѣлкѣ женщина получаетъ общественное положеніе жены и право на поддержку на старость лѣтъ на доходы мужа. Таковъ взглядъ передовыхъ людей, т. е. нашъ взглядъ. Кромѣ того, если бы вы вышли за меня замужъ, я легко могъ бы стать пьяницей, преступникомъ, слабоумнымъ и отравить ваше существованіе. Вы видите, что вы рисковали бы очень многимъ. Таковъ раціональный, т. е. нашъ взглядъ. Поэтому, вы сохранили за собой право оставить меня въ каждый моментъ, когда вы убѣдитесь, выражаясь вашими же словами, что связь мѣшаетъ развить вполнѣ вашу индивидуальность. Вѣдь вы такъ оформулировали ибсеновскій, т. е. нашъ взглядъ?.. Неблагодарная! Какъ вы выражаете вашу признательность? Вспомните, чего я не терпѣлъ только отъ васъ! И все я переносилъ, какъ ангелъ. Черезъ двѣ недѣли я убѣдился, что всѣ ваши передовые взгляды только подлое украшеніе. Вы столько твердили про свободу, а между тѣмъ отравляли мнѣ жизнь больше, чѣмъ можетъ сдѣлать это самая ревнивая жена. Не было у меня такого друга-женщины, которую вы не обозвали бы старой, уродливой, отвратительной вѣдьмой. *Джулія* (быстро). Потому, онѣ были вѣдьмы! *Чартерисъ*. Я обвиняю васъ въ безпричинной ревности. Вы оскорбляли меня безъ всякаго повода, даже поколачивали порой. Вы таскали мои письма и проводили часы въ составленіи клочковъ, вытащенныхъ изъ моей сорной корзины. *Джулія*. Я имѣла право читать ваши письма. Развѣ не должно было существовать между нами полное довѣріе»? **) и т. д. Все это, какъ видитъ читатель, грубовато, не особенно оригинально и не особенно умно. А самое главное, трудно сказать, зачѣмъ вся эта каррикатура понадобилась автору. Между

*) Plays; etc., v. I, p. 134.
**) Ibid., v. I, p.p. 82—84.

тѣмъ, судя по предисловіямъ къ каждой пьесѣ, Бернардъ Шоу особенно гордится сознаніемъ, что каждая комедія его имѣетъ ключъ и, кромѣ этого, она—своего рода бомба, брошенная въ лицо конвенціонализму и старому обществу. Судя по комедіи «Philanderer», можно думать, что эксцентричный авторъ далеко еще самъ не разобрался въ томъ, противъ чего именно онъ собирается протестовать. Невольно предъ глазами возникаетъ пестрый образъ, съ колпакомъ и бубенчиками и съ пузыремъ, наполненнымъ горохомъ, въ рукахъ; тотъ образъ, о которомъ Бернардъ Шоу говоритъ въ своемъ предисловіи къ первому тому. «Пончъ» иногда говоритъ злую правду въ глаза, но онъ не разбираетъ, надъ кѣмъ смѣется и кого именно бьетъ онъ пузыремъ по головѣ, своихъ или чужихъ; такихъ, которые заслужили ударъ, или же тѣхъ, кого надлежитъ пожалѣть...

Въ комедіи «Philanderer», напримѣръ, Бернардъ Шоу, этотъ смѣлый до дерзости революціонеръ, какимъ онъ самъ считаетъ себя, слѣдуетъ по стопамъ добродѣтельныхъ дѣвицъ и благочестивыхъ пасторовъ, вопящихъ теперь противъ вивисекціи. «Во всемъ виноваты глупые сентиментальные законы страны! — восклицаетъ каррикатурный докторъ Параноръ, научная гипотеза котораго не подтвердилась.—Я не имѣлъ возможности произвести достаточное число опытовъ. Мнѣ дали разрѣшеніе оперировать только надъ тремя собаками и обезьяной. И это тогда, когда вся Европа переполнена моими профессіональными соперниками, горящими желаніемъ доказать, что я неправъ. Во Франціи можно производить опыты вивисекціи. Да здравствуетъ свободная республиканская Франція! Одинъ француз разрѣзалъ двѣсти обезьянъ, чтобы опровергнуть мою теорію *). Другой не пожалѣлъ 36 ф. ст.—триста собакъ по три франка за голову, — чтобы доказать невѣрность обезьяньей гипотезы. Третій доказалъ, что оба француза неправы однимъ опытомъ; для этого онъ понизилъ температуру печени живого верблюда до 30°. И вотъ теперь является этотъ проклятый итальянецъ, доканавшій меня. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ госпитали и правительственную субсидію на покупку животныхъ. Я не допущу, чтобы меня побилъ итальянецъ! Я самъ поѣду въ Италію и снова открою мою болѣзнь. Я знаю, она суще-

*) Въ Англіи вслѣдствіе агитаціи анти-вивисекціонистовъ, ученые, желающіе дѣлать опыты надъ животными, должны брать спеціальное разрѣшеніе. Оно дается неохотно. Бездарные врачи, изъ чувства профессіональной зависти, не преминули играть въ руку сентиментальнымъ дѣвицамъ и благочестивымъ пасторамъ. Эти врачи пишутъ для большой публики, что прогрессъ медицины не нуждается въ опытахъ надъ живыми животными; что Клодъ-Бернаръ былъ шарлатанъ, равно какъ Пастеръ и всѣ тѣ, которые «выдумали» бактеріологію.

ствуетъ. Я чувствую это и докажу опытами надъ всѣми животными, которыя только имѣютъ печень».

Первый томъ драматическихъ сочиненій Бернарда Шоу называется «Сборникомъ непріятныхъ пьесъ». Авторъ самъ предупредительно объясняетъ это нѣсколько вычурное и претенціозное заглавіе: «Причина, почему я назвалъ такъ мои пьесы, совершенно очевидна,—говоритъ Бернардъ Шоу. — Я употребилъ всѣ усилія, чтобы заставить зрителя взглянуть прямо въ лицо крайне непріятнымъ для него фактамъ. Безъ сомнѣнія, всякая правдивая пьеса, вѣрно изображающая людей, разрушаетъ ихъ чудовищное самомнѣніе, которому по обязанности льстятъ (?!) романисты. Здѣсь мы сталкиваемся не только съ комедіей или съ трагедіей отдѣльныхъ индивидуумовъ, но также съ однимъ непріятнымъ фактомъ. Средній англичанинъ, какъ бы онъ ни былъ добродушенъ и благожелателенъ самъ по себѣ, какъ гражданинъ, оставляетъ желать многаго. Покуда дѣло касается словъ, онъ будетъ жаждать золотого вѣка, подъ условіемъ, что послѣдній достанется даромъ. Но средній англичанинъ закрываетъ глаза на самыя вопіющія явленія, если думаетъ, что для уничтоженія ихъ потребуется новый пенсъ подоходнаго налога. Чтобы платить налоги, его нужно завлечь и обмануть... Въ комедіи «Philanderers» я показалъ, каковы тѣ причудливые сексуальные договоры, которые заключаются между мужчинами и женщинами; эти договоры многимъ изъ насъ (въ особенности, когда дѣло касается другихъ) кажутся политической необходимостью. Другіе видятъ въ этихъ союзахъ теологическій элементъ, третьи—романтическій идеалъ. Есть и такіе, которые усматриваютъ въ бракѣ своего рода профессію для женщинъ. Мы видимъ также людей, склонныхъ считать бракъ—величайшей ошибкой; по ихъ мнѣнію, общество переросло этотъ институтъ и въ силу этого «передовые» индивидуумы должны уклоняться отъ него. «The Philanderers» состоитъ изъ сценъ, проникнутыхъ такой атмосферой. И, я полагаю, въ нихъ зрители не усмотрятъ ничего лестнаго для себя. Въ комедіи «Mrs Warren's Profession» я заставляю героиню доказывать, что въ настоящее время «женщина имѣетъ только одну возможность устроиться прилично: она должна быть ласковой съ тѣмъ мужчиной, который желаетъ обезпечить ее». Есть нѣкоторые вопросы, въ которыхъ я, какъ большинство колективистовъ,—являюсь крайнимъ индивидуалистомъ,—продолжаетъ Бернардъ Шоу.—Я того мнѣнія, что каждое дѣйствительно передовое общество должно быть организовано такъ, чтобы всѣ индивидуумы—какъ мужчины, такъ и женщины, могли поддерживать себя своимъ личнымъ трудомъ и своей профессіей, не продавая своихъ чувствъ и убѣжденій».

Мысль, какъ видите, совершенно вѣрная, но нѣсколько не новая. Для развитія ея отнюдь не нужно было писать претенціозную пьесу съ еще больше претенціознымъ «манифестомъ» — предисловіемъ. «Въ настоящее время, – продолжаетъ Бернардъ Шоу, — мы заставляемъ женщинъ подъ страхомъ голодной смерти въ случаѣ нежеланія подпадать по контракту или безъ контракта («незаконно»)—подъ власть «кормильца». Мы имѣемъ также громадный классъ проституирующихъ мужчинъ. Сюда относятся, между прочимъ, драматическіе писатели и журналисты, къ которымъ принадлежу самъ, а также легіоны адвокатовъ, врачей, клэрджимэновъ, профессіональныхъ политиковъ, ежедневно употребляющихъ всѣ свои таланты, чтобы дѣйствовать противъ убѣжденія. Это такой грѣхъ, въ сравненіи съ которымъ грѣхъ женщины, продающей свое тѣло на часъ, — становится ничтожнымъ. Для современнаго общества безпринципные богатые люди гораздо опаснѣе, чѣмъ «безнравственныя» женщины. Я доказываю это положеніе въ моихъ пьесахъ. И, конечно, врядъ-ли это можетъ быть пріятно зрителямъ» *).

IV.

Скажу теперь нѣсколько словъ о комедіи «The Widower's Houses». Если читатель помнитъ, пьеса эта при появленіи своемъ произвела колоссальный скандалъ, который привелъ въ восторгъ автора. Бернардъ Шоу самъ обязательно поясняетъ въ предисловіи, что въ комедіи онъ желалъ «показать, что такое, въ сущности, респектабельность среднихъ классовъ». «Я хотѣлъ также демонстрировать, что «мягкіе» люди богатѣютъ на счетъ нищихъ, какъ жирѣютъ мухи, питаясь нечистотами».

Авторъ вывелъ, такъ называемаго, Slum-lord, арендатора цѣлыхъ улицъ, застроенныхъ полуразрушенными домами. Въ нихъ ютится перекатная голытьба, снимающая комнату или уголъ. Эти трущобы, приводящія въ отчаяніе санитарныхъ инспекторовъ, приносятъ лэндлордамъ гораздо больше выгоды, чѣмъ дома, заселенные состоятельными жильцами. Slum-lord—Сарторіусъ—вполнѣ респектабельный человѣкъ, твердо увѣренный въ правотѣ своего дѣла. Онъ очень разбогатѣлъ и теперь мечтаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за «вполнѣ джентльмэна» и, такимъ образомъ, войти въ «большой», «настоящій» свѣтъ.

«Взгляните на этотъ мѣшокъ съ деньгами,—говоритъ его сборщикъ Ликчизъ.—Здѣсь нѣтъ пенса, который бы не былъ вырванъ

*) The Three Unpleasant Plays, p. p. XXIV—XXVI.

у матери съ голодными дѣтьми. Я выжималъ для хозяина эти деньги, грозилъ, надоѣдалъ, ругался, покуда получалъ гроши. Я привыкъ къ этому; но тутъ есть и такія деньги, которыхъ и я не выжималъ бы, не будь у меня голодныхъ дѣтей. И теперь хозяинъ прогналъ меня!» Сарторіусъ разсчиталъ своего сборщика за то, что тотъ затратилъ двадцать четыре шиллинга на починку лѣстницы въ одной изъ трущобъ. «На этой лѣстницѣ три женщины сломали себѣ ноги,—говоритъ сборщикъ.—Если бы я не починилъ ее, кто-нибудь навѣрное убился бы тамъ, и тогда хозяина привлекли бы къ суду за нечаянное убійство». «Вы выдирали деньги, на которыя нужно было купить хлѣбъ для голодныхъ дѣтей?—смущенно говоритъ женихъ дочери Сарторіуса, д-ръ Тренчъ,—и теперь получили по заслугамъ! Будь я отцомъ одного изъ этихъ дѣтей, я задалъ бы вамъ. Мистеръ Сарторіусъ совершенно правъ, когда прогналъ васъ. *Ликчизъ*. Эхъ вы, простота! Неужели вы думаете, что меня прогнали за то, что я былъ жестокъ! Совсѣмъ нѣтъ. Меня не хотятъ, потому что я слишкомъ мягокъ. Никогда еще хозяинъ не сказалъ мнѣ, что доволенъ мною. Ему было бы мало, даже если бы я содралъ шкуру съ его жильцовъ. Я не скажу, что онъ самый плохой Slum-lord въ Лондонѣ. Есть еще и похуже его». Д-ръ Тренчъ допытывается, въ чемъ собственно состоитъ дѣятельность Сарторіуса. *Ликчизъ*. Онъ имѣетъ десятки домовъ и сдаетъ въ нихъ по-недѣльно комнаты и углы. Это приноситъ большія деньги, если знать, какъ взяться за дѣло. Самая скверная трущоба приноситъ больше дохода, чѣмъ дворецъ въ Park-Lane (улица въ самой аристократической части Лондона)... На всѣ свои свободныя деньги мистеръ Сарторіусъ покупаетъ старые, полуразвалившіеся дома. Мимо нихъ нельзя пройти, не зажавъ носъ. У него много такихъ домовъ въ самыхъ дикихъ кварталахъ Лондона, въ Бетналъ-Гринѣ, въ Мэрилебонѣ. Посмотрите, какъ богато живетъ мистеръ Сарторіусъ! Имѣть трущобы—выгодно. Онъ говоритъ, что купилъ себѣ этотъ домъ потому, что здѣсь процентъ смертности не высокъ. Я показалъ бы вамъ процентъ смертности въ трущобахъ, въ Робинсъ-Роу!..

Д-ръ Тренчъ въ отчаяніи. Онъ считаетъ себя честнымъ человѣкомъ и не можетъ помириться съ мыслью, что женится на дочери Сарторіуса и будетъ пользоваться деньгами, выжатыми такимъ образомъ въ Робинсъ-Роу. Онъ объясняется съ своимъ будущимъ тестемъ, который крайне скандализированъ тѣмъ, что его дѣло находятъ не честнымъ.—Я доставляю квартиры очень бѣднымъ людямъ,—говоритъ онъ тономъ оскорбленной невинности.—Средства ихъ очень ограничены, но эти люди, подобно другимъ, тоже нуждаются въ кровѣ. Неужели вы думаете, что я долженъ сдавать

имъ квартиры даромъ? *Тренчъ*.—Все это очень хорошо. Вопросъ весь въ томъ, *какія* квартиры вы сдаете бѣднякамъ за ихъ деньги... Вы заставляете людей платить за помѣщенія, не пригодныя даже для собакъ. Почему вы не выстроите порядочныхъ домовъ? Почему вы не даете эквивалента за получаемыя деньги. *Сарторіусъ* (тономъ, въ которомъ слышится снисхожденіе къ невѣдѣнію собесѣдника).—Эти люди, мой другъ, не умѣютъ даже жить въ порядочныхъ квартирахъ и разнесли бы ихъ въ одну недѣлю. Не вѣрите? Попробуйте сами. Если хотите, сдѣлайте на вашъ счетъ всѣ поправки: вставьте недостающія балясины на лѣстницахъ, придѣлайте тамъ перилы, поставьте сорные ящики. Черезъ три дня все это исчезнетъ. Эти жильцы истопятъ на дрова всѣ балясины, перилы и доски сорныхъ ящиковъ. Я не осуждаю бѣдняковъ: имъ нуженъ огонь, и они не имѣютъ другого горючаго матеріала подъ рукой. Но я не въ состояніи чинить имъ для этого квартиры. Да и съ какой стати, если и въ разоренномъ видѣ могу сдавать комнаты по $4^1/_2$ ш. въ недѣлю. Это,—какъ всѣ признаютъ, честная рента для Лондона...

Докторъ Тренчъ—младшій сынъ баронета. Какъ это дѣлается въ Англіи, старшій сынъ получитъ всѣ родовыя помѣстья. Младшему сыну дали возможность получить дипломъ; затѣмъ отецъ выдѣлилъ ему «маленькій» (по англійскимъ понятіямъ) капиталъ въ 10,000 ф. ст., который приноситъ д-ру Тренчу 700 ф. ст. въ годъ. *Сарторіусъ*. Скажите мнѣ, д-ръ Тренчъ, откуда идутъ ваши доходы?.. *Тренчъ* (вызывающе). Не изъ трущобъ. Мой нотаріусъ отдалъ весь капиталъ подъ закладную. Я получаю 7% въ годъ. Мои руки честны. *Сарторіусъ*. А знаете ли вы, что закладная у васъ на мои дома. Если я, выражаясь вашими словами, «выколачиваю и выжимаю» деньги, которыя жильцы, по своей доброй волѣ, согласились платить мнѣ,—то, прежде всего, дѣлаю это для того, чтобы уплатить вамъ, или вашему нотаріусу, 700 ф. въ годъ процентныхъ денегъ. Я дѣлаю для васъ то, что Ликчизъ—для меня. И онъ, и я являемся только посредниками. Принципалъ—вы. Вы имѣете возможность получать громадный доходъ въ 7% годовыхъ только потому, что я «выколачиваю» ренту изъ бѣдняковъ. А между тѣмъ вы, докторъ Тренчъ, не задумываясь, рѣзко и презрительно отозвались о моей профессіи, хотя я честно веду мое дѣло... *). Мистеръ Сарторіусъ серьезно обиженъ. Онъ считаетъ себя вполнѣ корректнымъ человѣкомъ, съ твердыми правилами жизни. Въ Германіи, на Рейнѣ, онъ искренно негодуетъ, когда узнаетъ, что церковь, которую видитъ изъ отеля, у Бедекера обо-

*) The Widowers' Houses, Act II.

значена, какъ *Apollinaris Church*. Мистеръ Сарторіусъ знаетъ, что «Apollinaris»—столовая минеральная вода, и считаетъ профанаціей религіи то, что церковь назвали по напитку. Спутникъ успокаиваетъ Сарторіуса, объяснивъ ему, что не церковь названа по минеральной водѣ, а наоборотъ.

Сарторіусъ (тономъ человѣка, узнающаго смягчающее обстоятельство, но не полное оправданіе).—Очень радъ слышать. Что же, это замѣчательная церковь? *Кокэйнъ*.—Бедекеръ говоритъ, что да. *Сарторіусъ* (почтительно). О, въ такомъ случаѣ, нужно осмотрѣть. *Кокэйнъ* (читаетъ по путеводителю): «Построена въ 1839 г. Цвираяромъ, послѣднимъ знаменитымъ архитекторомъ, закончившимъ Кельнскій соборъ, на иждивеніе графа Фюрстенбергъ-Штамгейма. *Сарторіусъ* (факты произвели на него сильное впечатлѣніе). Мы, конечно, осмотримъ церковь *).

«The Widowers House's кончается «хорошо», согласно требованіямъ англійской сцены; но нужно отдать справедливость Бернарду Шоу, благополучнымъ концомъ онъ ухитрился разъярить публику больше, чѣмъ всѣмъ содержаніемъ пьесы. Сарторіусъ рѣшаетъ перестроить свои трущобы и затратить деньги на обновленіе домовъ. Не правда ли, какое великодушіе? Дѣло объясняется, однако, не «раскаяньемъ» Сарторіуса. Онъ узнаетъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что городской совѣтъ намѣренъ прорубить новую улицу черезъ тотъ кварталъ, гдѣ стоятъ дома Сарторіуса. Если бы эти дома были простыми трущобами, то совѣтъ имѣетъ право, признавъ ихъ вредными для здоровья населенія, требовать ихъ отчужденія. Владѣлецъ, конечно, при этомъ получаетъ вознагражденіе. Но если дома устроены вполнѣ, тогда совѣтъ можетъ только соблазнять владѣльца деньгами. Въ подобныхъ случаяхъ домовладѣльцы получаютъ иногда въ 2—3 раза больше дѣйствительной стоимости ихъ имущества. Совѣту остается только сказать: «Чортъ съ тобой, бери деньги, только убирайся съ дороги». Такимъ образомъ, Сарторіусъ, сдѣлавъ «доброе дѣло», т. е. перестроивъ дома, разсчитываетъ нажить на немъ, по крайней мѣрѣ, 300%.

Въ періодъ мрачнаго отчаянія у Искандера вырвались когда-то такія пессимистическія строки. «Вездѣ, гдѣ людскіе муравейники и ульи достигали относительнаго удовлетворенія и уравновѣшенія, движеніе впередъ дѣлалось тише и тише, фантазіи, идеалы потухали. Довольство богатыхъ и сильныхъ подавляло стремленіе бѣдныхъ и слабыхъ».. Народъ выходитъ тогда «изъ историческаго треволненія въ покойное statu quo жизни, продолжающейся въ безспорной смѣнѣ поколѣній—зимы, весны, лѣта». По мнѣнію

---

*) Widowers' Houses, Act I.

Искандера, «такимъ, невозмущаемымъ шагомъ идетъ Англія къ этому покою, къ незыблемости формъ, понятій, вѣрованій». «Не оттого ли,—скорбно заканчиваетъ авторъ,—здѣсь (въ Англіи) дѣти *старше* своихъ дѣдовъ и могутъ ихъ назвать, à la Dumas jun, «блудными отцами», что старость-то и есть главная характеристика теперь живущаго поколѣнія? По крайней мѣрѣ, куда я ни смотрю, я вездѣ вижу сѣдые волосы, морщины, сгорбившіяся спины, завѣщанія, итоги, выносы, *концы* и все ищу, ищу *началъ* – они только въ теоріи и отвлеченіяхъ». Писано это было въ 1862 г. Черезъ пять лѣтъ «дѣти» показали, что они умѣютъ не хуже отцовъ, современниковъ чартистовъ, отстаивать свои права. И съ тѣхъ поръ поступательное движеніе новыхъ, молодыхъ поколѣній, являвшихся на смѣну старымъ, *никогда* не прекращалось. Каждый разъ новое поколѣніе являлось съ большимъ запасомъ силъ, съ большей увѣренностью въ себя, съ болѣе широкими идеалами, чѣмъ ихъ предшественники. «Дѣти за океаномъ основали такія новыя и мощныя демократическія общества, о которыхъ «отцы» не могли даже мечтать. Въ Австралазіи «дѣти» внесли въ свои общества, представляющія такой широкій просторъ трудящейся личности, элементъ дѣловитости и практичности, чего у «отцовъ» не было. Такимъ образомъ, пессимизмъ Искандера не оправдался. Да и самъ на диво талантливый, блестящій и въ то же время глубокій авторъ потомъ измѣнилъ свой взглядъ. Онъ увидалъ не только *концы*, но и *начала*. Пинеро, безсознательно для себя, далъ намъ яркую картину отмирающихъ классовъ современнаго англійскаго общества. Онъ искренно желалъ сказать имъ пріятное, но вышелъ, своего рода, скорбный листъ. То, что Пинеро и Джонесъ дѣлаютъ безсознательно, Бернардъ Шоу дѣлалъ намѣренно. Но, по характеру своего таланта, авторъ не счелъ нужнымъ остановиться на положительномъ, т. е. на тѣхъ элементахъ англійскаго общества, которые являются носителями *начала*.

V.

Двадцать шестого сентября 1903 года, радикальная газета «Daily News», выступила съ громовой *передовой* статьей противъ недавно вышедшаго романа. «Бездѣятельность суда въ подобномъ случаѣ, — писала газета, — заключаетъ въ себѣ крайнюю опасность для общественной нравственности... И если эту книгу нельзя изъять, какъ конфискуются, напр., гнилыя яблоки, то низкимъ людямъ предоставляется широкое право развращать умы нашихъ сыновей и дочерей. Гнусность книги усугубляется еще тѣмъ, что къ ней приложено елейное предисловіе; въ немъ авторъ

заявляетъ, что его намѣреніе — изложить тѣ уроки, которымъ жизнь учитъ человѣчество. Безстыдство этихъ словъ можетъ быть оцѣнено только тѣми, которые, негодуя и краснѣя отъ стыда, прочитали гнусный романъ, изображающій бестіальный развратъ. Въ мерзкомъ писаніи этомъ нѣтъ ничего искупляющаго. Оно взываетъ только къ животнымъ страстямъ человѣка».

Что же привело хорошую и смѣлую газету въ такое негодованіе? Почему она съ мѣста въ карьеръ взываетъ къ прокурору? Къ великому удивленію, мы, жители континента, не находимъ въ достаточно глупомъ и бездарномъ романѣ ничего ужаснаго. Вотъ одно изъ «страшныхъ» мѣстъ, приводимыхъ «Daily News», какъ corpus delicti. Герой, не вѣнчавшись, живетъ съ героиней вмѣстѣ въ Марселѣ («Два скота, которыхъ авторъ выдаетъ за людей въ своемъ романѣ изъ сточной канавы, живутъ въ Марселѣ», — по выраженію газеты). Героиня, чтобы не возбуждать подозрѣній, одѣта какъ мужчина. Герой разсказываетъ: «Когда мы спустились въ билліардную, всѣ столы были заняты, поэтому, намъ оставалось только толочься возлѣ буфета и пить. Теодора беззаботно мѣшала напитки; но, повидимому, чувствовала себя великолѣпно и, когда столъ освободился, играла отлично. Послѣ этого мы снова пили и сыграли другую партію; потомъ мы опять выпили, еще, еще и еще. Къ двѣнадцати часамъ мы оба не вязали лыка и находились въ томъ состояніи, когда въ глазахъ начинаетъ двоиться.

— Нѣтъ, спасибо, довольно, не могу больше, — сказала мнѣ Теодора, когда мы снова подошли къ буфету.

— Мнѣ бы слѣдовало сказать это уже давно, — засмѣялся я.

— Почему же вы не сказали? Сами виноваты... Какъ бы тамъ ни было, поплетемся теперь домой.

«Теодора нѣсколько преувеличивала. Мы еще не дошли до того состоянія, когда люди выписываютъ ногами крендели. Кафэ заперли. Держась подъ руку, мы довольно прилично побрели въ нашу гостиницу. Холодная ночь не отрезвила насъ. Припоминаю, что швейцаръ пристально взглянулъ на насъ. Изъ этого заключаю, что по лѣстницѣ мы взобрались не совсѣмъ твердо. Мы съ Теодорой поддерживали другъ друга и, такимъ образомъ, взобрались довольно благополучно. Бредя по корридору, я думалъ, какъ хорошо и пріятно чувствовать возлѣ себя эту прелестную женщину, а не законную супругу. Жена встрѣтила бы меня ледянымъ холодомъ, а на другой день, за завтракомъ, обдала бы кипяткомъ. Милая Теодора казалась еще прелестнѣе отъ того, что выпила немного».

Все, это, конечно, глупо, безвкусно и пошло; но неангличанину трудно понять, почему тутъ такіе ужасы, что слѣдуетъ взывать

въ передовой статьѣ къ прокурору. Что этотъ глупый романъ въ сравненіи, напр., съ «Aphrodite» Пьера Луи (Louys). «Les Confidences d'une Aïeule», Абеля Эрмана, или же «Méphistophéla», Катюля Мендеса! Послѣдній романъ весь построенъ на уродливой и отвратительной ненормальности, о которой подробно говоритъ Крафтъ-Эбингъ въ «Psychopathia Sexualis».

Нѣчто подобное повторилось недавно съ пьесой Метерлинка «Монна Вана». «Чтецъ короля». т. е. театральный цензоръ, не допустилъ постановку ея на сценѣ даже на французскомъ языкѣ. Если въ данномъ случаѣ мы можемъ мотивировать гиперемію стыдливости изрядной долей ханжества и лицемѣрія, то подобное объясненіе не примѣнимо къ «Daily News». Не можемъ мы также говорить о «косности» англичанъ, потому что въ такомъ случаѣ передовыми странами оказались бы наиболѣе отсталыя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Мнѣ кажется, объясненіе явленія лежитъ не въ «лицемѣріи»—этого не занимать стать и на континентѣ. Во всякомъ случаѣ, лицемѣріемъ и ханжествомъ только отчасти объясняется то явленіе, что «Монна Вана» привела въ ужасъ «чтеца короля» *), а упомянутый выше романъ — симпатичную газету. Мнѣ кажется, объясненіе заключается въ слѣдующемъ. Когда въ обществѣ пробуждается критическая мысль, она требуетъ для себя проявленія и точки приложенія силы. При нормальныхъ условіяхъ, такая точка быстро находится, и тогда критическая мысль работаетъ въ извѣстномъ направленіи, разрушая все то, что мѣшаетъ обществу правильно развиваться. При ненормальныхъ условіяхъ критическая мысль ищетъ себѣ выхода, гдѣ можетъ. Она отливается тогда порой въ уродливыя формы; объектомъ ея яростныхъ нападеній бываютъ иногда явленія и идеи, не заслуживающія такого безпощаднаго отношенія къ нимъ. Сторонники застоя и умѣренные люди зловѣще качаютъ тогда

---

*) Въ Англіи есть легенда, которая много разъ эксплуатировалась художниками и даже драматургами. Я говорю про лэди Годайва. Чтобы спасти жителей Ковентри отъ тяжелаго налога, наложеннаго на нихъ графомъ Леорикомъ, лэди Годайва нагая проѣхала днемъ верхомъ по всѣмъ улицамъ города. Всѣ жители. оцѣнивъ жертву лэди Годайва, заперли ставни. Выглянулъ только Пипинъ Томъ, который тутъ же ослѣпъ. Трогательная легенда разрабатывалась много разъ, между прочимъ, Теннисономъ. Въ Хрустальномъ дворцѣ стоитъ громадный снимокъ со статуи національнаго скульптора. Поза лэди Годайва тутъ должна была бы болѣе испугать *прюдокъ*, чѣмъ пьеса Метерлинка. Въ драматизированной легендѣ лэди Годайва выѣзжаетъ на сцену въ очень откровенномъ костюмѣ, а не въ черномъ плащѣ, какъ Монна Вана. Къ легендѣ «чтецъ короля» привыкъ. Она его не шокируетъ; между тѣмъ, такое же положеніе въ пьесѣ Метерлинка привело театральнаго цензора въ ужасъ.

головой и восклицають: «вандалы»! Но кто виноватъ во всемъ этомъ, какъ не тѣ, которые пытаются остановить критическую мысль, когда она пробудилась? Видѣлъ ли читатель дѣйствіе отражательныхъ печей на чугунно - литейномъ заводѣ? Степень яркости за «фурмами» показываетъ литейщикамъ, что въ металлопріемникѣ уже много расплавленнаго чугуна и что нужно спѣшить съ выпускомъ его. Поспѣшно выгребаютъ тогда задѣлку у «темпеля», прочищаютъ закрытый каналъ громадной желѣзной полосой, и расплавленный металлъ ослѣпительной, огненной струей выбѣгаетъ въ «копежъ». Кто видитъ процессъ въ первый разъ, въ ужасѣ думаетъ, что огневая рѣка, вырвавшаяся изъ горна. испепелитъ все и превратитъ въ паръ заводъ. Ничего подобнаго не случается. Расплавленный металлъ течетъ по бороздамъ въ формы, приготовленныя въ пескѣ. И здѣсь сокрушающее и аморфное принимаетъ видъ шатуновъ, зубчатыхъ колесъ, уравнительныхъ маятниковъ, что вмѣстѣ составитъ стройную машину, которая значительно облегчитъ человѣческій трудъ.

Ужасно было бы, если бы пораженные внезапнымъ безуміемъ литейщики, вмѣсто того, чтобы дать выходъ расплавленному металлу, закупорили тщательно всѣ каналы. Въ концѣ-концовъ, металлъ сокрушилъ бы пріемникъ, вырвался бы стремительно наружу, сжегъ весь заводъ и, наконецъ, отлился бы и застылъ безобразными, уродливыми сгустками. Критическая мысль въ Англіи, когда она пробудилась, нашла сразу соотвѣтствующую точку приложенія силы. Это видно по произведеніямъ англійскихъ писателей начала XIX вѣка. Возьмемъ, напр., соч. Маколея. Въ двадцатыхъ годахъ, разбирая трактатъ Мильтона «Angli, de Doctrinâ Christianâ libri duo posthumi», Маколей выясняетъ значеніе свободы для общества. «Аріосто,—пишетъ онъ,—разсказалъ намъ изящную волшебную сказку про фею, которая, по таинственному свойству ея природы, должна была появляться иногда въ видѣ отвратительной и ядовитой змѣи. Люди, обидѣвшіе ее въ этомъ фазисѣ, навсегда лишались милостей, которыя она раздавала. Но тѣмъ, которые сжалились надъ феей и защищали ее, когда наружность ея была отвратительна, волшебница потомъ являлась въ божественной и сверкающей красотѣ. Фея охраняла тогда этихъ людей, исполняла ихъ желанія, осыпала богатствами, помогала имъ во время войны. Такой же феей является свобода. Порой она принимаетъ видъ презрѣнной гадины. Она пресмыкается, шипитъ, жалитъ. Но горе тѣмъ, которые тогда, побуждаемые отвращеніемъ, дерзнутъ раздавить ее! Блаженны тѣ, которые пріютятъ ее, не смотря на трашный видъ. Она сторицей вознаградитъ ихъ, когда приметъ свидъ красавицы... Есть только одно лѣченіе противъ золъ, при-

чиняемыхъ недавно пріобрѣтенной свободой. И это лѣченіе—свобода же. Когда заключенный въ первый разъ выходитъ изъ камеры, онъ не можетъ выносить солнечнаго свѣта. Онъ не въ состояніи различать цвѣта и распознавать лица, но лѣченіе заключается не въ томъ, чтобы запереть заключеннаго снова въ темную камеру, а въ томъ, чтобы пріучать его къ солнцу. Блескъ истины и свободы можетъ порой сбить народъ, полуослѣпленный въ неволѣ. Но дайте ему оглянуться; онъ скоро привыкнетъ къ свѣту. Въ короткое время народъ научится думать. Чрезмѣрная крайность взглядовъ исчезнетъ. Враждующія теоріи исправятъ одна другую. Разсѣянные элементы истины перестанутъ враждовать и начнутъ соединяться. Въ концѣ-концовъ, изъ хаоса начнетъ опредѣляться система справедливости и порядка. Теперь многіе политики говорятъ, что народу слѣдуетъ дать свободу только тогда, когда онъ научится пользоваться ею. Это утвержденіе достойно того дурака въ сказкѣ, который рѣшилъ, что войдетъ въ воду только тогда, когда научится плавать. Если народу приходится ждать въ неволѣ, покуда онъ станетъ умнымъ и добрымъ, чтобы пользоваться свободой, то онъ ее никогда не получитъ» *). Дѣйствительность оправдала слова Маколея. Массы въ Англіи быстро привыкли къ общественной жизни, когда онѣ были призваны къ ней двумя великими реформами. Теперь даже «ходжъ» (сельскій работникъ) такъ разумно пользуется безграничной свободой личности, что непонятно даже зловѣщее карканье тори лѣтъ двадцать тому назадъ. Тогда, наканунѣ великой гладстоновской реформы, увѣряли, что дать избирательное право «ходжу»—тоже, что подарить ребенку заряженный пистолетъ, со взведеннымъ куркомъ и со слабымъ спускомъ. Критическая мысль, направленная въ британскихъ колоніяхъ въ надлежащую сторону, создала безъ всякихъ осложненій, тихо и «просто», новыя формы общественности, поражающія старый континентъ своею смѣлостью и практичностью. Тотъ же Маколей сообщаетъ (въ статьѣ Hallam's Constitutional History), какъ работала дальше критическая мысль. «Пресса освободилась отъ контроля послѣ изгнанія Стюартовъ. Министерство немедленно же подпало подъ контроль печати. Послѣдствіемъ свободы печати было то, что крайность и грубость въ статьяхъ исчезла сама собою. Виги научились умѣренности, когда стали у власти; тори же узнали принципы свободы, находясь въ оппозиціи» **).

Теперь въ области политики печать въ Англіи пользуется

*) Lord Macaulay's Essays. Popular Edition. 1895. P. p. 20—21.
**) Ib., p. 93.

почти безконечной свободой. Она можетъ рѣзко критиковать не только дѣятельность министровъ, но и короны. И именно эта безграничная свобода повела къ тому, что тонъ англійскихъ газетъ отличается замѣчательной корректностью.

Критическая мысль могла въ Англіи свободно проявиться и въ той области, которая во Франціи и въ Германіи долго была очерчена волшебнымъ кругомъ. «Побужденіе, природное первобытному человѣку,—говоритъ великій англійскій ученый, пользующійся заслуженной извѣстностью у насъ,—заставляло его задаваться вопросомъ о причинахъ естественныхъ явленій. Это же самое побужденіе, культивированное и усиленное, ведетъ въ наше время къ научнымъ изслѣдованіямъ. Поощряемые имъ, при помощи процесса абстракціи и исходя изъ опыта, мы создаемъ теоріи, лежащія внѣ предѣла опыта, но дающія удовлетвореніе нашему уму, желающему найти причину каждаго явленія. Наши историческіе и доисторическіе предки, выясняя себѣ причину явленій, слѣдовали тѣмъ же путемъ, что и мы, насколько имъ позволялъ умъ. Наши предки тоже исходили изъ опыта; но факты, составлявшіе основу и успѣхъ ихъ теорій, были почерпнуты не изъ изученія природы, а изъ наблюденій надъ человѣкомъ (Это было ближе и легче). Поэтому, теоріи нашихъ доисторическихъ и историческихъ предковъ приняли антропоморфическій характеръ. Управленіе естественными явленіями было передано, какъ говоритъ Юмъ въ «Natural History of Religion», сверхчувственнымъ существамъ, которыя, не смотря на то, что они мощны и невидимы, носятъ человѣческій характеръ и могутъ обладать такими же страстями *).

Англійскіе раціоналисты переступили завѣтную черту тогда, когда во Франціи возможно было еще дѣло Барра. Болингброкъ и Честерфильдъ прямо говорили вещи, для выраженія которыхъ ученику ихъ, Вольтеру, приходилось прибѣгать къ иносказаніямъ. Въ концѣ семнадцатаго вѣка въ Англіи появился великій трактатъ «Essay on human understanding», въ которомъ геніальный авторъ (Локкъ) категорически выставилъ, что все человѣческое знаніе основывается на одномъ опытѣ. Болѣе чѣмъ за вѣкъ до появленія «Фауста», Локкъ уже знаетъ, что главнѣйшій источникъ человѣческаго заблужденія заключается въ томъ, что, гдѣ нѣтъ понятій, тамъ во время является слово. Онъ доказываетъ, что всякое познаніе происходитъ изъ впечатлѣній чувствъ. Врожденныхъ идей не существуетъ. Если иные люди склонны считать свои раннія впечатлѣнія врожденными, то только потому, что не сознаютъ, какъ они явились. Понятіе о высшемъ метафизическомъ

*) Lectures and Essays by professor Tyndall, p. 13.

началѣ также не врождено намъ, потому что у многихъ народовъ его совсѣмъ нѣтъ, а гдѣ оно и существуетъ, то въ высшей степени разнообразно. Если, такимъ образомъ, идеи не врождены, то какъ приходитъ къ нимъ разумъ? У Локка на это прямой отвѣтъ: разумъ доходитъ до идеи путемъ опыта. Чтобы повторить эту самую мысль, Вольтеру, почти черезъ сто лѣтъ, приходилось пускаться на хитрости. Онъ придавалъ статьѣ фривольный характеръ (см., напримѣръ, статью «Passions» въ «Dictonntire Philosophique» *). Въ XIX вѣкѣ критическая мысль въ Англіи пошла еще дальше впередъ, смѣло провозглашая право разума. «Девятнадцатый вѣкъ,—говоритъ нѣмецкій ученый, являющійся одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ преемниковъ и продолжателей Дарвина,—больше сдѣлалъ для прогресса разума, чѣмъ всѣ предшествующіе вѣка вмѣстѣ. Онъ открылъ передъ нами новыя области знанія, которыхъ даже существованіе не подозрѣвалось въ началѣ XIX вѣка. И, что важнѣе всего, этотъ вѣкъ ясно показалъ намъ возвышенную цѣль монистической космологіи и намѣтилъ единственный путь, ведущій къ ней. Путь этотъ—точное эмпирическое изслѣдованіе явленій и критическое изученіе ихъ причины. Великій обобщающій законъ *механической причинности*, управляетъ какъ вселенной, такъ и разумомъ человѣка. Этотъ законъ—неподвижная полярная звѣзда, свѣтъ которой падаетъ на весь темный лабиринтъ безчисленныхъ отдѣльныхъ феноменовъ**).» Упомянутый путь былъ намѣченъ въ Англіи въ серединѣ XIX вѣка. До этого англійскіе же поэты и публицисты начала XIX вѣка отстаивали права разума на изысканіе. Въ мистеріи Байрона Люциферъ говоритъ Каину:

«One good gift has the fatal 'apple given —
Your reason:—let it not be over-sway'd
By tyrannous threats to force you into faith
'Gainst all external sense and inward feeling:
Think».

---

*) Я пропускаю остроумный, но абсолютно невозможный для перевода примѣръ, который впослѣдствіи варіированъ въ сценѣ въ лабораторіи, во второй части «Фауста». «Es wird ein Mensch gemacht»,—объясняетъ Вольтеръ «доктору теологіи» «Человѣкъ сидитъ за столомъ и плотно закусываетъ съ аппетитомъ. Ему приносятъ письмо, которое причиняетъ ему печаль и страхъ. Въ то же мгновеніе мышцы его живота сокращаются и ослабѣваютъ. Червеобразное движеніе кишекъ увеличивается. Сжимательная мышца rectum открывается... Dis-moi donc quelle connexion secrète la nature a mise entre une idée et une selle?» («Oeuvres de Voltaire, компактное изданіе 1827, v. IV, p. 1793). Къ такимъ нечистоплотнымъ примѣрамъ приходилось прибѣгать, чтобы контрабандой провести мысль, которую Локкъ высказалъ прямо.

**) E. Haeckel, Die Welträthsel. Volksausgabe. ch. XX.

Почти въ то же время Маколей фиксировалъ ту же мысль любимымъ способомъ своимъ—яркимъ и конкретнымъ образомъ. Въ статьѣ о поэмахъ Роберта Монгомэри онъ разсказываетъ такую притчу. Благочестивый браминъ далъ когда-то обѣтъ принести въ жертву овцу. Въ назначенный день онъ отправился, чтобы купить ее. По сосѣдству жили три мошенника, которые знали объ обѣтѣ и задумали воспользоваться этимъ. Первый мошенникъ вышелъ на встрѣчу къ брамину и спросилъ его: «хочешь купить овцу? У меня есть одна, которая какъ разъ годится для жертвоприношенія». «Я съ этой цѣлью и вышелъ сегодня»,—отвѣтилъ браминъ. Тогда мошенникъ открылъ мѣшокъ и вытащилъ нечистое животное: отвратительную, слѣпую и хромую собаку. «Негодяй!—воскликнулъ браминъ.—Ты дотронулся до нечистаго животнаго и говоришь ложь! Неужели ты зовешь этого пса овцой?» «Я говорю правду. Это—отличная овца. Смотри, какъ мягко ея руно, и какъ она жирна. Она можетъ служить жертвой, угодной богамъ». «Послушай, мой другъ,—отвѣтилъ браминъ,—или ты, или я ослѣпъ». Какъ разъ въ этотъ моментъ подошелъ другой соумышленникъ.

— Хвала богамъ!—воскликнулъ онъ.—Они избавляютъ меня отъ необходимости пойти въ городъ на рынокъ за покупкой овцы. Вотъ какъ разъ такая овца, какая нужна мнѣ. Сколько ты хочешь за нее?—Услыхавъ это, браминъ смутился. Голова у него закружилась, какъ у факира, подвѣшеннаго высоко въ воздухѣ во время великаго праздника.

— Смотри, что ты дѣлаешь,—сказалъ онъ.—Это не овца, а нечистый песъ.

— Браминъ!—воскликнулъ второй мошенникъ,—или ты пьянъ, или сошелъ съ ума.

Тутъ подошелъ третій соумышленникъ.

— Спросимъ у него, что это за животное,—предложилъ браминъ,—а я послушаю, что онъ скажетъ.—Остальные согласились. Тогда браминъ окликнулъ:—Эй прохожій, какъ ты назовешь это животное?

— Да это прекрасная овца,—отвѣтилъ третій мошенникъ.

— Должно быть боги отняли у меня разумъ!—печально сказалъ браминъ. Онъ попросилъ извиненія у перваго мошенника, купилъ собаку за мѣрку риса и за гарнецъ пива и принесъ ее въ жертву богамъ, которые разгнѣвались за это и послали на брамина проказу. Смыслъ индійской притчи таковъ: вѣрь только своему разуму и опыту. Не принимай нелѣпости, хотя бы за нее стояло все.

VI.

Итакъ, мы видѣли направленіе, принятое англійской критической мыслью.

Она пыталась уничтожить все то, что мѣшаетъ личности развиваться, что такъ или иначе сковываетъ умъ. Самый высокій барьеръ, лежавшій на пути развитія критической мысли, былъ сметенъ движеніемъ 1648 г. Въ другихъ странахъ критическая мысль не могла сразу попасть въ надлежащее русло. Съ нею повторилось нѣчто подобное тому, что произошло бы на литейномъ заводѣ, если бы не дать расплавленному металлу вылиться въ «копежъ». Критическая мысль въ странахъ, гдѣ проявленіе ея сдерживалось, нашла точку приложенія силы въ личныхъ и семейныхъ отношеніяхъ. И вотъ въ результатѣ мы имѣемъ такой фактъ. Вопросы, которые кое гдѣ на континентѣ кажутся почти непреодолимой преградой,— въ Англіи, и тѣмъ болѣе въ австралійскихъ колоніяхъ ея, давнымъ давно разрѣшены. «Ареопагетика» Мильтона, «The Shortest Way with the Dissenters» Дефо, «Письма Юніуса» и другіе знаменитые памфлеты XVII и XVIII в.в. потеряли теперь для англичанъ всякое значеніе, хотя для нѣкоторыхъ странъ на континентѣ эти произведенія представляютъ животрепещущій интересъ. Свобода слова, совѣсти и личности, которую отстаивали авторы этихъ памфлетовъ, давнымъ-давно составляютъ уже незыблемую основу англійскаго общества. Больше того. Эта свобода толкуется теперь гораздо шире, чѣмъ во времена Мильтона или Юніуса.

Съ другой стороны, разсужденія, кажущіяся англичанамъ страшно новыми, смѣлыми и парадоксальными (потому что ихъ критическая мысль работала два вѣка въ другомъ совершенно направленіи)— вызываютъ на континентѣ только добродушную улыбку. И это въ такихъ странахъ, гдѣ идеалы, отстаиваемые Мильтономъ или Юніусомъ, ждутъ еще осуществленія въ жизни. Конкретные примѣры мы найдемъ у Бернарда Шоу. Я упоминалъ уже о произведеніи его—*Man and Superman*. Герой, эксцентричный философъ Таннеръ, пугаетъ, — по словамъ автора, — всѣхъ окружающихъ крайностью своихъ взглядовъ. Знакомые философа - въ отчаяніи. Они узнаютъ, что ихъ племянница готовится быть матерью. Имъ еще не извѣстно, что она тайно обвѣнчана. «Чего вы сокрушаетесь! — восклицаетъ философъ. — Предъ вами женщина, которую всѣ подозрѣвали, что она скверно рисуетъ акварелью, разыгрываетъ Грига и Брамса, шляется по концертамъ и тратитъ время свое и деньги. Внезапно мы узнаемъ, что она, вмѣсто этихъ глупостей, поставила себѣ высокую цѣль: увеличить населеніе на землѣ. И вотъ, вмѣсто того,

чтобы радоваться и удивляться смѣлости вашей племянницы; вмѣсто того, чтобы восклицать: «у насъ дитя рождается!» — вы имѣете такой убитый видъ, какъ будто она совершила самое ужасное преступленіе!» *)—«Женщина, ищущая мужчину, чтобы выйти за него замужъ, — среди всѣхъ хищныхъ животныхъ самое безстыдное. - Ни одна ошибка не отозвалась такъ гибельно на совѣсти человѣчества, какъ смѣшиванíе брака, какъ института, съ моралью... Бракъ,—капканъ для улавливанія мужчины. Наживкой является обманчивая идеализація. Когда мать научила васъ путемъ безпрестаннаго пиленія и наказанія исполнять десятокъ пѣсенокъ на лютнѣ (говоритъ это тѣнь Донъ - Жуана тѣни доньи Анны), которую она ненавидитъ такъ же, какъ и вы, то у ней была лишь одна цѣль впереди: заманить вашего ухаживателя. Ему нужно было внушить, что вашъ мужъ пріобрѣтаетъ ангела, который наполнитъ домъ небесной мелодіей. Вы вышли замужъ за моего пріятеля Оттавіо. Ну, что же, прикоснулись ли вы къ лютнѣ съ тѣхъ поръ, какъ церковь соединила васъ?—Донья Анна отвѣчаетъ: «Все это пустяки; большею частью браки бываютъ счастливые».—Ну, это слишкомъ сильно,—возражаетъ Донъ-Жуанъ.—Въ большинствѣ случаевъ благоразумные люди просто стараются по возможности примириться съ своимъ положеніемъ. Если бы меня отправили на галеры и приковали къ каторжнику, который случайно носитъ нумеръ, слѣдующій за тѣмъ, что у меня, я долженъ былъ бы примириться съ посланнымъ мнѣ товарищемъ. Говорятъ, иногда въ подобныхъ случаяхъ завязывается настоящая и трогательная дружба. Большинство, во всякомъ случаѣ, терпитъ другъ-друга. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что кандалы — желательное украшеніе, а галеры — пріютъ блаженства. Про блаженство брака и про постоянство даннаго обѣта больше всѣхъ толкуютъ тѣ, которые доказываютъ, что если цѣпь разорвется и каторжникамъ дадутъ свободу, то вся общественная фабрика рухнетъ...

Не кажется ли вамъ это страннымъ? Если каторжникъ счастливъ, зачѣмъ сковывать его? Если же нѣтъ, то зачѣмъ же увѣрять, что онъ доволенъ своимъ положеніемъ?» **)

Не слѣдуетъ думать, однако, что въ своихъ пьесахъ Бернардъ Шоу ограничивается анализомъ явленій, лежащихъ въ узкомъ кругѣ личныхъ отношеній, и что тутъ онъ подпѣваетъ слабымъ голосомъ Ибсену. Жизнь, даже такая нормальная и уравновѣшенная, какъ англійская, эволюціонируя, выдвигаетъ новыя явленія, въ которыхъ нужно, такъ или иначе, разобраться. Просматривая

*) «Man and Superman», p. 25.
**) Ibid., p. 121—122.

пьесы Бернарда Шоу, мы приходимъ къ заключенію, что талантливый авторъ не обладаетъ такою «общественною слѣпотою», какъ, напр., Пинеро или Джонесъ. Онъ замѣчаетъ новыя явленія; но, оцѣнивая ихъ, повидимому, заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы отнестись къ нимъ *иначе*, чѣмъ другіе въ Англіи. Бернарда Шоу часто упрекаютъ въ эксцентричности ради эксцентричности. И этотъ упрекъ въ значительной степени справедливъ. Нужно замѣтить, что у англичанъ, если можно такъ выразиться, больше *нравственнаго* досуга, чѣмъ у жителей многихъ частей континента, разбираться спокойно во многихъ эксцентричныхъ вопросахъ. Самые большіе камни, лежащіе на пути каждаго общества, начинающаго жить сознательной жизнью, въ Англіи отброшены уже давно. Сильная оригинальная индивидуальность можетъ развиваться здѣсь свободно; она можетъ намѣчать планы, осуществленіе которыхъ произойдетъ въ нѣсколько лѣтъ; ей нечего страшиться, что въ видѣ deus ex machina безпрестанно можетъ вмѣшаться посторонняя дикая и жестокая сила, которая не позволяетъ индивидууму думать, какъ онъ желаетъ, и говорить, что̀ онъ считаетъ вѣрнымъ. Англичанину нечего страшиться этой силы, укрощенной еще его предками. Онъ не живетъ подъ вѣчнымъ трепетомъ, что сила эта можетъ во всякій моментъ исковеркать его жизнь или умчать его дѣтей, какъ уноситъ въ сказкѣ воронъ дочь купца. Въ нѣкоторыхъ странахъ на континентѣ безпрерывная драма обусловливается тѣмъ, что жизнь переросла дѣйствительность на два вѣка. Жизнь вгоняютъ въ рамки, которыя всегда были тѣсны.—Этимъ драматическимъ положеніемъ обусловливается цѣлый рядъ дикихъ, жестокихъ и нелѣпыхъ явленій, коверкающихъ тысячи жизней. При подобныхъ обстоятельствахъ нѣтъ *нравственнаго* досуга разбираться въ эстетическихъ вопросахъ, быть можетъ, представляющихъ сами по себѣ большой интересъ. Приходится напрягать всѣ усилія, чтобы какъ нибудь передѣлать дѣйствительность такъ, чтобы она соотвѣтствовала жизни... Трудъ этотъ—тяжелый и сопряженъ со многими жертвами. Въ Англіи жизнь не слишкомъ переросла дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ, устранено дѣйствіе дикой, грубой силы, стремящейся подавить всякое проявленіе индивидуальности. Общество эволюціонируетъ правильно. Такія событія, какъ, напр., билль о реформахъ 1867 г., земскій ирландскій билль 1899 или аграрный ирландскій билль 1903 г., которыя, въ сущности, носятъ характеръ революціи,—въ Англіи свершились тихо и спокойно. При подобныхъ условіяхъ для англійскаго публициста не можетъ существовать вопроса, имѣетъ ли онъ нравственное право заняться разработкой такой-то темы, не предстая-

ляющей никакого общественнаго значенія. Тотъ или иной вопросъ является для англійскаго публициста самоцѣлью. У писателя не можетъ зародиться сомнѣніе: «нѣтъ спора, вопросъ о сущности прекраснаго—очень интересенъ; но какъ мнѣ спокойно отдаться ему, когда вся окружающая дѣйствительность—дикая и возмутительная нелѣпость?»

VII.

Типы героевъ англійскихъ пьесъ фиксированы до извѣстной степени. Мы ихъ имѣемъ въ каждомъ драматическомъ произведеніи подъ различными именами. Нѣтъ, напр., англійской драмы, въ которой не было бы добродѣтельной, прекрасной героини, кудри которой свѣтлы, какъ ея душа. Героиню преслѣдуетъ злодѣйка, надѣленная дьявольской красотой. Волосы этой дамы непремѣнно черны, какъ осенняя ночь. Это въ нѣкоторомъ родѣ символическое изображеніе цвѣта ея злобной души. На афишахъ, наклеенныхъ на всѣхъ городскихъ станціяхъ, непремѣнно изображена эта дама. Она поджала губы, нахмурила брови и сурово глядитъ на всѣхъ клэрковъ, работниковъ и «людей изъ Сити», спѣшащихъ на работу или домой. На афишѣ непремѣнно значится, что-нибудь въ родѣ слѣдующаго: «Кто это?—Какъ, вы не знаете? Это—«Самая скверная женщина въ Лондонѣ». Въ кавычки—(« ») взято названіе драмы. Къ фиксированнымъ типамъ англійскихъ драмъ нужно причислить также и офицеровъ. Въ драмахъ фигурируютъ всегда двѣ разновидности. Во-первыхъ, «старый вояка». Онъ любитъ войну, изъ всѣхъ духовъ признаетъ лишь запахъ пороха, не дуракъ выпить, имѣетъ любимое ругательство, въ родѣ, напр.—штыкъ вамъ въ зубы! При всемъ томъ, онъ благороденъ, открытъ. Словомъ, сбитое клишэ, которымъ усиленно пользуются шаблонные романисты и драматурги чуть ли не всего свѣта. Вторая разновидность—молодой офицеръ. Онъ хотя храбръ и тоже больше всѣхъ симфоній любитъ «упоительную музыку пуль»; но онъ прекрасенъ, изященъ и является воплощеніемъ всѣхъ совершенствъ. Обѣ разновидности, какъ мы видѣли, часто фигурируютъ въ комедіяхъ Джонеса и Пинеро. Бернардъ Шоу тоже написалъ военную пьесу (Arms and Man), но единственно съ цѣлью сказать противоположное тому, что говорятъ другіе англійскіе драматурги. «Я отлично знаю,—говоритъ Бернардъ Шоу въ предисловіи ко второму тому драматическихъ произведеній, что герой, выведенный у меня въ «Arms and Man», не похожъ на принятый на сценѣ типъ солдата. Онъ страдаетъ отъ голода и отъ отсутствія сна; его нервы совершенно расшатаны послѣ трехъ дней, проведенныхъ подъ огнемъ и за-

кончившихся пораженіемъ и бѣгствомъ. Офицеръ этотъ на опытѣ убѣдился, что на полѣ сраженія нѣсколько кусочковъ шоколада, которыми можно перекусить, полезнѣе револьверныхъ патроновъ. Мои суровые критики назвали все это невѣроятнымъ и фантастическимъ» *) Насъ, признаться, въ этой пьесѣ поражаетъ не то, что воинъ можетъ любить шоколадъ больше, чѣмъ пули, а удивительная смѣлость автора. Бернардъ Шоу, который посѣтилъ Балканскій полуостровъ по куковскому билету, написалъ пьесу изъ болгарской жизни, не зная совершенно языка. Дѣйствіе происходитъ во время сербско-болгарской войны, послѣ битвы при Сливницѣ. Герой — профессіональный солдатъ, артиллерійскій офицеръ сербской службы Блунчли, швейцарецъ родомъ, бѣжитъ послѣ разгрома арміи короля Милана. За нимъ гонятся болгарскіе солдаты, опьяненные побѣдой и водкой. Офицера спасаетъ Раина, дочь болгарскаго майора Петкова, въ комнату которой онъ забирается черезъ окно. Блунчли развинченъ совершенно и требуетъ себѣ убѣжища съ револьверомъ въ рукахъ.

Раина (*гордо*). Хотя я женщина, но у меня въ груди такое же храброе сердце, какъ у васъ. *Блунчли.* Очень можетъ быть. Вы не были подъ огнемъ, какъ я, три дня подъ рядъ. Я могу выдержать два дня; но никто не можетъ выдержать трехъ дней. Я теперь нервенъ и робокъ, какъ мышь (*садится на диванъ и беретъ голову въ обѣ руки*). Хотите, чтобы я заплакалъ? *Раина* (*тревожно*). О, нѣтъ. *Блунчли.* Если вы хотите этого, то вамъ стоитъ только побранить меня, какъ будто бы вы нянька, а я маленькій мальчикъ. Если бы я находился теперь въ лагерѣ, товарищи продѣлали бы надо мною рядъ штукъ. *Раина.* Я не стану журить васъ (*тронутый ея сочувствіемъ, Блунчли поднимаетъ голову и глядитъ съ благодарностью на дѣвушку; она отступаетъ и говоритъ холодно*). Простите. Наши солдаты не таковы. *Блунчли.* О, они такіе же, какъ и я. Есть только два типа солдатъ: старые и молодые. Я служу уже четырнадцать лѣтъ. Ваши же солдаты никогда раньше не нюхали пороха. Какъ же случилось, что они поколотили насъ? Только потому, что они абсолютно невѣжественны въ военномъ искусствѣ (*съ негодованіемъ*). Никогда въ жизни не видалъ я еще такого полнаго незнанія. *Раина* (*иронически*). Въ чемъ незнаніе? Въ томъ, что мы поколотили васъ? *Блунчли.* А что? Развѣ знаніе проявляется въ томъ, чтобы бросить кавалерійскій полкъ въ атаку на батарею машинныхъ пушекъ? Опытный офицеръ знаетъ, что если пушки выстрѣлятъ, то отъ полка не останется и слѣда. Я не могъ повѣрить глазамъ моимъ, когда

*) «Pleasant Plays», p. XVI.

увидѣлъ болгарскій полкъ, скакавшій на нашу батарею. *Раина (съ энтузіазмомъ).* Такъ вы видѣли знаменитую кавалерійскую атаку? О, разскажите! Опишите мнѣ ее. *Блунчли.* Вы никогда не видали атаки? *Раина.* Гдѣ же я могла видѣть? *Блунчли* Забавное зрѣлище! Похоже на то, какъ бросаютъ горсть гороха въ стекло. Вначалѣ ударяетъ одна горошина, потомъ стучатъ еще двѣ или три и затѣмъ—всѣ остальныя вмѣстѣ. *Раина (глаза ея раскрыты. Въ экстазѣ поднимаетъ руки).* Да впереди идетъ,— храбрѣйшій изъ храбрыхъ! *Блунчли (прозаически).* Гм! Вамъ слѣдовало бы посмотрѣть, какъ бѣдняга затягивалъ удила зарвавшемуся коню! *Раина.* Зачѣмъ? *Блунчли (нетерпѣливо въ виду такого непониманія).* Конь его мчится слишкомъ быстро. Неужели вы думаете, бѣдняга желаетъ быть убитымъ раньше всѣхъ? Дальше массой скачутъ остальные кавалеристы. Вы узнаете молодыхъ солдатъ по ихъ запальчивости и дикому виду. Старые солдаты знаютъ, что они только метательный снарядъ и что безполезно сражаться. Они скачутъ грудой. У убитыхъ, большею частью, сломаны ноги въ колѣняхъ, потому что лошади скачутъ слишкомъ близко одна отъ другой *). (Arms and the Man, Act I).

Въ общемъ, пьеса носитъ всѣ отличительные признаки англійскихъ фарсовъ. Бернарда Шоу въ болгарахъ поражаетъ, главнымъ образомъ, предубѣжденіе противъ умыванія. Тотъ, кто моетъ руки разъ въ день, тотъ аристократъ. Раина протягиваетъ свою руку Блунчли, желая убѣдить его, что онъ въ безопасности.

Блунчли (пристально осматриваетъ свои руки). Лучше не дотрогивайтесь до моей руки. Мнѣ нужно прежде умыться. *Раина (тронутая).* Очень мило съ вашей стороны. Вижу теперь, что вы настоящій аристократъ. *Блунчли (въ недоумѣніи).* А? *Раина.* Я понимаю. У насъ въ Болгаріи тоже люди лучшаго круга, какъ мы, напр., приняли уже обычай мыть руки почти каждый день.—Во второмъ актѣ майоръ Петковъ, отецъ Раины, возвратившійся послѣ войны домой, справляется у жены о здоровьѣ.

Катерина. Я совсѣмъ здорова. Вотъ только горло болитъ по обыкновенію. *Петковъ (убѣжденно).* А все это потому, что ты моешь шею каждый день. Я тебѣ постоянно говорилъ это. *Катерина.* Пустяки, Павелъ. *Петковъ.* Рѣшительно не понимаю, зачѣмъ всѣ перенимаютъ модные обычаи. Отъ умыванія добра не можетъ быть; слишкомъ ужъ чудно оно. Былъ въ Филиппополѣ

---

*) Военные англійскіе историки говорятъ, что стремительная кавалерійская атака на сербскія батареи, рѣшившая судьбу сраженія при Сливницѣ удалась потому, что въ рѣшительный моментъ сербскіе артиллеристы нашли, что выданные имъ заряды не подходятъ къ машиннымъ пушкамъ.

англичанинъ, такъ тотъ обливался водой каждый день. Что за гадость! Вся мода идетъ отъ англичанъ. У нихъ тамъ климатъ, говорятъ, такой, что всѣ постоянно грязны, такъ что приходится все полоскаться. Ты припомни-ка моего отца! Никогда въ жизни своей онъ не купался, а прожилъ до девяносто лѣтъ и былъ самымъ сильнымъ человѣкомъ въ Болгаріи. Я ничего не имѣю противъ того, если люди такого хорошаго рода, какъ я, умываются разъ въ недѣлю. Нужно поддержать положеніе. Но мыться каждый день значитъ уже впадать въ крайность *).—Курьезно, что какой-то англійскій критикъ обидѣлся за болгаръ и упрекнулъ Бернарда Шоу за то, что онъ оскорбляетъ «народъ, борющійся за свою свободу». Бернардъ Шоу счелъ необходимымъ оправдываться въ предисловіи къ полному собранію своихъ драматическихъ произведеній. «Мой критикъ, вѣроятно, читалъ про ту ссору, которая возникла между Стамбуловымъ и знатной болгарской дамой по поводу того, что тотъ не всегда чистилъ ногти,—говоритъ Бернардъ Шоу.—Затѣмъ прибыло извѣстіе о варварскомъ убійствѣ Стамбулова. Вдова его украсила комнату, въ которой стоялъ гробъ, фотографіями, снятыми съ изрубленнаго и изувѣченнаго трупа. Это—достаточное подтвержденіе точности моего описанія способнаго народа, только что вышедшаго изъ рабскаго состоянія и перенимающаго европейскую цивилизацію» **). Обстоятельство, что Стамбуловъ забывалъ вычистить ногти, кажется англичанину, даже такому смѣлому, какъ Бернардъ Шоу, столь же дикимъ, какъ и украшеніе комнаты фотографіями изувѣченнаго трупа мужа.

При всемъ томъ «Arms and the Man»—очень остроумный и талантливый фарсъ. Заканчивается онъ вполнѣ какъ подобаетъ фарсу. Война кончена. Блунчли снова посѣщаетъ Петкова, на этотъ разъ не какъ бѣглецъ. Его вызываютъ въ Швейцарію, гдѣ умеръ старый Блунчли, оставивъ сыну нѣсколько гостиницъ. Сербскій офицеръ узнаетъ, что женихъ Раины, Сергѣй Сарановъ женится на другой, поэтому онъ самъ сватается къ дѣвушкѣ, которая произвела на него сильное впечатлѣніе.

Катерина (съ холодной и надменной вѣжливостью). Сомнѣваюсь, милостивый государь, понимаете ли вы вполнѣ высокое положеніе, занимаемое моею дочерью или майоромъ Сергѣемъ Сарановымъ, мѣсто котораго вы желаете занять. Сарановы и Петковы—самые богатые и вліятельные люди во всей Болгаріи. Наше положеніе почти историческое: нашъ родъ извѣстенъ вотъ уже двадцать лѣтъ. *Петковъ.* Не слѣдуетъ гордиться древностью рода, Ка-

---

*) «Arms and the Man», Act II.

**) «The four Pleasant Plays», p. XVII.

терина *(обращаясь къ Блунчли)*. Дѣло было бы еще поправимое если бы препятствіемъ брака являлась только наша родовитость. Но, чортъ возьми! Видишь ли, Блунчли, Раина привыкла къ роскошной жизни. Сергѣй держитъ двадцать лошадей. *Блунчли*. Зачѣмъ же ему столько? Циркъ у него, что ли? *Катерина (строгимъ тономъ)*. Моя дочь, милостивый государь, привыкла къ большой конюшнѣ. *Раина*. Замолчи, мама. Ты ставишь меня въ смѣшное положеніе. *Блунчли*. Ну, ладно, если остановка только въ конюшнѣ, то препятствія нѣтъ *(вынимаетъ изъ кармана пачку писемъ и счетовъ отъ своего адвоката)*. Сколько у него лошадей, говорите вы? *Сергѣй*. У меня ихъ двадцать, благородный швейцарецъ. *Блунчли*. А у меня двѣсти лошадей *(всѣ поражены)*. Сколько у васъ повозокъ? *Сергѣй*. Три. *Блунчли*. У меня семьдесятъ. Въ двадцати четырехъ изъ нихъ могутъ усѣсться внутри по двѣнадцати человѣкъ, да по два на козлахъ, не считая кучера и кондуктора. Сколько у васъ скатертей? *Сергѣй*. Чортъ его знаетъ, сколько! *Блунчли*. Есть ихъ у васъ четыре тысячи? *Сергѣй*. Нѣтъ. *Блунчли*. А у меня столько. У меня еще девять тысячъ шестьсотъ паръ простынь и одѣялъ, двѣ тысячи четыреста перинокъ, десять тысячъ вилокъ и ножей, да столько же дессертныхъ ложекъ. У меня служатъ шестьсотъ лакеевъ. Мнѣ принадлежатъ шесть громадныхъ домовъ, двѣ конюшни и лѣтній садъ съ пивной. Имѣю я четыре ордена и офицерскій чинъ, кромѣ того, я говорю на трехъ языкахъ. Назовите мнѣ еще кого-нибудь въ Болгаріи, у котораго было бы столько же. *Петковъ (съ дѣтскимъ благоговѣніемъ)*. Ты, вѣроятно, швейцарскій императоръ. *Блунчли*. Мое положеніе—высшее въ Швейцаріи: я свободный гражданинъ. *Катерина*. Въ такомъ случаѣ, капитанъ Блунчли, если дочь наша ничего не имѣетъ противъ васъ, я согласна. *(Петковъ хочетъ что-то сказать)*. Майоръ Петковъ такого же мнѣнія. *Петковъ*. Я очень, очень радъ. Двѣсти лошадей! Ай, ай! *).—У Бернарда Шоу были гораздо болѣе широкія задачи, чѣмъ написать веселый и остроумный фарсъ. Онъ имѣлъ въ виду доказать нелѣпость войны, превращающей въ добродѣтель грабежъ, убійство и рядъ другихъ преступленій. Правда, все это не ново; но Бернардъ Шоу часто говоритъ, какъ нѣчто необыкновенно оригинальное, старыя вещи. Нашъ авторъ, однако, увлекся возможностью дать смѣшную карикатуру и забылъ, какъ это часто бываетъ съ нимъ, свою основную мысль.

---

*) Arms and the Man. Act III.

VIII.

Послѣдней пьесой, дѣйствіе которой остается въ предѣлахъ реальности, является «мистерія» *Кандида*. Затѣмъ эксцентричный талантъ Бернарда Шоу уноситъ его въ область символизма. Комедіи теряютъ даже тотъ элементъ реальности, который необходимъ въ чисто фантастическихъ произведеніяхъ. Центральными фигурами «мистеріи» являются: Морелль, соціалистъ-пасторъ, мечтающій путемъ проповѣдей излѣчить всѣ общественныя язвы; затѣмъ, жена его Кандида и эксцентричный, далекій отъ жизни восемнадцатилѣтній поэтъ, который отчитываетъ пасторшу длинными тирадами. Поэтъ шокированъ, когда видитъ Кандиду съ метлой въ рукахъ.

Мэрчбэнксъ (мягкимъ музыкальнымъ, но печальнымъ и тягучимъ голосомъ). Я далъ бы вамъ не половую щетку, а лодку, маленькую шлюпку, чтобы уплыть въ ней далеко отъ этого міра, туда, гдѣ мраморные полы моетъ дождь и сушитъ солнце, гдѣ южный вѣтеръ выбиваетъ прекрасные зеленые и пурпурные ковры. Я далъ бы вамъ колесницу, чтобы унести насъ въ небеса, гдѣ свѣтильниками являются звѣзды, которыхъ не нужно наливать керосиномъ каждый день. *Морелль (рѣзко)*. И гдѣ можно лѣнтяйничать, быть себялюбивымъ и безполезнымъ. *Кандида (раздраженно)*. Джемсъ, зачѣмъ ты прервалъ его! *Мэрчбэнксъ (вспыхиваетъ)*. Да, лѣнтяйничать, быть себялюбивымъ и безполезнымъ, т. е. свободнымъ, счастливымъ и постигающимъ прекрасное. Развѣ не этого именно желаетъ каждый для своей возлюбленной? Таковъ мой идеалъ. О чемъ же мечтаете вы и люди, вамъ подобные, живущіе въ этихъ отвратительныхъ домахъ! О проповѣдяхъ и половыхъ щеткахъ? Вы проповѣдуете вашей женѣ необходимость скрести полы!» **). Поэтъ любитъ Кандиду. Онъ презираетъ и «болтуна» ея мужа, и себя. Наконецъ, онъ предлагаетъ пастору, чтобъ они вдвоемъ отказались отъ Кандиды. «Откажемся отъ нея оба,—пылко говоритъ онъ Мореллю.—Зачѣмъ должна она выбирать между жалкимъ, болѣзненнымъ неврастеникомъ, какъ я, и тупоголовымъ священникомъ, какъ вы. Пойдемъ паломничать: вы на востокъ, я—на западъ. Станемъ искать достойнаго ей возлюбленнаго, какого нибудь архангела съ пурпурными крыльями. *Морелль*. Глупости. Если Кандида настолько безумна, чтобы оставить меня ради васъ, то кто же защититъ ее? Кто ей поможетъ?

*) Plays: Pleasant und Unpleasant, v. II, p. XVIII.
**) Candida, Act II.

Кто станетъ работать для нея? Кто будетъ отцомъ ея дѣтей? *Мэрчбэнксъ (презрительно пожимаетъ плечами)*. Она не задаетъ такихъ вопросовъ. Ей самой нуженъ человѣкъ, которому она бы помогала, покровительствовала и за котораго бы работала. Она ищетъ взрослаго человѣка, котораго нужно было бы охранять, какъ ребенка. О, глупецъ, глупецъ, трижды глупецъ! Я—этотъ человѣкъ *(пляшетъ неистово)*. Вы, Морелль, не понимаете, что такое женщина! Позовите ее. Пусть она сама выбираетъ.

Выходитъ, что поэтъ, дѣйствительно, правъ, и женщины любятъ въ мужчинѣ то, что могутъ ему покровительствовать и охранять его: Кандида остается съ мужемъ, хотя, въ сущности, считаетъ его болтуномъ. «Конечно,—говоритъ она мужу,—все то, что ты излагаешь въ своихъ проповѣдяхъ, совершенно вѣрно и справедливо; но пользы онѣ никакой не приносятъ. Твоимъ слушателямъ рѣшительно все равно, что бы ты ни говорилъ. Конечно, они соглашаются съ тобой, но что за польза въ этомъ, если они поступаютъ совсѣмъ по другому, какъ только ты уходишь? Взгляни на нашихъ прихожанъ. Зачѣмъ они являются каждое воскресенье, чтобы послушать, какъ ты проповѣдуешь? Только потому, что они такъ заняты шесть дней мыслью о деньгахъ, что желаютъ забыть о нихъ хоть разъ въ недѣлю. Это необходимо для отдыха, чтобы на другой день еще съ большимъ рвеніемъ заняться добываніемъ денегъ. Твоею проповѣдью ты положительно помогаешь имъ стяжать богатство, вмѣсто того, чтобы останавливать ихъ. *Морелль*. Ты знаешь, Кандида, что я очень часто журю за это моихъ прихожанъ. Если имъ нужны только смѣхъ и забава, какъ ты говоришь, почему именно идутъ они въ церковь, а не въ какое другое мѣсто, гдѣ веселѣе? Несомнѣнно, хорошо уже то, что прихожане предпочитаютъ церковь другимъ мѣстамъ. *Кандида*. Всѣ другія мѣста заперты по воскресеньямъ. А если бы даже были отперты, то люди боятся, чтобъ ихъ не увидали, какъ они пойдутъ туда. Къ тому же, милый Джемсъ, ты проповѣдуешь такъ хорошо, что вполнѣ замѣняешь театры. Какъ ты думаешь, почему женщины такія восторженныя послѣдовательницы? *Морелль (обиженный)*. Кандида! *Кандида*. О, я знаю. Глупый мальчикъ! Ты думаешь, объясняется это твоимъ соціализмомъ или твоей вѣрой! Онѣ придутъ, что бы всѣмъ имъ ни проповѣдовали!.. *) Кандида остается съ Мореллемъ, потому что любитъ себя въ заботахъ о немъ. Она видитъ его безпомощнымъ ребенкомъ, безсильнымъ помимо своихъ проповѣдей. Ей нравится, что она покровительствуетъ ему. Типъ Морелля—одинъ изъ лучшихъ, удавшихся Бернарду Шоу. Въ ан-

*) Candida, Act II.

глійской литературѣ этотъ типъ пастора-демократа и реформатора затрогивался не разъ. Впервые мы его находимъ у Джорджа Эліота (въ «Феликсѣ Гольтѣ»); но Бернардъ Шоу далъ этому типу совершенно оригинальное освѣщеніе и, вслѣдствіе этого, образъ получился гораздо болѣе жизненный и выпуклый.

Переходимъ теперь къ фантастическимъ пьесамъ символическаго характера. Самымъ крупнымъ и своеобразнымъ произведеніемъ этого рода является комедія «Man and Superman», появившаяся въ концѣ 1903 г. и составляющая вмѣстѣ съ «The Revolutionist's Handbook» (собраніе парадоксовъ) четвертый томъ драматическихъ произведеній Бернарда Шоу. Въ этой комедіи являются испанскіе разбойники и не простые, а убѣжденные реформаторы, отрицающіе по принципу частную собственность. Тутъ въ горахъ Сіерра-Невады тѣнь Донъ-Жуана ведетъ философическія дискурсіи съ тѣнью доньи Анны и со статуей командора. Въ собесѣдники приглашаютъ дьявола. Ведутся бесѣды эти не въ стихахъ, какъ принято, а прозой. Это, конечно, нужно поставить Бернарду Шоу въ активъ. Тема разговоровъ—о природѣ человѣческой, вообще, и объ англичанахъ, въ частности. «Англичане никогда не будутъ рабами,—саркастически говоритъ діаволъ (припѣвъ патріотической пѣсни «Rule Britannia»—«Britons never, never, never will be slaves»): они вольны дѣлать все, что разрѣшитъ имъ правительство и общественное мнѣніе... Въ концертныхъ залахъ въ Англіи вы всегда найдете массу усталыхъ, отяжелѣвшихъ отъ непонятной музыки людей. Они пришли не потому, что, дѣйствительно, любятъ классическую музыку, а потому, что принято любить ее». — «Земля — театръ, на сценѣ котораго мужчины и женщины играютъ въ героевъ и героинь, въ праведниковъ и грѣшниковъ, — говоритъ Донъ-Жуанъ. — Изъ заблужденія выводитъ ихъ собственное тѣло. Голодъ, холодъ, жажда, старость, болѣзни, а, въ особенности, смерть дѣлаютъ ихъ рабами дѣйствительности. Нужно три раза въ день ѣсть и переваривать; необходимо, чтобы поколѣнія смѣнялись трижды въ столѣтіе. Вѣка вѣры, романтизма и науки всѣ свелись къ одной мольбѣ, которую твердитъ теперь человѣчество: «преврати меня въ здоровое животное!» «Всѣ поэты твердятъ на различные лады,— продолжаетъ Донъ-Жуанъ, — что за удивительное созданіе человѣкъ»! Да, но, въ то же время, какое неудачное! Человѣкъ—высшая форма проявленія бытія, наиболѣе сознательный изъ живыхъ организмовъ. А между тѣмъ, какъ несовершенно еще работаетъ его мозгъ! Глупость — свойственна человѣку. Трудъ и бѣдность придаютъ ей характеръ жестокости. Воображеніе осуждено на гибель раньше, чѣмъ пойметъ характеръ дѣйствительности. Чтобы скрыть послѣднее, фантазія изобрѣтаетъ иллюзіи и провозгла-

шаетъ за это самое себя геніемъ. Глупость обвиняетъ воображеніе въ безуміи, а воображеніе обвиняетъ безуміе въ невѣжествѣ. Увы, на сторонѣ глупости — знаніе, а воображенія — разумъ» *). Діаволъ Бернарда Шоу, повидимому, недавно прочиталъ опять «Прологъ въ Небѣ», именно, то мѣсто, гдѣ Мефистофель говоритъ:

Der Kleine Gott der Welt bleibt stets von gleichen Schlag,
Und ist so wunderlich als wie am ersten Tag.
Ein wenig besser würd'er leben,
Hätt'st du ihm nicht den Schein des Himmelslichts gegeben;
Er nennt's Vernunft und braucht's allein,
Nur thierischer als jedes Thier zu sein.

«Исходили ли вы недавно всю землю, какъ это сдѣлалъ я? — говоритъ онъ Донъ-Жуану. — Я присматривался всюду къ удивительнымъ изобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ человѣкомъ. Могу увѣрить васъ, что въ искусствѣ жить — человѣкъ ничего не придумалъ; за то въ искусствѣ истреблять онъ превзошелъ даже природу. При содѣйствіи химіи и машинъ онъ теперь можетъ производить такія же опустошенія, какъ когда-то чума или голодъ. Крестьяне, которыхъ искушалъ я теперь, ѣдятъ то же самое, что и десять тысячъ лѣтъ тому назадъ; избы, въ которыхъ они живутъ, не мѣняются даже въ тысячелѣтія такъ, какъ шляпка дамы-модницы — въ нѣсколько мѣсяцевъ. Но когда человѣкъ отправляется убивать, онъ беретъ съ собою машины, поражающія своимъ совершенствомъ. Малѣйшимъ движеніемъ пальца онъ можетъ освободить всю скрытую молекулярную энергію. Дротикъ, стрѣлы и сарбаканъ предковъ давнымъ давно забыты. Въ мирныхъ дѣлахъ человѣкъ — вахлакъ, неловкій пачкунъ. Я видѣлъ его ткацкія фабрики. Каждая собака, если бы ей только нужны были деньги, а не кормъ, могла бы выдумать эти тяжелыя машины. Я видѣлъ еще неуклюжія печатныя машины, неповоротливые паровозы и отвратительные велосипеды. Всѣ они, въ сравненіи съ максимовской пушкой или съ подводной лодкой, — топорныя игрушки. Машины, работающія на фабрикахъ, свидѣтельствуютъ только о жадности и мѣшкотности человѣка. Весь геній его проявляется только въ изобрѣтеніи орудій истребленія. Человѣкъ восхищается жизнью. Для него, однако, это — сила, причиняющая смерть. Онъ измѣряетъ свою жизнь — способностью причинять разрушеніе. Что такое его религія, какъ не поводъ ненавидѣть меня? Что такое его законъ, какъ не поводъ вѣшать другихъ? Мораль придумана имъ, чтобы потреблять богатства, не производя ихъ. Искусство — поводъ наслаждаться картинами истребленія...

*) Man and Superman, p. p. 103—106.

Я купилъ какъ-то журналъ для семейнаго чтенія и нашелъ, что всѣ картины тамъ изображаютъ молодыхъ людей, стрѣляющихъ или душащихъ другъ друга... Я присутствовалъ при смерти человѣка. Онъ былъ лондонскимъ каменщикомъ. У него остались вдова и семь дѣтей. Клубъ, членомъ котораго состоялъ каменщикъ, выдалъ вдовѣ семнадцать фунтовъ, которые она всѣ истратила на похороны, и потомъ, со всѣми дѣтьми, отправилась въ рабочій домъ. Она не истратила бы семи пенсовъ на образованіе дѣтей. Приходится заставлять ее, чтобы она посылала ихъ въ безплатную школу; но на похороны она истратила все, что имѣла. У людей воображеніе пробуждается только при видѣ чьейлибо смерти. Только тогда просыпается ихъ энергія. Люди любятъ смерть, и чѣмъ она ужаснѣе, тѣмъ любовь сильнѣе... То же самое — всюду. За высшую форму литературнаго произведенія люди, напримѣръ, признаютъ трагедію, т. е. такое представленіе, въ концѣ котораго убиваютъ всѣхъ. Въ старыхъ лѣтописяхъ говорится про землетрясенія и моръ, при чемъ прибавляется, что все это свидѣтельствуетъ о величіи Божіемъ и о ничтожествѣ человѣческомъ. Въ современныхъ лѣтописяхъ повѣствуется только про сраженія, про то, какъ двѣ арміи пускали другъ въ друга пули и разрывные снаряды до тѣхъ поръ, покуда одна сторона не одолѣла. Тогда побѣдители погнались верхомъ за бѣгущими и стали крошить ихъ саблями. Все это,—прибавляютъ современныя лѣтописи,—свидѣтельствуетъ о величіи и могуществѣ имперіи и о ничтожествѣ побѣжденныхъ. Узнавъ про такія сраженія, народъ бѣжитъ по улицамъ съ радостными воплями и подстрекаетъ свое правительство тратить на бойню еще десятки милліоновъ. Между тѣмъ, самый вліятельный министръ не рѣшится затратить лишнія деньги на уничтоженіе той бѣдности, мимо которой проходитъ каждый день. Я могъ бы привести еще десятки примѣровъ. Всѣ они сводятся къ одному и тому же. На землѣ владычествуетъ не сила жизни, а смерти. Человѣкъ появился не для того, чтобы стремиться къ высшей формѣ жизни, а потому, что въ экономіи природы понадобился болѣе совершенный организмъ для истребленія. Чума, голодъ, землетрясеніе, буря носятъ слишкомъ спазмодическій характеръ. Тигръ и крокодилъ слишкомъ легко насыщаются и не достаточно жестоки. Потребовалось нѣчто болѣе постоянное, болѣе безжалостное и болѣе изобрѣтательное въ искусствѣ истребленія. Тогда явился человѣкъ, изобрѣтатель дыбы, колеса, висѣлицы, казни при помощи электричества, меча и пушки, «правосудія», долга, патріотизма и другихъ «измовъ», заставляющихъ даже добродушныхъ людей быть особенно жестокими».

Бернардъ Шоу въ своихъ драмахъ проявляетъ двѣ несчастныя

слабости: во-первыхъ, его герои (въ особенности въ «философскихъ» пьесахъ) произносятъ безконечные монологи; во-вторыхъ, самъ авторъ, не разсчитывая на догадливость читателя, поясняетъ самъ характеръ своихъ героевъ въ длиннѣйшихъ ремаркахъ. Діаволъ также многоглаголивъ, какъ и всѣ остальные герои Бернарда Шоу, и также крошитъ въ одну кучу Ничше, Ибсена, Шопенгауэра и Толстого. Получается удивительная окрошка, въ которой серьезная и блестящая мысль чередуется съ дѣтскимъ и наивнымъ афоризмомъ. Донъ-Жуанъ у Бернарда Шоу является защитникомъ жизни. Къ сожалѣнію, онъ тоже не умѣетъ говорить иначе, какъ монологами въ двѣ-три страницы. Попади пьеса «Man and Superman» когда нибудь на сцену, на что надежды въ Англіи мало,— половина публики заснула бы въ центральной сценѣ, во время бесѣды діавола съ тѣнью Донъ-Жуана. И нужно было бы имѣть очень черствое сердце, чтобы не снизойти къ человѣческой слабости и осудить зрителей.

— Пустяки,—отвѣчаетъ Донъ-Жуанъ Мефистофелю.—Все это не ново. Ваша постоянная ошибка, мой милый другъ, заключается въ томъ, что вы простакъ и легко даетесь въ обманъ: вы вѣрите оцѣнкѣ, которую самому себѣ сдѣлалъ человѣкъ. Ничто такъ не польститъ ему, какъ ваше мнѣніе о немъ. Онъ любитъ считать себя смѣлымъ и злымъ, что, въ сущности, неправда. Человѣкъ попросту трусъ. Назовите его тираномъ, убійцей, пиратомъ, насильникомъ вы причините ему величайшее удовольствіе; онъ пойдетъ гоголемъ, гордясь тѣмъ, что въ его жилахъ еще течетъ кровь «русоволосаго звѣря» и морскихъ викинговъ былого времени. Назовите его лжецомъ и воромъ—онъ привлечетъ васъ только къ суду за клевету; но назовите его трусомъ—и онъ придетъ въ бѣшенство отъ ярости. Чтобъ не слышать этой правды, онъ пойдетъ даже на смерть. Человѣкъ даетъ вамъ всѣ объясненія своихъ поступковъ, кромѣ одного: перечислитъ всѣ обстоятельства, смягчающіе его преступленіе, кромѣ одного: трусости. Между тѣмъ, вся цивилизація держится, въ сущности, на его трусости, гнусной покорности, которую человѣкъ называетъ респектабельностью. Есть предѣлъ терпѣнію осла или мула; но человѣкъ будетъ выносить все до тѣхъ поръ, покуда его подлость не станетъ противна даже угнетателю, и тотъ сдѣлаетъ попытку реформы.

— Совершенно вѣрно, — отвѣчаетъ діаволъ. — И это — твари, въ которыхъ вы открываете новую мощь—стремленіе къ высшей жизни.

— Да,—отвѣчаетъ Донъ-Жуанъ,—удивительнѣе всего то, что вы можете сдѣлать этихъ трусовъ храбрецами, если дадите имъ

идеалъ... Человѣкъ, который въ своихъ личныхъ дѣлахъ—трусъ до мозга костей, будетъ драться, какъ левъ, за идеалъ *).

Итакъ, смыслъ «философской» бесѣды, растянутой на 53 страницы **), тотъ, что человѣчество должно быть обновлено идеаломъ, который не есть стремленіе къ «респектабельности», выставленной средними классами. Жизнь — сила, производившая безконечные опыты, организуя самое себя,—говоритъ Донъ-Жуанъ.—Мамонтъ и человѣкъ, мышь и мегатеріумъ, мухи и творцы догматизированной метафизики всѣ являются болѣе или менѣе успѣшной попыткой претворенія сырой силы во все болѣе высокія индивидуальности. Идеальная индивидуальность должна быть всесильна, всевѣдуща, безъ самообмана увѣрена въ свою мощь. Нужно совершенное самопознаніе.

— Зачѣмъ же жизни заботиться о томъ, чтобы научиться думать?—вставляетъ свой вопросъ статуя командора.—Зачѣмъ ей познать себя? Зачѣмъ не просто наслаждаться?

— Безъ развитого разума, командоръ, вы будете наслаждаться, не сознавая того. Такимъ образомъ, наслажденіе утеряетъ свою прелесть,—поясняетъ Донъ-Жуанъ.

— Совершенно вѣрно; но, съ меня вполнѣ достаточно ровно настолько ума, чтобы сознавать, что я наслаждаюсь. Мнѣ совсѣмъ не нужно знать *почему*. Лучше даже не знать. Изъ опыта мнѣ извѣстно, что наслажденія теряютъ свою прелесть, когда вдумываешься въ нихъ.

— Потому то разумъ такъ не популяренъ; но для жизни онъ необходимымъ, ибо безъ него человѣкъ можетъ искать только смерть».

Какъ «добрый старый поэтъ» Уотъ Уитманъ — Донъ-Жуанъ поетъ разумъ, мощь его; какъ Уотъ Уитманъ, Донъ-Жуанъ вѣритъ въ силу разума, а потому проникнутъ глубокимъ оптимизмомъ. Но у поэта демократіи къ восторженному убѣжденію прибавляется еще *простота* формы, этотъ неотъемлемый элементъ каждаго дѣйствительно великаго произведенія. Донъ-Жуанъ Бернарда Шоу заботится въ значительной степени не столько о томъ, чтобы сказанное имъ была правда, сколько о томъ, чтобы выражено это было эксцентрично, вычурно, не такъ, какъ у другихъ.

Я упомянулъ уже про то, что Бернардъ Шоу, не довѣряя сообразительности своихъ читателей и зрителей, даетъ имъ въ безконечныхъ ремаркахъ характеристики дѣйствующихъ лицъ. Въ

---

*) Man and Superman, A. III, p. p. 106—111.
**) Ibid., p. p. 56—139.

этомъ отношеніи, конечно, у Бернарда Шоу есть предшественникъ: тотъ самый художникъ, который подписалъ нарисованнаго имъ льва; но ремарки до такой степени обстоятельны, что становятся, въ концѣ концовъ, любопытны. Вотъ, напр., Рэбекъ Рамсдэнъ, представитель поколѣнія «отцовъ» въ послѣдней философской драмѣ. «Въ кабинетѣ, гдѣ онъ сидитъ, – читаемъ мы въ ремаркѣ,—все сверкаетъ, все солидно, все выполировано. Даже макушка головы Рэбека тоже выполирована. Въ солнечный день, простымъ наклоненіемъ головы, онъ могъ бы посылать геліограмы въ далекій лагерь... Онъ больше, чѣмъ респектабельный человѣкъ: Рэбекъ президентъ респектабельныхъ людей, предсѣдатель среди директоровъ, ольдермэнъ среди совѣтниковъ, мэръ—среди ольдермэновъ... Рэбекъ одѣтъ въ черный сюртукъ, бѣлый жилетъ и штаны, которые не черны и не сини; это тотъ смѣшанный цвѣтъ, придуманный суконщиками, чтобы онъ гармонировалъ съ религіозными убѣжденіями вполнѣ солидныхъ людей... Рэбекъ родился въ 1839 г.; съ молодыхъ лѣтъ онъ былъ унитаріанцемъ и фритрэдеромъ, и съ появленія происхожденія видовъ—эволюціонистомъ, поэтому, Рэбекъ всегда считалъ себя передовымъ человѣкомъ и безстрашнымъ реформаторомъ», и т. д. Ремарка занимаетъ почти двѣ страницы. Иногда Бернардъ Шоу не только поясняетъ, такимъ образомъ, характеръ своихъ героевъ, но пускается даже въ ремаркахъ въ философію. «Вечеръ въ горахъ Сіерра Невада... На холмѣ стоитъ человѣкъ и караулитъ дорогу; онъ или испанецъ, или шотландецъ. По всей вѣроятности, однако, испанецъ, такъ какъ одѣтъ, какъ мѣстный пастухъ, и чувствуетъ себя въ этихъ горахъ, какъ дома... На откосѣ горы, въ пещерѣ, ведущей въ каменоломню, съ десятокъ людей. Судя по тому, какъ беззаботно размѣстились они вокругъ потухающаго костра изъ пожелтѣвшихъ листьевъ и прутняка, можно заключить, что они думаютъ, что составляютъ живописную группу. Въ сущности же говоря, это совсѣмъ не такъ. Горы терпятъ лишь этихъ людей, какъ мы—блохъ. Англійскій политикъ или членъ комитета призрѣнія бѣдныхъ призналъ бы этихъ людей за отборную шайку бродягъ и за нищихъ, могущихъ работать. Это описаніе отнюдь не означаетъ, что шайка состоитъ изъ «обломковъ человѣчества». Кто внимательно наблюдалъ нашихъ бродягъ или посѣщалъ ночлежные пріюты при рабочихъ домахъ, знаетъ, что посѣтители этихъ мѣстъ не всѣ горькіе пьяницы или слабоумные. Одни изъ завсегдатаевъ рабочихъ домовъ не подошли къ тому классу, къ которому принадлежатъ по рожденію. Тѣ же самые таланты, которые дѣлаютъ образованнаго джентльмэна артистомъ, —превращаютъ необразованнаго рабочаго въ «работоспособнаго нищаго». Бываютъ люди, попадающіе въ рабочій домъ, по-

тому что никуда не годны. Но есть тамъ также и такіе, которые очутились въ рабочемъ домѣ по другой причинѣ. Они настолько независимы, что пренебрегли общественными предразсудками. Они увидали, что незачѣмъ жить тяжелымъ поденнымъ трудомъ, когда можно явиться въ рабочій домъ, объявить себя безпомощнымъ бѣднякомъ и заставить, такимъ образомъ, на законномъ основаніи, содержать и кормить себя лучше, чѣмъ на волѣ. Мы готовы крайне снисходительно отнестись къ посредственному поэту, отказывающемуся отъ мѣста въ банкирской конторѣ и перебивающемуся на чердакѣ, задалживая хозяйкѣ и знакомымъ. Мы понимаемъ даму, которая только потому, что она «лэди», готова менѣе пойти въ вѣковѣчныя приживалки, чѣмъ стать кухаркой или горничной. Такого же снисхожденія заслуживаютъ работоспособный нищій и его разновидность – бродяга.

«Дальше. Человѣкъ съ воображеніемъ, чтобы сдѣлать свою жизнь сносной, долженъ имѣть досугъ, чтобы тѣшить самого себя фантазіями; ему нужно такое положеніе, которое легко можно украсить выдуманными декораціями. У чернорабочаго нѣтъ такого досуга. Его положеніе не поддается прикрашиванію. Мы очень плохо обращаемся съ нашими работниками. И когда человѣкъ не желаетъ, чтобы съ нимъ поступали такъ, мы говоримъ, что онъ отказывается отъ честнаго труда. Будемъ откровенны въ этомъ отношеніи и перестанемъ лицемѣрить. Если бы люди умѣли разсуждать, четыре пятыхъ ихъ немедленно отправились бы въ комитетъ призрѣнія нищихъ и потребовали бы, чтобы ихъ содержали на общественный счетъ. Это подорвало бы весь соціальный строй, но повело бы къ благодѣтельнымъ перемѣнамъ. Не дѣлаемъ этого потому, что мы, подобно муравьямъ и пчеламъ, работаемъ по инстинкту, не разсуждая. Поэтому, отнесемся съ уваженіемъ къ человѣку, умѣющему мыслить и могущему сказать намъ, послѣ того, какъ онъ примѣнитъ кантовскій критеріумъ къ своимъ поступкамъ: «если бы каждый дѣйствовалъ, какъ я, міръ вынужденъ былъ бы преобразоваться въ промышленномъ отношеніи и уничтожить рабство и нищету, существующія только потому, что люди поступаютъ, какъ вы». Станемъ не только уважать такого человѣка, но постараемся послѣдовать его примѣру. Будь онъ джентльмэномъ, пускающимъ въ ходъ рѣшительно все, чтобы добиться пенсіи или синекуры, а не чистильщикомъ улицъ,—никто не сталъ бы его осуждать за то, что онъ изъ двухъ золъ выбралъ меньшее; ему предстояло рѣшить, что лучше: жить ли на счетъ общества, или дать обществу жить на свой счетъ, и онъ избралъ первое. Поэтому, станемъ смотрѣть на нашихъ бродягъ изъ Сіерра Невада безъ предубѣжденія. Признаемъ, что у насъ съ ними общія стремленія,

а именно, по возможности, жить на чужой счетъ. Разница въ положеніи нашемъ и ихъ—только случайная. Одного или двухъ изъ той компаніи, что сидитъ у костра, лучше было бы убить безъ церемоніи, дружескимъ образомъ. Есть двуногіе, какъ и четвероногіе, которые слишкомъ опасны, когда они не на цѣпи. Совершенно безсмысленно заставлять другихъ людей караулить такихъ двуногихъ. Но такъ какъ общество не имѣетъ мужества истребить ихъ, а, только помучивъ и унизивъ, выпускаетъ опять на свободу, то вполнѣ понятно, что они обрѣтаются въ горахъ Сіерра Невада подъ начальствомъ атамана. Этотъ послѣдній сидитъ въ центрѣ группы на обтесанномъ камнѣ, принесенномъ изъ каменоломни. Атаманъ—высокій, сильный человѣкъ, съ крючковатымъ носомъ, лоснящимися черными волосами, остроконечной бородой, съ закрученными усами и съ мефистофелевскимъ выраженіемъ лица. Объясняется оно, вѣроятно, тѣмъ, что въ горахъ—красивѣе, чѣмъ на Пиккадили» (модная лондонская площадь)» и т. д. Это все изъ одной замѣтки; она тянется еще дальше на цѣлую страницу.

Мы видѣли, что однѣ пьесы эксцентричнаго автора не попали на сцену, потому что рѣзки (въ англійскомъ смыслѣ), другія—никогда не увидятъ театра, потому что это, собственно говоря, философскіе трактаты. Не смотря на путаницу во взглядахъ автора, всѣ его пьесы носятъ характеръ злого, не всегда систематическаго анализа современнаго общества. Бернардъ Шоу признаетъ его нелѣпымъ, дикимъ и ненормальнымъ. Въ этомъ Бернардъ Шоу сильно отличается отъ Пинеро.

VIII.

Джорджъ Мередитъ.

I.

Въ мало извѣстномъ теперь трудѣ «The Principles of Success in Literature» Генри Льюисъ, авторъ «Физіологіи обыденной жизни», пытается выяснить основы литературнаго успѣха. Книга написана немножко докторально, съ слишкомъ большой склонностью формулировать все въ законы и разбивать на категоріи. Въ этомъ трудѣ, между прочимъ, авторъ защищаетъ положеніе, что важнѣйшее условіе успѣха—оригинальность. «Въ литературѣ мы видимъ,—говоритъ Льюисъ,—мало писателей оригинальныхъ и толпу подражателей... Подражатель видитъ, какъ легко повто-

рить уже сказанное. Онъ желаетъ внести свои улучшенія, прибавить больше «глубины» и «философіи», которыхъ, какъ ему кажется, нѣтъ въ литературномъ произведеніи, имѣвшемъ успѣхъ. Недостатки послѣдняго подражатель отлично понимаетъ, и недоумѣваетъ, почему публика, принявшая съ восторгомъ это произведеніе, совершенно равнодушна къ «исправленному» и «улучшенному» перепѣву. Подражатель объясняетъ это глупостью публики. Онъ скорбитъ по поводу равнодушія къ геніямъ и жалуется на капризные вкусы публики. Успѣхъ какого нибудь Дюма раздражаетъ подражателя и кажется ему загадкой *). Подражатель не понимаетъ, что писатель выдвигается въ силу *оригинальной*, самобытной черты, развитой соотвѣтствующимъ образомъ. Подражатель можетъ быть и умнѣе, и развитѣе оригинальнаго писателя, можетъ вѣрнѣе его смотрѣть на вещи, лучше разбираться въ явленіяхъ жизни; но у него нѣтъ своей складки. И этимъ онъ неизмѣримо ниже самобытнаго писателя, порой не умнаго и не развитого. Дюма произвелъ громадное впечатлѣніе, тогда какъ подражатель не имѣлъ успѣха. И неудачники приходятъ или къ заключенію, что имъ нѣтъ счастья («нѣтъ достаточно сильныхъ рекомендацій къ издателямъ или къ редакторамъ»), или, что вкусы публики извращены. Оба эти заключенія, по мнѣнію Льюиса, крайне ошибочны. Онъ ставитъ вопросъ, въ какой степени успѣхъ является мѣриломъ заслуги? Строго говоря, — отвѣчаетъ нашъ авторъ,—успѣхъ—мѣра *абсолютная*. И это положеніе не разрушается несомнѣннымъ фактомъ, что недолговѣчныя произведенія имѣли иногда выдающійся успѣхъ. Ибо мы всегда должны обращать вниманіе на то, какая часть публики апплодируетъ, въ какомъ классѣ произведеніе имѣло успѣхъ. Произведеніе, подоспѣвшее къ моменту и попавшее въ тонъ настроенію общества въ данную минуту, можетъ имѣть большой успѣхъ и сильно выдвинетъ автора. Но успѣхъ тутъ объясняется не удачей или счастьемъ, а тѣмъ, что произведеніе въ извѣстной степени отвѣчаетъ запросамъ публики въ данный моментъ. Кто первый понялъ настроеніе момента, можетъ быть безконечно менѣе даровитъ, чѣмъ писатель, стоящій въ сторонѣ отъ движенія, или чѣмъ тотъ, который выступаетъ, когда моментъ прошелъ. Въ литературѣ, какъ и въ жизни, внезапный натискъ побѣждаетъ колеблющуюся силу... Успѣхъ,

---

*) Нужно имѣть въ виду, что Дюма-отецъ пользуется до сихъ поръ въ Англіи колоссальнымъ успѣхомъ. Мы, жители континента, какъ и «подражатель», о которомъ говоритъ Льюисъ,—останавливаемся, какъ передъ загадкой, предъ тѣмъ, какимъ образомъ «Графъ Монте-Кристо» и «Три Мушкатера» въ спискахъ «лучшихъ книгъ» въ Англіи значатся на ряду съ «Коперфильдомъ», или даже съ «Донъ-Кихотомъ».

временный или продолжительный, является мѣркой, показывающей существующее соотношеніе между произведеніемъ и настроеніемъ общества» *).

Читатель видитъ, какъ доктoральнымъ тономъ можно говорить не совсѣмъ оригинальныя истины; но въ этихъ строкахъ Льюисъ затрогиваетъ крайне любопытное явленіе. Въ исторіи литературы всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ, мы безпрерывно наталкиваемся на произведенія, которыя имѣли поразительный успѣхъ не столько въ силу присущихъ имъ достоинствъ, сколько потому, что *публика вкладывала въ произведеніе свое собственное пониманіе.* Другими словами, читатели находили, что сами желали найти. Не одни и тѣ же произведенія имѣютъ шумный успѣхъ въ періоды подъема и упадка общественнаго духа. Драмы, романы или поэмы, ставившіеся выше небесъ въ моментъ своего появленія, могутъ быть зачислены черезъ короткій промежутокъ времени въ категорію бездарныхъ или же слабыхъ произведеній. Мнѣ кажется, есть нѣчто *постоянное* въ характерѣ той литературы, которая имѣетъ успѣхъ въ періоды подъема и упадка общественнаго духа. Однѣ и тѣ же типичныя черты можно указать во французской литературѣ эпохи 1789—1796 гг., въ нѣмецкой литературѣ періода бурныхъ стремленій и пр. Въ моменты подъема общественнаго духа въ авторѣ нравится стремительность, рѣзкость, проповѣдь индивидуализма. Нравится даже грубость, какъ проявленіе силы. Всѣ эти черты мы находимъ въ изобиліи въ романахъ, драмахъ и поэмахъ нѣмецкихъ литераторовъ эпохи натиска и бурныхъ стремленій (Ленца, Клингера и др.). Въ моменты упадка общественнаго духа будутъ имѣть успѣхъ изящность отдѣлки, вычурность, сентиментальность, проповѣдь мистицизма и самоусовершенствованія. Англійскіе средніе классы пожимаютъ плечами, когда слышатъ отъ насъ, жителей континента, что намъ нравится Байронъ. Богомъ поэзіи они считаютъ Теннисона, чтеніе котораго кажется намъ такимъ же процессомъ, какъ питье, стаканъ за стаканомъ, переслащенной воды. Въ моменты общественнаго подъема, публика подхватываетъ на лету каждую фразу произведенія, попавшаго въ тонъ, и придаетъ ей новое глубокое значеніе... Нужно сказать также, что, если характерныя черты произведеній, имѣвшихъ поражающій успѣхъ въ моменты общественнаго подъема постоянны, то постоянно также отношеніе многихъ критиковъ. Большею частью это—сторонники застоя или слѣпые люди, не замѣтившіе, что произведеніе (очень часто грубое и нескладное) имѣло поражающій успѣхъ только потому, что общественное самосознаніе пробудилось.

*) «The Principles of Success in Literature», p. p. 8—12.

Во Франціи, въ Германіи, въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ противъ такихъ писателей, инстинктивно угадавшихъ моментъ, неизмѣнно выставлялось одно и то же обвиненіе въ «цинизмѣ» и въ «приверженности къ грязи». Поучительно то, что обвиненіе это неизмѣнно выставляли господа, смѣшивавшіе постоянно литературу съ полицейскимъ участкомъ...

Я приведу нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи сказаннаго. Всѣ знаютъ бурный успѣхъ безсмертной комедіи Бомаршэ. Читатели знаютъ, конечно, какимъ образомъ ловились на лету монологи вродѣ слѣдующаго, напр.:—Нѣтъ, графъ,—восклицаетъ Фигаро, узнавъ, что Альмавива хочетъ отнять у него невѣсту,—она вамъ не достанется! Потому только, что вы вельможа, вы уже считаете себя геніемъ! Дворянство, санъ, богатство внушаютъ человѣку столько гордости! Но что вы сдѣлали, чтобы добиться всѣхъ этихъ благъ? Вы потрудились только родиться—больше ничего. И способности-то у васъ заурядныя, тогда какъ мнѣ, чортъ возьми!.. Мнѣ, затерянному въ сѣрой толпѣ, нужно было выказать несравненно больше искусства и сообразительности, чтобы только продержаться, чѣмъ затрачивалось этихъ свойствъ за цѣлыхъ сто лѣтъ, чтобы управлять всей Италіей. И вы хотите тягаться со мной!

— При умѣ ты выдвинешься впередъ!—говоритъ графъ въ третьемъ актѣ.

— Умъ, чтобы подвинуться на государственной службѣ!—восклицаетъ Фигаро,—вы смѣетесь надо мной: «médiocre et rampant, et l'on arrive à tout!»

Я не буду, однако, касаться этой комедіи, не смотря на то, что къ ней до сихъ поръ примѣнимы слова Вольтера объ отличныхъ шпагахъ, находимыхъ въ старыхъ арсеналахъ *). Дѣло въ томъ, что я имѣю въ виду теперь произведенія *посредственныя*, имѣвшія успѣхъ только потому, что читатели вложили въ нихъ свое собственное содержаніе. Остановлюсь, поэтому, на другой драмѣ, теперь совершенно забытой, но о которой упоминается въ любой исторіи французской революціи. Я говорю о «Карлѣ IX»—Шенье. «Первое представленіе трагедіи (въ ноябрѣ 1789 г.),—говоритъ историкъ,—носило характеръ акта государственной важности. Вся лѣвая сторона учредительнаго собранія присутствовала въ театрѣ. Мирабо, въ концѣ концовъ, долженъ былъ оставить свое кресло въ партерѣ и занялъ мѣсто въ ложѣ, какъ бы пред-

*) Въ старыхъ произведеніяхъ, какъ въ заброшенныхъ арсеналахъ, гдѣ никто не роется уже, можно найти отлично отточенныя шпаги, которыми воинъ можетъ воспользоваться, чтобы проткнуть глупцовъ» («Oeuvres de Voltaire», Correspondance générale, 1761).

сѣдатель. Публика продолжительными аплодисментами подчеркивала каждый стихъ, въ которомъ находила намекъ на современныя событія. Актеры должны были повторять дважды цѣлые монологи, какъ аріи въ оперѣ... Молодой авторъ сразу сталъ знаменитостью. До тѣхъ поръ онъ написалъ лишь два совершенно неудачныхъ произведенія «Edgar ou le page supposé» и «Azémire». Теперь и эти слабыя произведенія сразу нашли восторженныхъ поклонниковъ. «Карлъ IX» былъ провозглашенъ величайшей національной трагедіей. Восторженные поклонники требовали немедленной постановки памятника молодому писателю» *). Трагедію давали съ тѣмъ же успѣхомъ каждый вечеръ. Когда попробовали было поставить другую пьесу, собравшаяся публика стала кричать: «Трагедію Шенье! Трагедію Шенье!» Поднялся занавѣсъ; но за крикомъ ничего нельзя было слышать. Наконецъ, къ рампѣ подошелъ режиссеръ.

— Господа,—началъ онъ,—мы съ удовольствіемъ удовлетворили бы ваше требованіе и поставили бы трагедію, но актриса Вестри («Катерина Медичи») больна, а Сэнъ-При («Адмиралъ Колиньи») тоже въ постели, такъ какъ у него рожа на ногѣ.—Но тутъ неожиданно къ рампѣ подошелъ актеръ Тальма.

— Я вамъ отвѣчаю за г-жу Вестри,—началъ онъ.—Она станетъ играть, чтобы показать вамъ свой патріотизмъ. Что касается роли адмирала Колиньи, то ее можно читать по тетрадкѣ.

И начатую уже пьесу прекратили, а вмѣсто нея, при бѣшеныхъ аплодисментахъ,—поставили «Карла IX». Черезъ два года трагедію совершенно забыли. Но это произведеніе всетаки имѣетъ свои достоинства. При извѣстномъ усиліи его можно дочитать до конца еще и теперь, чего нельзя сказать о комедіи (или «пророчествѣ въ одномъ актѣ», какъ значится на обложкѣ) «гражданина Сильвэна Марешеля»—«Le jugement Dernier», поставленной съ безпримѣрнымъ успѣхомъ 18 октября 1793 г. Пьеса породила цѣлую серію подражаній. «Граждане,—говорится въ обращеніи автора къ публикѣ,—вспомните, какъ въ былое время, на порабощенной сценѣ выводили на потѣху знатнымъ лакеямъ и главамъ ихъ—народъ. Мнѣ кажется, теперь пришелъ нашъ чередъ поступить наоборотъ. Довольно «эти господа» потѣшались надъ нами. Предадимъ ихъ теперь на посмѣяніе. Вотъ по какимъ соображеніямъ я написалъ пьесу» (изъ Journal des Révolutions de Paris de Prud'homme (ut. XVII, p. 109). Положительные типы комедіи—«десять санкюлотовъ, одѣтые въ костюмы различныхъ странъ». Отрицательные типы—«Ces Messieurs», о которыхъ упоминаетъ авторъ, и представляющіе тоже различныя страны. Дѣй-

*) *Louis Moland*, Théatre de la Revolution, p. p. VII.

ствіе происходитъ на «необитаемомъ островѣ, на которомъ курится громадный вулканъ». «На переднемъ планѣ, въ тѣни деревьевъ—хижина, а позади ея—скала, на которой написано углемъ: il vaut mieux avoir pour voisin un volcan qu'un roi. Liberté... Égalité». Въ хижинѣ живетъ старикъ французъ, сосланный сюда двадцать лѣтъ тому назадъ, за любовь къ свободѣ, и забытый. Къ острову пристаютъ въ шлюпкахъ десять санкюлотовъ различныхъ странъ. Они привезли на необитаемый островъ папу, короля англійскаго, короля испанскаго и пр.

— Товарищи,—говорятъ санкюлоты французы,—островъ обитаемъ.

— Браво! Браво!—восклицаютъ они, прочитавъ надпись на скалѣ.

— Здѣсь, должно быть, живетъ жертва стараго порядка. Счастливая встрѣча!—говорятъ другіе.

— Я слышу, вы часто повторяете слово «санкюлотъ»,—говоритъ пріѣзжимъ старикъ.—Что обозначаетъ это странное слово?

— Я тебѣ объясню это, достойный старецъ,—начинаетъ французъ.—Санкюлотъ, прежде всего, человѣкъ свободный, отличный патріотъ, всегда добрый, всегда здоровый. Онъ—достойный гражданинъ, добывающій хлѣбъ въ потѣ лица, любящій трудъ. Онъ—хорошій сосѣдъ, отличный товарищъ и отецъ семейства, но непримиримъ, когда дѣло касается отстаиванія своихъ правъ.

— Братья мои, дѣтушки! — восклицаетъ старикъ. — Въ такомъ случаѣ, я тоже санкюлотъ!

Къ острову пристаютъ въ это время въ челнокахъ дикари, такіе, какъ ихъ понимали въ то время по Руссо.

— Вотъ мои добрые сосѣди, — говоритъ старикъ. — Я не знаю ихъ языка, они не знаютъ нашего; но человѣческое сердце всюду одинаково на всемъ земномъ шарѣ. Мы объясняемся знаками и отлично понимаемъ другъ друга... Честные санкюлоты! Эти дикари раньше насъ поняли значеніе свободы! Они рождены свободными и таковыми живутъ и умираютъ *).

Санкюлоты забираютъ старика и уѣзжаютъ, оставивъ на островѣ тѣхъ, кого они привезли.

— Вы были бичами сосѣдей; вы истощили свою страну, сковывали мысль, убили земледѣліе, — говоритъ имъ въ видѣ напутственнаго слова одинъ изъ санкюлотовъ.

«Начинается изверженіе вулкана,—говорится въ ремаркѣ,—на

---

*) Мы слышимъ тутъ отзвукъ «Contrat Social»: «Человѣкъ рожденъ свободнымъ, но всюду онъ въ оковахъ... Всѣ рождаются равными и свободными и должны отчуждать свою свободу только для собственной пользы». (Contrat Social, Livre I, 1. 2).

сцену летятъ камни, раскаленные угли и пр. Среди оставленныхъ начинается драка».

— Если я спасусь, — даетъ обѣтъ одинъ, — я стану самъ санкюлотомъ (занавѣсъ падаетъ).

Теперь, перечитывая пьесу (ее можно найти въ сборникѣ «Théatre de la Révolution», изданномъ въ 1877 г. Луи Моланомъ. Сюда вошли: «Карлъ IX»—Шенье, «Жертвы монастыря», «Другъ законовъ», «Jugement Dernier», «Современные Аристиды» и «Poissarde Parvenue»), рѣшительно невозможно понять, почему она имѣла такой поразительный успѣхъ, если мы не примемъ во вниманіе настроеніе публики.

Хорошей иллюстраціей являются также произведенія Якова Ленца, одного изъ самыхъ крупныхъ представителей періода бурныхъ стремленій. Въ драмахъ «der Neue Menoza», «Гувернеръ», «Die Freunde machen den Philosophen» затѣмъ «Anmerkungen ueber Theater» мы находимъ типичныя черты, характеризующія посредственныя произведенія эпохи подъема общественнаго духа: грубоватость, выраженіе самаго неограниченнаго индивидуализма, объявившаго войну всѣмъ установленнымъ кодексамъ морали. Ленцъ — почти русскій писатель. Большой непосѣда, онъ бродилъ по всей Германіи, а въ 1781 г., черезъ Ригу, попалъ въ Москву, гдѣ прожилъ до самой смерти, около одиннадцати лѣтъ. Ленцъ былъ друженъ съ новиковскимъ кружкомъ и съ Карамзинымъ, котораго, вѣроятно, и познакомилъ съ Шекспиромъ. Насколько мнѣ извѣстно, Ленцъ — первый по времени писатель въ рядахъ «бывшихъ людей» въ Москвѣ. Онъ сильно пилъ, потерялъ уроки, которыми жилъ, опустился, бродяжилъ по Москвѣ безъ постоянной квартиры и скончался на улицѣ. Каждый курсъ литературы отмѣчаетъ то колоссальное впечатлѣніе, которое производили произведенія Ленца. Каждая драма была крупнымъ событіемъ. «Гувернера» восторженные поклонники ставили выше произведеній Гете; но я позволю себѣ не соглашаться съ тѣми историками литературы, которые говорятъ, что произведенія Ленца можно читать теперь съ удовольствіемъ. Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь одолѣлъ теперь драму въ одинъ присѣстъ, точно такъ, къ, вѣроятно, никто не въ силахъ одолѣть теперь подъ рядъ трехъ семъ изъ «Новой Элоизы».

О другомъ вождѣ періода натиска и бурныхъ стремленій — ридрихѣ Клингерѣ можно сказать то же самое. Драма его «Sturm und Drang» произвела такое сильное впечатлѣніе, что дала названіе цѣлой эпохѣ. Въ этомъ произведеніи современное общество усматривало все; мы же, черезъ 125 лѣтъ, не выносимъ ничего, ...тельной скуки. Читатель эпохи натиска и бурь и чи-

татель современный, въ отношенiи къ упомянутой драмѣ (и не только ея одной), находятся въ положенiи идеалиста и скептика, выведенныхъ у Гейне въ «Gespräch auf der Paderborner Haide». Одинъ слышитъ пѣнiе дѣвушекъ, ведущихъ хороводъ; ему чудятся сладкiе звуки рожка и свирѣли, далекiй согласный перезвонъ колоколовъ; онъ видитъ на опушкѣ лѣса бѣлое покрывало красавицы. Скептикъ отвѣчаетъ, что онъ слышитъ лишь визгъ поросятъ, хрюканье свиней и мычанье коровъ. Что же касается красавицы на опушкѣ лѣса, онъ видитъ лишь сгорбленную, старую, сморщенную лѣсничиху. Идеалистъ говоритъ, наконецъ:

Nun, mein Freund, so magst du lachen
Ueber des Phantasten Frage!
Wirst du auch zur Täuschung machen,
Was ich fest im Busen trage? *)

Конечно, радостный звонъ колоколовъ, возвѣщающихъ обществу близость разсвѣта, — это не «Täuschung»; но это — внутреннее содержанiе самого читателя, а не извѣстнаго произведенiя. Къ слову сказать, и Фридрихъ Клингеръ былъ тоже почти русскiй (онъ даже назывался Өедоромъ Ивановичемъ); но только не изъ категорiи «бывшихъ людей», а «поумнѣвшихъ». Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка Клингеръ, покончивъ съ увлеченiями молодости, попалъ въ Россiю, гдѣ выдвинулся. Онъ былъ директоромъ пажескаго корпуса, генералъ - лейтенантомъ, выгодно женился на русской, что не мѣшало ему ненавидѣть Россiю; говорятъ, до конца жизни онъ дѣлилъ весь мiръ на «людей» и на «русскихъ». Анализъ произведенiй, имѣвшихъ громадный успѣхъ въ эпоху подъема общественнаго духа, приводитъ насъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ выводамъ. Когда общество находится въ перiодѣ пробужденiя самосознанiя, никакiя внѣшнiя препоны не удержатъ критическую мысль. Она выразится такъ или иначе. Если время не благопрiятно для практическаго дѣйствiя, если внѣшнiя условiя суровы къ малѣйшему проявленiю активнаго протеста,—будутъ проявляться не художественныя произведенiя, съ героями, дикiя страсти и эксцентричныя выходки которыхъ поражаютъ читателей позднѣйшей эпохи. На зарѣ перiода натиска и бурныхъ стремленiй какой-то нѣмецъ жаловался въ «Швабскомъ магазинѣ»:

«Трудно выяснить,—писалъ онъ,—характеръ народа, которому предоставлено такъ мало свободы, какъ намъ, несчастнымъ нѣмцамъ: каждая характерная черта, которую мимоходомъ отмѣ-

*) Теперь, мой другъ, ты можешь смѣяться надъ вопросомъ фантазера, сочтешь-ли ты обманомъ то, что я ношу въ своей груди?

чаетъ перо безпристрастнаго наблюдателя, можетъ открыть ему дорогу въ общество колодниковъ. Но, не смотря на то, что господствующая у насъ форма правленія не даетъ нѣмцу возможности проявлять свою активность, всетаки мы люди, не лишенные страстей».

Эти «страсти», эти силы, не находящія себѣ выхода въ жизни, проявляются тогда въ литературѣ въ видѣ бурнаго гимна личности; въ стремительныхъ монологахъ въ родѣ: «Священная искра Прометея выгорѣла, и ее стали добывать изъ канифольнаго порошка, этого театральнаго огня, на которомъ нельзя раскурить и трубки табаку».

...«Люди искажаютъ свою здоровую природу нелѣпою рутиною... Нѣтъ! я не въ силахъ болѣе объ этомъ думать! Мнѣ ли сдавить свое тѣло шнуровкою и заковать свою волю въ законы? Законъ заставляетъ ползать улиткой того, кто бы взвился орлинымъ полетомъ. Законъ не создалъ еще ни одного великаго человѣка, тогда какъ свобода высиживаетъ крайности и колоссовъ!» *(Разбойники*, дѣйствіе I, сцена II). Одна изъ характерныхъ особенностей пьесъ, имѣющихъ успѣхъ въ эпоху подъема общественнаго духа, та, что въ нихъ очень много монологовъ и очень мало дѣйствія. Всѣ участвующія лица говорятъ длинно и складно.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ замѣтокъ слѣдующій. Пусть произведенія, какъ «Гувернеръ» Ленца, какъ «Sturm und Drang» Клингера, какъ «Карлъ IX» Шенье или какъ «Les victimes cloitrées» Монвеля недолговѣчны; пусть общество ошибается въ переоцѣнкѣ ихъ; но появленіе такихъ произведеній отрадный фактъ, будящій оптимизмъ. Такія произведенія—жаворонки, показывающіе приближеніе весны. Они дороги не своими литературными достоинствами, которыя, большею частью, ничтожны, а тѣмъ, что знаменуютъ мощное пробужденіе общественнаго духа. Вотъ почему пусть Крамеры и Бодмеры осуждаютъ «безнравственность» произведеній эпохи натиска и бурныхъ стремленій! Профессіональное занятіе сикофантовъ искони состояло въ составленіи доносовъ и... въ защитѣ нравственности. Люди же, любящіе разсвѣтъ, возрадуются, увидѣвъ, какъ публика восторженно принимаетъ произведенія современныхъ Ленцовъ...

Я говорилъ до сихъ поръ про характерныя особенности литературныхъ произведеній эпохи подъема общественнаго духа. Обратимся теперь къ произведеніямъ, имѣющимъ колоссальный успѣхъ въ классахъ, гдѣ наблюдается упадокъ духа общественности. Эти произведенія отличаются изящностью отдѣлки; въ нихъ очень много удѣляется мѣста мистицизму, метафизикѣ и пр. Классическимъ примѣромъ можетъ служить Марія Корелли, самая популярная

романистка наиболѣе консервативныхъ классовъ современнаго англійскаго общества. Объ успѣхѣ произведеній этой писательницы можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Послѣдній романъ ея «Temporal Power» вышелъ въ началѣ 1902 г. Съ тѣхъ поръ разошлось болѣе 800 тысячъ экземпляровъ. Въ публичныхъ библіотекахъ книги Маріи Корелли обновляются каждый годъ: старые экземпляры зачитываются до дыръ и до выпаденія листовъ. Для «ниже-среднихъ» и, отчасти, для среднихъ классовъ—Марія Корелли—идеалъ писательницы. Они восторгаются ея стилемъ, ея темами, героями, «философіей», словомъ—всѣмъ. Марія Корелли любитъ темы «философскія». Она написала романы «Горести сатаны», «Могучій Атомъ», «Дума Лилитъ», «Ардатъ», «Жижка» и пр. Въ этихъ произведеніяхъ трактуются вопросы теологическіе и теософскіе. Марія Корелли воюетъ съ римско-католической церковью и доказываетъ, что единственно справедливая вѣра—англиканская (The Master-Christian), она показываетъ «законъ Карма» (Жижка), выводитъ на сцену Люцифера (The sorrows of Satan) или даетъ совѣтъ королю и народнымъ агитаторамъ (Temporal Power). Сатана и астральныя тѣла выводятся не въ символическомъ значеніи, а *буквально*. Вотъ, напримѣръ, романъ «The sorrows of Satan».

Бѣдный журналистъ Джафри Темпестъ не знаетъ, чѣмъ заплатить за квартиру. Въ одно утро ему приносятъ сразу три письма: первое прибыло отъ пріятеля изъ Австраліи и рекомендуетъ журналисту таинственное лицо: князя Люціо Риманеца; во второмъ—адвокатъ сообщаетъ, что въ Америкѣ у Темпеста умеръ дядюшка, оставившій племяннику пять милліоновъ ф. ст. Третье письмо отъ самого Люціо,—псевдонимъ,—подъ которымъ скрывается не кто иной, какъ самъ князь тьмы, Люциферъ. Вообще, герои, обитающіе въ другомъ мірѣ, являются въ романахъ Корелли подъ прозрачнымъ псевдонимомъ; но остальныя дѣйствующія лица отличаются удивительной недогадливостью. Такъ, напримѣръ, когда Люціо появляется въ комнатѣ Темпеста,—всѣ огни тухнутъ сразу и начинаетъ пахнуть сѣрой; но, тѣмъ не менѣе, журналистъ не догадывается, кто у него въ гостяхъ. Еще больше недогадливы гости на большомъ банкетѣ. Люціо вызывается имъ показать живую картину «Уголъ ада». Гремитъ громъ, пахнетъ сѣрой, вспыхиваетъ голубоватое пламя, разверзается земля, и присутствующіе видятъ адъ въ дѣйствительности. «Предъ ними была черная и глубокая пещера, въ которой сверкали то огонь, то ледъ. Громадныя ледяныя сосульки висѣли съ потолка, а съ пола то поднимались, то упадали блѣдные огненные языки. Въ глубинѣ сидѣлъ призракъ человѣка и считалъ деньги. И по мѣрѣ того, какъ золотыя монеты

падали изъ крючковатыхъ пальцевъ тѣни—онѣ превращались въ огонь». Гремитъ страшный громъ. Публика трепещетъ; но Люціо успокаиваетъ гостей, увѣряя ихъ, что это—одинъ изъ пунктовъ программы представленія. И гости успокаиваются. Ни одинъ изъ нихъ не догадывается, что самъ Сатана показываетъ имъ настоящій адъ. Я забылъ упомянуть про одну сцену. Марія Корелли выводитъ своего критика. Сатана хватаетъ его въ крючковатыя лапы и грозитъ его швырнуть въ адъ, если критикъ попрежнему будетъ ругать геніальныя произведенія, которыхъ не понимаетъ.

Читатель скептически качаетъ головой. «Неужели возможна публика, принимающая „Люцифера, какъ таковаго»,—говоритъ онъ. Я укажу на «процессъ духовъ», о которомъ упомянуто въ концѣ третьей главы этой книги. На судѣ демонстрировались «протоколы» бесѣдъ съ духами, столы, при помощи которыхъ совѣщаніе происходило и пр.

Въ послѣднемъ по времени романѣ Маріи Корелли выведенъ король, который переодѣвается и отправляется въ клубъ заговорщиковъ. Дѣйствіе происходитъ теперь, обстановка—англійская. Заговорщики—соціалъ-демократы, какъ ихъ понимаетъ Марія Корелли. Проповѣдь ихъ направлена, главнымъ образомъ, противъ католической вѣры. Вотъ, напримѣръ, рѣчь главнаго заговорщика Торда. Въ католическомъ соборѣ идетъ служба. Торжественно гудитъ органъ, и слышатся слова: «Sancta Dei Genitrix, ora pro nobis». Тордъ на улицѣ взываетъ къ толпѣ:

— Sancta Dei Genitrix, ora pro nobis! Слышите ли вы, мужи! Слышите ли вы, о жены! Чему это учитъ васъ? «Пресвятая Матерь Божья!» Кто Она? Женщина, къ которой снизошелъ Богъ. Что изъ этого выходитъ? Мужи должны уподобиться богамъ, а жены—матерямъ боговъ. Ибо каждый праведникъ и доблестный мужчина, рожденный въ свѣтъ, носитъ въ себѣ Бога. Онъ сотворенъ Богомъ и долженъ возвратиться къ Богу. Каждая женщина, родившая честнаго и мужественнаго человѣка, произвела на свѣтъ существо, созданное по образу и подобію Божьему. «Sancta Dei Genitrix», къ вамъ взываю, жены! Будьте всѣ матерями богоподобныхъ существъ. Къ вамъ обращаюсь, мужи! Будьте какъ боги, [illegible]облести, по любви къ истинѣ, къ мудрости и свободѣ! Не по[illegible]е, чтобы діаволъ взялъ надъ вами верхъ. Ибо діаволъ су[illegible]етъ, какъ существуетъ Богъ. Діаволы рождаются тоже отъ [illegible]ъ, какъ и боги. Зло существуетъ, какъ и добро. Зло тоже [illegible]га, ибо безъ Бога не было бы ни зла, ни добра. Такъ ста[illegible]же мы, дѣти божіи, стремиться къ борьбѣ со зломъ». Тордъ [illegible]тъ подобнымъ образомъ на протяженіи нѣсколькихъ

А вотъ тайное засѣданіе заговорщиковъ. Туда являются три незнакомца, изъявившіе желаніе поступить въ сообщество. Предсѣдатель читаетъ имъ предварительно уставъ. Повидимому, соціалъ-демократы Маріи Корелли начитались статей изъ «Daily Mail» о промышленной конкурренціи иностранцевъ. «Мы клянемся,—гласитъ уставъ,—бороться съ иностранными конкуррентами, подрывающими нашу промышленность. Всѣ хозяева фирмъ и фабрикъ, дающіе занятіе иностранцамъ, а не отечественнымъ работникамъ,—измѣнники и будутъ наказаны нами, какъ таковые». «Заговорщики» проповѣдуютъ то же самое, что и уличная патріотическая газетка Daily Express, требующая изгнанія всѣхъ работниковъ-иностранцевъ. Поступающіе въ сообщество подписываютъ «пергаментъ» и не просто чернилами, а кровью таинственной дѣвицы Лотисъ, исполняющей обязанность верховной жрицы кружка соціалъ-демократовъ.

— Вы поклялись,—говоритъ жрица,—теперь подписывайте хартію.—Она завернула широкій рукавъ, обнажила руку и уколола тѣло кинжаломъ. На бѣлой кожѣ, какъ крупный рубинъ, показалась капля крови.

— Перо!—сказала Лотисъ. Тордъ подалъ новое орлиное перо и свитокъ пергамента. Одинъ изъ поступающихъ въ сообщество подписывается Леруа. Подъ прозрачнымъ псевдонимомъ дѣйствительно скрывается король. Леруа скоро выдвигается своими яростными обличеніями католицизма и короля. Сообщество бросаетъ жребій, кому устранить послѣдняго. Достается это на долю Леруа. И вотъ, взойдя на платформу, онъ говоритъ: «король будетъ устраненъ немедленно. Ибо—король я». Вначалѣ заговорщики смущены, но сцена кончается криками: «да здравствуетъ король!» Вотъ какъ романистка понимаетъ и разрѣшаетъ общественные вопросы. Все это чередуется безконечными разсужденіями о томъ, какая церковь лучше: католическая или англиканская, затѣмъ слѣдуютъ диссертаціи о «кармѣ», «астральныхъ тѣлахъ», о лѣченіи молитвой и пр. Успѣхъ этихъ произведеній непонятенъ, если мы не обратимъ вниманіе на читателей. Когда общество или какой нибудь классъ его находится въ періодѣ умственнаго застоя или реакціи, тогда его начинаютъ интересовать вопросы о самосовершенствованіи; лѣнивая, сонная мысль, какъ въ болото, погружается въ метафизику и въ мистицизмъ. Въ одномъ случаѣ это болото, какъ въ произведеніяхъ Корелли, наполнено «астральными тѣлами»; въ другомъ — домыслами чистой метафизики. Результатъ одинъ и тотъ же.

II.

Во время войны идея имперіализма увлекла не только массы. Она вскружила голову священникамъ, поэтамъ (Киплингъ, Свинбернъ, Остинъ), романистамъ, публицистамъ, соціологамъ (Бенджаменъ Киддъ), историкамъ... Въ разгаръ войны за публицистами изъ Daily Mail потянулись по одной дорогѣ, повидимому, не имѣющіе ничего общаго съ ними члены фабіанскаго общества. Свинбернъ не только лучшій поэтъ Англіи, но прогремѣлъ своими поэмами въ защиту свободы. Два года тому назадъ онъ, конкуррируя съ Альфредомъ Майльсомъ, Гаральдомъ Вильямсомъ и др. присяжными поставщиками патріотической поэзіи, воспѣвалъ пожары и обличалъ тѣхъ, кто заступался за «самокъ и щенятъ непріятеля». Теперь грозовая туча, приводившая почти въ отчаяніе людей, переживщихъ этотъ періодъ, почти проползла. Даже Рэдіардъ Киплингъ, воспѣвавшій годъ тому назадъ «самую лучшую жизнь въ мірѣ» («the lordiest life in the world»)—солдатскую, прославлявшій сабельные удары и градъ картечи,—теперь слагаетъ гимны миру, труду и братскому единенію недавнихъ враговъ. Но большой ошибкой будетъ полагать, что все небо очистилось уже. Предо мной лежитъ только что вышедшій «ученый» трудъ историка Стэнлэй-Литлъ—«Progress of British Empire in the Century» (W. and R. chambers, London, 1903). Въ этой книгѣ говорится объ «исторической миссіи имперіализма»: принести въ міръ правосудіе, свободу и федерацію подъ однимъ флагомъ и однимъ закономъ. Необходимымъ шагомъ къ этому долженъ быть общій языкъ—англійскій. «Крайне досаднымъ обстоятельствомъ является то,—говоритъ нашъ историкъ,—что Германія, повидимому, тоже стремится къ такой же цѣли». Съ необыкновенной серьезностью авторъ дальше развиваетъ картину золотого вѣка, который наступитъ, когда весь міръ приметъ англійскій языкъ. Историкъ не думаетъ утверждать, что французскій, итальянскій или нѣмецкій языки не совершенны. Нѣтъ, ихъ нужно устранить потому, что они мѣшаютъ прогрессу имперіализма.

Историкъ нашъ знаетъ, что желаніе навязать чужой языкъ культурному народу, имѣющему свою богатую, мощную литературу, можетъ повести къ кровавой борьбѣ, и онъ, вдохновенно закативъ глаза, рекомендуетъ британскому народу «опоясать чресла мечемъ» и «готовиться къ бою». Какъ настоящій пророкъ, авторъ не только указываетъ на будущее, но и громитъ настоящее. «Пороки и погоня за удовольствіями истощили наши высшіе классы. Сельскій работникъ, опора страны, бѣжитъ въ городъ, гдѣ гибнетъ физи-

чески и нравственно въ трущобахъ. Совѣтъ историка не новъ: «таможенный союзъ съ колоніями» съ цѣлью возродить отечественное производство и убить міровое. Стэнлэй-Литлъ не единственный носитель такихъ принциповъ. Такой колоссальный трудъ, какъ десятое изданіе «Британской Энциклопедіи», весь проникнутъ одной общей идеей имперіализма. Въ интересахъ имперіализма, хорошо извѣстный у насъ въ Россіи Бенджамэнъ Киддъ выступилъ съ проповѣдью невольничества, прикрывъ этотъ грубый терминъ «научными» словами: «соціологическій законъ», «требованія культуры», «столкновеніе расъ», «экономика» и пр. Священники, подготовляя юношество для имперіи, указываютъ имъ на Римъ, который принесъ миръ варварамъ. Они могли бы также указать на одно мѣсто изъ «Жизнеописанія Агриколы» Тацита, которое, къ сожалѣнію, теперь имѣетъ еще большій смыслъ, чѣмъ во времена великаго историка древняго міра: тогда оно относилось къ одному только Риму, а теперь къ цѣлому ряду государствъ, основанныхъ на милитаризмѣ. Тацитъ вкладываетъ въ уста вождя британцевъ слѣдующія слова, направленныя противъ римлянъ: «Напрасно смиреніемъ и послушаніемъ вы думаете остановить ихъ гордость и стремленіе къ захвату. Эти насильники, руководимые своею страстью опустошать, захватили всѣ земли и теперь грабятъ моря. Если непріятель богатъ, онъ распаляетъ ихъ жадность; если же онъ бѣденъ—то будитъ ихъ честолюбіе. Грабителей этихъ не насытятъ ни страны, лежащія на востокъ, ни тѣ, что лежатъ на западъ. Съ одинаковой жадностью они стремятся овладѣть и богатыми, и бѣдными. Когда они ограбятъ страну, вырѣжутъ ее, свершатъ всякаго рода насилье,—они называютъ это установить правительство. А когда распространятъ всеобщее опустошеніе, то называютъ это миромъ (Ubi solitudinem faciunt, pacem appellant).

Я сказалъ, что, къ счастью, грозовая туча проходитъ, хотя облаковъ еще много. Въ самое мрачное время, года два тому назадъ, когда многіе молчали, не рѣшаясь плыть противъ теченія,—въ числѣ особенно громко протестовавшихъ противъ дикаго опьяненія имперіализмомъ былъ престарѣлый романистъ Джорджъ Мередитъ, новое изданіе сочиненій котораго (Chapman and Hall) внушило мнѣ всѣ эти замѣтки. Мередитъ представляетъ крайне интересное явленіе въ современной англійской литературѣ. Имя его извѣстно каждому. Всѣ согласны, что Мередитъ—одинъ изъ величайшихъ англійскихъ романистовъ; между тѣмъ, изъ 100 человѣкъ—95 никогда не читали ни одной его страницы. Его лучшіе романы, появившіеся тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ, выдержали только одно, два изданія. Только теперь, послѣ пятидесятилѣтней литературной дѣятельности, появляется первое полное со-

браніе сочиненій Мередита. И это тогда, когда «Могучій Атомъ» и «Душа Лилитъ» Маріи Корелли выдержали сотню изданій, а «Шерлокъ Хольмесъ» (похожденія сыщика) Конанъ Дойля популяренъ еще больше. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда газеты не были еще такъ распространены, какъ теперь, Теккерей иронизировалъ надъ страстью публики знать всѣ мелочи частной жизни героя минуты. «Всѣ мы желаемъ знать мельчайшія подробности о людяхъ, выдвинувшихся чѣмъ нибудь въ военномъ дѣлѣ, въ литературѣ или въ наукѣ. Одинъ или два удачныхъ или геройскихъ подвига, и имя человѣка выдвигается изъ однообразной толпы. Теперь онъ стоитъ уже особо. Мы изучаемъ его въ деталяхъ, желаемъ знать все, касающееся его. Мы бродимъ вокругъ него, прикидываемъ взглядомъ нашъ и его ростъ. Нашъ герой кажется намъ безупречнымъ; мы обзываемъ его критиковъ злобствующими завистниками. Всего лишь вчера онъ былъ—никто. Никого не интересовало, гдѣ онъ родился, кто его родители и какого цвѣта у него волосы. Сегодня десятки людей разыскиваютъ, какъ онъ учился въ школѣ, и была ли его бабушкѣ привита оспа. Попадись кому нибудь теперь счета отъ прачки Гольдсмита,—онъ напечаталъ бы ихъ, какъ интересный историческій документъ. Сотни газетъ, навѣрное, перепечатали бы счета». Со времени Теккерея отмѣченныя имъ черты, конечно, не изгладились, а наоборотъ, обозначились еще болѣе рѣзко. Какая нибудь газета отмѣтитъ цвѣтъ пиджака героя минуты, и это будетъ перепечатано десяткомъ изданій. Кто только не бываетъ такимъ героемъ минуты? Недавно палачъ Биллингтонъ, возвращаясь изъ Лондона послѣ совершонной казни, былъ ночью выброшенъ кѣмъ то изъ вагона на полотно дороги. Палачъ только ушибся. На другой день въ вечернихъ газетахъ появились цѣлые столбцы: тутъ было и interview съ палачемъ, и описаніе его пиджака, и детали о томъ, что онъ любитъ ѣсть за обѣдомъ и пр... Есть большіе и маленькіе люди, которые до безумія любятъ, чтобы газеты сообщали о нихъ такія подробности. Въ провинціальную газету, въ которой я когда то работалъ, такія замѣтки правильно доставлялись самимъ лицомъ, описываемымъ въ нихъ. Положеніе этого лица было при томъ таково, что провинціальная газета не рѣшалась и помыслить объ отказѣ въ напечатаніи. Въ замѣткѣ самъ авторъ писалъ о себѣ, что онъ или супруга его «изволили прибыть въ театръ». Помню, въ корректурѣ такой замѣтки было перенесено «генералъ-лей-тенантъ». ...торъ, требовавшій всѣ корректуры, если упоминалось про него, ...ь переносъ слова за личное оскорбленіе, усмотрѣлъ въ ...ей» какой-то намекъ и велѣлъ немедленно переверстать ...чтобы слово «лейтенантъ» стояло въ одну строку...

Но я нѣсколько уклонился въ сторону.

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten.

Мередитъ *никогда* не былъ героемъ момента. О немъ никогда не писали газеты. Его біографія—хронологія напечатанныхъ книгъ, изъ которыхъ каждая отмѣчаетъ какой-нибудь этапъ мысли. Отчасти это объясняется также крайне своеобразной манерой писанія Мередита. Одинъ изъ восторженныхъ поклонниковъ англійскаго романиста такъ образно описываетъ впечатлѣніе, произведенное этимъ стилемъ. «Мередитъ старательно избѣгаетъ называть вещи ихъ собственными именами. Повидимому, ему доставляетъ даже странное удовольствіе запутывать все въ непроницаемый туманъ, чтобы сбить читателя и подразнить его. Меньше всего, понятно, романистъ обращаетъ вниманіе на вашъ гнѣвъ, который даже забавляетъ его. «О, чортъ возьми! это скверно!»—восклицаете вы, переворачивая страницу, потомъ другую, третью... Вы ищете дорогу ощупью. Когда вы выбьетесь изъ силъ, — откажитесь отъ попытки и ступайте въ театръ. На другой день снова примитесь за чтеніе: вы увидите, что кругомъ, мало-по-малу, туманъ проясняется. Мало-по-малу, вы начнете различать дѣйствующихъ лицъ и окружающіе предметы». Объ этомъ своеобразномъ стилѣ, созданномъ подъ вліяніемъ Жана Поля Рихтера (Мередитъ воспитывался въ Германіи), я скажу еще впослѣдствіи. Такая манера писать отпугиваетъ большую публику. Она получила, по наслышкѣ, преувеличенное представленіе о томъ туманѣ, о которомъ говоритъ только что цитированный Легальенъ. Большая публика интересуется мельчайшими деталями героевъ момента, которыхъ понимаетъ, которые ей по плечу. Вотъ чѣмъ объясняется, что мельчайшія черты изъ біографіи не только Маріи Корелли и Конанъ-Дойля, но даже Биллингтона,—неизмѣримо больше интересуютъ уличную прессу, чѣмъ вся полувѣковая литературная дѣятельность Джорджа Мередита.

Я указалъ на то, что Мередитъ чутко отзывался на явленія, выдвинутыя жизнью. Отзывчивость эта—характерная черта творчества романиста. Мередитъ гордится тѣмъ, что, не смотря на старость (ему идетъ семьдесятъ пятый годъ), онъ не живетъ только прошлымъ. «Долженъ сознаться,—я сильно постарѣлъ,—но ни сердце, ни умъ не старѣютъ у меня. Я по прежнему гляжу на жизнь глазами юноши. Надѣюсь, никогда я не уподоблюсь тѣмъ старикамъ съ парализованной мыслью, которые живутъ только прошлымъ и глядятъ на всѣхъ, какъ на анахронизмъ, только потому, что зажили сами чужой вѣкъ и не могутъ помириться съ этой эволюціей».

Я привелъ выдержку изъ *единственнаго* interview, которое

когда либо далъ Мередитъ. Во всѣхъ произведеніяхъ Мередита мы находимъ подтвержденіе, что романистъ сказалъ представителю газеты то, что всегда чувствовалъ. Мередитъ издалъ нѣсколько сборниковъ своихъ стихотвореній. «Ne tu pueri contempseris annos»—является девизомъ въ нихъ. Въ наиболѣе характерной для него поэмѣ Мередитъ говоритъ, что «воплемъ совѣсти» должно служить:

Привѣтствуй молодыя поколѣнія
И не завѣщай имъ дома въ развалинахъ *).

Поэтъ считаетъ это «и долгомъ, и утѣшеніемъ». Онъ горько жалуется на стариковъ, которые

On their last plank,
Pass mumbling it as nature's final page

(т. е. «съ ропотомъ дѣлаютъ свой послѣдній шагъ, какъ будто со смертью ихъ переворачивается послѣдняя страница природы»), на умственныхъ паралитиковъ, навязывающихъ молодежи свои понятія и свою «мудрость». Старики страшатся «мощныхъ и смѣлыхъ пловцовъ, которые отчалятъ на новомъ кораблѣ въ открытое море, прочь отъ одряхлѣвшаго, выродившагося города».

«Земля любитъ все юное,—такъ начинается одинъ изъ сонетовъ Мередита.—Ей противна болтливая старость. Все сильное и здоровое ненавидитъ старость, живущую лишь въ прошломъ». Внѣшность Мередита соотвѣтствуетъ этимъ словамъ. «Прежде всего Мередитъ произвелъ на меня впечатлѣніе своимъ чрезмѣрнымъ богатствомъ жизни,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, вышедшихъ два года тому назадъ,—Макъ-Карти.—Когда я увидѣлъ его впервые, Мередитъ давно уже вышелъ изъ періода молодости. Между тѣмъ, живость его и стремительность говорили о неувядающей юности. Каждое движеніе его—полно энергіи. Кипучая сила появляется въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи... Интересовался онъ рѣшительно всѣмъ. Рѣчь его была увлекательна. Меня все больше и больше поражало сходство между человѣкомъ и писателемъ».

Мередитъ вѣритъ въ молодость, потому что это періодъ, когда мысль окрылена, когда воображеніе имѣетъ орлиное ширяніе въ облакахъ:

Days, when the ball of our vision
Had eagles that flews unabasched to sun.

---

*) Keep the young generations in hail
And bequeath them no tumbled house.

Навязывая старыя воззрѣнія молодымъ поколѣніямъ, мы, по мнѣнію Мередита, рискуемъ продѣлать опытъ доктора Франкенштейна, даже если дѣйствуемъ съ лучшими намѣреніями. Докторъ Франкенштейнъ — герой фантастическаго романа Шелли (жены поэта). Изъ частей человѣческаго тѣла, вырытыхъ изъ могилы или унесенныхъ изъ анатомическаго театра, докторъ Франкенштейнъ составляетъ и оживляетъ чудовище, которому авторъ забылъ дать имя. Это существо, ставшее нарицательнымъ въ англійской литературѣ, обладаетъ мускульной силой, животными страстями, но лишено всего человѣческаго.

Чудовище знаетъ о своемъ несовершенствѣ и стремится къ одному: отомстить ученому, вызвавшему его къ жизни. Оно убиваетъ брата и невѣсту Франкенштейна, покушается на жизнь доктора, но неудачно и, въ концѣ концовъ, скрывается въ Ultima Thule земного шара. Романъ написанъ въ 1817 г., въ эпоху господства самаго необузданнаго романтизма. Этимъ объясняется дикая форма, въ которую отлита совершенно реальная мысль. Руководясь при воспитаніи опредѣленными, застывшими канонами и не соображаясь съ индивидуальностью того живого организма, надъ которымъ оперируемъ, мы рискуемъ повторить опытъ доктора Франкенштейна. Подобный опытъ, въ болѣе реальной обстановкѣ, продѣлываетъ сэръ Остинъ Фиверель, герой ранняго романа Мередита «The Ordeal of Richard Feverel». Авторъ задался психологическимъ вопросомъ воспитанія. Отецъ составилъ точную и полную программу. Въ системѣ предусмотрѣно все, кромѣ индивидуальности. Богатый, гордый своими предками баронетъ обманутъ своей женой. Онъ рѣшаетъ вытравить изъ души своего маленькаго сына всѣ черты, полученныя, по предположенію баронета, по наслѣдству отъ лэди Фиверель, и вырабатываетъ сложную, тщательно обдуманную систему воспитанія. Одинъ изъ пунктовъ ея гласитъ: «берегись неожиданностей». И именно неожиданность разрушаетъ всю систему. Неожиданностью является страстное увлеченіе. Меньше всего я желалъ бы внушить мысль, что Мередитъ пишетъ романы, чтобы доказать опредѣленную идею. Въ этомъ отношеніи имѣется крайне любопытное показаніе самого автора. Въ 1887 г. въ «Nort American Review» появилась статья о Мередитѣ. Романистъ написалъ автору ея письмо, въ которомъ говоритъ, между прочимъ: «Когда вы въ заключеніи статьи говорите, что если во вкусахъ общества произойдетъ перемѣна, она будетъ обусловлена моимъ вліяніемъ, — вы даете мнѣ тотъ вѣнокъ, о которомъ я такъ страстно мечталъ. Ибо, по моему мнѣнію, жизнью нужно пользоваться, чтобы проложить путь для поколѣній, которыя должны явиться за нами. Мои произведенія я

цѣню лишь постольку, поскольку они дѣлаютъ это. Для успѣха цивилизаціи необходимо знать людей и разбираться въ ихъ душевной жизни. Я пришелъ къ заключенію, что романъ, иллюстрирующій естественную исторію человѣка, можетъ подготовить путь для дальнѣйшихъ поколѣній. Но *никогда* я не принимался за романъ съ намѣреніемъ доказать теорію, развиваемую въ немъ. *Основная мысль произведенія догоняетъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ на полупути.* Вы говорите, что въ моихъ произведеніяхъ мало сценъ. Такъ ли это вездѣ? Мой методъ заключается въ подготовленіи читателя къ рѣшительной сценѣ, въ которой характеръ героевъ долженъ обозначиться вполнѣ. Эту сцену я пытаюсь всегда разработать возможно полнѣе». Мередитъ «встрѣчаетъ на полупути»,—пользуясь его выраженіемъ,—обвиненіе въ томъ, что стиль его жесткій и не отличается легкостью. «Для пониманія мысли автора,—отвѣчаетъ романистъ,—читатель всегда долженъ употребить извѣстное умственное напряженіе. Мысль жестка; оперируя всегда съ жесткими предметами, стиль поневолѣ пріобрѣтетъ жесткость». Мередитъ правъ въ одномъ отношеніи: его романы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, философскіе и психологическіе трактаты. Авторъ оперируетъ не надъ отвлеченными величинами, а надъ живыми существами. Письмо заканчивается сознаніемъ автора, что въ Англіи его читаютъ очень мало. «Въ Англіи у меня очень мало поклонниковъ,—говоритъ онъ.—На дняхъ я прочиталъ критическую статью, въ которой меня обзываютъ арлекиномъ, выкидывающимъ головоломныя штуки. Къ такимъ рецензіямъ я привыкъ, какъ привыкаютъ нѣкоторые ораторы къ дохлымъ кошкамъ и къ обломкамъ кирпича».

Мередитъ интересуется, по преимуществу, вопросами философскими; но формы, въ которыя отливаются его мысли, крайне разнообразны: тутъ сонеты, поэмы, теоретическіе трактаты (On the idea of Comedy and of the Uses of the comic Spirit), фантастическіе разсказы, навѣянные изученіемъ средневѣковой литературы (Farina), наконецъ, тѣ психологическіе, реалистическіе романы, которые доставили славу писателю *).

III.

Мы, жители континента, не сходимся въ поэтическихъ вкусахъ съ англичанами. Для насъ—величайшій англійскій поэтъ Байронъ, который больше всего говоритъ нашему сердцу. Геніаль-

*) Если не ошибаюсь, по русски переведены только два романа: «Эгоистъ» и «Карьера Бьючэмпа».

ный другъ Байрона—Шелли нашелъ теперь себѣ въ Россіи талантливаго переводчика, который, въ большинствѣ случаевъ, превосходно передалъ подлинникъ. Переводчикъ самъ поэтъ, помимо того, что онъ удивительно изучилъ Шелли. Но Бальмонтъ, какъ поэтъ, не могъ не вложить въ свои переводы собственное настроеніе. Получился Шелли, пропущенный сквозь извѣстную призму. Для русскаго читателя, вѣроятно, будетъ странно слышать, что у Шелли есть боевые гимны свободѣ, напоминающіе клекотъ орла. Такова, напр., ода, написанная въ октябрѣ 1819 г.

Arise, arise, arise!
There is blood on the earth that denies ye bread.

Таковъ «Гимнъ къ свободѣ» и «Чувства республиканца по поводу паденія Бонапарта».

Въ Англіи Шелли не популяренъ (исключеніе составляютъ нѣсколько стихотвореній, попавшихъ въ хрестоматіи). Что же касается Байрона, то онъ въ Англіи совершенно забытъ. Большая публика увлекается патріотической поэзіей Киплинга; немногіе избранные—Браунингомъ, геніальнымъ Китсомъ, но самымъ любимымъ поэтомъ какъ большой публики, такъ и избранныхъ является Теннисонъ. Его считаютъ недосягаемымъ идеаломъ поэзіи. Теперь можно встрѣтить очень много англичанъ, которые изъ Шекспира знаютъ только отрывки, помѣщенные въ учебникахъ, которые никогда не читали Мередита, а изъ Диккенса, съ грѣхомъ пополамъ, помнятъ только «Пикквиковъ»: но врядъ ли найдется англичанинъ, не знающій наизусть «The Lady of Shalott» или «The Beggar Maid»—Теннисона. Первая поэма—очень длинная; но второе стихотвореніе—коротенькое, поэтому я приведу его, къ сожалѣнію, въ прозаическомъ переводѣ, въ которомъ совершенно исчезаетъ изумительная филигранная отдѣлка оригинала. «Она сложила руки на груди. Она была болѣе прекрасна, чѣмъ можно выразить словами. Босая предстала нищенка предъ королемъ Кофетуа *). Въ порфирѣ и коронѣ король сошелъ съ трона, чтобы привѣтствовать дѣву. «Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго,—сказали придворные,—она прекраснѣе, чѣмъ день».

«И дѣва предстала въ своихъ лохмотьяхъ, сіяя подобно мѣ-

*) Миѳическій африканскій король рыцарскихъ романовъ, обладавшій громадными богатствами и влюбившійся въ нищенку, на которой женился. Въ первой сценѣ четвертаго акта комедіи «Безплодныя усилія любви» Биронъ пишетъ Розалинѣ: «Достославный и доблестнѣйшій король Кофетуа остановилъ свои взоры на пагубной и несомнѣнной нищей Зенелофонъ,—а онъ былъ именно тотъ, который имѣлъ полное право сказать: veni, vidi, vici». Тема, заинтересовавшая Шекспира, увлекла и Теннисона.

сяцу на облачномъ небѣ. Одинъ восхвалялъ ея глаза, другой — ноги, третій — ея черные волосы и прекрасное лицо. И лицо это было такъ мило, столько ангельской прелести было въ немъ, что никто на землѣ не видалъ подобнаго. И Кофетуа поклялся королевской клятвой: «эта нищенка будетъ моей королевой».

Стихотворенія Мередита не имѣютъ ничего общаго съ слащавымъ романтизмомъ Теннисона. Самымъ крупнымъ поэтическимъ произведеніемъ Мередита нужно считать «Современную любовь» (Modern Love), пятьдесятъ сонетовъ, связанныхъ общей мыслью. Въ Англіи вопросъ о любви вычерчивается романистами, а тѣмъ болѣе поэтами по готовой, разъ навсегда установленной лекалѣ. До брака полагается вздыхать, томиться, ревновать и пр. Разъ пасторъ соединилъ возлюбленныхъ, все кончено. Только немногіе романисты и поэты рѣшились отказаться отъ готовой лекалы. Такъ сдѣлалъ, напр., Альджеронъ Свинборнъ; только громадный талантъ и установившаяся репутація спасли его, однако, отъ негодующихъ воплей «миссисъ Гранди», которая была шокирована поэмами. Съ большей эксцентричностью коснулся того же вопроса несчастный авторъ «The Ballad of Reading Gaol». «Послѣдствіемъ любви всегда является ненависть»,—говоритъ онъ. Эта ненависть возрастаетъ, чѣмъ больше продолжается союзъ и... всегда кончается убійствомъ, хотя не всегда кровавымъ. «Каждый мужчина убиваетъ женщину, которую когда-то любилъ; но не всегда объ этомъ узнаютъ. Одни убиваютъ взглядомъ ненависти, другіе—льстивымъ словомъ; трусъ убиваетъ поцѣлуемъ, рѣшительный человѣкъ — мечемъ».

«Иные убиваютъ свою любовь, когда молоды, другіе — въ старости. Иные душатъ ее похотью, другіе—золотомъ. Иные пускаютъ въ дѣло ножъ, потому что мертвые такъ быстро остываютъ... Каждый мужчина убиваетъ свою любовь; но не всѣ платятся жизнью за это».

Джорджъ Мередитъ подходитъ къ вопросу, какъ психологъ. Обладая смѣлостью Альджерона Свинборна или Оскара Уайльда, онъ не впадаетъ, однако, въ эксцентричности ихъ. Тема сонетовъ — очень не сложна. Мужъ и жена, молодые, симпатичные, страстно любившіе другъ друга, открываютъ, что любви между ними нѣтъ.

Each sucked a secret, and each wore a mask.

(Каждый изъ нихъ всосалъ тайну и каждый изъ нихъ носилъ маску). «Для современной трагедіи не нужны злодѣи: заговоръ ткутъ страсти». Всѣ знакомые считаютъ семейную жизнь супруговъ образцовой. Между ними нѣтъ ссоръ, нѣтъ тѣхъ нелѣпыхъ,

грубыхъ и обидныхъ столкновеній, которыя въ подобныхъ случаяхъ происходятъ между болѣе экспансивными, чѣмъ англичане, русскими интеллигентами, всегда страдающими болѣзнью задерживающихъ центровъ. Между тѣмъ, пропасть между супругами все больше и больше увеличивается. Соединяющая ихъ физическая близость каждому въ отдѣльности кажется уродливой и омерзительной. Онъ –увлекается другой; но любовь не приноситъ ему уже тѣхъ крыльевъ, какъ когда-то. Она тоже имѣетъ увлеченіе, которое оставляетъ лишь горечь. И супруги опять вмѣстѣ, какъ два «быстрыхъ сокола въ западнѣ, осужденные биться, какъ летучая мышь».

Въ поэмахъ Мередита мы видимъ страстнаго поклонника космоса, пантеиста, чувствующаго свое единство съ природой. Такова поэма «Тайна земли». Дѣйствительно, любящій природу не можетъ ненавидѣть человѣка. Теплымъ чувствомъ гуманности проникнуты стихотворенія, вошедшія въ сборникъ «Poems and Lyrics of the joy of Earth». Я приведу одно стихотвореніе. Умираетъ старый клоунъ бродячаго цирка.

«Да, старуха,—говоритъ онъ своей подругѣ,—безполезно плакать: клоунъ, констэбль, король—всѣ должны подчиниться. Та, что перехитряетъ въ концѣ концовъ всѣхъ, — долго подкарауливала меня и теперь крѣпко держитъ». Клоунъ передаетъ результаты своего житейскаго опыта: «Кувыркаясь, я близко изучалъ людей и, кажется, знаю ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ — славные ребята, другіе – мошенники, большинство—среднее между этимъ. Но, старуха, женщина миритъ меня окончательно съ человѣческой породой».

Мередитъ явился на литературное поприще тогда, когда философскій радикализмъ былъ въ первомъ расцвѣтѣ силъ. Теперь, въ глубокой старости, Мередитъ сохранилъ ту же вѣру въ массы, въ мощную силу демоса, какъ и въ молодости. Типичнымъ является стихотвореніе «Старый Чартистъ». Выводится старикъ, который когда-то былъ сосланъ въ Австралію за участіе въ движеніи 1848 г. Чартистъ припоминаетъ прошлое и чувствуетъ въ себѣ силы свершить то же, что и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Дочь чартиста вышла замужъ за лавочника. Она не только не раздѣляетъ взглядовъ старика, но считаетъ его «позоромъ семьи». Старый чартистъ, наблюдая природу, находитъ утѣшеніе и поддержку въ своемъ оптимизмѣ. Теперь перейдемъ къ романамъ Мередита.

IV.

Въ творчествѣ Мередита, въ области романа, намѣчаются два періода: ранній и позднѣйшій. Предѣломъ между ними нужно считать романъ «Эгоистъ», появившійся въ 1879 г. Можно было-бы указать на два типа талантовъ. Одни реагируютъ только на полученныя извнѣ впечатлѣнія. Подъ вліяніемъ необычайной обстановки, въ которую они случайно попадаютъ, эти таланты даютъ оригинальныя, иногда захватывающія произведенія. Вмѣстѣ съ запасомъ воспринятыхъ впечатлѣній, собственно говоря, кончается литературная дѣятельность этихъ талантовъ. Они повторяютъ самихъ себя. Первыя впечатлѣнія, воспринятыя ими, до такой степени глубоки и сильны, что дальнѣйшія — отражаются уже гораздо слабѣе. Потому, можно сказать почти навѣрное, что такіе таланты, описавъ впечатлѣнія, произведенныя на нихъ необычайной обстановкой, не дадутъ уже ничего, равнаго по силѣ первымъ очеркамъ. Для такихъ талантовъ я предложилъ бы названіе *рефлекторныхъ*.

Въ русской литературѣ, въ особенности же въ послѣднія 15—20 лѣтъ, можно указать не на одинъ рефлекторный талантъ. Они поднялись, какъ ракеты, блестящими, оригинальными очерками. Затѣмъ — исчезли, какъ ракеты. Такъ какъ я пишу теперь объ англійской литературѣ, то укажу на представителя ея, выступившаго въ Америкѣ, на недавно скончавшагося Бретъ-Гарта. Онъ повидимому, классическій образчикъ рефлекторныхъ талантовъ. Дикая, своеобразная обстановка, въ которую случайно попалъ Бретъ-Гартъ, навѣяла яркіе, великолѣпные очерки, какъ «Счастье ревущаго стана», «Изгнанники Покерфлэта» «Миглсъ», «Какъ Санта-Клаусъ посѣтилъ Симпсонсъ-Баръ», «Млиссъ», «Язычникъ Ванъ-Ли», и др., которые, какъ электрическія искры, быстро обѣжали міръ. Въ два года слава Бретъ-Гарта прочно установилась. «Томъ счастье», Стэмпи, мистеръ Оакхэрстъ, «Герцогиня», красавица Миглсъ, маленькій Джонни, Дикъ Буллэнъ и др. герои вызывали то смѣхъ, то слезы сочувствія у читателей въ Америкѣ, во Франціи, въ Россіи. Въ міровой литературѣ немного можно назвать такихъ эпизодовъ, какъ, напр., поѣзда Дика Буллэна изъ Симпсонсъ-Бара въ городъ за игрушками для маленькаго Джонни. Истощились первыя впечатлѣнія у автора. Они были такъ сильны, что нервы не воспринимали уже новыхъ, болѣе слабыхъ впечатлѣній. И вотъ, Бретъ-Гартъ всю жизнь повторялъ самого себя. Когда же онъ пробовалъ приняться за что нибудь другое, у него выходило нѣчто слабое и растянутое, какъ «Габріэль Конрой».

Кромѣ *рефлекторныхъ* талантовъ, есть другіе, болѣе высокой категоріи. Ихъ можно было бы назвать *синтетическими*, потому что ихъ произведенія являются синтезомъ тщательныхъ наблюденій. Синтетическій талантъ подмѣчаетъ самыя мелкія психологическія черты и создаетъ иногда типъ, который еще только долженъ появиться. Съ годами опытъ такого таланта расширяется, и синтезъ становится все болѣе всеобъемлющимъ. Мередитъ—типичный *синтетическій* талантъ. Путемъ синтеза онъ можетъ создать яркую картину страны, въ которой никогда не былъ. Я говорю о первомъ беллетристическомъ произведеніи Мередита, о фантастической повѣсти «The Shaving of Shagpat», появившейся въ 1856 г. Читая полные переводы «Тысячи и одной ночи», какъ, напр., англійскій Бёртона или выходящій теперь шестнадцатитомный французскій переводъ д-ра Мардрю, мы узнаемъ, что въ этомъ удивительномъ сборникѣ отнюдь не всегда играютъ роль сверхъестественныя существа. Такъ, напр., «Исторія халифа Омара Аль-Немана» и пр., занимающая въ переводѣ Мардрю два тома (III и IV, т. е. около 700 страницъ) – восточный рыцарскій романъ, въ которомъ, при всемъ блескѣ арабской обстановки, нѣтъ ничего сверхъестественнаго. «The Shaving of Shagpat» — восточная сказка, навѣянная полнымъ переводомъ «Тысячи и одной ночи». Какъ тамъ, герои постоянно цитируютъ поэтовъ; какъ тамъ, основной разсказъ переплетенъ постоянно вводными исторіями. Вдохновили, однако, Мередита, не «реальные» разсказы, какъ «Халифъ Омаръ Аль-Неманъ», а тѣ, въ которыхъ творческой фантазіи нѣтъ границъ, какъ, напр., «Исторія купца и Эфрита».

«Было повелѣно, чтобы Шибли Багарагъ, племянникъ преславнаго Баба-Мустафы, главнаго брадобрѣя при персидскомъ дворѣ, обрилъ Шагпата, сына Шимпура, сына Шулума. И исторія Шибли Багарага, затѣмъ, шара, за которымъ онъ слѣдовалъ, подземнаго царства, куда онъ прибылъ, зачарованнаго дворца, въ который вступилъ, спящаго царя, котораго выбрилъ, двухъ принцессъ, освобожденныхъ имъ, и африты (духъ женскаго рода), посаженной въ бутылку одной изъ принцессъ, — хорошо извѣстна всѣмъ. Но, какъ сказалъ поэтъ: «Исторія эта созрѣла, потому что много разъ разсказывалась; но она такого рода, что никогда не портится».—Такъ начинается восточная сказка Мередита, въ которой полету фантазіи нѣтъ предѣла. Обстановка и характеръ сказки до того носятъ восточный колоритъ, что знатоки арабской литературы приняли ее за переводъ изъ «Альфъ лайла ва Лайла» (Тысяча и одна ночь). Затѣмъ, когда выяснилось, что сказка — оригинальное произведеніе, — въ ней стали искать аллегорію,

скрытый смыслъ. На это отвѣчаетъ самъ Мередитъ во второмъ предисловіи къ «Shaving of Shagpat», написанному много лѣтъ послѣ появленія сказки.

«Мнѣ говорятъ люди, не боящіеся «аллегорій на берегахъ Нила» *), что волосатый Шагпатъ означаетъ, вѣроятно, запутанный обманъ, захватившій сыновъ человѣческихъ; что Нурна бинъ Нурна означаетъ время, помогающее намъ, если будетъ здоровье, выбраться изъ сѣтей обмана. Въ моемъ героическомъ Шибли Багарагѣ усматриваютъ обстоятельства, дающія намъ возможность избрать вѣрный путь... Но, хотя автору сказки лестно, что въ его произведеніи усматривается такой глубокій смыслъ, — аллегорію нужно совершенно отбросить... Аллегорія, чтобы имѣть какой нибудь смыслъ, должна быть совершенно ясна. Когда же она ясна, она такъ же мало привлекательна, какъ и пресмыкающіяся миссисъ Малапропъ» **). Такимъ же фантастическимъ произведеніема по формѣ, но съ болѣе глубокимъ содержаніемъ является средневѣковая «кельнская легенда» *Фарина*, появившаяся въ 1857 г. Затѣмъ Мередитъ оставилъ область сказокъ и перешелъ къ психологическому, реалистическому роману. «The Ordeal of Richard Feverel», первый романъ въ этомъ направленіи (о немъ см. выше), появился въ 1859 г., въ эпоху полнаго расцвѣта силъ такихъ великихъ талантовъ, какъ Теккерей, Диккенсъ и Джорджъ Элiотъ. Можно было бы надѣяться, что молодой двадцати-семилѣтній писатель поддастся обаянію ихъ. Между тѣмъ, «Ordeal of Richard Feverel» произведеніе совершенно оригинальное, въ которомъ ярко отразилась индивидуальность автора. Талантъ есть способность проявлять свою индивидуальность. И въ этомъ отношеніи, въ первомъ романѣ мы находимъ всѣ характерныя черты творчества Мередита. Мы видимъ глубокія мысли, изложенныя абстрактно, что подчасъ придаетъ его манерѣ писанія — туманный характеръ. Мы видимъ тонкое пониманіе природы, а потому удивительное мастерство въ описаніяхъ. Вотъ, напр., одно мѣсто изъ «Ordeal of Richard Feverel».

«Солнце садилось на землю. Поля и воды привѣтствовали его своими золотыми голосами. Оно закатывалось, и герольды его мчались впереди, задѣвая густую зелень дубовъ нѣжный изумрудъ

*) Мередитъ тутъ и дальше намекаетъ на дѣйствующее лицо комедіи Шеридана «The Rivals»—миссисъ Малапропъ. Она постоянно путаетъ слова. Вмѣсто «варварскій вандализмъ», она говоритъ «варварскій вандейкъ», а вмѣсто «нильскихъ аллигаторовъ»,—«нильскіе аллегоріи». Миссисъ Малапропъ съ ея «аллегоріями» стала нарицательнымъ именемъ въ англійской литературѣ.

**) См. предшествующее примѣчаніе.

платановъ, шерстистые листья буковъ и червонное золото сосновыхъ вершинъ. Сверкающій слѣдъ герольдовъ ложился на кудрявомъ подлѣскѣ, гдѣ гордые наперсточники клонили свои сѣрнистые колокольчики».

Въ первомъ произведеніи, наконецъ, мы видимъ и недостатки Мередита: его пристрастіе къ вычурности стиля, вынесенное имъ изъ Германіи, какъ вынесъ оттуда же свою манеру Карлейль. Почти каждое слово снабжено метафорой. Образы и сравненія догоняютъ другъ друга, переплетаются, снова развиваются безконечной лентой. Они захватываютъ вниманіе читателя, отвлекаютъ отъ главной идеи, уносятъ въ какой-то непролазный кустарникъ, изъ котораго романистъ часто предоставляетъ вамъ выбираться, какъ сами знаете. Вотъ, напримѣръ, одинъ образчикъ:

«Господинъ, замѣчательный выразительной физіономіей и жилетомъ въ соотвѣтствіи съ ней, проходилъ въ полдень, въ проливной дождь, черезъ Лондонскій мостъ. Почти волшебнымъ образомъ путникъ былъ освобожденъ отъ своей борьбы съ вѣтромъ однимъ изъ тѣхъ остроумныхъ скользкихъ мѣстъ, которыхъ такъ много на этомъ переходѣ, и которыя являются пробнымъ камнемъ ловкости прохожихъ». Или такое мѣсто. «Женщины различной сущности, въ которыхъ божественное смѣшано съ чѣмъ-то совсѣмъ другого происхожденія, не входили въ представленіе Уиллогби о женщинѣ. Для него онѣ были тѣмъ, чѣмъ были созданы въ самомъ началѣ: большинство — загрязненныя, и лишь изрѣдка — совершенство для немногихъ избранныхъ. При малѣйшемъ протестѣ «свѣта», — Уиллогби захлопывалъ предъ ними двери неприступности. Онъ самъ готовъ былъ обличать такихъ женщинъ». Смыслъ этихъ строкъ тотъ, что герой искалъ совершенную женщину и былъ безпощаденъ къ малѣйшей слабости ихъ.

Вторымъ крупнымъ романомъ ранняго періода является «Evan Harrington», *Сарторъ Резартусъ*, переложенный въ беллетристическую форму, по опредѣленію Мередита. Предъ нами картина жизни высшаго общества и людей изъ среднихъ классовъ, тянущихся туда. Героиня, графиня де Сандаръ, дочь портного — новѣйшая разновидность Беки Шарпъ («Ярмарка Тщеславія»), только болѣе ловкая и болѣе вульгарная. Въ романѣ видны симпатіи автора, какъ радикала. Къ изображенію того же класса nouveau riche Мередитъ возвращается въ романѣ «Emilia in England». Съ главной героиней, итальянской пѣвицей, мы встрѣчаемся въ романѣ «Vittoria», навѣянномъ путешествіемъ Мередита по Италіи: онъ былъ корреспондентомъ лондонской газеты во время войны 1866 г.

Эпоха романа — революція 1848 г. въ Ломбардіи. Героиня —

итальянская пѣвица, выступающая подъ псевдонимомъ Сандра, является душой возстанія. Она прежде жила въ Англіи. Здѣсь у ней былъ поклонникъ молодой человѣкъ Уильфридъ Поль, который теперь поступилъ на австрійскую службу. Сандра — одинъ изъ любимыхъ женскихъ типовъ Мередита. По традиціи, героини англійскихъ романовъ являются стереотипомъ Агнесы (Давидъ Коперфильдъ), Руѳи (Мартинъ Чезельвитъ) или Доры. Это — нѣжныя, хрупкія существа, сильныя только своею любовью къ герою. Любимыя героини Мередита — богато одаренныя, смѣлыя, рѣшительныя, сильныя женщины, бросающіяся съ головой въ вихрь общественнаго движенія. Такова Сандра въ романѣ «Vittoria». Она разлюбила молодого офицера Уильфрида Поля, какъ только убѣдилась въ дряблости его натуры. Теперь, когда онъ на австрійской службѣ, она его ненавидитъ, какъ врага. Моментомъ возстанія выбранъ дебютъ Сандры въ La Scala, въ Миланѣ. Пѣвица, по уговору съ заговорщиками, должна подать сигналъ со сцены. Она такъ и дѣлаетъ. Только случайно спасается она отъ австрійскаго правительства. Ей помогаетъ молодой валіецъ, Мертиръ Поуисъ, который, подъ вліяніемъ Сандры, отдаетъ и себя, и свое состояніе дѣлу освобожденія Италіи.

Съ такой же сильной женщиной встрѣчаемся мы въ слѣдующемъ романѣ Мередита, въ «Rhoda Fleming». Во всѣхъ романахъ авторъ проявляетъ удивительную способность проникновенія въ человѣческій характеръ. Психологія героевъ выясняется съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Вторымъ по важности романомъ, послѣ «Эгоиста», нужно считать «Карьеру Бьючэмпа» (1876 г.). Мэйнардъ Леонардъ, авторъ крайне интереснаго очерка «Politics in George Meredith's Novel» (Политика въ романѣ Мередита) *)— говоритъ, что «Карьера Бьючэмпа»—единственный политическій романъ Мередита, хотя подобныя темы затрогиваются почти во всѣхъ его произведеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ «Карьерѣ Бьючэмпа» вся основа заключается въ политической борьбѣ партій. Всѣ герои—принадлежатъ къ одной изъ двухъ партій. Мередитъ любитъ брать героемъ юношу, воспитаніе котораго происходило при исключительныхъ условіяхъ. Онъ старается выяснить тогда, какъ тѣ или другія внѣшнія условія содѣйствовали развитію характера. Исключительны условія воспитанія Ричарда Фивереля, Сандры, Роды Флемингъ. Тотъ же любимый пріемъ мы видимъ въ «Карьерѣ Бьючэмпа». Герой, Невиль Бьючэмпъ, остается рано сиротой. Воспитываетъ его дядя, типичный представитель непримиримыхъ тори. Въ Англіи, какъ извѣстно, политическія воззрѣнія,

*) New Liberal Review, Nowember 1901.

какъ и профессіи, передаются по наслѣдству. Торизмъ или либерализмъ является семейнымъ достояніемъ. Дядя героя, Иварэрдъ Ромфри, впослѣдствіи графъ Ромфри — представитель рода, который искони исповѣдывалъ торійскіе принципы. Онъ унаслѣдовалъ одинаково и хорошія, и дурныя черты стараго міровоззрѣнія. Старикъ воспитываетъ племянника въ принципахъ торизма. Невиль Бьючэмпъ поступаетъ во флотъ, отличается во время крымской войны; все обѣщаетъ, что изъ него выйдетъ свѣтило торійской партіи. Но будучи уже капитаномъ корабля, Невиль встрѣчается съ докторомъ Шрапнэлемъ, однимъ изъ любимыхъ героевъ Мередита. Докторъ—одинъ изъ самыхъ видныхъ вождей радикаловъ. Онъ имѣетъ громадное вліяніе на Невиля. Послѣ долгой и упорной борьбы, онъ приходитъ къ заключенію, что тѣ принципы, въ которыхъ его воспитали—ложны. Невиль не признаетъ компромиссовъ: дойдя до извѣстныхъ выводовъ, онъ поступаетъ рѣшительно и безповоротно. Невиль оставляетъ службу, гдѣ все обѣщало ему быстрое повышеніе, и становится агитаторомъ. Теперь въ Англіи радикализмъ не пугаетъ никого. Англійское общество, если позволительно употребить нѣсколько вульгарное сравненіе, напоминаетъ тѣ желудки, которые не только привыкаютъ къ мышьяку, но извлекаютъ даже изъ него громадную пользу. Не такъ было въ пятидесятыхъ годахъ. «Радикалъ» считался пугаломъ. Даже слово это признавалось почти неприличнымъ. Быть можетъ, читатели вспомнятъ популярный у насъ, въ Россіи, романъ Джорджъ Эліотъ—«Феликсъ Гольтъ радикалъ».

Можно себѣ представить ужасъ и негодованіе графа Ромфри, когда онъ узнаетъ, что его племянникъ сталъ радикаломъ! Онъ выступаетъ кандидатомъ на выборахъ въ парламентъ. Избирательный округъ—дореформенный и находится въ зависимости отъ графа Ромфри. Невиль терпитъ большое пораженіе. По разсчетамъ дяди, оно должно возвратить племянника къ торизму; но Невиль идетъ въ своемъ радикализмѣ еще дальше и объявляетъ себя республиканцемъ. Докторъ Шрапнэль, подъ вліяніемъ котораго находится Невиль,—самый любимый герой Мередита: упорный, настойчивый, крѣпкій, какъ сталь, радикалъ, способный внушить вѣру всякому, приходящему въ соприкосновеніе съ нимъ. Графъ Ромфри ненавидитъ его, но, въ то же время, не можетъ не уважать его. Шрапнэль—типично-*англійскій* радикалъ. Изъ школы такихъ агитаторовъ вышли общественные дѣятели, какъ Морлей, Брайсъ и др., которые съ такимъ мужествомъ шли противъ теченія въ послѣдніе годы. «Карьера Бьючэмпа» заканчивается неожиданно. Какъ Базаровъ, онъ погибаетъ, не успѣвъ еще ничего сдѣлать. Смерть его не такъ ужасна по своей безсмысленности,

какъ гибель Базарова. Невиль тонетъ, пытаясь вытащить изъ рѣки дѣвочку.

Поворотнымъ пунктомъ въ творчествѣ Мередита является романъ «Эгоистъ», признаваемый за лучшее произведеніе англійскаго писателя. Дѣйствительно, это — поразительный анализъ души эгоиста или, точнѣе, эгоистовъ, потому что ихъ два въ романѣ. «Эгоистъ» Мередита—изящный эстетъ сэръ Уиллогби Патернъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что все вокругъ создано для него одного. «Нужно, чтобы я являлся для всѣхъ солнцемъ»—говоритъ онъ. Уиллогби любитъ только здоровыя, улыбающіяся лица; все нервное, анемичное, страдающее—противно ему. Уиллогби желаетъ, чтобы женщина, которую онъ полюбитъ, жила бы только имъ; чтобы онъ для нея составлялъ рѣшительно все. Онъ покидаетъ свою первую невѣсту Клару, превосходную женщину, только потому, что въ ея характерѣ открываетъ черты индивидуальности; онъ боится, что Клара будетъ жить еще своимъ собственнымъ, внутреннимъ *я*, котораго не вытравитъ ослѣпительный блескъ e g o сэра Уиллогби. Вторая невѣста Уиллогби—Летиція, новая разновидность эгоизма. И отъ столкновенія двухъ e g o характеры дѣйствующихъ лицъ выясняются съ поразительной отчетливостью.

Въ большинствѣ романовъ характеры героевъ намѣчены широкими штрихами. Авторы спѣшатъ перейти къ развитію той идеи, ради которой герои выведены. Мередитъ — психологъ по преимуществу. Онъ съ точностью экспериментатора, работающаго съ микроскопомъ, отмѣчаетъ всякую мельчайшую черту душевной дѣятельности своихъ героевъ. Но, на ряду съ этимъ, нужно сказать, что чтеніе «Эгоиста» дѣло не легкое. Я согласенъ съ Стивенсономъ (авторомъ «Острова Сокровищъ»), который говоритъ, что послѣ перваго чтенія получилъ отъ романа только смутное представленіе. «Вся удивительная прелесть произведенія, — говоритъ Стивенсонъ, — выяснилась для меня только тогда, когда я прочелъ романъ въ третій разъ.. Только тогда я понялъ все *величіе* романа... Уиллогби удивительный препаратъ, въ которомъ тщательно изслѣдованъ каждый нервъ». Туманность и трудность великаго произведенія не принадлежатъ къ числу достоинствъ ихъ. Очень часто туманность обусловливается тѣмъ, что авторъ уже не въ состояніи съ достаточной ясностью формулировать *самому себѣ* свою мысль. Онъ чувствуетъ ее, но, какъ афритъ въ арабской сказкѣ, мысль ускользаетъ изъ опредѣленныхъ, точныхъ формъ слова, въ которую ее надлежитъ заключить. Въ своей автобіографіи Дарвинъ разсказываетъ, какъ упорно старался онъ вогнать мысль, одолѣвшую его, въ точныя формы слова. Великій ученый откладывалъ перо и пытался «разсказать самому себѣ», что онъ

хочетъ написать. Къ сожалѣнію, этого не дѣлали многіе великіе писатели. Не всегда дѣлалъ это и Мередитъ. Такое замѣчательное произведеніе, какъ «Эгоистъ», поэтому, приходится *изучать*, а не читать.

Крайне интересенъ одинъ изъ послѣднихъ романовъ Мередита «The Tragic Comedians: A study in a wellknow story» («Трагическіе комедіанты, изученіе одной хорошо извѣстной исторіи»), вышедшій въ 1881 г. Исторія, дѣйствительно, «хорошо извѣстна»: Мередитъ выводитъ сильную личность Лассаля, жизнь котораго оборвалась такимъ дикимъ и неожиданнымъ аккордомъ.

«Легенда, подобная фаустовской, можетъ быть создана по поводу героя, говоритъ Мередитъ въ предисловіи къ «Tragic Comedians». — Онъ имѣлъ своего діавола. Онъ былъ вождемъ воинства, надеждой партіи; его обожали послѣдователи и ненавидѣли враги Смѣлый умъ его признавался лучшими современниками. Мы поставили себѣ задачей изучить, почему этотъ человѣкъ погибъ черезъ любовь, и почему женщина, которую онъ любилъ, отдала руку убійцѣ».

Я закончу словами автора недавно вышедшаго труда объ англійскомъ романистѣ:

«Можно сказать, что Мередитъ среди нашихъ романистовъ тоже, что Робертъ Браунингъ среди поэтовъ. Наступитъ пора Мередита, какъ пришло время, когда поняли Браунинга. Вялыя и дряблыя натуры, любящія литературу, которую можно было бы вдыхать такъ же легко, какъ ароматъ цвѣтка, отворачиваются, естественно, отъ этихъ двухъ авторовъ, мысль которыхъ быстра, какъ орелъ, и смѣла, какъ левъ. Но люди, которые жили, наблюдали и размышляли; которые преклоняются предъ разумомъ и имѣютъ глаза, чтобы видѣть тайны природы и человѣческой души; которые не отступаютъ предъ возможностью заглянуть въ тайники жизни, — тѣ полюбятъ произведенія Мередита» *).

---

*) George Meredith: An Essay towards Appreciation, by Walter Jerrol. 1903, p. 179.

IX.

Генри Бловицъ.

I.

Въ англійской литературѣ есть старинный, очень талантливо написанный, но забытый романъ (у насъ, кажется, совершенно неизвѣстный).—«The History of the Life of the late Mr. Jonathan Wild the Great». Авторъ его—блестящій романистъ XVIII вѣка, прямой родоначальникъ Диккенса, Генри Фильдингъ. «Jonathan Wild»,—яркая картина англійскихъ нравовъ начала XVIII вѣка. Герой—плутъ, становящійся потомъ воромъ на большой дорогѣ и кончающій висѣлицей. Насъ, современныхъ читателей, поражаетъ въ этомъ блестящемъ романѣ, прежде всего, юморъ, проявляющійся даже тогда, когда такой тонъ неумѣстенъ, напр., въ послѣдней главѣ, гдѣ говорится о казни героя. Вотъ, напр., выдержка. «Наконецъ, наступило утро, предопредѣленное фортуной при рожденіи героя. Въ этотъ день герой долженъ былъ увѣнчаться славой. Правда, по скромности, онъ попытался было уклониться отъ общественныхъ почестей, посланныхъ фортуной. Съ этой цѣлью Уайлдъ принялъ значительную дозу опіума, чтобы безъ шума сойти со сцены; но мы уже не разъ отмѣтили въ этомъ правдивомъ жизнеописаніи, что борьба съ судьбой совершенно безполезна. Рѣшила ли фортуна, что вамъ предстоитъ висѣлица или постъ перваго министра,—все равно, сопротивляться невозможно. Поэтому опіумъ не могъ прекратить жизнь нашего героя. Сдѣлать это надлежало сѣмени пеньки, а не мака. Въ достодолжный часъ къ герою явился нѣкій джентльмэнъ и возгласилъ, что карета подана. При этомъ случаѣ Джонатанъ Уайлдъ проявилъ то же мужество, которое отмѣчаютъ всѣ историки въ герояхъ. И, зная безполезность сопротивленія, онъ съ достоинствомъ заявилъ, что готовъ поѣхать». Я пропускаю яркую картину уличной жизни и описаніе толпы пропоицъ, бродягъ, воровъ, проститутокъ, провожающихъ со свистомъ, гамомъ и пѣніемъ скабрезныхъ пѣсенъ героя къ Тайборну, къ мѣсту казни, находившемуся тогда какъ разъ гдѣ теперь въѣздъ на лондонскій форумъ. Съ юморомъ, который кажется намъ теперь по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ, Фильдингъ описываетъ, какъ герой, стоя на эшафотѣ, вытащилъ изъ кармана напутствовавшаго его священника табакерку и съ ней прыгнулъ въ неизвѣстное. «Священникъ спустился. Уайлдъ оглянулъ толпу, послалъ ей отъ всей

души проклятье; но тутъ лошади вытащили платформу, и герой, при шумномъ одобреніи толпы, получилъ свой тріумфъ» *).

Насъ удивляетъ въ романѣ Фильдинга не только жестокость его юмора, но и тезисъ, который авторъ развиваетъ въ своемъ романѣ: ловкому плуту уготовленъ одинъ тріумфъ—висѣлица. Мы имѣемъ цѣлый рядъ старинныхъ романовъ, въ которыхъ герои, родственные по духу Джонатану Уайлду, кончаютъ совершенно иначе. Я имѣю въ виду столь популярные когда-то плутовскіе романы, какъ «Жизнь Лазарильо изъ Тормесъ», приписываемый Мендозѣ, «Гусманъ де Альваранштъ» Матео Алемана или «Жиль Блазъ» Лесажа. Герой всѣхъ такихъ романовъ вначалѣ бьется, какъ рыба объ ледъ, чтобы подняться со дна и удержаться на поверхности. Онъ пробирается то ползкомъ, то бѣгомъ, падаетъ, снова поднимается. Его обманываютъ, но и онъ не остается въ долгу. Герой пробуетъ всѣ профессіи: мы видимъ его воромъ, солдатомъ, лакеемъ, актеромъ, врачомъ-шарлатаномъ, священникомъ, купцомъ, профессіональнымъ сводникомъ. Наконецъ, герой окончательно выбирается на сухой берегъ къ тихой пристани. Онъ добивается положенія въ жизни, богатства, почета и, умудренный опытомъ, пишетъ свои записки въ назиданіе потомству.

Вышедшая въ 1903 г. любопытная книга показываетъ, во-первыхъ, что тезисъ, развиваемый Фильдингомъ не абсолютенъ, во-вторыхъ, что у Лазарильо изъ Тормесъ былъ отдаленный потомокъ, унаслѣдовавшій всѣ таланты предка, но сдѣлавшій гораздо болѣе блестящую карьеру. Книга эта—«Записки» знаменитаго корреспондента Times'a—Бловица («My Memoirs», by Henry Stephan de Blowitz. London. Edward Arnold. 1903).

Въ американской прессѣ, какъ всѣмъ извѣстно, почти всѣ сотрудники отодвинуты на самый задній планъ репортеромъ. Типъ этотъ изображался много разъ и пользуется широкой извѣстностью. Репортеръ долженъ давать во что бы то ни стало сенсаціонныя новости, а если ихъ нѣтъ—выдумывать. Мой знакомый пріѣхалъ лектировать въ Нью-Іоркъ. Такъ какъ онъ пользуется широкой популярностью, то къ нему немедленно явились репортеры для interview. Знакомый терпѣть не можетъ газетъ и наотрѣзъ отказался принять репортеровъ. Это не помѣшало, однако, появленію на другой день въ «Herald», въ «Tribune» и въ «World» громадныхъ статей въ три колонны, въ которыхъ выражались взгляды моего знакомаго на цѣлый рядъ животрепещущихъ вопросовъ. Interview было *выдумано* отъ перваго слова до послѣдняго. Въ Англіи подобное явленіе, конечно, тоже воз-

*) «Jonathan Wild», Book. IV ch XIV.

можно. Доказательствомъ являются «шанхайскія» телеграммы «Daily Mail». Во время недавняго возстанія въ Китаѣ, газета сообщила, что иностранный кварталъ въ Пекинѣ взятъ боксерами, что всѣ осажденные перерѣзаны. «Daily Mail» очень подробно описала, какъ европейцы, видя, что сопротивленіе невозможно, сперва сами убили всѣхъ женщинъ. Телеграмма, которая произвела страшное впечатлѣніе не только въ одной Англіи, оказалась, къ счастью, ложной. Ее сфабриковали въ Шанхаѣ, а узоры по ней расшили уже въ редакціи «Daily Mail». Но, въ общемъ, газетныя утки, выпущенныя ради одной сенсаціи, сравнительно, рѣдкая дичь въ англійскихъ изданіяхъ. Бываетъ, что часть прессы, служа одному классу, составляетъ настоящій заговоръ съ цѣлью пропаганды извѣстнаго рода воззрѣній. Такъ было предъ войной въ 1898—99 гг. Но это уже не относится къ категоріи газетныхъ утокъ. Англійскія газеты, въ общемъ (какъ и англійскіе купцы), торгуютъ хорошимъ, добросовѣстнымъ товаромъ, хотя послѣдній— страннаго качества на взглядъ континентальнаго жителя. Каждая большая англійская газета имѣетъ, напр., спеціальныхъ заграничныхъ корреспондентовъ. На нихъ расходуются большія деньги. Всѣ корреспонденціи доставляются по телеграфу. Любопытнѣе всего, что, не смотря на громадныя затраты, англійскія газеты не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній о внутренней жизни другихъ странъ. Корреспонденціи изъ Берлина, Парижа, Вѣны и пр. появляются въ большихъ англійскихъ газетахъ каждый день, но въ нихъ даются только политическія новости. Англійская газета рѣшительно не интересуется культурной, внутренней жизнью чужого народа, его литературой, искусствомъ и пр. Политика, политика и ничего больше. Рѣчь какого нибудь перуанскаго министра передается немедленно in extenso; свиданію сіамскаго принца съ японскимъ министромъ посвященъ цѣлый столбецъ, т. е. строкъ 200; между тѣмъ, вы можете читать «Times» изо-дня въ день, отъ страницы до страницы, но не найдете тамъ ни строчки о томъ, какими духовными интересами живутъ люди въ сосѣдней Голландіи или въ Германіи. Отчасти это зависитъ отъ коренной разницы во взглядахъ англичанъ и русскихъ, напр., на роль иностранныхъ корреспондентовъ. Мы желаемъ, прежде всего, имѣть поучительные примѣры. Русскій читатель требуетъ, чтобы иностранный корреспондентъ воспитывалъ общество. Вотъ почему иностранный корреспондентъ русской газеты, который посвятилъ бы себя только «политикѣ», мнѣ кажется, имѣлъ бы мало успѣха. Русскій читатель ищетъ въ газетѣ отраженія культурной жизни другихъ народовъ... Англійскій читатель смотритъ на континентальныхъ жи-
) съ высоты своихъ общественныхъ учрежденій. Если газета

отмѣчаетъ случайно какой нибудь фактъ осужденія въ Германіи за lèse-majesté, то только ради вящшаго прославленія этихъ отечественныхъ общественныхъ учрежденій. Англичанинъ, складывая нумеръ «Times'а» съ такимъ сообщеніемъ, говоритъ про себя: «какъ эти иностранцы еще отстали отъ насъ!»

Итакъ, иностранные корреспонденты англійскихъ газетъ заняты, по преимуществу, политикой. Они должны доставлять точныя свѣдѣнія про то, что сказалъ министръ такой-то, и что задумываетъ предпринять герцогъ такой-то. Такимъ образомъ, англійская газета требуетъ отъ своихъ иностранныхъ корреспондентовъ исключительной ловкости и пронырливости. Газета отпускаетъ имъ такія суммы, что корреспонденты въ состояніи открывать политическіе салоны. И порой въ ходъ пускается сложная механика, чтобы вывѣдать у какого нибудь министра новость, еще неизвѣстную прессѣ. Тридцать лѣтъ подъ-рядъ самымъ ловкимъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи былъ парижскій корреспондентъ «Times'а»—Бловицъ или де Бловицъ, какъ онъ называлъ себя. Послѣ того, какъ онъ добылъ для газеты проектъ Берлинскаго трактата, раньше опубликованія его, про пронырливость Бловица сложились легенды. Говорили, что Бисмаркъ, прежде чѣмъ приступить къ совѣщаніямъ въ своемъ кабинетѣ, смотрѣлъ подъ столъ, не сидитъ ли тамъ Бловицъ. Про ловкаго корреспондента ходили во Франціи нелестные слухи: его называли бродягой безъ роду и племени, перевертнемъ, шпіономъ и пр. Умеръ Бловицъ въ 1902 г., добившись богатства, громадныхъ связей и многочисленныхъ орденовъ. Послѣ смерти обнародованы его записки. Правда, историческое значеніе ихъ, какъ увидимъ, ничтожно, за то, мнѣ кажется, онѣ любопытны въ бытовомъ и психологическомъ отношеніи. «Записки» вышли по англійски, но продиктованы по французски, потому что хотя Бловицъ и былъ тридцать лѣтъ сотрудникомъ «Times'а», но не выучился англійскому языку даже настолько, чтобы понять свою собственную корреспонденцію, когда она появится въ печати.

II.

Жиль Блазъ и Лазарильо Тормесъ не скрываютъ, что происхожденія они самаго скромнаго. «Ma mère devint femme de chambre et mon père écuyer»,—говоритъ герой Лесажа. Бловицъ, по его словамъ, началъ гораздо лучше, чѣмъ его предшественники.

«О моемъ происхожденіи, дѣтствѣ и юности писалось такъ много,—говоритъ Бловицъ,—что, вѣроятно, читатель не будетъ въ претензіи, если я обо всемъ этомъ разскажу самъ. Въ самомъ дѣлѣ, если другимъ интересно писать про меня, то, пожалуй, и я

имѣю право сдѣлать это; по крайней мѣрѣ, въ моихъ словахъ тогда не будетъ ничего тенденціознаго». «Другіе», о которыхъ говоритъ Бловицъ, давали ему такую же родословную, какъ и Гусману Альвараншу, съ чѣмъ знаменитый корреспондентъ *Таймса* совершенно не согласенъ.

«28 декабря 1825 г. въ Бловскомъ замкѣ, въ окрестностяхъ Пильзна, въ Богеміи,—говоритъ Бловицъ,—родился ребенокъ съ большой головой и слабымъ туловищемъ. Доктора, которыхъ призвали къ постели роженицы, молчаливо качали головами и заявили, наконецъ, что у младенца ненормальное сердце и слабое тѣло, почему онъ долженъ умереть. Мать, поэтому, рѣшила, что нужно торопиться окрестить младенца, и 29 декабря, въ сильную метель, заглушавшую перезвонъ колоколовъ, его понесли въ деревенскую церковь. Здѣсь священникъ, отецъ Вашекъ, и свершилъ обрядъ крещенія. Въ метрической книгѣ, гдѣ были записаны всѣ предки младенца, отъ феодальнаго барона Каспара де Бловица, построившаго деревенскую школу, до барона Марка Оппера де Бловица, жившаго въ то время въ древнемъ замкѣ, отмѣтили о крещеніи Генриха-Георга-Стефана-Адольфа де Бловица. Отецъ мой далъ обѣтъ отслужить нѣсколько мессъ, если младенецъ останется въ живыхъ. Я сказалъ бы неправду, если бы сталъ утверждать, что всѣ эти факты помню. Правда, память у меня великолѣпная, но всетаки не до такой степени, чтобы помнить разсказанныя событія. Мать моя и священникъ такъ часто мнѣ потомъ разсказывали о крещеніи, что я абсолютно повѣрилъ имъ. Кромѣ того, подтвержденіемъ являются церковныя книги. Изъ нихъ явствуетъ, что я родился католикомъ, окрещенъ черезъ день и, поэтому, не имѣлъ времени стать евреемъ. Крайне сожалѣю, что разочаровываю такимъ образомъ весь родъ Израиля!»

Героя Лесажа разбойники похищаютъ на пути изъ Овіедо въ Саламанку. Бловица тоже пытаются похитить, если не совсѣмъ разбойники, то цыгане, при томъ покушеніе дѣлается тогда, когда будущему корреспонденту гораздо меньше лѣтъ, чѣмъ Жиль Блазу. Цыгане похитили шестилѣтняго мальчика, но заплутались «въ паркѣ замка». Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы попасть къ мосту, они очутились у рѣки. Между тѣмъ, отецъ Бловица и «егеря его» бросились въ догонку. Услыхавъ погоню, цыгане оставили ребенка, телѣгу и лошадь, переплыли черезъ рѣку и скрылись въ лѣсу. «Que diable! — восклицаетъ Бловицъ, — чѣмъ бы я былъ теперь, если бы цыгане не заплутались!» Желая показать читателямъ, что онъ добрый католикъ, Бловицъ спѣшитъ разсказать чудо, свидѣтелемъ котораго самъ былъ. «Недалеко отъ нашего наслѣдственнаго замка, — пишетъ онъ, — лежитъ маленькое

мѣстечко Грюнбергъ. Если путешественникъ заглянетъ теперь въ этотъ глухой уголокъ Богеміи, то найдетъ старинную церковь на берегу соннаго пруда. Церковь представляетъ удивительную смѣсь всѣхъ стилей. Она очень бѣдна, но въ ней есть массивное серебряное изображеніе св. Іоанна, въ человѣческій ростъ. Любопытно, что у статуи только одна рука. Можно было бы протестовать противъ такого изуродованія статуи, не будь оно связано со страннымъ происшествіемъ, случившимся на моихъ глазахъ... Когда я прибылъ юношей въ Грюнбергъ, то нашелъ все мѣстечко въ состояніи страшнаго возбужденія. Кто-то похитилъ серебряное изображеніе св. Іоанна, и вся округа была на ногахъ. Епископъ велѣлъ, чтобы каждый день во всѣхъ деревняхъ устраивались крестные ходы... Я упоминалъ уже про сонный прудъ возлѣ церкви. Берега его очень круты и обрывисты. Вверху шла узенькая тропинка. Когда я прибылъ въ мѣстечко, процессія только что тронулась отъ церкви, чтобы обойти прудъ кругомъ. Впереди шелъ старый священникъ, съ серебрянымъ крестомъ въ рукахъ. Населеніе чтило этотъ крестъ не меньше, чѣмъ статую. Процессія прошла уже полпути. Я отлично видѣлъ все. Какъ вдругъ священникъ споткнулся о только что посаженное дерево, крестъ выпалъ изъ рукъ, тихо скатился съ крутого берега и исчезъ въ мутной водѣ пруда. Народъ, по примѣру священника, упалъ на колѣни. Всѣ глядѣли туда, гдѣ скрылся крестъ. Затѣмъ толпа кинулась къ плотинѣ и раскопала ее, чтобы выпустить воду. Черезъ нѣсколько часовъ прудъ спустили. Дно обнажилось. Къ великому ликованію всѣхъ крестъ нашли. Онъ лежалъ *какъ разъ возлѣ статуи Св. Іоанна.* Изображеніе подняли и тутъ только замѣтили, что лѣвая рука его исчезла. Воры отломали ее и спрятали статую, чтобы воспользоваться ею, когда все успокоится. Съ пѣньемъ гимновъ и псалмовъ толпа понесла изображеніе назадъ въ церковь. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда туда входилъ послѣдній крестьянинъ, обрушился каменный сводъ у дверей и оторвалъ несчастному лѣвую руку. Даже топоромъ нельзя было бы свершить операцію болѣе чисто. Толпа тотчасъ же окружила раненаго и завопила: «вотъ воръ! вотъ онъ! Св. Іоаннъ покаралъ его за святотатство». Бловицъ повѣствуетъ дальше, какъ крестьяне схватили вора и потащили его «топить въ прудѣ» (авторъ забылъ, что вода изъ него была выпущена), и какъ преступника спасъ священникъ. До самой смерти своей потомъ, говоритъ Бловицъ, воръ прожилъ въ церкви, не смѣя переступить порогъ ея.

Бловицъ никогда не посѣщалъ ни школы, ни университета. «Всю мою юность я провелъ въ тѣнистомъ паркѣ моего наслѣдственнаго замка». Въ пятнадцать лѣтъ Бловицу, какъ Жиль Блазу,

захотѣлось посмотрѣть свѣтъ. Отецъ отправилъ его путешествовать подъ надзоромъ гувернера. Безъ гадалокъ, какъ безъ разбойниковъ, плутовской романъ не мыслимъ. Встрѣтилъ ихъ во время своего путешествія и Бловицъ. Въ 1841 г., въ глухой харчевнѣ на кроатской границѣ (какъ подобаетъ, она стояла въ глухомъ лѣсу; мало того, кругомъ торчали колья съ натыканными головами казненныхъ повстанцевъ) будущій корреспондентъ нашелъ таинственную цыганку, предсказывавшую проѣзжимъ ихъ судьбу. «Когда колдунья подошла ко мнѣ, — разсказываетъ Бловицъ, — она внезапно оживилась, и ея тусклые глаза засверкали. — Никогда еще не видала я такую руку, какъ у тебя,—сказала она.—Тебя ждетъ завидная судьба.

— Что именно?—спросилъ я.

— Ты будешь сидѣть рядомъ съ королями и обѣдать вмѣстѣ съ принцами».

Бловицъ путешествовалъ пять лѣтъ. Онъ посѣтилъ Германію, Россію, Австрію, Италію и Швейцарію. Возвратившись домой, онъ узналъ, что его родные разорились совершенно. «Наслѣдственный замокъ долженъ былъ пойти съ молотка.» Бловицу предстояло самому пробить себѣ дорогу въ жизни. Онъ рѣшилъ поѣхать въ Шербургъ, чтобы оттуда потомъ перебраться въ Америку; но маленькій случай совершенно измѣнилъ весь планъ. Проѣзжая черезъ Анжеръ, Бловицъ сломалъ трубку. Онъ слѣзъ съ дилижанса и отправился разыскивать лавку, но тутъ встрѣтился со старымъ знакомымъ, графомъ Коловратомъ, который предложилъ ему погостить денекъ у себя. «Въ результатѣ было, что вмѣсто Америки, я поѣхалъ съ графомъ въ Парижъ.» Городъ этотъ сталъ вторымъ отечествомъ Бловица, а французскій языкъ — его роднымъ языкомъ. Молодой человѣкъ попалъ въ Парижъ какъ разъ въ бурную эпоху 1848 г. «Долженъ признаться читателямъ,—говоритъ Бловицъ, — что ни природа, ни города, ни деревни нисколько не привлекаютъ меня. Меня очень рѣдко могутъ заинтересовать фасады домовъ, картинныя галлереи, памятники и искусно разбитые сады. Привлекаетъ меня всегда суть, скрытая за неподвижными стѣнами. Я ищу всегда жизни, движенія. Я провелъ цѣлые часы, изучая толпу, наблюдая ея движеніе, волненіе... И можно ли было найти еще болѣе интересную толпу, чѣмъ парижская, при томъ въ эпоху 1848 г.!» Графъ Коловратъ познакомилъ Бловица съ Тьеромъ и де Фалу. Когда послѣдній сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, онъ далъ Бловицу каѳедру профессора иностранной литературы въ Анжерѣ. Здѣсь Бловицъ пробылъ восемь лѣтъ и переселился потомъ въ Марсель, гдѣ тоже занималъ каѳедру. Онъ пространно повѣствуетъ о томъ, на какой родовитой дѣвицѣ

женился здѣсь («мать ея была изъ стараго аристократическаго рода, а дядя по матери былъ даже въ родствѣ въ Бурбонами»). До самой смерти Бловицъ питалъ особое тяготѣніе къ аристократіи. Бловицъ, какъ и Жиль Блазъ, перепробовалъ много профессій, пока открылъ свое настоящее призваніе. Онъ былъ учителемъ, личнымъ секретаремъ, торговцемъ, арматоромъ корабля, изобрѣтателемъ, хотя несовсѣмъ удачнымъ. «Я всегда имѣлъ слабость думать, что надѣленъ талантомъ изобрѣтателя, — добродушно разсказываетъ Бловицъ. — Въ шестидесятыхъ годахъ я изобрѣлъ машину для расчесыванія льна. Я купилъ домъ для фабрики, затѣмъ за дорогую цѣну заказалъ мою машину.

«Когда все было готово, я устроилъ большой обѣдъ, чтобы отпраздновать мое изообрѣтеніе. Собралось множество гостей. Всѣ они поздравляли меня, пили шампанское, осматривали машину и восхищались ею. Когда обѣдъ кончился, шампанское выпили и гости разъѣхались, наступилъ моментъ пустить машину въ ходъ. Развели пары. Я скомандовалъ: «полный ходъ!» и самъ повернулъ кранъ; но сейчасъ же раздался страшный взрывъ. Все взлетѣло на воздухъ. Желѣзный болтъ хлопнулъ меня по головѣ. Съ тѣхъ поръ я никогда больше не изобрѣтаю машинъ.»

III.

Вторая имперія, между тѣмъ, находилась на краю гибели. «Когда тронъ захваченъ смѣлымъ покушеніемъ и удерживается репрессивными мѣрами,—философствуетъ Бловицъ,—когда власть держится на невѣжествѣ массъ, — правитель никогда не долженъ дѣлать никакихъ послабленій и уступокъ. Малѣйшая уступка становится острымъ оружіемъ въ рукахъ противниковъ. Твердыня автократіи непроницаема только до тѣхъ поръ, покуда въ ней не пробита брешь... Въ 1869 г. можно было видѣть уже трещины, образовавшіяся въ стѣнахъ, которыми Наполеонъ III окружилъ свой тронъ. Въ Парижѣ, однако, центральная власть обольщалась иллюзіями и играла съ огнемъ либеральныхъ реформъ. Въ провинціи представители правительства видѣли, что власть ихъ ослабѣваетъ. Оппозиція крѣпла. Это повело къ тому, что префекты стали проявлять больше произвола и, поэтому, сдѣлались еще менѣе популярны. Создалось положеніе, изъ котораго было лишь два выхода: или полный ходъ назадъ, съ революціей въ концѣ, или шагъ впередъ и тоже съ революціей.» Бловицъ жилъ тогда въ Марселѣ. Онъ не натурализовался еще; но по женѣ лигитимисты считали его своимъ. Приближались выборы 1869 г. Оппозиція составила лигу, куда вошли легитимисты, орлеанисты и демократы.

Правительство усилило власть префектовъ, увеличило тайную полицію и повело опасную игру съ массами. Оно само основало радикальныя газеты. «Редакторы ихъ днемъ обличали правительство, а ночью являлись къ префектамъ за инструкціями». Въ Марселѣ оппозиція выставила на выборахъ кандидатуру Тьера и Гамбетты. Правительство выставило своего кандидата Лессепса; но никто не долженъ былъ знать, кто поддерживаетъ его. Весь успѣхъ, напротивъ, зависѣлъ отъ того, чтобы населеніе считало Лессепса вполнѣ независимымъ кандидатомъ. Тутъ впервые Бловицъ примѣнилъ свое удивительное чутье, которое ему такъ часто помогало впослѣдствіи. Лессепсъ находился тогда въ Египтѣ. Тамъ же жилъ пріятель Бловица, который сообщилъ ему, что къ Лессепсу при таинственной обстановкѣ пріѣзжалъ офицеръ изъ Парижа, повидимому, адъютантъ императора. Послѣ этого Лессепсъ внезапно уѣхалъ во Францію. Бловицъ сопоставилъ еще нѣсколько мелкихъ фактовъ и догадался, что правительство поддерживаетъ кандидатуру крайне популярнаго тогда инженера. Обо всемъ этомъ Бловицъ сообщилъ своему знакомому, редактору легитимистской газеты. Появилась статья, которая, какъ буря, развѣяла весь правительственный планъ. На Бловица обрушился тогда гнѣвъ властей. «Я самъ испугался того, что надѣлалъ, — говоритъ онъ.—Я походилъ на слона, со спины котораго вдругъ выпалили изъ пушки, который чувствуетъ толчекъ, не зная откуда онъ. Я былъ беззащитный иностранецъ и вполнѣ находился во власти правительства.» Бловицъ бѣжалъ и нѣсколько мѣсяцевъ скрывался въ глуши, на границѣ. Отсюда онъ нѣкоторое время служилъ у Тьера своего рода приватнымъ шпіономъ, снабжая его свѣдѣніями о настроеніи прессы въ нѣмецкихъ государствахъ. Но вотъ началась война. Послѣ Седана имперія рухнула. Создалась республика, при которой Бловицъ опять могъ возвратится въ Марсель. Время было бурное. 23 марта 1871 г. провозглашена коммуна въ Парижѣ, а черезъ пять дней въ Марселѣ. Революціонеры завладѣли префектурой. Бловицъ исполнялъ должность шпіона версальскаго правительства въ Марселѣ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ. «Въ то время я натурализовался уже и, поэтому, считалъ долгомъ помочь моему новому отечеству. Я предложилъ мои услуги генералу Эпиванъ де ла Вильбоа, которому поручено было трудное дѣло возстановленія порядка *). Революціонеры завладѣли почтой

*) Въ «Histoire de la Commune», Лиссагарэ мы находимъ такую характеристику Вильбоа. «Злобная каррикатура, подобная тѣмъ, которыми изобилуютъ гражданскія войны въ Южной Америкѣ. Генералъ этотъ—тупой легитимистъ, слѣпой и жестокій изувѣръ, выслужившійся не на полѣ битвы, а въ гостиныхъ знатныхъ покровительницъ. Во время войны народъ прогналъ его изъ

и телеграфомъ и вскрывали всѣ подозрительныя письма. Они задерживали телеграммы, въ которыхъ сообщалось версальскому правительству объ отчаянномъ положенiи дѣлъ въ Марселѣ. Я тогда сдавалъ квартиру въ домѣ, принадлежавшемъ моей женѣ, Восточной телеграфной компанiи, имѣвшей свой собственный кабель до Орана (въ Алжирѣ). Компанiя разрѣшила мнѣ соединить ихъ проволоку съ Версалью. И ночью, когда инсургенты думали, что держатъ въ своихъ рукахъ телеграфъ, я по крышѣ и по переброшенной черезъ улицу лѣстницѣ добрался до окна конторы Восточной компанiи и вступилъ въ тайное сношенiе съ внѣшнимъ мiромъ. Лiонъ отвѣтилъ мнѣ и соединилъ меня съ Версалемъ. Я немедленно сообщилъ правительству обо всемъ, что дѣлаютъ коммунары. Получивъ мою первую телеграмму, Тьеръ приказалъ генералу Вильбоа возстановить во что бы то ни стало порядокъ въ Марселѣ. Черезъ два дня, пятаго апрѣля, войска, расположенныя въ Обажѣ, ворвались въ городъ и овладѣли префектурой, ставшей главной квартирой инсургентовъ. Не стану входить въ подробности ужаснаго дня. Каждый исполнилъ свой долгъ. И я самъ, смѣю думать, не составлялъ исключенiя изъ общаго правила. Во всякомъ случаѣ, черезъ день битва была выиграна, а марсельская коммуна— раздавлена.» По книгѣ Лиссагарэ «Histoire de la Commune», мы знаемъ, что гостиному генералу Вильбоа гораздо легче было «выиграть битву» въ Марселѣ, чѣмъ отстаивать Лилль. Собственно говоря, версальцамъ приходилось только разстрѣливать, потому что марсельскiе инсургенты были деморализованы и не сопротивлялись *).

Лилля, возмущенный какъ его неспособностью, такъ и чрезмѣрной жестокостью. За его спиной стояла церковная партiя» (Chap. X).

*) «Федералисты, запершiеся въ зданiи префектуры, не имѣли ни съѣстныхъ припасовъ, ни патроновъ и все равно сдались бы; но генералу Вильбоа было мало полутрiумфа. Онъ давалъ свое первое сраженiе въ жизни, и поэтому ему нужна была кровь, а больше всего — шумъ. Въ 11 часовъ дня генералъ приказалъ бомбардировать зданiе съ вершины Notre Dame de la Garde, т. е. на разстоянiи 500 шаговъ. Съ форта Св. Николая тоже открыли огонь, который, по неумѣнiю версальцевъ, причинилъ, впрочемъ, больше всего вреда осаждающимъ. Въ три часа дня надъ префектурой подняли бѣлый флагъ; но Вильбоа приказалъ продолжать пальбу. Къ пяти часамъ осаждающiе выпустили больше 300 бомбъ. Всѣ федералисты оставили зданiе и сдались, а генералъ все продолжалъ пальбу. Въ половинѣ седьмого вечера, какъ донесъ Вильбоа въ Версаль, онъ повелъ въ атаку моряковъ съ военныхъ кораблей *La Couronne* и *Le Magnanime*. Генералъ говоритъ о молодцоватости атакующихъ, но забылъ прибавить, что въ префектурѣ рѣшительно никого уже не было. Осажденные сдались за $1^{1}/_{2}$ часа до того. Всѣ заложники оказались въ живыхъ; но это не помѣшало генералу устроить жестокую бойню. Тутъ же у стѣнъ префектуры, по указанiю Вильбоа, разстрѣляли не меньше

Генералъ Вильбоа отправилъ Бловица въ Версаль къ Тьеру вѣстникомъ побѣды. Курьеръ ждалъ, что его наградятъ за радостную вѣсть, но ошибся въ разсчетѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, принявшій депеши Бловица, такъ холодно выслушалъ его, что онъ пожалѣлъ даже, что «даромъ предпринялъ такое утомительное и сравнительно опасное путешествіе». Разочарованный Бловицъ рѣшилъ было возвратиться въ Марсель; но Тьеръ, когда курьеръ явился откланяться, удержалъ его въ Парижѣ и обѣщалъ вознаградить, какъ только все успокоится. По причинѣ своей пронырливости и ловкости, Бловицу удалось первому принести Тьеру извѣстіе о томъ, что федералисты сдались и версальцы вступаютъ въ Парижъ. Бловицъ пространно разсказываетъ, какъ онъ ловко обманулъ американку, которая первая усмотрѣла въ бинокль бѣлый флагъ надъ укрѣпленіями Парижа, и какъ онъ ей велѣлъ сидѣть на мѣстѣ и не спускать съ нихъ глазъ, а самъ, между тѣмъ, помчался къ Тьеру. Въ награду Бловицу предложили мѣсто генеральнаго консула въ Ригѣ. «Я считалъ, что дѣло мое вѣрное, — разсказывалъ Бловицъ, — и принялся знакомиться по книгамъ съ Ригой; но вышло, что Тьеръ обѣщалъ нѣсколько поспѣшно. Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, отъ котораго зависѣло назначеніе консуловъ, находился тогда Мэранъ. Онъ ревниво охранялъ министерство и отказался утвердить мое назначеніе. Потомъ Мэранъ предложилъ послать меня въ Рущукъ, но Тьеръ не согласился и настаивалъ на Ригѣ. Такъ прошло два мѣсяца. Тьеръ стоялъ за Ригу, а Мэранъ упрямо предлагалъ болгарскую глушь». Чтобы нѣсколько утѣшить Бловица, ему дали, «въ виду совершенно исключительныхъ заслугъ», орденъ почетнаго легіона. Къ орденамъ и титуламъ Бловицъ питалъ благоговѣніе до самой смерти. Въ своей книгѣ онъ рисуетъ Европу (какъ понималъ ее Бловицъ, т. е. министерства иностранныхъ дѣлъ) своего рода громадной лакейской, гайдуки, швейцары и выѣздные лакеи которой интригуютъ другъ противъ друга.

Бловицу такъ и не пришлось поѣхать ни въ Ригу, ни въ Рущукъ. Нечаянно онъ сталъ сотрудникомъ англійской газеты, не зная англійскаго языка. «21 іюля 1871 г., — разсказываетъ объ этомъ Бловицъ, — для меня историческій день. Мой другъ Фредерикъ Маршаль предложилъ мнѣ временно замѣнить Хардмэна, помощника Олифанта, спеціальнаго парижскаго корреспондента «Times». Хардмэнъ уѣхалъ тогда на двѣ недѣли изъ Парижа. Такъ какъ Олифантъ не могъ быть одновременно и въ Парижѣ, и въ Версалѣ, то онъ искалъ себѣ помощника. Я видѣлся съ Тьеромъ

ста пятидесяти человѣкъ. Больше девятисотъ плѣнныхъ заключены были въ казематы Шато д'Ифъ и форта Св. Николая» (*Lissagaray*, «Histoire de la Commune». Chap. XIII).

ежедневно, поэтому Маршаль полагалъ, что изъ меня выйдетъ отличный помощникъ Олифанту». Бловицъ согласился и поѣхалъ сговариваться съ корреспондентомъ.

— Прежде, чѣмъ начну сотрудничать,—сказалъ я Олифанту,— покажите мнѣ, пожалуйста, что это за газета. Маршаль и Олифантъ удивленно посмотрѣли на меня.

— Какъ! — воскликнулъ Олифантъ, — вы никогда не видали «Times?»

— Представьте, да! По наслышкѣ, конечно, я отлично его знаю. У меня въ Марселѣ былъ пріятель, который каждую свою политическую рѣчь заканчивалъ такъ: «все, что я сообщилъ вамъ— внѣ сомнѣнія, такъ какъ объ этомъ говорится въ *Таймсѣ*». Но самъ я жилъ въ глуши и никогда не видалъ номера.

Олифантъ расхохотался; потомъ показалъ мнѣ газету, содержащую двадцать страницъ. Онъ разостлалъ ее на полу, закрывъ такимъ образомъ весь коверъ. Я стоялъ въ оцѣпенѣніи. Олифантъ объяснилъ мнѣ, между тѣмъ, механизмъ газетнаго дѣла: телеграммы, передовыя статьи, парламентскіе отчеты, полицейскую хронику, денежный рынокъ, письма къ редактору и пр.». На другой день Бловицъ послалъ свою первую телеграмму. «Черезъ день, вечеромъ, я бродилъ по большимъ бульварамъ и купилъ нумеръ *Liberté*. Не безъ удовольствія прочиталъ я: «Times'у телеграфируютъ изъ Парижа»... Въ этотъ моментъ Бловицъ понялъ, что попалъ, наконецъ, на настоящую дорогу и рѣшилъ остаться въ Парижѣ, чтобы сдѣлаться журналистомъ. Тьеръ былъ очень доволенъ, когда узналъ, что Бловицъ участвуетъ въ «Times». Ему нужна была поддержка большой, вліятельной газеты, а Бловица Тьеръ считалъ «ручнымъ». Двѣ въ значительной степени родственныя натуры хитрили другъ предъ другомъ, стараясь воспользоваться простотой или оплошностью одинъ другого. Въ концѣ концовъ, перехитрилъ Бловицъ, о чемъ онъ и заявляетъ не безъ самодовольства. Но Тьеръ покуда еще былъ необходимъ Бловицу, и онъ рѣшилъ угодить ему чѣмъ нибудь. Версальское правительство справилось, между тѣмъ, съ коммуной, англійскія газеты, даже наиболѣе умѣренныя, съ ужасомъ писали о массовыхъ разстрѣливаніяхъ, большею частью, безъ суда. «Счастливы были убитые, — пишетъ историкъ. — Имъ не пришлось испытать судьбу плѣнныхъ. Число ихъ было страшно велико. Версальцы устроили колоссальную облаву и забрали мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей, парижанъ и провинціаловъ, французовъ и иностранцевъ, людей различныхъ сословій, различныхъ классовъ. Забирали поголовно населеніе цѣлаго дома или даже цѣлой улицы. Отъ 21 до 30 мая арестовали болѣе сорока тысячъ человѣкъ, которыхъ гнали цѣлыми партіями, иногда (какъ въ 1848 г.) ско-

ванными вмѣстѣ. Кто отказывался идти, того подгоняли ударами штыка, привязывали къ конскому хвосту, а то просто пристрѣливали. Въ богатыхъ кварталахъ плѣнныхъ, при помощи ударовъ прикладами, заставляли становиться на колѣни предъ церквами. А разъяренная толпа лакеевъ, нарядныхъ франтовъ и проститутокъ вопила: «бей ихъ! бей ихъ, не водите больше! Разстрѣляйте ихъ тутъ»! Въ Елисейскихъ поляхъ толпа кинулась на связанныхъ плѣнныхъ, чтобы задушить ихъ... Плѣнныхъ отправили въ Версаль. Галифэ ждалъ ихъ у La Muette. Водя плѣнныхъ по городу, онъ останавливался подъ окнами аристократическихъ клубовъ, чтобы получить апплодисменты. У воротъ Парижа онъ сталъ отбирать свою десятину смерти.

— У васъ интеллигентное лицо, — обращался онъ къ плѣнному, — выйдите изъ рядовъ.

— Вы при часахъ,—говорилъ онъ другому.—По всей вѣроятности, вы были офицеромъ коммуны. Станьте въ сторонѣ.—Двадцать шестого мая изъ одной только партіи Галифэ отобралъ, такимъ образомъ, 83 мужчинъ и трехъ женщинъ. Ихъ повели къ валамъ и разстрѣляли. Двадцать восьмого мая онъ обратился къ другой партіи со словами: «Всѣ, у кого сѣдые волосы — выходи впередъ!» Вышли 111 плѣнныхъ.

— Вы, по всей вѣроятности, участвовали въ іюньскихъ безпорядкахъ 1848 г.,—сказалъ генералъ,—поэтому, вы болѣе виноваты, чѣмъ остальныя. Разстрѣлять!

«Это было исполнено тутъ же... Оставшихся въ живыхъ погнали дальше между двумя рядами конныхъ солдатъ. Можно было подумать, что орда завоевателей уводитъ въ плѣнъ цѣлое населеніе города. Тутъ были дѣти, взрослые, солдаты, работники, изящно одѣтые люди. Было также много женщинъ, иныя—въ цѣпяхъ» *). Въ національномъ собраніи 22 мая 1871 г. Тьеръ сказалъ: «La cause de la justice, de l'ordre, de l'humanité de la civilisation a triomphé» (справедливость, порядокъ, гуманность и цивилизація восторжествовали). Подобные моменты ужасны еще тѣмъ, что озлобленіе побѣдителей ведетъ къ ожесточенію значительной части населенія.

Предъ Версалемъ плѣнныхъ ждала яростная толпа, состоявшая изъ сливокъ общества, депутатовъ, чиновниковъ, священниковъ. Связанныхъ плѣнныхъ осыпали ударами, въ нихъ швыряли камнями, осколками бутылокъ, комками грязи. Умѣренная французская газета (Siécle) отмѣчаетъ 30 мая 1871 г., что женщины «не проститутки, а изящныя дамы били плѣнныхъ зонтиками». Корре-

*) Histoire de la Commune, ch. XXIII.

спонденты англійскихъ газетъ описывали эти сцены, затѣмъ такъ называемые суды; и эти статьи производили глубокое впечатлѣніе, крайне невыгодное для версальскаго правительства. Предшественникъ Бловица, человѣкъ очень умѣренный, не отступалъ въ этомъ отношеніи отъ своихъ товарищей *). Тьеру нуженъ былъ человѣкъ, который далъ бы англійской публикѣ болѣе благопріятные для версальскаго правительства отчеты, и онъ началъ усиленно заискивать предъ Бловицемъ. Корреспонденту дали спеціальное разрѣшеніе посѣтить лагерь плѣнныхъ близъ Версаля. При всемъ желаніи Бловицъ, однако, не могъ помочь Тьеру, такъ какъ былъ только временнымъ корреспондентомъ, но вотъ прошли двѣ недѣли. Возвращеніе Хардмэна въ Парижъ ждали съ часа на часъ. «А новое дѣло, между тѣмъ, страшно заинтересовало меня, — пишетъ Бловицъ.—Я вошелъ во вкусъ. Возвращеніе Хардмэна явилось для меня большимъ ударомъ. Тьеръ составилъ цѣлый планъ, какимъ образомъ, черезъ мое посредство, воспользоваться вліяніемъ *Таймса*. Онъ привыкъ къ моимъ ежедневнымъ визитамъ и вызвался просить газету, чтобы она дала мнѣ постоянныя занятія; но противъ такого заступничества высказался Олифантъ. Онъ сказалъ, что рекомендація Тьера произведетъ какъ разъ обратное дѣйствіе, т. е. газета совершенно откажется отъ моихъ услугъ.. Рига опять обозначилась предо мною. На этотъ разъ Тьеръ формально обѣщалъ вручить мнѣ паспортъ черезъ недѣлю. Теперь, когда я попробовалъ работать въ газетѣ, Рига казалась мнѣ ссылкой. Я окунулся уже въ новую жизнь, которую нашелъ страшно заманчивой. Попробовалъ я стать французскимъ журналистомъ и послалъ кое-какія статьи въ парижскія газеты. Я скоро убѣдился, что простой талантливости мало, чтобы сдѣлаться французскимъ публицистомъ. Необходимы еще другія качества, которыхъ у меня нѣтъ: крайняя изворотливость, способность уловить вкусъ публики и приспособиться къ ней и пр. Французскій журналистъ долженъ хвастать своимъ вліяніемъ на публику, прежде, чѣмъ добился этого

---

*) Двадцать девятаго мая 1871 г. мы читаемъ въ «Times». «Вчера генералъ Галифэ повелъ партію въ шесть тысячъ плѣнныхъ. Въ ихъ исхудалыхъ лицахъ и опущенныхъ глазахъ не свѣтилась даже искра надежды. Повидимому, они приготовились къ худшему. Ихъ волокли, какъ быковъ на убой. Но вотъ Галифэ велѣлъ партіи остановиться у тріумфальной арки. Онъ отобралъ восемьдесятъ пять человѣкъ и велѣлъ ихъ тутъ же разстрѣлять. Затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ велѣлъ разстрѣлять еще двадцать человѣкъ». Въ другой корреспонденціи въ той же газетѣ говорится: «Маркизъ де Галифэ велѣлъ партіи остановиться. Онъ медленно обошелъ ее и указывалъ пальцемъ то на одного, то на другого плѣннаго, приказывая имъ такимъ образомъ выступить изъ рядовъ. Въ большинствѣ случаевъ приказъ исполнялся немедленно. Скоро у стѣны выстроилась цѣлая колонна. Всѣ вызванные, безъ

вліянія. Онъ долженъ съ апломбомъ употреблять въ своихъ статьяхъ мѣстоимѣніе «мы», блестками стиля онъ долженъ умѣть замаскировать скудость фактовъ. Парижскому журналисту слѣдуетъ изучить въ совершенствѣ искусство пусканія пыли въ глаза, чтобы то смѣлостью, то скептицизмомъ отвлечь вниманіе публики отъ нежелательныхъ газетѣ фактовъ. Всѣми этими талантами французскій журналистъ владѣетъ по интуиціи. Я же убѣдился, что подобныхъ качествъ у меня нѣтъ, а безъ нихъ въ парижской газетѣ нельзя преуспѣвать». Правда, дальнѣйшія событія показали, какъ увидимъ дальше, что Бловицъ скромничаетъ или ошибался въ оцѣнкѣ себя; но тогда онъ былъ огорченъ и рѣшилъ остановиться на Ригѣ. Онъ собрался къ Тьеру, чтобы напомнить ему объ обѣщаніи, но тутъ явился Олифантъ съ вѣстью, что Хардмэнъ въ Парижъ больше не возвратится. «Times» предлагалъ Бловицу постоянное сотрудничество. Тьеръ обрадовался этому не меньше, чѣмъ Бловицъ. Онъ разсчитывалъ, что вліятельная газета теперь у него въ рукахъ; но ошибся въ разсчетѣ. Бловицъ скоро перехитрилъ Тьера и между ними наступило охлажденіе. Случилось это такъ. Бловицъ подсмотрѣлъ, что Тьеръ бесѣдуетъ съ посланникомъ первоклассной державы и нѣсколько смущенъ.

— Посланникъ поздравилъ меня съ той дисциплиной, которую я ввелъ въ республиканской партіи—объяснилъ Бловицу Тьеръ. — Можете телеграфировать объ этомъ въ «Times».—Но шустрый корреспондентъ, усмотрѣвъ смущеніе Тьера, усомнился и подождалъ съ телеграммой. Путемъ ловкихъ допросовъ, а главнымъ образомъ, чрезъ одного префекта Бловицъ узналъ, что посланникъ выражалъ Тьеру свое неудовольствіе по поводу зажигательныхъ рѣчей, произнесенныхъ Гамбеттой на югѣ. Въ такомъ смыслѣ Бловицъ и телеграфировалъ въ «Times». «Въ результатѣ былъ настоящій взрывъ. Консерваторы пришли въ восторгъ. Посланникъ негодовалъ. Тьеръ пришелъ въ отчаянье. Онъ вызвалъ меня и крикнулъ: «Я никому не говорилъ о бесѣдѣ съ посланникомъ.

сомнѣнія, знали, что наступилъ ихъ послѣдній часъ. У меня сердце замирало отъ ужаса, но я не могъ оторвать глазъ отъ осужденныхъ. Одинъ изъ нихъ, тяжело уже раненый, облитый кровью, не могъ стоять на ногахъ. Онъ сидѣлъ на землѣ и стоналъ. Два солдата, повидимому, дезертиры, помертвѣли, но владѣли еще собою. Иные улыбались, вызывающе... Было нѣчто ужасное въ этомъ генералѣ, хладнокровно отбирающемъ людей, чтобы разстрѣлять ихъ безъ суда. Вотъ вывели дѣвушку съ гордо поднятой головой. Другая женщина, старуха, повидимому, мать, хорошо одѣтая, упала на колѣни и стала молить о пощадѣ дѣвушки. Галифэ выслушалъ ее, затѣмъ спокойно отвѣтилъ: «Сударыня я былъ во всѣхъ театрахъ. Ce n'est pas la peine de jouer la comédie»... Отобрали до ста человѣкъ. Ихъ тутъ же разстрѣляли, затѣмъ партія двинулась дальше. Трупы остались неубранными».

Вы подслушали насъ. Вы не смѣли писать объ этомъ». Но вліяніе «Temis'a» такъ велико, что на мировую пошелъ прежде всего самъ Тьеръ.

IV.

Бловицъ хотя и постоянно сотрудничалъ въ Таймсѣ, но считался только секретаремъ корреспондента Олифанта. То былъ типичный англичанинъ извѣстнаго круга, глубоко презиравшій все иностранное, въ особенности же—все французское. Франція казалась тогда раздавленной, уничтоженной, угнетенной. А такой англичанинъ, какъ Олифантъ, презираетъ все слабое. «Его настроеніе,—говоритъ Бловицъ,—высказывалось въ отношеніи къ правительству Тьера. Олифантъ не желалъ ѣздить въ Версаль для свиданій съ президентомъ. Встрѣчаясь съ нимъ, корреспондентъ держался надменно, почти вызывающе, а къ словамъ Тьера относился иронически, свысока и съ пренебреженіемъ. Олифантъ наотрѣзъ отказался отъ предложеннаго ему ордена почетнаго легіона, при томъ такимъ тономъ, какъ будто считалъ красную розетку символомъ лакейства». Въ 1873 г. Олифантъ повздорилъ съ газетой, отказавшейся печатать его презрительные отзывы о Франціи и вышелъ въ отставку. «Times» прислалъ другого корреспондента—Хардмэна, который сталъ «начальникомъ» Бловица. Противъ Хардмэна авторъ записокъ повелъ сложную интригу; но довести ее до конца ему не пришлось: корреспондентъ простудился и умеръ. Бловицу предстояло теперь зарекомендовать себя предъ редакціей какимъ нибудь исключительно ловкимъ ходомъ, такъ какъ охотниковъ занять постъ парижскаго корреспондента «Times'a» явилось много. «Хардмэнъ умеръ въ октябрѣ 1874 г.,—говоритъ Бловицъ.—Какъ только про смерть узнали, то люди изъ всѣхъ странъ и различныхъ положеній въ обществѣ стали осаждать «Times» своими просьбами. Въ газетахъ постоянно упоминались имена вѣроятныхъ кандидатовъ. Курьезно то, что обо мнѣ никто не говорилъ. Редакція тоже хранила глубокое молчаніе». Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ. Бловицъ продолжалъ посылать корреспонденціи въ «Times». Но вотъ представился случай отличиться. То было наканунѣ новаго года. Бловицъ недоумѣвалъ, «чѣмъ напитать Минотавра, которому имя спеціальная телеграфная проволока». Какъ вдругъ въ вечерней газетѣ «Liberté» онъ прочиталъ коротенькую телеграмму изъ Мадрида о свершившемся pronunciamiento. Мартинезъ Кампосъ провозгласилъ королемъ принца Астурійскаго, жившаго тогда въ Парижѣ (впослѣдствіи Альфонса XII).

То былъ настоящій громовой ударъ. Бловицъ помчался въ испанское посольство, гдѣ посланникъ заставилъ его долго просидѣть въ пріемной. «Я сидѣлъ внизу,—разсказываетъ Бловицъ,— и наблюдалъ всѣхъ приходящихъ и уходящихъ. Мнѣ хотѣлось опредѣлить, много ли телеграммъ получилъ посланникъ изъ за границы. Когда въ странѣ свершается революція, то до тѣхъ поръ, покуда правительство у власти, его иностранные представители получаютъ много сообщеній по телеграфу. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сочинять бюллетени о побѣдахъ. Но когда положеніе измѣняется и правительство падаетъ, наступаетъ очередь посланниковъ отправлять телеграммы, которыя иногда не достигаютъ до назначенія, а если и достигаютъ, то остаются безъ отвѣта. Сидя въ пріемной испанскаго посланника, я видѣлъ, какъ постоянно выбѣгали курьеры, мчавшіеся на телеграфную станцію; но за все время никто не принесъ ни одной телеграммы. Когда меня, наконецъ, приняли, то не смотря на ироническое отношеніе посланника къ сообщенію «Liberté», я почти былъ убѣжденъ, что переворотъ въ Испаніи свершился. Посланникъ сказалъ мнѣ, что въ Мадридѣ дѣлали дѣтскую попытку, которая совершенно не удалась. Нѣсколько солдатъ, которыхъ сейчасъ усмирили, крикнули: «Viva el Rey!» Вотъ и все. Но въ настоящій моментъ,—продолжалъ посланникъ,—все успокоилось, порядокъ возстановленъ и правительство приняло энергичныя мѣры. Посланникъ совѣтовалъ мнѣ телеграфировать въ «Times», что попытка возстановить монархію въ Испаніи совершенно не удалась. Въ подобныхъ случаяхъ,—прибавляетъ Бловицъ,—когда дѣло идетъ объ услугѣ своему правительству или о личной пользѣ, посланники не остановятся предъ тѣмъ, чтобы съ спокойной совѣстью выбросить за бортъ журналиста и загубить его репутацію, честь и карьеру. Выйдя изъ посольства, я былъ твердо убѣжденъ, что pronuciamiento Мартинеза Кампоса удалось. Поэтому, я рѣшилъ не телеграфировать сообщенія, которымъ меня надѣлилъ посланникъ. Но я не дерзнулъ также писать о переворотѣ, какъ о свершившемся фактѣ. Я не имѣлъ никакихъ доказательствъ». Бловицъ жилъ недалеко отъ Palais de Castille, дворца астурійскаго принца. Возвращаясь домой, корреспондентъ увидалъ, что ворота дворца крѣпко заперты и охраняются полиціей, а у рѣшетки, на улицѣ стоитъ громадная толпа. Въ этой толпѣ были также всѣ репортеры парижскихъ и иностранныхъ газетъ. Присоединиться къ нимъ и сторожить запертыя ворота Бловицъ не нашелъ практичнымъ. Дома онъ вспомнилъ вдругъ, что когда-то его представили въ Версалѣ испанскому сенатору, графу Бануэлосъ. Къ нему Бловицъ поскакалъ немедленно, хотя уже было

девять часовъ. Графъ съ семьей собирался на балъ, но Бловицъ зналъ тайну «мертвой хватки» и такъ присталъ къ сенатору, что тотъ поѣхалъ съ нимъ къ принцу Астурійскому. Вслѣдствіе положенія графа Бануэлосъ въ Испаніи, карету впустили въ ворота. Сильный полицейскій нарядъ охранялъ, чтобы вмѣстѣ съ каретой не ворвались во дворъ любопытные и репортеры. Кое-кто изъ нихъ узналъ Бловица, хоть тотъ и забился въ дальній уголъ. «Я слышалъ, какъ кто-то изъ моихъ коллегъ крикнулъ: «Бловицъ сидитъ въ каретѣ!» Раздались протесты, ругательства, но ворота уже захлопнулись. а мы съ графомъ поднимались по лѣстницѣ». Бловицъ добился аудіэнціи. Его ввели въ кабинетъ принца Астурійскаго. Повинуясь инстинкту, Джонатанъ Уайлдъ, стоя на эшафотѣ, вытащилъ изъ кармана священника табакерку. Въ силу того же инстинкта, Бловицъ, очутившись въ кабинетѣ, сталъ рыться на письменномъ столѣ. «На одномъ столѣ лежала карта полушарій, на другомъ, заваленномъ бумагами, находился развернутый томъ Тацита съ отмѣтками по испански на поляхъ. Я принялся списывать нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ». За этимъ занятіемъ засталъ его принцъ Астурійскій. Король Альфонсъ XII далъ, тѣмъ не менѣе, продолжительную аудіенцію корреспонденту, сообщилъ ему какъ текстъ троннаго манифеста, такъ и свою программу. Къ половинѣ двѣнадцатаго Бловицъ возвратился домой, а въ часъ ночи послалъ газетѣ телеграмму въ два столбца (строкъ 400). На другой день всѣ газеты дали только коротенькое сообщеніе изъ Мадрида, тогда какъ «Times» напечаталъ всю исторію переворота, со всѣми подробностями. Англійская газета «побила рекордъ». Черезъ два дня редакторъ прислалъ благодарность Бловицу. «Получивъ это лестное письмо,—продолжаетъ Бловицъ,—я понялъ, что теперь путь къ моему назначенію открытъ». Дѣйствительно, черезъ три недѣли «Times» заявилъ, что его представителемъ въ Парижѣ назначенъ Бловицъ.

Скоро подоспѣлъ другой случай «отличиться» предъ газетой. Характерной особенностью записокъ Бловица является ихъ хвастливый тонъ. Авторъ повѣствуетъ о томъ, что былъ всюду и выслушалъ всѣхъ посланниковъ и министровъ. Всѣ ему открывали свои завѣтные планы. Совѣта Бловица добивались, по его словамъ,—всѣ сильные люди. Въ сущности, если вѣрить «Запискамъ», судьба всей Европы находилась не разъ въ рукахъ шустраго корреспондента. Онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, спасъ даже Францію. Дѣло идетъ о проектѣ Германіи втянуть Францію въ 1875 г. въ большую войну, которая непремѣнно должна была кончиться окончательнымъ разгромомъ республики и сведеніемъ ее навсегда на степень второстепенной державы. Въ изображе-

V.

Наступилъ берлинскій конгрессъ. Это время, выражаясь, словами Фильдинга, — «Fortune at his birth had resolutely ordained for the consummation of our hero's Greatness» (Фортуна избрала при рожденіи героя, какъ день, когда величіе героя должно проявиться вполнѣ). Во время берлинскаго конгресса Бловицъ совершилъ подвигъ, имѣющій много общаго съ дѣяніями Джонатана Уайлда, но имѣвшій для корреспондента «Times'а» не тѣ послѣдствія, что для героя Фильдинга. До сихъ поръ англійскія газеты ставятъ своимъ корреспондентамъ въ примѣръ Бловица, какъ недосягаемый идеалъ въ своемъ родѣ. Самъ Бловицъ сознаетъ величіе совершоннаго имъ подвига и разсказываетъ о немъ въ назиданіе потомству. «По мнѣнію всѣхъ,—говоритъ Бловицъ,— обнародованіе Таймсомъ берлинскаго трактата въ тотъ самый часъ, когда документъ былъ подписанъ въ Берлинѣ, признается величайшимъ подвигомъ, когда либо совершоннымъ журналистомъ. Такъ какъ это сдѣлалъ я, то хочу посвятить факту особую главу... Мною руководитъ теперь не тщеславіе, но профессіональный долгъ. Читатель долженъ знать, съ какимъ трудомъ и съ какими усиліями добыты тѣ свѣдѣнія, которыя онъ равнодушно утромъ пробѣгаетъ за завтракомъ. Обыкновенный читатель полагаетъ, что рѣдкій документъ можно выпросить или купить. Если бы дѣло стояло только за деньгами, то наполнять газету сенсаціонными извѣстіями было бы очень легко. Богатыя газеты охотно покупали бы ихъ на вѣсъ золота, а остальные журналы просто перепечатывали бы извѣстія, не называя источника. Дѣло не въ деньгахъ. Купленные документы, большею частью, подложны. Тѣ, въ рукахъ которыхъ находятся цѣнныя свѣдѣнія, не имѣютъ ни права, ни желанія продавать ихъ. Я разскажу, поэтому, исторію одного документа, для пріобрѣтенія котораго потребовались не только деньги, но долгія предварительныя подготовленія. Чтобы овладѣть этимъ драгоцѣннымъ документомъ, понадобилось не только устраненіе всѣхъ препятствій, но пришлось сбить еще всѣхъ другихъ журналистовъ, которые тоже гнались за тою же дичью. Я обязанъ дать всѣ подробности, чтобы не унести съ собою въ могилу дѣяніе, составляющее достояніе исторіи современной журналистики».

Памятуя раскрытіе заговора Германіи противъ Франціи, Бловицъ колебался, ѣхать ли ему въ Берлинъ, или нѣтъ. Онъ боялся, что тамъ его встрѣтятъ очень холодно и не дадутъ никакихъ свѣдѣній. На делегатовъ иностранныхъ державъ нечего было раз-

считывать. «Уполномоченный Франціи былъ робокъ, англійскіе дипломаты, по принципу, не сообщаютъ ничего журналистамъ, русскіе дипломаты не довѣряли представителю англійской газеты; австрійцы, страшась Германіи и Россіи, молчали, какъ нѣмые. Что же касается турецкихъ дипломатовъ, то они трепетали даже собственной тѣни. Обдумавъ и взвѣсивъ все это, — продолжаетъ Бловицъ,—я увидѣлъ, что въ Берлинѣ страшно оскандалюсь и загублю собственную карьеру, которую началъ съ такимъ успѣхомъ и блескомъ».

Новый Лазарильо изъ Тормесъ, поэтому, рѣшилъ, что нужно дѣйствовать «дипломатически». У него въ запасѣ имѣлся одинъ изъ тѣхъ международныхъ проходимцевъ, которыхъ въ изобиліи встрѣчаетъ туристъ въ Турціи и на всемъ сѣверномъ берегу Африки. Они всегда отлично одѣты, очень развязны, говорятъ на всѣхъ языкахъ и въ Константинополѣ, Каирѣ, Тунисѣ и Танжерѣ осаждаютъ туриста всякими предложеніями, большей частью, крайне щекотливаго характера. Господа эти щеголяютъ великолѣпными усами и сверкаютъ ослѣпительными зубами. Это, по всей вѣроятности, прямые потомки Мулей-Гассана, ловкаго пройдохи, выведеннаго Шиллеромъ въ «Заговорѣ Фіеско въ Генуѣ». Какъ ихъ предокъ, они могли бы, если бы понадобилось, «представить свидѣтельство всѣхъ мошенническихъ цеховъ отъ мельчайшихъ до самыхъ крупныхъ». Такого Муллей-Гассана, изящнаго, ловкаго и отличнаго лингвиста, Бловицъ послалъ съ рекомендаціями въ Берлинъ и наказалъ втереться писаремъ къ одному изъ дипломатовъ. Новый Мулей-Гассанъ фигурировалъ, какъ состоятельный молодой человѣкъ изъ хорошаго общества, ищущій поля почетной дѣятельности. Служить онъ долженъ былъ безъ жалованья. Бловицъ не сообщаетъ, воскликнулъ ли агентъ, когда корреспондентъ далъ ему инструкціи, какъ мавръ у Шиллера: «По рукамъ, Лаванья! я вашъ! Пользуйтесь мною, для чего вамъ угодно... Я готовъ на всякія порученія». Вмѣсто этого, Бловицъ, вспомнивъ, что онъ добрый католикъ, пускается въ философическія умствованія.—«Я вѣрю въ безпрерывное вмѣшательство Верховной Силы, не только направляющей нашу судьбу, но руководящей также нашими дѣйствіями, имѣющими вліяніе на судьбу. Когда я вижу, что въ природѣ нѣтъ случайнаго и что непреложные законы управляютъ каждымъ движеніемъ: когда я убѣждаюсь, что даже слабое мерцаніе на небосклонѣ закономѣрно, — я не могу себѣ представить, что человѣческимъ родомъ правитъ случай. Больше того, дѣйствіе каждаго индивидуума, входящаго въ составъ общества, опредѣлено заранѣе. Великіе люди, попадающіе въ исторію, подобны планетамъ, названія которыхъ намъ извѣстны. Они вы-

дѣляются изъ безчисленной толпы простыхъ смертныхъ, какъ яркія звѣзды среди мелкихъ свѣтилъ, не имѣющихъ названія. Судьбы планетъ намъ извѣстны. Мы можемъ опредѣлить, когда на горизонтѣ снова появится комета. Мы знаемъ, что мельчайшая звѣзда повинуется непреложнымъ законамъ, управляющимъ вселенной. Точно такъ, какъ кометы,—безпрерывно появляются, въ измѣнившихся обстоятельствахъ и подъ различными именами, великіе люди, избѣгшіе забвенія. Моисей — снова появился, какъ Конфуцій, Гусъ—возрожденный Магометъ, Киръ возвратился на землю, какъ Юлій Цезарь, а потомъ, какъ Наполеонъ. Атилла воскресъ, какъ Петръ Великій, а Фридрихъ II, какъ Бисмаркъ. Людовикъ Святой пришелъ второй разъ на землю, какъ Филиппъ VII, а Катилина, какъ Буланжэ. Только Карлъ Великій да Іоанна д'Аркъ не возродились еще. Все повинуется опредѣленнымъ законамъ. Каждый человѣкъ властелинъ своей собственной судьбы лишь потому, что воленъ отказаться или принять положеніе, предопредѣленное свыше. Придерживаясь этой теоріи, я пытался всегда угадать намѣреніе Верховной Силы, управляющей нашими дѣйствіями».

Философія эта по глубинѣ и оригинальности напоминаетъ знаменитые афоризмы: «Смотри вдаль—увидишь даль. Смотри въ небо—увидишь небо. Но, взглянувъ въ маленькое зеркальце, увидишь только себя... Гдѣ начало того конца, которымъ оканчивается начало?.. Всякая вещь есть форма проявленія безпредѣльнаго разнообразія» и т. д.

Но не въ томъ дѣло. Любопытно, что вся эта философія понадобилась для того, чтобы объяснить наемъ шпіона. Бловицъ не просто послалъ въ Берлинъ своего Муллей-Гассана съ цѣлью выкрасть документы; нѣтъ, онъ «угадалъ намѣреніе Верховной Силы», предопредѣлившей, что новому Лазарильо изъ Тормесъ надлежитъ прославиться. Мулей Гассанъ (Бловицъ не даетъ его имени, поэтому, для краткости, стану такъ называть тайнаго агента) уѣхалъ въ Берлинъ, снабженный деньгами и рекомендаціями. Черезъ нѣсколько недѣль поѣхалъ и Бловицъ. Прибылъ онъ въ Берлинъ 11 іюня 1878 г., за два дня до начала конгресса. Приняли корреспондента любезно, но, какъ онъ предвидѣлъ, ему не дали никакихъ свѣдѣній. «Уѣзжая изъ Парижа,—пишетъ Бловицъ,—я сказалъ германскому дипломату: въ Парижѣ и рыба болтлива, а въ Берлинѣ нѣмы даже попугаи». Оказалось, что я не ошибся». Засѣданія конгресса должны были происходить въ глубокой тайнѣ. Бисмаркъ просилъ делегатовъ не давать корреспондентамъ никакихъ свѣдѣній. «13 іюня конгрессъ открылся. Безчисленные журналисты, съѣхавшіеся въ Берлинъ, бродили по

Вильгельмштрассе, какъ осужденныя души. У нихъ оставалась слабая надежда на то, что, быть можетъ, удастся уловить хоть какой-нибудь слухъ. Настроеніе корреспондентовъ было удрученное». Ночью Бловицъ свидѣлся съ своимъ Мулей-Гассаномъ, которому удалось втереться въ канцелярію къ одному изъ дипломатовъ. Такъ какъ за всѣми канцеляристами внимательно слѣдили, то явился вопросъ, какимъ образомъ Мулей-Гассанъ можетъ передавать своему хозяину добытыя свѣдѣнія. Сперва остановились было на томъ, что агентъ будетъ бросать записки въ спущенное окно кареты Бловица, но потомъ напали на болѣе простой и болѣе безопасный способъ. Всѣ журналисты и дипломаты обѣдали въ одномъ и томъ же ресторанѣ. Мулей-Гассанъ приходилъ тоже туда и оставлялъ на вѣшалкѣ свой цилиндръ, въ подкладкѣ котораго находились замѣтки. Бловицъ, уходя изъ ресторана, надѣвалъ цилиндръ своего шпіона и оставлялъ свой. Оффиціально хозяинъ и шпіонъ показывали видъ, что не знакомы другъ съ другомъ. Замѣтки были всегда очень лаконичны, но тутъ на помощь являлась пронырливость Бловица и его собачье чутье. Такъ, напримѣръ, разъ въ подкладкѣ Бловицъ нашелъ записку: «Узналъ не особенно много. Горчаковъ произнесъ забавную рѣчь. Она заканчивалась: «Россіи болѣе желательны военные лавры, чѣмъ масличная вѣтвь мира». «Съ этой фразой, — разсказываетъ Бловицъ, — я отправился къ дипломату, который былъ восторженнымъ поклонникомъ стараго канцлера. Бесѣда наша началась незначительными фразами, но затѣмъ я свернулъ ее на засѣданія конгресса.

— Кажется, нѣкоторые члены конгресса,—сказалъ я,—подняли на смѣхъ рѣчь князя Горчакова, въ особенности заключительныя слова: «Россія и пр.» Дипломатъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Глумиться нечего, — сказалъ онъ. — Вы не должны повторять чужихъ насмѣшекъ. Рѣчь канцлера была очень умная, хотя и кажется вычурной и претенціозной. Онъ желалъ установить вотъ что. — Тутъ дипломатъ привелъ нѣсколько мѣстъ изъ рѣчи Горчакова. Я заглянулъ еще къ двумъ дипломатамъ и въ полночь могъ послать въ Лондонъ рѣчь почти цѣликомъ. — Появленіе ея въ «Times'ѣ» смутило Бисмарка. Онъ былъ убѣжденъ, что Бловицъ подслушалъ Горчакова, спрятавшись подъ столомъ. Отъ своего Мулей-Гассана, такимъ же образомъ, Бловицъ узналъ объ осложненіяхъ по поводу границъ Болгаріи. «Таймсъ» раньше другихъ газетъ, именно 22 іюня напечаталъ телеграмму о томъ, что Англія пришла къ предварительнымъ соглашеніямъ съ Россіей по поводу болгарскаго вопроса. Этотъ вопросъ одно время такъ осложнился, что засѣданія конгресса прекратились. Лордъ Биконсфильдъ заказалъ на понедѣльникъ 24 іюня 1878 г. спе-

ціальный поѣздъ, чтобы уѣхать изъ Берлина. По всей вѣроятности, съ его стороны то была ловкая военная хитрость. Отъѣздъ Биконсфильда имѣлъ бы гибельныя послѣдствія. Весь міръ слѣдилъ за конгрессомъ. 21 іюня я узналъ въ полночь, что Англія пришла къ соглашенію съ Россіей и немедленно телеграфировалъ въ редакцію. Такимъ образомъ, я предупредилъ страшный крахъ на биржѣ, который послѣдовалъ бы, когда стало бы извѣстно, что Биконсфильдъ заказалъ спеціальный поѣздъ».

Но вотъ Мулей-Гассанъ возбудилъ подозрѣнія, и ему пришлось поспѣшно оставить не только Берлинъ, но даже Европу. Бловицъ щедро снабдилъ его деньгами и отправилъ въ Австралію, гдѣ онъ живетъ до сихъ поръ. Приближалось время закрытія конгресса; но Бловицъ не унывалъ. Первый Мулей-Гассанъ нашелъ второго, очень вліятельнаго, который обѣщалъ достать корреспонденту проектъ трактата. «Теперь мнѣ приходилось преодолѣть два препятствія, — пишетъ Бловицъ. — Во-первыхъ, конгрессъ закрывался 13 іюля, въ субботу. Трактатъ мнѣ былъ необходимъ 12-го, чтобы онъ могъ появиться въ газетѣ 13-го, такъ какъ по воскресеніямъ англійскія газеты не выходятъ. Въ понедѣльникъ было бы уже поздно. Во-вторыхъ, мало было достать трактатъ. Для меня важно было также, чтобы другіе журналисты не имѣли его. Нѣмецкія газеты злились на Бисмарка за то, что онъ не принялъ ихъ представителей. Я разсчиталъ, что канцлеръ дастъ имъ трактатъ, чтобы успокоить ихъ. Если документъ появится въ нѣмецкихъ газетахъ въ субботу, то я потерплю пораженіе. Я былъ въ отчаяніи. Какъ помѣшать Бисмарку? Какъ протелеграфировать трактатъ въ Лондонъ? Изъ Берлина нельзя было. Изъ Парижа было бы поздно. Остановился я на Брюсселѣ». Обманувъ бельгійскаго посланника, Бловицъ досталъ отъ него разрѣшеніе послать изъ Брюсселя «во всякій часъ ночи» большое сообщеніе.

Я не стану описывать здѣсь стратагему, придуманную Бловицемъ для того, чтобы никто изъ его товарищей не получилъ трактата въ пятницу. Новый Мулей-Гассанъ былъ ловкій человѣкъ и въ пятницу вечеромъ выкралъ еще не подписанный документъ, вручилъ его Бловицу, который немедленно отправился въ Брюссель, притворившись крайне удрученнымъ, что не можетъ достать проектъ трактата. Даже другой корреспондентъ «Times'а» (извѣстный знатокъ Россіи Мекензи Уоллэсъ) не зналъ объ успѣхѣ Бловица. Только когда поѣздъ тронулся, товарищи Бловица по газетѣ узнали это. «И тогда наше отдѣленіе огласилось радостнымъ «ура»! Въ три часа ночи пріѣхали въ Брюссель. На телеграфной станціи отказались было принять телеграмму, когда убѣдились, что это важный дипломатическій документъ, но Бловицъ показалъ раз-

рѣшеніе, добытое обманомъ отъ бельгійскаго посланника въ Берлинѣ. Черезъ нѣсколько часовъ, когда въ Берлинѣ делегаты подписывали трактатъ, телеграмма изъ Лондона возвѣстила, что «Times» напечаталъ уже 64 §§ документа, вмѣстѣ съ англійскимъ переводомъ. «Въ Берлинѣ телеграмма вызвала страшную сенсацію». Немедленно стали искать, кто выкралъ копію; но Мулей-Гассанъ не открытъ до сихъ поръ. Бловицъ не только гордится своимъ подвигомъ. Онъ излагаетъ дѣло такъ, что выходитъ, будто имъ оказаны человѣчеству величайшія услуги. Читатель нѣсколько недоумѣваетъ и ставитъ вопросы: почему именно важно, что трактатъ опубликованъ не въ воскресенье, а въ субботу? Почему важность уменьшилась бы, если бы проектъ появился въ субботу не только въ «Times», но, напр., еще въ какой-нибудь нѣмецкой газетѣ? Похвальба Бловица дѣятельностью своихъ Мулей-Гассановъ не знаетъ границъ.

VI.

Бловицъ признаетъ только одну сферу — дипломатическую. Въ этомъ мірѣ онъ вращался постоянно и изучилъ всѣ лазейки, всѣ закоулки. Судьба милліоновъ людей, если вѣрить Бловицу, зависитъ отъ каприза, отъ мелкой зависти одного лица, или отъ того, что дипломату N дали зеленую тряпочку, когда онъ разсчитывалъ на красную, и пр. Я привелъ разсказъ Бловица, почему не удался заговоръ Германіи противъ Франціи. Посмотримъ теперь, почему Франція не заняла Египта. Если вѣрить Бловицу, причины эти еще болѣе ничтожны, чѣмъ тѣ, которыя повели къ раскрытію комплота Мольтке: все дѣло въ томъ, что Фрейсинэ хотѣлось имѣть портфель военнаго министра, а его хотѣли сдѣлать министромъ иностранныхъ дѣлъ. «Египетскій вопросъ, — пишетъ Бловицъ, - мѣшавшій въ теченіе двадцати лѣтъ установленію добрыхъ отношеній между Франціей и Англіей, грозившій одно время войной, вопросъ, который долго еще будетъ стоять на политическомъ горизонтѣ, какъ страшный призракъ раздора, — явился послѣдствіемъ одного крайне ничтожнаго обстоятельства. Если Франція не заняла Египта, то только вслѣдствіе неудачнаго распредѣленія министерскихъ портфелей».

4-го ноября 1881 г. образовалось министерство Гамбетты,—повѣствуетъ Бловицъ. Сторонникъ перваго министра Фрейсинэ желалъ получить портфель военнаго министра, чтобы поправить свою репутацію, подмоченную во время франко-прусской кампаніи. «Я желаю занять этотъ постъ, — сказалъ Фрейсинэ Бловицу, — потому, что онъ мнѣ абсолютно необходимъ. Враги такъ часто обвиняли меня въ 1871 г. въ полной бездарности, что я желаю теперь

защитить мою честь и показать, что я патріотъ. Но Гамбетта предложилъ Фрейсинэ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Фрейсинэ отказался. «На этомъ посту, — сказалъ онъ, — я былъ бы только орудіемъ въ рукахъ Гамбетты, который, въ дѣйствительности, управлялъ бы министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ того, мнѣ обѣщали портфель военнаго министра, и я хочу получить его». Послѣдствія были не менѣе серьезны, чѣмъ послѣ ссоры Ахила съ Агамемнономъ изъ-за греческой плѣнницы. Фрейсинэ не простилъ Гамбеттѣ, хотя Бловицъ пытался примирить ихъ. Черезъ нѣсколько недѣль кабинетъ палъ, потерпѣвъ пораженіе при обсужденіи scrution de liste. Во главѣ новаго министерства сталъ Фрейсинэ. Это страшно обидѣло Гамбетту, потому что Фрейсинэ обѣщалъ ему, что не будетъ премьеромъ. Гамбетта сталъ въ оппозицію и изъ мести возставалъ рѣшительно противъ каждой мѣры, предложенной Фрейсинэ.

«Я никогда не прощу ему», сказалъ,—по утвержденію Бловица,— Гамбетта. «И въ теченіе шести мѣсяцевъ онъ яростно нападалъ на каждый билль, внесенный Фрейсинэ. 29 іюля 1882 г. парламентъ обсуждалъ крайне важный вопросъ: должна ли Франція вмѣстѣ съ Англіей занять Египетъ, или нѣтъ. Фрейсинэ склонялся къ тому, что слѣдуетъ дѣйствовать за одно съ Великобританіей. Изъ духа противорѣчія Гамбетта рѣзко напалъ тогда на премьера. Онъ произнесъ блестящую и жгучую рѣчь и при помощи Клемансо разбилъ въ тотъ же вечеръ министерство. Кабинетъ палъ. Гамбетта и его партія были отомщены. «Черезъ годъ послѣ этого, — продолжаетъ Бловицъ, — я бесѣдовалъ въ Римѣ съ кардиналомъ Джакобини».

— Скажите мнѣ, — спросилъ онъ внезапно, — почему Франція отказалась занять Египетъ вмѣстѣ съ Англіей?

«Я разсказалъ кардиналу исторію портфеля и доказалъ, что если бы Фрейсинэ предложили постъ военнаго министра, то Франція владѣла бы теперь Египтомъ совмѣстно съ Великобританіей. По губамъ кардинала скользнула улыбка, и онъ произнесъ поитальянски: «малыя причины имѣютъ великія послѣдствія».

По приведеннымъ выдержкамъ читатели могли уже судить о хвастливости Бловица. Если вѣрить ему, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ политическихъ событіяхъ послѣднихъ тридцати лѣтъ. Ему Альфонсъ XII поручилъ извѣстить Европу о курсѣ, который возьметъ новая монархія. Бловицу раскрывалъ свои планы Бисмаркъ. Тьеръ и Гамбетта просили совѣта у ловкаго корреспондента. Бловицъ, въ нѣкоторомъ родѣ, распредѣлялъ портфели. Съ нимъ совѣщался о судьбахъ Турціи султанъ Абдулъ-Гамидъ. Въ изображеніи Бловица султанъ выходитъ про-

свѣщеннымъ и мудрымъ правителемъ, отнюдь не относящимся враждебно даже къ либеральнымъ реформамъ. «Люди, утверждающіе, что Турція—неизлѣчимый больной,—намѣренно клевещутъ,—сказалъ Абдулъ-Гамидъ Бловицу. — Мы нуждаемся въ реформахъ нашей финансовой системы, нашихъ законовъ и администраціи. Я уже сдѣлалъ кое что. Мое правительство давно не заключало никакихъ новыхъ займовъ; я принялъ мѣры къ погашенію государственнаго долга... Въ Европѣ ошибаются, когда выставляютъ меня врагомъ свободы. Я знаю, что государство не можетъ отставать отъ общаго прогресса; но чрезмѣрная свобода такъ же опасна, какъ и отсутствіе ея... Мы желаемъ подготовить нашу страну къ принятію свободныхъ учрежденій. Я сдѣлалъ многое въ этомъ отношеніи: завелъ новыя школы, улучшилъ старыя. Образованіе лучше всего подготовляетъ народъ къ воспріятію свободы». Читатели, которые вспомнятъ рѣзню въ Арменіи и Константинополѣ, придутъ, вѣроятно, къ заключенію, что взглядъ Абдула-Гамида на то, какъ подготовлять народъ къ конституціи—нѣсколько своеобразный. Бловицъ, по его словамъ, не только выслушивалъ султана, но и давалъ ему практическіе совѣты, какъ лучше править Турціей. «Я убѣжденъ,—сказалъ Бловицъ Абдулу-Гамиду,—что всѣ недуги, отъ которыхъ страдаетъ Турецкая имперія, могутъ быть легко исцѣлены. На пути къ исцѣленію два препятствія: во-первыхъ, то, что все зависитъ отъ единой воли вашего величества. Вамъ необходимо поступиться частью абсолютизма. Второе затрудненіе заключается въ томъ, что подданные вашего величества должны согласиться на нѣкоторое сокращеніе власти падишаха. Дѣло въ томъ, что сановники, сила которыхъ зависитъ отъ вашей абсолютной власти, по всей вѣроятности, возстанутъ противъ проекта конституціи. При представительномъ правленіи эти сановники, которые теперь безконтрольны, должны были бы отвѣчать предъ парламентомъ. Тогда они не могли бы сваливать всю отвѣтственность за свои постуки на ваше величество, какъ теперь. Если вы, ваше величество, могли бы организовать комитетъ, который былъ бы въ силахъ провести реформы, Турція возродилась бы. Ваше величество держите въ рукахъ всю свободу, потому что ваша воля выше всего. Если бы вы, мало-по-малу, передали эту волю странѣ, то она быстро пошла бы впередъ». Султанъ, по словамъ Бловица, вполнѣ согласился съ этимъ. Послѣ описаннаго свиданія произошли «реформы» въ Арменіи, Константинополѣ и въ Македоніи! Читатели, вѣроятно, припоминаютъ отвѣтъ «Вольтеру и Дидероту» въ извѣстномъ стихотвореніи А. Толстого:

«Messieurs, имъ возразила

Она, vous me comblez».
И тотчасъ прикрѣпила
Украпинцевъ къ землѣ.

Откровенничалъ съ Бловицомъ даже Бисмаркъ. «Санъ-Стефанскій договоръ,—сказалъ онъ разъ, когда бесѣдовалъ съ корреспондентомъ «по душамъ», — одна изъ величайшихъ ошибокъ въ современной исторіи. Игнатьевъ сдѣлалъ промахъ, котораго не совершилъ бы настоящій государственный дѣятель. Онъ забралъ все, что могъ взять. Когда непріятель побѣжденъ и ему наступили на шею, его не трудно заставить отдать все... Но слѣдуетъ думать о послѣдствіяхъ побѣды. Если бы Германія, слѣдуя примѣру Игнатьева, забрала бы въ 1866 г. у Австріи территорію, она не была тѣмъ, что теперь.

«При этихъ словахъ, — продолжаетъ Бловицъ,— я посмотрѣлъ Бисмарку прямо въ глаза. Онъ угадалъ мою мысль.

— Я знаю, что вы думаете теперь о франко-прусской войнѣ. Но въ 1871 г. я поступилъ согласно взгляду, высказанному только что. Франція тогда была у насъ въ рукахъ. Мы завладѣли Парижемъ. Возстаніе коммунаровъ подготовлялось. Все было разгромлено. Слѣдуй я примѣру Игнатьева, я долженъ былъ бы потребовать Пикардію и Шампань. Меня убѣждали, что слѣдуетъ отнять и Бельфоръ, и Мэцъ.—Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—Бельфоръ долженъ остаться у Франціи. Я колебался даже, взять ли Мэцъ, видя отчаянье Тьера. Но, знаете, въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ принимать въ соображеніе требованія военныхъ. Я долженъ былъ подчиниться Мольткэ, который все время твердилъ мнѣ: «если Мэцъ останется за Франціей, то намъ придется содержать на границѣ на сто тысячъ солдатъ больше». Мнѣ пришлось уступить. Бловицъ передаетъ разсказъ Бисмарка о переговорахъ съ Тьеромъ и Жюлемъ Фавромъ.

— Мы обсуждали вопросъ, по поводу котораго не могли придти къ соглашенію. Тьеръ упорно стоялъ на своемъ. Жюль Фавръ былъ краснорѣчивъ и трагически жестикулировалъ; дѣло не подвигалось ни на шагъ. Тогда я вдругъ заговорилъ съ ними по-нѣмецки. Тьеръ изумленно посмотрѣлъ на меня.

— Вы знаете, что мы не понимаемъ по нѣмецки, — сказалъ онъ.

— Конечно, знаю,—отвѣтилъ я по французски. — Я говорю съ людьми, съ которыми, по моему мнѣнію, можно столковаться, на ихъ языкѣ. Но когда вижу, что аргументы не дѣйствуютъ, то начинаю говорить на моемъ собственномъ языкѣ. Вы лучше пошлите за переводчикомъ.—Результаты были слѣдующіе. Жюль Фавръ трагически поднялъ руки, какъ бы призывая небо въ свидѣтели, за-

тѣмъ бросился въ кресло, стоявшее въ углу, и закрылъ лицо руками. Тьеръ яростно посмотрѣлъ сверхъ очковъ, схватилъ перо и нервно сталъ царапать имъ. «Тьеръ и Ж. Фавръ уступили». Разсказъ этотъ плохо вяжется съ утвержденіемъ Бисмарка, что съ побѣжденнымъ непріятелемъ слѣдуетъ поступать гуманно и не отнимать всего. Бисмаркъ, какъ говоритъ самъ Бловицъ, терпѣть его не могъ,—въ особенности, послѣ кражи трактата. Канцлеръ, тѣмъ не менѣе, давалъ корреспонденту interview, продолжавшіяся нѣсколько часовъ, потому что «Times»—могучая сила.

Въ «плутовскихъ романахъ» коллекція женскихъ типовъ обыкновенно очень велика. Однѣ изъ нихъ обращаются за помощью къ герою; другія пытаются его обмануть, третьихъ онъ самъ обманываетъ. Жиль Блазъ, напр., спасаетъ прекрасную донью Менціа де Москера изъ разбойничьей пещеры; въ Вальядолидѣ онъ становится потомъ жертвой хитрой авантюристки. Въ «Запискахъ» Бловица такихъ романическихъ приключеній тоже очень много. Мы находимъ здѣсь рядъ вводныхъ исторій, совсѣмъ какъ въ «Жиль Блазѣ», «Ava», «The Revenge of Venus» и пр. И героини этихъ исторій все княгини и принцессы, всѣ прекрасны, хотя однѣ изъ нихъ коварны, какъ демоны, а другія—добры, какъ ангелы. Въ «Запискахъ», кажется, нѣтъ ни одного лица, у котораго не было бы громкаго титула. Исключеніе составляетъ одинъ только авторъ, облагороженный только скромнымъ префиксомъ «де».

Я не сказалъ еще ни слова про наружность Бловица. Видѣлъ я его разъ, въ театрѣ. Нужно себѣ представить маленькаго человѣчка, почти карлика (въ газетныхъ кружкахъ его называли «великимъ маленькимъ человѣкомъ», «the Great-Little Man), страшно толстаго, на коротенькихъ кривыхъ ножкахъ, съ громадною головой.—На широкомъ, жирномъ лицѣ, украшенномъ «дипломатическими» баками, поражали странные рачьи глаза и толстая, оттопыренная нижняя губа. Комическое впечатлѣніе производила какая-то особая франтоватость и молодцоватость Бловица. И этотъ пыхтящій и фыркающій отъ жира человѣчекъ, съ длиннымъ туловищемъ на коротенькихъ, кривыхъ ножкахъ, былъ, какъ онъ говоритъ въ «Запискахъ», героемъ многочисленныхъ романическихъ приключеній. Иныхъ прекрасныхъ дамъ онъ спасалъ; коварные планы другихъ онъ распутывалъ и выводилъ интригановъ (все принцессъ и княгинь!) на чистую воду. Изъ многихъ вводныхъ исторій, приведенныхъ въ «Запискахъ», я для примѣра возьму одну: «Alva». Бловицъ разъ познакомился въ Парижѣ съ прекрасной и таинственной герцогиней Марса Шамиль (Chamil). Какъ человѣкъ основательный, онъ прежде всего навелъ справки у хозяина гостиницы, гдѣ остановилась герцогиня. Рекоменда-

является Бирмингэмъ, центромъ другого — Манчестеръ. Одинъ міръ обрабатываетъ не волокнистыя вещества. Главные матеріалы—руду, каменный уголь, металлы онъ имѣетъ на мѣстѣ. Другой міръ обрабатываетъ волокнистыя (текстильныя) вещества. Въ противоположность первому, промышленному міру, Манчестеръ получаетъ все сырье изъ-за границы *). Было время, когда и Бирмингэмъ, и Манчестеръ держали въ вассальной зависимости весь промышленный міръ. Южная Америка, Испанія, Турція, Аравія, Россія, Персія, Китай — всѣ получали бирмингэмскіе инструменты и машины и манчестерскіе ситцы. Тогда и Бирмингэмъ, и Манчестеръ были фритрэдеры, стояли за освобожденіе испанскихъ колоній и Греціи, потому что вольные люди являются хорошими и кредитоспособными покупателями. Обезпечивъ за собою международные рынки (чему содѣйствовали благопріятныя внѣшнія обстоятельства), Бирмингэмъ окостенѣлъ на старыхъ формахъ производства. Между тѣмъ выступили молодые промышленные конкурренты, полные энергіи, готовые воспользоваться послѣднимъ словомъ науки. Сюзеренство Бирмингэма поколебалось: Соединенные Штаты, Германія и пр. мало-по-малу, одинъ за другимъ, стали отпадать, какъ промышленные вассалы Бирмингэма. Не только онъ терялъ нейтральные рынки, но конкурренты прислали свои фабрикаты въ его цитадель, такъ сказать: — въ Шефильдъ, Ковентри и пр. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство. Колоссальныхъ размѣровъ достигъ британскій денежный капиталъ. Онъ эмигрировалъ за границу, въ молодыя и въ умирающія страны. Капиталисты находили болѣе не выгоднымъ помѣщать свои деньги въ промышленныхъ предпріятіяхъ въ самой Англіи. Денежный капиталъ въ значительной степени эмигрировалъ въ колоніи **). Тамъ онъ ознаменовалъ новый поворотъ въ политикѣ, проявивъ стремленія эксплуатировать мѣстныя богатства при помощи дешеваго труда. Колоніи мало-по-малу превращались въ самостоятельные промышленные центры, привлекая цвѣтъ англійскаго пролетаріата. Когда промышленный міръ, центромъ котораго является Бирмингэмъ, убѣдился, что его вассалы отпали, начался поворотъ въ его взглядахъ. Изъ фритрэдера онъ сталъ имперіалистомъ и протекціонистомъ, такъ какъ въ имперіализмѣ увидалъ захватъ новыхъ рынковъ, а въ про-

*) Изъ британскихъ колоній Ланкаширъ получаетъ хлопка на 707,500 ф. ст., изъ другихъ странъ—на 41.263,000.

**) Всѣ эти положенія, бѣгло набросанныя здѣсь, чтобы перейти къ предстоящей борьбѣ за хлѣбные законы, — подробно развиты мною въ статьяхъ: «Имперіализмъ», «Два промышленныхъ міра», «Капище Мамоны» и «Энциклопедія съ ключомъ» («Очерки современной Англіи»).

текціонизмѣ — охрану ихъ таможеннымъ кордономъ отъ конкуррентовъ. Находя почти все сырье на мѣстѣ, Бирмингэмъ, казалось, не имѣлъ основаній бояться таможенныхъ пошлинъ. И новое движеніе въ пользу протекціонизма зародилось впервые именно въ Бирмингэмѣ. Выразителемъ его впослѣдствіи сталъ также бирмингэмецъ, мѣстный крупный заводчикъ — Чэмберлэнъ. Съ другой стороны, Манчестеръ сохранялъ свое положеніе на международныхъ рынкахъ по причинѣ дешеваго, безпошлиннаго сырья (хлопка), отличныхъ работниковъ, получающихъ очень высокую плату, и вслѣдствіе готовности пріобрѣтать новыя машины вмѣсто старыхъ. Манчестеръ продолжалъ оставаться фритрэдеромъ. Онъ на опытѣ убѣдился, что̀ такое прекращеніе подвоза сырья (хлопковый голодъ). И когда Бирмингэмъ взялъ верхъ въ политикѣ и заговорили о цолльферейнѣ, Манчестеръ былъ противъ. Переговоры метрополіи съ колоніями о цолльферейнѣ ни къ чему не привели. Колоніямъ, становящимся промышленными центрами, цолльферейнъ не выгоденъ. Онѣ желаютъ защитить свои фабрики не только отъ конкурренціи нѣмцевъ или американцевъ, но и англичанъ. Въ то же время, колоніи противъ цолльферейна еще и потому, что многія изъ нихъ (напр., Австралазія) извлекаютъ значительную часть своихъ доходовъ изъ таможенныхъ пошлинъ (въ томъ числѣ и на англійскіе фабрикаты). Но увеличивающееся значеніе самоуправляющихся колоній породило теперь новый фазисъ въ исторіи протекціонизма. Канада потребовала преимущественныхъ тарифовъ въ свою пользу, т. е. налога на хлѣбъ. При преимущественныхъ тарифахъ Канадѣ нечего было бы опасаться своихъ конкуррентовъ: Соединенныхъ Штатовъ, Аргентины и пр., тоже доставляющихъ въ Англію хлѣбъ. Бирмингэмъ ухватился за проектъ преимущественныхъ тарифовъ. Налогъ на хлѣбъ можетъ повести за собою серію другихъ налоговъ, между прочимъ, на иностранные фабрикаты. Манчестеръ, въ силу тѣхъ же соображеній, высказался противъ преимущественныхъ тарифовъ, страшась, что за ними послѣдуетъ налогъ на хлопокъ. Нѣкоторое время казалось, что вопросъ не выйдетъ изъ области академическаго спора. Но вотъ вождь Бирмингэма въ рѣшительной рѣчи поставилъ вопросъ ребромъ. Онъ категорически выступилъ въ защиту налоговъ на хлѣбъ и увлекъ за собою робкаго, нерѣшительнаго премьера. И теперь Англія имѣетъ предъ собою выборную борьбу по поводу дорогого или дешеваго хлѣба. Въ скоромъ времени долженъ разрѣшиться вопросъ, который ознаменуетъ поворотный пунктъ во всей промышленной исторіи Англіи. Разрѣшеніе этого вопроса перетасуетъ всѣ политическія партіи. Теперь гулко гудитъ патріотическій барабанъ, который сослужилъ имперіалистамъ великую службу года три тому

назадъ. «Всякій голосъ, поданный на выборахъ противъ преимущественныхъ тарифовъ, —читаемъ мы въ одномъ памфлетѣ протекціонистовъ,—дается врагамъ лучшихъ интересовъ Великобританіи». Но эта фраза, являющаяся варіацией выраженія, придуманнаго во время войны («всякій голосъ, поданный за оппозицію, дается защитникамъ Крюгера и врагамъ Великобританіи»), скорѣе повредитъ теперь имперіалистамъ. Среди фритрэдеровъ много тори, представляющихъ Манчестеръ. Предстоитъ грандіозная борьба не столько политическая, сколько индустріальная, борьба двухъ промышленныхъ міровъ съ противоположными интересами. Познакомимся, прежде всего, съ тою рѣчью, въ которой интересы одного промышленнаго міра поставлены смѣло ребромъ.

II.

Теперь въ Англіи сорокъ милліоновъ населенія и въ колоніяхъ—десять милліоновъ,— сказалъ министръ колоній. Все это— выселившіеся изъ Англіи и, стало быть, родственные англичанамъ по крови. Къ концу двадцатаго вѣка въ колоніяхъ будетъ столько же населенія, сколько и въ метрополіи. «Желаете ли вы, когда изъ десяти милліоновъ станетъ сорокъ, чтобы они попрежнему, тѣсно, братски, родственно были привязаны къ вамъ? Или, быть можетъ, вы хотите, чтобы колоніи оторвались отъ имперіи—каждая подъ своимъ собственнымъ флагомъ? Вы только подумайте, что все это означаетъ! Вопросъ о торговлѣ и промышленности принадлежитъ къ категоріи крайне важныхъ. И если мы не разрѣшимъ его, то я не вѣрю, чтобы имперія продержалась. Я слышалъ, что люди, которыхъ не могу иначе назвать, какъ умалителями Англіи (Little Englanders), говорятъ, что наша торговля съ колоніями значительно меньше торговли съ иностранными государствами. Поэтому,—продолжаютъ умалители Англіи, — мы должны употребить всѣ усилія, чтобы развивать торговыя связи съ иностранцами и не обращать вниманія на торговлю съ нашими дѣтьми. Нѣтъ, милостивые государи, *я* такъ не хочу думать: *я* пришелъ какъ разъ къ противоположному заключенію. По моему мнѣнію, государственные дѣятели Великобританіи должны быть готовы даже на жертвы, чтобы удержать торговлю метрополіи съ колоніями». По мнѣнію оратора, крупная политическая ошибка совершена въ прошломъ. Когда колоніямъ дали самоуправленіе, «нужно было тогда заложить фундаментъ имперіи», т. е. придумать такую фискальную систему, которую признали бы всѣ колоніи. Этого тогда не сдѣлали. Вслѣдствіе ошибки предшественниковъ, осуществленіе реформы (т. е. тамо-

женнаго союза) теперь гораздо труднѣе, но все же это въ предѣлахъ возможности. «Еще есть время сплотить имперію, — патетически воскликнулъ ораторъ, — но если мы не сдѣлаемъ этого немедленно, то должны смиренно подчиниться участи и присоединить Великобританію къ списку умирающихъ государствъ». Колоніи должны принимать участіе въ расходахъ, сопряженныхъ съ поддержаніемъ и защитой имперіи. Но онѣ тогда согласятся вносить деньги, когда Англія сдѣлаетъ первый шагъ и докажетъ имъ, что готова слиться съ ними въ тѣсный союзъ *).

Для этого метрополія должна принять систему преимущественныхъ тарифовъ по отношенію къ колоніямъ. Канада уже сдѣлала Англіи уступку на тарифахъ, и, по словамъ Чемберлэна, это повело къ увеличенію торговли между ними. Канада, по словамъ Чемберлэна, сдѣлала этотъ подарокъ метрополіи совершенно безкорыстно, изъ любви къ ней; но теперь, въ свою очередь, желаетъ получить что - нибудь; а именно *возвратныя пошлины* (drawback) на хлѣбъ.

Означаетъ это слѣдующее. Канада ввозитъ ежегодно въ Англію 6.692,000 центнеровъ пшеницы, но тутъ она встрѣчаетъ конкуррентовъ: Соединенные Штаты ввозятъ 40.466,000 центн. пшеницы, Аргентина—8.080,000, Россія, довольствующаяся сама чернымъ хлѣбомъ и лебедой—2.541,000, а другія страны 1.767,000. Такъ какъ пошлинъ нѣтъ, то хлѣбъ стоитъ дешево. Канада требуетъ такихъ условій, при которыхъ она одна могла бы прода-

---

*) Въ октябрѣ 1902 г. вышла крайне любопытная Синяя книга: «Papers relating to a conference between the Seeretary of State for the colonies and the prime ministers of selfgoverning colonics» (Cd. 1299). Это—отчетъ о переговорахъ министра колоній съ премьерами Канады, Австралазіи, Новой Зеландіи, Наталя и Капской колоніи во время коронаціи 1902 г. Отчетъ—неполный. Въ немъ помѣщены только рѣчи министра колоній; но совершенно нѣтъ того, что возражали премьеры. Вмѣсто этого мы имѣемъ лишь нѣсколько резолюцій, но и онѣ очень характерны. Чемберлэнъ предложилъ премьерамъ, чтобы колоніи вносили деньги на защиту имперіи и приняли бы участіе въ цолльферейнѣ. На первое предложеніе всѣ премьеры, кромѣ Седдона (Новая Зеландія), отвѣтили отрицательно. Лорье (Канада) и Бартонъ (Австралійская республика) сказали, что для защиты своей территоріи колоніи имѣють собственную милицію. Лорье отказался отъ имени Канады вносить что-нибудь на поддержаніе имперскаго флота. Бартонъ согласился предложить федеральному парламенту, чтобы тотъ ассигновалъ на поддержаніе флота 200,000 ф. ст. Что же касается цолльферейна, то резолюція по этому поводу говоритъ слѣдующее: «Конференція признаетъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ свободная торговля между метрополіей и колоніями, или между колоніями въ отдѣльности, — невозможна». Blue Book. Cd. 1299, p. p. 42—64, 131. Всѣ резолюціи перечислены на стр. X (Summary of Resolutions and Results).

вать хлѣбъ, при томъ дороже, чѣмъ теперь. Она именно желаетъ, чтобы въ Англіи былъ введенъ налогъ въ пять шиллинговъ на центнеръ иностранной пшеницы. Но Канада посылаетъ въ Англію не только хлѣбъ, а еще сыры, масло и другіе пищевые продукты, привозимые и изъ Россіи, Голландіи.. Въ силу этого, Канада желаетъ получить возвратныя пошлины и на эти продукты. Колоніи теперь всячески культивируютъ у себя фабричную промышленность. Съ этой цѣлью онѣ обложили иностранные фабрикаты громадными пошлинами. Но это имѣетъ одно неудобство: иностранныя государства отвѣтили такими же высокими пошлинами на канадскіе фабрикаты. Теперь Канада желаетъ, чтобы метрополія вмѣшалась и начала бы сама таможенную войну съ Германіей, которая наложила высокія пошлины на товары, привозимые изъ американской колоніи Великобританіи.

Такимъ образомъ, по словамъ Чемберлэна, англичане имѣютъ предъ собою двѣ альтернативы. Они могутъ стоять за свободную торговлю и «дать этому ученію фанатическое и узкое толкованіе, какъ дѣлаютъ умалители Англіи манчестерской школы». Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ отказаться отъ какой бы то ни было помощи колоніямъ. Это—первая альтернатива. Вторая заключается въ томъ, что Англія отказывается отъ «фетиша свободной торговли». Она возвращаетъ себѣ право вступать въ торговые договоры и, если придется, начинать таможенныя войны.

Итакъ, суть проекта министра колоній заключается въ слѣдующемъ: чтобы «имперія стала могущественнѣе», массы должны согласиться на налогъ на жизненные продукты. Дѣло идетъ не только объ одномъ хлѣбѣ. Австралія тоже желаетъ получить возвратныя пошлины. Но хлѣба она вывозитъ сравнительно мало. Главные предметы вывоза: шерсть и мороженая баранина. О шерсти мы скажемъ потомъ. Новая Зеландія посылаетъ ежегодно въ Англію 1.488,000 центнеровъ мороженой баранины и имѣетъ конкуррентомъ Аргентину, посылающую 1.272,000 цент. Поэтому, Новая Зеландія требуетъ, чтобы Англія ввела налогъ и на баранину. Культивировать бурный патріотизмъ во время войны — не стоило большого труда. Самые холодные и практичные люди не прочь порой покричать и помаршировать съ флагами, когда это, выражаясь словами доктора Крупова, «ни копѣйки не стоитъ». Совсѣмъ другое дѣло, когда за это нужно платить. Англійскія массы въ этомъ отношеніи особенно щекотливы. Понимая психологію ихъ, министръ колоній предложилъ массамъ два соблазна. Первый—нѣсколько абстрактнаго характера. Вы боитесь, что при налогѣ на хлѣбъ жизнь въ Англіи вздорожаетъ?—сказалъ онъ. Да, пожалуй, такъ. Но за то имѣйте въ виду, что дорогая жизнь

всегда ведетъ за собою повышеніе заработной платы. Въ концѣ концовъ, вы еще выиграете: вы спасете имперію и этимъ увеличите вашъ заработокъ.—Таковъ первый соблазнъ. Второй — заключается въ приманкѣ, которой министръ колоній съ большимъ успѣхомъ пользуется съ 1895 г.: въ пенсіонѣ для престарѣлыхъ работниковъ. «Мы обѣщали вамъ пенсіонъ,—сказалъ министръ колоній,—и не отказываемся; но для этого нужны большія деньги, а государство и безъ того уже много тратитъ. Теперь все въ вашихъ рукахъ. Если хотите обезпечить свою старость,—согласитесь на налогъ на хлѣбъ. Это дастъ правительству средства не только ввести государственный пенсіонъ въ размѣрѣ пяти шиллинговъ въ недѣлю для всѣхъ, достигшихъ шестидесяти-пятилѣтняго возраста, но также возможность осуществить цѣлый рядъ другихъ соціальныхъ реформъ».

Такъ какъ возвращеніе къ протекціонизму означаетъ радикальный переворотъ въ экономической жизни Англіи, то для реформы нужно согласіе населенія, т. е. необходимы общіе выборы. Вотъ въ главныхъ чертахъ проектъ, который съ такою энергіей смѣлый министръ колоніи пропагандируетъ теперь, поставивъ на карту всю свою громадную популярность.

То, что проектъ такого рода рано или поздно появится, не трудно было предвидѣть всякому, сколько-нибудь внимательно изучавшему современную Англію. Не разъ дѣлались попытки заговорить о налогахъ на хлѣбъ, но такъ какъ преимущества свободной торговли слишкомъ осязательны для многихъ, то каждый разъ протекціонисты, замѣтивъ шумъ, поднятый ихъ рѣчами, поспѣшно били отступленіе и трусливо отрекались отъ собственныхъ словъ. Маленькій налогъ на хлѣбъ, введенный въ 1902 году подъ другимъ названіемъ, отмѣненъ въ 1903 году. Нужна была смѣлость министра колоній, его увѣренность въ своей популярности, чтобы поставить вопросъ ребромъ. Теперь отступать невозможно. Протекціонисты должны или побѣдить, или погибнуть. Многіе тори испугались и поспѣшно отреклись отъ союза съ протекціонистами. Другіе слѣдуютъ примѣру москвичей временъ тушинскаго самозванца. Въ короткій періодъ времени Англія наводнена агитаціонной литературой за и противъ свободной торговли.

Я сдѣлаю здѣсь попытку анализировать содержаніе наиболѣе типичныхъ памфлетовъ. Мнѣ кажется, такимъ образомъ предъ нами вопросъ выяснится мало-по-малу вмѣстѣ съ причинами, породившими его.

III.

Познакомимся сначала съ агитаціонной литературой фритрэдеровъ. Она исходитъ какъ отъ національной либеральной федераціи, такъ и отъ двухъ «лигъ», возникшихъ немедленно для защиты свободной торговли. Эти три общества издаютъ десятки тысячъ листковъ, памфлетовъ, книжекъ, каррикатуръ и пр. Вся эта литература имѣетъ цѣлью, конечно, прежде всего, убѣдить, поэтому она начинается, большею частью, обращеніемъ къ здравому смыслу читателя. «Благоразуміе свободной торговли»,—такъ озаглавленъ одинъ изъ наиболѣе распространяемыхъ памфлетовъ. «Почему мы не должны допустить, чтобы былъ введенъ налогъ на хлѣбъ?» — ставится въ листкѣ вопросъ ребромъ. «Свободная торговля между народами является формой *раздѣленія труда*. Было бы смѣшно, если бы каждый въ отдѣльности пытался мастерить самъ все то, что ему необходимо. Едва ли не такъ же смѣшно притязаніе какой-нибудь націи довлѣть самой себѣ. Однѣ страны, въ силу естественныхъ условій, могутъ легко производить извѣстный продуктъ; сосѣди ихъ, по такимъ же причинамъ, находятъ для себя болѣе выгоднымъ изготовлять другой фабрикатъ. Франція, напр., стоитъ во главѣ шелковыхъ производствъ, Англія — первенствуетъ въ выплавкѣ чугуна и въ изготовленіи стали. Очевидно, лучше, если каждая страна сконцентрируетъ свои силы на производствѣ, наиболѣе ей соотвѣтствующемъ. Между странами долженъ существовать свободный обмѣнъ. Это положеніе принимается всѣми, если слово *страна* (country) замѣнить *графствомъ* (county). Никто, въ самомъ дѣлѣ, не станетъ доказывать, что Кенту *) необходимо завести ткацкія фабрики, а ланкаширцевъ **) слѣдуетъ заставить, чтобы они разводили хмѣль. Кентъ и Ланкаширъ богатѣютъ оттого, что населеніе вольно заняться тѣмъ производствомъ, которое для него наиболѣе выгодно. Такимъ же самымъ образомъ, различные штаты Сѣверо-Американскаго союза имѣютъ полную свободу вступать въ торговыя сношенія другъ съ другомъ. На всемъ обширномъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ нѣтъ ни одной внутренней таможни и никто не проектируетъ учредить ее. Возьмемъ теперь для примѣра Англію и Шотландію. Было время, когда обѣ страны находились подъ различными коронами и вводили одна противъ другой враждебные тарифы. Никто теперь не станетъ отрицать того, какъ выгодно для обѣихъ

*) Южное графство, въ которомъ тысячи акровъ заняты хмѣльниками.
**) Ланкаширъ—центръ хлопчато-бумажнаго производства.

странъ существованіе свободнаго обмѣна. Выгода является результатомъ не того, что въ Англіи и въ Шотландіи одинъ и тотъ же король; важно то, что обѣ страны производятъ различные фабрикаты, или не одинаково обрабатываютъ одинъ и тотъ же продуктъ. А если система хороша въ примѣненіи между Кентомъ и Ланкаширомъ, Массачузетомъ и Илльинойсомъ, Англіей и Шотландіей, то она, логически, должна быть хороша, когда существуетъ между Англіей и Франціей или между Канадой и Соединенными Штатами. Если англичанину выгодно, что онъ можетъ обмѣниваться фабрикатами съ шотландцемъ, то еще болѣе выгодно, если онъ имѣетъ право свободно торговать съ каждымъ французомъ, нѣмцемъ, русскимъ или американцемъ. Такая свобода расширяетъ кругъ торговыхъ операцій, даетъ производителю болѣе обширный рынокъ, на которомъ онъ можетъ продавать фабрикаты и пріобрѣтать сырье.

Быть можетъ, кто-нибудь возразитъ, что торговля между Англіей и другими странами свободна только съ одной стороны, т. е. иностранцы могутъ ввозить свои фабрикаты безпошлинно, тогда какъ англійскіе товары за границей облагаются пошлиной. Это совершенно вѣрно; но частичная свобода неизмѣримо лучше, чѣмъ полное отсутствіе ея. На сторонѣ англичанъ — свобода покупать; а такъ какъ англичане не будутъ покупать иностранныхъ товаровъ. если не станутъ нуждаться въ нихъ, то, несомнѣнно, англійскій потребитель цѣнитъ это право. Больше того. До тѣхъ поръ, покуда иностранцы могутъ продавать свои фабрикаты Англіи, они должны, хотятъ ли они это, или нѣтъ, покупать, прямо или косвенно, у англичанъ. Въ самомъ дѣлѣ, англичане не могутъ купить иностранныхъ фабрикатовъ, не заплативъ за нихъ. А заплатить они могутъ ничѣмъ другимъ, какъ только своими же фабрикатами. Международная торговля, въ дѣйствительности, является выработанной формой обмѣна; тутъ фабрикаты мѣняются на фабрикаты. Можетъ, конечно, случиться, что французы откажутся покупать англійское желѣзо, хотя англичане купятъ французскій шелкъ; но имъ всетаки придется пріобрѣсти что нибудь за-границей, напр., бразильскій кофе. А бразильцы замкнутъ этотъ промышленный круговоротъ, купивъ англійскій желѣзный и мѣдный товаръ. Вотъ почему Робертъ Пиль настаивалъ постоянно, что на высокіе враждебные тарифы лучше всего отвѣчать свободнымъ ввозомъ. Справедливость этого положенія быстро подтвердилась. Вывозъ изъ Англіи, который не увеличивался при протекціонной системѣ, быстро возросъ, какъ только отмѣнили пошлины на ввозные товары. Лига, издавшая памфлетъ, разсматриваетъ дальше вопросъ, серьезность котораго усиленно

подчеркивается протекціонистами. Англія производитъ теперь мало хлѣба, такъ мало, что его хватило бы странѣ только на семьдесятъ дней. Въ случаѣ войны, — говорятъ протекціонисты, — непріятель можетъ блокировать Англію, остановить доставку жизненныхъ продуктовъ и такимъ образомъ, голодомъ, заставить ее сдаться. Пошлины на хлѣбъ, — продолжаютъ протекціонисты, — возродятъ англійское земледѣліе, начнется тяга изъ города въ деревню, заколосятся нивы тамъ, гдѣ теперь лишь одни верещаки, и блокада не будетъ болѣе страшна Соединенному Королевству. На все это фритрэдеры отвѣчаютъ такъ. Свободная торговля уменьшаетъ шансы возникновенія войны, потому что страны, ведущія дѣятельную торговлю другъ съ другомъ, больше всего желаютъ мира и всячески избѣгаютъ ссоры. Затѣмъ, разъ страна имѣетъ деньги, чтобы платить, продуктъ для покупки (въ данномъ случаѣ — хлѣбъ на время войны) всегда найдется. Во время наполеоновскихъ войнъ съ Англіей, послѣдняя понесла небольшой недородъ. Но дефицитъ былъ пополненъ урожаемъ во Франціи. Странѣ совсѣмъ не нужно, чтобы ея оружіе выковывалось на мѣстѣ, — продолжаютъ фритрэдеры. Нельсонъ одержалъ блестящую побѣду на корабляхъ, для оснастки которыхъ пошли канаты, свитые изъ иностранной пеньки. Утвержденіе, что Англія можетъ снова стать земледѣльческой страной, — говорятъ фритрэдеры, — совершенно неосновательно. Густо населенная, промышленная страна абсолютно не можетъ производить всѣ жизненные продукты, необходимые ей. Германія теперь должна ввозить хлѣбъ точно такъ же, какъ и Англія. Безъ ввознаго хлѣба Германія умретъ съ голода. Никакими средствами Англія не въ состояніи выращивать на своихъ поляхъ столько пшеницы, картофеля, овощей, сахарной свеклы и выкармливать столько скота, чтобы прокормить населеніе въ 41.000.000. Наконецъ, отдаленная возможность, что подвозъ какого-нибудь продукта сократится во время войны, еще не доводъ въ пользу того, чтобы посадить въ мирное время все населеніе на половину раціона.

Приведенный трактатъ стремится дать читателю абстрактные доводы въ пользу фритрэдерства. Памфлетъ «Нѣсколько словъ протекціонистамъ, которыхъ слѣдуетъ звать собственно *защитниками малой ковриги**), — имѣетъ цѣлью снабдить публику фак-

*) Little-Loafers. Названіе, если не ошибаюсь, придумано «Газетой Рейнольдсъ», въ прошломъ году, когда министерство предложило налогъ на хлѣбъ въ размѣрѣ одного шиллинга (отмѣненъ въ этомъ году). Газета доказывала, что тори желаютъ «урѣзать ковригу бѣдняка, и увѣрить его еще, на придачу, что малая коврига — то же самое, что и большая. Кличка Little-Loafers принялись.

тами. Авторъ памфлета принимаетъ за исходный пунктъ положеніе, что въ спорѣ о преимуществахъ протекціонизма надъ свободной торговлей, нужно прежде всего считаться съ интересами англичанъ, т. е. съ тѣмъ, насколько система вредна или выгодна для населенія Великобританіи. «Мы охотно желаемъ помочь колоніямъ въ предѣлахъ благоразумія, — продолжаетъ авторъ памфлета, — но отнюдь не намѣрены рисковать банкротствомъ, дабы доставить имъ сомнительную выгоду». Авторъ дальше выдвигаетъ тяжелую батарею цифръ. Вся британская торговля въ 1887 г. оцѣнивалась въ 643½ милл. ф. ст., а въ 1901 г. — въ 870 милл. ф. ст. Такимъ образомъ, за пятнадцать лѣтъ британская торговля возрасла на 226½ милл. ф. ст. Въ 1887 г. валовая сумма торговли, разверстанная на число населенія, составила бы 17 ф. 11 ш. 8 п. на человѣка, а въ 1901 г.—20 ф. 18 ш. 9 п. Такимъ образомъ, среднее участіе каждаго англичанина въ торговлѣ страны за 15 лѣтъ увеличилось на 3 ф. 7 ш. 1 пенсъ. Валовой грузъ, ввезенный и вывезенный на корабляхъ изъ англійскихъ портовъ, исчислялся въ 1887 г. въ 82½ милл. тоннъ, а въ 1901 г. — въ 104 милл. тоннъ. Вывозъ и ввозъ увеличился на 21½ милл. тоннъ. Англія становится міровымъ банкиромъ; но она въ такой же почти степени міровой корабельщикъ. Вмѣстимость всѣхъ англійскихъ купеческихъ судовъ въ 1887 г. была 10 милл. тоннъ, а въ 1901 г. 14½ милл. тоннъ. Въ 1887 г. Англія построила 719 купеческихъ кораблей, а въ 1901 г.—1388. Вмѣстимость всѣхъ торговыхъ кораблей, сооруженныхъ на верфяхъ Англіи и Ирландіи, была въ 1887 г. — 373.232 тонны, а въ 1901 г. – 972.133 т. Это составляетъ увеличеніе на 180%.

Фритрэдеры всегда пытаются выдвинуть на первый планъ неоспоримый фактъ великаго обогащенія Англіи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ отмѣнены хлѣбные законы. Первымъ доказательствомъ является подоходный налогъ. Въ Англіи люди, получающіе въ годъ меньше 160 ф. ст. (т. е. 1500 руб.), не платятъ никакихъ подоходныхъ налоговъ. И, несмотря на это, та сумма доходовъ, съ которой взыскивается подоходный налогъ, равнялась въ 1892 г. — 678.193,442 ф. ст., а въ 1901 г.—833.355,513 ф. ст., т. е. за десять лѣтъ доходъ англичанъ увеличился на 155.162,071 ф. ст. Прибавленіе дѣйствительно громадное, если принять во вниманіе, что сумма эта — *ниже* дѣйствительныхъ доходовъ. Либеральныя профессіи, напр., которыя даютъ въ Англіи такой громадный заработокъ, въ сущности, почти ускользаютъ отъ подоходнаго налога. Англичане не любятъ канцелярій, а тѣмъ болѣе тайныхъ разслѣдованій. Поэтому казна при взысканіи подоходнаго налога предпочитаетъ опираться

на неопровержимое и не требующее подтвержденія канцелярскаго слѣдствія: вклады въ банкахъ (не на текущемъ счету), паи въ предпріятіяхъ и пр. И, не смотря на это, сумма, получаемая казной путемъ подоходнаго налога, — колоссальна. Но вклады въ банкахъ, паи въ предпріятіяхъ и пр. свидѣтельствуютъ о благосостояніи среднихъ классовъ. Массы не платятъ подоходнаго налога. Есть, однако, цифры, свидѣтельствующія о томъ, что фритрэдерство содѣйствовало повышенію благосостоянія нижесреднихъ классовъ и работниковъ. По мнѣнію автора памфлета, такими цифрами является сумма вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ. Въ 1887 г. въ сберегательныхъ кассахъ хранили свои крохи 3.951,760 вкладчиковъ, а въ 1901 г. — 8.787,675. Другими словами, число вкладчиковъ за пятнадцать лѣтъ увеличилось на 100%. Вклады эти за 1887 г. составляли 17.780,006 ф. ст., а за 1901 г. — 44.733,314 ф. ст., т. е. теперь массы ежегодно сберегаютъ больше на 26.953,308 ф. ст. Въ 1887 г. во всѣхъ сберегательныхъ кассахъ хранилось 53.974,065 ф. ст., а въ 1901 г.— 140.392,916 ф. ст. Обратимся дальше къ отчетамъ «дружественныхъ обществъ» (Friendly Societies), являющихся союзами работниковъ (не принадлежащихъ къ трэдъ-юніонамъ) съ цѣлью обезпечить себя въ случаѣ болѣзни и, въ рѣдкихъ случаяхъ, въ старости. Въ 1886 г. въ дружественныхъ обществахъ состояло 833.534 участника, а въ 1900 г. — 1.778,401. За четырнадцать лѣтъ число членовъ увеличилось на 944,867. Капиталъ дружественныхъ обществъ равнялся въ 1886 г.—9.282,399 ф. ст., а въ 1900 г.—23.255,837 ф. ст., т. е. увеличился на 250%. Въ Англіи въ большомъ ходу расплачиваться не деньгами, а чеками. Ежедневно чеки различныхъ банковъ обмѣниваются въ Clearing House, гдѣ сходятся клерки всѣхъ лондонскихъ торговыхъ домовъ. Въ 1887 г. стоимость всѣхъ чековъ, поступившихъ въ Clearing House, была 6.077.000,000 ф. ст., а въ 1901 г.—9.561.000.000.

Но есть часть населенія, доходы которой не исчисляются дружественными обществами, вкладами въ сберегательныхъ кассахъ, а, тѣмъ болѣе, валовой стоимостью чековъ, поступившихъ въ Clearing House. Рѣчь идетъ о тѣхъ, которымъ нечего сберегать. 1 января 1887 г. число бѣдняковъ, получавшихъ общественную помощь въ Англіи и Уэльсѣ, было 817,189 чел. (не считая бродягъ, кочующихъ изъ одного рабочаго дома Англіи въ другой), а къ 1 января 1902 г. ихъ было 811.449 ч., т. е. замѣчается уменьшеніе на 5,740 ч., хотя за это время населеніе значительно возрасло. Улучшеніе благосостоянія массъ замѣтно отразилось на количествѣ преступленій. Въ 1887 г. осуждено 10,338 человѣкъ, а въ 1901 г. — 8,841 чел. Такимъ образомъ, число преступленій

уменьшилось на 1497. Нужно имѣть въ виду, что за пятнадцать лѣтъ населеніе въ Англіи и Уэльсѣ увеличилось на 5 милліоновъ. Памфлетъ заканчивается крайне любопытной выдержкой изъ рѣчи виднаго общественнаго дѣятеля въ защиту свободной торговли. «Неужели найдется теперь такой наглецъ, который осмѣлится предложить налогъ на хлѣбъ? — говоритъ этотъ общественный дѣятель.—Мы слышали про оратора, который намѣревается предложить работникамъ, чтобы они согласились на налогъ на хлѣбъ въ размѣрѣ 10%. Что-жъ, возможно, хотя и очень трудно, что работники, подъ давленіемъ большой нищеты и обманутые невѣрнымъ толкованіемъ фактовъ, и захотятъ испытать странныя средства. Тогда, быть можетъ, трудящіяся массы, въ припадкѣ временнаго безумія, согласятся на налогъ на хлѣбъ. Увѣренъ я только въ одномъ: если это будетъ сдѣлано когда-нибудь и если промышленный кризисъ не прекратится или снова возвратится, — то это послужитъ сигналомъ къ бѣдствіямъ, какихъ мы еще не видали со времени отмѣны хлѣбныхъ налоговъ. Такъ какъ самосознаніе рабочихъ классовъ увеличивается и такъ какъ они все больше и больше сознаютъ свою силу, то реакція противъ хлѣбныхъ налоговъ будетъ такъ сильна, что я страшусь даже теперь предвидѣть всѣ послѣдствія.

«Налогъ на хлѣбъ, — продолжалъ тотъ же ораторъ, — поведетъ за собою пониженіе заработной платы. Онъ будетъ имѣть также послѣдствіемъ пониженіе работоспособности массъ, вслѣдствіе ухудшенія питанія. Покупательная стоимость денегъ уменьшится. Больше того: вслѣдствіе введенія налога на хлѣбъ, стоимость каждой вещи, сработанной въ Соединенномъ Королевствѣ, возраститъ. Послѣдствіемъ, въ свою очередь, явится пониженіе того громаднаго экспорта, который созданъ системой свободной торговли. И тогда разореніе Соединеннаго Королевства неминуемо».

Кто же этотъ общественный дѣятель, который въ 1881 г., въ отвѣтъ на робкіе толки про необходимость налога на хлѣбъ, вопилъ, какъ шиллеровская Кассандра:

> «Вижу факелъ—онъ свѣтлѣетъ
> Не въ гименовыхъ рукахъ,
> И не жертвы пламя рдѣетъ
> На сгущенныхъ облакахъ.
> Зрю пировъ уготовленье...
> Но... горе, по небесамъ
> Слышно бога приближенье,
> Предлетящаго бѣдамъ.

Кто этотъ фритрэдеръ-фанатикъ, котораго обличенія по адресу предлагающихъ народу дорогой хлѣбъ можно было бы формулировать стихами того же Шиллера:

Und den Mordstrahl seh'ich blinken
Und das Mörderauge glühn;
Nicht zur Rechten, nicht zur Linken
Kann ich vor dem Schreckniss fliehn.

Этотъ обличитель не кто иной, какъ Чэмберлэнъ, ставшій теперь во главѣ протекціонистовъ. Лѣтъ шесть тому назадъ вышла очень любопытная книжка «Прежде, чѣмъ Іосифъ пришелъ въ Египетъ» (Before Joseph came into Egypt). Состоитъ она изъ рѣчей Чэмберлэна на одну и ту же тему до тѣхъ поръ, покуда онъ не перешелъ въ лагерь тори и послѣ того. Составитель книжки показываетъ, что «Іосифъ» называлъ бѣлымъ то, что въ «Египтѣ» сталъ называть чернымъ, и говоритъ, что Чэмберлэнъ не измѣнилъ взглядовъ только на одинъ вопросъ: на дешевый хлѣбъ. Теперь исключеній уже нѣтъ. Я опять спѣшу прибавить здѣсь, что министръ колоній, въ данномъ случаѣ, является лишь выразителемъ желаній и стремленій цѣлаго промышленнаго міра. Когда англійскій экспортъ процвѣталъ; когда Бирмингэмъ былъ промышленнымъ сюзереномъ, вассалы котораго находились во всемъ мірѣ,—тогда фабриканты, обрабатывающіе не волокнистыя вещества, были радикалы и фритрэдеры. И тогда Чэмберлэнъ былъ тоже и радикаломъ, и фритрэдеромъ. Конкурренція Германіи, Бельгіи и Соединенныхъ Штатовъ повела къ тому, что промышленные вассалы одинъ за другимъ отпадали отъ Бирмингэма. Памфлеты приводятъ совершенно вѣрныя цифры; но послѣднія показываютъ процвѣтаніе Ланкашира и прогрессъ биржевого капитала. Когда производство міра, обрабатывающаго не волокнистыя вещества, сократилось, Бирмингэмъ увѣровалъ въ обезпеченные рынки и въ имперіализмъ, дающій заказы заводамъ. Онъ сталъ сторонникомъ захвата новыхъ колоній и таможенныхъ кордоновъ. И вслѣдъ за Бирмингэмомъ имперіалистомъ и протекціонистомъ сталъ Чэмберлэнъ. Министръ колоній никого «не ведетъ» за собою. Онъ самъ идетъ за другими. Его главный талантъ заключается въ удивительной способности улавливать сразу, откуда тянетъ вѣтеръ въ родномъ мірѣ обработки не волокнистыхъ веществъ. Обладая большой смѣлостью, министръ колоній тогда сразу мѣняетъ курсъ и не страшится называть бѣлымъ, что вчера называлъ чернымъ. Чэмберлэну тѣмъ легче уловить, откуда въ данный моментъ тянетъ вѣтеръ въ Бирмингэмѣ, что онъ самъ выросъ въ семьѣ крупныхъ заводчиковъ. Министръ колоній не геній величайшаго калибра, какъ называютъ его горячіе поклонники. Но онъ также и не выродокъ, не монстръ, не безсердечный злодѣй, какимъ его изображаютъ континентальныя газеты. Онъ умный, ловкій, самоувѣренный, талантливый представитель *одного* промышленнаго міра, по

всей вѣроятности, искренно отождествляющій интересы *всей* Великобританіи съ интересами родного Бирмингэма. По своему Чэмберлэнъ, несомнѣнно, преданъ своей странѣ, но для него она сконцентрирована въ двѣнадцати графствахъ, обрабатывающихъ не волокнистыя вещества. Нужно помнить, что министръ колоній умный человѣкъ, но съ крайне ограниченными знаніями. Къ тому же, онъ страшно честолюбивъ, а событія послѣднихъ лѣтъ и его популярность совершенно вскружили ему голову... Возвращусь, однако, къ памфлетамъ.

IV.

Протекціонисты выставляютъ, какъ высшій аргументъ противъ свободной торговли, уменьшеніе или недостаточный ростъ экспорта при увеличеніи ввоза. При подобномъ обстоятельствѣ,—говорятъ протекціонисты,—англійскіе капиталы служатъ для поддержанія иностранной промышленности. Объ этомъ говоритъ «Памфлетъ номеръ 16», изданный «Бирмингэмскимъ тарифнымъ комитетомъ». Второй подзаголовокъ памфлета: «Одинъ изъ результатовъ свободнаго ввоза и помѣщенія денегъ за-границей». «Человѣкъ помѣщаетъ, — читаемъ мы, — въ Англіи 20,000 ф. ст. въ какой-нибудь литейный заводъ. Деньги эти расходуются на сооруженіе зданій, покупку машинъ, мебели и пр. Для производства всего этого требуются англійскіе работники. Когда же заводъ начинаетъ дѣйствовать, производителю нужны еще англійскіе работники. Получаетъ онъ въ годъ 2,000 ф. ст. прибыли, изъ которыхъ тратитъ на себя, скажемъ, 1,500 ф. ст., а 500 ф. ст. сберегаетъ. На эти сбереженія онъ время отъ времени расширяетъ собственное производство или же покупаетъ акціи другихъ англійскихъ заводовъ, гдѣ тоже работаютъ англійскіе работники. Теперь представьте себѣ, что вслѣдствіе застоя въ литейномъ дѣлѣ, явившагося результатомъ высокихъ таможенныхъ тарифовъ за-границей, капиталистъ вложитъ свои 20,000 ф. ст. въ нѣмецкое или американское предпріятіе. Подобный заводъ выстроятъ уже иностранные работники. Иностранцы же, а не англичане будутъ тамъ литейщиками. Искусные работники переманиваются за границу высокимъ жалованьемъ. Теперь предположимъ, что капиталистъ получитъ 3 тысячи ф. ст. прибыли, на тысячу фунтовъ больше, чѣмъ если бы деньги его были помѣщены въ Англіи. Онъ получаетъ эти деньги въ формѣ импорта иностранныхъ матеріаловъ, необходимыхъ ему. Изъ этихъ 3 тысячъ ф. ст. капиталистъ потребляетъ на себя 1,500 ф. ст. У него остаются 1,500 ф. ст., которые тратитъ въ Германіи или въ Америкѣ. Онъ не пользуется совсѣмъ трудомъ англійскихъ рабобтниковъ. Конечнымъ результатомъ является то, что капита-

листъ, а потому и страна, куда онъ перенесъ свою дѣятельность, каждый годъ становятся все богаче на тысячу ф. ст. Вотъ прямое послѣдствіе того, что деньги эмигрировали за-границу. Подоходный налогъ увеличится, и сторонники свободнаго ввоза указывая на это возрастаніе суммъ, приносимыхъ подоходнымъ налогомъ, будутъ утверждать, что все обстоитъ благополучно. А, между тѣмъ, работа, которую могли бы сдѣлать англичане,—ушла къ иностранцамъ. Они, а не англичане, воспользуются прибылями предпріятія въ 20,000 ф. ст. Развѣ не это самое случается каждый разъ тамъ, гдѣ импортъ иностранныхъ товаровъ въ Англію оплачивается процентами, получаемыми съ капитала, помѣщеннаго за границей. Развѣ британскій капиталъ, помѣщенный за границей, не служитъ, въ сущности, для развитія отраслей промышленности, которыя будутъ конкуррировать съ отечественными производствами? Не теряетъ ли страна, а въ особенности англійскіе работники оттого, что капиталы эмигрируютъ? Не выгоднѣе ли удержать производство въ Англіи, даже если бы работнику пришлось заплатить нѣсколько больше за готовый фабрикатъ отечественнаго издѣлія, чѣмъ за дешевый иностранный товаръ»?

Въ этомъ «воззваніи» любопытнѣе всего удивительная наивность. Партія протекціонистовъ, т. е. фабриканты, собственно говорятъ работникамъ: «Въ Англіи мы получаемъ только 10% на капиталъ, помѣщенный въ промышленное предпріятіе. Мы можемъ сберегать, такимъ образомъ, только 25% чистой прибыли. Мы желаемъ получить 15% на капиталъ и сберегать 33% чистой прибыли. Вы должны намъ помочь въ этомъ: согласитесь платить за вашъ хлѣбъ и за платье, которое носите, дороже. Правда, вамъ, быть можетъ, будетъ тяжелѣе, чѣмъ теперь, но за то вы посрамите нашихъ иностранныхъ конкуррентовъ и дадите намъ возможность вносить въ банкъ ежегодно 33% нашей чистой прибыли».

Какое же возраженіе дѣлаютъ фритрэдеры на указаніе объ уменьшающемся импортѣ? Они говорятъ, что протекціонисты имѣютъ въ виду только иностранную торговлю и забываютъ внутреннюю, существенную. Этотъ вопросъ подробно изслѣдованъ секретаремъ «Союза фритрэдеровъ» Чіоза-Моней въ памфлетѣ «Торговля и тарифы». «Въ то время, какъ многіе толкуютъ, а еще больше играютъ словами, по поводу импорта и экспорта,— говоритъ Чіоза-Моней,—забываютъ совершенно внутреннюю торговлю, которая значительно больше внѣшней. Можно опасаться, что англичане слишкомъ много думаютъ объ экспортѣ; они, по-видимому, пришли къ заключенію, что для промышленной страны только и дѣла, что вывозить свои фабрикаты за границу. Это

убѣжденіе повело къ тому, что теперь статистическія таблицы, показывающія размѣры вывоза, считаются единственнымъ пробирнымъ камнемъ благоденствія страны». Дальше авторъ обращаетъ вниманіе на слѣдующія цифры, относительно вывоза изъ Соединеннаго Королевства, Соединенныхъ Штатовъ и изъ Германіи.

	Вывезено въ 1900	1901	1902
Изъ Соединен. Королевства на . .	291.000,000 ф. ст.	280.000,000	283.000,000
» Соединенныхъ Штатовъ . . .	302.000,000 » »	299.000,000	271.000,000
» Германіи	230.000,000 » »	221.000,000	243.000,000

Цифры эти любопытны вотъ въ какомъ отношеніи. За послѣдніе три года Германія переживала серьезный промышленный кризисъ, тогда какъ для Соединенныхъ Штатовъ этотъ періодъ былъ временемъ необыкновеннаго оживленія. Между тѣмъ, вывозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ *уменьшился* на 25 милл. ф. ст., тогда какъ вывозъ изъ Германіи *увеличился* на 13 милл. ф. ст. Обратимся теперь къ цифрамъ, показывающимъ ввозъ.

	Ввезено въ 1900	1901	1902
Въ Соедин. Королевство на . . .	523.000,000 ф. ст.	522.000,000	529.000,000
» Соединенныя Штаты	172.000,000 » »	183.000,000	202.000,000
» Германію	288.000,000 » »	271.000,000	276.000,000

По мнѣнію автора, показателемъ благоденствія страны являются только таблицы импорта. Соединенные Штаты переживаютъ періодъ необыкновеннаго промышленнаго подъема; между тѣмъ ввозъ въ Америку за два года увеличился на 30 милл. ф. ст. Великобританія тоже благоденствуетъ, и мы замѣчаемъ нѣкоторое увеличеніе ввоза. Германія переживаетъ кризисъ, и ея импортъ уменьшается на 12 милл. ф. ст. Чрезмѣрный вывозъ изъ Германіи объясняется, по мнѣнію Чіоза-Монеи, тѣмъ, что она наводнила иностранные рынки своимъ сахаромъ и желѣзомъ.

Въ одномъ изъ памфлетовъ, выпущенныхъ «Тарифнымъ комитетомъ», задается вопросъ: «Правда ли, что текстильная и не текстильная промышленности Англіи могутъ быть во всякое время погублены громаднымъ ввозомъ иностранныхъ фабрикатовъ»? По мнѣнію Чіоза, вопросъ этотъ совершенно нелѣпый. Вотъ цифры, показывающія, сколько Англія производитъ желѣза:

Въ 1902 г. вывезено изъ Соединеннаго Королевства:	
Чугуна по 3 ф. ст. за тонну на	3.309,000 ф. ст.
Желѣза и стали по 10 ф. ст. за тонну	25.652,000 » »
Осталось для внутренняго рынка:	
Стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій, по 10 ф. ст. за тонну, 2.978,000 тоннъ на сумму	29.780,000 » »
Чугунныхъ издѣлій 850,000 тоннъ, по 12 ф. ст. за тонну, всего на	10.200,000 » »
Машинъ 1.200,000 тонъ, по 40 ф. ст.	48.000,000 » »
Посуды, инструментовъ и пр. на	22.500,000 » »
Всего на . . .	139.441,000 » »

Такимъ образомъ, издѣлія, выпускаемыя англійскими чугунно-литейными и стальными заводами, оцѣниваются почти въ сто сорокъ милліоновъ ф. ст. На эту сумму нѣмецкіе и американскіе фабриканты должны ввести дешевые товары, если они желаютъ погубить англійскую промышленность,—говоритъ Чіоза. — На какую же сумму въ дѣйствительности ввозится въ Англію желѣза и чугуна?

Отъ января до іюня 1903 г. ввезено:

Желѣза и стали на	4.045,000 ф. ст.
Орудій, инструментовъ и пр. на	2.215,000 » »
Машинъ всякаго рода на	2.387,000 » »
Всего на . . .	8.647,000 » »

Приблизительно, это составитъ на 17.000,000 ф. ст. въ годъ. Такимъ образомъ, Англія производитъ въ годъ на 140 милл. ф. ст. стальныхъ издѣлій, машинъ, чугуна и пр., а ввозитъ на 17 м. ф. ст., при чемъ въ переработанномъ видѣ изъ этой послѣдней суммы вывозится потомъ на 1.400,000 ф. ст. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на характеръ ввозимыхъ издѣлій и матеріаловъ. По мнѣнію Чіоза, они являются, своего рода, фритрэдерскимъ «покровительственнымъ тарифомъ» для англійскихъ производителей. Въ самомъ дѣлѣ, заводчикъ, выпускающій гальванизированное желѣзо, имѣетъ свою систему «протекціонизма» въ томъ, что можетъ покупать свой главный матеріалъ (черное листовое желѣзо) на наиболѣе дешевомъ рынкѣ. Этимъ онъ защищенъ отъ чрезмѣрно высокихъ цѣнъ, назначенныхъ монополистами. И если Англія наложитъ пошлину, въ размѣрѣ 25%, напр., на ввозное листовое желѣзо,—громадная отрасль промышленности здѣсь (изготовленіе гальванизированнаго желѣза) получитъ смертельный ударъ. «Петру, изготовляющему листовое желѣзо, заплатятъ,—по выраженію памфлета, — а Павла, гальванизирующаго желѣзо, ограбятъ». Англія ввозитъ не только листовое желѣзо, но еще чугунъ въ болванкахъ, необработанную сталь, желѣзныя балки и стропила, котлы, листы для обшивки кораблей, обручи, оси и проч. матеріалъ, который переработывается здѣшними фабрикантами и заводчиками. Если Соединенное Королевство обложитъ пошлиной эти издѣлія, подни-мется вопль по всей странѣ». Нужно ли удивляться тому, что Англія можетъ до сихъ поръ строить корабли дешевле, чѣмъ это дѣлаетъ Германія,—говоритъ памфлетъ,—если тамъ заводчики, изготовляющіе стальныя пластины для пароходовъ, дерутъ шкуру съ кораблестроителей, и если германскіе заводчики продаютъ на британскія верфи свой матеріалъ дешевле, чѣмъ своимъ собственнымъ соотечественникамъ? Такимъ образомъ, чтобы господствовать на международныхъ рынкахъ, Англія должна имѣть полную возмож-

ность покупать всѣ матеріалы тамъ, гдѣ выгоднѣе». Еще болѣе теряютъ смыслъ опасенія, что иностранные фабрикаты вытѣснятъ въ Англіи мѣстные,—говоритъ Чіоза-Моней,—если мы обратимся къ обработкѣ хлопка. Ланкаширъ выпускаетъ ежегодно фабрикатовъ на 100.000,000 ф. ст., тогда какъ ввозитъ на 5.000,000 ф. ст. Главная опасность для Ланкашира лежитъ не въ томъ, что въ Англію ввозятъ иностранные фабрикаты, а въ томъ, что возможна заминка въ подвозѣ хлопка. Если Англія наложитъ пошлину на хлѣбъ, большая часть котораго (на 62 м. ф. ст.) подвозится изъ Соединенныхъ Штатовъ,—заканчиваетъ Чіоза-Моней,—ланкаширскому хлопку грозитъ великая опасность.

Въ этомъ памфлетѣ много совершенно вѣрныхъ положеній, которыя, несомнѣнно, подтверждаются фактами. Но меня въ немъ, прежде всего, поражаетъ одно. При извѣстной умственной ловкости цифрами и статистическими таблицами можно доказывать діаметрально противоположное. Цифрами протекціонисты доказываютъ, что промышленное развитіе страны опредѣляется увеличивающимся вывозомъ, тогда какъ растущій импортъ доказываетъ паденіе промышленности. При помощи цифръ же фритрэдеры доказываютъ прямо противоположное. «Нѣтъ, — говорятъ они, — процвѣтаніе промышленности и богатство страны измѣряется уменьшающимся вывозомъ и увеличивающимся ввозомъ». Видѣли ли вы когда-нибудь представленіе японскихъ жонглеровъ? Они кладутъ на ладонь вытянутой внизъ руки тяжелый шаръ, который не только не падаетъ на землю, какъ ему надлежитъ по всѣмъ законамъ, но, наоборотъ, шаръ медленно начинаетъ катиться вверхъ по рукѣ, поднимается на плечо, затѣмъ — на голову, потомъ спускается на носъ, ползетъ за ухо и проч. Нѣчто подобное можетъ продѣлать съ цифрами и съ статистическими таблицами ловкій жонглеръ-финансистъ (въ особенности, на континентѣ). Шаръ катится «наперекоръ стихіямъ» вверхъ: несомнѣнные дефициты превращаются въ громадную прибыль (дутую, конечно); разореніе освѣщается, какъ благоденствіе и пр. Погодите. Японскій жонглеръ не можетъ заставить шаръ катиться весь день, такъ какъ фокусъ требуетъ страшнаго напряженія мышцъ. Представленіе продолжается не болѣе пяти минутъ. Жонглеру-финансисту тоже положенъ предѣлъ, хотя и не пятиминутный. Въ концѣ-концовъ, *долженъ* наступить моментъ, когда шаръ сорвется, и хозяйственная катастрофа наступитъ... Но возвращусь къ памфлету Чіоза. Цифры его отосительно Ланкашира совершенно вѣрны. Толкованіе имъ дано тоже справедливое и соотвѣтственное дѣйствительности; но таблицы относительно ввоза желѣза и стали даны только за шесть мѣсяцевъ. «Наиболѣе характерной

щенныхъ тогда на рынки. Къ тому же въ Соединенныхъ Штатахъ нашли въ 1892 г. новыя громадныя и мощныя залежи желѣзной руды (Mesaba range). Результатомъ перепроизводства явился кризисъ; но къ концу 1899 г. онъ кончился: спросъ увеличился. Добыча желѣзной руды съ $14^1/_2$ милл. т. дошла до $24^1/_2$ милл. т. Чугуна выплавлялось въ 1891 г. $8^1/_2$ милл. т., а въ 1899 г.—$13^3/_4$ милл. т. Стали обрабатывалось въ 1891 г.—4 милл. т., а въ 1899 г.—$10^3/_4$ мил. т. Это былъ третій періодъ въ развитіи чугуно-литейнаго дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ. По словамъ Хорнера *), три элемента содѣйствовали успѣху чугуно-литейнаго и сталелитейнаго дѣла въ Америкѣ: дешевизна сырого матеріала, отличные, хотя и дорогіе работники и широкое примѣненіе машинъ—послѣднихъ изобрѣтеній и усовершенствованій. Затѣмъ нужно прибавить еще дешевизну транспорта. Въ Англіи работники тоже очень хорошіе, но они консервативны, какъ ихъ предприниматели. Заводчики здѣсь упорно стояли за старыя формы производства, недовѣрчиво, а иногда и насмѣшливо относясь къ новымъ техническимъ усовершенствованіямъ. Такъ какъ въ Англіи технологическихъ институтовъ въ континентальномъ или въ американскомъ смыслѣ слова, собственно говоря, нѣтъ, то усовершенствованія, естественно, приходили изъ-за границы. А англичане склонны относиться пренебрежительно ко всему иностранному. У насъ лавочникъ, желая похвалить товары, скажетъ: «это—заграничное». Въ Англіи—какъ разъ наоборотъ—высшая похвала фабриканту будетъ: «it is british made». Англійскіе заводчики спохватились тогда, когда, главнымъ образомъ, Соединенные Штаты, примѣнивъ дешевые способы производства и сильно повысивъ заработную плату,—выпустили на рынокъ сталь и чугунъ отличнаго качества и по низкимъ цѣнамъ. «Нагнать науку» не особенно легко, когда весь прогрессъ промышленности два вѣка держался на «практикѣ». Англія пробовала завести политехническіе институты, на манеръ Германіи. Въ средствахъ она не стѣсняется и въ скупости ее тоже никто никогда не упрекалъ. Явились жертвователи, давшіе по 500,000—1.000,000 руб. на сооруженіе политехникумовъ. Въ Бирмингэмѣ въ одинъ годъ выстроили технологическій институъ, причемъ зданіе только обошлось въ три милліона руб. Такое же зданіе вывели въ Манчестрѣ. Явилось зданіе, построили лабораторію. Остановка была лишь за малымъ: за наукой, т. е. за профессорами и за студентами. Гордость не дозволяетъ пригласить нѣмцевъ; своихъ же профессоровъ нѣтъ, потому что имъ негдѣ было выработаться. Нѣтъ и студентовъ, потому что въ Англіи все еще про-

*) The Fight etc., p. 193.

фессія передается отъ отца къ сыну. Если отецъ—врачъ, онъ старшаго сына отправляетъ въ госпитали изучать «технику дѣла», чтобы передать ему потомъ свою практику. Если отецъ имѣетъ литейный заводъ, одинъ изъ сыновей изучаетъ дѣло. И нужно сказать, изучаетъ великолѣпно. Юноша 16—18 лѣтъ, отецъ котораго милліонеръ, работаетъ 6–8 часовъ въ день въ слесарныхъ мастерскихъ, у горновъ, у доменныхъ печей, какъ простой механикъ. Черезъ 3—4 года юноша постигаетъ въ тонкости все производство. Онъ самъ въ состояніи отлить, вычертить машину, выковать, отполировать, заклепать котелъ и пр. Все было бы отлично, если бы технологія отличалась такою же прочностью, какъ и британская конституція; но прогрессъ техники идетъ скачками, а англійскій умъ отличается консерватизмомъ. Въ результатѣ вышло слѣдующее. Великолѣпные политехникумы въ Бирмингэмѣ и въ Манчестрѣ превращены теперь въ самыя обыкновенныя среднія техническія школы. И точно такъ же, какъ простой танцклассъ въ Англіи именуется не иначе, какъ Dancing *Academy*,—бирмингэмскія и манчестерскія среднія школы носятъ громкое названіе «академій». Года полтора тому назадъ вышелъ оффиціальный отчетъ, констатирующій, что въ «академіяхъ» этихъ профессора не въ состояніи сдѣлать обыкновенный химическій анализъ. Итакъ, науку «трудно» догнать, когда два вѣка вѣрили не въ нее, а въ «выучку» и въ рутину. И вотъ, замѣтивъ это, Бирмингэмъ сталъ имперіалистомъ и протекціонистомъ. Хорнеръ, который, какъ мы видѣли, вѣрно констатируетъ фактъ промышленнаго успѣха Соединенныхъ Штатовъ, заговариваетъ о таможенныхъ тарифахъ; хотя послѣдніе породили «стальной трестъ», чудовище, съ которымъ Соединеннымъ Штатамъ теперь приходится бороться.

Фритрэдеръ Джорджъ Уитли *), опираясь на статистическія таблицы, пытается доказать, что протекціонизмъ поведетъ неминуемо къ тарифнымъ войнамъ. Этого не отрицаютъ и протекціонисты. Они говорятъ, что тарифная война явится въ рукахъ британскаго правительства «возмездіемъ» иностранцамъ (главнымъ образомъ, нѣмцамъ) за высокія пошлины, которыми они облагаютъ товары, прибывающіе изъ британскихъ колоній. Джорджъ Уитли доказываетъ, что если тарифная война начнется, то сильнѣе всего пострадаетъ отъ нея Англія. Уитли опирается на цифры, добытыя министерствомъ торговли въ 1902 г. Въ отчетномъ году Англія вывезла желѣза, стали и машинъ на 47,9 милл. ф. ст., а ввезла на 12,7 милл. ф. ст. Въ Соединенные Штаты она ввезла на 3,7 милл. ф. ст., а вывезла на 735.000 ф. ст. Въ Гер-

*) The Results of Free Trade.

обычаю англійскихъ авторовъ высчитывать все, чтобы дать своимъ читателямъ возможно болѣе конкретное представленіе о разбираемомъ вопросѣ,—Чіоза составилъ такую таблицу. Если Англія введетъ налогъ на хлѣбъ,—говоритъ онъ, — то отъ преимущественныхъ тарифовъ колоніи получатъ выгоду далеко не въ одинаковой степени.

Если высчитать проценты, то изъ всѣхъ преимущ. тарифовъ:

Канада получитъ	42%
Индія	20%
Австралія	30%
Новая Зеландія	8%
Капская Колонія	0%
Наталь	
Колонія Оранжевой рѣки	
Трансвааль	
Остальныя колоніи	

Но колоніи, ничего не получающія, напр. Квинслэндъ, захотятъ получить свою долю въ платѣ за лояльность. Новая Зеландія отправляетъ очень мало хлѣба, но много баранины. Поэтому она потребуетъ налога на мясо, привозимое изъ Аргентины, являющейся опасной промышленной соперницей Австраліи. Такимъ образомъ, доказываетъ Чіоза, Англія, разъ ступивъ на путь преимущественныхъ тарифовъ, — вынуждена будетъ въ угоду колоніямъ ввести налоги на говядину, баранину, свинину, ветчину, копченое сало,—словомъ, на всѣ съѣстные припасы до сыра и мяса включительно. Короче сказать,—продолжаетъ авторъ,—мы должны будемъ обложить налогами всѣ съѣстные продукты, привозимые изъ-за-границы, потому что они тамъ дешевле, и сократить питаніе нашихъ массъ, ослабивъ такимъ образомъ ихъ силы, — все это для того, чтобы вознаградить не въ одинаковой степени колоніи... Нѣкоторые канадцы увѣряютъ насъ, что черезъ двадцать лѣтъ ихъ страна въ состояніи будетъ производить столько хлѣба, чтобы прокормить населеніе всей Англіи. Предположимъ, что это вѣрно. Какимъ же образомъ, съ точки зрѣнія протекціонистовъ, это отразится на благосостояніи англійскихъ фермеровъ? Если канадская пшеница будетъ ввозиться безпошлинно, то она вытѣснитъ совершенно англійскій продуктъ. Земледѣліе въ Англіи тогда не только не возродится, какъ предсказываютъ протекціонисты, но, наоборотъ, окончательно погибнетъ. Какимъ же образомъ это обстоятельство поможетъ Англіи въ случаѣ войны, когда подвозъ хлѣба прекратится? Если протекціонизмъ долженъ стать идеаломъ, то британскаго фермера слѣдуетъ охранить отъ канадскаго про-

изводителя. Наоборотъ, если идеаломъ избрать фритрэдерство, то ни британскій фермеръ, ни производитель не нуждаются въ охранѣ, путемъ таможенныхъ пошлинъ, отъ иностранцевъ или отъ колоніальныхъ производителей. Такимъ образомъ, цолльферейнъ ни въ коемъ случаѣ не выдерживаетъ критики». Чіоза такъ формулируетъ всѣ свои выводы относительно налога на предметы первой необходимости.

Англія пріобрѣтаетъ больше семидесяти пяти процентовъ необходимыхъ ей предметовъ первой необходимости на самыхъ дешевыхъ рынкахъ за-границей. Продукты, доставляемые британскими колоніями, до такой степени различны, что Англіи придется обложить налогами рѣшительно все, чтобы Канада, Австралія, Новая Зеландія, Южная Африка, Индія и пр. могли въ равной степени воспользоваться преимущественными тарифами. И такъ какъ каждая семья покупаетъ не меньше, чѣмъ на 25 ф. ст. въ годъ ввозимыхъ предметовъ первой необходимости, то возвращеніе къ протекціонизму тяжело отразится на благосостояніи массъ. Питаніе англійскихъ работниковъ должно ухудшиться, чтобы нѣкоторыя колоніи могли получать большіе барыши *).

До сихъ поръ мы видѣли только споръ между крупными заводчиками, обрабатывающими не волокнистыя вещества, и фабрикантами, обрабатывающими хлопокъ. Другими словами, на первый планъ выдвигались интересы Бирмингэма и Манчестра. Каждая сторона пытается заручиться содѣйствіемъ и поддержкой массъ, потому что въ послѣдніе годы рѣшающій голосъ все больше и больше принадлежитъ имъ. Въ данномъ случаѣ, повидимому, массамъ выгоднѣе всего поддержать Манчестеръ. Въ самомъ дѣлѣ, по причинѣ свободной торговли, англійскіе работники питаются, одѣваются и живутъ лучше своихъ товарищей на континентѣ. Англійскій работникъ ѣстъ мясо три раза въ день, пьетъ чай съ большимъ количествомъ сахара, ѣстъ за завтракомъ яйца, варенье. Жена его и онъ самъ, и дѣти его не отличаются по платью отъ остального населенія: развѣ достоинство матеріи похуже. Онъ живетъ въ отдѣльномъ домикѣ о 4—5 комнатахъ, освѣщенномъ газомъ или электричествомъ. Онъ привыкъ брать ванну каждый день. Къ тому же привыкла вся семья. Въ домикѣ — мягкая мебель. Семья спитъ не на полу, а на пружинныхъ постеляхъ. У работника существуютъ и высшія потребности: онъ не можетъ теперь обойтись безъ газеты, книгъ и клуба. И все это явилось за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, послѣ отмѣны налоговъ на хлѣбъ. Массы не вѣрятъ, что при дорогомъ хлѣбѣ заработная плата дол-

*) The Zollverein Issue, p. 44.

жна увеличиться. Это — прежде всего абстракція, а англійскій работникъ любитъ только конкретные факты. На одномъ митингѣ протекціонистовъ, послѣ того какъ ораторъ доказывалъ, что дорогой хлѣбъ долженъ повысить заработанную плату, одинъ изъ слушателей сказалъ: «знаете, вы лучше выверните вашу формулу; прежде повысьте намъ заработную плату, а потомъ мы посмотримъ, можемъ ли мы больше платить за хлѣбъ». Массы въ Англіи знаютъ, что во времена хлѣбныхъ законовъ жилось очень плохо и заработная плата была низкая. Такимъ образомъ, развѣ только въ состояніи особаго психическаго опьяненія работники теперь будутъ голосовать за дорогой хлѣбъ. По результатамъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ выборовъ нужно скорѣе думать, что протекціонисты, не смотря на то, что во главѣ ихъ стоитъ такой популярный и сильный человѣкъ, какъ Чэмберлэнъ, — потерпятъ большое пораженіе. Но, въ концѣ концовъ, всѣ памфлеты, разобранные выше, исходятъ или отъ Бирмингэма, или отъ Манчестера. Есть еще третья партія, которая принимаетъ участіе въ агитаціи. Она доказываетъ, что положеніе работниковъ въ Англіи было сносно лишь много вѣковъ тому назадъ, до расхищенія земли лэндлордами. Улучшеніе наступитъ только тогда, когда земля будетъ возвращена націи. Эта партія, какъ видитъ читатель, развиваетъ взгляды Генри Джорджа. Въ послѣдніе дни она выпустила памфлетъ «A Tragedy of English History». Это—ретроспективный обзоръ положенія англійскаго работника въ теченіе шести вѣковъ, въ связи со стоимостью жизни отъ 1260—1887 г. Въ сущности говоря, памфлетъ, пріуроченный къ спору между протекціонистами и фритрэдерами, является удачной попыткой сконденсировать извѣстный трудъ Торольда Роджерса «Six Centuries of Work and Wages». Нужно отдать справедливость англійскимъ памфлетамъ: въ нихъ центръ тяжести лежитъ всегда въ солидныхъ и вѣскихъ *фактахъ*.

VI.

Упомянутый памфлетъ имѣетъ цѣлью выяснить, «какимъ образомъ лэндлордизмъ принесъ съ собой въ Веселую Англію нищету и страданіе».

«Чтобы понять причину бѣдности работниковъ, — говоритъ авторъ, — нужно изслѣдовать нѣсколько фактовъ. Обусловливаютъ ли явленіе машины, сберегающія трудъ? Нѣтъ. Онѣ помогаютъ работнику удвоить, утроить и учетверить производство. Въ сущности говоря, онѣ должны облегчить работу и сдѣлать ее болѣе пріятной. Нелѣпо говорить, что машины, облегчающія производ-

ство и дѣлающія его болѣе дешевымъ, содѣйствуютъ обѣднѣнію работниковъ. Является ли причиной бѣдности массъ свободная торговля? Конечно, нѣтъ. Заработная плата въ Англіи гораздо выше, чѣмъ на континентѣ, гдѣ существуетъ протекціонная система. Обусловливается ли бѣдность монетной системой? Нѣтъ. Горькая бѣдность существуетъ во всѣхъ странахъ, какая бы тамъ ни была монетная система. Причины лежатъ гораздо глубже, — говоритъ авторъ памфлета. — Бѣдность зависитъ не отъ машинъ, не отъ тарифовъ и не отъ биметаллизма или монометаллизма, а отъ того, какова система владѣнія землей. Разрѣшеніе вопроса о бѣдности находится у насъ подъ ногами»,—повторяетъ вслѣдъ за Генри Джорджемъ авторъ памфлета.

Въ упомянутомъ уже трудѣ Роджерсъ опредѣляетъ нѣсколько періодовъ въ исторіи англійскихъ работниковъ. Начинаетъ онъ съ XIII вѣка, «крѣпостного періода», по терминологіи ученаго. Затѣмъ слѣдуетъ «періодъ борьбы за свободу» XIV вѣка, видѣвшій громадное возстаніе крестьянъ (1377—1381 г.), подъ предводительствомъ священника и поэта Джона Болла и Уота Тэйлора. Вначалѣ движеніе имѣло стихійный характеръ, когда во главѣ его стоялъ Джэнъ Строо (Jack Straw); но затѣмъ явился Джонъ Боллъ, оформулировавшій въ риѳмованныхъ воззваніяхъ стремленія англійскихъ крестьянъ. Одно изъ этихъ двустишій «безумнаго попа» (такъ прозвали Болла бароны) извѣстно всюду и часто цитируется до сихъ поръ:

When Adam delvet and Eve span,
Who was then the gentleman?

(Кто же былъ бариномъ въ то время, какъ Адамъ копалъ землю, а Ева пряла?). Еще болѣе точно сформулированы требованія крѣпостныхъ въ воззваніяхъ «Jack the Miller» «Jack the Carter» (*Ванька Мельникъ* и *Ванька Извозчикъ*). «Эти грубыя риѳмы, — говоритъ историкъ, — являются началомъ англійской политической литературы. То—предшественники памфлетовъ Мильтона и Берка. Не смотря на всю свою грубость и неуклюжесть, воззванія Джона Болла ясно выражаютъ всѣ стремленія, волновавшія англійскихъ крестьянъ во время большого мятежа. Въ этихъ стихахъ говорится про свободу личности, справедливый и доступный судъ; въ нихъ выражено презрѣніе къ безнравственности дворянъ и къ жестокости двора» *). Подъ предводительствомъ Уота Тэйлора крестьяне переправились черезъ Темзу, овладѣли Лондономъ и взяли штурмомъ Тоуэръ. Повстанцы располо-

*) *J. R. Green*. «History of the English People», p. 245 (компактное изданіе).

жились лагеремъ въ нынѣшнемъ Уайтчепелѣ. Здѣсь къ нимъ выѣхалъ для переговоровъ король (Ричардъ II).

— Добрые люди, — началъ онъ. — Я вашъ король и повелитель. Что вы хотите? — Мы хотимъ, чтобы вы освободили насъ на вѣчныя времена! — воскликнули крестьяне. — Освободите насъ и нашу землю. Не хотимъ быть больше крѣпостными, и пусть никто не обращается больше съ нами, какъ съ холопами. — Согласенъ! — отвѣтилъ король. Радостный вопль привѣтствовалъ обѣщаніе. Весь день тридцать писцовъ готовили вольныя грамоты, и, получивъ ихъ, большинство повстанцевъ мирно разошлось по домамъ *). Періодъ борьбы за свободу, по словамъ Роджерса, повелъ за собою «Золотой вѣкъ» (XV) въ исторіи англійскаго работника. Если принять за норму стоимость содержанія семьи въ пять человѣкъ, то никогда заработная плата въ Англіи не была такъ высока, какъ въ XV вѣкѣ. Тогда именно англійскій работникъ назвалъ свою родину «Веселой Англіей». Но вотъ въ XVI вѣкѣ начался процессъ расхищенія лордами общественной земли. И заработная плата стремительно и сразу упала ниже «уровня бѣдности», т. е. стала недостаточна для содержанія людей. Въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ заработная плата не поднимается, а, наоборотъ, иногда еще падаетъ. И такъ до конца XIX вѣка, когда она начинаетъ повышаться. «Къ концу 1495 г.,— говоритъ Роджерсъ, крестьянинъ, чтобы обезпечить семью на годъ, долженъ былъ работать 15 недѣль, ремесленникъ же —10 недѣль. Черезъ 40 лѣтъ имъ приходилось работать вдвое больше, а въ 1593 г. крестьянинъ не вырабатывалъ пищи для семьи даже 12 мѣсячной безпрерывной работой» **). «Если измѣрять высоту заработанной платы стоимостью предметовъ первой необходимости, то XV вѣкъ долженъ быть признанъ золотымъ вѣкомъ англійскаго труда»,—говоритъ тотъ же ученый. Когда общественныя земли были расхищены, и вслѣдствіе этого наступила великая, безпримѣрная до того бѣдность,—народъ сталъ просить короля оградить его интересы. Король (Эдуардъ VI) отдалъ приказъ... написать особую молитву для смягченія сердецъ захватывающихъ землю. Къ сожалѣнію, молитва не подѣйствовала. Захватомъ земли дѣло не ограничилось. Со времени Вильгельма Завоевателя землевладѣльцы платили налогъ на покрытіе всѣхъ военныхъ расходовъ Англіи. Онъ назывался *«fee»* или *feu* (ленная плата). Ленная плата съ церковныхъ земель шла на содержаніе духовенства. Мало-по-малу лэндлорды постарались отдѣлаться отъ налога на землю; пропор-

---

*) Ib, p. 246.
**) Six Centuries of Work anp Wages, p. 389.

ціонально съ этимъ увеличивались налоги, платимые трудящимся населеніемъ. По вычисленію Роджерса, въ XIV в. налогъ на землю уменьшился на 4%, въ XV в. на 11%, XVI в.—14%, XVII в.—17%, XVIII в.—75%; въ 1815 г.—на 90% и въ 1845 г.—на 95%. Такимъ образомъ, лэндлорды, покрывавшіе прежде всѣ государственные расходы, захватили общественныя земли и перестали почти совсѣмъ платить налоги. Тяжесть послѣднихъ упала на массы. Лэндлорды затѣмъ ввели хлѣбные законы, съ цѣлью остановить ввозъ иностраннаго хлѣба, чтобы, такимъ образомъ, поднять ренту съ собственной земли. Вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе труда Роджерса. Авторъ памфлета «A Tragedy of English History», удачно воспользовавшись діаграмами Торольда Роджерса, доказываетъ, что единый налогъ, «Single Tax» Генри Джорджа существовалъ уже въ XI, XII и XIII вѣкахъ. Его слѣдуетъ опять ввести, и тогда, по мнѣнію автора, разъ навсегда будетъ покончепъ вопросъ о преимуществахъ дешеваго или дорогого хлѣба. Земля должна быть національзирована путемъ отнесенія всѣхъ государственныхъ расходовъ на счетъ единаго налога, взыскиваемаго съ земли.

Я разобралъ цѣлый рядъ памфлетовъ и постарался извлечь всѣ доводы, приводимые въ защиту свободной торговли и противъ нея. Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о каррикатурахъ, объ этомъ чисто англійскомъ средствѣ борьбы. Ихъ появилось и появляется неимовѣрное число *). Вотъ «Джо» съ ножомъ, на которомъ надпись *цолльферейнъ*, гонится за гусемъ, кладущимъ золотыя яйца. На гусѣ значится: «Свободная торговля». Дальше тотъ же Джо, въ видѣ негра, лихо вывертываетъ ногами и выплясываетъ «кейкъ-уокъ», негритянскій танецъ, вывезенный изъ вестъ-индскихъ плантацій и сводящій теперь съ ума блазированный Лондонъ. Суть танца заключается въ томъ, что призъ, кэйкъ, выдается тому, кто выкинетъ наиболѣе причудливое колѣнцо. За «Джо» очень робко и застѣнчиво семенитъ его дама—премьеръ. Каррикатура намекаетъ на то, что министръ колоній гипнотизировалъ премьера и увлекъ его за собою по пути къ протекціонизму. А вотъ каррикатура блестящаго Гульда, распространяемая теперь въ безчисленныхъ экземплярахъ фритрэдерами. Она является отвѣтомъ на посулъ работникамъ пенсіона для престарѣлыхъ, если они согласятся на налогъ на хлѣбъ. Каррикатура нарисована на тему англійской дѣтской пѣсенки про «Старую матушку Хеббардъ». «Olp Mother Hubbard» подошла къ шкафу для провизіи,—гово-

*) Писано въ концѣ 1903 г.

рится въ пѣсенкѣ,—чтобы достать кость для собачки. Она не нашла кости и стала метаться то туда, то сюда, чтобы выискать съѣдобное. Но, въ концѣ концовъ, ничего не нашла и только вѣжливо поклонилась собачкѣ. А та, не будь глупа, пролаяла ей гав гав!» Каррикатура изображаетъ Джо въ чепцѣ, въ видѣ Mother Hubbard. Онъ вѣжливо присѣдаетъ предъ собачкой, на ошейникѣ которой надпись «Labour». «Вы хотите косточку—пенсіонъ для престарѣлыхъ, не такъ ли?—говоритъ сладко Джо.—Видите, въ шкафу для провизіи покуда еще ничего нѣтъ: но я придумалъ отличную штуку: закусите кускомъ собственнаго хвоста». Подъ каррикатурой дальше прибавлено: «Работники! Чэмберлэнъ предлагаетъ вамъ дорогой хлѣбъ въ обмѣнъ за пенсіонъ для престарѣлыхъ. Это то же, что предложить собакѣ закусить собственнымъ хвостомъ. Вы знаете, что собака отвѣтила бы на это? Не подобаетъ ли и вамъ сдѣлать то же самое»?

Перспектива налога на хлѣбъ взволновала всю Англію. Кооператоры, трэдъ-юніонисты, затѣмъ весь Ланкаширъ, т. е. совмѣстный съѣздъ фабрикантовъ и ткачей—высказались противъ этого налога. Въ кабинетѣ произошелъ расколъ. Министръ финансовъ и три бывшихъ министра финансовъ высказались за свободную торговлю. Но Чэмберлэнъ, разсчитывая на свою популярность и на гипнотизирующее вліяніе грохота патріотическаго барабана,—смѣло кинулся въ борьбу. Онъ надѣется убѣдить все населеніе въ необходимости налога на хлѣбъ, чтобы «заплатить колоніямъ за лояльность». Впереди—одна изъ самыхъ интересныхъ и знаменательныхъ выборныхъ агитацій. Исходъ выборовъ, быть можетъ, явится поворотнымъ пунктомъ въ промышленной исторіи Англіи. Личная инипіатива Чэмберлэна въ этой борьбѣ играетъ ничтожную роль. Борьба порождена важными экономическими факторами, которые я пытался посильно отмѣтить еще три года тому назадъ, когда выяснялъ причины имперіализма.

Дѣйствительно ли колоніи такъ близко принимаютъ къ сердцу интересы метрополіи, какъ говорятъ теперь воинствующіе патріоты? На этотъ вопросъ мнѣ приходилось уже отвѣчать въ статьѣ объ имперіализмѣ *). Теперь приведу выдержку изъ статьи Артура Эдомса, спеціально изучившаго Австралазію, гдѣ онъ прожилъ 20 лѣтъ. «Англичанинъ, который никогда не бывалъ въ Мельбурнѣ, не въ состояніи даже понять факта, что колоніи меньше всего проникнуты лояльностью къ метрополіи. Теперь колоніи расположены не *жертвовать* для метрополіи, а *требовать* у нея для себя. Быть можетъ, это утвержденіе покажется дикимъ англича-

*) «The New Liberal Review», july, 1903 p. 765.

нину, но вѣдь все это фактъ. Австралійская республика ставитъ ультиматумъ метрополіи въ вопросѣ о цвѣтнокожихъ матросахъ. Даже патріотъ Седдонъ грозитъ, что если Англія не дастъ преимущественныхъ тарифовъ Новой Зеландіи, послѣдняя вступитъ въ торговые договоры съ другими странами. Все это мало свидѣтельствуетъ о той безграничной лояльности, о которой такъ много говоритъ министръ колоній» *).

Читатель, мнѣ кажется, можетъ видѣть изъ всего этого слѣдующее. Въ мощномъ, талантливомъ, богатомъ еще непочатыми силами англо-саксонскомъ мірѣ *происходитъ перемѣщеніе центра тяжести.* Въ великомъ федеративномъ британскомъ демократическомъ союзѣ происходитъ отливъ наиболѣе талантливыхъ и сильныхъ элементовъ отъ центра къ периферіямъ, изъ метрополіи—въ самоуправляющіяся колоніи, продолжающія историческую миссію Англіи. И въ мѣстѣ съ этимъ, мы наблюдаемъ, какъ быстро увеличивается значеніе колоній, которыя, въ концѣ концовъ, *диктуютъ* метрополіи условія, рѣшительно гибельныя для нея. Процессъ ускоряется положеніемъ англійской промышленности, обработывающей не волокнистыя вещества. Она видитъ теперь спасеніе въ таможенномъ кордонѣ. Эта промышленность нашла поддержку въ биржевомъ капиталѣ. Точно такъ, какъ лэндлорды съ XIV вѣка мало-по-малу отдѣлывались отъ налоговъ на землю для поддержанія государственнаго механизма,—точно такъ теперь биржевой капиталъ стремится отдѣлаться отъ подоходнаго налога. Биржа поддерживаетъ налогъ на хлѣбъ, потому что тогда тяжесть государственной машины ляжетъ преимущественно на массы.

XI.

Ирландскій «ледоходъ».

I.

Ирландія теперь находится наканунѣ великихъ событій. Близокъ къ разрѣшенію аграрный вопросъ, составляющій основу ирландской жизни. Когда вы читаете теперь ирландскія газеты, предъ вами вырисовывается громадная рѣка ранней весною. Ледъ на ней покрылся трещинами. Черная полоса дороги вздулась буграми. Глухой трескъ не смолкаетъ надъ рѣкой. Кое-гдѣ образовались забереги, въ которыхъ ослѣпительно отражаются лучи ве-

---

*) См. «Очерки Современной Англіи».

сенняго солнца. Но ледъ не трогается. Рѣка стоитъ неподвижно, мертвая, скованная, хотя все вокругъ тысячами голосовъ возвѣщаетъ нарожденіе новой жизни. Потянетъ случайнымъ холодомъ, и рѣка скована, повидимому, еще сильнѣе. Даже забереги тогда затянутся снова ледкомъ. По вздувшейся дорогѣ тогда съ побѣднымъ карканьемъ, переваливаясь, бродятъ вороны. Онѣ, какъ будто, кричатъ перелетнымъ птицамъ, отъ радостнаго клекота которыхъ кипитъ въ воздухѣ: «пр-р-ростоитъ! пр-р-ростоитъ!» Но вороньи предсказанья не сбываются. Одинъ теплый день, и съ трескомъ ломается ледъ Напирая другъ на друга, съ характернымъ шуршаніемъ, плывутъ льдины, очищая вольную синюю воду. Правда, случается, что тамъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ загогулину, образуется заторъ. Туда прибиваетъ льдины, и поперекъ рѣки образуется крѣпкая, громадная плотина. Рѣка опять скована. но не на долго. Со страшнымъ грохотомъ плотина рушится, и напирающая вода сразу уноситъ уродливыя, громадныя, холодныя глыбы. Нѣкоторыя изъ нихъ, грязныя и рыхлыя, остаются на «лайдѣ» (песчаныхъ, отлогихъ берегахъ), какъ околѣвшія чудовища. Здѣсь онѣ лежатъ, покуда не растаютъ ихъ безобразныя тѣла отъ жаркихъ лучей ликующаго, весенняго солнца. Радостно бьется сердце во время ледохода. Новая жизнь вливается въ грудь. Великій. чудный, мощный космосъ, частицу котораго составляемъ мы, захватываетъ насъ и щедро поитъ надеждой въ возрожденіе и увѣренностью въ гибель отжившаго, какъ бы цѣпко оно ни держалось...

Исторія имѣетъ свои ледоходы, своихъ воронъ, радующихся тому, что рѣка скована; она много говоритъ про внезапные заторы и про то, какъ, въ концѣ концовъ, холодныя глыбы гибнутъ, выброшенныя на берегъ, подъ жаркими лучами весенняго солнца...

Такой «ледоходъ» переживаетъ теперь Ирландія. Мнѣ припоминаются мѣткія слова остроумнаго наблюдателя и глубокаго знатока Англіи Искандера. «На эту страну,—говоритъ онъ,—находятъ, и довольно часто, періодическіе страхи, и въ это время не попадайся ей ничего на дорогѣ. Страхъ вообще безжалостенъ, безпощаденъ; но имѣетъ ту выгоду за собой, что онъ скоро проходитъ. Страхъ не злопамятенъ, онъ старается, чтобы его поскорѣе забыли». «Не надо думать,—продолжаетъ нашъ авторъ,—чтобы трусливое чувство осторожности и тревожнаго самосохраненія лежало въ самомъ англійскомъ характерѣ. Это слѣдствіе отучнѣнія отъ богатства и воспитанія всѣхъ помысловъ и страстей на стяжаніи. Робость въ англійской крови, внесена капиталистами и мѣщанствомъ, они передаютъ болѣзненную тревожность свою оффиціальному міру, который въ представительной странѣ постоянно поддѣлывается подъ нравы—голосъ и деньги имущихъ. Составляя господствующую

среду, они при всякой неожиданной случайности теряютъ голову и не имѣя нужды стѣсняться, являются во всей безпомощной, неуклюжей трусости своей, не прикрытой пестрымъ и линялымъ фуляромъ французской риторики. Надобно умѣть переждать; какъ только капиталъ придетъ въ себя, успокоится,—все опять пойдетъ своимъ чередомъ».

Эти слова, въ значительной степени, являются ключемъ къ пониманію отношенія Англіи къ ирландскому вопросу. Они выясняютъ, почему Сити ликовало такъ, когда арестовали Парнелля въ 1881 г., почему Times послѣдовательно являлся непримиримымъ врагомъ «Земельной лиги», «Плана кампаніи» и, въ послѣднее время, «Ирландской лиги».

«Ирландскій вопросъ» прежде былъ гораздо сложнѣе, чѣмъ теперь. Тогда онъ заключалъ въ себѣ требованіе религіозной терпимости, свободы личности, слова и сходокъ; право на землю, мѣстное самоуправленіе и, наконецъ, самоуправленіе политическое (гомруль). Въ XVIII вѣкѣ, напр., отъ пэровъ и коммонеровъ ирландцевъ требовалась присяга, въ которой отрицался догматъ пресуществленія и заявлялось, что одно изъ основныхъ таинствъ католической вѣры есть «преступное идолослуженіе». Конечно, ни одинъ католикъ не могъ дать такой присяги и, такимъ образомъ, ирландцы были устранены отъ общественной дѣятельности. Правительство приняло мѣры къ тому, чтобы глубокое невѣжество было удѣломъ ирландцевъ. «Папистовъ» не принимали въ общія школы, воспрещали строить свои собственныя и не позволяли отправлять дѣтей въ школы за границу. Въ Англіи законъ еще въ XVII в. охранялъ неприкосновенность личности и семейнаго очага. Въ Ирландіи правительство разрѣшало дѣлать обыски въ частныхъ домахъ во всякое время дня и ночи (подъ предлогомъ, не спрятано ли оружіе). Восемнадцатый вѣкъ открылся приказомъ о воспрещеніи въѣзда въ Ирландію католическимъ священникамъ и епископамъ. Когда вступила на престолъ королева Анна (1702 г.), протестанты составляли въ Ирландіи одну шестую часть населенія. Имъ принадлежала почти вся земля. Изъ этого класса по преимуществу выбирались представители въ ирландскій парламентъ. «Живя среди недовольнаго населенія, они находились въ состояніи вѣчнаго страха и, подъ вліяніемъ послѣдняго, издавали удивительные по своей жестокости законы противъ католиковъ. «Протестантскій гарнизонъ», какъ кошмара, страшился мысли, что католики когда-нибудь возьмутъ верхъ» *). Вотъ нѣкоторые изъ изданныхъ тогда законовъ. Папистамъ воспрещалось покупать землю; имъ предпи-

*) *W. S. Gregg*, «Irish History», p. 80.

сывалось въ завѣщаніяхъ дѣлить между всѣми дѣтьми поровну (мѣра, направленная къ тому, чтобы въ Ирландіи были помѣщики только англичане). Если старшій сынъ отрекался отъ католичества, онъ получалъ право на всю землю; кромѣ того, при жизни отца ренегатъ могъ потребовать съ него треть всѣхъ доходовъ. Католикъ могъ снимать землю въ аренду на сроки не больше чѣмъ на 31 годъ. Онъ не имѣлъ права закладывать свое помѣстье. Папистъ не могъ быть чиновниковъ, офицеромъ, морякомъ, адвокатомъ, не имѣлъ права состоять на городской службѣ. Ему, съ ограниченіями, открыто было только медицинское поприще. Католикъ не могъ быть третейскимъ судьею или опекуномъ. Англійское правительство воспретило ирландцамъ-ремесленникамъ имѣть больше двухъ учениковъ (кромѣ ткачей). Ирландцевъ изгнали изъ Лимерика и Голуэйя. Они могли отлучаться отъ мѣста жительства только съ паспортомъ. Папистъ имѣлъ право держать только такую лошадь, которая стоитъ не дороже 50 руб. Если ферма, арендуемая ирландцемъ, приносила въ годъ на $^1/_3$ больше уплачиваемой ренты, то всякій англичанинъ могъ прогнать крестьянина и взять аренду себѣ. Для всего этого достаточно было, чтобы желающій занять ферму далъ показаніе подъ присягой. Англичанинъ, подозрѣвающій, что другой протестантъ снимаетъ ферму для католика, могъ забрать ферму себѣ. Замужняя ирландка, отрекшаяся отъ католицизма, имѣла право на разводъ и могла требовать отъ мужа денежнаго обезпеченія. «Эти законы, вторгавшіеся въ частную жизнь, причиняли много несчастій и порождали не малое озлобленіе. Жена, которой надоѣлъ мужъ, и безпутный сынъ отрекались отъ своей вѣры и получали щедрое вознагражденіе за ренегатство» *).

Но съ особенной строгостью законъ обрушивался на священниковъ. Въ Ирландіи зарегистровали 3000 священниковъ. Не «реестровый» священникъ подлежалъ смертной казни. Епископы совсѣмъ не были внесены въ списокъ. Вакансіи, открытыя смертью кого-либо изъ «реестровыхъ» священниковъ, не пополнялись. Такимъ образомъ, имѣлось въ виду мало-по-малу воспретить совершенно исповѣданіе католической вѣры. Назначали спеціально «охотниковъ за священниками», которые получали по 500 руб. за каждаго пойманнаго епископа, по 200 руб. за священника или монаха и по 100 руб. за школьнаго учителя. Не реестровые священники и школьные учителя укрывались въ горахъ, въ пещерахъ. При вступленіи на престолъ Георга II у католиковъ отняли право подавать голосъ на выборахъ.

---

*) *Gregg*, p. 82.

Англія видѣла тогда въ Ирландіи серьезнаго промышленнаго соперника, и вотъ послѣдовалъ рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью захватить рынокъ для себя. При Карлѣ II воспрещенъ былъ ввозъ въ Англію изъ Ирландіи скота, мяса, окороковъ, сыра и масла. Ирландскіе фермеры тогда превратили свои пашни въ луга, завели овецъ и скоро стали доставлять лучшую въ Европѣ шерсть, которая въ огромномъ количествѣ вывозилась въ сыромъ видѣ во Францію и въ Испанію. На сѣверѣ Ирландіи возникли громадныя суконныя фабрики. Возраставшая промышленность возбудила опасеніе въ англійскихъ фабрикантахъ. И вотъ въ началѣ XVIII вѣка ирландцамъ воспретили подъ страхомъ конфискаціи груза и корабля вывозить шерсть за границу или въ колоніи. Англія, такимъ образомъ, заручилась монополіей на лучшую шерсть въ Европѣ, по крайне низкой цѣнѣ: фунтъ шерсти во Франціи стоилъ 2 ш. 6 пен., тогда какъ ирландцы принуждены были продавать свой товаръ въ Англіи по пяти пенсовъ за фунтъ (т. е. за $^1/_6$ стоимости). Фермеры терпѣли громадные убытки; но не меньшіе, чѣмъ ткачи. Ихъ было около сорока тысячъ. Законъ, воспретившій вывозъ сукна, вышвырнулъ ихъ на улицу. Оставались еще двѣ отрасли промышленности: постройка кораблей и ткацкое дѣло. Въ XVIII в. въ Ирландіи было еще много дубовыхъ лѣсовъ, которые шли на постройку кораблей; но Англія тоже имѣла свои верфи. И, чтобъ убить корабельное дѣло въ Ирландіи, Англія создала такой законъ: ирландскіе товары можно вывозить только на англійскихъ корабляхъ, при томъ—только въ Англію. Этотъ законъ принесъ разореніе всѣмъ приморскимъ ирландскимъ городамъ. Корабельные плотники, матросы, конопатчики, смолокуры и пр. должны были или эмигрировать, или обратиться къ земледѣлію. Чтобы убить полотняное производство, Англія обложила громадной пошлиной парусину и крашеныя полотна Такимъ образомъ, у всей страны остался только одинъ источникъ существованія—земледѣліе. Этотъ бѣглый набросокъ даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, почему аграрный вопросъ пріобрѣлъ потомъ первенствующее значеніе въ исторіи Ирландіи.

Итакъ, ирландскій вопросъ прежде былъ очень сложенъ; но теперь онъ значительно упростился. Всѣ спеціальные законы относительно «папистовъ» отошли въ область преданій. Свобода совѣсти, личности, слова, сходокъ—все это добыто. Законы объ усиленной охранѣ (Coercion Acts), о которыхъ дальше, проносятся лишь порой, какъ циклоны. Въ 1898 г. ирландцы получили широкое мѣстное самоуправленіе. Такимъ образомъ, фактически, ирландскій вопросъ состоитъ теперь изъ двухъ пунктовъ: изъ требованія 1) политическаго самоуправленія (гомруля) и 2) земли.

Перваго пункта я теперь касаться не буду. Какъ извѣстно, десять лѣтъ тому назадъ консервативная партія оказала въ парламентѣ сильное сопротивленіе гладстоновскому биллю. И теперь торійская печать, выставляя радикаловъ пугаломъ въ глазахъ избирателей, укоризненно называетъ гладстоніанцевъ «гомрулерами». Этимъ консервативная печать желаетъ сказать, что гладстоніанцы унижаютъ достоинство имперіи, желая расчленить ее. «Что скажутъ колоніи, которыя были такъ лояльны намъ во время войны, если верхъ возьметъ партія умалителей Англіи?» —говорятъ консерваторы. Тѣ, которые слѣдятъ внимательно за событіями англійской жизни, знаютъ, что теперь проектъ гомруля, исходящій отъ консервативной партіи, находится вполнѣ въ предѣлахъ возможности. Что же касается мнѣнія колоній, то приведу здѣсь телеграмму изъ Оттавы (Канада), помѣщенную въ Таймсѣ. «Костиганъ (морской министръ) внесъ резолюцію въ пользу гомруля для Ирландіи; она принята въ парламентѣ 102 голосами противъ 41. За резолюцію подали голосъ и сэръ Вильфридъ Лорье (премьеръ), и Бордэнъ (вождь оппозиціи, т. е. консервативной партіи). Премьеръ оправдывалъ вмѣшательство Канады ссылкой на Южную Африку» *). Эта телеграмма поставитъ въ не малое затрудненіе консервативную печать, которая восхваляла постоянно «лоялизмъ» Канады и выставляла Вильфрида Лорье, какъ олицетвореніе настоящаго имперіализма. Авторъ только что вышедшей интересной книги «To-Day and To-Morrow in Ireland», доказывая необходимость гомруля, пишетъ: «Одинаковыя причины произведутъ одинаковыя послѣдствія. Внѣ сомнѣнія, что колоніи были бы недовольны и мятежны, если бы въ нихъ существовала такая же система управленія, какъ въ Ирландіи. И если бы Ирландія имѣла полное самоуправленіе, какъ колоніи, она проявила бы такую же лояльность, какъ и онѣ. Повидимому, это мнѣніе раздѣляютъ все премьеры, посѣтившіе Лондонъ лѣтомъ 1903 г. Всѣ они, какъ говорятъ, высказались въ пользу гомруля... Возраженіе противъ гомруля основано, главнымъ образомъ, на опасности, которую онъ представляетъ для имперіи. По этому поводу можно сказать слѣдующее. Какъ дѣла обстоятъ теперь, для Ирландіи, въ случаѣ европейской войны, понадобится сильный гарнизонъ, хотя она разоружена. Съ другой стороны, если бы она пользовалась такимъ же широкимъ самоуправленіемъ, какъ и колоніи, у ней были бы такія же основанія, какъ и у послѣднихъ, явиться на помощь метрополіи... Гомруль измѣнилъ бы сильно Ирландію... Вліяніе католической церкви тогда сильно ослабѣло бы, такъ какъ католицизмъ пришелъ бы въ стол-

*) «Times» 2 апрѣля 1903 г.

кновеніе съ другими силами. Священники, безъ сомнѣнія, попытались бы управлять Ирландіей; но это имъ не удалось бы. Самое большее, произошелъ бы расколъ между городомъ и деревней *).

Такимъ образомъ, теперь «ирландскій вопросъ» состоитъ, фактически, изъ одного пункта—требованія земли. «Ирландская лига» и вожди парламентской партіи, какъ Рэдмондъ или Вильямъ О'Брайенъ, отлично знаютъ, что гомруль самъ приложится въ ближайшемъ будущемъ. Они знаютъ, что съ паденіемъ лэндлордизма исчезнетъ въ Ирландіи та партія, которая задавала тонъ парламенту въ борьбѣ съ гомрулемъ; партія, «нагонявшая тѣ періодическіе страхи», о которыхъ говоритъ Искандеръ. И. зная это, «лига» отодвинула гомруль на второй планъ. На первый выдвинули вопросъ о землѣ, который теперь, послѣ короткой, но упорной борьбы, находится наканунѣ окончательнаго разрѣшенія.

II.

«Лучшимъ памфлетомъ противъ системы англійскаго владычества въ Ирландіи является сухой отчетъ всенародной переписи,—говоритъ Брэйлсфордъ, авторъ только что вышедшей книги «Some Irish Problems».—Таблицы, показывающія число переселенцевъ, оставившихъ страну, являются лѣтописью отчаянія, подточившаго мало-по-малу всѣ надежды жизнерадостнаго народа. Въ исторіи англійскихъ колоній статистика эмиграціи показываетъ стремленіе завоевывать новыя страны и желаніе расширить метрополію. Ирландцы отправлялись на западъ, за океанъ, не въ поискахъ за богатствомъ и приключеніями, какъ дѣлали наши соотечественники, покинувшіе Англію потому, что у нихъ былъ переизбытокъ энергіи. Ирландскіе переселенцы были изгнанники, а не созидатели имперій... За океанъ ихъ гналъ голодъ. Побудителемъ къ переселенію явился землевладѣлецъ, прогонявшій фермера за неплатежъ ренты. Крестьянинъ строилъ самъ котэджъ, осушалъ болото и превращалъ его въ пашню; онъ платилъ свою чрезмѣрно-высокую ренту (rack-rent) и, тѣмъ не менѣе, лѣтъ тридцать тому назадъ помѣщикъ могъ прогнать фермера каждую минуту. Если Ирландія въ то время не совершенно опустѣла, то только благодаря существованію тайныхъ обществъ, боровшихся насиліемъ противъ насилія. Въ послѣдніе годы старые аграрные законы сильно измѣнены; но не настолько, чтобы утолить «земельный голодъ» ирландскихъ крестьянъ» *).

*) *Stephen Gwynn*. To-Day and To-Morrow in Ireland. Dublin, 1903 p. XIII—XIV.

**) *H. N. Brailsford*, Some Irish Problems, 1903, p. 24.

годы:	число преступленій:
1844	6327
1845	8088
1846	12374
1847	20986
1848	14080
1849	14908
1850	10639
1851	9144 *)

Вотъ причины, породившія первый ирландскій земельный билль 1870 г., который имѣлъ цѣлью предупредить только массовыя изгнанія фермеровъ; но онъ остался мертвой буквой. «Земельный законъ 1870 г. нисколько не сократилъ чрезмѣрно высокой ренты, — говоритъ историкъ. — Эта рента взималась такъ же безжалостно, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ, напр., въ Ольстерѣ, даже болѣе безжалостно, чѣмъ прежде. Противъ изгнанія законъ предлагалъ только одну мѣру: землевладѣлецъ долженъ былъ заплатить фермеру за причиненную тревогу. Предполагалось, что эта сумма въ извѣстной степени вознаградитъ фермера за потери. Но въ странѣ, гдѣ всѣ средства къ жизни доставляетъ земля, единственнымъ вознагражденіемъ можетъ быть только такая сумма, которая обезпечила бы изгнанному фермеру существованіе до конца жизни. Говорить въ Ирландіи о вознагражденіи за «тревогу», причиненную изгнанному фермеру, то же самое, что говорить о вознагражденіи потерпѣвшихъ крушеніе въ открытомъ морѣ за гибель плота, представлявшаго единственную надежду на спасеніе. Затѣмъ, вознагражденіе за убытки присуждали судьи, которые невольно тяготѣли къ землевладѣльцамъ. Судьи привыкли считать, что помѣщикъ имѣетъ право, когда захочетъ, прогнать фермера. Претензіи на вознагражденіе казались судьямъ чѣмъ-то неестественнымъ. Нужно припомнить, что земельная система въ Ирландіи создавалась вѣками. Вся она стремилась къ тому, чтобы сдѣлать лэндлорда всесильнымъ. Адвокаты и судьи были проникнуты идеями, созданными такимъ порядкомъ дѣлъ. Въ силу этого, судьи склонны были оцѣнивать убытки фермеровъ въ ничтожную сумму» **). Кромѣ этого, по закону 1870 г. вознагражденіе имѣлъ право требовать только тотъ фермеръ, котораго изгоняли, хотя онъ аккуратно платилъ ренту. Не смотря на законъ, изгнанія фермеровъ не только не уменьшились, но даже увеличились. Объ этомъ говорятъ слѣдующія цифры:

*) *T. P. O'Connor*, The Parnell Movement, p. 216.
**) *Ib.*, p. 165.

годы:	число преступленій:
1876	1269
1877	1323
1878	1749
1879	2667 *)

Въ 1879 г. начался въ Ирландіи голодъ вслѣдствіе неурожая картофеля. Попытки обратить вниманіе правительства на бѣдственное положеніе крестьянъ не привели ни къ чему. На запросъ въ парламентѣ, секретарь по ирландскимъ дѣламъ отвѣтилъ насмѣшкой. Онъ допускалъ, самое большее, что «въ Ирландіи существуетъ нѣкоторый застой; но положеніе земледѣлія тамъ далеко не въ такомъ плохомъ состояніи, какъ въ другихъ мѣстахъ Соединеннаго Королевства». «Англійскій министръ произнесъ фразу, которая имѣла самыя серьезныя послѣдствія, — говоритъ по этому поводу Селливэнъ, — своей рѣчью министръ подписалъ приговоръ лэндлордизму» **). Среди фермеровъ началось движеніе, имѣвшее конечной цѣлью освобожденіе отъ лэндлордизма. То были отдѣльныя организаціи въ различныхъ графствахъ. Слилъ ихъ въ цѣлое одинъ изъ наиболѣе выдающихся ирландскихъ дѣятелей последняго времени — Майкэль Дэвиттъ. Онъ родился въ 1846 г. въ графствѣ Мэйо. Отецъ его былъ фермеромъ. Мальчику было четыре года, когда лэндлордъ изгналъ отца его изъ фермы. Семья переѣхала въ Англію, гдѣ была доведена до необходимости просить милостыню. Сцена изгнанія глубоко врѣзалась въ памяти впечатлительнаго мальчика. Майкэль Дэвиттъ часто возвращается къ ней въ своихъ рѣчахъ. Возражая впослѣдствіи на грубую нападку въ печати (въ 1878 г.), подписанную именемъ архіепископа Макъ-Хэйла, — Майкэль Дэвиттъ говоритъ: «Около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ отца моего прогнали съ фермы, которую онъ снималъ въ приходѣ Стрэйдъ, въ графствѣ Мэйо. Прогнали отца потому, что онъ, вслѣдствіе неурожая, не могъ внести ренту. Послѣдствіемъ этого изгнанія является то, что отецъ мой похороненъ въ Америкѣ, а единственной поддержкой семьи остался я, калѣка (Майкэль Дэвиттъ въ дѣтствѣ былъ отданъ на фабрику, гдѣ потерялъ правую руку), да и то только съ тѣхъ поръ, какъ меня раньше срока выпустили изъ тюрьмы по ticket-of-leave ***)». Въ маѣ 1870 г. Майкэля Дэвитта, на основаніи показаній шпіона, арестовали въ Лондонѣ по обвиненію въ подготовленіи возстанія въ Ирландіи. Его присудили къ пятнадцати годамъ каторжныхъ работъ. Изъ этого срока Дэвиттъ отбылъ въ Дартморской каторжной

*) *R. Barry O'Brien*, The Life of Parnell. v. I, p. 181.

**) *Sullivan*, New Jreland, p. 438.

***) *D. B. Cashman*, Life of Michael Davitt, p. 96.

вилъ, что «Трэйлъ поступилъ противозаконно». Защита сослалась на то, что Трэйлъ—военный и, какъ таковой, не обязанъ знать законовъ. Между тѣмъ, посаженные въ тюрьму административнымъ порядкомъ отбыли уже свои сроки наказанія. Правительство не наказало Трэйла. Секретарь по ирландскимъ дѣламъ (Форстеръ) сказалъ, что «маіоръ уже достаточно наказанъ тѣмъ, что ему пришлось выступить отвѣтчикомъ въ трехъ дѣлахъ». Еще больше усердія проявилъ другой усмиритель, Клифордъ Ллойдъ. «Въ первый же день провозглашенія Coercion Bill, онъ въ Килмаллокѣ приказалъ, чтобы населеніе не смѣло ходить группами по улицамъ. Въ это время проходила процессія, съ музыкой впереди. Ллойдъ велѣлъ полицейскимъ разогнать ее, при чемъ многихъ ранили» *). Ллойдъ дальше приказалъ бить женщинъ, собравшихся на улицѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовали. Полиція обвинила ихъ въ томъ, что онѣ «глумились надъ закономъ». Женщинъ освободили, потому что въ Ирландіи, даже когда она находится подъ дѣйствіемъ Coercion Bill, все же остается хоть тѣнь законности. При Клифордѣ Ллойдѣ случаи изгнанія фермеровъ быстро возрасли: до него было 1732, при немъ—5262. Законъ объ усиленной охранѣ распространили и на Дублинъ, хотя тамъ не было ни одного аргарнаго преступленія. Примѣненіе закона было необходимо для контроля надъ газетами и дѣятелями лиги. Такимъ образомъ, арестовали Джона Диллона. Правительство долго колебалось, арестовать ли Парнелля, на котораго Сити указывало, какъ на главнаго врага Англіи. Наконецъ, Форстеръ сдѣлалъ и этотъ шагъ. «Въ Ирландіи арестъ Парнелля былъ оплаканъ, какъ народное бѣдствіе»,—говоритъ очевидецъ.—Не смотря на полицію, устроился рядъ митинговъ съ цѣлью протеста. Почти во всѣхъ городахъ въ тотъ день заперли лавки и окна, какъ будто оплакивали чью-то смерть. Вся Ирландія кипѣла негодованіемъ. И это чувство было тѣмъ болѣе сильно, что ему не было выхода: правительство воспретило всякаго рода собранія. Въ Ирландію вызвали войска. Всюду ходили патрули. Чтобы окончательно терроризировать населеніе, Дублинъ отдали на два дня въ полное распоряженіе полиціи. «И тамъ тогда произошли сцены жестокости и грубости, о которыхъ еще и теперь,—продолжаетъ авторъ,—невозможно вспомнить безъ негодованія. На главной улицѣ Дублина расположились полицейскіе патрули. Жестоко избили даже дѣтей, собравшихся посмотрѣть на констэблей» **). Жителю континента, даже французу, который создалъ спеціальныя выраженія «passer à tabac», «filer

*) Letter of Father Sheehy to Parnell, Hansard, v. CCXLI, p. 994.
**) *T. P. O'Connor*, p. 238.

la pipe» и «passer à la plume» для обозначенія грубости полиціи, это негодованіе О'Коннора будетъ не вполнѣ понятно. Нужно знать, что Англія, кажется, единственная страна, въ которой населеніе относится къ «бобби» (полисмэнамъ) не только безъ раздраженія и озлобленія, но даже любовно. Англійскій «бобби» безусловно лояленъ обществу, подъ контролемъ котораго всецѣло находится. У «бобби»—одна работа: охранять мирныхъ обывателей отъ воровъ и драчуновъ. И нужно отдать справедливость, дѣлаетъ это «бобби» великолѣпно. «Бобби» твердо помнитъ, что ему категорически запрещено вмѣшиваться въ «политику». Только въ Англіи можно наблюдать сцену, какую я видѣлъ въ Трафальгарскомъ скверѣ три года тому назадъ. Изъ Барцелоны прибыли изгнанные оттуда анархисты. Какъ извѣстно, испанское правительство смѣшало въ одну кучу соціалистовъ, радикаловъ, трэдъ-юніонистовъ и пришпилило къ нимъ пугающій общество ярлыкъ. Англійскіе друзья изгнанныхъ устроили митингъ въ сердцѣ Лондона. Выступилъ Томъ Мэнъ; хотя и не анархистъ, онъ говорилъ въ защиту барцелонцевъ. Такъ какъ тогда было время «мэфекинговъ», т. е. патріотическихъ сатурналій, то раздались крики: «про-буръ», «обличитель отечества», «въ воду его!» Томъ Мэнъ страстно заговорилъ противъ войны. Крики усилились. Бродяги и франты въ цилиндрахъ пошли брать платформу штурмомъ. Но безстрастные «бобби» сомкнулись внизу плечомъ къ плечу, чтобы дать возможность британскому гражданину свободно высказаться, что гарантировано ему конституціей. Въ первый разъ, вѣроятно, анархисты находились подъ подобной защитой. Не то мы видимъ въ Ирландіи. «Нигдѣ традиціи завоевателей такъ крѣпко не держатся, какъ въ рядахъ ирландской полиціи,—говоритъ современный авторъ.—Въ Англіи полиція—слуга общества и существуетъ для охраны его. Англійская полиція—не вооруженная гражданская армія. Она содержится на средства, доставляемыя плательщиками городскихъ налоговъ, и находится подъ исключительнымъ контролемъ муниципалитетовъ или земскихъ совѣтовъ. Въ Ирландіи, наоборотъ, жандармы (Constabulary)—военная сила, вооруженная скорострѣльными ружьями. Полиція здѣсь находится подъ контролемъ не городскихъ совѣтовъ, а секретаря по ирландскимъ дѣламъ. Жандармы (Constabulary) не слуги, а господа общества. Они являются агентами чуждаго правительства, которое считаетъ ихъ своею главною защитою» *). Такимъ образомъ, горечь негодованія О'Коннора происходитъ въ значительной степени отъ того, что онъ оцѣниваетъ

---

*) *H. N. Brailsford*, Some Irish Problems, p. 8.

дѣятельность усмирителей, какъ Клифордъ Ллойдъ, съ *англійской* точки зрѣнія.

Арестъ Парнелля вызвалъ всеобщее горе въ Ирландіи; совсѣмъ противоположное впечатлѣніе онъ произвелъ въ Лондонѣ, въ тѣхъ кругахъ общества, которые были всецѣло на сторонѣ лэндлордовъ. «Арестъ Парнелля пробудилъ ликованія въ Сити,— говоритъ другой современникъ.—Восторгъ былъ до такой степени великъ, что можно было подумать, что Англія одержала блестящую побѣду. Врядъ ли биржа ликовала бы сильнѣе, если бы получилось извѣстіе о томъ, что непріятельскій флотъ разбитъ въ устьяхъ Темзы» *).

Вслѣдъ за Парнеллемъ въ Килмэнгэмскую тюрьму привезли другихъ вождей лиги и ирландскаго движенія. Изданъ былъ также приказъ объ арестѣ не разысканныхъ вождей: Хили, Артура О'Коннора, Биггара, прославившагося умѣніемъ вести обструкцію въ праламентѣ. Съ менѣе видными дѣятелями уже совсѣмъ перестали церемониться. Это видно, напр., по тому, какъ обращались съ женщинами, принимавшими участіе въ движеніи. Онѣ образовали «женскую земельную лигу» (Ladies Land League). Главная задача ея состояла въ прінсканіи убѣжища для изгнанныхъ фермеровъ. Чтобы разгромить женскую лигу, выискали старинный законъ времени Эдуарда III (XIV вѣка), направленный противъ бродягъ и проститутокъ. Въ силу этого закона произвели массовые аресты. На основаніи его, Форстеръ отправилъ въ тюрьму миссъ Макъ Кормакъ на шесть мѣсяцевъ, миссъ Кэркъ—на три мѣсяца, миссъ Рэйнольдсъ—на шесть мѣсяцевъ и пр. **). Противъ дѣтей и подростковъ полиція начала такой же походъ, какъ и противъ женщинъ. Одного мальчика доставили къ магистрату за насвистываніе революціонной пѣсенки,—ужасается историкъ, прилагающій къ событіямъ англійскую, а не континентальную мѣрку. Другого мальчика констэбль обвинилъ, кромѣ того, въ произнесеніи ругательствъ противъ правительства. Какъ выяснилось, «ругательство» заключалось въ томъ, что мальчикъ пѣлъ пѣсенку «Harvey Duff», въ которой осмѣивается англійское правительство. Историкъ, еще разъ повторяю, отмѣчаетъ эти факты, которые должны ужаснуть *англичанъ*, потому что они не только могутъ «насмѣшливо отзываться о правительствѣ», но у нихъ нѣтъ даже закона lèse-majesté. Въ апрѣлѣ 1882 г. «въ Ватерфордѣ полисмэнъ набросился на женщину, читавшую революціонную газету *United Ireland*, бросилъ даму на полъ, наступилъ на грудь и обыскалъ. Въ Кэппанорѣ, въ графствѣ Ли-

---

*) *Barry O'Brien*, v. I, p. 317.
**) *T. P. O'Connor*. p. 241.

мерикъ, жандармъ ранилъ штыкомъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, распѣвавшую «Harvey Duff».

— Правда-ли,—спросили въ парламентѣ Хили,—что десятилѣтній Даніэль О'Селливэнъ, котораго въ слезахъ привели къ магистрату, привлеченъ судьей къ отвѣтственности на основаніи закона, изданнаго противъ ночныхъ грабителей (Witeboy Act)? Правда ли, что преступленіе состояло въ томъ, что Даніэль О'Селливэнъ, днемъ, съ факеломъ въ рукахъ, вопреки закону и нарушая порядокъ, установленный державной волей нашей королевы,—велъ толпу другихъ мальчиковъ? Правда ли, что въ дѣйствительности дѣти возвращались съ работы: они копали огородъ для больной женщины?

Форстеръ остался недоволенъ «легкомысленностью тона» оратора. Мальчикъ О'Селивэнъ,—по словамъ министра,—шелъ во главѣ демонстрантовъ въ возрастѣ отъ 12—17 лѣтъ. Самому Даніэлю не девять, а одинадцать лѣтъ *). На ряду съ такими преслѣдованіями увеличилось число изгнаній изъ фермъ. Сторонники правительства доказывали, что нужно проявить «сильную руку», и все аграрное движеніе исчезнетъ, какъ дымъ. Въ первые три мѣсяца 1881 г. изгнано 1732 фермера, во вторую четверть года—5562 фермера, въ третью четверть—6496, а въ послѣднюю четверть 3851. За годъ болѣе 17 тысячъ человѣкъ потеряли право на снимаемые ими участки. Всѣ пути, при помощи которыхъ англичанинъ можетъ выразить законнымъ путемъ свой протестъ и свое недовольство, были закрыты. Основываясь на законѣ объ усиленной охранѣ (Coercion Bill), правительство отмѣнило свободу сходокъ, слова. Замирило ли насиліе край? Принесъ ли полицейскій терроръ ожидаемые результаты? Послѣдствія были совсѣмъ не тѣ, которыя предсказывали поклонники «сильной руки». Вмѣсто открытой организаціи, возникли всюду тайныя сообщества. Земельная лига удерживала феніевъ. Теперь бѣлый терроръ создалъ красный терроръ. Поджоги, калѣченье скота и аграрныя убійства увеличились въ поразительной прогрессіи. Въ 1880 г. было восемь убійствъ и двадцать пять случаевъ стрѣлянія изъ-за угла или изъ-за куста. Въ 1881 г. было 17 политическихъ убійствъ и шестьдесятъ шесть случаевъ стрѣлянія изъ-за куста. При помощи «закона объ усиленной охранѣ совершенно не удалось возстановить порядокъ въ Ирландіи,—сказалъ въ парламентѣ въ мартѣ 1882 г. Горстъ.— Судебная статистика показываетъ, что теперь число преступленій удвоилось въ Ирландіи. Правительство должно придумать что нибудь другое,, помимо устрашенія» **). Вотъ нѣкоторыя цифры, приве-

*) *Hansard*, v. CCLVIII, p. 888. См. также «The Parnell Movement, О'Коннора», p. 243.

**) *Hansard*, v. CCLVIII. p. 210.

пятьдесятъ лѣтъ населеніе Ирландіи уменьшилось на половину. За тотъ же періодъ число ирландскихъ жандармовъ (Irish Constabulary) удвоилось. Въ Ирландіи теперь, приблизительно, столько населенія, сколько въ Шотландіи (четыре съ лишнимъ милл.). Между тѣмъ, въ Шотландіи порядокъ поддерживаютъ 4900 полицейскихъ, тогда какъ въ Ирландіи—12320 вооруженныхъ жандармовъ. Въ Шотландіи содержаніе полиціи обходится въ 400,000 ф. ст., въ Ирландіи—1.300,000 ф. ст. Поддержаніе порядка обходится англичанину въ 2 ш. 2 пен., шотландцу—въ 2 ш. 4 п., а ирландцу—въ 7 ш. Между тѣмъ, уголовныхъ преступленіи въ Ирландіи меньше, чѣмъ въ Англіи или въ Шотландіи. Въ 1900 г. въ Шотландіи осуждено было за уголовныя преступленія 1840 чел., а въ Ирландіи 1087. Но ирландская полиція существуетъ не для того, чтобы охранять населеніе отъ преступниковъ,—говоритъ одинъ изъ современныхъ наблюдателей. «Задачи ея чисто политическія. Обязанность полицейскихъ—слѣдить за народными вождями, слѣдовать по пятамъ членовъ парламента и мѣстныхъ политическихъ дѣятелей. Куда пойдутъ послѣдніе, за ними, навѣрное, крадется уже тѣнь шпіона. Если въ деревнѣ соберется нѣсколько человѣкъ, къ нимъ непремѣнно присоединится шпіонъ и провокаторъ. Онъ записываетъ рѣчи и, если возможно, пытается подбить крестьянъ на аграрное преступленіе. Когда какой-нибудь безжалостный лэндлордъ посылаетъ своего агента, чтобы выгнать какую-нибудь вдову-крестьянку изъ занимаемой ею мурьи на болотѣ, — полицейскіе, съ примкнутыми штыками, охраняютъ агента. Вся громадная полицейская армія, въ дѣйствительности, представляетъ собою не что иное, какъ машину для взысканія ренты и недоимокъ. Кромѣ полиціи, въ распоряженіи правящаго класса имѣются еще и солдаты. Въ Шотландіи квартируетъ 3982 человѣка, въ Ирландіи—23687 чел.» *).

Я сказалъ, что циклъ ирландскихъ аграрныхъ движеній повторялся съ необыкновенной правильностью, т. е. за народнымъ движеніемъ слѣдовала попытка со стороны правительства подавать недовольство силой, бѣлый терроръ вызывалъ красный; затѣмъ дѣлалась полууступка. Такимъ образомъ, явился рядъ поправокъ и расширеній законодательства 1881 г. Земельные билли прошли въ 1887 г. (послѣ Plan of Campaign), въ 1891 г. (Irish Land Purchase Bill) и въ 1896 г. Съ 1891 г. въ аграрныхъ ирландскихъ законахъ наблюдается новая черта. Правительство убѣждается въ необходимости радикальной мѣры: выкупа земли. По закону 1896 г. устроенъ былъ родъ крестьянскихъ банковъ, которые покупали у

*) «Essays on Irish Subjects», Dublin, 1903 г. p. 197—198.

лэндлордовъ цѣлыя вотчины, *улучшали ихъ* и потомъ перепродавали фермерамъ. Арендная плата шла на погашеніе стоимости земли. При этомъ, выкупные платежи были *меньше* той аренды, которую прежде вносили фермеры. Такъ, напр., банкъ, пріобрѣлъ громадную вотчину лорда Диллона и продалъ ее крестьянамъ. Вмѣсто одного фунта ренты съ акра, какъ прежде, крестьяне платятъ теперь банку 13 мил., и, на придачу, черезъ извѣстное количество лѣтъ, земля станетъ собственностью фермеровъ. Государство отпустило въ 1896 г. на выкупъ земли 33 милліона ф. ст. Въ общемъ, 62 тысячи крестьянъ сдѣлались собственниками. Они аккуратно вносятъ казнѣ выкупные платежи. Почему же остальные 400,000 ирландскихъ крестьянъ не воспользовались закономъ 1896 г.? Потому, что многіе лэндлорды отказались продать свои помѣстья. Типичный примѣръ мы увидимъ дальше, а теперь приведу нѣсколько цифръ. Я сказалъ, что по закону 1881 г. фермеры могли требовать отъ суда разъ въ 15 лѣтъ «справедливую» ренту. Съ тѣхъ поръ рента была уменьшена дважды. Подробности видны изъ слѣдующей таблицы *).

	Число хозяйствъ.	Размѣры въ акрахъ.	Прежняя рента.	Рента, уменьшенная судомъ.	На сколько % уменьшена рента.
Первое требованіе объ уменьшеніи ренты	328.720	9.859,970	6.725,049	5.325,740	20,8%
Второе требованіе . . .	52,396	1.432,615	858,980	666,108	22,4%.

Такимъ образомъ, рента была уменьшена дважды. Въ сравненіи съ условіями 1881 г., фермеры платятъ теперь меньше на 20,8—43,2%. Слѣдующая таблица показываетъ, въ какой степени воспользовались фермеры въ различныхъ провинціяхъ Ирландіи законами о пріобрѣтеніи земли черезъ посредство крестьянскаго банка (Congested Districts Board): **).

Провинціи.	По законамъ 1885—1900 гг.				По законамъ 1891—1900 гг.				Общій итогъ	
	Просили ссуду.		Выдана ссуда.		Просили ссуду.		Выдана ссуда.		ссудъ.	
	число фермер.	размѣры ссудъ.	число фермер.	размѣры ссудъ.	число фермер.	размѣры ссудъ.	число фермер.	размѣры ссудъ.	число фермер.	размѣры ссудъ.
Лейнстеръ.	5,062	2.758,639	4,222	2.358,183	6,084	2.599,400	4,117	1.793,327	8,339	4.151,510
Мюнстеръ .	5,893	8.637,301	5,204	3.222,056	5,940	2.664,859	4,195	1.826,430	9,399	5.048,468
Ольстеръ .	14,528	4.171,513	12,954	3.749,421	12,426	2.758,336	8,406	1.955,886	21.360	5.705,307
Коннаутъ .	3,426	799,342	2,988	662,980	5,053	962,429	2,509	508,574	5,497	1.171,554
	28,909	11.365,795	25,368	9.992,640	29,503	8.985,024	19.227	6.084,217	44,595	16,076,857

*) The New Volumes of the Encyclopaedia Britannica, v. XXIX, 1902 p. 554
**) Ibidem.

Эта таблица показываетъ, что изъ 33 мил. ф. ст., отпущенныхъ въ 1896 г. на выкупъ земли, израсходовано меньше половины. Объясняется это не тѣмъ, что крестьянскій банкъ (Congested Districts Board) неохотно выдаетъ ссуды, а тѣмъ, что нѣтъ лэндлордовъ, согласныхъ продавать землю. Поэтому понятно, почему «Ирландская лига», о возникновеніи и дѣятельности которой я писалъ уже года два тому назадъ,—первымъ пунктомъ выставила *принудительный* выкупъ земли. «Лэндлорды, продавшіе вотчины,— говоритъ Брэйсфордъ, — абсентеисты, поспѣвшіе развязаться съ землей, чтобы помѣстить свои капиталы въ другихъ источникахъ дохода. Помѣщики, жившіе рентой, не стали продавать вотчины, хотя положеніе ихъ не завидно. Судъ уменьшалъ арендную плату подчасъ на 43%. Впереди—новыя пониженія ренты. Судебные процессы поглощаютъ доходы помѣщика, а безпрерывныя аграрныя волненія грозятъ самому источнику доходовъ». Не нормально также и положеніе фермеровъ. Законъ 1896 г. создалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, небольшой классъ привилегированныхъ фермеровъ (62 тысячи). Поясненіемъ является положеніе фермеровъ на двухъ смежныхъ вотчинахъ: лорда Диллона и лорда Дефрейна (въ графствѣ Мэйо). На землѣ лорда Диллона жило 4000 крестьянъ. Помѣщику надоѣли вѣчные споры, и онъ продалъ свою землю крестьянскому банку, который поправилъ усадьбы, провелъ новый дренажъ, а затѣмъ отдалъ вотчину фермерамъ. Они платятъ уменьшенную противъ прежняго на 33% ренту, при чемъ, черезъ 49 лѣтъ, земля станетъ ихъ собственностью. Банкъ провелъ новыя дороги, выстроилъ, вмѣсто прежнихъ избъ, чистенькіе котэджи, превратилъ въ пашни луга, далъ ссуду на покупку скота. Благосостояніе вотчины сразу поднялось. Рядомъ съ этой землей находится вотчина Дефрейна, который отказался уступить ее банку. Фермеры не могутъ понять, почему сосѣди платятъ 13 ш. 4 п. и будутъ имѣть свою землю, тогда какъ они платятъ Дефрейну 1 ф.? Черезъ дорогу фермеры живутъ въ новыхъ, чистенькихъ домикахъ, тогда какъ на землѣ Дефрейна избы сбитыя изъ высохшихъ земляныхъ кирпичей. Все это повело къ сильнымъ волненіямъ на землѣ Дефрейна. Предъ нами только единичный примѣръ. Подобныхъ ему много въ Ирландіи. Вотъ почему лозунгомъ крестьянскаго населенія здѣсь сдѣлался принудительный выкупъ земли. «Ирландская лига» находила сторонниковъ не только тамъ, гдѣ зарождались постоянно націоналистическія движенія, но и въ провинціи, заселенной фермерами-протестантами, потомками завоевателей края. И въ этотъ разъ, подъ вліяніемъ крупныхъ лэндлордовъ, изъ которыхъ главные — члены кабинета, министерство думало сперва подавить движеніе

терроромъ; но прежнія реформы дали возможность фермерамъ дѣйствовать на чисто-законной почвѣ. Въ Ирландіи не было ни тайныхъ сообществъ, ни аграрныхъ преступленій, которыя дали бы предлогъ ввести законъ 1877 г. объ усиленной охранѣ (Irish Crimes Bill). Тогда выступили агенты подстрекатели. Они взялись подготовить «смуту». О дѣятельности одного изъ нихъ— Шерридана—много говорилось въ парламентѣ въ прошломъ году. Шерриданъ раскрылъ цѣлый рядъ аграрныхъ преступленій. Онъ обвинилъ шестидесятилѣтняго бродягу Райана въ томъ, что тотъ приклеилъ угрожающую прокламацію къ воротамъ фермера, снявшаго землю, съ которой прогнали прежняго владѣльца. Шерриданъ раскрылъ, что нѣкто Брэй поджегъ изъ мести скирдъ у фермера. Брэя отправили въ каторжныя работы, гдѣ онъ умеръ. Въ округѣ было нѣсколько случаевъ искалѣченья скота помѣщиковъ. Шерриданъ раскрылъ, что хвосты коровамъ отрѣзывалъ нѣкто Макъ-Гуэнъ, котораго присудили къ каторжнымъ работамъ на два года. Тотъ же неутомимый Шерриданъ нашелъ фермера Мерфи, который, по словамъ полицейскаго, убилъ корову помѣщика. Процессъ Макъ-Гуэна интересенъ. Такъ какъ калѣченье скота помѣщиковъ въ Ирландіи — политическое преступленіе, то присяжныхъ католиковъ отвели. Адвокатъ, видя составъ присяжныхъ, посовѣтовалъ подсудимому признать себя виновнымъ, чтобы получить снисхожденіе. Такъ Макъ-Гуэнъ и сдѣлалъ. Впослѣдствіи выяснилось, что всѣ осужденные — невиновны. Райанъ — полуслѣпой идіотъ. Скирдъ сѣна, за поджогъ котораго осудили Брэйя, подпалилъ Шерриданъ. Онъ же самъ отрѣзалъ хвосты скоту и убилъ корову, за которыхъ осудили Мэкъ-Гуэна и Мерфи. Шерриданъ получилъ возможность скрыться въ Америку. Правительство не рѣшилось требовать его выдачи. Осенью 1902 г. Вильямъ О'Брайенъ указалъ въ парламентѣ на дѣятельность другого провокатора Селливана, который послалъ одному молодому фермеру деньги и письмо, будто бы, отъ имени «Ирландской лиги», подговаривая совершить политическое убійство. Законъ объ усиленной охранѣ всетаки ввели, не смотря на отсутствіе аграрныхъ преступленій. «Coercion Act» ввели прежде всего въ графствахъ Мэйо и Роскоммонъ. Населенія здѣсь столько же, сколько въ Кумбэрлэндѣ или въ Монмоутширѣ. Въ 1901 г. въ Мэйо и Роскоммонѣ осуждено всего 123 человѣка, а въ Кумбэрлэндѣ — 283. Что же касается Монмоутшира, то осужденій тамъ было 580. Такимъ образомъ, число преступленій оправдывало бы примѣненіе закона объ усиленной охранѣ не въ ирландскихъ, а въ англійскихъ графствахъ. Въ апрѣлѣ 1902 г. «Crimes Act» ввели еще въ девяти ирландскихъ графствахъ. Когда же парламентъ закрылся, и правитель-

вносятъ теперь. Мы видѣли уже, что земельные суды съ 1881 г дважды уменьшали арендную плату. Теперь послѣдняя опять умень шается (на 10—30%, если рента сбавлена дважды и на 20—40% если рента разъ сокращена), фиксируется и составляетъ размѣръ выкупного платежа. Такимъ образомъ, если фермеръ платитъ те перь 100 ф. ст. аренды, ежегодный выкупной платежъ будетъ отъ 90 до 70 ф. ст. Стоимость фермы исчисляется такъ, что арендная плата принимается за $3^{1}/_{2}$%. Выкупъ будетъ законченъ совер шенно въ $68^{1}/_{2}$ лѣтъ.

Въ биллѣ крайне важна одна черта, являющаяся шагомъ къ національзаціи земли: $^{7}/_{8}$ денегъ, вносимыхъ фермерами государ ству, составляютъ *временный платежъ*. Черезъ $68^{1}/_{2}$ лѣтъ онъ прекратится, на $^{1}/_{8}$ будетъ продолжаться постоянно. Другими словами это значитъ, что фермеры на $^{7}/_{8}$ становятся собственниками земли Извѣстное право ($^{1}/_{8}$) остается за государствомъ. Эта мѣра, гово рятъ, между прочимъ, принята съ цѣлью предупредить переходъ земли въ руки деревенскихъ ростовщиковъ, какъ въ Индіи.

Въ сдѣлку входятъ не отдѣльные фермеры съ помѣщиками Государство черезъ посредство особыхъ посредниковъ (Estates Com missioners) покупаетъ цѣлыя вотчины, *улучшаетъ ихъ*, если ну жно, затѣмъ продаетъ уже фермерамъ. Крестьяне *общей группой* если захотятъ, могутъ сами сговариваться съ помѣщиками, но про ектъ договора долженъ поступить на утвержденіе посредниковъ Государство покупаетъ не только обработанную землю, но и луга которые снова превращаетъ въ пашни и продаетъ ихъ *изгнаннымъ* фермерамъ. Послѣднимъ на устройство хозяйства ассигнуется сумма не больше, чѣмъ въ 500 ф. ст. Впрочемъ, въ исключитель ныхъ случаяхъ—и 1000 ф. ст. Помѣщики, разставшіеся съ землей получаютъ, кромѣ стоимости ея, премію въ зависимости отъ оцѣнки ея. Если стоимость продаваемой земли 5000 ф. ст., то помѣщикъ въ видѣ преміи получаетъ 15% этой суммы, если 20 тысячъ ф ст., то 10%; если 40 тысячъ ф. ст., то—6%. Если же вотчина оцѣнена въ сумму выше 40 тысячъ ф. ст., то премія равняется 5%. Эта премія замѣнила въ биллѣ принципъ *принудительной* продажи. Деньги на выкупъ земли получаются путемъ государ ственнаго займа. Бумаги отвержденнаго государственнаго долга идутъ теперь на биржѣ въ 90 (до войны 114). Заключить заемъ теперь значило бы еще больше понизить государственную ренту Но такъ какъ весь выкупъ не можетъ быть произведенъ сразу, то въ первые три года, по разсчетамъ, понадобится не больше, чѣмъ по пяти милл. ф. ст. Помѣщикамъ оставляются ихъ усадьбы. Начало выкупа въ ноябрѣ этого года.

«Предъ нами двѣ альтернативы,—закончилъ министръ, внес-

шій билль въ парламентъ,—мы можемъ затянуть еще на 100—150 лѣтъ трагедію, продолжащуюся уже восемь вѣковъ; мы можемъ также, рѣшивъ аграрный вопросъ, сдѣлать Ирландію счастливой и спокойной». Сами ирландскіе коммонеры покуда не высказались по поводу билля, который будетъ разсматриваться лѣтомъ. Оцѣнку новаго закона сдѣлаетъ «ирландскій конвентъ», который соберется въ концѣ апрѣля. Другіе критики высказались по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ. Иныя замѣчанія очень интересны. Чѣмъ правительство гарантировано, что крестьяне будутъ аккуратно вносить платежи? На этотъ вопросъ докладчикъ билля въ парламентѣ отвѣтилъ, что гарантій нѣсколько: 1) министръ финансовъ всегда можетъ урегулировать ссуды, выдаваемыя каждому графству такъ, чтобы онѣ не превышали поступающихъ платежей. Если крестьяне не будутъ аккуратно вносить платежи, министръ финансовъ уменьшитъ ссуды другимъ крестьянамъ, которые земли еще не купили. 2) Гарантіей въ полную сумму является купленная земля. 3) Есть еще одинъ факторъ, значеніе котораго не слѣдуетъ уменьшать: гарантія моральная. Фермеры до сихъ поръ оказываютъ нравственное давленіе на своихъ товарищей, заставляя ихъ быть аккуратными. Среди многихъ тысячъ фермеровъ, пріобрѣвшихъ землю по закону 1896 г., нѣтъ ни одного недоимщика. Экономистъ де-Уокеръ, авторъ извѣстной и въ Россіи книги *Австралійскія Демократіи*, разсматривая доводы докладчика, говоритъ, что они солидны лишь на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ онъ,—«я не могу вѣрить, чтобы правительство, отвѣтственное за сохраненіе порядка и спокойствія въ Ирландіи, имѣло бы безуміе отказать въ ссудѣ потому, что есть недоимщики. То же самое можно сказать и о гарантіи, представляемой землей. Нѣтъ сомнѣнія, правительство не станетъ выгонять фермеровъ, чтобы отдать ихъ землю другимъ. Что касается моральной гарантіи, то это факторъ дѣйствительно серьезный; но крестьяне будутъ считаться съ нимъ только тогда, когда платежи придется вносить правительству, избранному самимъ населеніемъ. Англійскихъ чиновниковъ ирландскіе фермеры считаютъ постороннимъ и враждебнымъ элементомъ. Такимъ образомъ, выкупъ земли логически поведетъ за собою другую реформу: назначеніе ирландской центральной власти, облеченной отвѣтственностью за внутренній порядокъ въ странѣ и получающей свои полномочія отъ самаго ирланскаго народа» *). Другими словами, для успѣшнаго выполненія аграрной реформы въ Ирландіи понадобится мѣстное политическое самоуправленіе, т. е. гомруль. Выводъ этотъ до такой степени очевиденъ, что въ послѣднее время вся

---

*) *The Speaker*, April, 4, 1903, p. 17.

пресса говорила, что министерство намѣрено распустить осенью парламентъ и обратиться къ избирателямъ за полномочіями на проведеніе широкой реформы въ Ирландіи. Толки эти теперь опровергнуты оффиціально: но въ свое время торійское министерство опровергало, что оно намѣрено ввести земскую и муниципальную реформу въ Ирландіи (Законъ этотъ прошелъ въ 1898 г.).

Во всякомъ случаѣ «ирландскій ледоходъ» свидѣтельствуетъ о слѣдующемъ. Никакія реакціонныя силы не въ состояніи задержать реформы, разъ необходимость ея создана историческими условіями. Никакія полумѣры не могутъ разрѣшить назрѣвшаго вопроса. Тормозящія силы, стремящіяся остановить покатившійся камень, могутъ прибавить букву *R* къ слову «Evolution».

XII.

Земля.

I.

1874 г., какъ извѣстно, явился поворотнымъ пунктомъ въ исторіи англійскаго земледѣлія. Блестящій періодъ расцвѣта быстро смѣнился эпохой упадка, которая продолжается до сихъ поръ. То было не случайное явленіе, а фатальное, носившее характеръ настоящей революціи. Одни изслѣдователи считаютъ 1875 (въ особенности же 1877) годъ началомъ смерти англійской земли. Другіе полагаютъ, что если и произойдетъ возрожденіе земледѣлія въ Соединенномъ Королевствѣ, то хозяйственныя формы будутъ отнюдь не крупно-капиталистическія. «Является наиболѣе вѣроятнымъ— очевидно, здѣсь можетъ идти рѣчь только о вѣроятности,—что, когда пробьетъ часъ возрожденія англійскаго земледѣлія, то возрожденіе это совершится именно въ формѣ возсозданія крестьянства. Съ того момента, когда Англія принуждена будетъ обратиться къ своей землѣ, какъ источнику средствъ существованія, теперешняя «тяга въ городъ» должна смѣниться противоположнымъ теченіемъ, тягой въ деревню». Цитируемый авторъ полагаетъ, что рѣшительнымъ факторомъ въ данномъ случаѣ можетъ явиться государство. «Если возрожденіе земледѣлія,—говоритъ онъ,—явится *государственной необходимостью*, то, вѣроятно, та же необходимость понудитъ государство принять болѣе рѣшительныя мѣры для созданія крестьянства, изъ орудія экспропріаціи оное братится въ орудіе возвращенія земли трудящимся классамъ» *). Другой

---

*) *Н. С. Бумаковъ.* Капитализмъ и земледѣліе, т. I, стр. 333—334.

авторъ, остроумная книга котораго произвела глубокое впечатлѣніе въ моментъ своего появленія,—тоже увѣренъ, что англійское земледѣліе можетъ возродиться; но для этого онъ полагаетъ необходимымъ наличность крутого поворота въ формахъ производства. «Попытка возрожденія стараго не приведетъ рѣшительно ни къ чему,—говоритъ онъ,—новыя условія требуютъ новыхъ формъ проявленія» *).

Ко всѣмъ этимъ взглядамъ я возращусь еще впослѣдствіи. Паденіе цѣнъ на хлѣбъ вызвало вопль въ рядахъ англійскихъ фермеровъ и землевладѣльцевъ. Въ 1879 г. парламентъ назначилъ большую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ герцога Ричмондскаго, для изслѣдованія причинъ упадка земледѣлія. Въ 1882 г. коммиссія издала свой отчетъ, въ которомъ констатируется «великое бѣдствіе, обрушившееся на земледѣльческіе классы». Отъ кризиса пострадали одинаково «и землевладѣльцы, и фермеры, и скотопромышленники». Кризисъ объясняется двумя причинами: неблагопріятными климатическими явленіями и иностранной конкурренціей. По поводу послѣдней члены коммиссіи говорятъ: «мы предвидѣли гибель, когда обсуждался вопросъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ налоговъ, но, увы! массы—за дешевый хлѣбъ!» Констатировать явленіе гораздо легче, чѣмъ найти средство бороться съ нимъ. Результатомъ работъ коммиссіи явился земельный билль 1883 г. (Agricultural Holdings Act), который былъ принятъ палатой и просуществовалъ до 1901 г., когда на смѣну явился новый законъ. Такъ какъ положеніе земледѣлія не улучшалось, а ухудшалось, то въ 1893 г. парламентъ назначилъ вторую большую коммиссію подъ предсѣдательствомъ Шау-Лефевра. Результаты опубликованы въ 1896 г. Коммиссія посовѣтовала поправки въ системѣ арендныхъ договоровъ, уменьшеніе стоимости провоза по желѣзнымъ дорогамъ, вознагражденіе за поврежденія, причиненныя дичью, воспрещеніе продажи ввозныхъ продуктовъ за отечественныя, преслѣдованіе фальсификаціи продуктовъ и пр. Правительство дало большую льготу землевладѣльцамъ (Agricultural Rates Act, 1896), но отъ пособія, или «взятки» помѣщикамъ, какъ выражается оппозиція, положеніе земледѣлія не улучшилось. Посмотримъ теперь, какъ выражается въ цифрахъ кризисъ, переживаемый англійскимъ земледѣліемъ. Я воспользуюсь данными 1902 г., собранными спеціально для послѣдняго, десятаго изданія «Encyclopaedia Britannica». Прежде всего, эти данныя констатируютъ, что площадь обрабатываемой земли въ Англіи сокращается съ каждымъ годомъ. Размѣры запашки опредѣляются слѣдующей таблицей:

**) Fields, Factories and Workshops, третье изданіе, 1901, р. 40.

однако, не заключаетъ вовсе верещаковъ, а только поля, пригодныя подъ выпасъ. Ихъ было:

Въ 1875 г.	30.110,555	акровъ.
» 1880 »	31.106,324	»
» 1885 »	32.354,277	»
» 1890 »	33.212,635	»
» 1895 »	33.892,256	»
» 1900 »	34.285,846	акровъ *).

Вся площадь Англіи, считая лѣса, скалы, болота и верещаки, исчисляется въ 56 мил. акровъ.

Я упомянулъ одну изъ главныхъ причинъ паденія англійскаго земледѣлія — иностранную конкурренцію. Перейдемъ къ другому важному фактору — бѣгству деревни въ городъ. Мы обратимся къ громадному, капитальному труду, вышедшему недѣли три тому назадъ. Не такъ давно, говоря о книгѣ Раунтри **) мнѣ пришлось отмѣтить характерную особенность англійскихъ изслѣдованій подобнаго рода. Авторы пользуются «перво-первоисточниками», если можно такъ выразиться. Это значитъ, что они сами собираютъ тотъ богатый статистическій матеріалъ, надъ которымъ оперируютъ. Такъ составилось многотомное изслѣдованіе лондонской жизни («Labour and Life of the People») Чарльза Бузса; по такому плану изслѣдовалъ Раунтри жизнь провинціальныхъ городовъ («Poverty, A Study of Town Life»). Этому же плану слѣдовалъ Райдеръ Хаггардъ, авторъ капитальнаго, двухтомнаго труда: «Rural England, Being an Account of Agricultural and Social Researches carried out in the years 1901 and 1902» ***). Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь три капитальныхъ изслѣдованія, которыя охватываютъ всесторонне современную англійскую жизнь. Къ концу XVIII и къ началу XIX вѣка,—говоритъ Райдеръ Хаггардъ,—мой великій предшественникъ Артуръ Юнгъ посвятилъ много томовъ тому же вопросу, что и я теперь, т. е. положенію земледѣлія въ Англіи. Замѣчательное изслѣдованіе Маршаля посвящено тому же предмету и обнимаетъ періодъ отъ 1787—1800 гг. («General Survey of the rural Economy of England»). Въ 1830 году обнародовалъ свой трудъ «Rural Rides» Уильямъ Коббетъ. Въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ появился трудъ сэра Джемса Кэйрда, подъ названіемъ «Англійское земледѣліе». Затѣмъ вышелъ отчетъ, составленный спе-

*) «The New Volumes of the Encyclopaedia Britannica», v. XXV, 1902, p. 182.

**) «Очерки современной Англіи», стр. 454—483.

***) Деревенская Англія. Отчетъ объ агрикультурныхъ и соціальныхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1901—1902 гг. Лондонъ. 1902 годъ, v.v.I—II.

ціальнымъ корреспондентомъ *Таймса*. Все это труды, имѣющіе громадное значеніе до настоящаго времени, но перемѣны, которыя произошли въ послѣднее время въ этой области такъ велики,—говоритъ авторъ,—что понадобилось настоятельно новое изслѣдованіе». Артуръ Юнгъ составилъ свои выводы на основаніи наблюденій, собранныхъ имъ въ двадцати шести земледѣльческихъ графствахъ. Райдеръ Хаггардъ изслѣдовалъ такое же число графствъ, но прибавилъ еще острова Джерзей и Гернзей. Авторъ долго подготовлялся къ своему труду. Подготовка его одинаково теоретическая и практическая. «Я снималъ и снимаю еще и теперь землю,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—работалъ на фермѣ въ Наталѣ». Кромѣ того, авторъ путешествовалъ и изслѣдовалъ на мѣстѣ положеніе земледѣлія въ Голландіи, Норвегіи, Франціи, въ Италіи, Сиріи, въ Египтѣ, Южной Африкѣ, Соединенныхъ Штатахъ, Мексикѣ и въ центральной Америкѣ. За два года онъ проѣхалъ 26 графствъ, опросилъ землевладѣльцевъ, фермеровъ, сельскохозяйственныхъ рабочихъ и пр. Получилась масса сырого матеріала, занимающаго въ печати болѣе 1300 страницъ большого формата. Я отказываюсь отъ мысли исчерпать въ одномъ письмѣ весь этотъ громадный матеріалъ, а намѣренъ только извлечь данныя для освѣщенія нѣкоторыхъ вопросовъ, которые, какъ мнѣ кажется, представляютъ громадный интересъ.

II.

«Нѣкоторыя мѣстности въ Англіи опустѣли теперь, какъ южно-африканская степь. Большія дороги тамъ безлюдны, проселочныя—поросли травой,—говоритъ Райдеръ Хаггардъ.—На сельскаго рабочаго смотрятъ сверху внизъ, въ особенности же молодыя женщины его собственнаго класса. Въ концѣ концовъ, онъ самъ привыкаетъ смотрѣть на себя, какъ на существо низшее. Сельскій работникъ находится на самой нижней ступени общественной лѣстницы. Чувствуя это и не имѣя никакихъ надеждъ на будущее, онъ предпочитаетъ бѣжать изъ деревни, если только есть какая-нибудь возможность». «Изучая вопросъ объ опустѣніи деревенскихъ округовъ Англіи, мы наталкиваемся на поразительныя цифры,—продолжаетъ изслѣдователь въ другомъ мѣстѣ.—Въ 1851 г. въ Англіи и Уэльсѣ было 1.253,800 сельскихъ работниковъ. Въ 1891 г.—только 780,700. Покуда еще неизвѣстны результаты переписи 1901 г.; но не подлежитъ сомнѣнію, что число сельскихъ работниковъ еще уменьшилось за десять лѣтъ. Но возьмемъ данныя 1891 г. Отъ 1851—1891 г. населеніе Англіи и Уэльса увеличи-

городъ». Другой землевладѣлецъ, опрошенный авторомъ, «сдѣлалъ все возможное, чтобы удержать населеніе деревни отъ эмиграціи». Онъ пробовалъ устраивать агрономическіе классы, давалъ призы за хорошую работу и пр. «Молодежь отказывалась посѣщать школу; получивъ призъ, она употребляла его на то, чтобы добраться до города». Заработная плата въ этомъ мѣстѣ Девоншира равняется 16 шил. въ недѣлю, кромѣ котэджа и права пользоваться снятымъ молокомъ. Въ общемъ это составляетъ около 20 шил. въ недѣлю. «Теперь приходится платить 17 ш. въ недѣлю такимъ старикамъ, которые въ молодости, во время расцвѣта силъ, довольствовались 12 шил. въ недѣлю. Молодежь бѣжитъ въ города, хотя тамъ человѣкъ въ 40 лѣтъ считается уже старикомъ.»

«У фермеровъ много хлопотъ съ работниками,—показываетъ другой свидѣтель въ противоположномъ концѣ того же графства...— Молодежь считаетъ деревенскую работу «грязной». За послѣдніе два года рабочій вопросъ особенно обострился. Даже семнадцатилѣтніе парни,—жалуется помѣщикъ,—подняли голову. Работникъ стоитъ теперь на 30% больше, чѣмъ прежде, хотя достоинство его упало на 30%». Помѣщикъ Хэссей, въ томъ же Девонширѣ, полагаетъ, что все дѣло не въ заработной платѣ, а въ *образованіи*. Молодые люди желаютъ теперь работать не столько руками, сколько головой. Свидѣтель считаетъ пѣсню крупнаго землевладѣнія въ Англіи спѣтой; но полагаетъ, что возрожденіе мелкаго хозяйства вполнѣ возможно.

Землевладѣлецъ Ротъ выдаетъ «ходжу» такую аттестацію: «Молодежь—безстыдна, лѣнива, неспокойна. Она бѣжитъ въ городъ, поступаетъ во флотъ, эмигрируетъ въ Канаду, словомъ, идетъ всюду», но только не въ наймы къ помѣщику. «Во многомъ виновато образованіе. Въ школахъ мальчики учатъ различныя глупости, послѣ которыхъ имъ не сидится на мѣстѣ» *).

Сквайры теперь только могутъ изливать свои жалобы Даже наиболѣе заскорузлые изъ нихъ вполнѣ убѣдились, что «die Lust ist gross, allein die Kraft ist schwach»; что въ вольномъ русскомъ переводѣ означаетъ: «руки коротки!»

«Молодые люди бѣгутъ въ городъ,—жалуется другой землевладѣлецъ.—Во всемъ этомъ въ значительной степени виновато образованіе, получаемое ими. Въ деревнѣ они не находятъ примѣненія его... Если уже школы нужны, то слѣдуетъ устранить хоть всѣхъ нынѣшнихъ учителей и замѣнить ихъ другими, болѣе толковыми» **). Варіаціи на ту же тему мы слышимъ въ Кэмбриджширѣ. «Земле-

*) Rural England, v. I p. p. 185, 188, 189, 197, 199, 202.
**) Ib., p. p. 20.., 209—2 0.

дѣліе погибаетъ,— показываетъ крупный землевладѣлецъ Аликсъ.— Надеждъ нѣтъ никакихъ. Если такъ дѣло будетъ продолжаться, то нивы въ Кэмбриджширѣ придется забросить и превратить ихъ въ лужайки для спорта богатыхъ людей. Тогда хоть явится возможность извлечь что-нибудь изъ земли. Все остальное пространство земли придется превратить въ верещаки, опять же для богатыхъ людей... Деревни пустѣютъ. Населеніе бѣжитъ въ городъ. Мы не смѣемъ сколько-нибудь «очеловѣчить ходжа», потому что, какъ только онъ начинаетъ думать, то немедленно покидаетъ деревню».

Чего ищетъ молодежь въ городахъ? «*Стремленіе къ независимости* усилилось въ деревняхъ — показываетъ одинъ свидѣтель, землевладѣлецъ.—И это такъ естественно въ наше время прогресса! Неизвѣстное представляетъ такъ много заманчиваго въ себѣ». «Деревни являются теперь только питомниками для городовъ,—показываетъ другой свидѣтель.—Даже потерпѣвъ неудачу въ городѣ, «ходжъ» не возвращается въ деревню». Почти то же самое заявляетъ землевладѣлецъ Чипингъ въ другомъ графствѣ, въ Оксфордширѣ. «Рабочія руки становятся не доступными, ихъ негдѣ достать. Заводы и фабрики высасываютъ всѣ рабочіе соки изъ деревни... Съ каждымъ годомъ вопросъ становится все сложнѣе». Нигдѣ на фермахъ нельзя найти работниковъ моложе сорока лѣтъ. «Рабочій вопросъ въ деревнѣ затмилъ всѣ остальные, — показываетъ лэндлордъ Холлъ. — Молодыхъ работниковъ нельзя достать. Они всѣ ушли въ городъ, въ погонѣ за высокой заработной платой и за развлеченіями. Когда старики вымрутъ, тогда фермы придется бросить. И теперь технически обученныхъ сельскихъ работниковъ почти уже нѣтъ совершенно. Вопросъ объ опустѣніи деревни покуда неразрѣшимъ». Заработная плата сельскихъ работниковъ теперь, сравнительно, высока: средній работникъ получаетъ до 15 шиллинговъ въ недѣлю и даровой котэджъ. Пастухи имѣютъ отъ 16 до 18 и даже до 19 шиллинговъ. Въ 1900 г. заработная плата поднялась еще на 1 шиллингъ въ недѣлю; но это не удержало работниковъ въ деревнѣ. «Три четверти юношей и всѣ молодыя дѣвушки ушли изъ деревни, — показываетъ школьный учитель въ Грэтъ-Ролрайтѣ (Оксфордширъ).—Остались только дураки и слабоумные. Заработная плата въ округѣ равна 15 шил. въ недѣлю. Въ Чилтэрнъ Хилсъ, въ томъ же графствѣ, скоро не останется молодыхъ людей». По мнѣнію свидѣтеля, исходъ можно задержать хорошими котэджами и щедрой раздачей земельныхъ участковъ (allotments). Крупное земледѣліе погибло, но возможно еще мелкое. «Въ Ислипѣ, въ чисто земледѣльческой деревнѣ, было 600 жителей. Теперь всѣ, которымъ меньше 30 лѣтъ, ушли въ города. Главной приманкой является работа на желѣзныхъ дорогахъ близъ

Лондона или, точнѣе, болѣе высокая заработная плата тамъ. Ушли всѣ энергичные и предпріимчивые. Остались дураки, лѣнивые и безвольные».

Мы переходимъ въ графство Линкольнширъ. «Вотъ что получаютъ здѣсь работники, нанимаемые на годъ: тринадцать шиллинговъ въ недѣлю деньгами, котэджъ и огородъ, 13 стонъ («стонъ»—14 фунт.) копченаго сала въ годъ, 50 гарнцевъ картофеля, 60 вязанокъ хвороста и 10 шил. на пиво во время стрижки овецъ. Все это составляетъ, въ общемъ, 19 шил. въ недѣлю. Поденщики получаютъ 2 шил. 9 пен. въ день; но все это не удерживаетъ ихъ въ деревнѣ. Молодежь бѣжитъ въ городъ. Ее привлекаетъ не только болѣе высокая заработная плата, но и надежда на что-нибудь лучшее. Въ городѣ у человѣка есть шансы подняться», тогда какъ въ деревнѣ все поразительно ясно до самой смерти. Сегодня, черезъ недѣлю, черезъ годъ, черезъ тридцать лѣтъ—будетъ рѣшительно одно и то же. Эта опредѣленность приводитъ въ отчаяніе энергичныхъ молодыхъ людей и они безъ сожалѣнія покидаютъ «13 стонъ копченаго сала и пятьдесятъ гарнцевъ картофеля». Въ два года населеніе въ Блибрукѣ (Линкольнширъ) уменьшилось на 15%. «Всѣ остальныя деревни — въ такомъ же положеніи». «Изъ моихъ учениковъ,—показываетъ школьный учитель въ Блибрукѣ,—послѣ окончанія, остались только отпѣтые дураки. Всѣ бойкіе и способные ушли изъ деревни, чтобы больше никогда туда не возвращаться». «Рабочіе руки рѣдки,—показываетъ Эминсонъ въ Гонерби Хоузѣ (Линкольнширъ);—но самое важное—перемѣна въ физической внѣшности сельскихъ работниковъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ въ той мѣстности сельское населеніе отличалось рослостью и красотой. Теперь — всѣ оставшіеся калѣки или дураки. Мы видимъ только хромыхъ, кривыхъ, горбатыхъ, глухихъ, идіотовъ и пр. Однимъ словомъ, остались тѣ, которые въ городахъ не нужны. Эти отбросы городовъ вступаютъ въ бракъ. Такимъ образомъ,—деревню ждетъ еще полное вырожденіе».

III.

Я могъ бы набрать гораздо больше такихъ показаній, но думаю, что и ихъ достаточно. Итакъ, мы видимъ, что всѣ опрошенные показываютъ слѣдующее. Въ настоящее время наблюдается поголовное бѣгство «ходжа» изъ деревни въ городъ. Остаются только старики, слабоумные и калѣки. Молодежь бѣжитъ, хотя вопросъ о заработной платѣ не имѣетъ первенствующаго значенія: «ходжъ» въ деревнѣ получаетъ теперь, въ общемъ, до 18—20 шил. въ недѣлю (считая квартиру, картофель и пр.). Такъ

какъ въ деревнѣ покупательная способность денегъ нѣсколько выше, чѣмъ въ городѣ, то заработная плата въ обоихъ мѣстахъ почти равна. Гораздо большее значеніе въ «тягѣ изъ деревни въ городъ» имѣютъ другіе факторы, кромѣ стремленія получить нѣсколько лишнихъ шиллинговъ въ недѣлю: жажда независимости и стремленіе выйти изъ состоянія, въ которомъ все слишкомъ опредѣленно. Это значитъ слѣдующее. Получалъ ли «ходжъ» 9 шил. въ недѣлю, или 15, жилъ ли онъ въ развалившейся мурьѣ, или въ котэджѣ о трехъ комнатахъ,—онъ всегда оставался въ полной зависимости у «сквайра» и священника. Землевладѣлецъ не только предъявлялъ требованіе на мускульную силу «ходжа», но и на душу его. «Сквайръ» предписывалъ, какъ долженъ себя держать «ходжъ», чѣмъ онъ имѣетъ право развлекаться и какъ долженъ спасать свою душу. Если священникъ доносилъ, что два воскресенья не видалъ «ходжа» въ церкви, землевладѣлецъ приказывалъ работнику немедленно убираться на всѣ четыре стороны. Тогда «ходжей» въ деревнѣ было много и плодились они какъ кролики. У «ходжа» случилось несчастье: его дочь-дѣвушка забеременѣла. Объ этомъ священникъ донесъ «сквайру», и помѣщикъ, блюдя нравственность своихъ работниковъ, приказалъ отцу выгнать дочь, а когда тотъ не послушался, то его самого вышвырнули изъ котэджа. Жилъ ли работникъ въ плохомъ котэджѣ, или въ хорошемъ, самое главное заключалось въ томъ, что онъ никогда не зналъ, гдѣ будетъ ночевать черезъ день. Землевладѣлецъ бралъ себѣ все время «ходжа» и, кромѣ того, требовалъ отъ него особаго почтенія, такъ какъ, не шутя, считалъ себя его благодѣтелемъ. Только въ городѣ «ходжъ» начиналъ пользоваться тѣми громадными гражданскими правами, которыхъ добились англичане. Въ деревнѣ, кромѣ того, энергичныхъ молодыхъ людей приводила въ отчаяніе крайняя опредѣленность всего: никакихъ надеждъ въ будущемъ. Черезъ тридцать лѣтъ будетъ такая же чистка навоза, какъ сегодня, какъ десять лѣтъ тому назадъ. И съ проникновеніемъ культуры въ деревню, «ходжъ» сталъ задумываться все чаще и чаще.

Не нужно думать, что бѣгство обусловливается отвращеніемъ къ земледѣльческому труду и чарующимъ вліяніемъ труда фабричнаго. Наиболѣе энергичные и талантливые сельскіе работники добираются до Канады, становятся тамъ засельщиками новыхъ мѣстъ и образуютъ оплотъ страны. Когда явилась слабая возможность воспользоваться мелкими участками въ Англіи, «ходжъ»

---

*) Rural England v. II, p. p. 4, 27, 37, 103, 106, 108, 112, 114, 116, 117, 161, 234.

добивается клочка земли. Но самое важное — независимость, стремленіе отдѣлаться отъ патроната сквайра и священника. Мы увидимъ дальше, что Райдеръ Хаггардъ, считая пѣсню капиталистическаго земледѣлія въ Англіи спѣтой, — находитъ возможнымъ возникновенія класса «іоменовъ», т. е. крестьянъ собственниковъ. Въ этомъ отношеніи англійскій изслѣдователь пришелъ къ такимъ же выводамъ, какъ и С. Н. Булгаковъ. «Конечнымъ итогомъ развитія англійскаго земледѣлія въ XIX в., — говоритъ онъ въ своей интересной книгѣ, — является стремленіе и въ обществѣ, и въ законодательствѣ и литературѣ возстановить то, разрушеніемъ чего началась его исторія, — крестьянское хозяйство; въ этомъ заключается, косвеннымъ образомъ, осужденіе пройденнаго пути, приговоръ надъ капиталистической организаціей земледѣлія, съ которымъ согласуется и обвинительный вердиктъ исторіи» *).

Въ показаніяхъ, собранныхъ Райдеромъ Хаггардомъ, любопытна еще одна черта. Она показываетъ, какъ иногда рисковано выводить соціологическіе законы. Большинство землевладѣльцевъ, опрошенныхъ изслѣдователемъ, жалуются на гибель земледѣлія вслѣдствіе того, что «ходжъ» бѣжитъ и пересталъ плодиться. Мнѣ припоминается одно мѣсто изъ «Principle of Popoulation», гдѣ Мальтусъ, разбирая взглядъ стариннаго экономиста Джемса Стюарта, доказываетъ, что не увеличеніе плодовитости улучшаетъ земледѣліе, а наоборотъ **). Авторъ убѣждаетъ сельскихъ работниковъ въ томъ, что, только воздерживаясь отъ брака, они улучшатъ свое матеріальное положеніе и окажутъ громадную услугу государству, такъ какъ тогда, неизбѣжно, земледѣліе должно улучшиться.

«Если сельскій работникъ не можетъ содержать своихъ дѣтей, — говоритъ Мальтусъ, — они должны умереть, а если онъ тѣмъ не менѣе женится, не смотря на вѣроятность, что они умрутъ съ голода,—то онъ виноватъ во всѣхъ несчастьяхъ, которыя навлекаетъ на свою голову, на жену и на дѣтей. Въ прямыхъ его интересахъ не вступать въ бракъ до тѣхъ поръ, покуда трудолюбіемъ и экономіей не наберетъ достаточно денегъ, чтобы обезпечить семью. Это улучшитъ его положеніе» ***). Дѣла «ходжа» и теперь не настолько блестящи, чтобы онъ могъ «копить», а сто лѣтъ тому назадъ такой совѣтъ равнялся запрещенію вступать когда-либо въ бракъ.

*) «Капитализмъ и земледѣліе», т. стр. 338.
**) V. III, p. 44, изд. 1817 г
***) Ib. p. 105.

«Какъ бы сильны ни были побужденія страсти,—разсуждаетъ дальше Мальтусъ,—они, въ общемъ, подчиняются вліянію разума. Поэтому, въ предѣлахъ возможности убѣдить каждаго человѣка поступать согласно требованіямъ его же собственныхъ интересовъ. До сихъ поръ люди, имѣя дѣло съ бѣдняками, скрывали отъ нихъ истинную причину ихъ бѣдности. Когда заработная плата настолько низка, что едва хватаетъ на содержаніе двухъ дѣтей, — работникъ женится и приживаетъ ихъ пять или шесть. *Конечно*, онъ терпитъ тогда жестокую нужду. Онъ жалуется на скудость заработка, котораго не хватаетъ на прокормленіе семьи. Онъ обвиняетъ приходъ за то, что тотъ недостаточно быстро является къ нему на помощь. Онъ жалуется на жадность богачей, не уступающихъ ему того, безъ чего они могутъ легко обойтись, обличаетъ несправедливость общества, урѣзавшаго его долю. Быть можетъ, даже работникъ осуждаетъ Провидѣніе, опредѣлившее его мѣсто въ обществѣ... Обвиняя всѣхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, никогда не вспомнитъ объ истинномъ источникѣ всѣхъ бѣдствій и несчастій, меньше всего онъ думаетъ обвинять самого себя. А между тѣмъ онъ то самъ и является главной причиной несчастій. Быть можетъ, работникъ уже сознаетъ, что лучше было бы ему не жениться; но никогда ему не вспомнится, что, женившись, онъ сдѣлалъ преступленіе. Ему постоянно говорили, напротивъ, что народить подданныхъ для своего короля—похвальное дѣло. Работникъ такъ и сдѣлалъ и страдаетъ за это»... *) Точно такъ же краснорѣчиво, какъ теперь экономисты-крупные землевладѣльцы доказываютъ «ходжу», что онъ «обязанъ» плодиться и размножаться,—Мальтусъ выставляетъ ему на видъ, что плодиться сильно—не слѣдуетъ. «Возможность улучшить свое матеріальное положеніе находится въ рукахъ самого работника, а не кого либо другого, говоритъ Мальтусъ. — Общество и правительство въ этомъ отношеніи не могутъ сдѣлать рѣшительно ничего. Если даже они искренно желаютъ придти на помощь работнику, то они говорятъ безсознательно неправду, когда обѣщаютъ облегчить его участь. Когда заработная плата недостаточна для поддержанія семьи, то это неопровержимое доказательство, что странѣ не нужны лишніе подданные. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ, что государство не можетъ прокормить ихъ. Поэтому, если работникъ женится при наличности этихъ условій, то онъ не только не оказываетъ услугу обществу, но, наоборотъ, навлекаетъ на него и на себя великія бѣдствія». Дальше Мальтусъ доказываетъ, что уговаривать работниковъ жениться все равно, что толкать въ воду

*) Ib. p. 107—108.

людей, не умѣющихъ плавать. Въ обоихъ случаяхъ «мы искушаемъ Провидѣніе».

«Тѣ, которые дѣйствительно желаютъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ,—продолжаетъ Мальтусъ въ другомъ мѣстѣ,—должны поднять сравнительную пропорцію между цѣнами на трудъ и стоимостью предметовъ первой необходимости и, такимъ образомъ, дать работнику возможность пользоваться бо́льшимъ комфортомъ въ жизни. До сихъ поръ, съ этой цѣлью, благотворители стремились пораньше женить работника. Достигалось же то, что нарождалось много работниковъ и рынокъ заполнялся». Нужно попробовать нѣчто другое. «Когда было найдено, что кислородъ не только не излѣчиваетъ чахоточныхъ, какъ предполагалась, но даже отягчаетъ симптомы, сдѣланы были опыты съ газомъ противоположнаго характера. Съ такимъ же благоразуміемъ слѣдуетъ поступать при излѣченіи общественной болѣзни-чахотки. И когда дознано, что притокъ новаго запаса рабочихъ силъ только отягчаетъ симптомы, нужно пріостановить этотъ приростъ». Конечно, прежде всего, люди, имѣющіе цѣлью улучшить благосостояніе общества,—говоритъ Мальтусъ,—стремятся усилить производительность страны; но быстро убѣждаются, что приростъ населенія идетъ быстрѣе, чѣмъ прогрессъ производительныхъ силъ земли. Это все равно, что послать черепаху поймать зайца. Убѣдившись, что «по законамъ природы» средства къ существованію не могутъ угнаться за приростомъ населенія, мы должны остановить приростъ послѣдняго. «Если мы сумѣемъ убѣдить зайца лечь спать, то у черепахи будетъ нѣсколько шансовъ поймать его» *).

Теперь многіе землевладѣльцы, опрошенные Райдеромъ Хаггардомъ, заявляютъ, что государство должно «убѣдить» ходжа, что прямой «долгъ его предъ обществомъ»—плодиться и размножаться!

Въ виду гибели капиталистическаго земледѣлія въ Англіи,—не разъ поднимался въ печати вопросъ, какъ поддержать его, помимо того, чтобы убѣдить «ходжа» плодиться. Когда ученіе имперіализма было сформулировано, защитники его выставляли на видъ, что протекціонизмъ поддержитъ гибнущее земледѣліе.

«Таможенный кордонъ вокругъ Имперіи явится крѣпостной стѣной, за которой наша промышленность и земледѣліе смогутъ отсидѣться отъ нападенія непріятеля, т. е. нашихъ промышленныхъ соперниковъ»,—говоритъ Эрнестъ Уильямсъ, главный экономистъ протекціонизма.—Авторъ съ восторгомъ отмѣчаетъ возвра-

*) «An Essay on the Principle of Population», v. III (изд. 1817 г.) p. p. 110—113.

щеніе къ этой экономической системѣ. «Начало, хотя слабое,—говоритъ онъ,—сдѣлано въ 1902 г.—По ироніи судьбы министръ финансовъ, убѣжденный фритредеръ, внесъ въ свой послѣдній бюджетъ налогъ на хлѣбъ въ зернѣ и на муку. Правда, налогъ этотъ такъ не высокъ (шиллингъ на квартеръ), что еще не можетъ быть названъ покровительственнымъ; но *принципъ*, тѣмъ не менѣе, принятъ; фермеры и землевладѣльцы теперь съ надеждой будутъ смотрѣть на будущее... До сихъ поръ, при системѣ фритредерства, таможенной пошлиной облагались только такіе продукты, которые не могли конкуррировать съ отечественнными. Но теперь старый принципъ разрушенъ. Введя налогъ на зерно, правительство обложило пошлиной привозный продуктъ, конкуррирующій на внутреннемъ рынкѣ съ отечественнымъ. Такимъ образомъ, возвращеніе къ протекціонизму началось съ 1902 г.» *). Министръ колоній тоже видитъ въ будущемъ такую же имперію, какая рисуется Эрнесту Уильямсу. «Если мы захотимъ, имперія будетъ довлѣть самой себѣ,—сказалъ онъ на конференціи премьеровъ колоній.—Имперія наша такъ обширна! Продукты ея такъ разнообразны! Нѣтъ ничего, начиная отъ продуктовъ первой необходимости, до предметовъ изысканной роскоши, чего не было бы въ предѣлахъ имперіи». Въ «British Trade and Zollverein Issue» экономистъ Л. Чіоза сгруппировалъ въ этомъ году всѣ доводы противъ цолльферейна. Авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что колоніи могутъ предложить метрополіи покровительственную торговлю съ небольшимъ населеніемъ, тогда какъ сами получаютъ льготы на торговлю съ населеніемъ въ $41^1/_2$ мил. Дальше авторъ указываетъ, что $^2/_3$ привознаго сырья идутъ не изъ колоній, а изъ за границы. Вывозная торговля Англіи исчисляется въ 800.000,000 милл. ф. ст. Въ колоніи вывозится товаровъ только на 200 милл. ф. ст., тогда какъ въ иностранныя государства на 600 мил. ф. ст. Такимъ образомъ, цолльферейнъ, если и принесетъ выгоду колоніямъ,—будетъ смертельнымъ ударомъ для Англіи. Дальше. Колоніи получаютъ изъ иностранныхъ государствъ такіе фабрикаты, которыхъ Англія доставить не можетъ.

Такимъ образомъ, если, дѣйствительно, налогъ на зерновой хлѣбъ и на муку означаетъ первый шагъ къ протекціонизму, какъ говоритъ Эрнестъ Уильямсъ, то позволительно усомниться, чтобы былъ сдѣланъ второй шагъ, болѣе рѣшительный. Въ этомъ мы убѣждаемся, если внимательно просмотримъ книгу Райдера Хаггарда.

Землевладѣльцы и крупные фермеры, конечно, мечтаютъ о запретительныхъ тарифахъ на хлѣбъ. «Всѣ землевладѣльцы въ

*) „Daily Mail" Year Book, 1903, p. 149.

стало исчезать вслѣдствіе безсовѣстнаго и рѣшительно безпримѣрнаго расхищенія общинныхъ земель. Процессъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ «огораживанія полей» (enclosure). Сперва законодательство боролось съ покушеніями крупныхъ землевладѣльцевъ на общинныя поля, но потомъ стало помогать расхищенію и пауперизаціи деревенскаго населенія. По выраженію Маркса, «прогрессъ XVIII вѣка проявился въ томъ, что теперь самъ законъ сталъ способствовать грабежу народныхъ земель». Бѣдность скоро получилась великая. По словамъ писателя XVIII вѣка, «фермеры запрещаютъ жильцамъ котэджей содержать какое бы то ни было живое существо, кромѣ самихъ себя, подъ тѣмъ предлогомъ, что если у нихъ будетъ скотъ или дворовыя птицы, то они будутъ воровать изъ амбаровъ кормъ. Они говорятъ также: держите сельскихъ работниковъ въ бѣдности и вы сдѣлаете ихъ трудолюбивыми». Удивительно, какъ мало изобрѣтательны на аргументы представители извѣстныхъ взглядовъ! Положенія фермеровъ повторяютъ теперь экономисты, защищающіе интересы южно-африканскихъ золотопромышленниковъ.

Только, вмѣсто «сельскіе работники», они подставляютъ «негры». Характеръ процесса «огораживанія полей», «какъ насилія и ограбленія трудящихся классовъ, не измѣняется отъ рѣшенія того спорнаго вопроса, были ли юридически правы землевладѣльцы, огораживая въ свое исключительное пользованіе общинныя поля. Нѣкоторые компетентные изслѣдователи думаютъ, что юридически землевладѣльцы имѣли основанія для этой экспропріаціи, но это было то именно право, о которомъ сказано: summum jus—summa injuria» *). Общій результатъ огораживанія полей былъ таковъ. Въ общей сложности положеніе низшихъ классовъ народа ухудшилось почти во всѣхъ отношеніяхъ, мелкіе землевладѣльцы и фермеры дошли до положенія поденщиковъ и наемниковъ, и въ то же время имъ стало гораздо труднѣе *поддерживать* свое *существованіе* въ этомъ положеніи. Дѣйствительно, похищеніе общественныхъ земель и сопровождавшій его переворотъ въ земледѣліи имѣлъ такое быстрое дѣйствіе на сельскихъ работниковъ, что между 1765 г. и 1780 г. рабочая плата ихъ начала падать ниже minimum'а и стала дополняться оффиціальными вспомоществованіями для бѣдныхъ. Оцѣнка расхищенія общинныхъ земель сдѣлана давно уже и, повидимому, прочно установилась въ литературѣ. Но въ этомъ году сдѣлана попытка защищать «огораживаніе полей». Я говорю о статьѣ Эндерсона Граама «Allotments and Small Holdings» въ десятомъ изданіи «Encyclopaedia Britannica».

*) *С. Булгаковъ.* Капитализмъ и земледѣліе, т. I, стр. 174.

Грандіозное предпріятіе это—является тяжелой батареей, выдвинутой англійскимъ биржевымъ капиталомъ для защиты всѣхъ позицій своихъ «Не подлежитъ сомнѣнію (!?), — говоритъ Эндерсонъ Граамъ,—что огораживаніе полей было необходимо. Оно улучшило земледѣліе и прогрессъ его сталъ подвигаться громадными скачками» *), Изъ книги Райдера Хаггарда мы видимъ, до чего достигло теперь англійское капиталистическое земледѣліе своими «громадными скачками»! Для подтвержденія своихъ взглядовъ Эндерсонъ Граамъ ссылается на экономиста XVIII вѣка, сэра Фрэнсиса Идена (Eden). Объ этомъ писателѣ, восхвалявшемъ огораживаніе полей, мы находимъ у Маркса слѣдующія желчныя строки. «Стоическое равнодушіе, съ какимъ политико-экономъ смотритъ на дерзкое нарушеніе «священнаго права собственности» и на грубѣйшее насиліе надъ лицами, когда они нужны для положенія основанія капиталистическому способу производства, можно видѣть, между прочимъ, на «филантропическомъ» сэрѣ Фрэнсисѣ Иденѣ, имѣющемъ, кромѣ того, еще торійскій оттѣнокъ. Цѣлый рядъ грабежей, мерзостей и бѣдствій, сопровождавшихъ насильственную экспропріацію народа... приводитъ его только къ такому «комфортабельному» заключенію: «Должно быть установлено надлежащее отношеніе между пахатной и пастбищной землей. Еще въ продолженіе всего XIV и большей части пятнадцатаго вѣка на одинъ акръ пастбищной земли приходилось 2,3 и даже 4 акра пахатной. Въ серединѣ шестнадцатаго столѣтія отношеніе измѣнилось такимъ образомъ, что на три акра пастбищной земли стало приходиться два акра пахатной; потомъ на два акра пастбищъ—одинъ акръ пашни, пока, наконецъ, не установилось надлежащее отношеніе, т. е. на три акра пастбищъ—одинъ акръ пахатной земли» **).

Но, въ концѣ концовъ, даже современный защитникъ огораживанія полей находитъ, что «по отношенію къ крестьянамъ, проявлена была извѣстная степень несправедливости». Вотъ какъ выражаетъ въ цифрахъ эту «извѣстную степень несправедливости» Протеро, авторъ труда «Pioneers and progress of English Farming».

Огорожено, т. е. присвоено общинныхъ земель въ царствованіе:

Королевы Анны	1,439	акровъ.
Георга I	17,960	«
Георга II	318,778	«
Георга III	6.288,910	«
Георга IV, Вильгельма IV	340,380	«
Викторіи	1.405,197	«
За 186 лѣтъ	8.372,662	акра.

*) Encyclopaedia Britannica, v. I, 1902, p. 321.

**) *К. Марксъ*, Капиталъ, т. I, стр. 625.

Въ послѣдней четверти XIX вѣка вполнѣ выяснились результаты капиталистическаго земледѣлія въ Англіи. Начался рядъ попытокъ поправить зло. Прежде всего, мы видимъ возникновеніе двухъ «лигъ», имѣющихъ цѣлью національзировать землю въ Англіи (Land Nationalisation League и Land Restoration Society). О дѣятельности того и другого общества, о пропагандистахъ, отправляющихся въ «красныхъ» и «желтыхъ» вагонахъ всюду по Англіи — я какъ-то писалъ уже въ *Русскомъ Богатствѣ* въ 1898 г. Затѣмъ мы имѣемъ общества, поставившія цѣлью старинную формулу: «три акра и корова». Горячимъ сторонникомъ этой формулы явился въ семидесятыхъ годахъ Джозефъ Арчъ и фактотумъ Чэмберлэна—Джесъ Колингсъ. Нынѣшній министръ колоній тогда еще не былъ «пророкомъ имперіалистическаго корана», а находился въ фазисѣ «краснаго радикализма». Тогда лордъ Сольсбри называлъ Чэмберлэна «Джэкомъ Кэдомъ», а Рандольфъ Черчель — «томпаковымъ Робеспьеромъ»! Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія парламентъ, наконецъ, сдѣлалъ шагъ къ возсозданію въ Англіи мелкихъ крестьянъ-собственниковъ. Въ 1887 г. внесенъ былъ въ парламентъ билль о пріобрѣтеніи мелкихъ земельныхъ участковъ (The Allotments Act). Въ этомъ актѣ въ первый разъ внесенъ принципъ принудительнаго выкупа земли у лэндлордовъ. Въ 1890 г. прошелъ новый земельный актъ. Наиболѣе важное значеніе имѣлъ «Small Holdings Act» 1892 г. Въ силу этого закона дѣло устроенія мелкихъ хозяйствъ поручается совѣту графства (County Conseil), который дѣйствуетъ непосредственно или назначаетъ особую коммиссію. Иниціатива можетъ принадлежать или совѣту графства, или же избирателямъ. Участки подъ мелкія хозяйства продаются или отдѣльнымъ лицамъ, или кооперацiямъ. Покупатель вноситъ только $^1/_5$ цѣны, остальныя деньги даетъ ему взаймы совѣтъ графства, при чемъ долгъ погашается въ теченіе 50 лѣтъ. Совѣтъ графства играетъ роль посредника, а не благотворительнаго учрежденія, почему цѣна должна быть разсчитана такъ, чтобы не оставить его въ убыткѣ. Правительство открываетъ на этотъ предметъ кредитъ изъ 3%, при чемъ долгъ этотъ долженъ быть погашенъ въ теченіе 50 лѣтъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ совѣтъ графства можетъ дать деньги на пріобрѣтеніе земли изъ городскихъ суммъ, получаемыхъ отъ взиманія налоговъ съ домонанимателей. Прежде чѣмъ предоставить землю покупщикамъ или арендаторамъ, совѣтъ графства можетъ произвести необходимыя улучшенія, т. е. построить службы, котэджъ и пр. *).

*) Читающіе только по-русски найдутъ подробности объ Small Holdings Act въ книгѣ Булгакова «Капитализмъ и земледѣліе», т. I, стр. 326—328.

Авторъ статьи о мелкихъ хозяйствахъ въ десятомъ изданіи *Британской Энциклопедіи* сильно напираетъ на то, что «въ Англіи предпочитаютъ личную инициативу общественному предпріятію». «Британская Энциклопедія», между прочимъ, задалась цѣлью обличать «муниципальный соціализмъ», подрывающій-де интересы «отдѣльныхъ предпринимателей». Такимъ образомъ, партіи, давшей средства на изданіе Энциклопедіи, не можетъ нравиться то значеніе, которое придается совѣтамъ графствъ въ пріобрѣтеніи земли.

Если Small Holdings Act не принесъ желательныхъ результатовъ, то не потому, что общество хуже ведетъ дѣла, чѣмъ единичное лицо (какъ утверждаетъ *Британская Энциклопедія*), а потому, что совѣты графствъ не имѣютъ достаточной возможности *заставить* землевладѣльцевъ продать землю. Радикалы теперь усиленно агитируютъ, чтобы права совѣтовъ графствъ были расширены въ этомъ смыслѣ.

Вотъ таблица, показывающая число мелкихъ хозяйствъ въ Англіи, Уэльсѣ и Шотландіи.

	Отъ 1 до 5 акровъ.		Отъ 5 до 50 акровъ.		Свыше 50 акр.	
	Число хозяйствъ.	Число акровъ.	Число хозяйствъ.	Число акровъ.	Число хозяйствъ.	Число акровъ.
Въ Англіи . . .	87.055	265.268	170.591	3.288.669	122.533	21.290.751
» Уэльсѣ . . .	10.763	35.633	30.969	635.024	18.556	2.167.702
» Шотландіи .	20.150	65.991	33.921	608.930	25.568	4.219.645
	117.968	366.862	235.481	4.532.623	166.657	27.678.098

Мелкія хозяйства распредѣлены не одинаково по графствамъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, въ Чеширѣ или въ Уорчестрѣ, — мелкія хозяйства преобладаютъ. Въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ Уэстморлэндѣ или же въ Девонширѣ, преобладаютъ крупныя хозяйства. Слѣдующія цифры болѣе точно показываютъ число очень маленькихъ хозяйствъ.

	Меньше. одного акра.	Въ одинъ акръ.	Выше.
Въ Англіи	522.163	34.459	556.622
» Уэльсѣ	12.179	1.095	13.274
» Шотландіи . . .	7.648	1.589	9.237
	541.990	37.143	579.133

(Таблицы эти взяты изъ десятаго изданія *Британской Энциклопедіи*, v. I, p. 323).

оуэнистами, терпѣли неизмѣнно неудачу и почему опыты въ Кетерингѣ и Вуличѣ дали такіе блестящіе результаты. Прежнія кооперации являлись первымъ звеномъ, тогда какъ въ Кетерингѣ или Вуличѣ они составляютъ заключительный шагъ: тамъ существуютъ мощныя потребительно-производительныя общества. Они заводили кооперативныя фермы, имѣя готовый, вполнѣ обезпеченный рынокъ, т. е. собственныхъ сочленовъ. Кромѣ того, эти кооперации могли примѣнить всѣ послѣднія требованія агрономіи. Оуэнистскія земледѣльческія кооперации явились искусственнымъ созданіемъ нѣсколькихъ прекраснодушныхъ людей, въ родѣ артелей Н. В. Левитскаго, и погибли. Кетерингская или Вуличская ферма являются естественнымъ фазисомъ эволюціи мощнаго кооперативнаго движенія... Возвратимся, однако, къ свидѣтелямъ, опрошеннымъ Райдеромъ Хаггардомъ. Многіе изъ нихъ смотрятъ крайне пессимистически на будущность англійскаго земледѣлія. Они не видятъ никакого просвѣта впереди; но всѣ опрошенные полагаютъ, что мелкія хозяйства могутъ устоять даже тамъ, гдѣ капиталистическимъ грозитъ гибель. «Впереди я вижу только полное разореніе, - говоритъ крупный фермеръ въ Дорсетширѣ,—единственная надежда, что деревня не погибнетъ—мелкія хозяйства». Городскіе и сельскіе совѣты должны воспользоваться закономъ 1892 г. и предоставить въ распоряженіе населенія участки въ размѣрѣ отъ 10—40 акровъ. Въ желающихъ снять ихъ недостатка не будетъ *). Иногда изслѣдователю приходилось слышать оригинальныя возраженія противъ мелкихъ хозяйствъ. Они (возраженія) дѣлались сквайрами, не занимающимися хозяйствомъ, но живущими въ деревнѣ ради спорта. Такъ одинъ сквайръ въ Бэркуртѣ (Дорсетширъ) заявляетъ: «Мелкія хозяйства допустимы только тогда, когда они возникаютъ на окраинахъ городовъ. Въ деревнѣ они рѣшительно вредны. Какъ только фермеръ получаетъ поле, онъ огораживаетъ его проволочной сѣткой и все досужее время бродитъ кругомъ съ ружьемъ, отгоняя дичь. Если число мелкихъ фермъ увеличится, то самый благородный спортъ: охота на лисицъ погибнетъ, и тогда изъ Англіи хоть бѣги» **).

Въ томъ же округѣ въ Дорсетширѣ существуетъ цвѣтущая колонія мелкихъ фермъ. Тамъ было большое (для Англіи) хозяйство въ 343 акра. Ферма не шла. Владѣлецъ тогда разбилъ ее на восемьдесятъ участковъ отъ 1 до девяти акровъ, которые предложилъ купить въ разсрочку, на выгодныхъ условіяхъ. Теперь эти фермы процвѣтаютъ. Покупатели выплатили уже всю стоимость.

---

*) Rural England, v. I, p. p. 260, 267.
**) Ib., 272.

Крайне любопытны опыты, сдѣланные муниципалитетами, воспользовавшимися закономъ 1892 г. о «Small holdings». Прежде всего, въ этомъ отношенiи слѣдуетъ упомянуть про Бьюдли, старинный и красивый городъ въ Уорстерширѣ. Прежде всего, городъ выполнилъ рядъ муниципальныхъ предпрiятiй, задуманныхъ по примѣру Глазго: т. е. построилъ собственный водопроводъ, электрическiй генераторъ и трамвай и пр. Предпрiятiя оказались выгодны для населенiя. Тогда Бьюдли занялся улучшенiемъ положенiя населенiя на окраинахъ. Онъ прiобрѣлъ 10.300 акровъ земли и разбилъ ихъ на небольшiя фермы, которыя предложилъ желающимъ купить на льготныхъ условiяхъ, въ разсрочку. Слѣдующiя цифры даютъ представленiе о числѣ фермъ, устроенныхъ городомъ, и о размѣрахъ ихъ.

Размѣры фермъ.	Число участковъ.
Меньше 1 акра, но заключающiе сады больше, чѣмъ въ 1/4 акра	233
Отъ 1 — 2 акровъ . . .	46
» 2 — 3 » . . .	37
» 3 — 5 » . . .	44
» 5 — 10 » . . .	54
» 10 — 15 » . . .	29
» 15 — 20 » . . .	18
» 20 — 30 » . . .	24
» 30 — 50 » . . .	22
» 50 — 60 » . . .	10
» 60 — 80 » . . .	6
» 80 —100 » . . .	15
» 100 —150 » . . .	16
» 150 —200 » . . .	7
Свыше 200 » . . .	7

Всего городъ устроилъ, такимъ образомъ, 560 фермъ, которыя идутъ теперь отлично. Садоводство играетъ видную роль. Въ особенности много на этихъ участкахъ вишневыхъ садовъ. Подспорнымъ дѣломъ на совсѣмъ маленькихъ фермахъ является плетенiе корзинъ и откармливанiе птицъ, въ особенности индѣекъ. На не городской землѣ за аренду платили—по $2^1/_2$ ф. ст. за акръ. Городъ назначилъ 2 ф., а потомъ $1^1/_2$ ф., при чемъ деньги идутъ на погашенiе стоимости земли. Бьюдли отнюдь не думалъ явиться «филантропомъ». Англичане вообще въ принципѣ противъ «филантропiи», такъ какъ полагаютъ, что подобное предпрiятiе неминуемо должно погибнуть. Многiе англiйскiе города выстроили теперь, напр., образцовые ночлежные дома и цѣлыя улицы дешевыхъ котэджей. Но муниципалитеты не «филантропствуютъ», а снимающiе дешевые городскiе котэджи не чувствуютъ себя «облагодѣтельствованными». Дѣло разсчитано такъ, что прибыль не только покрываетъ расходъ, но приноситъ еще $3—3^1/_2\%$, что, при де-

шевизнѣ капитала въ Англіи, совсѣмъ allright. Бьюдли, зав фермы, разсчиталъ точно такимъ же образомъ. Рента не тол покрываетъ затраченный капиталъ, но и приноситъ 3%, т. е. к разъ столько, сколько платитъ за занятый на покупку земли питалъ самъ городъ. Вотъ подробности о нѣкоторыхъ городск фермахъ.

«№ 2. У фермера чкэоoя акровъ въ двухъ участкахъ, въ одн два, въ другомъ шесть акровъ. Владѣлецъ говоритъ, что съ зе онъ можетъ жить вполнѣ, хотя для этого ему приходится мн работать. Полевыя работы заполняютъ все время. Значителы часть участка занимаетъ фруктовый садъ. Фермеръ разводитъ та терновникъ, который продается по фунту за 1000 лозъ (для с раживанія полей).

№ 3. Фермеръ былъ прежде каменщикомъ. У него теперь акра земли. По разсчетамъ, она приноситъ ему, круглымъ с томъ, 5 шил. въ день. № 4. Участокъ состоитъ изъ двадцати тырехъ акровъ каменистой земли. Рента, вмѣстѣ съ погашені капитальнаго долга—40 ф. ст. въ годъ. Вся земля идетъ п пастбище и подъ фруктовый садъ. Фермеръ аккуратно выпла ваетъ ренту и ему хватаетъ на жизнь. Онъ имѣетъ пять кор и порядочный птичникъ. Снятымъ молокомъ на фермѣ отпаива свиней. № 6. Два акра, занятыхъ фруктовымъ садомъ. Ферм держитъ свиней. Подсобнымъ занятіемъ является плетеніе гром ныхъ корзинъ для кораблей, везущихъ уголь. Корзины продаю по 12 шил. за дюжину. «Я не могъ не замѣтить энергію, съ торой работалъ этотъ человѣкъ,—отмѣчаетъ Райдеръ Хаггард То было какое-то дикое стараніе. Даже говоря со мной, онъ покидалъ работы». № 7. Владѣлецъ былъ прежде кузнецомъ. У стокъ состоитъ изъ двадцати акровъ. Значительную часть за маетъ фруктовый садъ... Въ общемъ, изслѣдователь заявляетъ: смотря на то, что многіе участки отстоятъ далеко отъ желѣз дороги, а рента довольно высока, всѣ фермеры могутъ жить рез татами своего труда» *). Въ томъ же Бьюдли энергично дѣйс етъ вольное агрономическое общество. Оно устраиваетъ лекці вечерніе курсы для фермеровъ, которыхъ знакомитъ съ химіе съ примѣненіями ея въ хозяйствѣ. Въ томъ же графствѣ мал кій городъ Кэстлъ Мортонъ пошелъ по слѣдамъ Бьюдли. Сов взялъ въ долгосрочную аренду запущенную ферму въ 120 акр Земля была очень плоха. Городъ раздѣлилъ ее на участки от до 6 акровъ. Каждый клочекъ состоялъ изъ пастбищной и па ной земли. Совѣтъ сдалъ ихъ по 12 шил. за акръ. Охотники

*) Rural England., v. I, pp. 323—329.

участки нашлись быстро. Теперь земля значительно улучшилась. Городъ теперь снимаетъ еще 260 акровъ земли. Желающихъ взять участки очень много. Совѣтъ сожалѣетъ только о томъ, что не можетъ заставить лэндлордовъ продать землю *).

Въ Соуздоунѣ (Суффолькъ)—сельскій совѣтъ пріобрѣлъ 3700 акр. и раздѣлилъ ихъ на мелкіе участки. Гдѣ прежде рента была 42—45 шил. за акръ, тамъ теперь фермеръ платитъ городу 10 шил. «Спросъ на мелкіе участки очень великъ, но фермеры часто не имѣютъ достаточнаго капитала» **). «Маленькія фермы могутъ процвѣтать даже въ такомъ графствѣ, какъ Суффолькъ, гдѣ всѣ условія, повидимому, не благопріятны. Онѣ держатся съ успѣхомъ, не смотря на низкія цѣны на хлѣбъ» ***).

VI.

Довольно, однако, отдѣльныхъ фактовъ. Посмотримъ, къ какимъ выводамъ приходитъ изслѣдователь. Авторъ указываетъ, прежде всего, что сельскій рабочій бѣжитъ, потому что ничто его не удерживаетъ у земли. Въ деревнѣ—все постыло сколько-нибудь способному работнику. У него нѣтъ тамъ никакихъ надеждъ впереди. До самой смерти онъ можетъ предвидѣть только сѣрое, монотонное прозябаніе на чужой землѣ, въ чужомъ котэджѣ, въ полной зависимости отъ воли и произвола сквайра и священника. Изслѣдователь доказываетъ, что крупное земледѣліе гибнетъ, но мелкія хозяйства держатся успѣшно. И потому Райдеръ Хаггардъ приходитъ къ заключенію, что послѣднія были бы крайне полезны теперь. «Если сдѣлать нѣкоторыя оговорки,—резюмируетъ изслѣдователь свои взгляды,—то я признаю громадное значеніе мелкихъ хозяйствъ. Всюду, гдѣ они существуютъ въ Англіи, тамъ деревенское населеніе благоденствуетъ, земля обрабатывается хорошо, и «тяга въ городъ» не проявляется въ бурной формѣ». Авторъ спѣшитъ оговориться, что не вѣритъ, чтобы въ современной жизни возможно было искусственно создать громадный классъ крестьянъ собственниковъ. Желаніе земельныхъ участковъ должно исходить снизу, отъ самого населенія. Было бы совершенно безполезно,—продолжаетъ изслѣдователь,—если бы правительство, напримѣръ, ассигновало 50 мил. ф. ст. и поручило бы спеціальному департаменту создать классъ крестьянъ собственниковъ. Въ концѣ концовъ, такая попытка кончилась бы неудачей, а на рукахъ у правитель-

*) Ib., p. 382.
**) Ib., v. II, pp. 488—489.
***) Ib., 417.

ства очутилась бы масса земли. Есть много графствъ въ Англіи, гдѣ всѣ естественныя условія противъ какого бы то ни было земледѣлія... И, тѣмъ не менѣе, въ каждомъ графствѣ есть много людей, гораздо больше, чѣмъ предполагаютъ, которые охотно взяли бы мелкіе участки и обрабатывали бы ихъ съ пользой для себя и для государства. Къ нимъ на помощь должно явиться государство. По мнѣнію изслѣдователя, дѣйствіе закона 1892 г. (Small Holdings Act) должно быть расширено. Муниципалитеты или центральный департаментъ, т. е. министерство земледѣлія, должны имѣть право экспропріировать землю у лэндлордовъ... При такомъ содѣйствіи, а также при развитіи кооперативныхъ банковъ исчезнувшій классъ іоменовъ можетъ опять народиться *). Мы видимъ, что къ государству обращаются и призываютъ его сдѣлать то же, съ разрушенія чего оно начало. «Если возрожденіе земледѣлія явится *государственной потребностью*,—говоритъ С. Н. Булгаковъ въ цитированной выше книгѣ,—то, вѣроятно, та же необходимость понудитъ государство принять болѣе рѣшительныя мѣры для созданія крестьянства, изъ орудія экспропріаціи оно обратится въ орудіе возвращенія земли трудящимся классамъ» (*Капитализмъ и земледѣліе*, т. I, стр. 334). Лично мнѣ кажется, что новый, мощный факторъ англійской жизни—имперіализмъ, созданный колоссальнымъ ростомъ «космополитизированнаго капитала», какъ будто бы, содѣйствуетъ отливу «ходжа» въ сторону наименьшаго сопротивленія, т. е. въ колоніи. О вліяніи этого фактора на эмиграцію цвѣта пролетаріата, т. е. городскихъ, технически обученныхъ рабочихъ, мнѣ приходилось уже говорить не разъ. А если вліяніе космополитизированнаго капитала дѣйствительно вызоветъ замѣтный отливъ сельскихъ работниковъ, напримѣръ, въ Канаду, тогда врядъ ли обратная «тяга изъ города въ деревню» будетъ замѣтна, даже если государство приметъ усиленныя мѣры къ возрожденію класса іоменовъ. Но тутъ мы переходимъ въ область однѣхъ догадокъ.

*) Rural England, II, p. p. 546—550.

XIII.

Женскій не дисциплинированный трудъ.

I.

Рядъ новыхъ фактовъ заставилъ обратить общественное вниманіе Англіи на то положеніе, въ которомъ находятся «недисциплинированныя орды труда», какъ называютъ здѣсь женщинъ работницъ. Общественное вниманіе настолько было возбуждено фактами, о которыхъ идетъ рѣчь дальше, что вопросъ сдѣлался предметомъ обсужденія въ парламентѣ.

Статистика говоритъ, что многомилліонная армія труда въ Англіи почти наполовину состоитъ изъ женщинъ. На фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества (textile factories) женщины составляютъ 61,7%.

Армія женщинъ на этихъ фабрикахъ все болѣе и болѣе растетъ, сравнительно съ мужчинами. Не смотря на искушеніе, мнѣ не хочется начинять главу скучными, хотя крайне убѣдительными таблицами. Ограничусь двумя-тремя цифрами. За пять лѣтъ отъ 90—95 гг. число женщинъ работницъ увеличилось на 300,000, а за послѣднія сорокъ лѣтъ—на 2 милліона слишкомъ*). На фабрикахъ, обрабатывающихъ не волокнистыя вещества (non-textile factories), въ 1895 г. женщины составляли 17,9% всей арміи труда, тогда какъ въ 1890 г. лишь 15,5%.

Если же мы обратимся къ вознагражденію за трудъ, получаемому какъ мужчинами, такъ и женщинами, то насъ поразитъ странная неравномѣрность. Въ общемъ, женщины работаютъ столько же, сколько и мужчины. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда ихъ рабочій день длиннѣе, чѣмъ мужской. Какъ увидимъ дальше, наиболѣе опасные для жизни промыслы выполняются въ Англіи, по преимуществу, женщинами, между тѣмъ, заработная плата, получаемая женщинами; поразительно не высока. Почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности она держится на томъ уровнѣ, который англійскіе экономисты опредѣляютъ, какъ «starvation wages». Возьмемъ тѣ же текстильныя фабрики. На хлопчатобумажныхъ фабрикахъ средняя плата для мужчинъ—25 ш. 2 п. въ недѣлю. 22,6% всѣхъ рабочихъ получаютъ отъ 30—35 ш. въ недѣлю, 4,9%—отъ 35—40 ш. и 2,5%—40 ш. и больше въ недѣлю. За то же коли-

---

*) См. таблицы въ «Hazell's Annual» за 1887 г. на стр. 124 и за 1888 г. на стр. 238.

чество труда, на тѣхъ же фабрикахъ максимальный заработокъ женщины 15 ш. 3 п. въ недѣлю. На суконныхъ фабрикахъ средній заработокъ мужчины—23 ш. 2 пенса. Около 14% рабочихъ получаютъ отъ 25—30 ш. въ недѣлю, около 6%—отъ 30—35 ш. и 2—8%—40 ш. и больше. Женщины на суконныхъ фабрикахъ получаютъ 13 ш. 3 п. въ недѣлю. Это максимальная плата. На канатныхъ фабрикахъ средній недѣльный заработокъ мужчины 23 ш. 6 п. (около 1/2 всѣхъ рабочихъ получаютъ отъ 35—40 ш.). Максимальный же заработокъ женщины—9 ш. 8 п. Въ каменноугольномъ дѣлѣ, при равныхъ шансахъ на опасность заработная плата мужчинъ и женщинъ находится въ соотношеніи какъ 3 : 1 (см. Constitutional Year-book 1898, pp. 418—419). «Говоря вообще,—все противъ женщины работницы теперь въ Англіи: ей достаются самыя тяжелыя условія работы; ее меньше всего охраняетъ законъ»,—говоритъ миссъ Форбъ, авторъ памфлета «Women's Wages». Огромная женская армія труда почти совершенно теперь не дисциплинирована. Въ ея рядахъ существуетъ ужасная конкурренція, губящая самихъ же состязающихся. Во многихъ отношеніяхъ мы видимъ такое же положеніе, какъ среди рабочихъ мужчинъ 60—70 лѣтъ тому назадъ.

Армія крайне пестра по своему составу. Даже въ рядахъ фабричныхъ и «потѣльщицъ», о которыхъ я только и буду говорить въ этомъ письмѣ, мы различаемъ нѣсколько рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга слоевъ, до послѣдняго времени почти не смѣшивавшихся другъ съ другомъ. Загляните вечеромъ въ Майлъ-Эндъ, гдѣ сосредоточены конфектныя и табачныя фабрики съ женскимъ рабочимъ населеніемъ. По тротуарамъ цѣлыми десятками, держась всѣ подъ руку, идутъ растрепанныя дѣвушки. На ихъ шляпкахъ качаются огромные пучки разноцвѣтныхъ страусовыхъ перьевъ, большею частью ярко красныхъ или же зеленыхъ. Дѣвушки громко и пронзительно хохочутъ. Иныя запѣваютъ пѣсенку, подслушанную въ дешевомъ music-hall'ѣ. По субботамъ большинство этихъ дѣвушекъ идетъ подъ руку съ молодыми парнями, въ надвинутыхъ на затылокъ шапочкахъ, съ намотанными на шею цвѣтными фулярами. Эти дѣвушки—типичныя factory-girls, дочери докеровъ, каменщиковъ и пр., живущихъ въ Майлъ-Эндѣ же. Съ 13 лѣтъ онѣ на фабрикѣ. Съ 14—онѣ совершенно независимы, такъ какъ платятъ своимъ матерямъ за квартиру и за столъ по 5—6 шиллинговъ въ недѣлю. До самаго послѣдняго времени factory-girls составляли, по всей вѣроятности, наиболѣе невѣжественную часть англійскаго населенія. Большинство ихъ быстро забываетъ то немногое, чему научились въ начальной школѣ, которую обязаны посѣщать до 12 лѣтъ. Если нѣкоторыя сохранили вкусъ къ чтенію,

то потребность удовлетворяется тѣми грубыми на «копѣйку ужасовъ», которыя, пожалуй, еще хуже нашего «Англійскаго милорда». Культурные англійскіе классы знали столько же о жизни «factory-girls», сколько о нравахъ какихъ нибудь папуасовъ. На фабричныхъ дѣвушекъ и глядѣли, какъ на своего рода папуасовъ, которые, по случайности, попали въ Англію, вмѣсто того, чтобы жить въ Австраліи. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ сдѣлалось извѣстнымъ въ англійской печати, что существуетъ какая-то ужасная система эксплуатаціи, называемая «системой выжиманія пота» (sweting system), и что жертвами ея является именно та бѣлая порода папуасокъ, которая проявляетъ такую странную предилекцію къ зеленымъ перьямъ. Тогда много писали о «потѣльщицахъ». Была назначена даже спеціальная парламентская коммиссія, собравшая массу драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Выяснилось, что система существуетъ вслѣдствіе многихъ причинъ; главныя изъ нихъ: отсутствіе государственнаго вмѣшательства и недостатокъ организаціи. Въ трэдъ-юніоны женщины не принимаются, а спеціально женскихъ союзовъ тогда не было. Приблизительно къ этому времени изъ богатыхъ лондонскихъ кварталовъ въ Майлъ Эндъ направились два типа миссіонерокъ Однѣ—барыни филантропки, раздававшія дѣвушкамъ тоненькія брошюрки и говорившія имъ, что ругаться на улицѣ—скверно, что человѣкъ долженъ смирить діавола, сидящаго въ немъ. Среди этихъ барынь были нѣкоторыя, искренно желавшія улучшенія нравовъ фабричныхъ; но проповѣди не имѣли большого успѣха. Нѣсколько раньше чистыхъ филантропокъ явились «изслѣдовательницы», разсѣявшіяся впослѣдствіи по университетскимъ поселеніямъ. Эти изслѣдовательницы и доставили большую часть того огромнаго матеріала, который разсматривался парламентской коммиссіей. Онѣ или поступали сами на фабрики, или—становились учительницами, сборщицами податей, да фабричными инспекторами. Когда почва была изучена, изслѣдовательницы соединились вмѣстѣ и выработали сообща широкую программу дѣятельности. Мистрисъ Малетъ, одна изъ фабричныхъ инспекторовъ, въ своемъ докладѣ заявила: женщинамъ нужна свобода, а не филантропія. «Фабричныхъ дѣвушекъ нужно научить тому, въ чемъ заключаются ихъ собственные интересы»,—писала она дальше. Какъ сгруппировались изслѣдовательницы,—объ этомъ ниже.

Итакъ, первый слой въ «недисциплинированной ордѣ труда» это—«factory girls». За ними идетъ слой фабричныхъ дѣвушекъ, рѣзко отличающихся во всемъ отъ только что описанныхъ. Онѣ принадлежатъ не къ низшему классу, какъ полудикія factory girls, а къ среднимъ. Въ Лондонѣ клэркъ, получающій 120 ф. въ годъ,

т. е. около 1200 руб., не можетъ содержать семьи. Дочери его идутъ на фабрику, чтобы заработать, какъ говорятъ онѣ, «карманныя деньги», идущія всецѣло на наряды. Подобно тому какъ симпатіи «factory girls» тяготѣютъ всецѣло къ массамъ, симпатіи ихъ сотоварокъ всецѣло лежатъ на сторонѣ среднихъ классовъ. Какъ и клерки, дочери ихъ всѣми силами души презираютъ массы, съ которыми не желаютъ имѣть ничего общаго. Эти дѣвушки, по развитію и нравственному складу, занимаютъ то же положеніе, какъ та обширная публика, выразителемъ которой являются уличныя газетки. Чарльзъ Бусъ въ своемъ капитальномъ трудѣ указываетъ на этихъ «барышень»—фабричныхъ, какъ на крайне серьезную помѣху улучшенія положенія женщинъ фабричныхъ вообще. Третій слой это—замужнія женщины фабричныя. «Онѣ принадлежатъ очень часто къ числу наиболѣе трудолюбивыхъ поденщицъ; но въ общемъ, онѣ имѣютъ самое пагубное вліяніе на своихъ сотоварокъ,—говоритъ Ч. Бусъ.—Дѣло въ томъ, что всѣ эти женщины имѣли крайне горькій опытъ въ семейной жизни. Никогда порядочный англійскій рабочій не пуститъ свою жену на фабрику, даже если онъ получаетъ не болѣе 18 шиллинговъ въ недѣлю. Тѣ 10 ш., которые она можетъ принести,—не покрываютъ брешей въ домѣ, производимыхъ отсутствіемъ матери и хозяйки. Идутъ на фабрику лишь тѣ, у которыхъ мужъ горькій пьяница или же преступникъ, оставляющій тюрьму лишь для кабака. Фабричная женщина, вслѣдствіе этого, постоянно является на работу избитая, окровавленная. Вѣчная семейная драма озлобляетъ ее до крайности» (Life and Labour of the People, v. IV, p. 313).

Таковы три основныхъ слоя «недисциплинированной орды труда». Въ этой главѣ я хочу сдѣлать бѣглый очеркъ положенія работницы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности. Прежде всего о «потѣльщицахъ», т. е. о тѣхъ, которыя работаютъ поштучно на дому или же у «выжимателя», т. е. у посредника между работодателемъ и рабочимъ. Иллюстраціей можетъ служить картина, которую мнѣ пришлось наблюдать 16 января 1899 г. въ камерѣ коронера въ Шордичѣ. Говорятъ, драмы на сценѣ болѣе не волнуютъ культурныхъ зрителей; они заранѣе предвидятъ всѣ драматическія ситуаціи и могутъ заранѣе предсказать конецъ. При томъ, культурные люди утеряли ту *непосредственность*, которую имѣли когда-то зрители, до такой степени входившіе въ игру, что лѣзли на сцену ловить злодѣя, дабы казнить его собственнымъ судомъ. Чтобы вызвать хоть на время эту непосредственность, директоръ театра долженъ создавать декораціи, поразительныя до иллюзіи, создавать костюмы, гриммъ и т. д. Когда-то зритель довольствовался тѣмъ, что ему просто говорили: «здѣсь лѣсъ». И воображеніе быстро пе-

реносило его въ самую гущу лѣса, хотя на сценѣ, вмѣсто декораціи, висѣлъ лишь коверъ. Туристъ, которому всѣ драмы на сценѣ кажутся шаблонными,—долженъ заглянуть въ камеры англійскаго коронера. Здѣсь онъ каждый день увидитъ новую и потрясающую драму.

Коронеръ, вмѣстѣ съ присяжными, опредѣляли причину смерти Луизы Сары Петерсонъ, девяти недѣль отъ роду, дочери «потѣльщицы», шьющей туфли на дому. Первый свидѣтель,—отецъ маленькой покойницы, Джемсъ Петерсонъ, широкоплечій, но страшно исхудалый каменщикъ. Онъ показываетъ, что вотъ уже пять недѣль, какъ потерялъ работу, и съ тѣхъ поръ вся семья, состоящая изъ четырехъ человѣкъ, живетъ лишь на тѣ нѣсколько пенсовъ, которые зарабатываетъ мать шитьемъ туфель. Покойную кормили грудью и коровьимъ молокомъ; но она умерла.

— Сколько заработала ваша жена съ тѣхъ поръ, какъ родился ребенокъ?—спрашиваетъ коронеръ.

— Шесть шиллинговъ.

— И вы всѣ жили на эти деньги, т. е. на два шиллинга въ недѣлю?

— Да мы вовсе и не жили, ваша честь!—грустно отвѣчаетъ свидѣтель.

— Что же вы дѣлали?

— На тѣ немногіе пенсы, которые удавалось заработать, мы покупали ѣду для дѣтей. Сами же мы оставались такъ.

— Сколько вы платите ренты?—допытывается коронеръ. Свидѣтель показываетъ, что 2 шиллинга въ недѣлю. Выступаетъ другая свидѣтельница, мать ребенка, чисто одѣтая, высокая, блѣдная женщина, Луиза Петерсонъ. Она говоритъ, что давала ребенку по полпинты молока въ день (нѣсколько меньше стакана). Коронеръ переспрашиваетъ, точно ли она зарабатывала лишь по 2 шилл. въ недѣлю. Свидѣтельница, молча, киваетъ утвердительно головой. Полицейскій офицеръ, слѣдующій свидѣтель, говоритъ, что наводилъ самъ справки по этому дѣлу. Вся семья занимала одну маленькую комнатку, которая служила одновременно и мастерской, и спальней; не смотря на это, комнатка была чисто прибрана. Женщина шила туфли по $1^{3}/_{4}$ пенса за пару Среди присяжныхъ замѣтно волненіе. Одинъ коротенькій джентель съ тщательно подбритыми бакенбардами восклицаетъ: «Sha o!). Лицо у него краснѣетъ отъ негодованія, какъ кума блики тоже замѣтно вол-

имѣть даже хлѣба и
слѣдовъ пищи,—про-
ельница работала по

Liberal Assotiation». Основывалась она въ 1892 г. Вначалѣ она поддерживала исключительно ньюкастельскую программу, а затѣмъ лишь приняла пунктъ, приблизившій ее по дѣятельности къ упомянутымъ выше обществамъ. Теперь—это самая прочная и богатая изъ женскихъ ассоціацій въ Англіи. Она состоитъ изъ 397 группъ и насчитываетъ 76 тысячъ сочленовъ. Въ самое послѣднее время возникло по иниціативѣ Тома Мэна новое уніонистское движеніе. Въ юніоны принимаются какъ мужчины, такъ и женщины.

III.

Одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ промышленной исторіи Англіи, безъ сомнѣнія, та, которая повѣствуетъ о работахъ на заводахъ, гдѣ приготовляются свинцовыя бѣлила. Жертвами производства становятся самыя безпомощныя женщины и дѣти. Одна изъ наиболѣе опасныхъ отраслей промышленности, съѣдающая ежегодно множество жертвъ,—до послѣдняго времени находилась почти внѣ всякаго общественнаго контроля. Работницы, занятыя въ Англіи на этихъ заводахъ, въ силу многихъ причинъ, даже не могли жаловаться. Лишь благодаря газетной агитаціи, да двумъ женскимъ организаціямъ — «Women's Trade Union League» и «Women's National Liberal Association» — общественное мнѣніе теперь возбуждено, и условія работы на свинцово-бѣлильныхъ заводахъ дѣлались предметомъ обсужденія въ парламентѣ. Какъ извѣстно, окись свинца принадлежитъ къ числу сильныхъ ядовъ. Скотъ, который пасется на лугахъ, близъ заводовъ, гдѣ выплавляется свинецъ, собаки, лакающіе воду, протекающую возлѣ свинцовыхъ рудниковъ,—проявляютъ признаки жестокаго отравленія. Извѣстны случаи, что дрозды, поклевавшіе ягодъ съ тутовыхъ деревьевъ, росшихъ вблизи свинцовыхъ заводовъ, околѣвали. Люди тоже не проявляютъ имунитета къ отравленію окисью свинца. По словамъ д-ра Оливера, спеціально изучавшаго этотъ вопросъ, женщины скорѣе отравляются этимъ ядомъ, чѣмъ мужчины. Между тѣмъ, на заводахъ, гдѣ приготовляется окись свинца (свинцовыя бѣлила), работаютъ исключительно женщины, загнанныя въ лабораторіи крайней нищетой. Ищетъ на этихъ заводахъ работу вдова, которой нужно поддерживать большую семью, жена, мужъ которой горькій пьяница, дѣвушка, которая нигдѣ не нашла занятія, и т. д. Нищета, которую эти женщины терпятъ, такъ велика,—говоритъ одинъ изслѣдователь,—что дѣлаетъ ихъ даже совершенно равнодушными къ возможности отравиться. Для

женщины свинцово-бѣлильные заводы такое же послѣднее прибѣжище, какъ доки для мужчинъ. На этихъ заводахъ наиболѣе грубая и опасная работа производится женщинами, такъ какъ она не требуетъ такого мускульнаго напряженія, какъ другія, менѣе вредныя занятія. Заглянемъ на свинцово-бѣлильный заводъ. Ядъ изготовляется изъ обыкновеннаго свинца, который доставляется въ болванкахъ, плавится, а затѣмъ отливается небольшими листами. Эту работу дѣлаютъ женщины. Сотни дѣвушекъ относятъ на головахъ эти листы въ особое помѣщеніе и складываютъ тамъ ихъ клѣтками такимъ образомъ: на полъ ставятъ рядъ глиняныхъ горшковъ съ уксусной кислотой, горшки покрываютъ свинцовыми листами, затѣмъ слоемъ дубовой коры, потомъ доской, а сверхъ доски—новый рядъ горшковъ и т. д., пока клѣтка не достигнетъ потолка. Это—«blue bed». Начинается химическій процессъ, продолжающійся три мѣсяца. Кора начинаетъ бродить. Подъ вліяніемъ жара (въ помѣщеніи температура очень высокая) пары уксусной кислоты разъѣдаютъ свинецъ. Черезъ три мѣсяца вновь являются женщины. Онѣ отрываютъ руками свинцовые листы, покрытые теперь толстымъ бѣлымъ налетомъ, который забивается подъ ногти и впитывается въ голое тѣло, сильно потѣющее въ жарко натопленномъ помѣщеніи. Листы относятся въ мастерскія, гдѣ снимаютъ съ нихъ бѣлый налетъ. Когда-то и этотъ процессъ производился руками; но теперь придуманы машины. Влажная бѣлая масса въ особыхъ «блюдахъ» относится женщинами же въ сушильни. Изъ блюдъ сочится бѣлая ядовитая кашица, которая капаетъ на платье носильщицъ и проникаетъ до кожи. Но вотъ наступаетъ послѣдній и самый опасный процессъ: выниманіе сухихъ свинцовыхъ бѣлилъ изъ печей. Женщины надѣваютъ бѣлые балахоны закутываютъ головы шарфомъ и завязываютъ ротъ шерстянымъ респираторомъ. Носильщицы отлично сознаютъ, какой страшной опасности онѣ подвергаются. Работницы вытаскиваютъ изъ печей «блюда» съ сухими бѣлилами. Каждая беретъ двѣ чашки: одну на голову, другую—подъ мышки. «Мы спѣшимъ съ посудинами, будто спасаемъ Богъ вѣсть какое сокровище изъ горящаго дома»,—сказала одна изъ женщинъ фабричному инспектору. Свинцовыя бѣлила тучей носятся въ воздухѣ. Жара въ сушильнѣ — ужасная. Балахонъ, шарфъ и шерстяной респираторъ еще болѣе усиливаютъ испарину. Такимъ образомъ, кожа еще сильнѣе впитываетъ ядовитый порошокъ. Какъ отзывается эта работа? Приведу нѣсколько примѣровъ изъ богатаго запаса фактовъ, собранныхъ какъ фабричными инспекторами-женщинами, такъ и газетами (главнымъ образомъ, *Star* и *Daily Chronicle*). Прежде всего. вотъ общая картина заболѣванія. «Молодая, здоровая дѣвушка, не находя

спектора за 1897 г. («Report of the Chief Inspector of Factories») приводится 80 случаевъ отравленія свинцомъ «полировщиковъ» на фарфоровыхъ заводахъ. Почти столько же случаевъ отравленія «грузильщиковъ». За 1898 г. отравились свинцомъ 50 «наводителей грунта» да 40 рисовальщицъ на маіоликѣ. Вотъ еще жертвы свинца, которыя могли бы спѣть «пѣсню о чашкѣ». Возьму нѣсколько случаевъ изъ отчета главнаго фабричнаго инспектора. «Сара Титлъ, замужняя женщина, 29 лѣтъ. Работала 15 мѣсяцевъ, вначалѣ въ маіоликовомъ отдѣленіи, потомъ, какъ «грузильщица». Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ поступленія на заводъ у ней проявились признаки отравленія свинцомъ. Начались потомъ конвульсіи эпилептическаго характера. Болѣзнь закончилась смертью». «Гарріетъ Подморъ, замужняя женщина, накладывала сухія краски на рисунки. Работы было много. Подморъ и двѣ другія женщины были заняты четыре дня. Къ концу послѣдняго дня одна изъ женщинъ заявила, что ее клонитъ сильно ко сну. Всѣ остальныя также начали испытывать то же ощущеніе. Работницы закутались въ шали и прилегли на полу. Ихъ отправили домой въ кэбѣ. Подморъ пробудилась, хотя потеряла способность работать; двѣ другія женщины умерли». А вотъ еще нѣсколько фактовъ, добытыхъ репортерами газеты «Daily Chronicle». «Лизи Фауксъ, 18 лѣтъ, ослѣпла на фарфоровомъ заводѣ. «Я чистила маіоликовыя пластинки послѣ того, какъ ихъ погружали для закрѣпленія рисунка. Свинецъ я снимала съ нихъ ножомъ,—разсказываетъ пострадавшая. Черезъ девять мѣсяцевъ, я стала замѣчать, что что-то случилось съ моими глазами, хотя я не могла опредѣлить, что именно; затѣмъ начались свинцовыя колики. Меня взяли въ госпиталь. Мое зрѣніе еще болѣе ослабѣло, наконецъ, я совсѣмъ ослабѣла». Давали ли вамъ полотенца на заводѣ? «Да, одно на четырехъ. Полотенце мѣнялось разъ въ недѣлю. Хозяинъ, когда я ослѣпла, далъ мнѣ 10 шиллинговъ» *). «Гертруда Картледъ, молодая дѣвушка, накладывала сухія краски. «Я работала 18 мѣсяцевъ,—объяснила она репортеру. Однажды, когда я возвращалась домой, со мной на улицѣ случился припадокъ. Я недѣлю была безъ сознанія; когда пришла въ себя, у меня отнялись ноги. Затѣмъ стало слабѣть зрѣніе, покуда, наконецъ, совсѣмъ ослѣпла. Хозяинъ далъ мнѣ соверенъ. Говорятъ, онъ хлопочетъ также о томъ, чтобы меня приняли въ школу для слѣпыхъ» **). Такихъ жертвъ очень много. По вычисленію спеціальнаго комитета, назначеннаго «Women's Trade Union Leage», «свинцовый драконъ» охватилъ своими когтями въ Англіи 16 ты-

*) Daily Chronicle, 14 мая 1898 г.
**) Ib., 16 мая 1898 г.

сячъ женщинъ и дѣтей. Нужно имѣть въ виду, что средняя заработная плата на свинцово-бѣлильныхъ и на фарфоровыхъ заводахъ для дѣвушекъ 7—8 шиллинговъ въ недѣлю. Лишь въ самое последнее время общественное мнѣніе потребовало государственнаго вмѣшательства въ эту отрасль промышленности. Читатели помнятъ, вѣроятно, какъ ополчаются въ драмѣ Ибсена столпы общества противъ доктора Штокмана, когда онъ заявляетъ, что источникъ, обогащавшій городъ, — отравленъ. Буквально то же самое повторяется въ Англіи съ употребленіемъ свинца на фабрикахъ. Послѣднія всѣ сосредоточены въ одномъ районѣ Англіи. Тамъ все населеніе городковъ дѣлится на два класса: одинъ—работаетъ на заводахъ, другой—такъ или иначе зависитъ отъ распространенія фабрикатовъ. Это — директора, акціонеры, лавочники, клерки, врачи, служащіе въ компаніяхъ и проч., и проч. Всѣ они грудью стоятъ за заводы, охраняя ихъ отъ бдительнаго взора фабричнаго инспектора и газетнаго сотрудника, черезъ которыхъ общественное мнѣніе только и можетъ быть освѣдомлено. Ибсенъ не возвелъ поклепа на «столповъ общества». Объ этомъ свидѣтельствуютъ факты. Газетные репортеры выслѣживались охранителями. Имъ всѣми силами старались мѣшать искать свиданія съ пострадавшими. Предприниматели убѣждали послѣднихъ молчать, грозя, что въ противномъ случаѣ удалятъ съ заводовъ всѣхъ ихъ родныхъ. Лишь въ 1899 г. назначена парламентская коммиссія для изслѣдованія положенія дѣлъ. Пока будутъ проведены законы, кооперативныя общества выработали одну вполнѣ англійскую мѣру: они совѣтуютъ своимъ двумъ милліонамъ сочленовъ покупать только такую посуду, которая не отравила никого. А такая дѣйствительно существуетъ. Такъ называемая «фритта» даетъ безвредную, превосходную, хотя нѣсколько болѣе дорогую глазурь. Еще три года тому назадъ было указано, что самый процессъ производства свинцовыхъ бѣлилъ можетъ быть сдѣланъ совершенно безопаснымъ, хотя онъ обойдется тогда дороже. Но на филантропію нельзя разсчитывать. Дѣйствительность доказала, что жертвы «свинцовому дракону» будутъ приноситься до тѣхъ поръ, пока на сцену не явится государственное вмѣшательство въ видѣ энергичныхъ фабричныхъ законовъ.

Аналогичное явленіе мы замѣчаемъ въ спичечномъ производствѣ. Такъ называемыя шведскія спички почти вытѣснены въ Англіи поразительной дешевизной восковыхъ или, точнѣе, парафиновыхъ спичекъ. За полпени вы имѣете огромную коробку въ нѣсколько сотъ штукъ. «Поддерживайте отечественное производство», читаете вы патріотическое воззваніе на каждой коробкѣ, выпускаемой «Fusce Vest & C°», огромной, богатой фирмой, дающей боль-

шой дивидентъ и акціонерами которой состоитъ половина палаты лордовъ. Шведскія спички приготовляются изъ безопаснаго краснаго фосфора: «патріотическія» изъ страшно ядовитаго желтаго фосфора, порождающаго «phossy jaw», гніеніе челюстей. Кличка дана уайтчепельцами, такъ какъ производство «патріотическихъ» спичекъ сосредоточено, главнымъ образомъ, въ восточномъ Лондонѣ. Жертвами «phossy jaw» исключительно почти становятся женщины и дѣти, такъ какъ вслѣдствіе не высокой заработной платы мужчины почти не нанимаются на спичечныя фабрики. Желтый фосфоръ, даже когда находится подъ водой, выдѣляетъ ядовитые пары. «Женщины, работающія на спичечныхъ фабрикахъ, начинаютъ страдать зубными болями,—пишетъ въ своемъ докладѣ фабричный инспекторъ, миссъ Изабелла Фордъ. Онѣ вначалѣ не придаютъ страданіямъ серьезнаго значенія; но вотъ боли увеличиваются съ каждымъ днемъ. Вначалѣ опухаютъ десны, а потомъ все лицо. Зрѣніе притупляется. Больная испытываетъ адскія мученія. Челюсть ея становится зеленой, потомъ черной, потомъ начинаетъ вываливаться кусками. Запахъ гніющей кости и пораженныхъ мускуловъ до такой степени отвратителенъ, что съ больной нѣтъ возможности жить въ одной комнатѣ. Наконецъ, послѣ жестокихъ страданій, наступаетъ смерть. Пораженная челюсть, во время болѣзни и послѣ смерти больного, свѣтится фосфорическимъ свѣтомъ въ темнотѣ» *). Такова картина «Phossy jaw». Когда женщина заболѣваетъ, администраторы спичечной фабрики даютъ ей 1 ф. и отправляютъ домой. Къ ней присылаютъ доктора, состоящаго на службѣ у компаніи. *Больная можетъ лѣчиться только у него.* Проф. Ватсонъ Смитъ, въ докладѣ Британской ассоціаціи, рѣзко называетъ эту систему лѣченія «капканомъ для больного и позоромъ для страны».

Вмѣсто надписи «Поддерживайте отечественное производство», владѣльцы спичечныхъ фабрикъ, съ гораздо большей справедливостью, могли бы выставить на коробкахъ: «Поддерживайте phossy jaw!». Въ палату общинъ былъ уже внесенъ разъ билль о полномъ запрещеніи производства спичекъ съ желтымъ фосфоромъ; но онъ потерпѣлъ крушеніе въ палатѣ лордовъ. Теперь билль будетъ внесенъ вторично. Онъ включенъ въ билль объ опасныхъ производствахъ вообще.

Я упоминалъ уже о томъ, что порой фабричные инспекторы совершенно безсильны. Они имѣютъ предъ собой настоящій заго-

*) «Phosphorus Match Factories», докладъ, прочитанный миссъ Фордъ въ засѣданіи «Humanitarian League». Помѣщенъ въ 22 № «Bellamy Lib-"y».

воръ. Конспираторы не останавливаются рѣшительно ни передъ чѣмъ: они нанимаютъ ловкихъ и безсовѣстныхъ адвокатовъ, подкупаютъ и устрашаютъ свидѣтелей, такъ что, если дѣло доводится до суда,—обвиненіе часто остается недоказаннымъ. Спѣшу прибавить, что конспираторамъ удается устрашить лишь дѣтей или же женщинъ, не объединенныхъ въ союзъ, невѣжественныхъ на столько, что онѣ не сознаютъ даже собственной пользы. Разскажу о процессѣ, на которомъ мнѣ пришлось присутствовать. Дѣло было въ полицейскомъ судѣ въ Arbour-square. Фабричный инспекторъ, миссъ Люси Динъ явилась, чтобы поддержать три обвиненія противъ фирмы «Maconochie Brothers», изготовляющей варенье и мармеладъ *). Владѣльцы фабрики обвинялись въ томъ что налагали на дѣтей сверхурочную работу, запрещенную закономъ 1891 г. Миссъ Динъ показала, что 5 августа 1898 г. зашла въ 10½ часовъ вечера на фабрику и застала дѣтей за работой: они мыли банки и сносили варенье въ погреба. Вызываютъ первую свидѣтельницу, 13-лѣтнюю дѣвочку, Элизу Брайанъ, худенькую, блѣдную, запуганную. Адвокатъ фирмы, жирный, развязный джентльмэнъ, въ парикѣ съ хвостикомъ, обращается къ свидѣтельницѣ: «скажите, кто вамъ велѣлъ сидѣть такъ поздно и мыть посуду?»

— Никто не велѣлъ. Я сама хотѣла, по собственной доброй волѣ,—монотонно, какъ затверженное, показываетъ дѣвочка, не путаясь, когда произноситъ послѣднюю, канцелярской конструкціи фразу.

— А почему вы сдѣлали это?—продолжалъ адвокатъ.

— Потому, я рѣшила, что грѣшно сидѣть безъ работы и лучше помогать, чѣмъ слоняться безъ дѣла,—по прежнему монотонно читаетъ дѣвочка.

(NB. «Слоняніе», это — послѣ 12 часового дня!) Адвокатъ торжественно и побѣдно глядитъ на фабричнаго инспектора. Вызываютъ другую свидѣтельницу, Луизу Диддъ, 14-лѣтнюю дѣвочку.

— Кто вамъ велѣлъ работать такъ поздно? — спрашиваетъ адвокатъ. Лицо его хмурится, и парикъ надвигается на самыя брови: дѣвочка, повидимому, колеблется. Но вотъ лицо адвоката расцвѣтаетъ. Торжествующая улыбка распространяется по ней все шире и шире, какъ круги на поверхности воды отъ брошеннаго камня. Свидѣтельница отвѣчаетъ, что ей никто не приказывалъ оставаться послѣ окончанія законнаго дня.

*) Англійскій мармеладъ не похожъ на нашъ. Это—густое варенье изъ апельсиновъ, которое играетъ видную роль въ меню англичанъ всѣхъ классовъ. Они его ѣдятъ за завтракомъ.

— Зачѣмъ же вы сдѣлали это?—уже увѣренно, заранѣе торжествующимъ тономъ продолжаетъ допросъ адвокатъ.

— Господь велѣлъ трудиться. Лучше помогать людямъ, чѣмъ грѣховно слоняться по улицамъ,—отвѣчаетъ дѣвочка.

Защитительная рѣчь адвоката построена была на этихъ двухъ показаніяхъ: нарушенія закона не было, хотя дѣвочки и работали сверхъ срока, но это не сверхсрочная работа, а добровольная. Полицейскій судья постановилъ, что такъ какъ, по его мнѣнію, нарушенія закона не было, то обвиняемые оправдываются.

— Я требую еще судебныя издержки съ инспекторовъ,—рѣзко заявляетъ адвокатъ.

— Нѣтъ, судебныхъ издержекъ вы не получите, — отвѣтилъ судья.

Процессъ этотъ, быть можетъ, дастъ читателямъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ трудно бываетъ порой бороться инспекторамъ за интересы дѣтей и женщинъ. То же самое было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда фабричные инспекторы впервые собрали свѣдѣнія о положеніи рабочихъ. Лордъ Лондондерри, напр., заявилъ разъ, что «вышибетъ мозги» изъ головы инспектора, который осмѣлится спуститься въ одну изъ его шахтъ. И тогда среди рабочихъ являлись такіе же свидѣтели, какъ Луиза Диддъ или же Элиза Брайанъ.

IV.

Защитники расширенія фабричнаго законодательства, регулирующаго женскій трудъ,—имѣютъ въ Англіи многочисленныхъ противниковъ. Составъ ихъ крайне пестрый. Во-первыхъ, къ нимъ принадлежатъ враги вообще всякаго фабричнаго законодательства. Правда, такихъ непримиримыхъ уже не особенно много, но всего лишь въ этомъ году лордъ Лондондерри заявилъ въ парламентѣ, что фабричное законодательство это —покушеніе на краеугольный камень англійской конституціи: на свободную волю личности. По выраженію лорда, государство хочетъ вмѣшаться не въ свое дѣло: въ свободный договоръ между предпринимателемъ и рабочимъ. Два мѣсяца спустя демонстративно сложилъ съ себя депутатскія обязанности Финчъ-Гатонъ, мотивируя свой поступокъ тоже покушеніемъ государства на англійскую конституцію. Подобные вопли были сильнѣе лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда фабричное законодательство было «на зарѣ туманной юности». Тогда предприниматели описывали фабричныхъ инспекторовъ, какъ нѣчто вродѣ коммиссаровъ конвента, которые безъ всякаго милосердія приносили несчастнаго

работника въ жертву своимъ химерическимъ мечтамъ объ улучшеніи міра *). Когда же «свобода договора» существовала безъ всякаго государственнаго вмѣшательства,—Финчъ-Гатоны того времени занимались обличеніемъ нравовъ массъ, объясняя нищету ихъ—склонностью въ расточительности. «Взглянемъ только на ужасающее количество излишествъ, потребляемыхъ нашими мануфактурными рабочими,—говоритъ одинъ изъ этихъ обличителей, цитируемый авторомъ *Капитала*.—Сюда относятся сахаръ, чай, джинъ, водка, чужеземные плоды, крѣпкое пиво, ситцы, нюхательный и курительный табакъ и т. д. Трудъ во Франціи на цѣлую треть дешевле, чѣмъ въ Англіи, такъ какъ французскіе бѣдные усиленно работаютъ и очень экономны на пищу и одежду; главные предметы потребленія ихъ—хлѣбъ, плоды, зелень, коренья и сушеная рыба, такъ какъ они очень рѣдко ѣдятъ мясо, а когда дорога пшеница, то очень мало хлѣба... Подобный порядокъ вещей, разумѣется, трудно ввести, но онъ же не недосягаемъ» **).

Факты давно уже убѣдили большинство англійскихъ экономистовъ, что въ жизни поденщиковъ отсутствіе государственнаго вмѣшательства,—отнюдь не означаетъ личную свободу. О свободномъ договорѣ не можетъ быть рѣчи. «Поденщикъ не похожъ на лавочника: онъ не только продаетъ часть товара. Нѣтъ, на извѣстное время онъ продаетъ предпринимателю всецѣло самого себя,—говоритъ извѣстный англійскій экономистъ, профессоръ Маршаль, авторъ труда «The Elements of the Economies of Industry». Не отъ воли нанимаемаго, а отъ нанимателя зависитъ, въ какіе часы слѣдуетъ являться на работу, когда и гдѣ обѣдать, санитарныя условія предпріятія, безопасность машинъ, температура и атмосфера мастерской и т. д. О всѣхъ этихъ условіяхъ первой важности, конечно, никогда не договариваются. Странно себѣ даже представить, напримѣръ, ланкаширскаго ткача, который, прежде, чѣмъ принять работу на фабрикѣ, сталъ бы пробовать станки и крѣпость передаточныхъ ремней; никто не видѣлъ такого машиниста, который сталъ бы справляться прежде, чѣмъ принять работу, въ какомъ состояніи котлы и паровые молоты. Мастерица не будетъ мѣрить, сколько кубическихъ футовъ воздуха вмѣщаетъ комната, гдѣ она станетъ работать у модистки. Подумайте только о женщинѣ, ищущей работы на заводахъ, гдѣ изготовляются свинцовыя бѣлила,—которая вздумала бы справляться у хозяина, насколько ядовиты свинцовыя испаренія!» Нанимаемые работаютъ при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ примутъ ихъ. Не отъ ихъ воли зависитъ измѣнить

*) *К. Марксъ* «Капиталъ» т. I, стр. 234.
**) Ib., т. I, п. 518.

завѣдомо вредныя условія. Это—роль общества. До введенія фабричнаго законодательства въ Англіи, во имя свободы договора на шелковыхъ фабрикахъ приносились въ жертву цѣлые десятки тысячъ дѣтей, не старше 12 лѣтъ. «Дѣти избивались здѣсь ради нѣжности ихъ пальцевъ, какъ въ Южной Америкѣ бьютъ рогатый скотъ ради кожи и сала».—по выраженію знаменитаго экономиста. Выводъ формулируется такъ: англійскіе предприниматели, горячіе защитники свободы договора, не обращали ни малѣйшаго вниманія на здоровье и продолжительность жизни нанимаемаго до тѣхъ поръ, пока общество не заставило ихъ силой принимать въ соображеніе эти обстоятельства. Все это отнюдь не значитъ, что предприниматель имѣетъ нарочито злыя наклонности. Нѣтъ, это неизбѣжный результатъ закона свободной конкурренціи *).

Не одни только малочисленные уже поклонники «свободной конкурренціи» и «свободнаго договора» возражаютъ противъ проектовъ ограниченій женскаго фабричнаго труда. Дальше, въ рядахъ противниковъ этихъ проектовъ, мы находимъ лицъ, выступившихъ во имя гуманности: но гуманизмъ этотъ нѣсколько подозрительнаго свойства. «Запретить женщинамъ работать на завѣдомо вредныхъ промыслахъ не трудно, говорятъ они,—но что станетъ съ дѣтьми несчастной вдовы, если матери ихъ откажутъ въ работѣ на заводѣ, гдѣ изготовляются свинцовыя бѣлила? Что станетъ дѣлать несчастный, разбитый параличомъ старикъ, если кормящей его дочери фабричный законъ воспретитъ брать на домъ сверхсрочную работу? Какъ проживетъ бѣдная прачка, если ограничатъ число часовъ работающихъ у нея мастерицъ?» Этимъ чувствительнымъ филантропамъ въ англійской литературѣ и въ парламентѣ отвѣчали не одинъ разъ. Указывалось на то, что «сироты несчастной вдовы» несомнѣнно окажутся на улицѣ, если «добрый» предприниматель дастъ матери работу на заводѣ, гдѣ изготовляются свинцовыя бѣлила, ибо черезъ 6 — 8 мѣсяцевъ вдова умретъ отъ отравленія свинцомъ. Возражающіе указывали филантропамъ на то, что разбитый параличомъ старикъ тоже не выиграетъ, если дочь его ослѣпнетъ отъ сверхсрочной работы. Примѣръ этотъ—лишь аргументъ для сторонниковъ государственнаго пенсіона для престарѣлыхъ. Если, какъ обѣщало консервативное министерство на выборахъ въ 1895 г., будетъ введенъ пенсіонъ въ размѣрѣ 5 шиллинговъ въ недѣлю для всѣхъ стариковъ, то дочери не придется надрываться надъ сверхсрочной работой. Далѣе, въ числѣ противниковъ есть защитники женскихъ правъ. Они опасаются, что

*) См. «Капиталъ» т. I, стр. 218 (изданіе 1872 г.).

ограниченія, касающіяся спеціально женскаго труда поставятъ его въ положеніе еще худшее, чѣмъ теперь. И теперь предприниматели принимаютъ на работу женщинъ только потому, что онѣ просятъ меньше, чѣмъ мужчины. Введите спеціальные законы, и предприниматели откажутъ всѣмъ дѣвушкамъ, получающимъ теперь отъ 5—12 шилл. въ недѣлю. Если хозяевамъ придется платить за ту же работу 25—39 шилл. въ недѣлю,—они предпочтутъ тогда лучше взять мужчинъ. Это положеніе основывается на томъ, что въ англійской промышленности мужской и женскій трудъ являются конкуррентами. Дѣйствительно ли это такъ? Обратимся за отвѣтомъ къ такому компетентному свидѣтелю, какъ Беатриса Веббъ,—одинъ изъ авторовъ капитальнаго труда «The History of Trade Unionism». «Намъ говорятъ, что если предпринимателямъ запретятъ назначать женщинъ въ ночныя смѣны или не давать имъ сверхсрочную работу,—они предпочтутъ лучше мужчинъ... Но существуетъ ли дѣйствительно конкурренція между мужчинами и женщинами въ однѣхъ и тѣхъ же отрасляхъ труда? Лица, принадлежащія къ среднимъ классамъ, до того привыкли видѣть какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, конкуррирующихъ—какъ учителя, журналисты, художники, скульпторы, пѣвцы, музыканты, врачи, клерки и т. д., что мы не можемъ даже себѣ представить иного положенія дѣлъ въ промышленномъ мірѣ. А между тѣмъ, тамъ дѣла обстоятъ совсѣмъ иначе. Девять десятыхъ частей—поля промышленности свободны отъ всякой конкурренціи: мужчины дѣлаютъ одну работу, женщины—другую. Существуетъ такъ же мало шансовъ за то, что женщины станутъ каменщиками, какъ и за то, что мужчины сдѣлаются судомойками. Даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ работаютъ одинаково какъ мужчины, такъ и женщины,—каждый изъ половъ имѣетъ свою спеціальность. Напримѣръ, говорятъ часто, что въ портняжномъ дѣлѣ мужчины и женщины являются конкуррентами. Изслѣдовавъ внимательно дѣло, я убѣдилась, что мужчины и женщины тутъ заняты различной работой... Когда моему мужу недавно приходилось доказывать въ одной изъ его лекцій не новое положеніе, что женщинамъ вообще платятъ меньше, чѣмъ мужчинамъ,—ему очень трудно было найти такую отрасль промышленности, гдѣ мужчины и женщины дѣлаютъ совершенно одну и ту же работу... Вообще, трудъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ опредѣляется характеромъ самаго процесса производства. Почти всюду, гдѣ требуется затрата значительной силы и выносливости,—трудъ не доступенъ обыкновеннымъ женщинамъ. Законъ не препятствуетъ, напр., женщинамъ становиться кузнецами, литейщиками, каменщиками или же кучерами; но, безъ сомнѣнія, въ этомъ женщины никогда не

Веббъ, почтенный авторъ, цитируемый выше. По ея мнѣнію вопросъ о положеніи женщинъ работницъ не будетъ разрѣшенъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ ихъ не вгонятъ въ формулу: на фабрику. *Всякая* женщина, взявшая на домъ работу,—врагъ общественнаго порядка. «Прежде всего,—говоритъ почтенный авторъ, – необходимо изгнать незаконныхъ конкуррентовъ (т. е. женщинъ, берущихъ работу на домъ). Истиннымъ врагомъ работницы является не мужчина, всегда добивающійся высшей платы, но «любительницы» (amateurs), работающія наскокомъ. До тѣхъ поръ, пока есть замужнія или не замужнія женщины, изъявляющія желаніе взять работу на домъ, чтобы сдѣлать ее въ промежуткахъ между другимъ дѣломъ, мы никогда не вырвемся изъ заколдованнаго круга: низкая плата ведетъ къ скверной работѣ, и скверная работа къ низкой платѣ» *). Блескъ формулы, какъ видно, соблазняетъ многихъ.

XIV.

Дѣтскій трудъ.

I.

Въ 1899 г. англійская печать и общество были крайне заинтересованы биллемъ Робсона относительно положенія маленькихъ работниковъ на ткацкихъ фабрикахъ. Билль доказалъ, между прочимъ, что въ Англіи общественное мнѣніе сильнѣе всякой министерской партіи. Вопросъ о маленькихъ фабричныхъ, или halftimers,—какъ ихъ называютъ здѣсь,—не новъ. Съ начала нынѣшняго вѣка онъ поднимался нѣсколько разъ въ парламентѣ, возбуждая постоянно горячіе споры. Представители фабрикантовъ постоянно доказывали, что дѣтскій трудъ необходимъ производителямъ; что нѣжность пальцевъ маленькихъ работниковъ рѣшительно незамѣнима и что, чѣмъ раньше ребенокъ поступитъ на фабрику, тѣмъ лучше для производства и для... дѣтей. Еще въ 1891 г. представители ланкаширскихъ производителей изображали въ парламентѣ ткацкую фабрику, своего рода, дѣтской Аркадіей, гдѣ осуществились завѣтные идеалы всѣхъ воспитателей. Въ силу этого, предѣльный возрастъ поступленія дѣтей на фабрику въ Англіи ниже, чѣмъ во многихъ мѣстахъ на континентѣ. У Беранже есть прелестное стихотвореніе «Гроза». Обращаясь къ дѣтямъ, поэтъ говоритъ:

---

*) Women and the Factory Act., p. 14.

Chers enfants, dansez, dansez!
Votre âge
Echappe à l'orage:
Par l'espoir gaiement bercés,
Dansez, chantez, dansez!

Посмотримъ, въ какой степени могутъ быть эти стихи примѣнены къ маленькимъ фабричнымъ. Въ концѣ 1898 года газета «*Daily News*» откомандировала своихъ корреспондентовъ для изслѣдованія вопроса о положеніи дѣтей на фабрикахъ. Такія командировки англійскія большія газеты даютъ часто, и результаты ихъ не разъ служили основаніемъ парламентскихъ биллей. Матеріалы, добытые корреспондентами «*Daily News*», печатались въ газетѣ въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ и произвели огромное впечатлѣніе. О нихъ говорили въ газетахъ, въ парламентѣ, въ обществѣ, на митингахъ. Билль Робсона былъ внесенъ еще въ 1898 году, но замеръ; пробудившееся общественное мнѣніе вынесло его впередъ. Вопросъ вызвалъ цѣлую памфлетную литературу. Я постараюсь дать, въ общихъ чертахъ, картину положенія дѣтскаго труда въ Англіи. Знаменитый экономистъ говоритъ о «*мертвомъ трудѣ*», который, подобно вампиру, оживаетъ, вслѣдствіе всасыванія въ себя живого труда, и пріобрѣтаетъ при этомъ тѣмъ болѣе жизненной силы, чѣмъ болѣе всосано имъ этого труда» *). Посмотримъ, какъ происходитъ этотъ процессъ.

Дѣтскій трудъ въ Англіи можно раздѣлить на нѣсколько категорій: на совершенно не дисциплинированный, на домашній и на дисциплинированный. Не дисциплинированный и домашній трудъ сконцентрированъ, главнымъ образомъ, въ большихъ городахъ. Въ этой главѣ я касаюсь почти исключительно только Лондона. Ареной дисциплинированнаго дѣтскаго труда является фабричный районъ, главнымъ образомъ, Ланкаширъ, центръ для обработки волокнистыхъ веществъ. Я позволю себѣ, однако, маленькое отступленіе, чтобы познакомить читателей съ интереснымъ типомъ.

Желающему собрать свѣдѣнія о положеніи женскаго и дѣтскаго труда въ Лондонѣ обязательно нужно познакомиться съ великимъ спеціалистомъ въ этой области, съ миссисъ Мэгъ Мартиръ, или по-просту съ *Мэгъ*, — какъ называютъ ее въ Истъ-Эндѣ. Это не членъ университетскаго поселенія, не кающаяся дворянка, а грубая, на первый взглядъ, тридцатилѣтняя женщина съ проницательными голубыми глазами, съ энергично сжатыми характерными губами. «Мэгъ» говоритъ на самомъ грубомъ англійскомъ языкѣ, съ ужаснѣйшими ошибками: она всего лишь годъ тому на-

*) «Капиталъ», т. I, стр. 178, изд. 1872 г.

задъ научилась грамотѣ въ вечерней школѣ. По профессіи она «будильщица». Въ три-четыре часа утра Мэгъ обходитъ свой кварталъ и будитъ ударами палки въ окна тѣхъ, кому надо вставать рано на работу. За это она получаетъ съ каждаго кліента по 4 пенса въ недѣлю. «Мэгъ» типичная дочь народа: умная, наблюдательная, грубоватая по манерамъ и обладающая нѣжнымъ, отзывчивымъ сердцемъ. Знанія ея положенія дѣтей и женщинъ — необыкновенно богаты. Она доставила богатый матеріалъ всѣмъ, изучавшимъ жизнь Истъ-Энда. Къ ея помощи прибѣгали всѣ изслѣдователи, командированные редакціями газетъ. Общественные инстинкты сильно развиты у Мэгъ. Она принимаетъ видное участіе въ новомъ трэдъ-юніонистскомъ движеніи среди женщинъ въ громадной метрополіи. Имя ея стало появляться въ газетахъ съ 1897 г. Четыре года Мэгъ работала на канатной фабрикѣ. Какъ и остальныя женщины, Мэгъ получала 6 ш. 6 п. въ недѣлю. Работа требуетъ значительной физической силы; при томъ, на канатныхъ фабрикахъ рабочій день продолжается десять часовъ. На фабрикѣ нѣкоторыя мастерицы вырабатывали по девяти шиллинговъ; такихъ было немного. Мэгъ познакомилась съ единственнымъ тогда существовавшимъ женскимъ трэдъ-юніономъ, сформировала среди товарокъ такой же союзъ и уговорила ихъ объявить стачку. Члены университетскихъ поселеній заинтересовали публику. Деньги полились рѣкой. Тогда товарки выбрали Мэгъ, чтобы она объявила ультиматумъ фабриканту. Свиданіе это Мэгъ картинно передала Фрэнку Гэрду, автору книги «The Cry of the Children».

— Вы, бабы, совсѣмъ съ ума спятили, — сказалъ хозяинъ.— Рожна что ли, вамъ еще! Въ Шотландіи баба считаетъ себя счастливой, если зарабатываетъ шесть шиллинговъ 6 пенсовъ въ недѣлю, а вы все съ храпомъ. Носомъ крутите!

— Конечно, крутимъ! — отвѣтила Мэгъ. — Въ Шотландіи не нужно платить три шиллинга 6 пенсовъ за квартиру въ недѣлю. Да на придачу они всѣ тамъ ѣдятъ овсянку круглый годъ. Она-то не больно тяжело отзывается на карманѣ.

— Такъ какого же чорта вы тоже не жрете овсянки!—закричалъ хозяинъ.

— Потому Шотландія есть Шотландія, а Лондонъ - Лондонъ. Вотъ китайцы, — такъ тѣ косы носятъ. А почему же она у васъ изъ подъ «трубы» не болтается по спинѣ? А? — Вопросъ не повелъ къ миролюбивому разрѣшенію осложненія. Работа прекратилась. «O my Gawd! it was ’orribles!» (О, Боже, это было ужасное время!) — разсказываетъ Мэгъ. Борьба продолжалась тринадцать недѣль. Пожертвованія истощались. Стояла зима и крайне лютая для лондонцевъ, привыкшихъ къ теплому дыханію гольф-

цевъ въ Родезіи вѣшать другъ друга!—А вотъ еще болѣе знаменательный отвѣтъ маленькаго школьника. На вопросъ, зачѣмъ онъ хочетъ идти въ военную службу, онъ отвѣчаетъ: «Чтобы имѣть вдоволь ѣду и носить теплое платье». Будущность этихъ дѣтей крайне печальна. Въ 13 лѣтъ они оставляютъ школу. До 15—16 лѣтъ они имѣютъ случайную работу (jobs), какъ погонщики или же развозчики. Въ 16 лѣтъ ихъ сноситъ потокомъ жизни; на смѣну являются новыя тысячи дѣтей, только что оставившихъ школу. Юноши отправляются въ доки. Они стоятъ на распутьи трехъ дорогъ. Одна ведетъ въ рабочій домъ или къ голодной смерти на улицѣ, другая—въ тюрьму, третья—въ солдатскія казармы. Слабосильныхъ и калѣкъ сноситъ по первому пути; здоровые или становятся преступниками, или же вербуются въ солдаты. Въ послѣднемъ случаѣ, юноша проводитъ свои лучшіе годы въ арміи, а затѣмъ—вынужденъ комплектовать собой и безъ того многочисленные полки работниковъ, не знающихъ ремесла (unskilled labourers, по англійской терминологіи). Но пока ребенокъ въ школѣ, онъ тоже не сидитъ безъ дѣла. Онъ всѣми силами ищетъ «jobs», чтобы прибавить нѣсколько пенсовъ въ тощую семейную кассу. Посмотримъ, каковы эти «jobs».

Даніэль Домби, девяти лѣтъ. Онъ водитъ по улицамъ слѣпого мальчика. По буднямъ онъ на улицѣ до 10, а по субботамъ до 12 часовъ вечера. Школу посѣщаетъ рѣдко, потому что, объясняетъ онъ корреспонденту *Daily News*, «мамку скрючила хвороба, а сестра привела ребенка». Ритеръ Адкинсъ, 13 лѣтъ, продаетъ на улицѣ «разное барахло». Началъ работать съ шести лѣтъ. «Маленькіе оборвыши» созрѣваютъ очень рано. Вотъ четырнадцатилѣтній Берти Каули. По росту ему можно дать семь, а по лицу—двадцать семь лѣтъ,—говоритъ корреспондентъ «D. N.». Одѣтъ онъ въ платье, прежде принадлежавшее, очевидно, взрослому человѣку. Куртка и подвернутые штаны лоснятся отъ грязи. На шею намотанъ грязный шарфъ, чтобы скрыть отсутствіе рубахи. Берти смышленъ, наблюдателенъ и остроуменъ. «Вы не глядите слишкомъ большимъ для 14 лѣтъ»,—говоритъ ему корреспондентъ.

— Это, однако, не отъ отсутствія свѣжаго воздуха и влаги. У меня ихъ вдоволь!—отвѣтилъ мальчикъ.

Берти съ матерью продаютъ на улицахъ апельсины.

Мать часто болѣетъ,—и господа въ гошпиталѣ сказывали, что

набальзамированное тѣло брошено въ Нилъ, а голову взялъ себѣ «на память» майоръ Гордонъ. Офицеры и солдаты взяли въ видѣ сувенировъ пальцы и кости Махди. Дебаты по этому поводу въ парламентѣ были крайне оживленные. Лишь благодаря крайней слабости оппозиціи, не прошло порицаніе побѣдителямъ.

у нея нѣтъ одной штуки въ груди; не знаю, какъ звать ее, той самой, которой дышете—объясняетъ мальчикъ. Двѣнадцатилѣтній Вилли Гросманъ работаетъ по 60 часовъ въ недѣлю. Лѣтомъ онъ встаетъ въ четыре, зимой - въ пять. Онъ помогаетъ молочнику развозить молоко. Это типичный маленькій человѣчекъ, о которомъ англійскій поэтъ Лангорнъ писалъ: «Дитя нищеты, крещенное, вмѣсто купели, въ слезахъ». Наибольшую самостоятельность проявляетъ двѣнадцатилѣтній продавецъ газетъ Джими Таулеръ. Это ему приноситъ два шиллинга въ недѣлю. На улицѣ онъ остается обыкновенно до $10^1/_2$ часовъ вечера; но «если были скачки, или хорошій разводъ, или отличное убійство, или большой мордобой», какъ объясняетъ мальчикъ, онъ продаетъ на улицахъ до полуночи. Случайная работа дѣтей носитъ иногда крайне мрачный характеръ. Вотъ десятилѣтній хилый ребенокъ Вилли Томкинсъ Онъ зарабатываетъ шиллингъ въ недѣлю, помогая гробовщику. Иногда мальчикъ помогаетъ полировать гробы, иногда—мѣрить покойниковъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ труду маленькихъ «потѣльщиковъ», приносимыхъ тысячами въ жертву Мамону,—я скажу нѣсколько словъ о своеобразной жизни дѣтей бурлаковъ. Англія изрѣзана большими каналами, по которымъ медленно ползутъ огромныя, тяжело нагруженныя баржи. Бичеву тащатъ заморенныя, старыя лошади, а погоняютъ коней—не менѣе заморенныя маленькія дѣти. Англійскіе бурлаки, «the canal people» образуютъ совсѣмъ особую касту. Всю жизнь они проводятъ на баржѣ или же на бичевникѣ (*upon the cut*, какъ говорятъ здѣсь) Они женятся лишь въ своей кастѣ. Отъ поколѣнія къ поколѣнію передаются въ бурлацкой кастѣ традиціи, преданія и взгляды на жизнь. Каждая баржа является плавучимъ домомъ. На кормѣ находится маленькая расписная кабина. Здѣсь въ помѣщеніи, имѣющемъ не болѣе 200 куб. ф., спятъ отецъ, мать и иногда пять-шесть дѣтей. Ночью въ постели превращаются столы, ящики, шкафъ для провизіи и т. д. Дѣти начинаютъ работать съ ранняго утра. Цѣлые десятки верстъ идутъ они бичевой рядомъ съ заморенной лошадью, иногда впрягаясь сами рядомъ съ ней. Въ каналахъ шлюзы встрѣчаются часто. На каждой баржѣ имѣется ключъ. Отворять шлюзы приходится маленькимъ погонщикамъ, что далеко не легко. Трудно представить себѣ болѣе тяжелое зрѣлище, чѣмъ видъ десятилѣтняго мальчика, впряженнаго въ лямку рядомъ съ заморенномъ конемъ. Хилое тѣло мальчика перегнулось почти вдвое отъ напряженія. Огромная баржа въ волнахъ желтаго тумана, струящагося кругомъ, принимаетъ фантастическія очертанія гигантскаго чудовища. Слышенъ лишь храпъ надорванной лошади, шлепанье ногъ въ грязи, да порой грубыя, циничныя ругательства. То маленькій бурлакъ срываетъ сердце на

своемъ нѣмомъ четвероногомъ товарищѣ. Два парламентскихъ акта защищаютъ маленькихъ бурлаковъ; но, къ сожалѣнію, оба закона не достаточны. И Фрэнкъ Гэрдъ, авторъ патетическаго памфлета «The Cry of the Children», правъ, называя маленькихъ бурлаковъ «каторжниками въ галерахъ».

Перейдемъ теперь къ маленькимъ «потѣльщикамъ». Въ большихъ промышленныхъ англійскихъ городахъ и, въ особенности, въ Лондонѣ, дѣти становятся зачастую работниками, какъ только научаются ходить. Во многихъ округахъ Лондона, гдѣ существуетъ система «выжиманія пота», дѣти съ 5—6 лѣтъ начинаютъ помогать родителямъ. Всѣ хитрости и уловки пускаются родителями въ ходъ, чтобы не пускать въ школу маленькаго работника, который можетъ прибавить нѣсколько пенсовъ къ крайне скудному семейному заработку. Въ особенности рано начинаютъ работать дѣвочки. «Онѣ становятся рабами съ того момента, какъ въ состояніи держать въ своихъ пальчикахъ иглу или могутъ наклеить полосу бумаги на деревянную пластинку»—говоритъ Фрэнкъ Гэрдъ. «Это— кровавая жертва маленькихъ ручекъ, утомленныхъ головокъ, хрупкихъ туловищъ и полныхъ отчаянія сердецъ на алтарь Мамона»,— говоритъ другой наблюдатель, Чарльзъ Бузсъ. Въ округахъ, гдѣ родители вынуждены взваливать на плечи дѣтей бремя добыванія средствъ къ жизни,—улицы имѣютъ своеобразную физіономію. Въ грязныхъ переулкахъ, на выбитыхъ ступеняхъ лѣстницъ, въ обочинахъ улицы между грудами «кухонныхъ остатковъ» вы встрѣчаете всюду дѣтей. Плачъ, смѣхъ, обрывки пѣсенъ, пронзительные крики, отъ которыхъ рѣжетъ въ ушахъ—наполняютъ тяжелый, нездоровый воздухъ трущобы. Но присмотритесь внимательно: кругомъ вы не замѣтите дѣтей старше 4 лѣтъ. Послѣднія унесены уже водоворотомъ поденной работы, которая кипитъ въ домахъ. Устали матери, устали дѣти; но фабрика или магазинъ не ждутъ. Они требуютъ опредѣленную порцію дѣтскаго труда и здоровья, которые кристаллизуются въ видѣ спичечныхъ коробокъ, искусственныхъ цвѣтовъ или модныхъ дамскихъ поясовъ. Можно ли думать объ отдыхѣ, когда цѣлый день усиленнаго труда всей семьи оплачивается всего нѣсколькими пенсами.

Chers enfants, dansez, dansez!
Votre âge
Echappe à l'orage!

Масса дѣтей занята изготовленіемъ коробокъ для восковыхъ, или, точнѣе, парафиновыхъ спичекъ. Изготовить такую коробочку дѣло не хитрое, и дѣти быстро пріобрѣтаютъ необходимую ловкость. Но вознагражденіе, даваемое посредникомъ (middleman),

который поставляетъ на фабрику коробки, до того ничтожно, что нужно только удивляться, какъ работники ухитряются зарабатывать столько, чтобы прожить. Необходимый матеріалъ доставляется посредникомъ; работникъ долженъ составить коробочку, покрыть ее бумагой, приклеить полоску наждачной бумаги и ярлыкъ фирмы. Работа должна производиться поразительно быстро, если желаютъ извлечь изъ нея что нибудь. Обыкновенная цѣна за двѣнадцать дюжинъ коробочекъ — 2 п. 3 фартинга (около $9^1/_4$ к.) Работники должны имѣть свой собственный клейстеръ. Бузсъ говоритъ о семьѣ, состоящей изъ матери и двухъ дѣтей, семи и девяти лѣтъ. Онѣ работаютъ отъ семи часовъ утра до $11^1/_2$ ночи и получаютъ лишь 1 шилл. 3 пенса и 3 фартинга въ день. Для этого имъ нужно сдѣлать 7 гроссовъ коробокъ, т. е. 1008 штукъ. Работа идетъ безъ перерыва. Семья ѣстъ обѣдъ, т. е. хлѣбъ, и клеитъ коробочки въ то же время. Къ концу работы мать такъ устаетъ, что не въ силахъ прибрать единственную комнату. Дѣти засыпаютъ тутъ же за столомъ, скрючившись надъ безконечной работой. Когда все количество гроссовъ, заказанныхъ посредникомъ, окончено, коробки нужно увязать и отнести ихъ. Иногда лавка посредника находится въ двухъ миляхъ отъ той трущобы, гдѣ живутъ коробочницы. Тюкъ забираетъ самый младшій изъ семьи. Всю дорогу онъ идетъ пѣшкомъ. Иногда приходится ожидать 2—3 часа, пока посредникъ дастъ новую работу, которой уже дожидаются дома. Вся жизнь дѣтей является безконечной борьбой съ голодной смертью. И жизнь эта рано накладываетъ свое клеймо на маленькихъ дѣтей. Вотъ портретъ маленькой коробочницы, Бэрди Тоскинсъ. «Ей семь лѣтъ; въ лицѣ ни кровинки. Между тѣмъ, она, можно сказать, ветеранъ труда, такъ какъ помогаетъ матери съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя, съ 4 лѣтъ. Школу она посѣщаетъ крайне неправильно. Не смотря на крайнюю бѣдность, Бэрди одѣта очень тщательно. Семья состоитъ изъ шести человѣкъ, изъ нихъ Бэрди самая старшая. Живутъ всѣ въ одной комнатѣ. Сестренкѣ Бэрди - Бетси только пять лѣтъ, но она тоже работаетъ и такъ искусно, что мать цѣнитъ ловкость малютки въ $1^1/_2$ шиллинга въ недѣлю. «Я поднялъ дѣвочку и нашелъ, что она фунтовъ на 15 легче обыкновенныхъ дѣтей», — говоритъ цитируемый авторъ *). Другой видъ коробокъ—для упаковки галантерейныхъ вещей (fancy botes) изготовляется обыкновенно въ мастерскихъ. Дѣтскій трудъ сбилъ прежнюю цѣну въ $2^1/_2$ пенса за шесть такихъ коробокъ ровно на половину. За дюжину же простыхъ коробокъ для мужскихъ башмаковъ платится пенни, при чемъ работникъ долженъ

*) «The Cry of te Children», p. 20—21.

дать свою собственную бумагу для склеиванія стѣнокъ. Цѣна была сбита такимъ образомъ. Прежде коробочницы въ мастерскихъ были женщины. Онѣ брали обыкновенно «на выучку» маленькихъ дѣвочекъ, только что оставившихъ школу. Черезъ недѣлю или черезъ двѣ дѣвочка пріобрѣтала такой навыкъ, что склеивала въ день почти столько же коробокъ, сколько ея учительница. Дѣвочка приносила своей учительницѣ доходъ въ 7—8 шиллинговъ въ недѣлю а сама получала вначалѣ шесть пенсовъ, потомъ шиллингъ въ недѣлю. «Помощница» не значилась въ книгахъ мастерской, поэтому не пользовалась защитой фабричныхъ инспекторовъ. Владѣлецъ мастерской не платилъ дѣвочкѣ жалованья и, такъ сказать, не признавалъ ея существованія. Черезъ три мѣсяца дѣвочка постигала въ совершенствѣ мастерство. Владѣльцы мастерской тогда нашли, что такая дѣвочка, именуемая оффиціально «young person», согласится работать за гораздо меньшее вознагражденіе, чѣмъ взрослая женщина, которой нужно содержать семью. Плата за коробки упала; когда старыя работницы стали ворчать, имъ сказали, что онѣ могутъ убираться, если онѣ не согласны на новыя условія,— такъ какъ желающихъ работать сколько угодно. Такимъ образомъ, коробочницы, желая имѣть большій заработокъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, сами создали себѣ конкуррентокъ. Когда коробочница беретъ заказъ на домъ, помогаютъ всѣ дѣти. Вотъ какое описаніе работы даетъ намъ Фрэнкъ Гэрдъ. «Младшему изъ дѣтей пять лѣтъ Мальчикъ намазываетъ клейстеръ на бумажныя полоски для скрѣпленія стѣнокъ. Его маленькіе пальчики густо покрыты грязью и клеемъ. Такъ какъ время - деньги, то обѣдъ съѣдается не прерывая работы. Въ единственной комнатѣ грязь и вонь невѣроятныя. А между тѣмъ въ этой ужасной атмосферѣ шесть человѣкъ проводятъ всю свою жизнь. Они работаютъ весь день. И что же они получаютъ? Шиллингъ и три пенса въ день!» *).

Переходимъ теперь къ другой отрасли труда, результаты которой доставляютъ такъ много счастья нашимъ дѣтямъ. Я говорю объ изготовленіи нарядовъ для куколъ. Какой контрастъ существуетъ между радостью, которую приносятъ куклы дѣтямъ, играющимъ ими, и страданіемъ тѣхъ малютокъ, которыя наряжаютъ игрушки! Обратимся къ коллекціямъ, собраннымъ корреспондентомъ Daily News во время его экскурсій по трущобамъ. Вотъ маленькая восьмилѣтняя дѣвочка Нелли Фэнтомъ. Сама фамилія звучитъ ироніей (Fantom — по англійски — призракъ). Ея усталые глаза, въ которыхъ отражается не дѣтское горе, - могли бы принадлежать тридцатилѣтней женщинѣ: но хрупкое, крошечное тѣльце ея напо-

---

*) The Children's Labour Question. London, 1899, p. 32—33.

минаетъ пятилѣтнюю дѣвочку. Коверкая языкъ, Нелли говоритъ, что она живетъ «съ мамкой». Ихъ всѣхъ въ семьѣ пять человѣкъ, по счету Нелли: «два братана, да одна сестра, да еще ребенокъ и я». Дѣвочка—самая старшая «въ оравѣ». Мать моя шьетъ платьица для куколъ. Она зарабатываетъ около пяти шилинговъ въ недѣлю, «но порой не такъ много». Вся семья живетъ въ одной комнатѣ. Нелли работаетъ каждый день до десяти часовъ вечера, помогая матери. Дѣвочка «умѣетъ шить кофточки для куколъ, юбочки, корсеты и всякія другія штуки, что надо». «Бѣдная маленькая Нелли!—патетически восклицаетъ изслѣдователь.—Ты, дѣйствительно, сандрильона; но увы! гдѣ же тотъ принцъ, который долженъ принести тебѣ счастье!»

Не лучше положеніе дѣтей, изготовляющихъ модные дамскіе пояса. За дюжину ихъ маленькіе работницы получаютъ 1 пенни 1 фартингъ (около 4 копѣекъ). Нужно пришить пряжку, обшить гульфикъ, а если поясъ кожаный, то провертѣть еще дырочки. Въ общемъ, рабочій часъ оплачивается тремя копѣйками. Въ Истъ-Эндѣ не одна сотня дѣтей занята въ мастерскихъ изготовленіемъ шелковыхъ кисточекъ, украшающихъ ручки дамскихъ зонтиковъ. За дюжину такихъ кистей мастерица получаетъ по три фартинга. Рабочій день въ десять часовъ приноситъ около $7^1/_2$ пенсовъ. Чтобы получить нѣсколько больше, дѣти забираютъ работу на домъ.

Я не стану перечислять всѣ отрасли труда, въ которыхъ силы и здоровье дѣтей приносятся на алтарь промышленности. Я спѣшу перейти къ дѣтямъ, которыхъ индустрія оторвала уже совершенно отъ дома и загнала на фабрику; но прежде еще нѣсколько словъ о маленькихъ цвѣточницахъ. Сами по себѣ онѣ могли бы дать тему новому Томасу Гуду. Выдѣлка цвѣтовъ, повидимому, составляетъ отрасль искусства и, какъ таковое, должно было бы хорошо вознаграждаться, принимая во вниманіе огромный спросъ; въ дѣйствительности же мы видимъ маленькихъ рабовъ, задавленныхъ непосильнымъ бременемъ работы. Во Франціи дѣвочки-цвѣточницы получаютъ спеціальное образованіе. Онѣ хорошо изучаютъ ботанику и рисованіе. Цвѣточницу учатъ подражать естественнымъ цвѣтамъ такъ, что, порой, трудно найти разницу. Листья, лепестки и почки поддѣланы артистически. «Господинъ Купонъ» убилъ искусство. Истъ-Эндскіе цвѣточницы умѣютъ дѣлать лишь два-три цвѣтка. Ихъ учатъ лишь, какъ намазывать анилиновую краску на куски шелка, коленкора или полотна, которые уже заранѣе выбиты машиной въ формѣ листа или лепестка. Французская цвѣточница накладываетъ на лепестки тѣни; «Купону» не нужно искусство. Истъ-эндская цвѣточница ткнетъ возлѣ отгиба лепестка розы ку-

цой щеткой и «прокладка тѣней» окончена. Цвѣты поступаютъ въ магазины, гдѣ ихъ баснословная дешевизна привлекаетъ многочисленныхъ покупателей. Англійскія цвѣточницы специализировались такъ, что всю жизнь дѣлаютъ лишь одинъ или же два вида цвѣтковъ. Цвѣточница выходитъ замужъ и учитъ своихъ дѣтей дѣлать тотъ же цвѣтокъ. Работа производится дома. Матеріалъ доставляетъ посредникъ. О вознагражденіи могутъ дать представленіе слѣдующія цифры. За гроссъ бѣлыхъ буквицъ цвѣточница получаетъ шиллингъ и три пенса: гроссъ васильковъ оплачивается 1 ш. 6 п. Возлѣ каждаго цвѣтка нужно сдѣлать почку, которая въ счетъ не идетъ. Такимъ образомъ, одинъ гроссъ равняется, въ сущности, двумъ. Розы оплачиваются дороже: цвѣточницы получаютъ за нихъ по $2^1{}_2$ шиллинга за гроссъ; за то за гроссъ фіалокъ даютъ лишь $1^1{}_2$ пенса. Маленькія цвѣточницы большею частью никогда не видали живыхъ цвѣтовъ. Фрэнкъ Гэрдъ разсказываетъ слѣдующій фактъ. Маленькую цвѣточницу «женская лига» — повезла на двѣ недѣли въ деревню. Утромъ, въ день пріѣзда, хозяйка повела дѣвочку въ садъ. Она до тѣхъ поръ *никогда не видала* живыхъ цвѣтовъ и была увѣрена, что ноготки такъ хороши потому, что они сдѣланы изъ «настоящаго бархата», а не изъ плиса, какъ дѣлаютъ въ Истъ-Эндѣ. Когда же дѣвочка увидала розовый кустъ, она замѣтила, что такихъ цвѣтовъ не сдѣлаетъ даже ея мать. Она подумала немного и прибавила: «Даже тетка Саль, которая умѣетъ дѣлать розы лучше, чѣмъ кто бы то ни было на нашей улицѣ,—и та не смастеритъ такую». Цвѣточницы получаютъ нѣсколько больше, чѣмъ остальныя маленькія работницы. Вотъ семья, состоящая изъ матери, бабушки и трехъ дѣтей. Старшему девять, младшему пять. Всѣ они зарабатываютъ около 18 ш. 6 п. въ недѣлю: но рабочій день ихъ безконеченъ. Онѣ садятся за работу въ пять часовъ утра и кончаютъ лишь въ девять вечеромъ. Взрослыя работаютъ до 11 часовъ вечера. За день семья изготовляетъ три гросса бѣлыхъ буквицъ или три гросса розъ или двадцать четыре гросса (3456) фіалокъ. Старшій ребенокъ очень болѣзненный; тѣмъ не менѣе, онъ относитъ работу «посреднику», который живетъ на разстояніи часа ходьбы. Въ лавкѣ посредника ребенку приходится ждать очень долго, пока получитъ новый заказъ работы. На придачу къ тяжелой работѣ и низкой платѣ, семья терпитъ еще много отъ главной надсмотрщицы, злой женщины, которая почему-то не взлюбила дѣтей. Она бракуетъ очень много цвѣтовъ единственно только для того, чтобы проявить свою власть. Насколько неосновательны придирки, видно изъ слѣдующаго. Надсмотрщица забраковала всю работу. Семьѣ угрожала [illegible]ная опасность умереть съ голода въ ближайшую недѣлю. Ре-

бенокъ дождался посредника и сдалъ ему забракованную работу. Тотъ осмотрѣлъ ее и принялъ всю безъ исключенія. Коммиссія, назначенная парламентомъ въ восьмидесятыхъ годахъ для изслѣдованія вопроса о системѣ выжиманія пота, собрала массу фактовъ о положеніи маленькихъ работниковъ. Дѣти девяти, восьми и даже семи лѣтъ работаютъ, какъ взрослые, помогая отцамъ, поставляющимъ на «посредника». Эти факты систематизированы въ громадномъ трудѣ Чарльза Бузса. Авторъ подробно говоритъ о маленькихъ полировщикахъ, столярахъ, обойщикахъ и т. д. Мнѣ хочется дать широкую картину дѣтскаго труда, поэтому приходится ограничиваться лишь общими штрихами. При какой обстановкѣ живутъ маленькіе работники?

Скученность является естественнымъ спутникомъ тѣхъ условій, которыя гонятъ толпы маленькихъ жертвъ къ алтарю промышленности.

Въ округѣ Ламбетъ болѣе 2.000 человѣкъ живутъ по пяти въ одной комнатѣ и болѣе 800—по шести человѣкъ. Въ началѣ 1899 г. д-ръ Клифордъ доставилъ въ редакцію Daily News таблицу, составленную имъ при посѣщеніи одного дома со скученнымъ населеніемъ въ Bosworth-Road (въ западномъ Лондонѣ). Здѣсь въ восьми комнатахъ жило 37 человѣкъ, при чемъ въ двухъ комнатахъ помѣщались семьи, состоявшія изъ 8 человѣкъ. Комнаты «находились въ ужасномъ состояніи», хотя рента за нихъ колебалась отъ 2 ш.—4 ш. 6 п.

Сдавая *одному* квартиранту, лэндлордъ долженъ былъ бы затратить значительную сумму на ремонтъ и потому получилъ бы, maximum, 36 ф. въ годъ арендной платы. Сдавая запущенныя комнаты перекатной голытьбѣ, онъ получалъ 53 ф. 6 ш. Другими словами: нищіе болѣе выгодные квартиранты, чѣмъ зажиточные люди.

Но это еще далеко не самая скверная квартира въ Лондонѣ. Въ Ламбетѣ есть дома, гдѣ въ одной комнатѣ живутъ по двѣ семьи: ночью одна спитъ на кровати, другая—подъ ней. Тамъ же въ одной комнатѣ одна и та же постель сдается *тремъ* различнымъ начлежникамъ. Каждый спитъ по 8 часовъ. Утромъ Джимъ уходитъ на работу и уступаетъ постель Джэку, возвратившемуся съ ночного дежурства, а въ два часа дня на смѣну является Билль или Джо, работавшій часть ночи и дня; въ десять же часовъ вечера снова является Джимъ. Квартиры эти находятся въ послѣдней степени разрушенія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мышей такъ много, что приходитъ на память легенда о епископѣ Гаттонѣ. Дѣти ночью спятъ по очередно. Бодрствующіе отгоняютъ мышей отъ спящихъ (см. рядъ статей «No Room to live!», печатавшихся

въ январскихъ и февральскихъ нумерахъ *Daily News* за 1899 г.). Санитарные инспекторы въ Лондонѣ поработали не даромъ. По ихъ указанію, на основаніи законовъ 1868 г. (Torrens Artizans and Labourers Dwellings Bill) и 1885 г. (дополненный билль Торренса). — многія трущобы были принудительно выкуплены у лэндлордовъ городскимъ совѣтомъ, нездоровыя конуры снесены, а населеніе переведено въ здоровыя, удобныя, дешевыя помѣщенія, выстроенныя городомъ. Городской совѣтъ сдѣлалъ много; но еще больше осталось сдѣлать. Такова, въ общихъ чертахъ, обстановка, при которой живутъ маленькіе работники.

«Семейный очагъ это—школа, гдѣ, между поцѣлуемъ матери и лаской отца, дитя выслушиваетъ первый урокъ объ обязанности гражданина». — сказалъ Мадзини. Какой горькой ироніей звучатъ эти слова, приложенныя къ маленькому работнику!

Chers enfants, dansez, dansez!
Votre âge
Echappe à l'orage:
Par l'espoir gaiment bercés,
Dansez, chantez, dansez!

II.

Въ 1677 г. нѣкто Андрю Ярантонъ, родомъ изъ Уорчестершира, по профессіи — продавецъ желѣза, напечаталъ въ Лондонѣ памфлетъ «England's Improvement by Land and Sea», въ которомъ описывалъ «существующія въ каждомъ городѣ въ Германіи» школы для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ ткацкому ремеслу. «Дѣти шести лѣтъ часто сидятъ въ огромной комнатѣ и приготовляютъ значительное количество превосходнаго прядева». Съ умиленіемъ, какъ о примѣрѣ поразительнаго трудолюбія, авторъ сообщалъ, какъ въ одномъ изъ рабочихъ домовъ въ Голландіи видѣлъ четырехлѣтнее ...тя, исполнявшее заданный урокъ, именно сучившее нитки. Ярантонъ настоятельно совѣтовалъ своей родинѣ послѣдовать примѣру ...и Голландіи и воспользоваться дѣтскимъ трудомъ на ...ь фабрикахъ въ Уорикѣ, Лейстерѣ, Нортгэмтонѣ и въ ...дѣ. Фабрикантамъ Норича нечему было учиться у нѣмцевъ: ...шести лѣтъ сидѣли уже тамъ за станками *). На первыхъ ...ъ населеніе крайне враждебно относилось къ дѣтскому труду ...брикахъ. Вотъ что читаемъ мы въ Альфредовой «Исторіи ...гда возникли первыя фабрики, владѣльцы быстро убѣ...еніе усиленно возстаетъ противъ дѣтскаго труда.

...tory of England», ch. III.

Кругомъ фабрикъ жили кустари, которые отказались отъ лестныхъ предложеній фабрикантовъ взять дѣтей. Кустари зарабатывали хорошо, и дѣти были имъ не въ тягость. Отцы учили ихъ своему ремеслу. Въ теченіе долгаго времени у населенія считалось позоромъ посылать дѣтей на фабрику. Но вотъ фабрика нанесла смертельный ударъ кустарю. Мало по малу, чтобы свести концы съ концами, прививался обычай посылать дѣтей на работу. До того времени фабрикантамъ приходилось пользоваться исключительно трудомъ дѣтей, забираемыхъ изъ рабочихъ домовъ». Во второй половинѣ XVIII вѣка Англія пережила промышленную революцію. На фабрикахъ былъ введенъ цѣлый рядъ важныхъ изобрѣтеній, которыя сдѣлали радикальный переворотъ въ прежней системѣ производства: прядильный станокъ, паровая машина, станокъ для набиванія ситца, угольный газъ и т. д. Изобрѣтенія повели за собою процессъ крайняго раздѣленія труда. Процессы упростились до того, что фабриканты нашли болѣе выгоднымъ ввести въ широкихъ размѣрахъ дѣтскій трудъ. Въ Англіи установились настоящіе невольничьи рынки. «Дѣти нищихъ въ огромныхъ партіяхъ вывозились изъ южныхъ приходовъ, гдѣ мѣстныя власти были рады отдѣлаться отъ призрѣваемыхъ», — говоритъ Роджерсъ въ своей «Промышленной и коммерческой исторіи Англіи». Работа на фабрикахъ была тяжелая, дни—безконечны, пища — отвратительная. Семилѣтнія дѣти, оборванныя, голодныя и измученныя, вертѣли колесо станка по 17 часовъ въ сутки. Часто маленькіе работники засыпали стоя, продолжая автоматически вертѣть колесо. Результатомъ такого труда была страшная эпидемія среди маленькихъ фабричныхъ.

Въ своей «Industrial History of England» Гиббинсъ описываетъ ужасы «англійскаго рабства» конца XVIII в. Фабриканты набирали въ рабочихъ домахъ бездомныхъ сиротъ, обѣщая выучить ихъ только что народившемуся ткацкому промыслу. Владѣльцы фабрикъ уговаривались съ надсмотрщиками рабочихъ домовъ о днѣ, когда пріѣдутъ вербовать бѣдныхъ дѣтей. Послѣднихъ набирали партіями и доставляли на баркахъ по обводнымъ каналамъ на мѣсто назначенія. Съ этого момента начиналось невольничество. Были тогда и настоящіе рабовладѣльцы. Они набирали партіи дѣтей, держали ихъ въ погребахъ и потомъ перепродавали владѣльцамъ фабрикъ, которые предварительно тщательно изслѣдовали ростъ, силу и здоровье товара, совсѣмъ какъ на невольничьихъ рынкахъ въ Южныхъ штатахъ. Дѣти становились настоящими невольниками фабриканта. Рабы эти не получали жалованья. Ихъ не нужно было даже кормить и одѣвать, какъ слѣдуетъ,— маленькіе невольники были страшно дешевы. Со смертью ихъ хо-

зяинъ ничего не терялъ. Приходскіе старшины. чтобы отдѣлат
отъ идіотовъ, заставляли фабрикантовъ брать дурачковъ «на п
дачу»: на сто здоровыхъ мальчиковъ—пять слабоумныхъ. Суд
идіотовъ была еще болѣе трагична, чѣмъ участь маленькихъ
вольниковъ. Никто не интересовался узнавать, куда потомъ ис
зали идіоты. На фабрикахъ дѣти работали по 16 часовъ въ де
Были придуманы жестокія средства, чтобы выжимать изъ мале
кихъ дѣтей возможно большее количество труда. Работа не п
кращалась даже по воскресеніямъ». «Въ вонючихъ, душныхъ к
натахъ, наполненныхъ оглушительнымъ грохотомъ машинъ, ра
тали сотни голодныхъ, изнуренныхъ дѣтей, подбадриваемыхъ у
рами жестокихъ надсмотрщиковъ или наказаніями, придуманны
ненасытной жадностью». Маленькихъ невольниковъ кормили вп
голодь, иногда вмѣстѣ со свиньями. Они спали поочередно на гр
ныхъ подстилкахъ, которыя никогда не остывали, потому что
мѣсто дневной смѣны являлась ночная. Нѣкоторые изъ мале
кихъ невольниковъ пытались бѣжать. Такихъ держали въ цѣпя
въ нихъ дѣти и спали. Такъ обращались одинаково какъ съ ма
чиками, такъ и съ дѣвочками. Многіе умирали. Ихъ тайно хо
нили ночью въ глухомъ мѣстѣ, чтобы никто не видѣлъ моги
Многіе кончали съ собою самоубійствомъ... Я долженъ еще п
бавить, — продолжаетъ Гиббинсъ,—что въ то время, какъ тыс
дѣтей гибли на англійскихъ фабрикахъ въ лютой неволѣ, брит
скіе филантропы всецѣло были поглощены мнимыми или дѣйст
тельными страданіями негровъ-невольниковъ въ отдаленныхъ ст
нахъ. Философъ-циникъ съ насмѣшливымъ хохотомъ можетъ от
тить, что въ Англіи на выкупъ черныхъ невольниковъ собирал
деньги, накопленныя путемъ порабощенія бѣлыхъ» *). Трудно п
ставить даже, гдѣ былъ предѣлъ скорби для маленькихъ нев
никовъ всего только сто лѣтъ тому назадъ. Весь этотъ поряд
отошелъ уже давно въ область преданій. Прогрессъ демокр
измѣнилъ радикально все.

Первый актъ, охраняющій здоровье дѣтей на фабрикахъ (
Health and Morals Act), прошелъ въ парламентѣ въ 1802 г.
былъ крайне блѣденъ, ограничивался общими замѣчаніями и
сался лишь «ввозныхъ» дѣтей. О дѣтяхъ мѣстныхъ рабочихъ
жны были заботиться ихъ родители. Въ 1815—16 гг. парламе
назначилъ слѣдственную коммиссію для изученія положенія
леньких фабричныхъ. Послѣдствіемъ собранныхъ свѣдѣній яви
второй парламентскій актъ, прошедшій въ 1819 г. Онъ кас
лишь дѣтей, работающихъ на ткацкихъ фабрикахъ. Законъ

*) Industrial History of England, p. p. 178—181.

спрещалъ принимать на работу дѣтей моложе девяти лѣтъ. До 16 лѣтъ дѣти не должны были работать болѣе 12 часовъ въ сутки, ночной дѣтскій трудъ воспрещался. Фабриканты усиленно сопротивлялись введенію закона, говоря что онъ поведетъ къ паденію производства. Въ 1825 г. прошелъ третій законъ, ограничивавшій дѣтскій рабочій день девятью часами. «День» для дѣтей не могъ начинаться раньше 5 часовъ утра. Законъ точно опредѣлилъ время и продолжительность обѣда, дабы положить конецъ тому, что называлось «обгрызаніемъ обѣденнаго времени». Фабриканты обязывались вести списокъ всѣхъ дѣтей, работавшихъ у нихъ. Законъ 1883 г. (Lord Althrop's Act) предписывалъ, чтобы дѣти отъ 9—13 лѣтъ работали 9 часовъ въ день и не менѣе двухъ часовъ посѣщали бы школу. Это былъ первый фазисъ системы, которая впослѣдствіи получила названіе «half time». Агитація фабрикантовъ повела къ тому, что предѣльный возрастъ дѣтей былъ повышенъ въ 1844 г. (Sir Robert Peel's Act) до восьми лѣтъ, хотя рабочій день былъ пониженъ до $6^1/_2$ часовъ (до 13 лѣтъ). По закону, дѣти должны были являться въ школу не менѣе трехъ разъ въ недѣлю. Актъ 1878 г. (Consolidation Factory and Workshop Act) расширилъ дѣятельность закона 1844 г., распространивъ его на всѣ мастерскія. Наблюденіе за соблюденіемъ акта поручалось мѣстнымъ выборнымъ властямъ. Къ девяностымъ годамъ относится окончательная выработка закона объ *half-timers*, о «половинщикахъ». Предѣльный возрастъ дѣтей на фабрикахъ былъ установленъ въ 1891 г. въ 10, а въ 1893 г. въ 11 лѣтъ. Мѣра прошла не безъ сильной борьбы. Въ 1891 г. защитники интересовъ предпринимателей горячо отстаивали въ парламентѣ дѣтскій трудъ въ раннемъ возрастѣ. Ораторы (Матьюзъ и лордъ Кранборнъ, сынъ маркиза Салисбюри) не находили словъ для восхваленія системы «half-time». По ихъ словамъ выходило, что ткацкая фабрика— идеальный питомникъ для дѣтей. При half-time осуществляются,— по словамъ ораторовъ, — завѣтнѣйшія мечты великихъ педагоговъ о сочетаніи умственнаго труда съ физическимъ. Маленькіе половинщики учатся и въ то же время изучаютъ ремесло на фабрикѣ. Эта система развиваетъ необыкновенно умственныя способности; маленькіе «половинщики», по словамъ ораторовъ, своего рода будущіе геніи. Для оттѣненія картины ораторы не пожалѣли мрачныхъ красокъ для изображенія, съ одной стороны, страданій родителей, которые умрутъ съ голода, если парламентъ запретитъ дѣтямъ поддерживать ихъ своимъ трудомъ; съ другой—тягостнаго положенія фабрикантовъ, если понизится предѣльный возрастъ. Въ 1833 г. фабриканты только грозили. Они заявили въ парламентѣ тогда, что если у нихъ отымутъ свободу употреблять дѣтей

всякаго возраста по 10 часовъ въ сутки, то они будутъ принуждены остановить работы на своихъ фабрикахъ. Мотивомъ было выставлено то обстоятельство, что особенная деликатность тканей требуетъ такой нѣжности пальцевъ, которая можетъ быть достигнута только вслѣдствіе ранняго поступленія на фабрику. Парламентъ не послушалъ въ 1892 г. сиренъ. Теперь, черезъ семь лѣтъ, парламентскій билль требуетъ полнаго уничтоженія «половинной» системы, которая такъ восхвалялась тогда. Почему же это?

Познакомимся съ положеніемъ маленькихъ «половинщиковъ». Заглянемъ для этого въ Ланкаширъ, въ центръ производства хлопчато-бумажныхъ тканей. Населеніе здѣсь давнымъ давно оторвано отъ земли и не имѣетъ другихъ занятій, кромѣ какъ на фабрикѣ. Каждый ткачъ насчитываетъ цѣлый рядъ предковъ ткачей. Теперь еще живы многіе, которые сами начали работать съ семи лѣтъ. Фабрика создала здѣсь совершенно своеобразные нравы. Въ большинствѣ графствъ Англіи трезвый и здоровый мужъ ни за что не пошлетъ свою жену на фабрику. Онъ считаетъ, что его подруга жизни необходима дѣтямъ; она должна, кромѣ того, быть «министромъ финансовъ» маленькаго хозяйства. Въ Ланкаширѣ работаютъ на ткацкихъ фабрикахъ цѣлыми семьями. Правда, въ силу этого заработокъ семьи ткачей въ Ланкаширѣ очень высокъ, достигая максимума въ 10 ф. въ недѣлю. Средній же заработокъ семьи равняется 3 ф. 10 ш. въ недѣлю (см. отчетъ корреспондента *Daily News* о положеніи маленькихъ фабричныхъ, а также *Industrial Democracy*, Сиднея и Беатрисы Веббъ). За то «семейной» жизни ланкаширскихъ ткачей не существуетъ. Мать отдаетъ новорожденнаго ребенка на воспитаніе въ деревню, предпочитая платить за него 5 ш. въ недѣлю, чѣмъ возиться съ нимъ самой. Семья, зарабатывающая 7—8 ф. въ недѣлю, питается консервами и чаемъ, потому что некому стряпать обѣдъ. Юніонъ ланкаширскихъ ткачей самый богатый, но, въ то же время, самый консервативный. Ланкаширцы скептически относятся къ university extension, съ которымъ остальные юніоны въ Англіи входятъ въ все болѣе и болѣе тѣсный союзъ. Въ то время, какъ всѣ юніоны ежегодно рѣшительно высказываются на конгрессахъ противъ дѣтскаго труда, ланкаширцы поддерживаютъ «половинную систему». «Мы начинали работать на фабрикахъ съ девяти лѣтъ; наши дѣды такъ даже съ семи лѣтъ, а бывали здоровы; теперь мальчишки идутъ на фабрику лишь въ 11 лѣтъ, и то раздаются голоса противъ!»—Такъ говорятъ ланкаширцы. Итакъ, мы въ центрѣ «идеальнаго питомника» для дѣтей, въ Болтонѣ. Раннее утро. Однообразные ряды закопченныхъ домовъ погружены въ глубокій мракъ. Но вотъ по соннымъ улицамъ раздались гулкіе шаги ран-

няго прохожаго. Это «будильщикъ», «Knocker-up». Длинной бамбуковой палкой онъ стучитъ въ окна, возвѣщая маленькимъ работникамъ, что пора идти на фабрику. Нѣсколько секундъ все спокойно; но вотъ всѣ заснувшіе дома какъ будто бы разомъ открываютъ глаза. Всюду въ верхнихъ этажахъ мелькаютъ огоньки. Еще черезъ нѣсколько минутъ сонныя улицы оживаютъ. Всюду слышатся звуки легкихъ, быстрыхъ дѣтскихъ шаговъ. Всѣ спѣшатъ на фабрику, которая глухо пыхтитъ въ темнотѣ, какъ Минотавръ, дожидающійся жертвы. Вотъ раздался рѣзкій, пронзительный гудокъ, и шаги на улицѣ моментально прекратились. Минотавръ получилъ свою жертву. Дѣти выполняютъ на ткацкихъ фабрикахъ спеціальныя отрасли труда. Они являются то какъ «штучники» (piecers), то какъ «подручные» (tenters), то какъ «вязальщики» (knoters). Я говорю въ другомъ мѣстѣ о «штучникахъ», обязанность которыхъ связывать порвавшіяся нитки, въ то время, какъ машина сучитъ ихъ и наматываетъ на шпульки. «Подручные» помогаютъ взрослому ткачу при ткацкомъ станкѣ, который напоминаетъ большое, грубо сработанное фортепіано; но только вмѣсто клавишей натянуты безчисленныя нитки—*основа*. Поперечныя нити называются уточными. Онѣ продѣваются челнокомъ, въ которомъ заключено веретенце (cop), т. е. катушка съ ниткой. Челнокъ стремительно мчится по клавіатурѣ станка, если можно такъ выразиться, отъ одного конца къ другому. Рисунокъ ткани выдѣлывается автоматически при помощи особыхъ картонныхъ листовъ съ прорѣзами. Эти листы напоминаютъ круги аристона. Нитки окрашены заранѣе, чтобы получить различные цвѣты узора. Взрослый ткачъ или ткачиха слѣдятъ за двумя, иногда за тремя и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже за пятью станками. Обыкновенно, если у работника болѣе трехъ станковъ, онъ имѣетъ маленькаго подручнаго, который слѣдитъ за основой и связываетъ немедленно порвавшіяся нитки. Работа требуетъ необыкновенной ловкости пальцевъ. Нужно концы оборвавшейся нитки скрутить такъ, чтобы изъянъ былъ совершенно незамѣтенъ въ оконченной штукѣ матеріи. Фабриканты говорятъ, что эта ловкость въ пальцахъ пріобрѣтается лишь тогда, когда мальчики начинаютъ работать очень рано. Впослѣдствіи, будто бы, пальцы «деревенѣютъ», и дѣти не въ состояніи чинить основу. Но этотъ мотивъ выставлялся и 60 лѣтъ тому назадъ. Предприниматели говорили, что если воспретятъ работать восьмилѣтнимъ дѣтямъ, придется закрыть фабрики. Защитники билля Робсона говорили, что если эта ловкость пальцевъ дѣйствительно необходима, она можетъ быть развита въ дѣтяхъ какимъ нибудь другимъ путемъ въ школѣ, а не на фабрикѣ, напр., рисованіемъ или обученіемъ на музыкальномъ инструментѣ. Въ мастерской иногда болѣе

ніе углекопы, къ счастью, ушло въ область преданія. Теперь даже апологеты скученности населенія, какъ напримѣръ, лордъ Вимисъ, предсѣдатель лиги «защиты свободы и собственности», доказывавшій недавно, что «вмѣстѣ теплѣе», поэтому, перенаселеніе имѣетъ свои хорошія стороны: даже такіе апологеты не станутъ *открыто* доказывать пользу шахтъ для маленькихъ дѣтей, какъ это дѣлалъ, напр., въ тридцатыхъ годахъ лордъ Лондондерри; но дѣтскій трудъ въ царствѣ «King Coal» все еще существуетъ.

Теперь дѣти работаютъ только на днѣ «дудки», т. е. шахтоваго колодца. Свѣтъ здѣсь такъ слабъ, что съ трудомъ можно разсмотрѣть что либо. Только когда глаза совершенно привыкнутъ къ полумраку, вы видите маленькихъ гномовъ, копошащихся на днѣ «дудки» возлѣ нагруженныхъ тѣлежекъ, запряженныхъ пони. Это — «откатчики». Гораздо болѣе тяжела жизнь «trappers». Скрючившись, они сидятъ цѣлый день въ абсолютной темнотѣ. Обязанность ихъ открывать и закрывать двери, ведущія въ подземныя галлереи каждый разъ, когда проѣдетъ телѣжка. Эта одуряющая работа достается двѣнадцатилѣтнимъ дѣтямъ.

Среди маленькихъ шахтеровъ многіе не видятъ яснаго неба цѣлыми недѣлями, такъ какъ до такой степени устаютъ, что по воскресеньямъ спятъ цѣлый день. На конгрессахъ трэдъ-юніоновъ каждый годъ принимается рѣшеніе о полномъ упраздненіи дѣтскаго труда въ шахтахъ.

Какія мѣры будутъ приняты теперь для защиты дѣтей? Мы видѣли, что повышеніе предѣльнаго возраста поступленія на фабрику, какъ предлагаетъ билль Робсона,—поведетъ къ уничтоженію системы «half-time». Это, конечно, очень хорошо: система причиняла страшное зло. Къ сожалѣнію, билль Робсона не можетъ касаться совершенно не дисциплинированнаго дѣтскаго труда, который принимаетъ гораздо болѣе ужасныя формы, чѣмъ даже фабричный трудъ. Страшная удручающая нищета заставляетъ тѣхъ дѣтей, о которыхъ я говорилъ въ началѣ главы, быть коробочницами, цвѣточницами и т. д. Необходимость бороться съ конституціоннымъ зломъ, являющимся въ данномъ случаѣ первопричиной,—вызвала тотъ глубокій расколъ въ прогрессивныхъ партіяхъ современной Англіи, о которомъ упоминалось уже не разъ.

XV.

Гербертъ Спенсеръ.

I.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ люди, выступая въ свѣтъ съ автобіографіями, прихорашиваются. Какъ актеры предъ выходомъ на сцену, они смотрятъ на себя въ зеркало, стараясь принять наиболѣе выгодное выраженіе. Это одинаково относится какъ къ великимъ людямъ, такъ и къ посредственностямъ.

«Пусть труба, возглашающая страшный судъ, прозвучитъ, когда угодно. Я предстану съ этой книгой въ рукахъ предъ Всевышнимъ Судьею. Я скажу смѣло: «Вотъ все, что я сдѣлалъ, думалъ и чѣмъ былъ. Я съ одинаковой откровенностью говорилъ про себя хорошее и худое. Я ничего не умолчалъ изъ того, что я сдѣлалъ дурного, не прибавилъ ничего къ моимъ хорошимъ поступкамъ. И если я иногда пользовался безразличными украшеніями, то только когда приходилось заполнить пробѣлъ въ моей памяти... Я показалъ себя, каковъ я есть: презрѣннымъ и подлымъ, когда я былъ таковымъ, добрымъ, великодушнымъ и величественнымъ (sublime)—въ другихъ случаяхъ. Я раскрылъ мою душу, какъ Ты ее самъ знаешь, Всевышній! Собери же вокругъ меня безчисленныя толпы мнѣ подобныхъ. Пусть слушаютъ они мою исповѣдь, пусть вздыхаютъ по поводу мерзостей, совершенныхъ мною, и краснѣютъ, узнавъ про мои слабости. Пусть каждый изъ нихъ, въ свою очередь, у подножія Твоего трона раскроетъ свое сердце съ такою же искренностью. И пусть хоть одинъ дерзнетъ Тебѣ сказать: *я былъ лучше, чѣмъ этотъ человѣкъ*».

Историкъ литературы знаетъ хорошо, что вся эта страстная тирада—послѣдній взглядъ въ зеркало великаго актера, выступающаго на сцену человѣческой исторіи. Историкъ литературы знаетъ, что въ «Исповѣди» Руссо много неправды, и неправды сознательной.

Другой писатель, отчасти современникъ Руссо, но неизмѣримо болѣе геніальный, сознавалъ, что въ автобіографіи человѣкъ невольно гриммируется для потомства и мѣшаетъ пережитое съ пригрезившимся. Гете, поэтому, далъ второй заголовокъ своей автобіографіи: «Wahrheit und Dichtung». Мы, русскіе, имѣемъ удивительную книгу, поразительную по ослѣпительной яркости таланта, по глубинѣ, остроумію и искренности. Къ великому сожалѣнію, она извѣстна большой публикѣ только по отрывкамъ. Я имѣю въ виду, конечно, «Былое и думы». И, не смотря на поразительную

какъ создавалась колоссальная *Система синтетической философіи*. Но этимъ далеко не исчерпывается содержаніе автобіографіи. Спенсеръ обстоятельно,—своимъ обычнымъ, яснымъ, точнымъ, какъ алгебраическая формула языкомъ,—разсказываетъ, что онъ читалъ и *почему* читалъ, затѣмъ рисуетъ рядъ портретовъ людей, съ которыми встрѣчался или былъ близокъ. Тутъ—Бокль, Гексли, Джонъ Стюартъ Милль, Карлейль, Тиндаль, Генри Льюисъ, Джорджъ Элліотъ и др. имена, къ которымъ мы, русскіе, привыкли съ школьной скамьи относиться съ глубокимъ уваженіемъ. Съ такою же обстоятельностью Спенсеръ сообщаетъ о рядѣ изобрѣтеній и усовершенствованій, которыя онъ сдѣлалъ: объ электрическомъ двигателѣ, велосиметрѣ, цефалографѣ, постели для больныхъ и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ усовершенствованій ничтожны (напр., новая иголка для скалыванія періодическихъ изданій, новое удилище: Спенсеръ до 70 лѣтъ былъ страстный рыболовъ); но философъ, тѣмъ не менѣе, подробно разсказываетъ, какъ они зарождались,и не забываетъ прибавить чертежи, рисунки и смѣты.

«По всей вѣроятности,—говоритъ Спенсеръ,—многіе читатели будутъ поражены разнородностью моихъ занятій и пестротой тѣхъ предметовъ, которые интересовали меня въ различное время. Чтобы вполнѣ понять это разнообразіе, нужно сопоставить вопросы, занимавшіе меня въ послѣдующіе годы моей жизни, съ усовершенствованіями и изобрѣтеніями, надъ которыми работалъ я въ ранніе годы. Результатами моей умственной дѣятельности являются: доктрина о дѣятельности государства и... новый нивелирный колъ, генезисъ религіозныхъ идей и усовершенствованный часовой маятникъ; циркуляція сока въ растеніяхъ и постель для больныхъ; законъ органической симметріи и чертежная машина; анализъ основъ нравственности и велосиметры; критика метафизической доктрины и иголка для скалыванія газетъ; классификація наукъ и усовершенствованное удилище; общій законъ эволюціи и... практичный способъ насаживанія мухъ на рыболовный крючекъ.

«Есть нѣчто почти комическое въ этомъ контрастѣ великаго и малаго, важнаго и ничтожнаго. Но я долженъ отмѣтить всѣ эти факты въ естественной исторіи самого себя, которую пишу теперь.

«Указанные факты свидѣтельствуютъ объ одинаковомъ проявленіи анализа и синтеза, абстрактнаго и конкретнаго, общаго и частнаго. Другими словами, факты говорятъ о способностяхъ теоретическихъ и практическихъ. Но потребностью ума, работалъ ли онъ въ теоретическомъ, или въ практическомъ направленіи,—было всегда что-нибудь новое. И здѣсь можно замѣтить звено, соединяющее

писатель. Читателю предоставляется самому повѣрить или не повѣрить освѣщенію автора» *).

II.

Выше я упомянулъ, что большая публика въ Англіи не знала Спенсера, когда на континентѣ и въ Америкѣ его ученіе создавало школу. Это не значитъ, что въ Англіи не было горячихъ поклонниковъ Спенсера. Они появлялись и давали восторженную оцѣнку значенія *Системы синтетической философіи.*

«Гербертъ Спенсеръ, — говоритъ одинъ изъ такихъ поклонниковъ,—третій по счету мыслитель съ міровымъ значеніемъ, если первыми двумя будутъ Аристотель и Кантъ. Въ исторіи всѣ они будутъ пользоваться одинаковымъ безсмертіемъ. Никто не станетъ оспаривать, что и до Аристотеля были глубокіе мыслители, но онъ первый собралъ въ подобіе опредѣленной науки или опредѣленныхъ наукъ тысячи намековъ и изысканій своихъ предшественниковъ;—онъ на тысячу лѣтъ сталъ двигательной силой послѣдующей науки. Правда, впослѣдствіи наука отвергла большинство трудовъ Аристотеля; правда, развитіе современной науки началось съ того времени, когда авторитетъ греческаго мыслителя подвергся критикѣ. Но, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что Аристотель въ области мысли былъ королемъ даже по отношенію ко многимъ изъ тѣхъ, которые своими изслѣдованіями развѣнчали его. Аристотель—типичный властитель умовъ.

«Въ свою очередь и до Канта были мыслители, подрывавшіе авторитетъ Аристотеля. Изъ всѣхъ философовъ, вліяніе которыхъ сохранилось до настоящаго времени, Кантъ, быть можетъ, сильнѣе всѣхъ находился подъ впечатлѣніемъ ученія аттической школы. Вѣрно также то, что теперь наблюдается стремленіе отбросить большинство изысканій Канта въ области психологіи, точно такъ, какъ предшественники кенигсбергскаго философа рѣшительно отвергли Аристотеля. Но, тѣмъ не менѣе, Кантъ остается такимъ же царемъ мысли, какъ въ былое время—Аристотель.

«Спенсеръ третій по счету философъ, не мало содѣйствовалъ разрушенію также авторитета Канта. Спенсеръ, явившійся преемникомъ Лока, Юма, Беркли и Милля, тѣмъ не менѣе, піонеръ и въ высшей степени оригинальный философъ. Психологія будущаго станетъ вести свое начало отъ него. Труды Лока, Беркли и Юма также относятся къ работамъ Спенсера, какъ изысканія фанъ-Гельмонта и Берцеліуса къ сочиненіямъ Швана, какъ Гюйгенсъ

*) Ib., v. II, p. VI.

и Фурье—къ Юнгу, или какъ труды Ламарка и Бюффона—къ открытіямъ Дарвина. Труды Спенсера обнимаютъ все, что было изслѣдовано до него и, въ то же время, являются исходнымъ пунктомъ для безграничныхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. О колоссальности работы Спенсера можетъ дать представленіе слѣдующее. Кантъ изложилъ гипотезу туманныхъ пятенъ и намѣтилъ послѣдовательное развитіе земли отъ газообразнаго до нынѣшняго состоянія. Въ области біологіи Дарвинъ прослѣдилъ постепенное развитіе безчисленныхъ видовъ отъ первоначальнаго типа. Бэнъ далъ намъ законы въ области психологіи. Спенсеръ же прослѣдилъ матерію во всѣхъ проявленіяхъ ея, отъ первоначальнаго хаоса до продукта мысли» *).

Перейдемъ къ суммированію значенія Спенсера, сдѣланному другимъ горячимъ поклонникомъ философа—Гекторомъ Макферсономъ (*Herbert Spencer*, the Man and his work, by Hector Macpherson, London, 1900). Начало XIX вѣка, - говоритъ онъ,—было въ Англіи эпохой великихъ теологическихъ, философскихъ, политическихъ и соціальныхъ броженій. Энергія народа, которую перестали отвлекать великія войны, нашла себѣ примѣненіе въ торговлѣ и промышленности. Мысль, которую теологія не сковывала больше, усиленно работала. Появился рядъ великихъ открытій и скоро стало очевидно, что необходима новая теорія о человѣкѣ и объ его отношеніи къ вселенной. Въ Шотландіи публика, не смотря на сильное еще вліяніе теологіи, увлекалась такими трудами, какъ «Constitution of Man» Комба или же какъ «Vestiges of Creation». На континентѣ пробудился тотъ же духъ научнаго изслѣдованія. Наука не желала больше смотрѣть на природу лишь какъ на громадный музей, въ которомъ ученому нужно только наклеивать ярлыки на отдѣльныя явленія. Требовалось нѣчто обобщающее. Это стремленіе нашло себѣ выраженіе въ появившемся въ 1845 г. «Космосѣ» Гумбольдта. Приблизительно около того же времени появилась «Исторія и философія индуктивныхъ наукъ» Уэуэлля (Whewell), которая должна была продолжить трудъ Бэкона, «соотвѣтственно съ суммой знанія, добытаго въ наше время». Мыслитель типа Уэуэлля работаетъ при неблагопріятныхъ условіяхъ: въ то время, какъ онъ занятъ обобщеніями, могутъ быть сдѣланы открытія, которыя выбьютъ изъ-подъ космической теоріи, придуманной имъ, фундаментъ. Такова именно судьба Уэуэлля. Въ 1857 г., когда появилось послѣднее изданіе «Исторіи и философіи индуктивныхъ наукъ», ничего не было еще извѣстно—объ энергіи, сохраненіи

*) «Herbert Spencer», by Arthur Lynch, 1902, pp. 261—264.

и тратѣ ея, объ измѣненіи видовъ и эволюціи органическихъ формъ; неизвѣстна была также ни механическая теорія теплоты, ни абсолютная температура. Даже целлюлярная теорія, повидимому, извѣстна была только въ одной Германіи. Между тѣмъ, хотя всѣ эти вопросы занимали тогда многихъ, мы не находимъ и намека на нихъ въ трудѣ Уэуэлля. Онъ сдѣлалъ смѣлую попытку объединить въ подобіе системы массу знанія, накопленнаго въ то время. Книга Уэуэлля основывалась на органическомъ единствѣ наукъ. И если попытка ему не удалась, то не вслѣдствіе отсутствія глубины у автора, а потому, что ученые не открыли еще тогда путемъ наблюденій и опытовъ удивительнаго единства природы. Затѣмъ сильный толчекъ научной мысли далъ Контъ. Заслуга его заключается въ попыткѣ показать, какое положеніе въ прогрессѣ человѣчества занимаютъ теологія, метафизика и наука. Соглашаемся ли мы съ означеннымъ закономъ Конта о тѣхъ послѣдовательныхъ періодахъ, или нѣтъ,—мы, во всякомъ случаѣ, должны признать, что онъ освѣтилъ громадный періодъ въ исторіи, который до того времени представлялся настоящимъ лабиринтомъ. Въ общемъ, мы получаемъ опредѣленное представленіе о прогрессѣ человѣчества, когда признаемъ вмѣстѣ съ Контомъ, что теологія не могла объяснить вселенной, потому что искала въ ней волю одного существа; метафизика потерпѣла неудачу, потому что стремилась постичь сущность вещей; наука же сдѣлала многое, потому что занялась изслѣдованіемъ явленій путемъ наблюденій и опытовъ.

Но, не смотря на всю цѣнность трудовъ Конта, значеніе ихъ ослабляется однимъ громаднымъ недостаткомъ. Питая глубокую антипатію къ изученію причинъ, Контъ смѣшалъ двѣ различныя вещи: конечную или теологическую причину и дѣйствующую или механическую. Въ результатѣ Контъ отказался прослѣдить общій корень своихъ шести наукъ и рѣшительно возставалъ противъ всякой попытки пойти дальше изслѣдованія явленій, даже тогда, когда вопросъ былъ о выясненіи законовъ и силъ, составлявшихъ ключъ къ пониманію феномена. «Наиболѣе прискорбной причудой Конта,—говоритъ Лэстеръ Уордъ,—является его крайне враждебное отношеніе ко всѣмъ новѣйшимъ гипотезамъ относительно природы свѣта, теплоты, электричества и пр. Онъ относилъ все это къ тому же порядку, что и тяготѣніе, и заявлялъ, что ученые тратятъ напрасно время, когда желаютъ изслѣдовать происхожденіе и сущность этихъ явленій».

Гербертъ Спенсеръ воспользовался новымъ пониманіемъ природы, составляющимъ одно изъ наиболѣе важныхъ пріобрѣтеній XIX вѣка и которое Контъ не въ состояніи былъ примѣнить. До

Спенсера природу представляли себѣ, какъ колоссальную машину, отдѣльныя части которой спеціально изготовлены, чтобы работать въ опредѣленномъ мѣстѣ. Безъ сомнѣнія, въ этой машинѣ усматривалось единство; но таковое заключалось, по мнѣнію мыслителей того времени, въ главномъ механикѣ, а не въ *матеріалѣ*, изъ котораго состоитъ машина. Въ трудахъ ученыхъ, какъ и теологовъ начала XIX вѣка, мы не находимъ и намека на мысль объ органическомъ единствѣ космоса. Больше того, считалось абсолютно невозможнымъ открыть подобное единство. Философы раціоналистической школы, запутавшись въ сѣть ложнаго метода, положили произвольный предѣлъ изслѣдованіямъ. *Логика* Милля считалась евангеліемъ школы. Благоговѣніе, которое Милль питалъ къ Конту, объясняется тѣмъ, что тогда казалось, что шире и нельзя даже примѣнить индуктивный методъ для истолкованія вселенной.

И вотъ, явился Спенсеръ съ своей философіей космоса. Изслѣдуя познаваемое, Спенсеръ поставилъ себѣ цѣлью обнять однимъ обобщеніемъ—обобщенія отдѣльныхъ наукъ. Онъ предпринялъ прослѣдить дѣйствіе міроваго эволюціоннаго процесса (силы) отъ туманнаго пятна до высшихъ проявленій душевной дѣятельности. Для удобства, явленія раздѣлены Спенсеромъ на астрономическія, геологическія, біологическія, психологическія и соціологическія, но во всѣхъ ихъ наблюдается одинъ и тотъ же процессъ. Въ то время, какъ космосъ, какъ цѣлое, развивается отъ простого къ сложному путемъ интеграціи и дифференціаціи,—отдѣльныя части его подчиняются тому же закону эволюціи *).

Въ планъ этой главы не входитъ критическая оцѣнка грандіознаго труда. Задача моя гораздо скромнѣе. Я хочу только, основываясь на біографіи Спенсера, выяснить личность его.

III.

Способность къ анализу усиленно культивировалась въ молодомъ Гербертѣ отцомъ. «Я съ ранняго дѣтства привыкъ добираться до причинъ явленій,—говоритъ Спенсеръ.—Отецъ часто задавалъ мнѣ вопросъ: «можешь мнѣ сказать причину такого-то явленія?» Если я самъ не могъ добраться, онъ помогалъ мнѣ. Религіозныя воззрѣнія отца не дозволяли ему отрицать чудесное, но онъ такъ ясно истолковывалъ мнѣ естественныя причины явленій, что мало по малу во мнѣ наростало глубокое убѣжденіе въ томъ, что иныхъ и не можетъ быть.» Въ мальчикѣ развивали

*) См. упомянутую книгу Гектора Макферсона, p. p. 16—197.

любовь къ природѣ и къ естественнымъ наукамъ. И она была такъ интенсивна, что пятнадцатилѣтній Спенсеръ дебютировалъ въ литературѣ не стихами, а маленькимъ трактатомъ о кристаллахъ. Этотъ первый опытъ появился въ маленькомъ провинціальномъ журналѣ «The Bath Magazine». Основой статьи послужили собственныя наблюденія. Впрочемъ, даже Спенсеръ не миновалъ періода писанія стиховъ. Это случилось въ 1843 г., когда двадцати-трехлѣтній Спенсеръ пріѣхалъ въ Лондонъ пытать счастье.

«Я задумалъ написать поэму,- сообщалъ онъ отцу.– Кончу я ее черезъ нѣсколько лѣтъ. Я мало по малу вырабатываю планъ и набрасываю мысли, которыя разовью въ моемъ произведеніи. Оно будетъ называться *Ангелъ Истины*. Прилагаю нѣсколько стиховъ, являющихся результатомъ моего размышленія по поводу положенія міра въ *темные вѣка*». Писаніе стиховъ или, какъ Спенсеръ выражается, «the verse-making disorder»—продолжалось недолго. Кромѣ поэмы, Спенсеръ задумалъ еще драму *Мятежникъ*. «Въ ней я трактовалъ не возстаніе, но неудачи и разочарованія героя, обусловленныя слабостью и низостью людей, которые окружаютъ его.» Драма тоже предполагалась въ стихахъ; но все было оставлено. «Я убѣдился, — разсказываетъ Спенсеръ, — что мои стихи —не поэзія. Въ нихъ не было ни соотвѣтствующаго чувства, ни сильныхъ образовъ» *).

Извѣстно то, что Спенсеръ очень мало времени провелъ въ школѣ. Отецъ послалъ его къ своему брату, священнику, содержавшему школу, въ которой мальчики подготовлялись въ университетъ. Здѣсь Гербертъ Спенсеръ провелъ три года. Онъ проявилъ блестящія способности въ области математики. Онъ хорошо справлялся съ дифференціальными исчисленіями, когда товарищи его сидѣли еще на квадратныхъ уравненіяхъ, съ любовью занимался онъ также механикой, химіей и физикой; но классическіе языки ему рѣшительно не давались. Спенсеръ питалъ органическое отвращеніе къ заучиванію наизусть. И черезъ три года дядя отправилъ мальчика домой съ заявленіемъ, что способности у него отличныя, но только въ университетъ онъ никогда не поступитъ. Въ своей *Автобіографіи* Спенсеръ такъ суммируетъ, что дала ему школа: «Я поздоровѣлъ тамъ физически. Жизнь въ деревнѣ, гдѣ находилась школа, принесла мнѣ громадную пользу. Что касается развитія, то изъ школы я вынесъ порядочное знаніе математики, а съ ней дисциплину ума и способность думать логически. Языки я изучилъ очень плохо: по-французски зналъ только немного изъ грамматики да нѣсколько страницъ изъ книги

*) Autobiography, v. 1, p. 227.

вокабулъ. По-гречески выучился съ трудомъ переводить Новый Завѣтъ, по-латыни — съ ошибками и трудомъ добирался до смысла упражненій, которыя даются всегда начинающимъ. Вотъ, кажется, всѣ мои знанія того времени» *). Нужно удивляться тому, какъ много пріобрѣлъ Спенсеръ путемъ самообразованія. Внѣшніе факты его біографіи не сложны: онъ пробовалъ быть учителемъ, затѣмъ нѣсколько лѣтъ былъ инженеромъ. Тутъ онъ сдѣлалъ нѣсколько изобрѣтеній и усовершенствованій, о которыхъ подробно говоритъ въ своей автобіографіи. Затѣмъ Спенсеръ сталъ журналистомъ. Въ это время у него зарождался планъ громаднаго труда. Небольшія средства, полученныя по наслѣдству, дали Спенсеру возможность посвятить всю энергію *Системѣ синтетической философіи.* Ни слабость здоровья, ни денежныя затрудненія, ни старость не помѣшали Спенсеру закончить колоссальный трудъ, отнявшій больше тридцати лѣтъ. Крайне интересно прослѣдить генезисъ теоріи эволюціи у Спенсера. Философъ смутно чувствовалъ идею еще въ 1842 г. Въ статьѣ, помѣщенной въ провинціальной газетѣ «Nonconformist», двадцатилѣтній Спенсеръ писалъ: «Каждое живое существо находится въ тѣсной связи съ тѣмъ внѣшнимъ міромъ, въ которомъ оно живетъ. Отъ простого зоофита до высшаго позвоночнаго существованіе всѣхъ ихъ обусловлено извѣстными опредѣленными принципами. Каждое животное имѣетъ опредѣленныя потребности: оно нуждается въ пищѣ, затѣмъ въ логовищѣ, норѣ или гнѣздѣ для защиты отъ непогоды, враговъ и для того, чтобы выкормить тамъ дѣтенышей. Для выполненія всѣхъ этихъ дѣйствій, животныя имѣютъ соотвѣтственные органы и инстинкты, т. е. внѣшніе аппараты и внутреннія способности. Здоровье и счастье живого существа находятся въ зависимости отъ того, насколько цѣлесообразно дѣйствуютъ намѣченные органы и способности, которые въ свою очередь обусловливаются окружающей средой. Если живой организмъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ употребленіе какого-нибудь органа или способности излишне,—послѣдніе мало по малу атрофируются. Природа не даетъ ничего напрасно. Инстинкты и органы сохраняются только до тѣхъ поръ, покуда въ нихъ испытывается надобность. Помѣстите семейство животныхъ въ такія условія, при которыхъ употребленіе одного изъ органовъ или инстинктовъ не нужно больше, и вы мало по малу замѣтите рѣзкое измѣненіе. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, извѣстная способность или инстинктъ будутъ постепенно ослабѣвать. Въ концѣ концовъ, послѣдуетъ неизбѣжное вырожденіе. Все это вѣрно и от-

*) Ib. v. I, p. 115.

носительно человѣка». Мы видимъ здѣсь смутный образъ положеній, развитыхъ съ особенной силой двадцать лѣтъ спустя.

Теперь перейду къ портретамъ современниковъ Спенсера, какъ ихъ рисуетъ авторъ. Эти характеристики и отзывы о прочитанномъ дадутъ намъ возможность познакомиться съ Спенсеромъ, какъ съ человѣкомъ.

Прежде всего, о людяхъ, характеръ которыхъ представлялъ антитезу характера Спенсера.

Посмотримъ, какъ относился онъ къ Карлейлю. Философъ отмѣчаетъ, что въ 1844 г. на него громадное вліяніе имѣла *Система логики* Милля. «Усиленно читали въ то время,—продолжаетъ Спенсеръ,—также и другую книгу—*Sartor Resartus* Карлейля. Мнѣ ее далъ пріятель, который самъ былъ въ восторгѣ отъ книги. Она произвела впечатлѣніе, хотя отнюдь не имѣла продолжительнаго вліянія. Свѣжесть представленія вещей и удивительная сила стиля привлекли меня; но я не думаю, что книга хотя бы отчасти заставила измѣнить мой взглядъ на вещи. Я знаю людей, которые увѣряютъ, что въ ихъ міровоззрѣніи произошелъ радикальный переворотъ послѣ чтенія произведеній Карлейля. По всей вѣроятности, они болѣе впечатлительны, чѣмъ я, и болѣе воспріимчивы. Моей натурѣ совершенно чужда пассивная воспріимчивость, въ силу чего чужія мысли имѣютъ на меня чрезвычайно мало вліянія. Процессъ моего мышленія отнюдь не можетъ развиваться вслѣдствіе вліянія извнѣ. Я охотно беру матеріалъ, который можно обработать или переработать такъ, чтобы онъ вошелъ, какъ составная часть, въ связную систему; но мысли и чувства, чуждыя мнѣ, или не поддающіяся переработкѣ, я или отбрасываю, или равнодушно воспринимаю, такъ что быстро забываю. Такъ поступаютъ и всѣ самостоятельные мыслители, но въ моей натурѣ эта черта особенно развита» *). Лично съ Карлейлемъ Спенсеръ познакомился въ 1851 г., черезъ Генри Льюиса. «Однимъ изъ послѣдствій моего сближенія съ Льюисомъ,—пишетъ Спенсеръ,—было мое знакомство съ Карлейлемъ, къ которому меня повели въ октябрѣ 1851 г... Я провелъ у него цѣлый вечеръ. Карлейль—странное существо. По всей вѣроятности, онъ,—писалъ я тогда пріятелю,—до крайности надоѣлъ бы мнѣ, если бы я долго пробылъ въ его обществѣ. Разговоръ его состоялъ изъ ряда тирадъ противъ «ужаснаго, отвратительнаго положенія вещей», которыя онъ произносилъ съ характернымъ, сильнымъ шотландскимъ раскатомъ. Карлейль и въ разговорѣ былъ такъ же многоглаголивъ, какъ и въ своихъ писаніяхъ, громоздилъ эпитетъ на эпитетѣ,

*) V. I, p. 242.

выбирая возможно болѣе сильные и энергичные... Онъ любитъ посмѣяться и хохочетъ отъ души. Но его вѣчное ворчанье на всѣхъ и на все до такой степени раздражаетъ, и съ нимъ до такой степени безполезно спорить, что я не желаю часто видаться съ нимъ; по всей вѣроятности, я буду встрѣчаться съ Карлейлемъ раза три въ годъ, не больше».—Такъ писалъ Спенсеръ своему пріятелю послѣ перваго свиданія съ авторомъ *Sartor Resartus*. Всего Спенсеръ былъ у него три раза и затѣмъ прекратилъ посѣщенія. «Я нашелъ, что мнѣ приходится или молча выслушивать его нелѣпые парадоксы (что не въ моей привычкѣ), или завязывать горячій споръ, который кончался ссорой. И такъ какъ первая альтернатива была непримѣнима, а вторая—непріятна, то я порвалъ знакомство. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я поступилъ нѣсколько не такъ, какъ всѣ. Карлейль былъ такой интересный собесѣдникъ, его рѣчь такъ оригинальна и сильна, что многіе искали знакомства съ нимъ. Наслаждаясь формой парадоксовъ, они не обращали вниманіе на суть ихъ... Льюисъ говорилъ, что Карлейль—«пѣвецъ безъ музыки». Другіе сравнивали его съ еврейскими пророками. Были и такіе, которые, странно сказать, считали Карлейля философомъ. Принимая во вниманіе, что Карлейль никогда не могъ или не хотѣлъ мыслить связно и не доходилъ до заключеній, отправляясь отъ доказанныхъ посылокъ, а обыкновенно ограничивался догматическими утвержденіями,—мы должны сказать, что въ немъ не было совершенно характерныхъ чертъ философа. У Карлейля была еще одна особенность. Вмѣсто того, чтобы мыслить спокойно, какъ долженъ дѣлать прежде всего философъ, онъ давалъ волю раздраженію. Трудно найти другого такого писателя, умъ котораго былъ бы такъ подверженъ вліянію эмоцій. Названіе философа особенно странно, когда мы вспомнимъ его взгляды и характерныя изреченія. Карлейль, найдя, что въ ранніе вѣка и при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ «сильная рука» правителя принесла пользу, заключилъ, что это вѣрно и для всѣхъ временъ. Изъ этого видно, что Карлейль не могъ стать выше дѣтскаго взгляда, въ силу котораго человѣческая природа остается всегда неизмѣнной. Онъ глумился надъ политической экономіей, называя ее «зловѣщею стряпней». Карлейль доказывалъ, что желаніе людей, работающихъ вмѣстѣ при извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ, не создаетъ никакихъ общихъ законовъ, что намъ безразлично, признаемъ ли мы существованіе такихъ законовъ, или нѣтъ, что изученіе ихъ неинтересно, а потому безполезно. Все это врядъ ли свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ, высказывавшій подобные взглядь, проявилъ философскую глубину или проницательность. Карлейля приводила въ слѣпую

ярость книга Милля «О свободѣ», утилитаріанизмъ онъ называлъ «свинской философіей». Такимъ образомъ, онъ отождествлялъ стремленіе къ полезности съ эгоистическимъ стремленіемъ къ матеріальной выгодѣ и къ вознагражденію, не смотря на то, что утилитаріанизмъ заботится о благѣ другихъ и развиваетъ наиболѣе благородныя чувства. Все это тоже не рекомендуетъ Карлейля, какъ философа. Ни одинъ философъ никогда не обнаружилъ такой безумной ненависти въ наукѣ. Отвращеніе къ ней побуждало Карлейля давать въ своихъ писаніяхъ школьныя клички, какъ, напр.: «землесплющитель Мопертюи», какъ будто бы въ открытіи факта сплющенности земли было что-то позорное и предосудительное для французскаго астронома. Въ своихъ сочиненіяхъ Карлейль не уставалъ повторять, что нужно относиться съ уваженіемъ къ законамъ вселенной, и въ то же время онъ осыпалъ презрѣніемъ тѣхъ, которые посвятили жизнь изученію этихъ законовъ... Нѣкоторые изъ парадоксовъ Карлейля таковы, что, произнеси ихъ обыкновенный человѣкъ, не имѣющій имени, ихъ назвали бы невѣроятно глупыми. Таково утвержденіе, что геніальность «означаетъ трансцендентальную способность начать безпокоиться раньше всѣхъ». Въ дѣйствительности же, геніальность означаетъ какъ разъ противоположное: способность выполнять съ малымъ волненіемъ то, что обыкновенный человѣкъ не сдѣлаетъ съ какой угодно затратой безпокойства.

«Карлейль не безъ гордости говорилъ о самомъ себѣ, что онъ «преисполненъ свирѣпости древняго нормана». Однимъ изъ результатовъ была такая страсть къ противорѣчію, что Карлейль, какъ я самъ убѣдился, готовъ былъ опровергать свои собственные взгляды, если ихъ ему выставляли въ видѣ аргумента... Карлейль въ высшей степени любилъ сильныя и энергичныя выраженія, въ силу чего постоянно впадалъ въ преувеличенія. Отсюда я заключаю, что писанія его крайне неискренни, хотя принято говорить какъ разъ противоположное. Преувеличеніе исключаетъ искренность. Тотъ, кто постоянно злоупотребляетъ сильными эпитетами, къ которымъ искренній писатель долженъ относиться съ большою осторожностью, неизбѣжно представляетъ вещи въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Къ страсти къ энергичнымъ эпитетамъ нужно прибавить еще манеру говорить съ крайнимъ авторитетомъ. Онъ постоянно кого-нибудь обличалъ, осуждалъ или же осыпалъ презрѣніемъ. Мало по малу у Карлейля выработалась манера видѣть всюду только одно низкое, гадкое и презрѣнное. Его организмъ ежедневно выдѣлялъ извѣстную дозу проклятій, которыя нужно было излить на кого-нибудь. Я не хочу, конечно, утверждать,—продолжаетъ Спенсеръ,—что въ характерѣ Карлейля не было бла-

городныхъ чертъ. Знавшіе его близко говорятъ, что въ характерѣ Карлейля было много великодушія и даже нѣжности. Онъ иллюстрируетъ истину, которая не достаточно ясно сознается нами, именно, что въ человѣкѣ, какъ и въ низшихъ существахъ, могутъ рядомъ совмѣщаться свойства совершенно противоположныя. Собака, которая только что проявила величайшую привязанность къ хозяину, безъ достаточной причины кидается на посторонняго или же яростно нападаетъ на безобиднаго щенка, который смиренно пробѣжалъ мимо. Въ ребенкѣ мы въ нѣсколько минутъ можемъ наблюдать всю гамму эмоцій. То же самое мы видимъ въ людяхъ, дѣйствующихъ подъ впечатлѣніемъ импульса. Страсть разрушать и громить перемѣшана у нихъ съ нѣжностью. Натура Карлейля была совершенно не уравновѣшена. Это относится одинаково какъ къ его характеру, такъ и къ уму... Безъ сомнѣнія, крайняя раздражительность Карлейля и его рѣзкость объясняются въ извѣстной степени хронической диспепсіею; но изъ собственныхъ его разсказовъ мы видимъ, что Карлейль съ дѣтства отличался грубостью и деспотическими наклонностями... Человѣкъ съ такимъ неуравновѣшеннымъ умомъ не можетъ быть руководителемъ своихъ ближнихъ» *).

«Неуравновѣшенность», которая кажется Спенсеру самой непростительной чертой въ писателѣ,—нашъ авторъ открывалъ у всѣхъ метафизиковъ отъ древнѣйшихъ временъ. Его отзывы о Платонѣ, Кантѣ, Гегелѣ—очень рѣшительны. Прежде чѣмъ привести мнѣніе Спенсера о Платонѣ, посмотримъ, какъ онъ отзывался вообще о классической литературѣ.

«Не странно ли,—говоритъ онъ,—что послѣ многихъ вѣковъ цивилизаціи, все еще преобладаетъ убѣжденіе, что знаніе своей собственной природы, а также физическаго и соціальнаго міра, въ которомъ живетъ человѣкъ,—неважно для него; но за то крайне существенно для каждаго овладѣть языками двухъ вымершихъ народовъ, изучить вполнѣ преданія, битвы и суевѣрія ихъ, равно какъ дѣянія, большею частью кровавыя, ихъ героевъ, да преступленія ихъ боговъ! Двѣ мѣстныя группы фактовъ и вымысловъ, занимающія сравнительно небольшое пространство въ генезисѣ міра, который, въ свою очередь, составляетъ лишь ничтожную крупицу вселенной,—такъ поглащаютъ учащихся, что у нихъ не хватаетъ уже времени на ознакомленіе съ космосомъ. Если бы Римъ и Греція никогда не существовали даже, человѣческая жизнь и главный ходъ ея были бы въ существенныхъ чертахъ такіе же, какъ и теперь, т. е. жизнь или смерть, здоровье или болѣзнь,

*) «An Autobiography», v. I. p.p. 242—384.

счастье или несчастье, преуспѣяніе или гибель зависѣли бы тогда, какъ и теперь, отъ приспособленія дѣйствій къ требованіямъ среды. Между тѣмъ, этимъ знаніемъ среды люди совершенно пренебрегаютъ.

«Люди думаютъ, что лучше всего можно подготовить юношу къ жизни, если до мелочей ознакомить его съ языкомъ, мыслями, подвигами, несчастіями, безуміями, пороками и жестокостями двухъ народовъ, которые въ умственномъ отношеніи стояли отнюдь не выше насъ, а въ моральномъ отношеніи—неизмѣримо ниже и которыхъ знаніе явленій и причинъ ихъ было сравнительно невелико. Какъ не поражаться тѣмъ, что поколѣнія за поколѣніями проводятъ года въ изученіи ошибокъ и заблужденій древнихъ мыслителей, исходившихъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ совершенно произвольныхъ, непровѣренныхъ положеній, тогда какъ современная наука, оперирующая надъ тщательно собраннымъ въ теченіе вѣковъ матеріаломъ, остается въ школахъ въ полномъ пренебреженіи. О ней упоминаютъ между прочимъ, какъ о чемъ-то несущественномъ. Наши потомки, безъ сомнѣнія, отмѣтятъ это, какъ одну изъ самыхъ странныхъ аберрацій человѣческой мысли...»

При такомъ взглядѣ на значеніе классической литературы нетрудно предвидѣть оцѣнку Гомера, которую дѣлаетъ Спенсеръ.

«Лѣтъ двадцать тому назадъ,—говоритъ онъ,—я взялъ переводъ *Иліады*, чтобы изучить по ней предразсудки древнихъ грековъ. Одолѣвъ шесть пѣсенъ, я почувствовалъ, что не силахъ читать дальше. И если бы мнѣ предложили на выборъ добраться до конца или уплатить большой штрафъ,—я предпочелъ бы послѣднее. Я не буду говорить объ утомительныхъ перечисленіяхъ подробностей доспѣховъ и платья, колесницъ, лошадиныхъ статей, полученныхъ и возвращенныхъ ударовъ, чѣмъ наполнены цѣлыя страницы; о дѣтскомъ повтореніи описательныхъ именъ, какъ «долговолосые ахеяне», «хитроумный Одиссей», «копьеносецъ Пріамъ» и пр.; о безконечныхъ нелѣпостяхъ, какъ, напр., изложеніе во время битвы генеалогіи коня. Я не стану распространяться о томъ, что тема касается лишь грубыхъ страстей и истинктовъ дикаря; но достаточно будетъ сказать, что я не могъ выносить безпрерывнаго чередованія битвъ и рѣчей. Если бы даже мысли поэмы вызывали чувство пріятнаго,—я не могъ бы докончить ее вслѣдствіе отсутствія въ ней контрастовъ въ манерѣ изложенія и сюжетѣ» *).

Этотъ рѣзкій отзывъ не означаетъ, что Спенсеръ былъ совершенно равнодушенъ къ поэзіи. Въ молодости онъ крайне увлекался Шелли и въ возрастѣ 24 лѣтъ, въ письмѣ къ пріятелю,

*) An Autobiography, v. II, p. 262.

восклицалъ: „*Раскованный Прометей* — единственная поэма, которая вызвала во мнѣ энтузіазмъ» (v. I, p. 261). Разсуждая по этому поводу, Спенсеръ пишетъ: «Поэма удовлетворяетъ одно изъ моихъ органическихъ требованій: — она разнообразна». Я говорю *органическое* потому, что требованіе разнообразія свойственно моему характеру рѣшительно во всемъ, даже въ пищѣ. Однообразіе въ діэтѣ не только противно, но быстро порождаетъ разстройство пищеваренія. Повидимому, такимъ же свойствомъ въ высшей степени отличается и моя нервная система. Структура ея какъ частично, такъ и въ цѣломъ, скоро достигаетъ предѣла нормальной дѣятельности, за которымъ начинается непріятное и даже вредное. Вѣрно ли я объясняю явленіе, или нѣтъ, но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Даже въ дѣтствѣ я не выносилъ балладъ, въ которыхъ одни и тѣ же стихи повторяются много разъ. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ эта нелюбовь превратилась въ отвращеніе, интенсивность котораго росла съ годами. Прямо безстыдно со стороны поэтовъ безсмысленно повторять много разъ одну и ту же идею. или одни и тѣ же слова. Я признаю, что въ рѣдкихъ исключеніяхъ повтореніе умѣстно, когда оно подчеркиваетъ наростающее чувство. Но въ общемъ повторенія въ поэзіи излишни и свидѣтельствуютъ только о дѣтской скудости мысли.

...«Другое требованіе, которое я предъявляю къ поэзіи, это— сила (intensity). Эмоція составляетъ сущность поэзіи. Необходимой чертой каждаго дѣйствительно поэтическаго произведенія является сильное чувство. Если эмоція не очень сильнаго напряженія, то лучше всего выразить ее прозой; ритмическая форма становится умѣстной только тогда, когда чувство растетъ. Поэтому, вѣроятно, меня очень мало привлекаетъ Уордсуортъ *). Я признаю, что иногда у него попадаются очень поэтическія вещи, но въ общемъ его сочиненія напоминаютъ мнѣ только пиво, а не вино... Высшимъ типомъ поэзіи будетъ такое произведеніе, въ которомъ форма безпрерывно измѣняется въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ. Она должна то крѣпнуть, когда волна чувства растетъ, то ослабѣвать и превращаться въ прозу съ легкими лишь слѣдами ритма, когда эмоція падаетъ. Въ соотношеніи съ этимъ слова и образы должны измѣняться въ своей силѣ и яркости. Мнѣ кажется, поэты дѣлали попытки писать произведенія, разнообразныя по формѣ, но безъ большого успѣха. Для этого требуется трансцендентальный геній. О чужихъ запросахъ я не могу, конечно, говорить. Лично же я читаю очень мало стиховъ, но

*) Представитель «Озерной школы».

за то требую, чтобы они были очень хороши. Даже настоящіе поэты пишутъ слишкомъ много. Если бы они написали въ четыре раза меньше, — человѣчество отъ этого сильно выиграло бы. Что же касается риѳмачей (versifiers) и второстепенныхъ поэтовъ, то они только топятъ чужую хорошую литературу въ потокѣ собственной, скверной. Есть нѣчто крайне утомительное въ безпрерывномъ перерабатываніи поэтами стараго матеріала и въ легкомъ подновленіи его, — въ этой безконечной болтовнѣ про небеса и звѣзды, про море и ручьи, деревья и цвѣты, закаты и восходы солнца, про шопотъ вѣтерка и пѣнье птичекъ и т. д. Надоѣло читать описанія всего этого и повтореніе старыхъ метафоръ. Въ произведеніяхъ, которыя пишутся теперь, поэзія не кипитъ и не бьетъ сама родникомъ: ее приходится накачивать помпой *). А накаченную такимъ образомъ поэзію не стоитъ читать».

IV.

Посмотримъ теперь, какъ относится Спенсеръ къ философамъ метафизикамъ. Начнемъ съ Платона.

«Много разъ, — пишетъ Спенсеръ, — принимался я читать то тотъ, то другой діалогъ Платона, но каждый разъ нетерпѣливо откладывалъ книгу. Меня раздражала расплывчатая неопредѣленность мысли и смѣшиваніе словъ съ дѣломъ. Отталкивала меня также спутанная форма аргументаціи. Я сказалъ объ этомъ разъ знатоку классической литературы. «Все это такъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — но сочиненія Платона стоитъ читать, какъ художественное произведеніе». И вотъ, когда я снова взялся за Платона, то пытался открыть въ немъ художественныя красоты; но отложилъ книгу съ чувствомъ еще большаго разочарованія, чѣмъ прежде. По моему, нелѣпо называть «діалогомъ» разговоръ философа съ «болваномъ», который подаетъ только реплику, которая какъ разъ нужна первому собесѣднику. Даже третьестепенные романисты лучше умѣютъ драматизировать сцены. Въ *Племянникѣ Рамо* Дидро больше драматической правды, чѣмъ во всѣхъ діалогахъ Платона, взятыхъ вмѣстѣ, если только остальные разговоры похожи на тѣ, которые я просматривалъ. Впрочемъ, цитаты, попадавшіяся мнѣ иногда у другихъ писателей, приводятъ меня къ заключенію, что у Платона встрѣчаются отдѣльныя мысли, которыя могли бы мнѣ сослужить пользу, если бы я имѣлъ терпѣніе выискивать ихъ» **).

---

*) The poetri commonly produced does not bubble up as a spring but is simply pumped up.» (v. I, p. 262—264).

**) Ib., v. II, p. 442.

нельзя спѣшить съ общими выводами, покуда не накопили еще достаточнаго количества фактовъ; но, признавая, что въ словахъ Гексли есть извѣстная доля правды, я, тѣмъ не менѣе, не могъ вполнѣ согласиться съ нимъ. Мнѣ казалось, что возможны только два предположенія относительно созданія космоса: или традиціонное, или прогрессивное развитіе. И такъ какъ традиціонная доктрина, для подтвержденія которой нѣтъ фактовъ, казалась мнѣ невѣроятной своимъ противорѣчіемъ всѣмъ моимъ знаніямъ законовъ природы,—то естественное развитіе представлялось мнѣ единственной альтернативой. И вотъ почему я возвращался къ ней, не смотря на серьезныя возраженія, которыя иногда дѣлались моей гипотезѣ» *).

Объ этихъ совмѣстныхъ прогулкахъ съ Гексли Спенсеръ сохранилъ самое свѣтлое воспоминаніе. Къ пріятелямъ разъ присоединился третій собесѣдникъ, Бокль, котораго Гексли до того никогда не встрѣчалъ. «Когда послѣ продолжительнаго разговора Бокль оставилъ насъ, - пишетъ Спенсеръ,—Гексли воскликнулъ, пораженный его слабой, нерѣшительной походкой: «Теперь я понимаю, что это за человѣкъ,—у него голова перетягиваетъ». Я только перелистывалъ *Исторію цивилизаціи въ Англіи*,—продолжаетъ Спенсеръ,—но думаю, что Гексли былъ правъ. Бокль набралъ гораздо больше матеріала, чѣмъ въ состояніи былъ пересоздать. Матеріалъ этотъ подавилъ его» **).

Сороковые и пятидесятые годы въ Англіи были эпохой необыкновеннаго духовнаго подъема. Цѣлая плеяда блестящихъ философовъ, историковъ, экономистовъ, публицистовъ и общественныхъ дѣятелей вырабатывала широкіе планы, осуществленіе которыхъ должно было, какъ вѣрили тогда, повести къ всеобщему счастью. Плеяда продолжала развивать доктрины, намѣченныя во Франціи энциклопедистами, а въ Англіи—Бентамомъ. Одинъ изъ главныхъ вопросовъ, который рѣшался тогда, былъ: «что такое общество?» «Какое отношеніе существуетъ между человѣкомъ, какъ единицей, и обществомъ, какъ цѣлымъ?» На это Бентамъ, а потомъ философскіе радикалы отвѣчали, какъ Гольбахъ въ «Système Sociale»: всѣ люди стремятся къ счастью. Общество состоитъ изъ извѣстнаго числа индивидуумовъ, ищущихъ счастья. Если это такъ, то высшимъ общественнымъ типомъ будетъ тотъ, который гарантируетъ возможно большую сумму счастья возможно большему числу людей. Милль, какъ и Бентамъ, не пытался выяснить зависимости счастья индивидуумовъ и общества отъ общихъ законовъ.

*) Ib., v. I, p.p. 403, 505.

**) Ib., v. II, p.p. 3—5.

Человѣкъ разсматривался съ точки зрѣнія статики. Философскіе радикалы, какъ и энциклопедисты, считали человѣческую природу неизмѣнной и постоянной. Общественное зло,—учили Гольбахъ, Кондорсэ, а за ними философскіе радикалы, — обусловливается только дурной правительственной системой. Путемъ обузданія произвола правящаго класса и хорошихъ законовъ можно осчастливить общество. Съ безцеремонностью, которую проявляютъ энциклопедисты, когда имъ нужно было иллюстрировать теорію фактами (ихъ тогда накоплено было очень мало; главнымъ образомъ, они относились къ классическому міру),—Гольбахъ въ *Système Sociale* ссылается на какое-то идеальное общество, живущее, будто бы, гдѣ-то около Тибета. Общество это совершенно покончило съ причиной всѣхъ золъ, какъ понимали ее энциклопедисты. Вмѣсто сложной правительственной машины, общество это имѣетъ мраморную нишу, въ которой хранится книга съ надписью: «Законъ». Милль, конечно, не такъ смотрѣлъ на правительство; но и онъ склоненъ былъ преувеличивать его значеніе, какъ мы видимъ это по книгѣ *Representative Government*. Въ Англіи Спенсеръ первый сталъ разсматривать общество не съ политической, а съ біологической точки зрѣнія. И значеніе Спенсера, въ этомъ отношеніи, не уменьшается отъ того, что большинство его выводовъ, сдѣланныхъ изъ положеній, развитыхъ въ *Соціальной статикѣ*,—рѣшительно отвергнуты.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Спенсеръ глубоко интересовался политическими и соціальными вопросами, и это повело къ сближенію съ блестящей плеядой, о которой я упоминалъ: съ Миллемъ, Генри Льюисомъ, Джорджъ Эліотъ и др. Всѣ они группировались тогда вокругъ *Вестминстерскаго Обозрѣнія*, основаннаго учениками Бентама. *Westminster Review* занимаетъ важное и почетное мѣсто въ культурной исторіи новѣйшей Англіи. Журналъ въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ пользовался громаднымъ вліяніемъ. «Журналъ выступилъ противъ майоратовъ, ратовалъ за эмансипацію католиковъ и евреевъ, проповѣдывалъ равенство всѣхъ культовъ предъ закономъ и стоялъ за отдѣленіе церкви отъ государства. «Westminster Review»—первое изданіе въ Англіи, поднявшее вопросъ о томъ, что образованіе народа есть дѣло не частной инціативы, какъ было до тѣхъ поръ, а основной долгъ государства. Журналъ стоялъ за отмѣну налоговъ на съѣстные припасы и за введеніе налога на недвижимую собственность («Очерки современной Англіи», стр. 290).

Въ 1850 г. Спенсеръ познакомился съ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ *Вестминстерскаго Обозрѣнія*, съ Генри Льюи-

сомъ, который вскорѣ основалъ свой собственный журналъ — *Fortnighty Reviəw.* «Мы вышли разъ въ погожую весеннюю ночь вмѣстѣ изъ редакціи. Всю дорогу мы говорили о теоріи эволюціи. Съ того вечера у насъ завязались дружескія отношенія, порванныя только смертью... Какъ собесѣдникъ, Льюисъ былъ въ высшей степени привлекателенъ. Онъ очень много читалъ, думалъ и умѣлъ заинтересовать слушателя. Кромѣ того, онъ зналъ массу анекдотовъ, которые умѣлъ вставить, когда вниманіе его слушателя ослабѣвало Теперь въ Англіи его знаютъ только по книгѣ *Вопросы Жизни* и *Духа* (Problems of Life and Mind); но тогда онъ былъ широко извѣстенъ еще, какъ блестящій, всесторонне образованный публицистъ, критикъ, романистъ, драматургъ, актеръ и какъ популяризаторъ философскихъ системъ. Помню. онъ прочиталъ какъ-то въ провинціальномъ городѣ, кажется, въ Эдинбургѣ, курсъ лекцій по философіи. Въ вечеръ, когда закончилась послѣдняя лекція, въ театрѣ шелъ *Венеціанскій Купецъ* съ Льюисомъ въ роли Шейлока. Льюисъ игралъ очень хорошо. Я вполнѣ понимаю, почему онъ въ молодости серьезно подумывалъ о поступленіи на сцену. Остановила тогда Льюиса несценическая фигура *).

«Въ то время (1851 г.) я ничего не зналъ о несчастной семейной жизни Льюиса и меня поразило только всепрощеніе его и необыкновенная нѣжность... Результатомъ дружбы съ Льюисомъ было то, что я прочелъ нѣкоторыя его книги. О своемъ первомъ романѣ *Ranthorpe* онъ самъ отзывался презрительно; но о своемъ второмъ беллетристическомъ произведеніи «Rose, Blanche and Violet» былъ болѣе выгоднаго мнѣнія. Этотъ романъ я читалъ. Насколько могу вспомнить, онъ не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія. Большое вліяніе на меня за то имѣла «Исторія философіи въ біографіяхъ».

Выше упоминалось уже, что свѣдѣнія Спенсера о Кантѣ и Гегелѣ, главнымъ образомъ, были почерпнуты изъ книги Льюиса.

Еще тѣснѣе сблизился Спенсеръ съ Льюисомъ, когда тотъ сошелся съ Джорджъ Эліотъ, съ которой авторъ *Синтетической философіи* былъ давно въ большой дружбѣ. Въ домѣ у Льюисовъ Спенсеръ чувствовалъ себя, какъ у родныхъ, и здѣсь не только

*) Льюисъ и лордъ Литонъ (Бульверъ) считаются самыми некрасивыми знаменитыми людьми Англіи. Пѣтушиное лицо Бульвера производило тѣмъ болѣе коммическое впечатлѣніе, что онъ много занимался своею наружностью и желалъ нравиться. Физически Льюисъ былъ еще болѣе некрасивъ, чѣмъ Бульверъ: маленькаго роста, съ широкимъ, плоскимъ носомъ, лошадиной челюстью, Льюисъ пересталъ мечтать о сценѣ, когда убѣдился, что съ такой наружностью ему нельзя играть Гамлета.

велъ долгіе теоретическіе споры, но даже, вмѣстѣ съ хозяиномъ, пѣвалъ комическія пѣсни. Репертуаръ ихъ у Льюиса былъ безконечный.

Льюисъ умеръ въ 1878 г. «Такъ какъ мои взгляды расходятся съ тѣми, которые выражаются въ надгробномъ отпѣваніи, — говоритъ Спенсеръ,—то я не люблю присутствовать на похоронахъ: я выражалъ бы этимъ молчаливое соглашеніе со всѣмъ тѣмъ, что читается при такихъ случаяхъ; но, когда умеръ Льюисъ, я вынужденъ былъ отступиться отъ моего принципа. Во-первыхъ, мое отсутствіе могло быть неправильно истолковано, во-вторыхъ, оно причинило бы огорченіе лицу, къ которому я питалъ глубокое уваженіе (Джорджъ Эліотъ), хотя это лицо, вѣроятно, поняло бы мои мотивы!.. Смерть Льюиса оборвала семейный союзъ, продолжавшійся четверть вѣка. Можно было бы думать, что фактъ посвященія Эліотъ своихъ записокъ памяти Льюиса достаточно говоритъ о привязанности романистки. Но есть люди, которые, тѣмъ не менѣе, безъ всякихъ основаній, утверждаютъ противоположное. Насколько я могъ судить, — союзъ Льюиса и Джорджъ Эліотъ былъ крѣпче, чѣмъ бракъ какой-либо другой пары, извѣстной мнѣ. Льюисъ всегда былъ очень внимателенъ къ Джорджъ Эліотъ. Помню, разъ, въ удрученномъ состояніи духа, я замѣтилъ какъ-то, что жизнь для меня, сама по себѣ, не имѣетъ цѣнности, разъ только мнѣ удастся кончить мой трудъ... На это и Льюисъ, и Джорджъ Эліотъ горячо стали возражать. Они сказали, что все мое настроеніе объясняется отсутствіемъ семьи и огорчались при этомъ, что смерть скоро разлучитъ ихъ» *). Приведенныя строки крайне характерны въ одномъ отношеніи. Англійское общество не могло простить Льюисамъ ихъ брака, не скрѣпленнаго никакой формальностью. Только громадный талантъ и міровая слава спасли Джорджъ Эліотъ отъ того, чтобы это неодобреніе не отлилось въ какую-нибудь дикую и уродливую форму. Суровымъ цензорамъ нравовъ требовалось, чтобы союзъ былъ несчастный. «Вотъ злонравія достойныя плоды!—воскликнули бы они:—вотъ какъ карается сожительство, на которое не взято у пастора разрѣшеніе». Когда же цензоры нравовъ убѣдились, что желаемаго имъ результата нѣтъ и что союзъ счастливый, — они стали выдумывать. На прямую ложь они не рѣшались пойти: но намековъ въ нѣкоторыхъ біографіяхъ пущено достаточно. И такіе именно намеки, очевидно, имѣетъ въ виду Спенсеръ.

---

*) «An Autobiography», v. II. p. 319.

V.

Въ перепискѣ Джорджъ Эліотъ, изданной послѣ смерти великой романистки, мы находимъ письмо къ пріятелю, гдѣ говорится: «Я познакомилась съ нѣкіимъ мистеромъ Спенсеромъ, который только что издалъ книгу *Соціальная Статика*; по мнѣнію Льюиса, лучшее сочиненіе по этому предмету». Черезъ нѣсколько недѣль, въ томъ же 1850 г., Джорджъ Эліотъ пишетъ подругѣ: «Наиболѣе пріятнымъ явленіемъ въ моей жизни является новый другъ—Гербертъ Спенсеръ. Мы видимся теперь каждый день. Между нами установились самыя лучшія и теплыя пріятельскія отношенія... Безъ него я испытывала бы пустоту въ жизни» *). Въ своей автографіи Спенсеръ тоже признаетъ, что Джорджъ Эліотъ произвела на него сильное впечатлѣніе. Тѣсная дружба завязалась послѣ одного шуточнаго эпизода. Молодой, тридцатилѣтній Спенсеръ только что выпустилъ свою *Соціальную Статику*, которая произвела такое сильное впечатлѣніе на одну экзальтированную дѣвицу, что та рѣшила, во что бы то ни стало, познакомиться съ философомъ. Узнавъ, что онъ знакомъ съ миссъ Ивэнсъ (Джорджъ Эліотъ), дѣвица стала просить познакомить ее съ Спенсеромъ. Джорджъ Эліотъ тогда еще мало знала Спенсера, но рѣшила тотчасъ же, что его слѣдуетъ женить, такъ какъ экзальтированная дѣвица совсѣмъ подходящая невѣста. Спенсеру новая знакомая не понравилась. «Молодая дѣвица, — пишетъ онъ,—очень была развита, точнѣе, болѣзненно развита. Это былъ умъ малаго калибра, но находившійся постоянно въ крайне дѣятельномъ состояніи. Кромѣ того, она обладала такимъ полемическимъ задоромъ, какъ и я, а самомнѣніемъ — еще большимъ. Не нравилось мнѣ также и то, что поклонница моей книги, повидимому, не умѣла совершенно смѣяться. И, не смотря на то, что она была хороша собой, молода, писала стихи и имѣла хорошее состояніе — она не произвела на меня благопріятнаго впечатлѣнія». Съ другой стороны, и Спенсеръ совершенно не понравился молодой дѣвицѣ. Она была разочарована. По книгѣ, она ждала увидать философа, замѣчанія котораго полны глубокаго смысла, тогда какъ Спенсеръ говорилъ самыя обыкновенныя вещи. «Большинство читателей, — замѣчаетъ Спенсеръ,— составляютъ себѣ совершенно особое представленіе о писателяхъ и ждутъ увидѣть необыкновенныхъ людей. Какъ общее правило, книги всегда интереснѣе ихъ авторовъ, хотя возможны и исключенія». Комическій эпизодъ неудачнаго сватовства очень сблизилъ

---

*) Herbert Spencer, the Man and his Work, by Hector Macpherson, p. 53.

Спенсера и миссъ Ивэнсъ, которая тогда была уже извѣстна, какъ переводчица Штрауса и какъ авторъ блестящихъ публицистическихъ статей, но не пробовала еще своихъ силъ въ беллетристикѣ. Въ письмѣ къ пріятелю Спенсеръ писалъ въ началѣ 1852 г.: «Я упомянулъ уже вамъ имя миссъ Ивэнсъ, съ которой познакомился не такъ давно. Въ интеллектуальномъ отношеніи она—самая привлекательная женщина, какую только я когда-либо встрѣчалъ. Мы съ каждымъ днемъ становимся все болѣе близкими друзьями. Ея мощный умъ въ соединеніи съ женственными качествами привлекаетъ меня». Молодые люди часто посѣщали вмѣстѣ оперу, бесѣдовали, читали Канта.

«Въ наружности Джорджъ Эліотъ, — описываетъ Спенсеръ. — наблюдались тѣ же мужскія черты, которыя характеризовали ея умъ. Хотя она была и средняго роста, но очень крѣпко сложена. Голова у ней тоже была больше, чѣмъ у женщинъ. Кромѣ того, одна особенность, именно, правильность очертаній, отличала голову Джорджъ Эліотъ отъ обыкновенныхъ мужскихъ и женскихъ череповъ. Какъ общее правило, черепа бываютъ плоскіе или вдавленные. Голова же Джорджъ Эліотъ была всюду выпукла. Въ состояніи задумчивости, лицо ея поражало своею силою и сосредоточенностью, но совершенно преображалось улыбкой. Обыкновенно, улыбки выражаютъ лишь чувство удовольствія. Къ улыбкѣ же Джорджъ Эліотъ примѣшивалось выраженіе симпатіи къ человѣку. Голосъ ея былъ грудной, сильный, очень низкій, но пріятный. Объ этомъ я могу судить, потому что въ то время мы часто пѣвали вмѣстѣ. Въ характерѣ ея наблюдались двѣ черты, которыя порождаютъ альтруистическія чувства: доброта и семейныя наклонности. Дѣятельностью послѣднихъ обусловливались въ значительной степени главныя событія въ жизни Джорджъ Эліотъ. Нечего прибавлять, что послѣдствіемъ замѣчательной доброты явилось восторженное отношеніе къ человѣчеству. Оно стало интенсивнѣе, когда произошелъ кризисъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ миссъ Ивэнсъ. Весь энтузіазмъ она перенесла тогда на человѣчество вообще. На ряду съ превосходной памятью, которая дала возможность Джорджъ Эліотъ отлично усвоить много знаній, романистка обладала мощнымъ, оригинальнымъ умомъ, поражавшимъ въ особенности способностью къ анализу. Я рѣдко встрѣчалъ людей, съ которыми такъ свободно могъ обсуждать самые запутанные философскіе вопросы. Способность къ абстрактному мышленію рядомъ съ способностью конкретнаго представленія рѣдко встрѣчается даже въ мужчинахъ. Что же касается женщинъ, то Джорджъ Эліотъ составляла исключеніе... И удивительнѣе всего было то, что поразительная мощь ума и способность контроля надъ собою соединялись у

Джорджъ Эліотъ съ замѣчательной неувѣренностью въ своихъ собственныхъ силахъ».

Вслѣдствіе недовѣрія къ себѣ, Джорджъ Эліотъ не рѣшалась взяться за писаніе романовъ. Беллетристическій талантъ открылъ въ ней Спенсеръ, но только Льюису удалось убѣдить Джорджъ Эліотъ взяться за романъ.

Спенсеръ плохо зналъ французскій языкъ, которымъ владѣлъ настолько, чтобы добраться до смысла легкаго романа. Джорджъ Эліотъ, напротивъ, отлично знала языки и, такимъ образомъ, помогла своему другу прочитать «Курсъ положительной философіи» Конта. «Я не помню,—разсказываетъ Спенсеръ,—что я говорилъ тогда о трехъ контовскихъ фазисахъ исторіи, т. е. о фазисахъ теологическомъ, метафизическомъ и позитивномъ. Насколько помнится, я не отрицалъ, но и не принималъ ихъ, а отнесся безразлично. За то о контовской классификаціи наукъ я тотчасъ же высказалъ опредѣленное мнѣніе. Я имѣлъ достаточно знаній въ этомъ отношеніи и отнесся отрицательно къ классификаціи. Между нами завязался оживленный споръ. Джорджъ Эліотъ признавала классификацію».

Наступила весна. Споры были перенесены на открытый воздухъ. Друзья предпринимали частыя прогулки, во время которыхъ обсуждались различные вопросы. Молодые люди такъ часто бывали вмѣстѣ, что всѣ знакомые предвидѣли одинъ неизбѣжный конецъ—свадьбу.

Но самые проницательные люди ошиблись. Черезъ два года послѣ этого Джорджъ Эліотъ стала женой не Герберта Спенсера, а Генри Льюиса. Нѣкоторыя поясненія, мнѣ кажется, можно найти въ LXIV главѣ второго тома, озаглавленной «Размышленія». Спенсеръ, между прочимъ, говоритъ о значеніи красоты. «Физическая красота въ женщинѣ для меня условіе sine qua non. Въ этомъ я, къ несчастью, убѣдился разъ, когда высокія душевныя качества и мощный умъ имѣлись въ наличности» *). Джорджъ Эліотъ, какъ извѣстно, была очень некрасива.

Приведу выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ Спенсера по Египту, куда онъ отправился въ 1880 г. для поправленія надорваннаго здоровья, которая показываетъ, что философъ, резонировавшій даже въ любви, способенъ былъ къ сильнымъ эмоціямъ.

«Больше всего въ памяти у меня остался поразительный контрастъ между двумя могилами, которыя я видѣлъ въ Гизе, на лѣвомъ берегу Нила, противъ Каира и на островѣ близъ Ассуана. Съ однимъ памятникомъ соединено имя Хеопса или Куфу, какъ

*) Ib., v. II, p. 445.

его теперь называютъ, который, если вѣрить Геродоту, заставилъ сто тысячъ рабовъ строить въ теченіе двадцати лѣтъ пирамиду. За это время тысячи людей должны были, вѣроятно, погибнуть отъ непосильной, каторжной работы. Куфу причинилъ народу такія великія страданія, что послѣдующія поколѣнія ненавидѣли даже имя его и постарались уничтожить всѣ изображенія фараона. По всей вѣроятности, Куфу принадлежалъ къ числу тѣхъ, которыхъ проклинали, какъ изверговъ человѣческаго рода.

«Другой надгробный памятникъ я видѣлъ во время экскурсіи въ окрестностяхъ Ассуана. Мы посѣтили туземное кладбище и замѣтили недавно засыпанную могилу. Быть можетъ, здѣсь лежалъ феллахъ, надорвавшійся надъ непосильною работой въ силу увеличившихся податей; быть можетъ,—сынъ, поддерживавшій своею работой старика-отца, или вдова, которой нужно было кормить сиротъ. Поразило меня то, что, вмѣсто памятника, на могилѣ стояла лишь воткнутая палка съ кускомъ кирпича-сырца на ней. Контрастъ между двумя надгробными памятниками, если задуматься, былъ ужасный. Преступнику и извергу человѣческаго рода—величайшее въ мірѣ зданіе; смиренному и достойному труженику—комокъ высохшей глины» *).

VI.

Въ своей автобіографіи Спенсеръ говоритъ, что способность къ анализу усиленно культивировалась въ немъ отцомъ. Эта ранняя привычка относиться ко всему критически часто раздражала въ школѣ учителей. Спенсеръ, напр., разсказываетъ, какъ въ тринадцать лѣтъ его критическое отношеніе къ неточному опредѣленію инерціи въ учебникѣ физики повело за собою большую сцену въ классѣ. Учитель заступился за авторитетъ учебника, но на сторонѣ мальчика была истина. Побѣдителемъ вышелъ Спенсеръ **).

Та же способность къ анализу и стремленіе схватить причину явленія породила впослѣдствіи *Систему синтетической философіи*. Стремленія къ отысканію причинности явленій заставили Спенсера рано отказаться отъ догматизированныхъ традицій, въ которыхъ воспитали его.

Мы видѣли уже, какъ въ раннихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ Спенсеръ смутно нащупывалъ идею эволюціи. Болѣе опредѣленно оформлена она въ *Соціальной статикѣ*, вышедшей въ

*) An Autobiography, v. II, p. 342.
**) Ib., v. I. p. 103.

работу на нѣкоторое время. Это тоже отозвалось на маленькомъ капиталѣ. «Ко всему этому нужно прибавить еще слѣдующее. Мои статьи, которыя я помѣщалъ иногда въ журналахъ, требовали большой подготовки. Я не могъ писать ихъ быстро, между тѣмъ получалъ за нихъ очень скромный гонораръ. За статьи въ «Medico-Chirurgical Reveiew» мнѣ платили по шести гиней съ листа, а въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи* — по 10 гиней *). При такомъ скромномъ заработкѣ и, при томъ, съ такимъ разстроеннымъ здоровьемъ я не могъ приступить къ осуществленію моего грандіознаго труда».

Спенсеръ сталъ подумывать о какой-нибудь легкой государственной службѣ и обратился съ письмомъ къ Миллю, который занималъ крупный постъ. «Въ моихъ статьяхъ «Законы и причины прогресса» и «Трансцендентальная психологія», — писалъ Спенсеръ, — намѣчены нѣкоторыя положенія, которыя... теперь я желалъ бы развить въ стройную систему. Я желалъ бы посвятить все мое время нѣкоторымъ книгамъ, въ которыхъ намѣреваюсь обобщить данныя біологіи, психологіи и соціологіи... Къ несчастью для меня, тѣ книги, которыя я издалъ до сихъ поръ, — не продаются. Я почти истратилъ все маленькое состояніе, которое имѣлъ. Печатать книги на собственный счетъ я больше не могу. Мое здоровье такъ слабо, что я не могу заниматься умственнымъ трудомъ послѣ дня, отданнаго хлѣбной работѣ... Не найдете ли возможнымъ дать мнѣ въ департаментѣ по индійскимъ дѣламъ какую-нибудь легкую службу съ маленькимъ жалованьемъ, такъ какъ мои потребности холостяка очень скромны. Такое мѣсто дало бы мнѣ возможность осуществить планъ работы. Боюсь, что такихъ мѣстъ не существуетъ или ихъ очень мало. Если они даже имѣются, то боюсь, что, въ силу моихъ политическихъ взглядовъ, мнѣ откажутъ». Милль отвѣтилъ отказомъ. Въ поискахъ «маленькаго мѣста» Спенсеръ подумывалъ, не стать ли ему тюремнымъ инспекторомъ. Онъ не прочь былъ бы взять мѣсто продавщика марокъ на почтѣ родного Дерби; но этотъ скромный постъ предложили редактору провинціальной газеты, оказавшему услуги министерству.

Наконецъ, одинъ изъ друзей Спенсера посовѣтовалъ ему издавать свой трудъ выпусками, по подпискѣ.

*) Эти гонорары въ Англіи отошли въ область преданій, какъ у насъ тридцатирублевая полистная плата, которую, говорятъ, получалъ Бѣлинскій. Теперь средній гонораръ въ англійскихъ журналахъ, не за беллетристику, 2—4 гинеи за страницу, т. е. 320—640 руб. съ листа.

VII.

Въ концѣ марта 1860 г. Спенсеръ выпустилъ програму задуманнаго труда, озаглавленную «Синтетическая философія» *).

Въ программѣ говорилось, что трудъ будетъ печататься отдѣльными выпусками, въ пять-шесть листовъ въ каждомъ, выходящими разъ въ три мѣсяца. Цѣна назначалась въ полкроны (1 р. 20 к.) за выпускъ. Другими словами, подписчики на «Систему синтетической философіи» приглашались вносить по 10 шилл. въ годъ.

«Очень много времени потребовалось на распространеніе программы,—пишетъ Спенсеръ.—Необходимо было собрать хоть нѣсколько подписчиковъ съ извѣстными именами, чтобы зарекомендовать, такимъ образомъ, изданіе. На помощь мнѣ явился Гексли, который заручился обѣщаніемъ видныхъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей». Въ числѣ подписчиковъ, значущихся на программѣ. мы находимъ имена Милля, историка Грота, Дарвина, Гексли, Джорджъ Эліотъ, Моргана, романиста Кингсли, Лайеля, Тиндаля, Бокля, Льюиса, психолога Александра Бэна и др. «Всего

---

*) Чтобы показать читателямъ, до какой степени тщательно продумалъ Спенсеръ свой колоссальный трудъ, на осуществленіе котораго потребовалось тридцать шесть лѣтъ, я приведу выдержку изъ этой программы.

Основныя начала. Часть первая.—Непознаваемое.—Дальнѣйшее развитіе доктринъ, установленныхъ Гамильтономъ (представитель англійской школы «здраваго смысла». Д—о).—Выясненіе различныхъ путей, которыми наука ведетъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Доказательство, что единственное примиреніе вѣры и науки заключается въ допущеніи абсолютнаго, которое не только превышаетъ нашу науку, но вообще нашу способность познанія.

Часть вторая.—Законы познаваемаго.—Изложеніе основныхъ принциповъ, наблюдаемыхъ во всѣхъ явленіяхъ за рубежомъ абсолютнаго.—Доказательство, что эти принципы примѣнимы не къ одной только группѣ явленій, но ко всѣмъ явленіямъ вообще и составляютъ ключъ къ пониманію ихъ. (Въ первоначальномъ проектѣ, набросанномъ въ 1858 г., Спенсеръ перечисляетъ и шесть основныхъ законовъ: непостоянство однороднаго, каждая сила слѣдуетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія, каждая причина производитъ больше одного послѣдствія, соотношеніе силъ, сохраненіе силы и равновѣсіе силъ).

Основы біологіи. Томъ I.—*Часть I.*—Начала біологіи.—Физическія и химическія истины, отъ которыхъ должна отправляться раціональная біологія.—(Спенсеръ доказывалъ, что въ опредѣленный моментъ при остываніи земной поверхности образовалась изъ химическихъ элементовъ органическая, безформенная масса, не имѣвшая опредѣленнаго строенія).—*Часть II.*—Выводъ біологіи.—Изложеніе обобщеній, сдѣланныхъ зоологіей, ботаникой, физіологіей и сравнительной анатоміей.—*Часть II.*—Эволюція жизни.—Изложеніе гипотезы послѣдовательнаго развитія.—Доказательства *a priori* и *a posteriori*, и т. д.

набралось, — продолжаетъ Спенсеръ, — отъ 300 до 400 подписчиковъ. Въ концѣ концовъ, у меня ихъ было 440. Предполагая, что всѣ подписчики будутъ платить аккуратно (чего большинство въ подобныхъ случаяхъ не дѣлаетъ), я могъ разсчитывать на 200 ф. въ годъ. Изъ этой суммы нужно было высчитать 70—80 ф. на печатаніе, брошюровку, почтовые расходы и пр. Такимъ образомъ. мнѣ оставалось бы 120—130 ф. въ годъ». Разсчеты оказались не совсѣмъ точными, такъ какъ явилась масса неаккуратныхъ подписчиковъ. Философъ очутился въ критическомъ положеніи. Ему предложилъ помощь американскій почитатель *), но Спенсеръ по принципу не допускалъ благотворительности въ какой бы ни было формѣ.

«Когда я приступилъ къ осуществленію моего труда, — пишетъ Спенсеръ, — мнѣ минуло сорокъ лѣтъ. Я разсчитывалъ, что «Систему» закончу къ шестидесятилѣтнему возрасту. Надежда дожить до такого возраста была бы смѣлостью даже со стороны человѣка болѣе крѣпкаго здоровья, чѣмъ я. Мои же разсчеты были прямо абсурдомъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда я припоминаю теперь все это; когда вспомню, что тогда могъ работать только три часа въ день, а иногда и меньше; когда подумаю о припадкахъ болѣзни, заставлявшей меня откладывать всякій умственный трудъ на нѣсколько недѣль, — я прихожу къ заключенію, что посторонній наблюдатель долженъ былъ считать тогда мой проектъ безуміемъ. Громадный трудъ, для осуществленія котораго и вполнѣ здоровый человѣкъ долженъ былъ бы потратить всю энергію, былъ задуманъ очень не богатымъ, нервно переутомленнымъ писателемъ, не знавшимъ, не оставятъ ли его завтра всѣ силы» **). Седьмого мая 1860 г. Спенсеръ приступилъ къ своему грандіозному труду и не успѣлъ закончить первую главу, какъ снова заболѣлъ и долженъ былъ совершенно покинуть заботу на нѣсколько недѣль; но философъ былъ настойчивъ и пользовался каждымъ моментомъ. Въ это время умеръ дядя Спенсера и оставилъ племяннику наслѣдство. Оно пришлось удивительно кстати.

*) Вообще Спенсеръ имѣлъ въ Америкѣ восторженныхъ поклонниковъ смотрѣвшихъ на него, какъ на кумира, какъ на существо, которому чуждо все земное. Къ числу такихъ поклонниковъ принадлежалъ и извѣстный милліонеръ Карнеги. Спенсеръ разсказываетъ такой случай. «Въ августѣ 1882 г. мы возвращались вмѣстѣ изъ Америки на кораблѣ *Servia*. Карнеги имѣлъ ко мнѣ рекомендательное письмо, но не рѣшался представить его. Впослѣдствіи онъ мнѣ передавалъ, какъ былъ изумленъ, когда я за обѣдомъ въ каютъ-кампаніи сказалъ лакею: «я просилъ честерскій сыръ, а вы мнѣ дали чеддаръ». Карнеги былъ пораженъ, что философъ находитъ время думать о сортѣ сыра».

**) An Autobiography, v. II, p. 53.

«Я предвидѣлъ,—говоритъ Спенсеръ,—что нѣкоторые подписчики не будутъ платить. Я не принадлежу и никогда не принадлежалъ къ числу людей, предполагающихъ почему-то, что умственное развитіе ведетъ за собою и повышеніе морали. Поэтому, я и не разсчитывалъ, что мои подписчики будутъ непремѣнно болѣе честны, чѣмъ необразованные люди. Но неплательщиковъ явилось гораздо больше, чѣмъ я разсчитывалъ. И вышло слѣдующее. Половина подписчиковъ платила аккуратно. Нѣкоторые вносили деньги послѣ напоминанія со стороны книжнаго магазина, завѣдывавшаго выпусками. Иные задерживали платежи, были должны за нѣсколько выпусковъ и присылали деньги только послѣ многократныхъ напоминаній. Значительная же часть подписчиковъ ничего не вносила. Изъ года въ годъ эти подписчики отмалчивались на всѣ напоминанія, такъ что, въ концѣ концовъ, ихъ пришлось вычеркнуть изъ списковъ... Я совершенно не подготовился къ тому, что потеряю такъ много. Неплательщиковъ явилось столько, что у меня не хватило бы средствъ закончить первый томъ». Но сперва помощь подоспѣла въ лицѣ американскихъ поклонниковъ, доставшихъ подписчиковъ, а за тѣмъ пришло наслѣдство. Въ два года Спенсеръ закончилъ *Основныя начала*. Книгу почти совершенно не замѣтили въ Англіи. «Такъ какъ я выпустилъ не отчетъ о путешествіи,—говоритъ Спенсеръ.— не біографію, наполненную болтовней, не сборникъ придворныхъ анекдотовъ, не новый переводъ классическаго сочиненія и не разсказъ о кровавомъ сраженіи, или о возлюбленныхъ Маріи Стюартъ,—то мой трудъ не представлялъ никакого интереса для критиковъ и рецензентовъ. Мою книгу почти не замѣтили. Одни журналы почти совершенно замолчали ее. Другіе—дали с ней коротенькія замѣтки; такъ, напр., *Spectator* далъ о ней замѣтку въ двѣ-три строки, набранную петитомъ и помѣщенную въ отдѣлѣ о случайныхъ книгахъ. Меня удивило не то, что журналы замолчали книгу, а то, что въ замѣткахъ говорилось о второстепенныхъ вещахъ, тогда какъ на основныя положенія мои рецензенты совершенно не обратили вниманія». Книгу замѣтили не въ Англіи, а въ Россіи, затѣмъ — во Франціи. Спенсеръ отмѣчаетъ, что его переводили въ Россіи, когда въ Англіи его никто почти не зналъ. «What a go-a-head people they are»! (Какой передовой народъ русскіе!) восклицаетъ Спенсеръ въ письмѣ, относящемся къ 1865 г.

Въ 1864 г. вышелъ первый томъ «Основъ біологіи». «Съ моей стороны, — говоритъ Спенсеръ, — требуется нѣкоторая апологія по поводу того, что я рѣшилъ приступить къ такому большому и сложному вопросу. Сложному до такой степени, что даже

часть его могла бы послужить темой для изслѣдованія, которое заняло бы у спеціалиста всю жизнь. Хотя въ юности я и занимался естественной исторіей, въ особенности энтомологіей; хотя я впослѣдствіи много и внимательно читалъ спеціальныя книги и журналы, изъ которыхъ почерпнулъ нѣкоторыя познанія по анатоміи и физіологіи; хотя я для книги нѣкоторое время внимательно изучалъ біологію и хотя я надѣленъ способностью схватывать существенные факты, что дало мнѣ возможность путемъ чтенія лучше, чѣмъ многіе спеціалисты уяснить себѣ основы біологіи, — все же я не былъ достаточно подготовленъ къ колоссальному труду (т. е. къ «Основамъ біологіи»). Но я задумалъ изложить общую теорію эволюціи, какъ она проявляется всюду. Человѣку, въ такихъ случаяхъ, или необходимо быть спеціалистомъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, что невозможно, или ему приходится иногда говорить о наукахъ, лишь поверхностно извѣстныхъ ему. Такимъ образомъ, мнѣ оставалось или совсѣмъ не браться за *Систему синтетической философіи*, или выполнить ее, какъ я сдѣлалъ. Мои затрудненія были, кромѣ того, облегчены помощью друзей, авторитетъ которыхъ въ области біологіи внѣ сомнѣнія. Гексли, напр., читалъ корректуры съ цѣлью исправить всѣ факты, касающіеся зоологіи. То же самое относительно ботаники сдѣлалъ Гукеръ».

«Изучая явленія органической жизни, какъ явленія эволюціи вообще, я имѣлъ нѣкоторое преимущество надъ спеціалистами, изслѣдующими отдѣльно жизнь животныхъ или растеній. Ученый, ограничивающійся одною только отраслью знанія, рискуетъ просмотрѣть или не въ достаточной степени оцѣнить общія истины, свойственныя различнымъ группамъ явленій. Спеціалистъ въ одной только отрасли знанія не такъ быстро замѣтитъ общій законъ, какъ энциклопедистъ». Ни одна часть грандіознаго труда Спенсера не подверглась такой переработкѣ, какъ *Основы біологіи*.

Первый томъ прошелъ совершенно не замѣченнымъ. «Въ 1864 г.,—говоритъ Спенсеръ,—изъ десяти образованныхъ людей врядъ ли хоть одинъ зналъ, что такое значитъ «біологія». А тѣ, которые понимали слово, не интересовались наукой. Если и появились коротенькія замѣтки о моей книгѣ, то къ нимъ вполнѣ подходило опредѣленіе, которое какой-то острякъ придумалъ для рецензій вообще. «Рецензентъ,—по словамъ остряка,—такъ знакомится съ книгами: онъ разрѣзываетъ ихъ и потомъ нюхаетъ, чѣмъ пахнетъ ножъ». Въ *Athenaum* объ *Основахъ біологіи* было сказано слѣдующее: «Это—первый томъ двухтомнаго сочиненія, которое, въ свою очередь, составляетъ часть большого труда. Вотъ почему намъ остается только отмѣтить книгу». Если критику,—продол-

жаетъ Спенсеръ,—черезъ тридцать лѣтъ послѣ того пришлось бы дать отчетъ о *Системѣ философіи*, онъ могъ бы сказать такъ: «Предъ нами десять томовъ о пяти различныхъ предметахъ; такъ какъ мы не въ состояніи всего этого разобрать, то просто отмѣчаемъ книги». Второй томъ «Біологіи» вышелъ черезъ два года, т. е. въ 1866 г. По словамъ Спенсера, работа надъ этимъ томомъ доставила автору величайшее наслажденіе. Въ первой части, озаглавленной *Морфологическое развитіе*, были высказаны взгляды, которые давно уже ждали опредѣленія... Представилась возможность указать, что двудольныя (exogenes) и однодольныя (endogenes) растенія развились изъ одного общаго низшаго типа растенія. Въ главѣ «Законы размноженія» Спенсеръ развивалъ взгляды, изложенные имъ въ общихъ чертахъ пятнадцать лѣтъ раньше въ статьѣ «Теорія развитія народонаселенія». Автору было отрадно убѣдиться, что накопленные за много лѣтъ факты только подтверждаютъ его основные взгляды. «Нужно ли сказать о томъ, какъ былъ встрѣченъ второй томъ въ печати?—спрашиваетъ Спенсеръ.—Нѣтъ. И причина очень проста: книга не встрѣтила никакого пріема. Другими словами, я ее совсѣмъ не разослалъ въ редакціи. Сдѣлалъ я это потому, что получилъ неопровержимыя доказательства, что читатели по рецензіямъ получаютъ совершенно невѣрное представленіе о моихъ книгахъ. Сказалъ мнѣ это, между прочимъ, проф. Бэнъ. Милль очень удивился, когда услышалъ отъ Бэна, что тотъ не читалъ моихъ книгъ и полюбопытствовалъ узнать причину. Бэнъ сказалъ, что по рецензіямъ получилъ невыгодное представленіе о нихъ. Милль посовѣтовалъ, однако, Бэну познакомиться съ моими произведеніями, и психологъ сказалъ мнѣ потомъ, какъ было велико его изумленіе, когда онъ убѣдился, что рецензіи не дали ему даже отдаленнаго представленія о книгахъ. Я, поэтому, отдалъ распоряженіе не разсылать въ редакціи *Основы біологіи*». За то на родинѣ своей Спенсеръ имѣетъ поклонниковъ, которые переоцѣниваютъ значеніе «Основъ біологіи».

«Спенсеръ не только пересоздалъ біологію,—говоритъ, напримѣръ, Гекторъ Макферсонъ, авторъ упомянутой уже книги «Herbert Spencer the man and his Work»;—онъ, путемъ смѣлыхъ обобщеній, связалъ эту науку съ соціологіей»... Энциклопедисты были убѣждены, что вѣкъ господства разума непремѣнно наступитъ тогда, когда человѣчество покончитъ съ главными врагами прогресса: съ тираніей и съ догматизированной традиціей. Когда удастся освободиться отъ этихъ враговъ, учили энциклопедисты, наступитъ золотой вѣкъ братства и равенства. Такъ училъ, между прочимъ, Кондорсэ. Мальтусъ со своими мрачными предсказаніями,—по выраженію Макферсона,—явился какъ тѣнь Банко на

пиру. Въ своей книгѣ «On the Principle of Population» Мальтусъ какъ будто бы доказывалъ, что политическія и соціальныя революціи не уничтожаютъ человѣческихъ бѣдствій, потому что послѣднія, такъ сказать, въ природѣ вещей. «Путемъ, какъ тогда казалось, неопровержимыхъ статистическихъ данныхъ, англійскій священникъ доказывалъ, что открылъ законъ, съ которымъ борьба немыслима. Никакіе оптимисты и никакіе революціонеры ничего не подѣлаютъ съ фатальнымъ закономъ, въ силу котораго населеніе растетъ въ геометрической прогрессіи, а средства къ существованію—въ ариѳметической. Нищета и страданія, поэтому,—доказывалъ Мальтусъ,—законныя, неизбѣжныя послѣдствія развитія каждой страны. На жизненномъ пиру для бѣдняковъ не поставленъ приборъ и не можетъ быть поставленъ». Напрасно Годвинъ и его товарищи пытались бороться съ пессимистической теоріей Мальтуса. Вліяніе ея чувствуется до настоящаго времени въ англійской соціологіи и политической экономіи.

«Спенсеру принадлежитъ честь,—говоритъ Макферсонъ—изложенія біологической теоріи, которая, отдавая должное Мальтусу, снимаетъ пессимистическую тѣнь съ цивилизаціи. Спенсеръ открылъ, что способность организмовъ къ размноженію находится въ обратномъ отношеніи съ ихъ индивидуальнымъ размноженіемъ (Individuation and Genesis are in necessary antogonism)». Чѣмъ развитѣе данный организмъ, тѣмъ онъ менѣе способенъ къ размноженію. Поэтому, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, способность человѣчества къ размноженію падаетъ и въ будущемъ можетъ установиться полное равновѣсіе между ростомъ населенія и средствами къ существованію, помимо всякихъ предупредительныхъ или задерживающихъ мѣръ. «Такимъ образомъ, Спенсеръ дѣйствуетъ, какъ примиритель между оптимизмомъ и пессимизмомъ, точно такъ же какъ въ психологіи онъ положилъ конецъ враждѣ между интуиціоналистами и экспериментaлистами». Я попытаюсь привести нѣсколько иллюстрацій къ положенію Спенсера, что по мѣрѣ развитія цивилизаціи способность человѣчества къ размноженію падаетъ. Вотъ маленькая таблица, показывающая число рожденій на тысячу человѣкъ населенія, заимствованная изъ книги австралійскаго соціолога Чэпля—«The Fertility of the Unfit». Авторъ—горячій поклонникъ Спенсера и понимаетъ законъ борьбы за существованіе такъ же прямолинейно, какъ и Гексли. Договаривается онъ до невѣроятныхъ жестокостей. Общество, по его мнѣнію, должно охранять себя отъ размноженія не приспособленныхъ къ соціальной жизни. Когда-то мальтузіанцы требовали «безболѣзненнаго удушенія» и «кастраціи». Австралійскій соціологъ (докторъ по профессіи) доказываетъ, что послѣдняя операція должна быть про-

книги начали приносить порядочный доходъ, такъ что Спенсеръ оставилъ нѣсколько тысячъ фунтовъ ст., которые завѣщалъ англійскому Обществу позитивистовъ.

Въ концѣ 1867 г. Спенсеръ приступилъ къ *Психологіи*, первый томъ которой былъ готовъ въ 1870 г. «Замедленіе обусловливалось только крайнимъ переутомленіемъ,—говоритъ Спенсеръ.— Я писалъ такъ долго первый томъ отнюдь не потому, что работа перестала интересовать меня. Напротивъ, она доставляла мнѣ величайшее наслажденіе. Я съ удовольствіемъ убѣждался, что положенія, набросанныя мною въ 1854—55 гг., теперь подтверждаются научными данными. Въ пятидесятыхъ годахъ, за пять лѣтъ до появленія *Происхожденія видовъ*, я издалъ книгу «Основы психологіи», въ которой примѣнилъ теорію эволюціи къ душевной дѣятельности. Мой взглядъ сочли тогда нелѣпостью. Книга вызвала многочисленныя нареканія. Она «сѣла» и я потерялъ много на ней. Появленіе *Происхожденія видовъ* создало переворотъ во взглядахъ на эволюцію. Я работалъ опять надъ *Основами психологіи*, дополнялъ мою теорію и заполнялъ пробѣлы, оказавшіеся въ книгѣ, изданной пятнадцать лѣтъ до того. Въ *Основахъ психологіи*, какъ и въ другихъ трудахъ, признаніе факта, что начала и основы должны быть изложены раньше приступа къ конструктивной работѣ,—привело къ интереснымъ результатамъ. Я никогда не дошелъ бы до общихъ выводовъ, изложенныхъ въ первой и во второй части, если бы съ самаго начала не поставилъ вопросы: каковы главные факты относительно структуры и дѣятельности, которыми біологія снабжаетъ психологію? Каковы основныя истины, которыя намъ представляетъ умственная дѣятельность, безъ отношенія къ происхожденію ихъ? Въ концѣ тома въ главѣ «Физическій синтезъ» я развиваю теорію, которую изложилъ въ предисловіи къ моей первой книгѣ о психологіи, вышедшей въ 1855 г. Мнѣ доказывали потомъ, что моя теорія не выдерживаетъ критики, но, я тѣмъ не менѣе, убѣжденъ, что основные принципы неопровержимы». *Основы психологіи* были приняты публикой лучше, чѣмъ *Основы біологіи*. Спенсеръ объяснилъ этотъ фактъ тѣмъ, что не разослалъ книгу критикамъ. Въ слѣдующіе два года Спенсеръ закончилъ второй томъ *Психологіи*. «Первый томъ моего труда это—синтезъ, второй—анализъ. Я разбираю, такъ сказать, по частямъ нашъ умственный аппаратъ, чтобы выяснить его дѣятельность».

«Уничтоженіемъ того абсолютнаго различія, которое устанавливаютъ метафизики между душевной дѣятельностью и внѣшнимъ міромъ, между субъектомъ и объектомъ,—говоритъ Макферсонъ,— Спенсеръ революціонировалъ психологію. Онъ развѣнчалъ сущности и абстракціи, представивъ духъ и матерію не какъ противопо-

ложныя субстанціи, но какъ два фазиса одного и того же космическаго процесса. Послѣ Спенсера стало невозможно говорить, что умственная жизнь человѣка контролируется принципомъ разума или таинственной сущностью, которая создаетъ и направляетъ мысль. Въ спенсеровской философіи психологія находится въ тѣсной и необходимой зависимости отъ біологіи. Въ обѣихъ сферахъ мы наблюдаемъ одно и то же явленіе: зависимость организма отъ окружающей среды, непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Если нѣтъ абсолютнаго различія между живой и не живой матеріей, то отсюда вытекаетъ, что нельзя провести абсолютную демаркаціонную линію между низшими и высшими формами психической жизни. Разница между проявленіемъ умственной жизни у низшихъ животныхъ и у человѣка только въ степени. Спенсеровская психологія основана не на взглядѣ, господствовавшемъ до установленія закона эволюціи и утверждавшемъ, что духъ—сущность, сверхъестественнымъ путемъ надѣленная способностями, которыя должны изучаться совершенно независимо отъ матеріи. Психологія нашего философа доказываетъ, что умственная дѣятельность развивалась постепенно и незамѣтно по мѣрѣ того, какъ развивался живой механизмъ въ зависимости отъ окружающихъ внѣшнихъ условій. Организмъ, какъ бы онъ ни былъ простъ, можетъ существовать только до тѣхъ поръ, покуда находится въ гармоніи съ окружающими условіями. Гдѣ среда не сложна, тамъ не сложенъ также и организмъ. Жизненный процессъ растенія проявляется только въ непрерывномъ приспособленіи корней и листьевъ къ условіямъ, созданнымъ дѣйствіемъ немногихъ силъ. Жизнь червя состоитъ тоже изъ очень немногихъ дѣйствій. Прогрессъ къ высшей жизни подразумѣваетъ способность организма отвѣчать на болѣе сложныя измѣненія въ окружающей средѣ. Въ низшихъ организмахъ внутреннія отношенія къ внѣшнимъ такъ несложны, что одинъ и тотъ же органъ исполняетъ нѣсколько функцій. Но изученіе біологіи показываетъ, что въ организмѣ мы замѣчаемъ распредѣленіе труда по мѣрѣ того, какъ усложняются внѣшнія отношенія. Съ точки зрѣнія біологіи степень жизни измѣняется съ степенью лучшаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ. На извѣстной ступени развитія жизни внѣшнія условія такъ осложняются, что отношеніе не можетъ уже больше поддерживаться автоматически, какъ бы ни была велика дифференціація въ структурѣ и въ функціяхъ организма. Тогда наступаетъ предѣлъ отношенія. На этомъ предѣлѣ чисто физическая жизнь переходитъ въ психическую. У высшихъ животныхъ способность приспособляться къ сложнымъ внѣшнимъ условіямъ соединена съ спеціализиро-

чилъ. Ему удалось найти такого же научно-образованнаго секретаря, какъ Денканъ,—Коллера.

Собираніе матеріаловъ по намѣченному плану снова быстро двинулось впередъ. Въ 1871 г. Спенсеръ рѣшилъ издать первый томъ *Описательной соціологіи*. «Сгруппированные соціологическіе факты относительно различныхъ племенъ и народовъ облегчатъ ученымъ найти общіе законы, — думалъ Спенсеръ. — Собраніе фактовъ, показывающихъ соотношеніе, существующее всюду между усиленной военной дѣятельностью даннаго племени и приниженнымъ положеніемъ женщины; между деспотической формой правленія и выработаннымъ соціальнымъ церемоніаломъ; между мирной общественной жизнью и распаденіемъ институтовъ, порожденныхъ насиліемъ,—неизмѣримо болѣе важно для человѣчества, чѣмъ «историческія изслѣдованія въ родѣ того, вѣрна ли исторія про то, что короля Альфреда бранили за недопеченныя лепешки, интриговала ли королева Елизавета съ Эссексомъ, или нѣтъ, гдѣ прятался принцъ Карлъ и каковы подробности такой-то битвы. Соотношеніе между соціологическими фактами въ то время не было такъ очевидно, какъ теперь. Вотъ почему я находилъ изданіе «Описательной соціологіи» полезнымъ дѣломъ».

Нужно знать, что въ Англіи очень распространенъ обычай работать съ секретарями, обычай, котораго мы, русскіе, какъ мнѣ кажется, къ чести нашей, совершенно не понимаемъ. Значительная часть книгъ, появляющихся ежегодно на рынкѣ, составлены безвѣстными секретарями, работающими за гроши въ Британскомъ музеѣ. Я знаю случай, гдѣ автору «историческаго» изслѣдованія принадлежитъ только заглавный листъ. А между тѣмъ книга не только обратила на себя вниманіе, но переведена даже на французскій языкъ. Спенсеръ совершенно иначе относился къ секретарямъ. Во-первыхъ, они работали по тщательно составленному Спенсеромъ плану; во-вторыхъ, участіе ихъ обозначено на обложкѣ книги. Такъ, напр., матеріалы относительно не цивилизованныхъ расъ собраны, какъ значится, проф. Денканомъ. Д-ръ Шепингъ сгруппировалъ факты относительно евреевъ и финикіянъ и т. д. Затѣмъ, Спенсеръ не только платилъ своимъ секретарямъ полистную плату, но дѣлилъ съ ними и прибыль. Я уже не говорю о томъ, что имена добросовѣстныхъ, умныхъ, но обыкновенныхъ работниковъ присоединены къ имени великаго человѣка.

«*Описательная соціологія* подготовлялась семь лѣтъ,—говоритъ Спенсеръ,—и познакомила меня съ многочисленными фактами, которые дали мнѣ возможность приступить къ *Основамъ соціологіи*. Кромѣ того, я предварительно написалъ книгу «Изученіе соціологіи». Сдѣлалъ я это, главнымъ образомъ, для самого себя, чтобы

разобраться въ накопленныхъ фактахъ... Фактовъ набралось такъ много, они были такъ разнообразны, что почти подавляли. Я чувствовалъ себя въ положенiи дивизiоннаго генерала, котораго назначили главнокомандующимъ всей армiи. Или, еще лучше, я чувствовалъ себя, какъ главнокомандующiй, которому въ то же время нужно быть еще дивизiоннымъ, бригаднымъ и корпуснымъ командиромъ. Необходимо было работать крайне осмотрительно и методично, чтобы не запутаться въ массѣ фактовъ». Работалъ Спенсеръ надъ собранными матерiалами такъ. «За двадцать пять лѣтъ я накопилъ много фактовъ и замѣтокъ, сдѣланныхъ время отъ времени. Хотя читалъ я и не слишкомъ много, но я наталкивался на соцiологическiе факты, которые собиралъ вмѣстѣ съ моими замѣчанiями по ихъ поводу. Такимъ образомъ за четверть вѣка накопились груды не систематизированнаго матерiала. Раза два въ годъ я вынималъ изъ ящиковъ замѣтки и приводилъ ихъ въ нѣкоторую систему, т. е. сортировалъ факты относительно религiи, государства, промышленности и проч. Такимъ образомъ, когда я приступилъ къ работѣ, у меня подъ рукой были, такъ сказать, громадныя кучи необтесанныхъ камней. Затѣмъ у меня былъ еще большой матерiалъ, собранный въ *Описательной соцiологiи*. Для экономiи труда приходилось систематизировать и этотъ матерiалъ. Во избѣжанiе ошибокъ при перепискѣ я отмѣчалъ по печатному тексту, что вырѣзать. Предположимъ, мнѣ нужно было подготовить часть «Первобытныя идеи». Для этого я прочитывалъ всѣ мои выдержки относительно некультурныхъ и полукультурныхъ племенъ, разбитыя на группы: «Суевѣрiя», «Обряды» и т. д. При чтенiи я отмѣчалъ факты, имѣющiе значенiя для меня, и мой секретарь вырѣзывалъ ихъ. Затѣмъ вырѣзки прибавлялись къ кучѣ заранѣе накопленныхъ фактовъ, послѣ чего вся масса сортировалась. Детали части «Первобытныя идеи» обдумывались долго. Намѣчались главы: «Идеи о снахъ», «Идеи о смерти и воскресенiи», «Идеи о загробной жизни», «Идеи о загробномъ мiрѣ» и пр. Затѣмъ я бралъ большiе листы бумаги и раскладывалъ ихъ по полукругамъ на полу предъ собою. На каждомъ листѣ я надписывалъ названiе главы. Потомъ я бралъ кучу вырѣзокъ и раскладывалъ ихъ сообразно содержанiю между листами бумаги. При этомъ процессѣ мнѣ иногда попадался фактъ, для объясненiя котораго требовалась отдѣльная глава. Я сейчасъ же прибавлялъ новый листъ бумаги, куда собиралъ изъ другихъ главъ подходящiе факты. Въ нѣсколько прiемовъ, такимъ образомъ, я разбиралъ цѣлую кучу фактовъ. Я перекладывалъ много разъ, покуда устанавливалась извѣстная связь между главами. Приступая къ каждой отдѣльной главѣ, я опять группировалъ факты. Для этого у меня на особомъ столѣ былъ

родъ пюпитра, покрытый зеленымъ сукномъ. При помощи особой подпорки пюпитръ можно было поставить подъ любымъ угломъ. На этомъ пюпитрѣ я раскладывалъ факты въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны были слѣдовать въ главѣ. Затѣмъ, глядя на вырѣзки, я диктовалъ секретарю мою книгу, т. е. связь между фактами».

Въ 1874 г. Спенсеръ окончательно приступилъ къ *Основамъ соціологіи*.

«Первый томъ могъ бы быть выпущенъ въ свѣтъ въ іюнѣ 1876 г.,—говоритъ Спенсеръ,—если бы не обнаруженный пробѣлъ въ моемъ первоначальномъ планѣ. До этого времени я строго держался «Программы синтетической философіи», которую я выпустилъ въ 1860 г.; но вотъ я убѣдился, что необходимо отступленіе. Я, какъ и многіе другіе, трактовалъ соціологію съ политической стороны, хотя уже при группировкѣ матеріала я обратилъ, конечно, вниманіе на религіозные и промышленные институты. Соціологія, какъ ее обыкновенно понимаютъ, разматриваетъ исключительно явленія, проистекающія отъ общей работы всѣхъ гражданъ. Но вотъ, разсматривая институты подобнаго рода, я пришелъ къ заключенію, что нужно изучить и семейныя отношенія. Рѣшилъ такъ я не потому, что принялъ всецѣло выводы Моргана. Изученіе первобытныхъ обществъ давно уже навело меня на мысль, что патріархальная форма семьи—не самая древняя и что отношенія родственниковъ другъ къ другу и къ нисходящимъ поколѣніямъ имѣютъ различныя болѣе архаическія формы. Я пришелъ къ заключенію, что эти архаическія формы, равно какъ и болѣе современныя, типы которыхъ Морганъ признаетъ тождественными для всѣхъ народовъ,—имѣли важное вліяніе на соціологическія организаціи. Дальнѣйшія размышленія привели меня къ заключенію, что форма семьи составляетъ характерную черту каждаго общества. Въ моей первоначальной программѣ, такимъ образомъ, былъ крупный пробѣлъ. И весной 1876 г. я приступилъ къ заполненію его. Такимъ образомъ, выпускъ въ свѣтъ перваго тома *Основъ соціологіи* замедлился. Я измѣнилъ планъ и пожалѣлъ потомъ: первый томъ долженъ былъ бы содержать только данныя и введеніе».

Спенсеръ усиленно работалъ надъ «Семейными отношеніями»; но послѣ двухъ мѣсяцевъ такой форсированной работы опять заболѣлъ. Пришлось снова оставить все и ѣхать на отдыхъ въ деревню. Философъ детально описываетъ, какъ удилъ тамъ пеструшекъ, при чемъ дѣлаетъ остроумныя наблюденія надъ нравами форелей и надъ характеромъ озера. Находитъ онъ также мѣсто и для анекдотовъ. Спенсеръ, напр., разсказываетъ, какъ хозяева, у которыхъ гостилъ онъ, познакомили его съ епископомъ.

Въ билліардной (Спенсеръ очень любилъ игру въ билліардъ) епископъ узналъ, что философъ пріѣхалъ въ деревню, такъ какъ не можетъ больше работать.

— А, это хорошо,—замѣтилъ епископъ,—болѣзнь помѣшаетъ вамъ развить какую нибудь вредную мысль.

— Если вы считаете мои доктрины вредными и заблужденіемъ,—отвѣтилъ Спенсеръ,—то готовы ли вы защищать противоположные взгляды?

Епископъ отвѣтилъ утвердительно.

— Ну, такъ вотъ что. Я работаю теперь надъ главой, въ которой доказываю преимущества моногаміи. Будете ли вы доказывать, что многоженство болѣе желательно?

Епископъ разсмѣялся и сказалъ, что готовъ привести многочисленные примѣры изъ библіи.

Спенсеръ возвратился въ Лондонъ въ январѣ 1877 г., но все еще не могъ работать. Досугомъ онъ воспользовался для того, чтобы посѣщать вагнеровскіе концерты. «Музыка будущаго» Спенсеру не понравилась. «Когда я выходилъ съ знакомыми дамами изъ зала,—говоритъ Спенсеръ,—мою спутницу спросили, какъ ей понравилась музыка.

— Ничего, я довольно хорошо выношу ее.

«Этимъ отвѣтомъ могъ бы я формулировать и мои впечатлѣнія. Теперь мода восхищаться Вагнеромъ,—продолжаетъ Спенсеръ,—и потому люди, дѣлающіе это, не рѣшаются сказать ничего противъ. Какъ читатель могъ убѣдиться, я всегда говорю, что думаю и я не страшусь очутиться въ меньшинствѣ. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, не восхищающихся Вагнеромъ немало. Я обсуждалъ вопросъ съ Джорджъ Эліотъ, которая была отличной музыкантшей и тонко понимала искусство. Джорджъ Эліотъ сказала мнѣ, что Вагнеръ ей понравился, но что въ его музыкѣ нѣтъ драматизма, т. е. какъ разъ того, что составляетъ главную задачу ея. Вагнеръ не даетъ музыкальной формы тѣмъ страстямъ, которыя выражены въ словахъ. Джорджъ Эліотъ указала на двѣ аріи, выражающія различныя чувства, между тѣмъ музыку ихъ свободно можно было бы обмѣнять. Я замѣтилъ, что музыкальныя фразы у Вагнера можно иногда предугадать. Онѣ не напоминаютъ тѣ фразы, порожденныя внезапнымъ вдохновеніемъ, раскрывающія сразу прекрасную и неожиданную комбинацію звуковъ. По моему мнѣнію, Вагнеръ скорѣе великій артистъ, чѣмъ великій музыкантъ: онъ лучше всѣхъ композиторовъ понимаетъ, какимъ образомъ добиться желаемыхъ эффектовъ»...

Въ іюнѣ 1877 г. Спенсеръ, наконецъ, закончилъ первый томъ *Основъ Соціологіи*, надъ которымъ работалъ больше трехъ лѣтъ.

Правда, въ 1873 г. появился первый набросокъ, но очень неполный. Первый томъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ восемьсотъ страницъ и, какъ извѣстно читателямъ, очень богатъ фактами. Одинъ изъ восторженныхъ поклонниковъ Спенсера сосчиталъ даже, сколько сочиненій цитировано философомъ, именно—379. Для Бокля, оперировавшаго въ своей «Исторіи цивилизаціи» надъ фактами, добытыми изъ двадцати тысячъ книгъ, 379, конечно, скромная цифра; но для Спенсера—это очень много. За первымъ томомъ послѣдовалъ продолжительный перерывъ въ работѣ. Переутомленіе, преслѣдовавшее Спенсера много лѣтъ, сказалось въ особенно бурной формѣ. И вотъ въ это время, разъ, въ октябрѣ 1879 г., Спенсеръ получилъ записку отъ знакомой молодой дамы, уѣзжавшей въ Египетъ и приглашавшей философа придти проститься. У философа тотчасъ мелькнула мысль, почему бы и ему не отправиться на отдыхъ въ Египетъ? «Туда слѣдовало съѣздить, а такъ какъ мнѣ уже было пятьдесятъ девять лѣтъ, то времени терять нельзя было». Спенсеръ дѣйствительно поѣхалъ. «Зависѣло ли это отъ мрачнаго настроенія, обусловленнаго переутомленіемъ, или отъ чего другого,—говоритъ Спенсеръ,—но Египетъ произвелъ на меня крайне печальное впечатлѣніе. Одна книга, посвященная Египту, озаглавлена «Страна разсвѣта». Авторъ, конечно, подразумѣвалъ, что въ Египтѣ развивается новая цивилизація. У меня осталось впечатлѣніе, что это страна упадка и смерти. Египетъ—страна мертвыхъ людей, мертвыхъ расъ и мертвыхъ вѣрованій».

Я приводилъ уже, какъ Спенсеръ суммируетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ Египта.

Колоссальный трудъ, потребовавшій 36 лѣтъ жизни, подвигался впередъ, не смотря на болѣзнь, не смотря на глубокую старость, когда люди думаютъ только объ отдыхѣ. Наконецъ, въ 1896 г. гигантская работа была закончена. Къ этому времени Спенсеръ пользовался уже міровой славой. Ученыя общества и университеты присылали ему почетные дипломы; ему предлагали титулы и ордена; но Спенсеръ отказывался отъ всего этого, какъ когда-то уклонился отъ помощи, предложенной ему Миллемъ. Въ преклонномъ возрастѣ Спенсеръ не только внимательно слѣдилъ за жизнью, кипѣвшею вокругъ, но отзывался на нее. Восьмидесятилѣтній старикъ выступилъ съ протестомъ противъ войны въ Южной Африкѣ и въ числѣ первыхъ присоединился къ комитету, организованному протестантами.

XVI.

Въ русскомъ кварталѣ.

I.

Въ концѣ мая 1903 г. громадный грузовой пароходъ *Блюхеръ* отправился изъ Гамбурга въ Лондонъ. На кораблѣ были лошади и люди. Лошади—крайне цѣнный грузъ и легко подвержены морской болѣзни, отъ которой сильно страдаютъ, поэтому на *Блюхерѣ* имъ отвели самое лучшее мѣсто. Люди тоже страдаютъ отъ морской болѣзни, но пассажиры на *Блюхерѣ* принадлежали къ такому классу, съ которымъ не церемонятся. Это были, большею частью, выходцы изъ сѣверо-западныхъ мѣстечекъ, запуганные, маленькіе, некрасивые, очень плохо одѣтые, отмѣченные печатью хроническаго голоданья въ продолженіе многихъ вѣковъ. Дюжіе матросы кричали на нихъ, когда загоняли въ черную глубь трюма. Мужчины, женщины и дѣти послушно лѣзли туда, волоча за собою громадные узлы и грязныя перины. Никто, конечно, не могъ бы сказать, зачѣмъ они забрали съ собою на новую родину эти грязные лохмотья, не представлявшія никакой цѣны. Между тщедушными, курчавыми, горбоносыми выходцами изъ сѣверо-западнаго края виднѣлись эмигранты изъ другой полосы Россіи, большею частью свѣтловолосые, великаны въ сравненіи съ литовскими заморышами. Евреи преобладали, но было тутъ также не мало эстонцевъ и поляковъ. Нѣкоторые уже на границѣ или въ Гамбургѣ разстались съ національными кафтанами и «сукнями», но были и упорные консерваторы. Въ числѣ ихъ—высокій, широкоплечій малороссъ, въ смушковой шапкѣ, въ черной свиткѣ, перехваченной цвѣтнымъ поясомъ и въ громадныхъ сапогахъ. Этотъ пассажиръ казался особенно растеряннымъ, когда эмигрантовъ загоняли въ Гамбургѣ въ трюмъ.

— Кажить, чи терезъ іидемо! — допытывался онъ отчаянно у матроса.

— Vorwärts! Schneller!—крикнулъ матросъ.

— Та мні треба знаты, чи хутко поідемо? — повторялъ пассажиръ.

Вмѣсто отвѣта, матросъ толкнулъ въ шею малоросса. Тотъ разъярился, бросилъ мѣшокъ, который онъ держалъ въ рукахъ, заскрежеталъ зубами, быстро обернулся и размахнулся громаднымъ увѣсистымъ кулакомъ. Но въ этотъ моментъ кто-то схватилъ малоросса за руку и быстро заговорилъ:

— Бросьте ихъ! не поднимайте исторію! Онъ васъ не понялъ. Я спрошу за васъ. Ей-Богу лучше успокойтесь! пойдемте! ляжемъ рядомъ, — говорилъ маленькій, очень нервный, очень подвижной молодой человѣкъ. Малороссъ вздохнулъ, взялъ свой мѣшокъ и спустился въ трюмъ.

— Um wie viel Uhr fährt das Dampfschiff?—спросилъ съ еврейскимъ выговоромъ маленькій человѣкъ у другого матроса въ глубинѣ трюма. Матросъ отвѣтилъ.

— Вотъ видите, все потому, что васъ не поняли. Вы русскій, вы не привыкли, чтобы васъ толкали, потому и сердитесь. А мы себѣ еврейчики, когда намъ не выпускаютъ кишекъ и не выбиваютъ полѣномъ зубовъ, мы говоримъ: «спасибо, слава Богу». Какъ васъ зовутъ?

— Ониско Благовістныкъ, столяръ зъ Широкой Гребли.

— А я Хацкель Балтянскій, портной изъ Кишинева. Будемъ знакомы.

Многіе воспѣвали бурное море. Обыкновенно поэтъ стоитъ у мачты и, вперивъ вѣщій взоръ въ кипящіе валы, восклицаетъ: «Ты могучъ, океанъ, но и я вмѣщаю въ груди всю вселенную. Кто кого»! Кромѣ Байрона, ни одинъ поэтъ, кажется, не дерзнулъ отступить отъ шаблона и воспѣть морскую болѣзнь. Донъ Жуанъ оплакивалъ на кораблѣ разлуку съ доньей Джуліей, когда, вслѣдствіе килевой качки —

He felt that chilling heaviness of heart,
Or rather stomach, which, alas! attends,
Beyond the best apothecary's art,
The loss of love, the treachery of friends.

(«Почувствовалъ ту леденящую тяжесть въ сердцѣ, или, точнѣе, въ желудкѣ, которая лучше всякихъ лѣкарствъ заставляетъ насъ забыть про утраченную любовь и про измѣну друзей»).

Теперь нужно представить себѣ, что испытали эмигранты, загнанные въ трюмъ *Блюхера* на бурномъ Нѣмецкомъ морѣ. Всѣ они никогда не видали моря, и многіе заболѣли, какъ только сѣли на корабль, отъ смѣшаннаго запаха масла, пара и смолы. Когда же *Блюхеръ* вышелъ въ море и запрыгалъ по волнамъ—въ трюмѣ заболѣли всѣ. Корабль валился изъ стороны въ сторону. Волны, какъ чугунныя, били въ бока. Отъ ударовъ ихъ *Блюхеръ* подскакивалъ, кряхтѣлъ и трещалъ. Въ трюмѣ плакали дѣти, кричали женщины, стонали мужчины. Были такіе, которыхъ не стошнило бы отъ качки, но они заболѣли при видѣ, какъ мутило другихъ. И безъ того тяжелый воздухъ въ трюмѣ испортился еще

сильнѣе отъ противнаго запаха послѣдствія морской болѣзни. Маленькому портному Хацкелю казалось, что его привязали къ громадному колесу и вертятъ внизъ головой. Онъ чувствовалъ сперва холодъ въ желудкѣ, потомъ вдоль всей спины, какъ будто колесо, къ которому его привязали, было вырублено изъ громадной, ледяной глыбы. Когда ему на нѣсколько секундъ становилось легче, онъ со стономъ говорилъ: «Хоть бы и меня убили тогда полѣномъ! Не такъ мучился бы теперь»! Ониско Благовістныкъ тоже страдалъ, но крѣпился и молчалъ. Какъ ни бурно Нѣмецкое море, но въ маѣ и оно бываетъ тихо. Къ утру вѣтеръ упалъ совершенно, а къ обѣду море выравнялось, какъ будто кто провелъ по немъ гигантскимъ стругомъ. Изъ душнаго, вонючаго трюма выползли всѣ. У эмигрантовъ лица были зеленыя, щеки втянулись, носы заострились; у всѣхъ было страдальчески-кислое выраженіе, которое можно видѣть послѣ хорошей качки. Еще черезъ часъ публика повеселѣла и съ интересомъ слѣдила за рыбачьими шхунами, которыя медленно скользили мимо *Блюхера* на своихъ слабо вздутыхъ, выкрашенныхъ дегтемъ парусахъ. Съ чистаго блѣдносиняго неба, только что начинавшаго еще пріобрѣтать лѣтнюю глубину, на чуть-чуть морщившуюся поверхность моря, какъ ртутный дождь, падали ослѣпительные лучи свѣта. Свѣжій, соленый вѣтерокъ ласково дулъ въ лицо и тихо нашептывалъ что-то эмигрантамъ. И отъ этого шопота на душѣ становилось весело, сильнѣе приливала кровь къ щекамъ. Рождались надежды, что все печальное и мрачное осталось позади, а впереди—новая жизнь, ослѣпительная, какъ этотъ ртутный дождь, отъ котораго глазамъ такъ больно. Какъ бы желая подтвердить надежду, пробудившуюся въ груди эмигрантовъ, отчаянно кричали мартыны, которые то поднимались, то падали на сверкающее море. Хацкель знакомился со всѣми и заговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ эмигрантомъ. Познакомился онъ съ двумя миловидными дѣвушками, которыя, закутавшись въ одинъ платокъ, сидѣли на самомъ носу корабля, на свернутомъ канатѣ. Онъ узналъ, что родомъ онѣ изъ маленькаго мѣстечка Подольской губерніи и ѣдутъ «за счастьемъ».

— У насъ въ мѣстечкѣ ѣсть нечего,—сказала одна изъ дѣвушекъ.— На одну блузку, которую можно сшить попадьѣ, женѣ пристава или дочери управляющаго,—десять швеекъ. И кромѣ ожиданія заказа на эту блузку, ничего, ничего впереди, до самой старости, если смерть не придетъ раньше. Самое тяжелое еще то, что на насъ, какъ на паршивыхъ собакъ смотрятъ. За что? Что мы имъ сдѣлали? Мы только работу хотѣли. Намъ бы до Америки добраться! Изъ нашего мѣстечка тамъ ужъ есть люди. Пишутъ, если работать, то тамъ скоро станешь человѣкомъ. Бѣда только, гдѣ

взять денегъ на дорогу? Работали мы, собирали, у родныхъ выпросили и вотъ только до Лондона хватило.

— Ой, наплачетесь, дѣвушки, въ новомъ мѣстѣ,—вмѣшалась въ разговоръ старая еврейка, прижимавшая къ груди больную внучку,—голодать будете.

— А мы не голодали, что ли? Развѣ можетъ быть хуже, чѣмъ было? За то хоть людьми насъ будутъ считать! Развѣ полѣно въ голову лучше?

Хацкель одобрительно кивнулъ головой.

— Будемъ знакомы. Какъ васъ зовутъ?

Дѣвушки оказались не сестрами, а подругами Одну звали Голда, другую Перлъ.

— Теперь вы будете уже миссъ Голда, а вы—миссъ Перлъ,—галантно сказалъ Хацкель. Онъ подобрался и къ Благовістныку, который одиноко, въ сторонѣ отъ всѣхъ, стоялъ у борта. Хацкеля интриговалъ вопросъ, какъ очутился на эмигрантскомъ пароходѣ этотъ дюжій рослый столяръ изъ глухого, лѣсного мѣстечка. Секретъ разъяснился очень просто.

Въ Широкой Греблѣ ѣсть было нечего, въ особенности ему, Онискѣ Благовістныку, выучившемуся столярному ремеслу у нѣмца, котораго несчастная судьба забросила въ Винницу. Пріѣхавъ разъ изъ Широкой Гребли въ городъ, Ониско на базарѣ узналъ отъ пріятеля, что Макаръ Гнибѣда, учившійся вмѣстѣ съ нимъ у нѣмца и приставшій лѣтъ пять тому назадъ къ партіи эмигрантовъ,—объявился. Онъ прислалъ своей женѣ деньги и письмо, въ которомъ сообщалъ, что до Америки не доѣхалъ, а остался въ городѣ Лондонѣ, гдѣ русскихъ много. Тутъ онъ работаетъ въ мастерской и получаетъ до двадцати шиллинговъ въ недѣлю, «а на наши деньги то будетъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ». Извѣстіе это поразило Ониску. Макаръ работалъ хуже его, а вотъ получаетъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ, когда знакомый управляющій изъ Бурмачины—только двадцать пять. Между тѣмъ мѣсто управляющаго казалось Онискѣ высшимъ счастьемъ, какого только можетъ добиться человѣкъ.

— Якъ Макарові, то чемъ же не мені?—мелькнуло въ головѣ Ониски.

Онъ зашелъ къ женѣ Макара, которая сообщила ему, что ѣдетъ въ Лондонъ. Ониска не пожалѣлъ пятачка и попросилъ грамотнаго человѣка списать ему на бумажку адресъ Макара. Бумажку, исписанную карандашомъ, Ониска спряталъ въ кисетъ съ табакомъ. Съ тѣхъ поръ мысль попытать счастье гвоздемъ засѣла въ голову столяра. Наконецъ, онъ осуществилъ ее; но въ несчастный часъ выѣхалъ, должно быть. На границѣ онъ отбился отъ знакомой пар-

тіи эмигрантовъ, присталъ къ другой и вмѣстѣ съ ней угодилъ на пароходъ *Блюхеръ*.

— Та ще добре, що шматокъ паперу не загубівъ. — закончилъ Благовістныкъ. — Ось де винъ, прочитайте, якъ буде ваша ласка.

Хацкель повертѣлъ въ рукахъ пожелтѣвшій отъ табаку лоскутокъ бумаги, который столяръ вытащилъ изъ кисета и посвисталъ

Отъ времени и отъ табаку каракульки, написанныя карандашемъ, почти стерлись.

— Ну, будетъ намъ рахуба разобрать адресъ! Но, ничего, станемъ одинъ за другого держаться! Только вотъ я вамъ посовѣтую: снимите вашу свиту, ваши чоботы и шапку. Нужно на всѣхъ походить...

Ониско согласился. Тутъ же на кораблѣ, при содѣйствіи Хацкеля, Благовістныкъ вымѣнялъ себѣ довольно таки старенькій пиджачекъ, «котелокъ» и штаны на выпускъ.

Наступила ночь, тихая, ясная. Эмигранты спустились въ трюмъ. Только два—три человѣка остались на палубѣ и смотрѣли на цвѣтные сигнальные огни, которыми обозначена была громадная мель.

Онискѣ взгрустнулось. Онъ вспомнилъ жену и дѣтей, Широкую Греблю, громадный лѣсъ, тянущійся до самой Цесарской границы и запѣлъ вполголоса, потомъ погромче.

— Какъ вы хорошо поете, Благовістныкъ,—сказалъ расчувствовавшійся Хацкель,—плакать хочется...

II.

Когда утромъ эмигранты высыпали на палубу, *Блюхеръ* былъ давно уже въ Темзѣ и подходилъ къ Лондону. По обоимъ берегамъ рѣки, какъ прибрежный камышъ, возвышались мачты различныхъ судовъ. Затѣмъ пошли громадныя закопченныя зданія. съ потемнѣвшими золотыми надписями. Надъ рѣкой стоялъ гулъ отъ свиста пароходовъ, отъ стука машинъ, отъ звона паровыхъ лебедокъ, отъ воя сиренъ и отъ человѣческаго крика. Эмигранты стояли, какъ окаменѣлые. Эта лихорадочная энергія, эта поразительная дѣятельность ошеломила ихъ. Чувствовалось смутно, что въ этой сутолкѣ нужно быть такимъ же энергичнымъ, такимъ же сильнымъ, какъ всѣ, иначе жизнь швырнетъ далеко въ сторону. И у каждаго эмигранта зарождалась болѣе или менѣе оформленная мысль: «дадутъ ли и мнѣ возможность гнаться за хлѣбомъ, или сразу толкнутъ въ сторону?» Вотъ на блѣдномъ

небѣ вырисовался громадный разводной мостъ съ высокими башнями. Въ глубинѣ парохода задребезжалъ сигнальный колоколъ, *Блюхеръ* дрогнулъ и остановился.

Когда перебросили мостки, на палубу вбѣжали какіе-то люди, которые стали быстро объяснять что-то эмигрантамъ.

Отъ звуковъ незнакомаго скрипучаго языка пріѣхавшіе совсѣмъ растерялись. Кое къ кому вышли родственники. Хацкель, Благовістныкъ, Перлъ и Голда держались вмѣстѣ, не зная, куда пойти. Но вотъ къ нимъ подошелъ сытый, румяный и хорошо одѣтый мужчина, въ золотомъ пенснэ и въ цилиндрѣ. Онъ осмотрѣлъ нашихъ знакомыхъ, затѣмъ снисходительно заговорилъ по-русски съ характернымъ акцентомъ.

— Изъ Россіи?

Хацкель и остальные страшно обрадовались.

— Работу знаете?—продолжалъ господинъ въ цилиндрѣ. Хацкель за всѣхъ отвѣтилъ, что онъ хорошій портной, что дѣвушки умѣютъ шить, «вотъ они—отличный столяръ».

— А знакомые у васъ есть?—продолжалъ господинъ въ цилиндрѣ.

— Нѣтъ.

— Денегъ много привезли?

На этотъ вопросъ отвѣта не послѣдовало. У Хацкеля въ карманѣ было семьдесять копѣекъ русскими деньгами, у дѣвушекъ еще меньше, а у Благовістныка—серебряный рубль.

— Ну, что дѣлать,—снисходительно продолжалъ господинъ, поправляя золотое пенснэ,—нужно помочь землякамъ. У меня есть работа для всѣхъ. Вы, молодой человѣкъ, будете шить прикроенныя уже брюки, вамъ, барышни, я дамъ выметывать петли, а вы, если хотите, можете сколачивать ящики для упаковки. Я вамъ дамъ квартиру, столъ, а жалованья (тутъ господинъ покосился въ сторону) по три шиллинга въ недѣлю. Если принимаете, вотъ мой адресъ. Тутъ мой человѣкъ. Онъ вамъ привезетъ вещи.

Вся партія съ восторгомъ приняла условія мистера Кауна, какъ назвался господинъ. Прибывшихъ повели по лабиринту грязныхъ и шумныхъ улицъ въ громадный, мрачный домъ. Мужчинамъ показали уголъ въ одной комнатѣ, на полу, а дѣвушкамъ—въ другой. Имъ дали обѣдъ: по селедкѣ, по куску бѣлаго хлѣба и чай. На другой день, съ шести часовъ утра, началась работа и продолжалась до восьми вечера. Англичане пришли бы въ ужасъ отъ громаднаго рабочаго дня, отъ ничтожной заработной платы, отъ помѣщенія и отъ пищи. Но все это не только не казалось ужаснымъ нашимъ землякамъ, а, наоборотъ, они находили «для начала» условія недурными. Спать на полу они привыкли, въ мѣстечкахъ пита-

лись гораздо хуже, а заработная плата по 6 рублей въ мѣсяцъ казалась дѣвушкамъ даже великолѣпной.

Я познакомился съ Хацкелемъ и Благовістныкомъ въ концѣ лѣта 1903 г., на русскомъ спектаклѣ въ Уайтчепелѣ. Спектакль былъ самъ по себѣ очень интересенъ и чреватъ массой маленькихъ инцидентовъ. Наталья Степановна Чубукова, напр. (въ пьесѣ «Предложеніе»), въ самомъ интересномъ мѣстѣ забыла роль, побѣжала за сцену справиться съ тетрадкой, оставивъ своего жениха на произволъ судьбы. Ломову пришлось сидѣть минутъ двадцать, такъ какъ тетрадка куда-то затерялась. Сценаріусъ заспорилъ съ режиссеромъ по поводу программнаго вопроса и такъ увлекся, что забылъ задернуть занавѣсъ, хотя Чубуковъ, покричавъ: «шампанскаго!»—сталъ подавать отчаянные сигналы. Наконецъ, кто-то изъ публики сжалился и задернулъ коленкоровый занавѣсъ. Сценаріусу устроили нагоняй за кулисами и объяснили, что все имѣетъ свое время. Результатомъ было то, что въ слѣдующей пьесѣ, «Медвѣдь», онъ проявилъ уже слишкомъ много усердія и опустилъ занавѣсъ за долго до конца, какъ только Лука сталъ молить Смирнова. Но всѣ эти мелочи не помѣшали уайтчепельской публикѣ наслаждаться спектаклемъ.

Благовістныкъ и Хацкель (въ особенности послѣдній) уже отчасти привыкли къ Лондону и къ новой жизни. Хацкель умѣлъ уже склеить нѣсколько фразъ по-англійски. Оба знали теперь, что «мистеръ Каунъ» не благодѣтель, а грубый «свэтеръ», эксплуатировавшій новичковъ, или «гринеровъ». Они уже давно оставили берлогу Кауна, который нашелъ другихъ «гринеровъ». Теперь Хацкель и Благовістныкъ получали по восьми шиллинговъ въ недѣлю и знали, что англичане берутъ въ три и въ четыре раза больше, но сами они не дошли еще до сознанія необходимости дѣйствовать дружно, всѣмъ вмѣстѣ. До сихъ поръ имъ казалось вполнѣ нормальнымъ подряжаться потихоньку за меньшую плату, чѣмъ англичане. Хацкель только теперь начиналъ понимать, почему англичане-столяры ругательски ругали Благовістныка, когда онъ нанялся разъ на фабрику по 18 шилл. въ недѣлю. Благовістныку условія показались великолѣпными, хотя товарищи его получали по 38 шилл. Благовістныкъ былъ очень огорченъ, когда остальные столяры, узнавъ за сколько подрядился Ониско, потребовали отъ хозяина, чтобъ иностранца разсчитали. Наши пріятели все пытались мѣрить новую жизнь старой мѣркой и терялись каждый разъ, когда убѣждались, что мѣрка не подходитъ совершенно.

III.

Теперь мнѣ хочется разсказать исторію про то, какъ появилась «труппа русскихъ танцоровъ и пѣвцовъ Самоварова», которая въ настоящее время имѣетъ большой успѣхъ въ одномъ изъ наиболѣе модныхъ мюзикъ-холловъ Лондона.

Великія идеи приходятъ въ голову всегда неожиданно. Это давно уже сказано; но наши герои, Хацкель Балтянскій и Онисько Благовістныкъ, собственнымъ опытомъ убѣдились въ этомъ. Дѣло было прошлой зимой, послѣ Рождества. Всѣ лондонскія газеты были полны разсказами про безработицу. Десятки и сотни мастерскихъ или закрылись совершенно, или значительно сократили число «рукъ». Люди какъ будто сговорились не шить себѣ новыхъ сюртуковъ и не покупать мебели, чтобы наши земляки сидѣли безъ работы. На придачу, мелкая, уличная пресса кричала въ каждомъ нумерѣ: «Какъ же не голодать нашимъ работникамъ, если иностранцы отбиваютъ у нихъ хлѣбъ!»

«Иностранецъ отнялъ работу у британскихъ работниковъ,— доказывалъ экономистъ изъ «Daily Express».— Онъ можетъ жить при такихъ условіяхъ, которыя уважающій себя британецъ находитъ невозможными. Иностранецъ привыкъ спать цѣлой семьей въ одной комнатѣ. Онъ можетъ обходиться безъ постелей, безъ матрасовъ и безъ простынь. На своей родинѣ иностранецъ привыкъ питаться такой пищей, которую у насъ не станутъ ѣсть свиньи. Люди, отнявшіе грабежомъ у нашихъ работниковъ заработокъ, умѣютъ жить однимъ чернымъ хлѣбомъ, жидкимъ чаемъ да селедкой. Они соглашаются работать по двѣнадцати и четырнадцати часовъ въ сутки и довольствуются шестью и восьмью шиллингами въ недѣлю» *).

Авторъ доказывалъ дальше, что Англію спасти можетъ только одно: запрещеніе иностраннымъ работникамъ селиться въ Англіи. Въ печати происходила жаркая борьба.

Правительство обѣщало работникамъ пенсіонъ для престарѣлыхъ,—писали министерскія газеты. «Оно, конечно, охотно исполнило бы это; но возможно ли это въ настоящее время, когда въ Англію, какъ въ Мекку, со всѣхъ сторонъ безконтрольно тянутся эмигрантскіе корабли. Если министерство дастъ пенсіонъ для престарѣлыхъ работниковъ, налѣзетъ еще больше иностранцевъ и завладѣютъ пенсіономъ. Нужно, поэтому, сперва провести въ пар-

*) Всѣ эти аргументы повторены въ книгѣ «Alien Immigration» by Frederick Bradshaw, London, 1901, p. 74—82.

ламентѣ законъ о сокращеніи иммиграціи въ Англію. Тогда матеріальныя условія британскихъ работниковъ сразу улучшатся. Работы хватитъ на всѣхъ. Заработная плата повысится. Число рабочихъ часовъ сократится. Министерство настроитъ хорошіе дома для работниковъ и обезпечитъ судьбу стариковъ».

Либеральныя и радикальныя газеты утверждали, что все это только одна болтовня. До восьмидесятыхъ годовъ иммиграціи въ Англію почти не было совершенно, а между тѣмъ положеніе британскихъ работниковъ было еще хуже, чѣмъ теперь. Въ настоящее время абсолютное число иностранцевъ въ Англіи, въ сравненіи съ Германіей или съ Франціей, не говоря уже объ Америкѣ,— ничтожно. Иностранцы-работники живутъ колоніями только въ двухъ округахъ Лондона, да въ одномъ округѣ въ Лидсѣ. Только здѣсь и слышатся жалобы на конкурренцію. Во всей остальной Англіи вопросъ объ иностранцахъ совершенно не существуетъ. Законъ, который далъ бы право административной власти останавливать пріѣзжихъ переселенцевъ, принесъ бы только неимовѣрный вредъ. Исполнительная власть получила бы тогда гораздо больше полномочій, чѣмъ желательно. Администрація вышла бы изъ подъ строгаго общественнаго контроля и это имѣло бы гибельныя послѣдствія. Необходимымъ результатомъ закона о контролѣ надъ иммигрантами явилась бы паспортная система, одна мысль о которой внушаетъ ужасъ какъ радикаламъ, такъ и тори. Оппозиціонныя газеты саркастически спрашивали, кромѣ того, съ какихъ это поръ тори стали интересоваться сокращеніемъ рабочаго дня. Не выступалъ ли еще недавно «Times» съ грозными передовыми статьями противъ трэдъ-юніоновъ и не дѣлалъ ли онъ ихъ отвѣтственными за гибель англійской промышленности путемъ отстаиванія короткаго рабочаго дня?

Газетная борьба кипѣла по всей линіи. Въ черныхъ отъ непогодъ и копоти домахъ Флитстрита каждый день десятки «передовиковъ» разбирали рабочій вопросъ по косточкамъ. Выяснялись законы заработной платы, анализировались результаты фритрэдерства и протекціонизма, перерывались громоздкія синія книги, цитировались Адамъ Смитъ, Милль и Рикардо, ставились научные прогнозы; но безработица увеличивалась съ каждымъ днемъ. На улицахъ Лондона все чаще и чаще появлялись процессіи безработныхъ. Шли старики, шли молодые люди. Такъ какъ демонстрація въ Англіи не можетъ обойтись безъ трехъ вещей: музыки, знаменъ и пѣсенъ, то безработные шли подъ звуки барабановъ и дудокъ, вслѣдъ за хоругвью, на которой значилось: «Купите силу нашихъ мышцъ или дайте намъ хлѣбъ», и распѣвали: «Нѣтъ работы!» Страшная пѣсня эта сложена еще дѣдами и

отцами настоящаго поколѣнія, въ Ланкаширѣ, во время хлопковаго голода, когда милліоны веретенъ замолкли и сотни тысячъ работниковъ выпрашивали милостыню на большихъ дорогахъ. Плохо приходилось Смизсамъ, Джонесамъ, Пальмерамъ и Тэйлорамъ; но эти могли хоть, какъ британцы, протестовать и грозить. Хацкелю Балтянскому, Онискѣ Благовістныку и еще многимъ Хацкелямъ и Онискамъ приходилось гораздо хуже. Они сидѣли безъ работы, безъ хлѣба, безъ квартиры и могли только стонать. Чтобы они сказали этому богатому городу, если бы тоже вышли съ барабанами и знаменами? Какъ сказать, если нѣтъ языка? Не отвѣтили ли бы имъ:—Зачѣмъ вы явились? Кто васъ просилъ?

Быть можетъ, никто бы такъ не сказалъ; но Хацкели и Ониски привезли съ собой глубокую боязнь предъ полиціей. Когда они встрѣчали на улицѣ процессію съ барабанами и знаменами, то поспѣшно сворачивали въ переулокъ, чтобы быть подальше отъ грѣха. Наши пріятели удивлялись только, что все такъ тихо, что не слышно тревожныхъ свистковъ, а затѣмъ крика, плача, ругательствъ и топота бѣгущихъ въ разсыпную.

Стоялъ январь. Густой туманъ, какъ шапкой, накрылъ Уйтчэпель. Трудно было опредѣлить время дня. Всюду горѣли фонари, свѣтъ которыхъ расплывался во мглѣ, но фабричные гудки возвѣщали только полуденный перерывъ. По липкимъ тротуарамъ, засунувъ глубоко руки въ карманы, бродили сотни печальныхъ, голодныхъ и озябшихъ людей. Въ числѣ ихъ были Ониско и Хацкель.

— Погано, Татьяно! — мрачно сказалъ Благовістныкъ.—Що теперь діяты? Нема надіи. Хочь здыхай!

— Люди сказали мнѣ теперь *слэкъ*, но онъ заразъ кончится, потому весна идетъ,—отвѣтилъ Хацкель, мѣшая къ своему ломанному языку, какъ всѣ эмигранты, англійскія слова.—Надія есть.

— Яка надія? Здохнуть, чи що!—прежнимъ погребальнымъ тономъ замѣтилъ Ониско.

— А въ Широкой Греблѣ какая у васъ была надія? Пойдетъ здѣсь работа, такъ развѣ столько будете получать, какъ тамъ? Съ Макаромъ говорили:—Сколько онъ получаетъ въ своей *ферничеръшопъ?* (Furniture shop, т. е. въ мебельной мастерской).

— Двадцать шыльникіевъ у ныділю,—сказалъ повеселѣвшій Ониско.

— Это десять карбованцевъ. Люди говорятъ, мало еще. *Джойнеръ* (столяръ) беретъ тутъ тридцать пять и сорокъ шиллинговъ въ недѣлю. Что скажете, Ониско, когда будете имѣть восемьдесять карбованцевъ въ мѣсяцъ. А? Только *слэкъ* переждать! Пойдемъ покуда грѣться. Просто терпѣть нельзя. Мороза нѣтъ, а я себѣ совсѣмъ замерзъ. Пойдемъ, Ониско.

Благовістныкъ привыкъ, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ Хацкелемъ, слушаться его, вполнѣ убѣжденный, что тотъ «дуже хитрый на выгадки» и всегда найдетъ средство вывернуться. Онъ, по старой привычкѣ, поправилъ, вмѣсто смушковой шапки, котелокъ и побрелъ за Хацкелемъ.

— Чудно какъ, Ониско,—заговорилъ Хацкель, который органически не выносилъ молчанія.—Въ Кишиневѣ я бы васъ боялся, какъ погромщика. Вы, Ониско, очень хорошій человѣкъ, а не утерпѣли бы и тоже пошли бы за другими. Не такъ ли? Потому тамъ я былъ для васъ не человѣкъ, а собака, которую надо бить. Вы справедливый человѣкъ, Ониско, а поломали бы всю мою мебель и весь мой струментъ, хоть я такой же бѣдный рабочій, какъ и вы. А тутъ мы познакомились, узналъ я васъ, а вы меня. И ничего, совсѣмъ товарищи. Поможемъ одинъ другому. Чудно, Ониско?

Благовістныкъ утвердительно мотнулъ своею большою головою, съ которой безпрерывно сползалъ котелокъ, но не сказалъ ни слова.

IV.

Съ большой улицы пріятели свернули въ боковую, еще болѣе грязную и мрачную, обстроенную покривившимися, черными домами, съ окнами, стекла которыхъ стали радужными отъ времени. Кое-гдѣ стеколъ совсѣмъ не было, а вмѣсто нихъ виднѣлась подушка въ ситцевой наволокѣ. Дома эти доживали послѣдніе дни. Предпріимчивые люди сняли ихъ и сдавали отдѣльными комнатами и даже углами перекатной голи изъ иностранцевъ. Никакой англичанинъ въ такую трущобу не пошелъ бы. Каждый уголъ сдавался тутъ по три шиллинга въ недѣлю. Иногда одна и та же постель имѣла трехъ «жильцовъ». Каждый изъ нихъ поочередно спалъ въ ней по восьми часовъ. Когда одинъ постоялецъ приходилъ съ работы, другой уходилъ. Такимъ образомъ, постель никогда не остывала. Въ общемъ, полуразрушенныя мурьи, сдаваемыя по угламъ иностранной, нетребовательной и безотвѣтной голи, приносили предпринимателю въ шесть—семь разъ больше, чѣмъ хорошіе, новые и комфортабельные дома, сданные въ респектабельныхъ кварталахъ зажиточнымъ людямъ. Изъ раскрытыхъ дверей доносился стукъ молотковъ, визжаніе напильниковъ и шипѣніе утюговъ. Иностранцы работали въ тѣхъ самыхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ спали. У себя на родинѣ они привыкли къ этому, какъ къ нормальному явленію, но англичанъ приводила въ ужасъ подобная нетребовательность. На стѣнахъ, какъ бѣлыя, красныя и желтыя заплатки на угольномъ мѣшкѣ, пестрѣли афиши на еврейскомъ и

кое-гдѣ на русскомъ языкахъ. Въ нихъ сообщалось о мити о спектакляхъ на жаргонѣ, о вновь возникшемъ кооперат союзѣ хлѣбопековъ. На мостовой, въ грязи, между капу кочерыжками, старыми газетами и всякой другой дрянью, лись ребятишки. Тутъ вся восточная Европа имѣла своихъ ставителей. Старая итальянка, съ высохшимъ, потрескавшим цомъ, перевязанная шалью, углы которой образовали гро узелъ на согнутой спинѣ, какъ автоматъ, вертѣла разбитую манку. Десятокъ дѣвочекъ, грязныхъ, со спутанными вол падавшими [illegible] соломенныхъ шляпокъ или засале спортсменскихъ шапочекъ плясали подъ музыку на мостовой *уокъ*, танецъ, занесенный изъ негритянскихъ плантацій в стократическіе салоны [illegible] оттуда—въ Уайтчэпель.

— Смотрите, Ониско,—сказалъ вдругъ Хацкель, останови предъ лавочкой,—наши еврейчики привезли съ собою въ Л весь Кишиневъ.

Въ лавочкѣ, толстая еврейка въ [illegible] красной левой юбкѣ торговала гречневой крупой, чернымъ [illegible]мъ, ными огурцами, маковниками на меду съ орѣхами, селедкам вомъ, всѣми тѣми продуктами, которые англичанъ привод ужасъ. Переселенцы изъ сѣверо-западнаго края сравни быстро приспособляются къ новой обстановкѣ, къ чужому къ необычному укладу жизни; но желудокъ ихъ остается к ваторомъ и предъ «котлами съ мясомъ» тоскуетъ по кап ледкамъ и соленымъ огурцамъ.

— А вотъ еврейскій Кукъ.—показалъ Хацкель на контору, въ окнѣ которой виднѣлся плакатъ съ изображ океанскаго парохода и съ подписью подъ нимъ на евре языкѣ.—Хотите, онъ вамъ дастъ *шифкарту* (билетъ) въ Нью въ Аргентину или въ Южную Африку! Можетъ желаете дѣтей выписать къ себѣ изъ Широкой Гребли? Только зай скажите: «вотъ деньги, привезите мнѣ мадамъ Химу Благові съ дѣтьми Панасыкомъ, Грицемъ, Ганусей, Мотрей и Хивре все готово. Еврейскій Кукъ напишетъ своему агенту въ Ви или въ Проскуровъ, какой городъ ближе къ Широкой Агентъ поѣдетъ, соберетъ дѣтей, уложитъ бебехи, выправит портъ. А то и безъ паспорта можно, если три рубля ли заплатить. Потомъ мадамъ Химу присоединятъ къ партіи, по особымъ поѣздомъ въ Гамбургъ, а оттуда въ Лондонъ, пря господину Онискѣ. Пожалуйте получить товаръ въ исправно Болтая, такимъ образомъ, Хацкель подошелъ съ пріятеле покачнувшемуся дому, стѣну котораго выпучило впередъ. дверями красовалась синяя вывѣска съ надписью: «Русскій

скій ресторанъ». Подъ русской надписью на еврейскомъ языкѣ сообщалось, что кушанья тутъ готовятся изъ коширнаго мяса. Пониже этой вывѣски была другая, на ней значилось: «Русская безплатная библіотека».

— Вотъ тутъ мы и согрѣемся!—сказалъ Хацкель, указывая на эту вывѣску.—Есть ли у васъ въ Широкой Греблѣ что нибудь подобное?—хвастливо спросилъ Хацкель. Нужно сознаться, однако, что входъ въ библіотеку былъ совершенно не презентабельный. Пріятели шли ощупью темнымъ корридоромъ, въ который, должно быть, изъ «Одесскаго ресторана» невыносимо несло капустой и жареной на постномъ маслѣ рыбой.

— Осторожнѣе поднимайтесь! - крикнулъ кто-то сверху пріятелямъ,—ногу сломите. Предостереженіе было не лишнее. На лѣстницѣ кто-то пролилъ воду или помои. Многихъ перилъ не доставало. Ихъ вытащили въ холодныя ночи бѣдные жильцы, чтобы развести огонь въ каминахъ. На каждую площадку выходили двери изъ грязныхъ комнатъ, въ которыхъ работали сапожники и портные.

— Видѣли ли вы что-нибудь такое въ Широкой Греблѣ,—продолжалъ восторгаться Хацкель. — Смотрите: стѣны оклеены обо-о-оями. Развѣ эти люди въ Шепетиловкѣ или въ Смѣлѣ жили когда нибудь въ комнатахъ, оклеенныхъ обоями.

Ониско молча согласился съ этимъ. Налѣпленная на дверяхъ бумажка сообщала, что именно здѣсь помѣщается безплатная библіотека. На площадкѣ стояло человѣкъ пять очень бѣдно одѣтыхъ русскихъ евреевъ. Одни изъ нихъ молча курили. Другіе жарко обсуждали какой-то вопросъ.

— Что, Бенціонъ, по прежнему?—окликнулъ Хацкель тщедушнаго молодого человѣка съ мрачнымъ землистымъ лицомъ, съ втянутыми щеками.

— По прежнему,—лаконически отвѣтилъ тотъ.

— Работы нѣтъ?

— Нѣтъ.

— *Страйкъ* (Strike).

— Нѣтъ, *слэкъ* (мертвый сезонъ).

— На долго?

— До *истеръ* (Easter, т. е. пасха).

— Скверный *джобъ* (job, т. е. дѣло).

— Что и говорить, Хацкель, просто помирать надо! Здѣсь грѣться можно, а то прямо лежалъ бы на улицѣ.

— А чомъ же вы липше не мандруете до дому? — вставилъ Ониско.

— Зачѣмъ? Здѣсь хоть у меня надежда есть. Къ *истеръ*

(пасхѣ) *слэкъ* (заминка) кончится, тогда все отлично будетъ, а *тамъ* у меня ничего впереди нѣтъ. Здѣсь я самъ себѣ господинъ. Мнѣ никого не нужно бояться. А тамъ дрожи передъ всѣми. Меня тамъ и за человѣка не считаютъ.—Хацкель побѣдоносно взглянулъ на Ониску.

— Сапожникъ Бенціонъ работу найдетъ! — хвастливо, какъ будто про себя самого, началъ Хацкель.—Онъ только годъ тутъ, а по англійски жаритъ, какъ настоящій инглишмэнъ. Все сказать можетъ и все понимаетъ!

Только крайнимъ увлеченіемъ Англіей объясняется восторженный вопросъ Хацкеля: «есть ли у васъ что-нибудь подобное?» Въ дѣйствительности, безплатная русская библіотека, поддерживаемая доброхотными пожертвованіями очень небогатыхъ людей, производила удручающее впечатлѣніе. Печать отчаянной, лютой бѣдности, точнѣе нищеты, лежала на всемъ: на ободранной комнатѣ, на жалкихъ столахъ и грубыхъ скамьяхъ, а, въ особенности, на многочисленной публикѣ, которая зарылась въ газеты и книги. Публика эта, большею частью, безработная, плохо одѣтая, блѣдная, по всей вѣроятности, голодная, тихо шелестила листами русскихъ и еврейскихъ газетъ. Вдоль стѣнъ, на самодѣльныхъ, грубо-сколоченныхъ полкахъ, тянулись ряды книгъ. На далекой чужбинѣ онѣ представляли посѣтителямъ библіотеки дорогой осколокъ родины. Эти бѣдняки, выгнанные крайней нищетой, а иногда и страшными кровавыми катастрофами изъ гето осѣдлости, — жили и дышали интересами родины, берегли русскій языкъ, хотя большинство плохо знало его. Въ особенности, громадный спросъ въ читальнѣ былъ на провинціальныя газеты, на различные «Вѣстники» и «Листки», выходящіе въ большихъ центрахъ юга и сѣверо-западнаго края. Такіе «Листки» прочитывались отъ строчки до строчки. Изъ большой комнаты дверь вела въ маленькую, еще болѣе грязную и душную, заваленную до потолка книгами и связанными запыленными пачками старыхъ газетъ. Тутъ, скорчившись за простымъ столомъ, рыжій молодой человѣкъ съ очень добрымъ и очень болѣзненнымъ лицомъ усердно переплетничалъ. Безапелляціоннымъ авторитетомъ, повидимому, въ обѣихъ камнатахъ былъ библіотекарь, высокій, широкоплечій мужчина, съ большой черной бородой.

Среди всѣхъ этихъ малорослыхъ, болѣзненныхъ выходцевъ изъ гето, библіотекарь казался гигантомъ. Онъ могъ бы помѣряться ростомъ даже съ Благовістныкомъ.

Компанія едва нашла себѣ мѣсто. Любознательный Хацкель тотчасъ же потянулся къ *«Одесскому Листку»*. Онъ внимательно прочиталъ корреспонденцію изъ Кишинева, затѣмъ отложилъ г... ту, такъ какъ органически не выносилъ молчанія. Рядомъ с...

Хацкелемъ сидѣлъ не молодой уже, длиннобородый мужчина, который держалъ передъ собою въ сильныхъ мозолистыхъ рукахъ нумеръ газеты на древне-еврейскомъ языкѣ. Должно быть чтеніе крайне волновало его, потому что онъ качалъ головой, вздыхалъ, откладывая газету, затѣмъ опять принимался за нее. Въ одинъ изъ моментовъ, когда нумеръ газеты былъ отложенъ, Хацкель шопотомъ заговорилъ съ сосѣдомъ:

— Нехорошія вѣсти?

Вмѣсто отвѣта, сосѣдъ Хацкеля, поднявъ глаза, сталъ цитировать на память, слегка качаясь корпусомъ, стихи изъ библіи на древне-еврейскомъ языкѣ:

«И сказалъ Господь: Я увидѣлъ бѣдствіе народа Моего и услышалъ вопль его отъ приставниковъ его: потому что знаю страданія его... Я увидѣлъ угнетеніе, какимъ угнетаютъ ихъ».

Хацкель понялъ только, что это изъ библіи; но на всякій случай сочувственно вздохнулъ и, помолчавъ, перемѣнилъ тему.

— Откуда вы?

— Изъ Веприка, Полтавской губерніи.

— Тс-с-съ! Не близко отъ Лондона! Имѣете ремесло въ рукахъ?

— Я—Зельманъ Соловейчикъ, жестяникъ и лудильщикъ, только у насъ въ мѣстечкѣ больше лудильщиковъ, чѣмъ самоваровъ. Нѣтъ тамъ работы, хоть умирай! По субботамъ я канторомъ былъ въ нашей маленькой синагогѣ. Ой, бѣда евреямъ: ѣсть нечего.

— Давно здѣсь?

— Четвертый мѣсяцъ. Я таскалъ пароходы на лямкѣ въ докахъ, вертѣлъ машину, козырки пришивалъ къ шапкамъ. За все брался. Теперь — *слэкъ*... Руки есть. Ремесло имѣю. Охота работать тоже есть, а хожу голодный. Вотъ тутъ въ библіотекѣ хоть грѣюсь... Ой, бѣда, бѣда! Въ Веприкѣ—дѣти, дочка съ ребенкомъ. Мужа ея въ солдаты угнали. Всѣ ждутъ отъ меня помощи, а моихъ рукъ никто не покупаетъ!—лудильщикъ покачалъ головой.

На разговаривающихъ стали коситься остальные читатели, поэтому Хацкель, лудильщикъ и Бенціонъ вышли на площадку. Вызвали и Благовістныка, къ немалому удовольствію его.

— Слушайте, пойдемте тутъ къ одной барышнѣ,—предложилъ Бенціонъ,—она очень добрая и сильно помогаетъ работой. У ней среди богатыхъ англичанокъ много знакомыхъ.—Такъ какъ ни Хацкелю, ни лудильщику, ни Благовістныку дѣлать было нечего, то предложеніе приняли безъ возраженій. По дорогѣ Хацкель сталъ допытывать, кто эта сердобольная барышня. Онъ узналъ, что англійскіе евреи устроили ясли для ребятишекъ, матери которыхъ,

пріѣзжія изъ Россіи, заняты цѣлый день работой. Ребятишекъ приносятъ утромъ и оставляютъ на весь день. Въ ясляхъ ребятъ сейчасъ же купаютъ, переодѣваютъ въ чистое, кормятъ и играютъ съ ними до самаго вечера. Барышня и завѣдуетъ яслями.

Ясли помѣщались чуть ли не въ самомъ грязномъ и бѣдномъ переулкѣ бѣднаго и грязнаго Уайтчепеля. Поразительнымъ контрастомъ съ общимъ видомъ улицы являлась удивительная чистота каждаго уголка въ ясляхъ.

Нашей компаніи навстрѣчу высыпало нѣсколько маленькихъ дѣтей. Изъ передней Хацкель увидалъ громадную комнату, въ которой гомозилось около сорока дѣтей. Одни изъ нихъ постигали еще искусство хожденія на двухъ ногахъ, а не на четвереньвахъ. Другія качались на деревянныхъ лошадкахъ. Третьи съ необыкновенной серьезностью въ лицѣ чинно сидѣли въ рядъ на маленькихъ стульчикахъ, справляя свои приватныя дѣлишки. Нѣсколько сидѣлокъ въ форменныхъ синихъ платьяхъ ловко и скоро возились съ ребятишками. «Барышня», тоже въ форменномъ платьѣ, ласково встрѣтила компанію; но тутъ случился маленькій инцидентъ. Одинъ изъ мальчиковъ, предпріимчивый трехлѣтній Сэми, соблазнившись открытой дверью, выбѣжалъ на улицу и исчезъ. Поднялась страшная суматоха. Барышня въ отчаяніи ломала руки и все твердила, что Сэми, навѣрно, переѣхали.

Спокойныя сидѣлки-англичанки предложили отправиться въ полицію. И, дѣйствительно, къ великому ликованію барышни, Сэми доставили скоро изъ ближайшаго участка, куда маленькаго бродягу принесъ на рукахъ «бобби». Сэми явился съ громаднымъ кускомъ хлѣба съ масломъ, которымъ снабдилъ его полисменъ.

— Нѣтъ работы!—огорченно заявила барышня, выслушавъ пріятелей.—Быть можетъ, что-нибудь узнаю, тогда скажу, а теперь—нѣтъ.

— Хотите сегодня супъ ѣсть?—спросилъ Бенціонъ, когда пріятели вышли на улицу.—Такъ пойдемъ ночью на Стрэндъ. Тамъ армія спасенія раздаетъ супъ безработнымъ. Только теперь еще рано. Посидимъ покуда въ теплѣ, въ библіотекѣ.

V.

Библіотеку закрыли, и компанія, подъ предводительствомъ Бенціона, отправилась искать даровой супъ. На главной улицѣ Уайтчепеля было еще людно. Народъ, правда, порѣдѣвшими группами, толпился у лотковъ, освѣщенныхъ трепетавшими въ туманѣ, сильно коптившими керосиновыми факелами и прислушивался къ завываніямъ продавцовъ.

— Тоже, поди, не знаютъ, гдѣ имъ ночевать!—сказалъ Хацкель, указывая на группу печальныхъ людей, которые, поднявъ для тепла воротники пиджаковъ, внимательно слушали, что кричалъ взобравшійся на телѣжку господинъ въ цилиндрѣ, въ очкахъ и въ черномъ сюртукѣ. Господинъ отчаянно жестикулировалъ, надрывался отъ крика и все показывалъ какую-то маленькую коробочку.

— Чего онъ хочетъ, вы знаете?—спросилъ лудильщикъ.

— Пилюли отъ всѣхъ болѣзней продаетъ,— отвѣтилъ Бенціонъ, усмѣхнувшись.—Больныхъ тутъ много, а доктора звать—нужно деньги имѣть. Вотъ и покупаютъ.

— Тоже ѣсть хочетъ!—подалъ реплику Хацкель.

— Бідный працюе, а якъ надирветься, то не ма кому й рятовати!—вздохнулъ Ониско.

Нѣсколько дальше, на небольшой лужайкѣ, компанія наткнулась на нѣсколько сотенъ людей, которые тѣснымъ кольцомъ окружили оратора, взобравшагося на рѣшотку. Возлѣ оратора, съ одной стороны, стоялъ человѣкъ съ краснымъ флагомъ, а съ другой—два старика держали палки громадной разрисованной хоругви. На ней изображены были Адамъ и Ева въ передникахъ изъ фиговыхъ листьевъ, потомъ два человѣка, безъ сюртуковъ, взявшіеся за руку. Надъ всѣмъ сверкала золотомъ длинная надпись.

— Что это такое?—спросилъ лудильщикъ.

— Юніонъ мэнтелмэйкеровъ (союзъ портныхъ, изготовляющихъ непромокаемые плащи),—отвѣтилъ Бенціонъ. *Middlemen* (посредники) предлагаютъ имъ теперь новыя *conditions*, такъ тотъ *branch* (отдѣленіе) *S. D. F.* говоритъ имъ, чтобъ они не слушали *bamboozlers* (обманщиковъ), а сдѣлали бы *strike*.

Ониско изъ всего отвѣта понялъ только слово *strike*. Онъ боязливо оглянулся и потянулъ лудильщика за полу.

— Ходімъ хутко: воні тутъ про *штрайкъ* базікаютъ! Ось й *десятьскій*!

И, къ великому удивленію Благовістныка, «десятскій», т. е. «бобби», подошелъ къ толпѣ, флегматично постоялъ минуты двѣ и пошелъ дальше. Ониско долго охалъ бы, если бы его не толкнули въ бокъ и не сказали, что время идти дальше. У ярко освѣщенной таверны *Трехъ Монахинь* оживленная улица кончилась. Потянулись совершенно пустыя въ тотъ часъ ночи улицы Сити. Банки и торговыя конторы, въ которыхъ днемъ кипѣла жизнь и составлялись отвѣты на письма, полученныя изъ отдаленныхъ австралійскихъ и южно-американскихъ городовъ, теперь стояли черные и мертвые. Съ трудомъ вѣрилось, что тутъ днемъ дѣло било ключемъ, что въ этихъ банкахъ рѣшаютъ судьбу

цѣлыхъ народовъ и опредѣляютъ политику величайшаго государства въ мірѣ. Смутно вырисовывались въ сырой мглѣ мѣдныя таблички съ черными надписями: «Австралійскій банкъ», «Русскій банкъ для внѣшней торговли», «Китайскій банкъ» и пр. Банковъ было такъ много, что таблицами пестрѣли всѣ окна громадныхъ шестиэтажныхъ домовъ. Въ одномъ изъ нихъ Хацкель насчиталъ не меньше пятнадцати банковъ. Съ банками чередовались конторы громадныхъ пароходныхъ обществъ, правильно посылающихъ почтовые корабли въ Австралію, въ Южную Америку, на Крайній Востокъ. Гулко отдавались шаги въ пустынныхъ, старинныхъ и извилистыхъ улицахъ. Смутное чувство страха порождалъ этотъ дѣловой городъ, охваченный мертвымъ сномъ послѣ лихорадочнаго рабочаго дня. Наконецъ, компанія подошла къ громадному зданію съ колоннами. Передъ порталомъ, на гранитномъ пьедесталѣ, смутно виднѣлась въ туманѣ колоссальная бронзовая фигура всадника.

— Биржа, — лаконически объяснилъ Бенціонъ, — а это знаменитый англійскій генералъ. Всѣхъ побѣдилъ, даже Наполеона. Смотрите, какіе англичане практичные люди: генерала они очень почитаютъ, между тѣмъ, посмотрите, что подъ памятникомъ!

Съ мостовой подъ пьедесталомъ вела лѣстница въ подземелье. На дверяхъ виднѣлась прибитая табличка съ нарисованной рукой и съ надписью: «Gentlemen».

Компанія переглянулась. Хацкель фыркнулъ. Лудильщикъ сформулировалъ свои впечатлѣнія нѣсколько болѣе пространно.

— Когда человѣкъ рождается, — сказано въ талмудѣ, — руки у него сложены. Когда онъ умираетъ, руки его раскинуты. Вступая въ жизнь, человѣкъ желаетъ схватить и забрать все. Оставляя міръ, онъ отбрасываетъ всѣ земныя богатства. Бѣднымъ и нагимъ является онъ на свѣтъ. Бѣднымъ и нагимъ оставляетъ онъ жизнь. Вы говорите, этотъ человѣкъ завоевалъ всѣхъ? Въ талмудѣ сказано про другого воина, про Александра Га-Могденъ (Македонскаго), который обошелъ весь свѣтъ и, наконецъ, добрался до райскихъ воротъ и постучался туда мечемъ.

— Кто стучитъ?—спросилъ ангелъ, охраняющій входъ.

— Александръ.

— Кто это Александръ?

— Александръ, великій Александръ, покоритель всего міра.

— Мы его здѣсь не знаемъ. Тутъ живутъ только праведники. Ступай.

Александръ попросилъ, чтобы ему дали на память что-нибудь. Га-Могденъ хотѣлъ имѣть вещь, которая напоминала бы ему, что онъ доходилъ до райскихъ воротъ. И ангелъ далъ ему кусокъ

ловѣческаго черепа. Показалъ Александръ кость своимъ мудрецамъ, которые положили ее на чашку вѣсовъ. И царь на другую чашку положилъ все свое золото и серебро, но кость перетянула. Тогда Александръ прибавилъ еще свою корону и всѣ самоцвѣтные камни, которые добылъ въ походахъ; но кость все перетягивала. И подошелъ одинъ изъ мудрецовъ, взялъ щепоть праха и посыпалъ имъ кость. И чашка вѣсовъ съ нею тотчасъ же поднялась высоко. Кость была глазница завоевателя. Ничто не можетъ насытить глазъ, кромѣ праха, который покроетъ его въ могилѣ... Вотъ и этотъ на конѣ. Вы говорите, самого Наполеона побѣдилъ! А теперь подъ нимъ отхожее мѣсто.

Часы пробили двѣнадцать.

— Теперь рано еще. Супъ раздаютъ въ два часа ночи,—сказалъ Бенціонъ.—Выйдемъ покуда на набережную, тамъ люди есть.

Люди дѣйствительно были. Вдоль гранитной набережной, тянувшейся версты на три, какъ ночныя животныя, тихо бродили мужчины, женщины и дѣти. Люди сидѣли на всѣхъ скамьяхъ подъ голыми деревьями, съ которыхъ капала вода. На одной скамьѣ спала, повидимому, цѣлая семья: мужъ, надвинувшій котелокъ на глаза, жена и двое дѣтей, закутанныя въ шаль. Раздались тяжелые шаги полисмэна: но «бобби», проходя мимо спавшихъ, отвернулся въ другую сторону, какъ будто высматривалъ что-то въ туманѣ, струившемся надъ громадной рѣкой.

— Полисмэнъ показываетъ видъ, что не видитъ спящихъ, — объяснилъ Бенціонъ,—а то онъ долженъ разбудить ихъ и прогнать.

— Боже! Боже! Сколько бездомныхъ!—вздохнулъ лудильщикъ.

Полисмэнъ внимательно слѣдилъ за то за тѣми, которые, какъ застывшіе, стояли у каменнаго парапета. Тамъ, гдѣ газовые фонари, прорѣзавъ мглу, освѣщали рѣку, вода сверкала, какъ чьи-то зловѣщіе, тусклые глаза. И этотъ свѣтъ, повидимому, представлялъ что-то неотразимое для глядѣвшихъ черезъ парапетъ. Былъ приливъ. Внизу вода шипѣла и плескалась о тесанные камни. Казалось, тамъ кто-то манитъ голодныхъ и иззябшихъ людей, суля имъ, во всякомъ случаѣ, покой...

— Смотрите сюда, — шепнулъ вдругъ Хацкель и указалъ на одну изъ скамей, на которой лежалъ какой-то мужчина. Для тепла онъ, какъ въ одѣяло, завернулся въ нѣсколько нумеровъ газеты.

Набережная кончилась колоссальнымъ, великолѣпнымъ зданіемъ; на высокой башнѣ его, какъ будто сотканной изъ каменнаго кружева, ярко сверкалъ громадный, электрическій фонарь. Свѣтъ этотъ показывалъ англичанамъ, что представители ихъ бодрствуютъ и обсуждаютъ въ парламентѣ государственные вопросы.

Началась ярко-освѣщенная улица центральнаго Лондона. Театры

и модные мюзикъ-холлы, которыхъ очень много въ этомъ кварталѣ, уже закрылись; но богатые, ночные рестораны были еще открыты. У дверей ихъ громадные швейцары въ расшитыхъ ливреяхъ высаживали изъ каретъ и усаживали дамъ въ бальныхъ туалетахъ, въ бѣлыхъ накидкахъ, обшитыхъ лебяжьимъ пухомъ, и мужчинъ во фракахъ и въ бѣлыхъ галстухахъ. По широкому тротуару, пошатываясь, брели господа въ цилиндрахъ и во фракахъ, которые виднѣлись изъ подъ разстегнутыхъ пальто. Тутъ были и юноши, но ихъ попадалось меньше, чѣмъ сѣдыхъ, гладкихъ, плотныхъ стариковъ. И молодые люди, и старики то пѣли, то ругались. Въ особенности скверно ругались старики, когда встрѣчались съ нарядно одѣтыми, накрашенными женщинами, которыя парами бродили по тротуару. Женщины заискивающими глазами смотрѣли на стариковъ и, должно быть, чтобы понравиться имъ отвѣчали тоже неприличной руганью по-англійски, французски и по-нѣмецки. Среди этихъ женщинъ встрѣчались совсѣмъ молодыя, почти дѣти иногда не старше тринадцати лѣтъ. И на нихъ особенно плотоядно заглядывались старики.

Лудильщикъ тяжело вздохнулъ и сталъ читать нараспѣвъ стихи Екклезіаста:

— Опять видѣлъ всякія угнетенія, какія совершаются подъ солнцемъ: и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и отъ руки угнетающихъ ихъ насиліе, а утѣшителя у нихъ нѣтъ... Счастливъ тотъ, кто еще не существовалъ, кто не видалъ худыхъ дѣлъ, какія совершаются подъ солнцемъ!

Хацкель, между тѣмъ, былъ занятъ другимъ. Онъ уже нѣкоторое время смотрѣлъ на громадныя, во всю стѣну, разрисованныя афиши, которыя встрѣчались тамъ и сямъ. Смѣлые, изящные и загадочные рисунки интриговали Хацкеля. На одной афишѣ виднѣлся, напримѣръ, громадный быкъ, плачущій надъ маленькой бутылочкой съ надписью: «Bovril». Снизу что-то было напечатано.

— Что это такое, Бенціонъ?—не выдержалъ, наконецъ, Хацкель.

— Объявленіе о мясномъ экстрактѣ. Быкъ плачетъ и говоритъ: «Бѣдный братъ мой, какъ они ухитрились тебя всунуть въ такую маленькую бутылочку!» Хорошія дѣла дѣлаютъ! Тотъ человѣкъ, который придумалъ слово «Bovril», получилъ отъ фирмы большой капиталъ. Видите, въ англійскомъ языкѣ и слова такого нѣтъ, а означаетъ оно многое. Есть романъ такой. Въ немъ описываются люди будущаго, которые все могутъ сдѣлать, потому что нашли жизненную силу всего — *вриль*. Вотъ *bovril* и означаетъ *вриль*, т. е. вся сущность изъ быка, изъ *бовиса*.

— А это что означаетъ? — указалъ Хацкель на картинку, на которой изображенъ былъ жизнерадостный старичекъ, съ косичкой, прыгающій черезъ заборъ.

— Попросту, объявленіе объ овсянкѣ. Фабрикантъ говоритъ: она даетъ столько силъ, что даже старикъ становится, видите, какимъ прыткимъ.

Хацкель теперь спрашивалъ объясненія по поводу каждаго яркаго рисунка, покуда компанія не подошла къ разрушенному кварталу. Тутъ прежде были лабиринты темныхъ, мрачныхъ, бѣдныхъ улицъ и переулковъ, воспѣтыхъ Диккенсомъ. Въ этомъ кварталѣ находилась «Лавка рѣдкостей», принадлежавшая дѣвушкѣ Нелли. Городъ скупилъ всѣ мурьи, выселилъ голытьбу въ новыя квартиры, снесъ старые дома и рѣшилъ прокладывать новый, великолѣпный проспектъ. Всюду торчали кучи мусора, ямы отъ старыхъ подваловъ, полуразваленныя стѣны съ выбитыми стеклами и ободранными обоями. Будущія улицы были обозначены деревянными щитами, облѣпленными цвѣтными афишами. Теперь, не смотря на поздній часъ, развалины кипѣли жизнью. Со всѣхъ сторонъ ползли черныя группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Откуда-то доносился рѣзкій стукъ барабана и ревъ мѣдныхъ инструментовъ.

На площади стояло нѣсколько громадныхъ жаровень, набитыхъ пылающимъ каменнымъ углемъ, распространявшимъ вокругъ себя тепло. Къ жаровнямъ тѣснились иззябшіе люди. Въ сторонѣ на трехъ рельсахъ подвѣшенъ былъ котелъ, въ которомъ шипѣло и бурлило что-то. Возлѣ котла стояли мужчины и женщины въ форменныхъ платьяхъ. У однихъ въ рукахъ были мѣдные иструменты и барабаны, у другихъ — полинялыя знамена изъ синяго и краснаго полотна съ желтой надписью: «Огонь или кровь! Что выберете вы: геену огненную или вѣчное спасеніе!»

Армія спасенія въ это время безработицы собрала много денегъ у щедрыхъ и сердобольныхъ людей, чтобы раздавать ночью голоднымъ по чашкѣ овсянки. Но заботясь о спасеніи потерявшихъ работу, армія угощала ихъ очень большими проповѣдями и очень маленькими чашками супа.

— Ликуйте и пойте! — крикнулъ запѣвало, толстый старикъ съ мясистымъ носомъ, въ синей курткѣ, поверхъ красной рубашки. Мѣдные инструменты заревѣли. Солдаты стали изо всѣхъ силъ колотить въ барабаны. Чѣмъ дальше, тѣмъ темпъ становился живѣе. Дѣвицы тянули на плясовой мотивъ религіозный гимнъ. На языкѣ арміи спасенія это называлось «упрощать евангеліе». Плясовой мотивъ имѣлъ цѣлью поднять духъ грѣшника и вселить въ него надежду.

— Живѣе, живѣе!—командовалъ между тѣмъ носатый запѣвало.

Онъ моталъ головой, размахивалъ руками, затѣмъ сталъ притаптывать, вывертывая жирныя ляжки.

Безработные стояли чинно и тихо. Они дожидались супа и боялись, что если пошевельнутся, то останутся при одной молитвѣ и пляскѣ, но безъ овсянки. Оркестръ умолкъ. Толпа вздохнула облегченно и пододвинулась на шагъ къ котлу; но она поспѣшила: ей предстояло еще предварительно прослушать проповѣдь.

Запѣвало заговорилъ, какъ всѣ англійскіе священники, съ завываніями, съ выкрикиваніями слова *Lord* (Господь), съ утомительными повтореніями на различные лады одного и того же предложенія. Проповѣдь заключалась въ комментированіи исторіи Сампсона. Сперва запѣвало разсказалъ про жизнь библейскаго героя и перечислилъ всѣ подвиги его.

— Ну, а теперь посмотримъ, какой урокъ можно извлечь изъ жизни Сампсона. Вы взгляните сперва на него, какъ на воина Господня, потому онъ, безъ сомнѣнія, былъ и солдатомъ, и полководцемъ. Правда, на личности Сампсона лежитъ нѣсколько большихъ, уродливыхъ пятенъ; но такъ какъ прошли уже съ тѣхъ поръ тысячи лѣтъ, то мы не должны быть особенно строги... Вотъ мы и разобрали по косточкамъ грѣхи Сампсона. А теперь я вамъ поставлю вопросъ: какой подвигъ вы совершили? Сдѣлали ли вы такое великое дѣло, которое удалось вамъ выполнить только съ помощью Духа Господня. А?—Проповѣдникъ остановился. Печальная, громадная толпа молчала, какъ будто боялась неудачнымъ отвѣтомъ потерять надежду на супъ.

— Знаютъ ли сосѣди,—продолжалъ ораторъ, — что-нибудь хорошее про васъ? Сдѣлали ли вы добро, про которое стоитъ говорить? Убили ли вы какого-нибудь филистимлянина? Разгромили ли вы враговъ Господнихъ? Одержали ли вы какую-нибудь побѣду надъ филистимлянами, которые живутъ въ вашей душѣ? Что вы сдѣлали съ ними? Если вы еще не убили этихъ враговъ, они живутъ еще внутри васъ. Вы дозволяете имъ, какъ Голіаѳу, гулять свободно и насмѣхаться надъ воинствами Господними. Вы должны выбрать одно изъ двухъ: либо огонь, либо кровь, т. е. или геену огненную, или вѣчное спасеніе.

Въ печальной толпѣ послышался глубокій вздохъ. Тамъ ждали, когда же будетъ, наконецъ, супъ.

— Пойте гимнъ номеръ 42,—крикнулъ носатый проповѣдникъ.—Затрещали барабаны, заревѣли мѣдныя трубы. Солдаты и солдатки арміи спасенія запѣли кисло и въ разноголосицу по книжечкамъ:

There is a fountain filled with blood,
Drawn from my Saviour's veins;
And sinners plunged beneath that flood,
Lose alle their guilty stains.

(Есть ручей, наполненный кровью, вытекшей изъ жилъ Спасителя. Грѣшникъ, который погрузился въ этотъ потокъ, омывается отъ всѣхъ пятенъ грѣха). Пѣвцы усердствовали. Музыканты дули такъ, что у нихъ посинѣли лица. Проповѣдникъ то прищелкивалъ пальцами, то чмокалъ губами, то пожималъ плечами и, наконецъ, къ великому негодованію Ониски, — сталъ подплясывать.

— Тю-тю, дурный!—крикнулъ онъ. Хацкель дернулъ пріятеля за пиджакъ. По просьбѣ товарищей, маленькій сапожникъ перевелъ имъ проповѣдь.

— Нѣтъ, не надо мнѣ супа,—заволновался лудильщикъ. — Я уйду. Мнѣ стоять здѣсь нельзя.

— Почему? — спросилъ на жаргонѣ съ изумленіемъ Бенціонъ.

— Ваше имя означаетъ *сынъ Сіона*, — съ упрекомъ сказалъ старикъ, — и вы должны знать, что въ талмудѣ сказано про дочь Сіона. Былъ нѣкогда мужъ, — продолжалъ онъ нараспѣвъ, — поклявшійся въ любви прекрасной и вѣрной дѣвѣ. Нѣкоторое время дѣва жила счастливо, и полное согласіе было между женихомъ и невѣстой. Но пришло время, когда жениху пришлось оставить свою невѣсту и онъ уѣхалъ. И долго ждала она; но женихъ не возвращался. Друзья жалѣли ее, а соперницы смѣялись надъ ней. Съ глумленіемъ указывали онѣ на нее и говорили: «онъ оставилъ тебя и никогда не вернется». И дѣва удалилась отъ всѣхъ и тайкомъ перечитывала письма, что женихъ писалъ ей, тѣ письма, въ которыхъ обѣщалъ вѣрность и преданность. И съ рыданіями перечитывала она эти письма, и въ нихъ находила она утѣшеніе, и вытирала она тогда слезы, и утѣшалась.

И наступилъ для нея радостный день. Ея возлюбленный возвратился. И узналъ онъ, какъ другіе сомнѣвались въ его возвращеніи, и спросилъ онъ дѣву, какъ сохранила она вѣру въ него. И показала она ему письма, въ которыхъ женихъ клялся такъ въ вѣрности.—У лудильщика задрожали губы; слеза покатилась по изрытой щекѣ и, какъ овечка въ лѣсу, исчезла въ сѣдой бородѣ.

— Израиль!—продолжалъ онъ, — въ нищетѣ, въ неволѣ надъ тобой глумились всѣ народы. Надъ твоими надеждами на возрожденіе смѣялись. Твоихъ мудрецовъ презирали, на твоихъ праведниковъ — плевали. Дочь Сіона удалилась въ свои школы и

синагоги. Она читала писанія, что далъ ей Господь и вѣрила святымъ обѣтамъ Его. Придетъ день, когда Господь освободитъ тебя, дочь Сіона. И когда Онъ спроситъ: «Какъ могла ты остаться вѣрной, когда всѣ народы глумились надъ тобой», она укажетъ на библію. «Развѣ Твой Завѣтъ не былъ единственной радостью моей?—скажетъ дѣва.—Не погибла ли бы я давно уже безъ него отъ скорби»?—Лудильщикъ заплакалъ и дрожащимъ голосомъ закончилъ:—Могу ли я ради ѣды слушать, какъ поносятъ эти шуты Завѣтъ? Я ухожу.

Хацкель, которому показалась скучной непонятная проповѣдь, заинтересовался между тѣмъ громадной, разрисованной афишей, занявшей весь деревянный щитъ. На афишѣ изображенъ былъ громадный китаецъ, окруженный кольцомъ присѣвшихъ на корточкахъ китайчатъ.

— Что это такое, скажите, пожалуйста? — спросилъ онъ Бенціона.

— Афиша мюзикъ-холла, кафе-шантана, значитъ. Тамъ показываютъ труппу китайскихъ пѣвцовъ и танцоровъ.

— И что же? — съ напряженнымъ любопытствомъ спросилъ Хацкель.

— Большія деньги дѣлаютъ эти китайцы. Я въ газетѣ читалъ. Хорошій *джобъ!* (дѣло).

Хацкель глядѣлъ на китайца, затѣмъ какая-то внезапная мысль сверкнула у портного въ головѣ, должно быть, пріятная, потому что онъ захохоталъ, привскочилъ и хлопнулъ себя по колѣну!

— Ой, что я придумалъ! — крикнулъ онъ. — Идемъ скорѣе, господа! Ну, ихъ къ чорту всѣхъ этихъ шарлатановъ съ ихъ супомъ!

Компанія послушно пошла за Хацкелемъ, который восторженно теръ руки.

— Ой, что я придумалъ!—повторялъ онъ.—Я читалъ въ книжкѣ, что одинъ грекъ или турокъ, а можетъ армянинъ, не помню уже,—когда залѣзъ въ ванну, придумалъ какое-то умное дѣло. Чтобы не забыть, онъ выскочилъ сейчасъ и такъ себѣ голый прямо побѣжалъ изъ бани домой и кричалъ по улицѣ: «нашелъ! нашелъ!» Ну, вотъ я тоже нашелъ!

— Да кажить вже!—допытывался Ониско.

— Если могутъ быть китайскіе танцоры, то почему же не быть русскимъ? Если китайцы дѣлаютъ деньги въ мюзикъ-холлѣ, то почему же намъ ихъ не дѣлать?—отвѣтилъ Хацкель вопросомъ же.—Я пою. Танцовать тоже умѣю. Бенціонъ поетъ. Благовістныкъ совсѣмъ хорошо поетъ. На *Блюхерѣ* его ночью заслу-

шивались. А раби Зельманъ, я знаю, канторомъ былъ, такъ, значитъ, тоже голосъ есть. Составимъ русскую труппу пѣвцовъ и танцоровъ. Паршивыхъ китайцевъ идутъ смотрѣть. А чѣмъ мы хуже ихъ?

Проектъ Хацкеля поразилъ всѣхъ своею неожиданностью и эксцентричностью.

— Мы малороссійскія пѣсни пѣть будемъ. Вотъ у насъ и учитель есть,—указалъ Хацкель на Благовістныка, который отъ изумленія раскрылъ даже ротъ.

— Какъ же мнѣ, старому человѣку, комедію играть?—спросилъ, наконецъ, лудильщикъ.

— Когда хочется кушать, тогда не то что по малорусски, а и по-гусиному запоешь!—сентенціозно отвѣтилъ Хацкель.—Да, наконецъ, зачѣмъ же быть постоянно на сценѣ? Пройдетъ зима, кончится *слэкъ* (заминка), найдется работа, тогда вы, раби Зельманъ, поступите въ мастерскую, вы, Ониско,—въ *ферничеръ шопъ*. Театръ тогда бросимъ. Только бы зиму перебѣдовать. Развѣ ходить по улицамъ лучше, чѣмъ танцовать на сценѣ? Мы дурного ничего не сдѣлаемъ, если будемъ пѣть.

Логика Хацкеля показалась убѣдительной. Не смотря на всю эксцентричность проекта, даже на упрямаго Ониску подѣйствовалъ доводъ: «если китайцамъ можно, то почему намъ нельзя».

— Слушайте, Хацкель,—нерѣшительно замѣтилъ полусдавшійся лудильщикъ,—но я по русски очень плохо говорю.

— Э, пустяки! А кому до этого дѣло? Кто васъ тутъ пойметъ? Вы только пойте хорошо, а вмѣсто словъ говорите: «ла-ла-ла».

Практичный Ониско замѣтилъ, что нужны «гроши», нужно «справить добру одежду»; но у Хацкеля на все былъ готовъ отвѣтъ. Костюмы, дѣйствительно, нужны; но денегъ можно добыть у «миддлмэна» Кауна, къ которому они попали съ корабля. Каунъ,—прямо сказать, мошенникъ, но у него зоркій глазъ, гдѣ касается *business*. Если обѣщать ему хорошую часть сбора, и если онъ увидитъ, что дѣло выгодное, то дастъ деньги на костюмы.

— И денегъ нужно немного,—развивалъ свой планъ Хацкель,—только на матеріалъ. Здѣсь онъ дешевый. Я вѣдь портной, такъ самъ сошью какіе угодно костюмы. Сапоги намъ смастеритъ Бенціонъ. Ура! Только бы утро скорѣе! Мы найдемъ Кауна. Увидите, мы у него еще перехватимъ два-три шиллинга на ѣду. Какъ думаете, Ониско, хорошо будетъ утромъ съ холоду выпить въ *кофишопъ* горячаго чаю? А? Съ булочкой!

Я не стану разсказывать подробно о переговорахъ съ мистеромъ Кауномъ, у котораго, дѣйствительно, оказался очень зоркій глазъ на *business*. Мистеръ Каунъ устроилъ предварительно

экзаменъ: Хацкель вихремъ откололъ казачка, при чемъ Ониско глубокимъ басомъ пѣлъ.

> Ой чомъ не прійшевъ,
> Якъ я говорила,
> Цілый вечеръ у сінныку
> Свічка прогоріла.

Лудильщикъ пѣлъ тоже очень хорошо, правда, на восточный ладъ, съ тягучими переливами, но чисто и пріятно. Мрачный Бенціонъ подавалъ большія надежды стать такимъ же плясуномъ, какъ и Хацкель. Послѣ экзамена мистеръ Каунъ внушительно сморщилъ брови и оттопырилъ губы.

— Да!—сказалъ онъ, наконецъ, поправляя пенснэ.—Ничего, но только пѣвицы нужны. Хотя бы двѣ. Безъ нихъ антрепренеръ не возьметъ труппы. Найдите пѣвицъ и покажите мнѣ ихъ. Если подойдутъ, я дамъ на костюмы три фунта и съ антрепренеромъ поговорю.

Труппа пришла было въ полное отчаянье; но тутъ Хацкель вспомнилъ про миссъ Голду и миссъ Перлъ, съ которыми вмѣстѣ прибылъ въ Лондонъ.

У дѣвицъ, какъ разъ, кончалась работа: сдана была громадная партія жилетовъ и въ будущемъ вырисовывался *слэкъ* со всѣми ужасами голода. Дѣвицы сразу согласились принять участіе въ труппѣ. Хацкель повелъ ихъ къ мистеру Кауну. Онъ остался вполнѣ доволенъ ихъ пѣніемъ и танцами (дѣвицы прошлись вмѣстѣ съ Хацкелемъ), но тутъ дѣло чуть-чуть не разстроилось.

— Нужно, миссесъ, сшить себѣ для сцены не такіе костюмы, въ которыхъ русскія ходятъ: нужны юбки до колѣнъ, и чтобы сверху кофточки открыты были до этихъ поръ.

Миссъ Голда и миссъ Перлъ категорически заявили, что онѣ «честныя дѣвушки» и лучше будутъ голодать, чѣмъ покажутся съ открытыми плечами и въ короткихъ юбкахъ. Произошелъ упорный торгъ за лифы и юбки и, наконецъ, сошлись на компромиссѣ: дѣвушки отстояли закрытыя до горла блузы, за то приняли короткія юбки. Все уладилось.

— Ну, а какъ же ваша труппа называется?—спросилъ Каунъ, когда выговорилъ себѣ по 30% съ каждаго выхода.

— Вы у насъ старшій, рабн Зельманъ,—отвѣтилъ Хацкель.— Вы лудили самовары, пусть и будетъ поэтому «русская труппа Самоварова». Съ этимъ всѣ согласились.

На другой день начались репетиціи. А черезъ двѣ недѣли мистеръ Каунъ переговорилъ съ антрепренеромъ, и «труппа Самоварова» получила ангажементъ въ мюзикъ-холлѣ на Кэмбриджъ-Роодъ, въ Уайтчепелѣ.

IV.

— Когда хочется кушать, тогда не то что по-малорусски, но по гусиному запоешь! - Этотъ афоризмъ Хацкеля припомнился всѣмъ участникамъ «труппы русскихъ пѣвцовъ и танцоровъ Самоварова» «The Samovaroffs», какъ гласила афиша, когда они съ бьющимися сердцами, прижимая къ груди узелки съ костюмами, подходили къ актерскимъ дверямъ мюзикъ-холла на Кэмбриджской улицѣ.

— Танцюй, враже, якъ панъ каже!—безнадежно махнулъ рукой и прищелкнулъ языкомъ Ониско.

— А вы думаете что?—сразу угадалъ его мысль лудильщикъ.— Будешь танцовать, когда никому мои руки не нужны! Я очень хорошо васъ понимаю, пане Благовѣстникъ! Вы думаете, мнѣ, въ сорокъ пять лѣтъ, честному ремесленнику и не послѣднему талмудисту, легко танцовать и быть шутомъ? У меня, пане, внучка есть уже!—лудильщикъ скорбно покрутилъ головой.

Миссъ Голда и миссъ Перлъ дрожали, какъ въ лихорадкѣ, шли съ опущенными глазами и робко жались другъ къ другу. Бенціонъ былъ мраченъ, злобно сдвигалъ брови, и нижняя губа его вздрагивала постоянно. Одинъ только Хацкель проявлялъ необыкновенную, не совсѣмъ естественную, развязность.

Къ актерскимъ дверямъ нелегко было добраться. Рядомъ, за угломъ, находились двери, ведущія въ «питъ», т. е. въ глубь партера, гдѣ наиболѣе дешевыя мѣста въ англійскихъ народныхъ театрахъ. Здѣсь стоялъ уже. выстроившись парами, безконечный хвостъ зрителей. Большею частью, то были молодые люди, въ твидовыхъ шапочкахъ, съ яркими шелковыми шейными платками, замѣнявшими и галстухъ, и воротнички. Стояли тутъ также матросы, солдаты въ яркихъ красныхъ курткахъ и парни, явившіеся, повидимому, изъ доковъ. Мужчины явились со своими «душеньками», sweethearts, дѣвицами въ громадныхъ шляпкахъ. съ яркими перьями невѣроятныхъ цвѣтовъ. Дѣвицы взвизгивали часто отъ остротъ своихъ молодыхъ людей или просто отъ восторга.

Полилъ дождикъ, частый, какъ изъ лейки. Толпа раскрыла зонтики, но жизнерадостное настроеніе нисколько не уменьшилось. Явились желающіе выпросить что-нибудь у этой благодушной публики, собравшейся веселиться.

Подошли четыре «минестреля», выряженные неграми, и, коверкая языкъ, запѣли шуточные куплеты. Какой-то чисто одѣтый, гладкій, хорошо откормленный мужчина съ актерскимъ лицомъ сталъ изображать Наполеона, Чэмберлэна, лорда Биконфильда,

меньше далъ возможность недовольнымъ свистать. По программѣ нумеръ назывался: «Самый лѣнивый жонглеръ въ мірѣ». Дѣйствительно, когда занавѣсъ поднялся, жонглеръ лежалъ въ постели, закутавшись съ головой въ одѣяло. Задребезжалъ стоявшій у постели на столикѣ будильникъ. «Самый лѣнивый жонглеръ въ мірѣ» проснулся, высунулъ голову изъ одѣяла, схватилъ туфлю, шлепнулъ ею по будильнику, такъ что тотъ разлетѣлся въ дребезги, и опять залѣзъ подъ одѣяло. Въ залѣ раздались апплодисменты. Женщины даже взвизгнули отъ восторга. Жонглеръ разстался, затѣмъ, съ постелью и, въ бѣльѣ, сталъ отыскивать что-то подъ кроватью и въ шкафу ночного столика. Снова раздался визгъ. Лѣнтяй, наконецъ, нашелъ, что искалъ—туфлю и сталъ подбрасывать сперва умывальную лоханку, потомъ кувшинъ и тарелки. Дѣло не спорилось. Жонглеру хотѣлось спать, и онъ, каждый разъ къ великому удовольствію зрителей, забирался подъ одѣяло. Лоханка и кувшинъ падали на землю, а женглеръ, выпрыгнувъ изъ постели, разбивалъ ихъ молоткомъ. И чѣмъ больше появлялось черепковъ на сценѣ, тѣмъ бѣшенѣе становился восторгъ публики. Лѣнивый жонглеръ потомъ нацѣпилъ усы и бороду изъ крученой проволоки, подбросилъ нѣсколько рѣпокъ и поймалъ ихъ на усы. Затѣмъ онъ предложилъ кому-нибудь изъ публики бросить ему рѣпку, чтобы и ее поймать на усы. Рѣпка, однако, вмѣсто усовъ, попала въ лобъ жонглеру, который свалился. При этомъ все бѣлье треснуло, а фокусникъ остался въ трико. Въ оркестрѣ загудѣли всѣ барабаны. Жонглеръ, придерживая спадавшее бѣлье, полѣзъ подъ одѣяло. Раздались продолжительные апплодисменты.

А въ «питѣ» недоразумѣніе между солдатами и матросами увеличивалась. Какой-то бритый морякъ, въ широчайшихъ штанахъ, болтавшихся надъ башмаками, какъ подолы юбки, все доказывалъ солдату, затянутому какъ въ корсетѣ, что отбивать «душенекъ»—подлость. Матросъ только что возвратился изъ Вальпарайзо и встрѣтилъ въ мюзикъ-холлѣ свою душеньку объ руку съ солдатомъ. Были такіе, которые приняли сторону матроса. Были и такіе, которые заступились за солдата. На улицѣ или на площади недоразумѣніе быстро разрѣшилось бы поединкомъ, т. е. хорошимъ боксомъ; но въ «питѣ» драться не позволяла корпоративная честь и присутствіе «душенекъ». Недовольство копилось и искало выхода. Матросы и солдаты хотѣли бы теперь, чтобы кто-нибудь на сценѣ осрамился, провалился съ позоромъ, такъ, чтобы можно было затюкать его, оглушить свистками, забросать яблоками, картофелемъ, гнилыми яйцами и томатами. А между тѣмъ, и третій номеръ не явился громоотводомъ. Выступили два борца, въ трико, въ коротенькихъ штанишкахъ,

вродѣ купальныхъ. У одного борца штанишки были сшиты изъ американскаго знамени, у другого — изъ краснаго полотна съ полулуніями. То были герои лондонскихъ народныхъ мюзикъ-холловъ: американскій силачъ Билли Пипкинъ и «страшный турокъ» Ахметъ Мадрили, «чэмпіонъ его величества султана Абдулъ-Гамида». Бойцы пожали другъ другу руки, затѣмъ сплелись и стали жать одинъ одного. Англійская толпа можетъ часами любоваться на драку. Солдаты и матросы на время забыли про ссору и, затаивъ дыханіе, слѣдили за борьбой. Раздавались только отрывистыя восклицанія.

— Впередъ, Билли.

— Нажимай, Ахметъ! Не робѣй.

Но вотъ Билли сжалъ, какъ желѣзнымъ кольцомъ, турка, поднялъ его, при чемъ отъ страшнаго напряженія лицо американца посинѣло, а двуглавыя мышцы напружились, какъ шары, и бросилъ на полъ.

— Побѣжденъ!—крикнули въ залѣ.

— Нѣтъ еще! Какое! Одно только плечо касается пола.

Билли всею своею громадною тяжестью навалился на турка, стараясь прижать его, по правиламъ, обоими плечами къ землѣ. Ахметъ барахтался. Черные глаза его сверкали злобой, зубы оскалились. Казалось, два троглодита ведутъ между собою смертельный бой. Но вотъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Турокъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе, подкинулъ американца, повалился на него и придавилъ къ полу. Билли вынесли за кулисы, такъ какъ онъ упалъ въ обморокъ, и здѣсь отлили водой.

Въ залѣ апплодировали, кричали *ура* въ честь турка, женщины визжали отъ восторга...

— Труппа Самоварова, готовься! — крикнулъ режиссеръ. У мужчинъ и женщинъ сердце, какъ будто, сразу оборвалось. Между тѣмъ, занавѣсъ снова подняли, и музыка заиграла ритурнель. Подъ эти звуки вся труппа Самоварова должна была выскочить съ гикомъ (режиссеру казалось, что русскимъ пѣвцамъ, какъ и краснокожимъ, приличествуетъ военный кличъ) и присвистомъ. Впереди долженъ были пойти въ присядку отъ кулисъ къ рампѣ Хацкель, за нимъ Бенціонъ, потомъ Благовістныкъ, далѣе лудильщикъ съ большимъ бубномъ въ рукахъ. Мужчины имѣли наказъ выстроиться у рампы и дожидаться миссъ Голды и миссъ Перлъ, которыя, подбоченившись и игриво мотая головой, должны были подбѣжать къ нимъ. Затѣмъ уже слѣдовало пѣть. Все это репетировалось много разъ и, не смотря на жестокій страхъ, не вывалилось изъ памяти труппы. Когда ритурнель кончилась, и дирижеръ стукнулъ палочкой, Хацкель съ отчаянной рѣшитель-

ностью зайца, который знаетъ, что ему неминуемо слѣдуетъ выпалить изъ пистолета, зажмурилъ глаза, гикнулъ и, подбоченившись, выскочилъ на сцену. Онъ не слышалъ ни гика Бенціона, ни бубна лудильщика. Всѣ эти звуки потонули, какъ заглушается топотъ коня громовыми раскатами. Случилось нѣчто ужасное. Объектъ для ненависти у недовольныхъ матросовъ и солдатъ сразу нашелся. Затаенное раздраженіе, накоплявшееся весь вечеръ, вылилось. Оно сконденсировалось еще зрѣлищемъ дерущихся людей. И когда труппа Самоварова показалась на сценѣ, въ залѣ раздался отчаянный, злобный вопль: «долой! Не нужно!» Кричавшіе смутно понимали, что необходимъ какой-нибудь мотивъ, чтобы злобно обрушиться на этихъ, странно наряженныхъ людей, которые только что выскочили изъ-за кулисъ. И поводъ такъ же быстро нашелся, какъ вырвался потокъ злобы.—Кишиневъ, Кишиневъ!—кричала толпа.

Хацкель топтался на одномъ мѣстѣ. Благовістныкъ широко раскрылъ руки, какъ бы спрашивая у аудиторіи: «за что?» Лудильщикъ стоялъ, какъ пораженный громомъ, и только тихо бормоталъ слова молитвы: «внемли, Израиль, Господь нашъ—Господь единый!» А публика входила все больше и больше во вкусъ скандала. Тысяча глотокъ тянули: «долой со сцены!» Яблоки, апельсины и печеный картофель летѣли градомъ.

Кто-то швырнулъ на сцену палку. Кто-то метнулъ раскрытый складной ножъ, какой носятъ обыкновенно англійскіе матросы. Дѣло могло принять серьезный оборотъ, и занавѣсъ опустили. Запыхавшійся режиссеръ велѣлъ музыкѣ играть «Rule Britannia». Сперва ничего нельзя было разслышать; но потомъ звуки патріотической пѣсни подѣйствовали успокоительно. Когда публика затихла, режиссеръ заявилъ, что «Труппа Самоварова», согласно желанію зрителей, не выступитъ. Это сообщеніе встрѣтили громкими аплодисментами.

А за кулисами труппа Самоварова стояла, какъ оцѣпенѣлая. Потомъ миссъ Голда и миссъ Перлъ стали горько плакать.

— За що? Хиба мы имъ щось зробылы?—наконецъ, началъ Ониско.

— Вы, Благовістныкъ, христіанинъ, поэтому допытываетесь, когда бьютъ, за что именно,—горько началъ Хацкель.—А мы вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ, какъ привыкли къ этому.

— Что они кричали?—спросилъ и лудильщикъ.

— Видите ли, — саркастически объяснилъ Бенціонъ,—въ Кишиневѣ насъ били за то, что мы евреи, а здѣсь бьютъ за то, что хотятъ заступиться за насъ.

Дѣвушки плакали все сильнѣе и сильнѣе. Русскую труппу окружили клоуны, гимнасты и фокусники. Всѣ они сочувствовали

горю товарищей, которыхъ прогнали со сцены, не давъ даже себя показать.

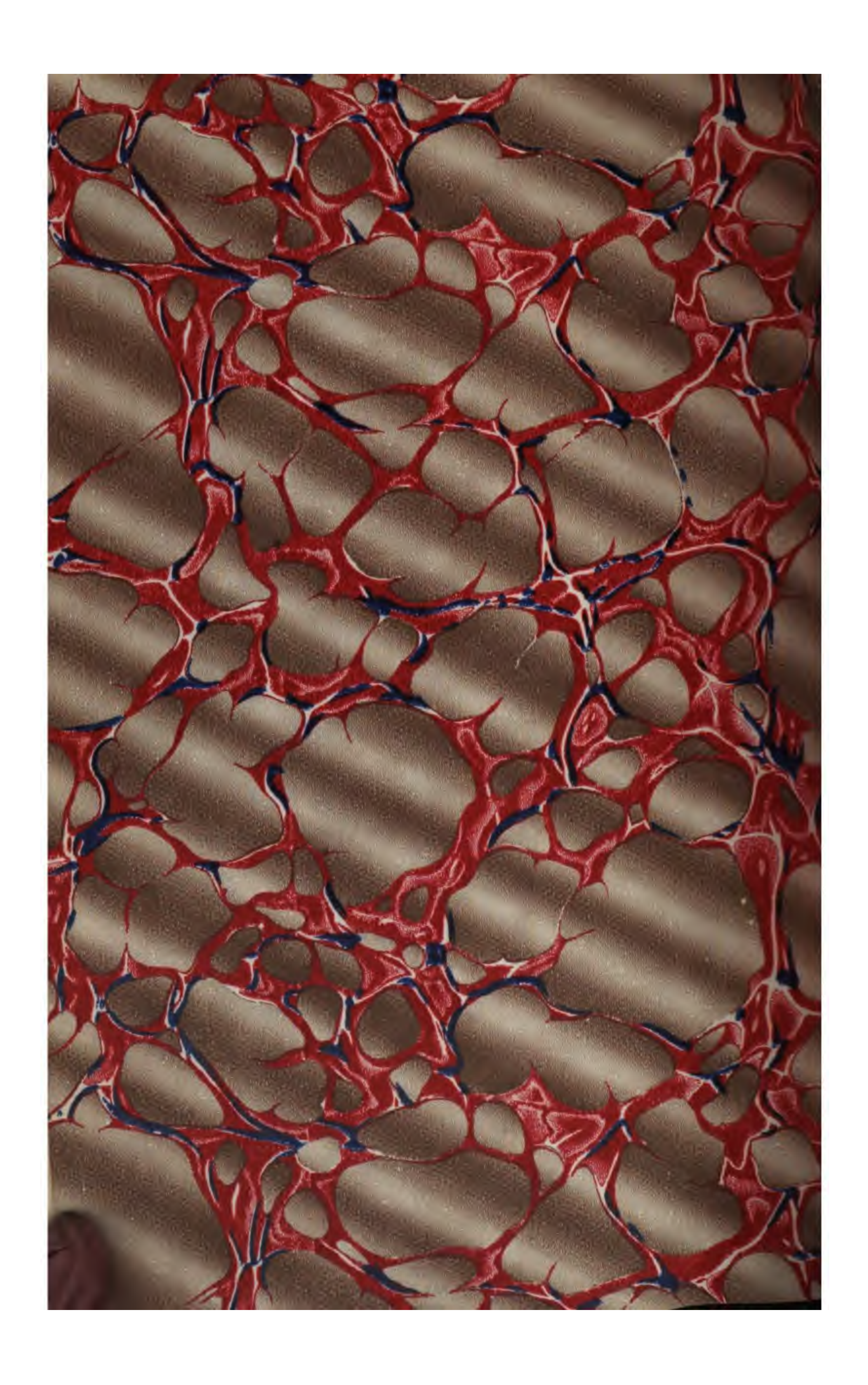
— Cheer up! — крикнулъ подкатившійся толстый режиссеръ.— Дѣло еще поправится. Антрепренеръ говоритъ, что если бы публика не взбѣсилась, какъ зайцы въ мартѣ, вы имѣли бы большой успѣхъ. Cheer up, misses! Cheer up, old chap!—хлопнулъ онъ по плечу лудильщика, который все еще не рѣшался разстаться съ бубномъ.—У меня для васъ нѣчто хорошее. Завтра вы выступите въ другомъ нашемъ мюзикъ-холлѣ, въ сѣверномъ Лондонѣ. Тамъ вы, навѣрное, будете имѣть успѣхъ. А теперь антрепренеръ велитъ вамъ идти въ кассу получать по 10 шил. Cheer up!

И труппа Самоварова, дѣйствительно, воспрянула духомъ. Десять шиллинговъ, во всякомъ случаѣ, представляло уже нѣчто, что даже съ плохимъ знаніемъ англійскаго языка не трудно было превратить въ ужинъ и въ ночлегъ. А впереди рисовались еще обезпеченные ужины и еще ночлеги...

Опытный антрепренеръ не ошибся. Труппа Самоварова, дѣйствительно, имѣла большой успѣхъ. Въ настоящее время, впрочемъ, изъ стараго состава остались въ ней только Хацкель, миссъ Голда и миссъ Перлъ. Хацкель теперь одѣтъ щеголемъ, питаетъ пристрастіе къ краснымъ жилетамъ съ черными мушками и черезъ слово ввертываетъ: «мы, артисты». Ониско Благовістныкъ работаетъ въ мебельной мастерской, получаетъ 35 шил. въ недѣлю, вполнѣ счастливъ, завелъ книжку въ сберегательной кассѣ и ведетъ переговоры съ «еврейскимъ Кукомъ» о томъ, чтобы выписать жену и дѣтей изъ Широкой Гребли. Лудильщикъ нашелъ работу на фабрикѣ, гдѣ готовятся жестяныя коробки для консервовъ.

По субботамъ его можно видѣть въ черномъ сюртукѣ, изъ задняго кармана котораго выглядываетъ красный платокъ, и въ цилиндрѣ. Съ Благовістныкомъ лудильщикъ въ большой дружбѣ. Бенціонъ на первыя скопленныя деньги купилъ билетъ и уѣхалъ въ Канаду. У него свои широкіе планы, о которыхъ, быть можетъ, я разскажу когда нибудь.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

DA 625 .S538 C.1
Angliiskie siluety.
Stanford University Libraries
3 6105 034 269 360
625
.S538
DATE DUE

